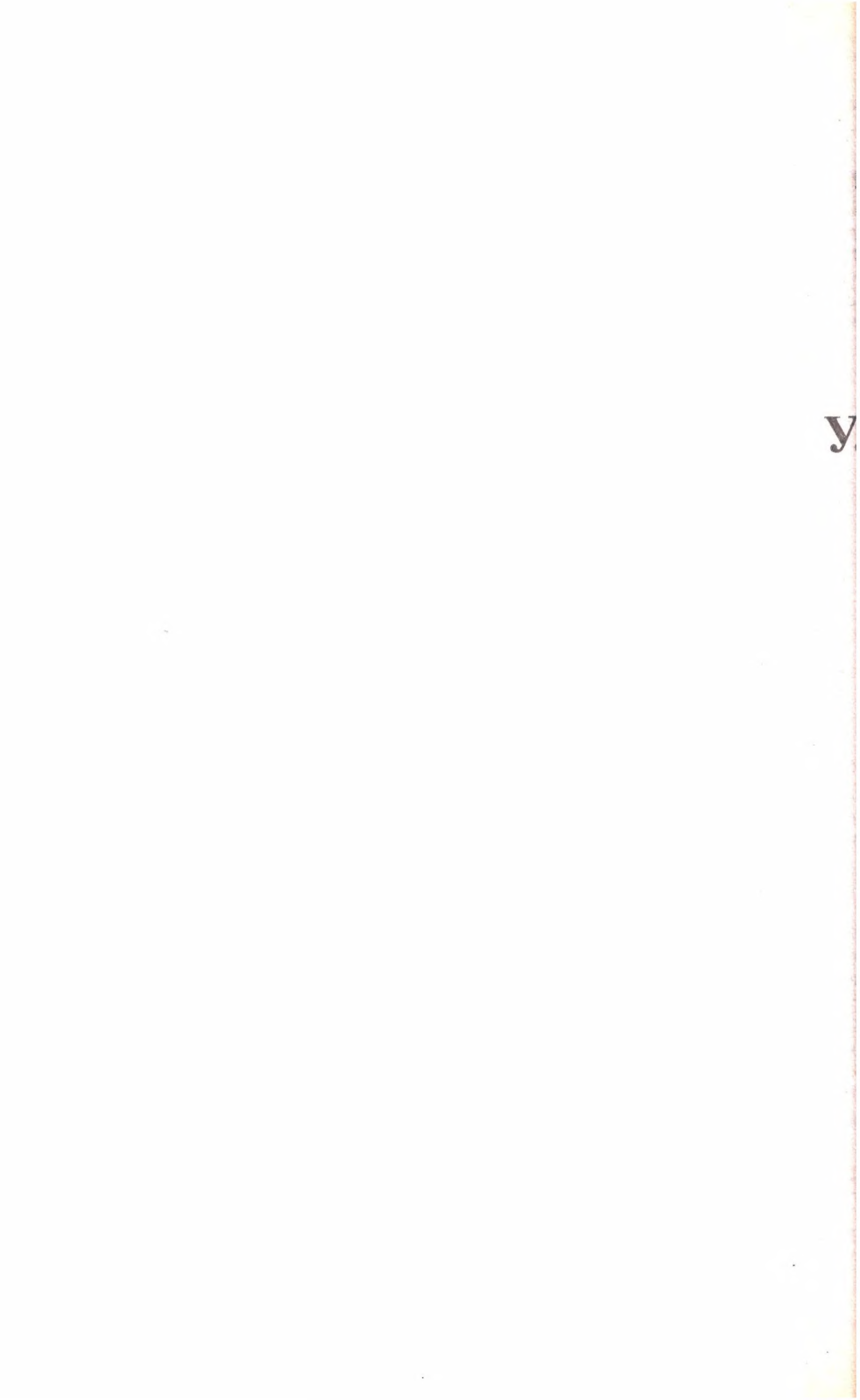

Тайны Великих
М. Г. Штейн
Ульяновы и Ленины
семейные тайны

СЕРИЯ «ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ»

М. Г. Штейн

УЛЬЯНОВЫ И ЛЕНИНЫ

Семейные тайны

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Нева»
2004

ББК 63.3-8
Ш 88

Штейн М. Г.
Ш 88 Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. – 512 с.
ISBN 5-7654-3608-0

На протяжении многих десятилетий даже исследователи жизни и деятельности В. И. Ульянова (Ленина) ничего толком не знали о его происхождении. А те, кто знали, не имели возможности говорить правду. Советская власть обнародовала версию о русском происхождении Ленина, тем самым полностью перечеркнув всю его семейную генеалогию.

В книге М. Г. Штейна рассматривается истинная родословная В. И. Ленина, история его предков по отцовской и материнской линии и ближайших родственников, в том числе немецких родов Курциусов, Вайцзеккеров и др.

Автор использует в своей книге документы и материалы из многочисленных российских архивов и работы немецких и шведских исследователей.

ББК 63.3-8

ISBN 5-7654-3608-0

Посвящается моим родным и близким

Автор благодарен за оказанную помощь в работе над книгой сотрудникам Архива Президента РФ, Государственного архива РФ, Российского государственного исторического архива, Российского государственного Военно-исторического архива, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального государственного исторического архива С.-Петербурга, Центрального государственного архива С.-Петербурга, Санкт-Петербургского филиала государственного учреждения «Архив Российской Академии наук», Национального архива Республики Татарстан, Государственных архивов Астраханской, Житомирской (Украина), Нижегородской, Смоленской областей, Российской национальной библиотеки, Библиотеки Академии Наук, Научной библиотеки имент М. Горького С.-Петербургского университета, Управления ФСБ Архангельской, Астраханской и Ярославской областей, а также Ансберг О. Н., Бройтман Л. И., Вареховой С. И., Вороновой Г. В., Гассельблату Г. В., Гоц Н. А., Думину А. С., Кабалкину Г. А., Колосову Л. Л., Красновой Е. И., Лапидус А. Я., Лукоянову А. Н., Могильникову В. А., Певзнеру М. М., Рыхлякову В. А., Сосненко Н. И., Стрельцовой Л. Е., Тихонову И. С., Шепелеву В. Н., Шехтман Е. З., Шмину Д. В., Шпякиной Г. Н., Шумкову А. А., Юрковской Л. А.

Тайна сейфов Центрального партийного архива *(вместо введения)*

Открыв 22 апреля 1990 г. газету «Аргументы и факты», я с интересом и немалым удивлением прочел интервью племянницы В. И. Ульянова (Ленина)*, кандидата химических наук, доцента МГУ, Ольги Дмитриевны Ульяновой. Касаясь общих вопросов ленинианы, она утверждала, что свыше тридцати лет изучает ульяновские архивы и поэтому уверенно может обсуждать семейную генеалогию. Мне было непонятно, почему О. Д. Ульянова, утверждая, что предки по линии И. Н. Ульянова – «это русские люди», ничего определенного не может сказать о предках своей бабушки М. А. Ульяновой (в девичестве Бланк). «Она тоже русская, – пишет О. Д. Ульянова, – хотя бытует мнение о шведской ветви. Однако документально это не подтверждено»[1].

Непонятно, зачем весной 1990 г., когда фактически уже не действовала цензура, когда были сняты многие ограничения, тиражом 33 392 200 экземпляров заявлять об отказе от своих предков? Корректировать свою родословную, как в былые времена, когда власть предержащие категорически запрещали даже намеки на присутствие нерусской крови в жилах В. И.? Зачем слепо следовать за бывшими «подручными партии», которые выполняли указания свыше, не заботясь об исторической истине?

В качестве примера можно привести безапелляционные утверждения бывшего редактора «Горьковской правды» И. А. Богданова, писавшего в 1969 г.: «Мне не раз приходилось не только слышать, но и встречать в литературных источниках различные версии о национальном происхождении В. И. Ленина. Писалось, будто дед Ильича принадлежал к крещеным калмыкам. Были и другие утверждения (какие, И. А. Богданов не пишет. – *М. Ш.*). Конечно, за желание видеть в Ильиче, этом великом интернационалисте, черты своей нации трудно кого-либо осуждать.

Найденные в Астраханском и Горьковском архивах документы вносят абсолютную ясность в вопрос о национальной принадлежности деда и отца Ленина. В списках мужского населения

---

* Далее – В. И.

Астрахани для рекрутского набора 1837 г. записано: "Николай Васильев Ульянин, у него дети – Василий – 14 лет, Илья – 2 лет. Коренного российского происхождения".

Тут уж другие толкования исключаются. Вопрос о национальном происхождении, может быть, и не столь важный, но историческая чистота фактов – прежде всего»[2].

С последними словами нельзя не согласиться. Поэтому, ознакомившись с интервью О. Д. Ульяновой, я решил рассказать о том, что мне известно по генеалогии В. И., изучением которой занимаюсь с 1964 г. Письмо на двенадцати машинописных страницах я отослал в редакцию газеты «Аргументы и факты», но ответа не получил. Спустя месяц вновь обратился в редакцию и просил сообщить о том, как поступили с моим письмом. И снова никакого ответа. Конечно, я понимал, что сообщенные мною факты требуют согласования публикации с ЦК КПСС, ведь я наступал на любимую мозоль тогдашнего партийного руководства – великодержавный шовинизм, открыто ставя под сомнение многолетние утверждения, что в жилах основателя и вождя коммунистической партии и Советского государства течет только русская кровь. Но редакция «Аргументов и фактов» вообще не сочла нужным мне ответить. Тогда я решил поискать в Ленинграде (так тогда назывался Санкт-Петербург) печатный орган, который рискнул бы опубликовать мою статью. Благодаря помощи известной писательницы Н. С. Катерли рукопись оказалась в редакции органа ленинградского отделения Союза писателей газеты «Литератор». Ознакомившись с ней, главный редактор «Литератора» Г. В. Балуев дал добро на публикацию. Так статья, уже в расширенном виде, увидела свет.

Сразу после выхода «Литератора» с моей статьей[3] экземпляр газеты был послан старшим научным сотрудником ленинградского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС доктором исторических наук, профессором Т. П. Бондаревской в головной институт. Но в ИМЛ, так же как и в Центральном партийном архиве ИМЛ, молчали.

Статья из «Литератора» была перепечатана в журнале «Слово» (1991, № 2) под названием «Род вождя», а затем и в ряде других изданий. В 1992 г. вышла в свет книга А. Арутюнова «Феномен Владимира Ульянова (Ленина)»[4], где он касается генеалогии В. И. (к некоторым моментам его трактовки этой темы я еще вернусь). Из моей статьи Арутюнов заимствовал генеалогическую схему, поместив ее на последней странице книги после оглавления в выходных данных. От себя он добавил в схему лишь пунктирную линию, указав, что «ветвь Ульянова – версия», а также дал краткие сведения о городе Упсала (перепутав, правда, город Упсала, который является родиной шведских предков Ульяновых и основан в XII в., с древней столицей Швеции, так называемой старой Упсалой, сгоревшей в 1245 г. и находившейся в

5 километрах от новой Упсалы). При этом Арутюнов «забыл» указать источник, откуда он извлек схему.

Вскоре после этого газета «Книжное обозрение» опубликовала письмо читателя Г. Лятиева, где он утверждал, что «"генеалогическое древо" Ленина давно изучено и в 40-х гг. опубликовано», и далее называл годом первой публикации в России – 1992 г., со ссылкой на книгу Арутюнова[5].

Г. Лятиев ошибается. Почти всю генеалогию рода Ульяновых описала М. С. Шагинян в 1937 г. в романе «Билет по истории». Полностью ей это не удалось сделать до конца дней, хотя, начиная с 1965 г., когда были выявлены документы о происхождении А. Д. Бланка, она предпринимала все от нее зависящее, чтобы это произошло. То, что не удалось сделать М. С. Шагинян, смог, как уже сказано, осуществить я.

Касается вопросов генеалогии В. И. и Д. А. Волкогонов в своей работе «Ленин. Политический портрет». Он совершенно справедливо пишет, что этническая характеристика В. И. всегда тщательно затушевывалась, наряду со стремлением придать ему, если не пролетарское, то хотя бы «батрацкое» происхождение, а в другом месте отмечает: «В официальных биографиях Ленина почти ничего не говорится о родителях матери и отца Ульяновых, об их национальном происхождении... Официальным биографам очень не хотелось отмечать редкое смешение крови в генеалогическом древе, на котором появился плод в лице Володи Ульянова. Ведь считалось естественным, само собою разумеющимся, что вождь российской революции должен быть русским!»[6].

На мой взгляд, Д. А. Волкогонов в последней фразе напрасно увел в подтекст мысль о том, что это считалось «естественным» только «И. В. Сталиным и его преемниками на посту руководителей партии и членами Политбюро всех созывов». Но главное сказал, упомянув все нации, давшие миру В. И. И это вызвало новый гнев шовинистов.

Такова предыстория снятия завесы секретности с родословной В. И. И сегодня есть силы, которые пытаются любыми путями скрыть правду об этом. Но генеалогия – наука точная, подтасовок не терпит. Только и изучать ее, и информировать общество о полученных результатах необходимо спокойно, без надрыва и идеологической зашоренности. Основатель аналитической психологии К. Г. Юнг писал: «Психология состояния тождества, предшествующего Я-сознанию, показывает, чем является ребенок благодаря влиянию родителей. Однако причинной связью с родителями едва ли можно объяснить, чем является ребенок как отличная от родителей индивидуальность. Можно даже рискнуть предположить, что не родители, а скорее генеалогии родителей (деды и прадеды, бабки и прабабки) являются подлинными породителями детей и больше объясняют их индивидуальность, чем сами непосредственные и, так сказать, случайные родители. Так же и подлинная душевная индиви-

дуальность ребенка есть новое в сравнении с психикой родителей явление, не выводимое из ее особенностей. Она образует комбинацию коллективных факторов, присутствующих в психике родителей лишь потенциально и весьма часто совершенно невидимых. Не только тело ребенка, но и его душа происходит из ряда предков, поскольку этот ряд индивидуально отличен от коллективной души человечества»[7].

Поэтому, чтобы понять В. И. как человека и политика, мы должны тщательно изучить его генеалогию.

Глава I

ПОГРОМЫ В АРХИВАХ

1. Дело № 59

В 1964 г. я наконец решил прочитать давно приобретенный на книжном развале у здания бывшей петербургской Городской думы том произведений М. С. Шагинян[1]. В нем содержался, в частности, роман «Семья Ульяновых», о запрете первого издания которого в тридцатые годы я слышал еще будучи студентом Ленинградского финансово-экономического института.

Прочитанное поразило меня. До этого, как и подавляющее большинство советских людей, я был убежден: все сказанное в официальной краткой биографии В. И. – истина в последней инстанции. А здесь на меня обрушилась лавина ранее неизвестной информации. Соответственно возникли и вопросы. И я начал пытаться получить на них ответы из всех доступных источников. Прежде всего познакомился с тем, что написали о происхождении В. И. его близкие – Н. К. Крупская и двоюродный брат Н. И. Веретенников. О том, что у вождя было 33 двоюродных брата и сестры, я не догадывался, хотя слышал, правда, мельком об Ардашевых. Однако это моих сомнений не разрешило. Из прочитанного стало ясно одно: близкие В. И. и те, кто в своих исследованиях касались его родителей, старались аккуратно обходить вопросы генеалогии. В итоге больше всего сведений по этой теме оказалось в романе М. С. Шагинян.

«Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич Ульянов был родом из бедных мещан города Астрахани»[2], – скромно писала в вышедших в свет в 1926 г. «Воспоминаниях об Ильиче» А. И. Ульянова-Елизарова, хотя в детстве ездила в гости к бабушке Анне Алексеевне в Астрахань и наверняка знала о калмыцком происхождении своего отца. Знала наверняка и генеалогию матери М. А. Ульяновой.

Через пять лет, в 1931 г., А. И. Ульянова-Елизарова решила кое-что дополнить и уточнить: «Отец Илья Николаевич происходит из мещан г. Астрахани. По некоторым, не вполне проверенным данным, дед Владимира Ильича был портным.

По национальности Илья Николаевич был русским, но некоторая примесь монгольской крови несомненно имелась, на что указывали несколько выдающиеся скулы, разрез глаз и черты лица. В Астрахани, как известно, значительную часть населения составляли издавна татары (не намек ли это на татарское происхождение? – *М. Ш.*).

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача, передового, по своему времени, идейного человека,

не умевшего прислушиваться и сколачивать деньгу и потому не сделавшего себе карьеры»[3].

Итак, Илья Николаевич, по национальности – русский, а Мария Александровна – дочь врача. Дочь врача – это бесспорно. Но кем же был по национальности врач Бланк? А. И. Ульянова-Елизарова хорошо об этом была осведомлена, но молчала не по своей воле. В 1932 г. она просила И. В. Сталина разрешить ей опубликовать эти сведения, но получила категорический отказ. Примерно в том же духе пишет о родителях и М. И. Ульянова. В отличие от Анны Ильиничны она вообще не называет национальность Ильи Николаевича: «Он происходил из бедной мещанской семьи. Дед его был крестьянином, а отец жил в городе и служил в каком-то торговом предприятии (по профессии он был портным)»[4]. А в очерке о Марии Александровне указывает лишь, что ее отец А. Д. Бланк происходил из мещан[5].

Столь же скупа на подробности и Крупская: «Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был простого звания из астраханских мещан»[6]. И здесь недомолвка. Да, Илья Николаевич происходил из семьи мещан. Но ко времени рождения сына Владимира он был инспектором народных училищ и имел чин коллежского советника, приравнивающийся к воинскому званию полковника, и, следовательно, был личным дворянином. А в конце жизни Илья Николаевич – директор народных училищ и действительный статский советник, т. е. фактически генерал-майор, кавалер многих орденов, что давало право на потомственное дворянство.

Что же касается А. Д. Бланка, то Н. К. Крупская очень уклончиво говорит о его происхождении.

Тщательно изучив все написанное в нашей лениниане, начиная с двадцатых годов, о А. Д. Бланке, я пришел к выводу: его национальность скрывается не случайно. Обратил внимание и на то, что М. С. Шагинян во второй редакции романа «Семья Ульяновых» (опубликованной в переработанном и расширенном виде в 1957 г. в журнале «Нева», а в 1959 г. в уже упоминавшейся книге) опустила упоминание о национальности А. Д. Бланка. Хотя в первой редакции он был назван малороссом. Это свидетельствовало о том, что у нее появились сомнения в достоверности данного факта. И я решил докопаться до истины. Послал запросы в ИМЛ при ЦК КПСС, Центральный музей В. И. Ленина в Москве, в ленинградские архивы, а также написал М. С. Шагинян. Ответ из ИМЛ при ЦК КПСС свидетельствовал: по данному вопросу сотрудникам института ничего не известно. Лектор Центрального музея В. И. Ленина Е. Никитина ответила, что А. Д. Бланк «по национальности – обрусевший немец». Впрочем, логичнее было бы назвать его «обукраинившийся немец».

Прочитав письмо Е. Никитиной, мне оставалось только улыбнуться. К этому времени я уже знал ответ на свой вопрос.

Первой же мне ответила М. С. Шагинян: «К сожалению, пока не могу написать ничего утвердительного о родословной отца Марии Александровны. В воспоминаниях ее сестры Анны и ее дочери Анны Ильиничны сказано только одно: А. Д. Бланк был “малоросс”. Ни о каких родственниках со стороны Александра Дмитриевича нигде в воспоминаниях я ничего не нашла. Есть сведения, что в Ленинграде ведутся розыски»[7].

В ответ писательницы вкралась определенная неточность. Ни в одной из работ о семье Ульяновых, опубликованных к тому времени, А. И. Ульянова-Елизарова не говорила, что А. Д. Бланк по национальности был «малоросс». Об этом писала А. А. Веретенникова, сестра Марии Александровны, воспоминаниями которой пользовалась М. С. Шагинян в работе над романом[8].

Вскоре после получения письма М. С. Шагинян я оформил допуск в читальный зал Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) СССР в Ленинграде, ныне Российский государственный исторический архив (РГИА), и заказал первые дела. Среди них было и дело № 59 из фонда 1297, опись 10.

3 февраля 1965 г. молодая обаятельная сотрудница читального зала Сима (долгие годы С. И. Варехова заведовала читальным залом РГИА) выдала мне документы. И как только я прочитал дело № 59 – бросил взгляд на часы. Было 13 часов 15 минут, мне это запомнилось на всю жизнь. С первой минуты ознакомления с первым в моей жизни архивным делом я понял, что сделал открытие. Как новичок в архивном поиске, я не знал тогда, что наличие фамилий исследователей в листе использования архивного дела означает, что они знакомились с ним раньше меня. Не знал ничего о нештатном сотруднике Музея истории Ленинграда А. Г. Петрове, чья фамилия стояла в этом листе. И, конечно, не предполагал, что он уже сообщил о своей находке М. С. Шагинян, и та приехала по этому поводу в Ленинград. Тем более не мог предполагать, что в скором времени все перечисленные в этом списке лица, включая и меня, будут изображаться чуть ли не преступниками.

А пока я вновь и вновь перечитывал материалы дела, имевшего название: «По прошению студентов Житомирского поветового училища Дмитрия и Александра Бланков об определении их в Медико-хирургическую академию. Начато 24 июля 1820 г. Кончено 31 июля 1820 г.».

Первый лист представлял собой обычное прошение министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну двух юношей, желавших поступить в Медико-хирургическую академию. Но зато второй содержал взрывоопасный для тогдашних властей материал. «Воспитанники Житомирского поветового училища Дмитрий и Александр Бланки подали Вашему Сиятельству прошение...

...Из просьбы Бланков, равно и из приложенных аттестатов, выданных им от Житомирского поветового училища, и

свидетельства, данного им от священника здешней церкви преподобного Самсония Федора Барсова, о крещении их, не видно, из какого они состояния происходят»[9].

И в виде вставки после имен просителей вписаны два слова: «из евреев».

Ключ к разгадке происхождения А. Д. Бланка был найден. Теперь оставалось найти само свидетельство о крещении. Иду на Псковскую, 18, где находится Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ныне Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Небольшая задержка с выдачей дела (потом выяснилось, что с него делали фотокопию для М. С. Шагинян), и, наконец, в руках у меня метрическая книга Сампсониевского собора за 1820 г. Нахожу интересующее меня дело под названием: «О присоединении к нашей церкви Житомирского поветового училища студентов Дмитрия и Александра Бланковых из еврейского закона». В деле прошение на имя митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского, архимандрита Святотроицкой Александро-Невской лавры Михаила. В прошении, в частности, говорится:

«Поселясь ныне на жительство в С.-Петербурге и имея всегдашнее обращение с христианами греко-российскую религию исповедующими, мы желаем принять оную. А по сему, Ваше Высокопреосвященство, покорнейше просим о просвящении нас святым крещением учинить Сампсониевской Церкви Священнику Федору Борисову предписание... К сему прошению Абель Бланк руку приложил. К сему прошению Израиль Бланк руку приложил»[10].

10 июля 1820 г. братья Бланки приняли православие. «Причем восприемниками были первого, т. е. Абеля, в крещении названного Дмитрием, действительный статский советник сенатор Дмитрий Осипович Баранов и действительного статского советника Г. Шварца жена Елизавета Осиповна, второго, иначе названного Александром, действительный статский советник граф Александр Иванович Апраксин и означенного Баранова жена Варвара Александровна»[11].

По прочтении этого документа может возникнуть вопрос, почему братьям Бланкам необходимо было принимать православие, если 19 декабря 1804 г. Александр I утвердил Положение «О устройстве евреев», согласно которому разрешалось всех еврейских детей принимать и обучать «без всякого различия от других детей во всех российских народных училищах, гимназиях и университетах», производить их «в университетские степени наравне с прочими российскими подданными»[12].

Но не следует забывать, что это не давало евреям права на проживание в столице. Еще в 1793 г., после второго раздела Польши, из вошедших в состав Российской империи земель Бело-

руссии и Правобережной Украины, где жило много евреев, были созданы новые административные единицы. Екатерина II своими именными указами ограничила право «гражданства и мещанства» для евреев этими областями, добавив к ним Екатеринославское наместничество и область Таврическую[13]. В остальных губерниях России, согласно этим указам, евреи проживать не имели права. Таким образом была введена печально знаменитая черта оседлости, существовавшая в России до Февральской революции 1917 г. Упомянутое же положение 1804 г. при Николае I было фактически отменено.

2. Опасная находка в Житомире

После ознакомления с документами Медико-хирургической академии, в которых указывалось, что братья Бланки окончили Житомирское поветовое училище, я написал письмо в Государственный архив Житомирской области с просьбой сообщить, имеются ли в архиве какие-либо сведения о А. Д. Бланке. На момент отправки письма в Житомирский архив я еще не знал, что до принятия православия у него было имя Израиль. Не указывал я в письме и факта перехода в православие братьев Бланков. Не упоминал в письме и о Д. Д. Бланке.

Спустя некоторое время пришел ответ за подписью директора Д. В. Шмина. В нем говорилось, во-первых, что незадолго до моего письма в Житомирский архив поступил запрос из Музея истории Ленинграда. Но этот запрос касался двух братьев Бланков – Дмитрия и Александра. Во-вторых, сообщалось, что работники архива при подготовке ответа на мой запрос выявили в фонде Волынского главного суда дело по обвинению староконстантиновского мещанина Мойши Ицковича Бланка в том, что он в 1809 г. якобы поджег город Староконстантинов. Сообщалось также, что суд признал М. И. Бланка невиновным.

В-третьих, в письме указывалось, что из упомянутого дела следует наличие у М. И. Бланка в 1809 г. сына Абеля, а в 1826 г. сына Дмитрия. А. Д. Бланк в письме Шмина не упоминался, и это наводило на мысль, что Александр и Дмитрий Бланк не родные, а двоюродные братья. Но эта версия практически сразу же исчезла. Появилась другая. Не было ли конфликта между А. Д. Бланком и его отцом, в результате которого между ними произошел разрыв? Причину конфликта можно было предположительно увидеть в том, что братья Бланк приняли православие. Тогда непонятно, почему М. И. Бланк не отрекался от сына Дмитрия?

Но вернусь к письму Д. В. Шмина. В конце его он спрашивал, имеют ли сообщенные им сведения отношение к интересующему меня вопросу и не могу ли я привести каких-либо дополнительных сведений для продолжения поисков[14].

К моменту получения письма я уже ознакомился с документами о крещении Бланков в Сампсониевском соборе Петербурга, а потому немедленно написал, что поиск ведется в правильном направлении. Практически сразу же, как только Д. В. Шмин получил мое письмо, между нами по его инициативе состоялся телефонный разговор. И как результат переговоров – письмо, отправленное в мой адрес 19 февраля 1965 г. с таким текстом:

«15 февраля с. г. Вам был направлен ответ за № 94 на Ваше письмо об А. Д. Бланке.

Ввиду допущенной нами ошибки, выразившейся в том, что ответ по столь важному вопросу мы отправили на Ваш домашний адрес, убедительно просим после ознакомления срочно возвратить нам наше письмо... Для продолжения дальнейших наших поисков Вам необходимо выслать в наш адрес официальное письмо учреждения, по поручению которого занимаетесь данным исследованием»[15].

Думаю, текст письма в комментариях не нуждается. Я вернул опасный документ в Житомирский архив и вскоре получил новый, за тем же номером и от того же числа. Только там уже не было упоминаний о М. И. Бланке и его сыне Абеле. К сожалению, возврат мною письма не спас от наказания Д. В. Шмина и непосредственно выявившую документы о М. И. Бланке в Житомирском архиве Е. З. Шехтман – старшего научного сотрудника архива.

Решением Житомирского облисполкома они были освобождены от работы «за нарушение установленного порядка использования документальных материалов»[16]. Хотя вся их вина состояла в том, что они вовремя не догадались, какое отношение Мойша Ицкович Бланк имеет к деду В. И. – Александру Дмитриевичу Бланку. Е. З. Шехтман, ныне пенсионерка, случайно прочитав газету «Литератор» с моей статьей, прислала мне письмо, где подробно рассказывает об этом эпизоде. Правда, как она пишет, обоих «виноватых» быстро трудоустроили: ее – заведующей одной из городских детских библиотек, Шмина – заведующим библиотекой техникума механической обработки древесины[17].

Еще до увольнения 22 февраля 1965 г. Д. В. Шмин, выполняя служебные обязанности, сообщил в Житомирский обком Компартии Украины и Архивное управление при СМ УССР о том, что в Житомирском архиве обнаружены материалы, касающиеся прадеда В. И. М. И. Бланка[18]. Житомирский обком поставил в известность Ленинградский обком о том, что Музей истории Ленинграда и М. Г. Штейн проявляют нездоровый интерес к документам, касающимся еврейских предков В. И., и попросил принять меры (о событиях в Ленинграде речь пойдет несколько позднее).

3. Шагинян продолжает борьбу

А в это время М. С. Шагинян боролась за то, чтобы получить разрешение на публикацию обнаруженных данных о переходе братьев Бланков в православие при переиздании книги «Рождение сына», ставшей первой частью романа «Семья Ульяновых». С этой целью она обратилась в Институт марксизма-ленинизма, который в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 11 октября 1956 г. «О порядке издания произведений о В. И. Ленине»[19] имел право давать такое разрешение. Одновременно с просьбой разрешить публикацию сведений о национальности А. Д. Бланка, М. С. Шагинян сообщила, что эти документы выявил нештатный старший научный сотрудник Музея истории Ленинграда А. Г. Петров[20] (о том, что независимо от А. Г. Петрова их выявил и я, она еще не знала). Немедленной реакции со стороны ИМЛ, директором которого был академик П. Н. Поспелов, не последовало. 4 марта 1965 г. П. Н. Поспелов вместе со своим заместителем по ЦПА А. А. Соловьевым знакомится с документами по родословной Ульяновых, засекреченными в начале 1930-х гг.[21]

Но сообщение Житомирского обкома КПУ о том, что «страшную» государственную тайну знает достаточно широкий круг лиц, включая представителей еврейской национальности, в Ленинграде и Житомире, заставило партийно-государственную машину заработать на полную мощность. Был составлен перечень лиц, читавших дела, связанные с жизнью и деятельностью А. Д. Бланка, а также работников архивов, «виновных» в том, что выдали исследователям документы о еврейском происхождении А. Д. Бланка. В этот список попали М. С. Шагинян, А. Г. Петров, М. Г. Штейн, заместитель главного редактора журнала «Звезда» П. В. Жур, пенсионеры Д. З. Бурман и Т. П. Жакова-Басова, а также работники архивов Д. В. Шмин, Е. З. Шехтман, заведующая читальным залом ЦГИА СССР В. М. Меламедова, младший научный сотрудник ЦГИА СССР Б. М. Коган и заведующая читальным залом ГИАЛО Л. Е. Стрельцова.

А. Г. Петров по поручению Музея истории Ленинграда выявлял адрес последней квартиры А. И. Ульянова (этот поиск ему почему-то не инкриминировался) и квартир, в которых жил А. Д. Бланк (это оказалось тягчайшим преступлением).

Т. П. Жакова-Басова, правнучка А. Д. Бланка, занималась историей своей семьи.

Интерес П. В. Жура к А. Д. Бланку объясняется тем, что Т. Г. Шевченко, биографию которого он изучал, во время болезни в 1838 г. лежал на излечении в больнице Св. Марии Магдалины, где в это время работал А. Д. Бланк.

Д. З. Бурман в 1965 г. писал пьесу о юности В. И.

Б. М. Коган был обвинен в том, что он написал, на основании найденных материалов о А. Д. Бланке, статью и «помимо

руководства ЦГИА, не говоря уже о ГАУ, вопреки заключению Института славяноведения (и его сотрудники таким образом узнали о том, какова национальность А. Д. Бланка! – *М. Ш.*) обратился в чехословацкое учреждение (какое именно, не указывается. – *М. Ш.*) с просьбой напечатать его статью»[22].

Все перечисленные работники архивов были сняты со своих постов, директора архивов И. Н. Фирсов и Н. И. Ткаченко получили выговоры. Я же в конце февраля – начале марта 1965 г. оказался в кабинете заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского обкома КПСС Ю. Н. Сапожникова. В разговоре со мной он порекомендовал перестать интересоваться А. Д. Бланком. «Мы вам не позволим позорить Ленина!» – заявил он мне, не моргнув глазом. От подобной фразы я опешил. Но тут же сообразил, что мой собеседник великолепно понимает не только оскорбительный для меня смысл сказанных слов, но и то, что жаловаться мне некуда. В вышестоящих партийных инстанциях скажут, что я клевещу на ответственного работника, а заодно – являюсь сионистом. Тогда это словечко было в большой моде. Правда, те, кто его произносили, понятия не имели о подлинном смысле этого слова. В лучшем случае меня упекут в психушку, а может и еще дальше. Сила была на стороне моего собеседника. Но я все-таки решил спросить: «А что, быть евреем – это позор?» – «Вам этого не понять», – последовал незамедлительный ответ. – «А как же быть тогда с Марксом, ведь он тоже еврей?» – вновь задал я вопрос. – «К сожалению». И тут, наконец, спохватившись, что сказал лишнего, Ю. Н. Сапожников добавил: «Я вам рекомендую лучше заняться поисками героев войны, а мы со своей стороны посоветуем руководству архивов документы, касающиеся предков Ленина, вам не давать».

На этом мы и простились. Работу пришлось прервать. И я на целый год перестал ходить в архивы. А когда вновь пришел в ЦГИА СССР, то оказалось, что анкета исследователя, которую я заполнял при первом посещении архива и где в графе «Тема исследования» было указано «Жизнь и деятельность деда В. И. Ленина врача А. Д. Бланка», отсутствует. Я снова заполнил анкету с новой темой «Ленин и деятельность большевистского издательства "Вперед"». Через несколько лет моя первая якобы потерянная анкета была прикреплена ко второй.

Разговором в обкоме дело для меня не закончилось. Был звонок на работу. По-видимому, звонили из обкома и дали директору техникума Н. Г. Сенских соответствующие рекомендации. Об этом я случайно узнал впоследствии от одного из сотрудников техникума. Однажды в разговоре, который не касался ни прямо, ни косвенно предков В. И., он, шутя, спросил меня, что я могу рассказать о докторе А. Д. Бланке. Я ответил: «Потомственный дворянин». Коллега рассмеялся и сказал: «Меня предупредили,

что с вами нужно держать ухо востро по этому вопросу». Более мы данной проблемы не касались.

Прошло 25 лет. Я упомянул о Сапожникове в разговоре с доктором исторических наук, профессором Виталием Ивановичем Старцевым, оказавшимся его однокурсником. Собеседник хитровато посмотрел на меня и спросил: «А вы знаете, кто по национальности бабушка Юрия Николаевича?» – «Нет, разумеется», – ответил я. – «Еврейка!» И мы оба весело рассмеялись.

Но в 1965 г. мне было не до смеха. Не до смеха было и М. С.Шагинян. Разрешения на использование при переиздании «Семьи Ульяновых» она не получила. Очевидно, что это решение принимал не П. Н. Поспелов. Вряд ли рискнул взять на себя такую ответственность и сменивший П. Н. Поспелова на посту секретаря ЦК КПСС по идеологии академик Л. Ф. Ильичев. Подобное решение мог принять только член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов. Возможно даже, что вопрос рассматривался на заседании Президиума ЦК КПСС. М. С. Шагинян вызвали в ЦК КПСС и довели до ее сведения запрет на печатание документов.

Писательница, конечно, тогда не знала, что 5 июля 1965 г. начальник отдела использования документальных материалов Главархива СССР Б. Н. Богатов составил справку, посвященную ее работе над образом В. И. Ленина. В ней он рассмотрел материалы заседаний президиума Союза советских писателей от 9 августа и 3 сентября 1938 г. и отметил, в частности, что, как стало известно из выступлений Фадеева, Ермилова, Катаева, Караваевой, Лозовского и Рокотова, «ЦК партии имел суждение по этому вопросу, осудил эту вещь, указал ошибки»[23]. Единственное, что «забыл» сделать Б. Богатов, это написать в своей справке, что осуждавшее Шагинян постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1938 г. было признано неправильным в уже упоминавшемся постановлении ЦК КПСС от 11 октября 1956 г. Это, разумеется, не случайная ошибка. Богатову, а точнее тем, кто водил его пером, это постановление ЦК КПСС было помехой. Не имея возможности его отменить, они делали вид, что такого постановления просто не было. И Богатов уверенно писал, что, по его мнению, «роману-хронике М. Шагинян “Семья Ульяновых” (изд. “Молодая гвардия”, Москва, 1958) присущи те же недостатки в освещении семьи и родословной В. И. Ленина, которые отмечались Союзом советских писателей в 1938 г.»[24]

У читателя может возникнуть вопрос в связи со справкой Богатова – неужели, несмотря на постановление 1956 г. Союз писателей не пересмотрел свои решения? Оказывается, нет. Они остались в силе. И это несмотря на высокую оценку романа специалистами, которые справедливо увидели в нем попытку противопоставить Ульяновых-небожителей – Ульяновым-людям, какими они были на самом деле. Постановления Союза советских писателей по роману «Семья Ульяновых» не были отмене-

ны даже после того, как в 1972 г. Шагинян за тетралогию «Семья Ульяновых» была удостоена Ленинской премии.

В письме ко мне от 24 октября 1967 г. М. С. Шагинян называла своей заслугой получение фотокопий с документов о происхождении А. Д. Бланка и его крещении и сохранение их для будущих историков. «Кроме всего прочего, – писала она, – приняла на себя удар за это. До сих пор он, этот удар, чувствуется в моей литературной судьбе. Но я надеюсь – люди поймут, какую подлую и глупую позицию по отношению к исторической истине они заняли, не соответствующую ни коммунизму, ни научной ясности»[25]. При личной встрече она сказала мне, что ее за эту находку не наградили орденом к юбилею. После смерти Шагинян снятые ею фотокопии были изъяты из личного архива писательницы сотрудниками КГБ. Куда они поступили после этого, пока неизвестно. Главному редактору альманаха «Из глубины времен» А. В. Островскому удалось в РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории – так называется сейчас бывший Центральный партийный архив) ознакомиться с фотокопией документов о крещении А. Д. Бланка, что же касается фотокопий материалов о его поступлении в академию, сотрудниками РЦХИДНИ было заявлено, что они ими не располагают. В фонде М. А. Ульяновой имеется специальное дело с документами о ее отце (948 листов), однако получить доступ к этому делу не удалось[26]. Работники РЦХИДНИ, как и в былые времена, стоят на страже своих ведомственных интересов. Они и только они, по их глубокому убеждению, имеют право первыми печатать все, что касается В. И. Впрочем, такой точки зрения придерживаются и работники некоторых других архивов.

Но вернемся к нашему рассказу. С А. Г. Петровым также была проведена «разъяснительная» работа. Однако его не вызывали в обком, а беседовали в Музее города[27]. После этого разговора А. Г. Петров перестал, так же, как и я, по крайней мере, официально, заниматься А. Д. Бланком и даже уничтожил карточку о нем в своей богатой картотеке, переданной впоследствии в Музей истории Ленинграда.

Главархив СССР также принял меры. Заведующий архивным отделом Ленгороблисполкомов П. В. Виноградов, как мне рассказывали, лично появился в ГИАЛО (ныне ЦГИА СПб) и изъял из дела «О переходе разных лиц в православие в 1820–1821 гг.» фонда Петроградской духовной консистории страницы, касающиеся крещения Дмитрия и Александра Бланков. Копии, разумеется, оставлено не было. Но зато дана рекомендация перенумеровать страницы. Вместо этого ответственный хранитель В. Ф. Куликова вшила в дело дополнительный лист, на котором написала:

«Согласно устного распоряжения зав. арх. отд. Исполкома Ленгорсовета Виноградова П. В. подлинники (листов) лл.

№ 326–329, ед. хр. 632, оп. 17, ф. 19 изъяты (без копирования) и направлены через арх. отд. в ГАУ при СМ СССР (Исх. № 65 от 22/ П-65). Отв. хран. фондов Куликова»[28].

Лист использования из дела также был изъят, но сохранен. Когда редакция альманаха «Из глубины времен» обратилась к директору ЦГИА СПб с вопросом о судьбе документов о крещении братьев Бланков и о том, кто читал эти материалы, в качестве ответа привели текст, написанный В. Ф. Куликовой, а также сообщили, что с указанными документами ознакомились А. Г. Петров (Музей истории Ленинграда), писательница М. С. Шагинян и преподаватель Ленинградского индустриального техникума М. Г. Штейн[29].

Изъяв документы, П. В. Виноградов объявил всем виновным в том, что сведения о крещении А. Д. Бланка стали известны, выговоры. Л. Е. Стрельцова, заведовавшая читальным залом архива, была переведена на работу в отдел.

Виноградов, несомненно, с удовольствием выполнял миссию по изъятию компрометирующих, с его точки зрения и точки зрения таких, как он, В. И. документов. Это подтверждается его антисемитскими взглядами, о чем хорошо написал бывший сотрудник ЦГИА СССР и профессор кафедры Истории КПСС ЛГПИ им. А. И. Герцена доктор исторических наук Г. М. Дейч в вышедшей в США книге «Еврейские предки Ленина: неизвестные документы о Бланках». П. В. Виноградова он знал по работе в архиве. Работая после войны в ЦГИА СССР, Дейч попросил сотрудницу отдела кадров архива, с которой у него были хорошие отношения, подыскать работу в архиве для своей знакомой Г. М. Наспер. Та ответила, что сейчас нет свободных вакансий, но она будет иметь в виду эту просьбу. Прошло некоторое время. «Однажды, – вспоминает Г. М. Дейч, – на каком-то торжественном собрании в архиве я оказался за спиной сидевших впереди моей знакомой (имеется в виду сотрудница отдела кадров. – *М. Ш.*) и П. В. Виноградова, и тут я оказался невольным слушателем их разговора. Виноградов спросил мою знакомую, нет ли у нее подходящего человека на должность старшего научного сотрудника в его архиве (если я не ошибаюсь, он тогда возглавлял филиал Военно-исторического архива в Ленинграде). Моя знакомая ему ответила, что есть такой человек, и назвала имя Галины Марковны Наспер. В ответ на это Виноградов сказал: «Она еврейка? Я евреев не беру!»[30].

В аналогичном ключе развивались события в ЦГИА СССР в Ленинграде. С той лишь разницей, что сюда явилась начальник отдела комплектования, экспертизы и учета архивных фондов ГАУ Т. Г. Коленкина. Она наметила документы, которые, по ее мнению, необходимо было изъять «без оставления в делах их копий»[31].

Из докладной записки Т. Г. Коленкиной, написанной в своеобразно завуалированной форме, совершенно непонятно, по-

чему документами о А. Д. Бланке вдруг занимается Главархив СССР. И вообще, кто такой А. Д. Бланк, к документам о котором проявляют столь «повышенный интерес» исследователи? Чему посвящены указания ГАУ СССР по вопросам использования документальных материалов, которые, по словам докладной записки, нарушаются. Почему тема «История Петербурга – Петрограда – Ленинграда» не имеет никакого отношения к А. Д. Бланку? Ведь А. Д. Бланк, судя по тому, что документы о нем имелись не только в ЦГИА СССР, но и в ГИАЛО, житель Петербурга. Более того, его имя упоминается в справочных изданиях по Петербургу как жителя города и домовладельца. В общем, вопросов можно задать много, но ответа на них из докладной записки Коленкиной не получишь. Ясно одно: она рекомендует продолжить выявление документальных материалов о А. Д. Бланке в Госархиве Житомирской области и фонде Медико-хирургической академии.

Не могу сказать, велась ли сотрудниками Главархива СССР работа с фондом Медико-хирургической академии. Судя по всему, нет, так как Г. М. Дейч позднее обнаружил в нем документы, дополняющие находки А. Г. Петрова, М. С. Шагинян и мои. Но в Житомир представитель Главархива СССР поехал. Им был заместитель Коленкиной В. В. Цаплин. Он провел в Житомирском архиве дополнительное исследование и, как пишет в своей докладной записке, нашел новые документы, помимо выявленных до него Д. В. Шмином и Е. З. Шехтман[32].

Вместе с тем, необходимо отметить, что из этой докладной записки, как и из докладной записки Коленкиной, не ясно, кто же такие Бланки. Почему В. В. Цаплин, ответственный работник Главархива, должен был получить разрешение на ознакомление с документами, касающимися семьи Бланков, у секретаря Житомирского обкома по идеологической работе О. С. Чернобривцевой и секретаря облисполкома А. П. Крикуненко, а не просто поставить в известность о целях своей командировки заведующего Житомирским областным архивом Н. Н. Кучерова? Или прямо явиться к директору Житомирского архива и, сказав ему о цели приезда, начать просматривать интересующие его материалы?

Почему о выявленных документах, касающихся никому не известных Бланков, необходимо докладывать первому секретарю обкома партии М. К. Лазаренко и ставить перед ним вопрос о целесообразности передачи всех документов о Бланках в Главархив СССР для тщательного их изучения и анализа? М. К. Лазаренко же согласен дать на это разрешение только в том случае, если против этого не будет возражать ЦК КП Украины. Невольно возникает вопрос, почему судьбой документов, касающихся неизвестного мещанина Бланка, понесшего ущерб от пожара в г. Староконстантинове 29 сентября 1808 г., должен заниматься ЦК КПУ? Только улыбку может вызвать и заверение В. В. Цап-

лина, что о делах, касающихся Бланков, знает очень ограниченный круг лиц. Сам факт, что Д. В. Шмин и Е. З. Шехтман были освобождены от работы из-за этих документов, бесспорно дал повод в Житомире широко говорить о них. Сегодня можно сказать, что и Коленкина и Цаплин, к счастью, довольно поверхностно подошли к решению поставленной перед ними задачи, так как и Г. М. Дейч, и я нашли документы, дающие возможность углубить наши познания о семье Бланков.

Но на этом история с архивными документами не окончилась.

4. ЦК может не беспокоиться

По положению, которое действовало в те времена и продолжает действовать и сегодня, ко мне, так же, как и к другим лицам, знакомившимся с материалами, касающимися А. Д. Бланка, вообще не должно быть никаких претензий. Но не тут то было. Начальник Главархива СССР Г. А. Белов твердо знал, что прав тот, у кого больше прав. И поэтому он 30 марта 1965 г. проводит совещание руководящих и научных работников архивов Ленинграда. Подписанный Беловым протокол этого совещания блестяще его характеризует. Диву даешься, как можно было такого человека поставить во главе центрального архивного ведомства. Он даже не понимал, что славословия в его адрес в действительности являются прямой издевкой, и подписал протокол собрания, не выкинув из него обличающие слова старшего научного сотрудника публикаторского отдела ЦГИА СССР в Ленинграде М. А. Гузунова. Вот они: «Мы несколько притупили свою бдительность представители из ГАУ, в том числе сам начальник т. Белов, должны чаще бывать в Ленинграде, раза два в год. Унтера Пришибеева нам не надо присылать, *хотя хороший жандармский офицер лучше советского чинуши.* К нам надо посылать умных толковых сотрудников, с которыми можно было бы посоветоваться. *Мы хотим Вас чаще видеть*»[33] (курсив мой. – *М. Ш.*).

Представляю, как при этих словах самодовольством засветилось лицо Белова. Но это было в конце совещания. А в начале в своем выступлении он обвинил коллектив ЦГИА СССР в самоуспокоенности и зазнайстве, ошибках в работе. Любопытно при этом, что из выступления Белова и других участников совещания не видно, какие именно архивные дела нельзя было выдавать, почему визирование требований и вопрос о допуске исследователей в читальный зал нельзя доверять отделу использования, хотя ежегодно в тот период выдавалось 120 тысяч дел. Нельзя не заметить попытки некоторых участников совещания защитить свою профессиональную честь и достоинство. Например, заместитель директора ЦГИА СССР в Ленинграде Л. Е. Шепелев вступился за начальника отдела В. М. Меламедову, обвиненную в изготовлении фотокопии документов для М. С. Шагинян.

Вроде бы каялся директор ЦГИА И. Н. Фирсов. Но, читая его выступление, видишь, что в его словах «наибольшим недостатком является тот факт, что архив не знает, какие материалы извлек исследователь из просмотренных материалов»[34] звучит насмешка над нелепостью требований Белова и тех, кто им руководил. Разве может сотрудник архива, читая листы использования дела, указанные исследователем, помнить, о чем говорится на каждом из этих листов? Ведь дел, как я указывал выше, выдавалось в год 120 тысяч!

С достоинством выступила и начальник отдела публикаций архивного отдела Ленгорисполкома А. В. Белинская. Она, в частности, обратила внимание на нелепость одного из параграфов приказа ГАУ, говорящего о том, что не нужно выдавать исследователям документы периода культа личности. «Какие документы не выдавать, – спросила А. В. Белинская, – ведь это все документы за советский период?» И получила в ответ реплику Белова: «Не давайте». Правда, в заключительном слове Белов несколько смягчил эту реплику: «О документах периода культа личности – готового рецепта ГАУ дать не может. В общем, не следует выдавать такие документы, которые могут нанести ущерб престижу Советского государства. Это особенно касается частных лиц»[35].

Вскоре после этого совещания В. В. Цаплин составил текст информации Главархива СССР в ЦК КПСС, которую подписал начальник Главархива Г. А. Белов. Правда, авторы вступительной статьи к публикации архивных документов, касающихся преследования романа М. С. Шагинян «Семья Ульяновых» и жизни Бланков, Т. И. Бондарева и Ю. Б. Живцов выражают сомнение в том, что информация была направлена в ЦК. Но, думаю, они ошибаются. Просто все архивные документы было признано целесообразным хранить в сейфе начальника Главархива, где они и пролежали семь лет в опечатанном виде. При этом в 1972 г. ЦК КПСС был заверен, что эти документы «для использования никому не выдавались, копии с них не снимались. Главархивом СССР копии с передаваемых документов не изготовлялись»[36].

Некоторые строки из этой информации заслуживают цитирования. Вот они: «Со стороны Музея истории г. Ленинграда и М. Г. Штейна была попытка использовать также материалы Государственного архива Житомирской области, с бывшим руководством которого они установили связь путем переписки.

Главное архивное управление при Совете Министров СССР закрыло для исследователей материалы по этой теме, а в отношении сотрудников государственных архивов, допустивших нарушение установленных правил использования документальных материалов, были приняты дисциплинарные меры взыскания»[37].

Какое же нарушение допустили работники архивов, упомянутые выше исследователи и, наконец, я сам? Подписывая при

оформлении в архиве обязательство соблюдать определенные правила, я нигде не видел упоминания о том, что государственной тайной является национальность человека, или его вероисповедание, или факт перехода из одной конфессии в другую. Полагаю, что и в служебных инструкциях работников архивных служб это не было оговорено. Через семь лет, 28 апреля 1972 г., все документы, касающиеся Бланков, были переданы в 6-й сектор Общего отдела ЦК КПСС (ныне Архив Президента Российской Федерации), где составили Особую папку №3. Последним руководителем КПСС, который их читал, был Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. 26 июля 1986 г. он вернул эти документы заведующему Общим отделом ЦК КПСС А. И. Лукьянову с резолюцией: «Без указания заведующего Общим отделом ЦК КПСС не вскрывать[38]. Но вскоре наступило другое время...

Мне кажется, только то, что к делу выявления документов о происхождении А. Д. Бланка имела отношение М. С. Шагинян, спасло меня, А. Г. Петрова и других лиц, так или иначе причастных к этой истории, от расправы. Тем более, что я умудрился уже после беседы в обкоме несколько раз «схулиганить». Во-первых, предложил «Медицинской газете» статью о А. Д. Бланке. Редакция с радостью приняла предложение, но, получив текст статьи под названием «Врач Александр Дмитриевич Бланк – дед Владимира Ильича Ленина», надолго замолчала. Наконец, пришел ответ, что, по мнению главного редактора газеты С. Н. Ягубова, моя статья не представляет интереса. Статья была написана в обычном духе печатавшихся в то время юбилейных статей, но содержала выявленный мною материал о национальности А. Д. Бланка. Очевидно, что Ягубов консультировался в высоких партийных инстанциях, возможно даже в Отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС.

Во-вторых, я написал письма в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС и Центральный музей В. И. Ленина, в которых, ликвидируя их «убежденность» в том, что А. Д. Бланк по национальности «обрусевший немец», сообщил, что он еврей, принявший православие. В письмах содержалась просьба впредь давать по вопросу о национальности А. Д. Бланка правильные сведения. Ответа с благодарностью за сообщенные сведения я, разумеется, не получил.

В конце апреля – начале мая 1965 г. под впечатлением новых глав воспоминаний И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» я написал ему письмо, в котором поблагодарил Илью Григорьевича за интересные воспоминания и рассказал о своих злоключениях, связанных с выявлением документов о еврейском происхождении дедушки В. И. – человека, когда-то называвшего Эренбурга «Ильей Лохматым». Довольно быстро получил ответ: «Дорогой Михаил Гиршевич! Благодарю Вас за доверие, за все теплые слова обо мне, о книге воспоминаний. Желаю успеха в работе. С искренним уважением. И. Эренбург»[39]. На душе стало легче.

В это же время М. С. Шагинян писала мне: «Я все-таки надеюсь, что мозги у людей прочистятся и они перестанут делать вредные глупости! Придет время, – и Ваша статья будет напечатана»[40]. Мариэтта Сергеевна оказалась права. Через 25 лет и пять месяцев в серьезно переделанном виде моя статья увидела свет. А в далеком 1965 г. Шагинян мужественно в одиночку продолжала борьбу. «Вы спрашиваете, когда переиздадут "Семью Ульяновых", – писала она. – Мне запретили упомянуть в новом издании о новых данных, открытых в архиве о генеалогии матери Ленина, а я запретила печатать "Семью Ульяновых" без этих данных. "Роман-газета" вынуждена была в силу моего отказа выпустить "Первую Всероссийскую" (вторую часть трилогии) без "Семьи Ульяновых". Больше я ничего не смогла сделать, и мне тошно от такого непонятного для меня запрета. Это не только отвратительно – но и политически глупо»[41].

И все же Шагинян смогла пробить брешь в умолчании о происхождении А. Д. Бланка, применив эзопов язык, – не сразу, а в два захода. В 1967 г. Приволжское книжное издательство в Саратове выпустило в свет «Семью Ульяновых». Писательница внесла в третью главу «Воспоминания одного детства» небольшую поправку. Вот она: «Александр Дмитриевич Бланк был родом из Староконстантинова Волынской»[42]. Проходит еще два года. И Мариэтта Сергеевна наносит решающий удар. В вышедшем в Москве в издательстве «Художественная литература» романе-хронике в двух частях «Семья Ульяновых» она вставляет еще одно слово, и текст теперь выглядит следующим образом: «...Александр Дмитриевич Бланк, был родом из местечка Староконстантинова Волынской губернии»[43]. Как эту вставку пропустила цензура (а может и ИМЛ при ЦК КПСС), не представляю. Не исключаю, что Шагинян объяснила появление этого слова тем, что «местечко» по-украински – селение. Но для большинства читателей, не знающих украинского языка, «местечко» означало прежде всего еврейское селение (существует даже выражение «местечковый еврей»). В сочетании с фамилией Бланк это давало определенный намек на национальность. Что же касается текста «Семьи Ульяновых», он с этого издания становится каноническим.

5. Отзвуки ушедшей эпохи

Как я уже говорил, моя статья, опубликованная в «Литераторе», была вскоре перепечатана во многих изданиях. Но первым ее перепечатал в качестве приложения к своей уже упоминавшейся книге профессор Г. М. Дейч (умер в 2003 г. в США). Выехав из СССР, он захватил с собой копии выявленных им документов о братьях Бланках. Как рассказывал мне Дейч при встрече, он долго размышлял, стоит ли публиковать эти документы. Его останавливало опасение, что это может вызвать в нашей стране волну антисемитизма. Когда в декабре 1991 г.

ему прислали номер «Литератора» с моей статьей, то он решил, что время для публикации настало. Ценные материалы, собранные Г. М. Дейчем, дополняют и развивают мою статью, дают направление для новых поисков.

Следующим, кто осветил вопрос о еврейских предках В. И., стал бывший заместитель начальника отдела комплектования, экспертизы и учета архивных фондов Главного архивного управления заслуженный работник культуры В. В. Цаплин, уже известный читателю – это он осуществлял изъятие документов о семье Бланков в Житомирском архиве. Теперь он решил ввести эти материалы в научный оборот[44]. На отдельных ошибках и неточностях в статье Цаплина я остановлюсь ниже. Главный же ее недостаток, на мой взгляд, в том, что автор и в наши дни не подвергает сомнению правильность изъятия документов «без оставления копии» и наказания «виновных» архивистов и стремится приписать себе заслугу первой публикации документов о еврейском происхождении предков В. И. С этой целью В. В. Цаплин во введении к своей статье утверждает, что имеющиеся на эту тему публикации «или сплошной вымысел, или правдивые, но не подкрепленные документами краткие упоминания, или сомнения в истинности опубликованной информации»[45], ссылаясь при этом на черносотенную статью Е. Торбина[46] и статью Ю. Гаврилова в «Огоньке», где содержится просто упоминание о крещении А. Д. Бланка[47].

Можно, конечно, допустить (хотя и верится с трудом), что Цаплин не знал ни о моей статье, ни о работе Дейча, к моменту выхода его статьи уже несколько раз перепечатанных в различных периодических изданиях и сборниках[48]. Но то, что он не отмечает приоритета сотрудников Житомирского архива в выявлении ряда документов (перечисленных им же в докладной записке 1965 года!), является прямым нарушением норм профессиональной этики.То, что ИМЛ скрывал многие десятилетия и что стало теперь общеизвестно и подтверждено архивными документами, больше скрывать было нельзя. Сотрудники РЦХИДНИ Е. Е. Кириллова и В. Н. Шепелев и журнала «Отечественные архивы» Т. И. Бондарева, Ю. Б. Живцов, опубликовали материалы, касающиеся еврейского происхождения А. Д. Бланка, и среди них два письма А. И. Ульяновой-Елизаровой И. В. Сталину с просьбой разрешить напечатать найденные в Ленинградском отделении Центрархива в 1924 г. документы об этом. Опубликовали и документы, связанные с описанными выше событиями 1965 года, в том числе и докладную записку Цаплина[49].

Но даже солидные документальные публикации не охладили пыла борцов за «чистоту» рода В. И.

В интервью еженедельной газете «Поиск» кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (а с 1994 г. почетный член Русского генеалогичес-

кого общества) М. Е. Бычкова на предложение безымянного корреспондента («Давайте коснемся нашумевшей легенды о происхождении Александра Бланка») сказала: «В последние два-три года стало появляться немало генеалогических исследований по истории семьи Ульяновых, в частности, появился интересный документ о происхождении Александра Дмитриевича Бланка – дедушки В. И. Ленина. Этот документ был предоставлен Ульяновым после смерти Владимира Ильича, в связи с пожеланием сестер написать книгу об истории своей семьи, а позднее хранился в партархиве. В нем говорилось о том, что Александр Бланк происходит из принявших православие евреев, и мне об этом было известно давно. Не это вызвало удивление и мой интерес, а то, с какой растерянностью и изумлением восприняли это известие родственники (вероятно, О. Д. Ульянова. – *М. Ш.*). В семье об этом никогда не знали! Меня поразила эта нестыковка, и я решила провести собственное расследование. Мне удалось поработать в Казанском архиве с фондом губернского дворянского собрания и установить, что действительно существовали два Александра Бланка, биографии которых были сознательно смешаны. Дед Ленина, Александр Дмитриевич Бланк, происходил из православного купеческого рода. Начав службу в 1824 г., он в 40-е дослужился до чина надворного советника со старшинством (подполковник), который давал ему право на потомственное дворянство... Другой Александр Бланк, никакого отношения к Ленину не имевший, действительно существовал, был на 3–4 года старше Александра Дмитриевича и во многом повторил его служебную карьеру. Он тоже учился в медицинском институте, но служил в госпиталях и благотворительных организациях, а не на государственной службе, то есть не мог получить чина, дающего право на дворянство. Выходит, генеалоги ошиблись?

Не думаю, скорее это был сознательно искаженный документ, а о причинах его появления судить не берусь»[50].

Нельзя не прокомментировать некорректные и неточные высказывания известного ученого, свидетельствующие, к сожалению, о позиции, далекой от научного подхода.

Надеюсь, что фраза, приписываемая М. Е. Бычковой, «он дослужился до чина надворного советника со старшинством (подполковник)», – результат неточности корреспондента «Поиска». Ибо в формулярном списке А. Д. Бланка эта фраза звучит следующим образом: «Произведен в надворные советники, 26 июня 1846 г. со старшинством с 13 января 1843 г.»[51]

Теперь по сути интервью М. Е. Бычковой. «Российский медицинский список», начавший издаваться еще до окончания А. Д. Бланком Медико-хирургической академии и вышедший в свет последний раз накануне февральской революции, свидетельствует, что в России, наряду с Александром и Дмитрием Бланками, работал врачом до 1827 г. еще один Бланк – штаб-лекарь, коллежский асессор по имени Христиан[52].

После смерти в 1831 г. Д. Д. Бланка в «Российском медицинском списке», кроме А. Д. Бланка, до 1887 г. не упоминался ни один врач, носивший эту фамилию. Я не ошибся. Дело в том, что А. Д. Бланк упоминается в «Российском медицинском списке» вплоть до 1890 г. (то есть двадцать лет спустя после смерти). При этом в 1890 г. рядом с его фамилией появилась фраза: «не доставил сведений» (можно подумать, что остальные годы после смерти он доставлял составителям «Российского медицинского списка» сведения о себе!). Так что недобросовестно относились к составлению справочников не только в наше время.

Поэтому я делаю заключение, что М. Е. Бычкова, говоря о враче Александре Бланке, имеет в виду фельдшера из Одессы Александра Давидовича Бланка, который также принял православие. Последний в «Российском медицинском списке» никогда не упоминался потому, что по образованию был не врачом, а фельдшером. Ясно, что Александр Дмитриевич и Александр Давидович Бланки совершенно разные лица. Были ли они родственниками или не имели друг к другу никакого отношения, судить не берусь. Документов на этот счет не имеется.

Далее в своем интервью Бычкова говорит, что в фонде Казанского губернского дворянского собрания упоминаются два Александра Бланка. Но копии дел Казанского дворянского собрания имеются в фондах Департамента герольдии РГИА, где я также с ними знакомился. Очевидно, она имеет в виду «Дело о дворянстве Николая Федоровича Бланка» (14 апреля 1836 – 1 апреля 1841)[53], но в нем имя Александр не встречается. Упоминается сын Н. Ф. Бланка – Андрей. Судя по имеющимся в деле документам. Н. Ф. Бланк и его предки были православными. Желающие убедиться в том, что среди лиц, поставивших вопрос о причислении себя к дворянству Казанской губернии, нет второго Александра Бланка, могут ознакомиться со списком родов потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии[54].

Заявление Бычковой о том, что врачи, служившие в госпиталях и благотворительных организациях, не получали чины в соответствии с «Табелью о рангах», неверно. Все врачи, состоявшие на государственной гражданской или военной службе (в том числе и в госпиталях), получали чины в соответствии с заслугами.

Неверно также утверждение Бычковой, что лица, работавшие в благотворительных организациях, не получали чинов. Примером тому может служить дальний родственник В. И. по матери Карл Апполон Карлович Биргитедт. В течение многих лет он служил в петербургском приюте «Серебряный», относившемся к ведомству императрицы Марии (организации благотворительной), и стал, в конце концов, его директором. Бирштедт в конце жизни был действительным статским советником[55], как и И. Н. Ульянов. Если Бычкова имела в виду частные учреждения, то свою мысль она выразила крайне неточно.

Я послал М. Е. Бычковой личное письмо, в котором просил ее разъяснить имеющиеся в ее интервью противоречия. Она не ответила. Это заставило меня обратиться к ней с открытым письмом, опубликова́нном в журнале «Клио» №2 (8) за 1998 г. и ксерокс его переслать М. Е. Бычковой в Институт российской истории РАН. Ответа с ее стороны также не последовало.

Глава II

БЛАНКИ В ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНИИ

1. Староконстантиновские корни

Разные источники по-разному рассказывают историю основания Староконстантинова, города, расположенного при впадении реки Икопоти в реку Случь (бассейн реки Припяти). По одним сведениям, его основала в XV в. внучка вел. князя Литовского Ольгерда и Рязанского князя Олега Ивановича Анна Корибутовна, по другим – князь К. К. Острожский, известный малороссийский магнат, владевший в Подолии, Галиции и на Волыни тремя сотнями городов и несколькими тысячами сел. Он был покровителем просвещения, состоял в переписке с князем А. М. Курбским. Князь К. К. Острожский построил в 1561 г. в селе Калинищенцы замок и превратил это село в город, который в 1582 г. был переименован в Константиновку. С начала XVII в., в связи с постройкой города Новый Константинов, Константиновку стали именовать Староконстантиновым.

В конце XVI – начале XVII в. Староконстантинов стал крупным торговым центром с широко известными ярмарками. Здесь складировались товары, идущие из Литвы в Подолию, Валахию и Турцию. По-видимому, в этот период в Староконстантинове появилась и еврейская община, которая стала основной частью населения. На долю общины выпали суровые испытания в результате военных действий, в разное время происходивших у стен города. В 1593 г. здесь состоялось сражение войск К. Острожского с казацкими отрядами К. Косинского, в 1648 г. – польского магната И. Вишневецкого с казаками М. Кривоноса, наконец, в 1649 г. – польского войска с отрядами Богдана Хмельницкого. Поляки были разбиты. Войска Хмельницкого устроили в Староконстантинове страшный погром, во время которого было убито около трех тысяч евреев. Впрочем, еврейская община в Староконстантинове довольно быстро восстановилась. Трехкратное нападение на Староконстантинов гайдамаков в 1702 г. общину также уничтожить не смогло. После второго раздела Польши, в 1793 г., Староконстантинов вошел в состав России и стал уездным городом Волынской губернии. В Староконстантинове насчитывалось, по окладным книгам, евреев-купцов – 17, христиан-мещан – 220, евреев-мещан – 2036[1]. И среди них была семья мещанина Мойши Ицыковича Бланка, который значился в ревизской сказке от 29 апреля 1834 г. под № 394[2].

По всей видимости, М. И. Бланк не был уроженцем ни Староконстантинова, ни Житомира, так как в этих городах фамилия Бланк (кроме его самого) не встречается. Любопытно отме-

тить, что в адресной книге Житомира за 1912 г. не упоминается ни один человек, носящий эту фамилию.

В то же время фамилия Бланк не являлась редкой для Волынской и Подольской губерний. «Волынские губернские ведомости» упоминают купца 2-й гильдии г. Каменца Файбиша Мошковича Бланка, депутата Остржской квартирной комиссии Бланка (имя и отчество не указаны), жителя Кременца Лейбу Авербуха Бланка, мещанина местечка Славуты Новоград-Волынского уезда Гершку Бланка[3].

Более того, фамилия Бланк была настолько распространена среди евреев, проживавших в черте оседлости на Украине, что известный еврейский писатель Шолом Алейхем дал героям одного из своих романов эту фамилию. Роман так и называется «Семья Сендера Бланка». Известен он и под несколько иным названием «Сендер Бланк и его семейка»[4]. Поэтому вряд ли можно согласиться с В. В. Цаплиным, что упоминавшийся в его статье купец 1-й гильдии Мошко Беркович Бланк и М. И. Бланк до переселения в Волынскую губернию проживали в районе Брест-Литовска[5]. Скорее наоборот: поставщик вина, рома и водки радзивилловский купец из Брест-Литовска Бланк – выходец из Волынской или Подольской губернии. При этом, в отличие от В. В. Цаплина, рискну предположить, что все упоминаемые Бланки родственники. Причем, не исключено, то тезки М. Б. и М. И. Бланки были двоюродными братьями. По еврейскому обычаю ребенка называли в честь умершего родственника, в данном случае, возможно, деда.

Сложности возникают с определением года рождения М. И. Бланка. По подсчетам В. В. Цаплина, опирающегося на протоколы присутствия (заседания) Новоград-Волынского магистрата от 19 апреля 1809 г., и по ревизским сказкам 1816 и 1834 гг., М. И. Бланк родился в марте–апреле 1763 или 1764 г. Однако в письме Николаю I от 18 сентября 1846 г. М. И. Бланк, к этому времени крестившийся и получивший имя Дмитрий, пишет, что ему девяносто лет[6], а значит он родился в 1756 г. Метрические книги, выписки из которых раввин обязан был ежегодно представлять губернскому начальству на еврейском и русском языках, были введены только «Положением о евреях» (§ 90, п. 4), утвержденным 13 апреля 1835 г.[7] Поэтому нет точных сведений и о годе рождения жены М. И. (Дмитрия) Бланка Марьям и его детей Абеля, Израиля, Любови.

М. И. Бланк был купцом и имел в Староконстантинове свою лавку. «Был Мошка, – как пишет Е. З. Шехтман, – человеком незаурядного ума, отличался строптивым характером, был смел в суждениях, умел отстаивать свое мнение, даже если оно противоречило общим канонам. Так, хотя он свято верил в Бога, это не мешало ему игнорировать всякие обряды и обычаи, узаконенные еврейской религией и передававшиеся из поколения в поколение. М. Бланк, например, не соблюдал принцип, что в

пасхальные дни можно есть и пить только пищу и напитки, специально приготовленные в отдельной посуде. Он позволял себе в праздник продавать непасхальную водку. Такой "грех" не мог оставаться незамеченным еврейской религиозной общиной. Против Бланка ополчились все набожные евреи. Но он не покорялся. Конфликт нарастал и обострялся»[8]. В. В. Цаплин пишет, что М. И. Бланк вступил в конфликт «даже с кагальным дувидом Штейнбергом»[9]. И допускает ошибку. Он повторяет текст из письма М. И. Бланка на имя императора Николая I, в котором коллежский регистратор Краповецкий, писавший его под диктовку М. И. Бланка, пропустил слово, обозначающее должность Штейнберга[10]. В. В. Цаплин принял слово «дувид» за должность в кагале (еврейской общине). В действительности дувид – это несколько искаженное личное имя Давид (есть упоминание о Дувиде Хаймовиче Рубине[11]). Так что остается загадкой, какую должность занимал Штейнберг. Может он был даяном, т. е. гражданским судьей, уважаемым в кагале человеком? Судить трудно.

К сожалению, О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова, учтя мое замечание в отношении ошибки, допущенной В. В. Цаплиным, принявшим имя Штейнберга за его должность в кагале, не сочли возможным в своей работе уточнить, какую же должность занимал в кагале Штейнберг. Они назвали его «кагальным Штейнбергом»[12].

Согласно документам, М. И. Бланк доносил местным властям о том, что ряд членов еврейской общины Староконстантинова умышленно скрывают от них, или сообщают с опозданием, сведения о рождении детей. Вероятно, это было с его стороны не столько попыткой заслужить милостивое отношение власть предержащих, сколько возможностью вымогать от членов общины взятки за молчание о родившихся душах – по 100 руб., что для того времени было огромной суммой[13].

Подобное отношение Бланка к членам староконстантиновской еврейской общины естественно породило ненависть к нему и желание найти повод, чтобы с ним рассчитаться. И такой повод появился.

29 сентября 1808 г. в Староконстантинове внезапно вспыхнул пожар, в результате которого сгорело или пострадало 23 дома, в том числе и дом Бланка. И хотя Бланк сам относился к погорельцам, именно его 22 жителя Староконстантинова, Кременца и Бердичева обвинили в умышленном поджоге с целью нанести им материальный урон и потребовали от властей возместить за его счет понесенные от пожара убытки. (При чем здесь жители двух последних городов, не совсем понятно. Можно только предположить, что они или имели недвижимость в Староконстантинове, или Бланк, с его характером, сделал им много плохого). Местные власти признали обвинение справедливым. В течение года, пока шло следствие и рассмотрение в Новоград-Волынском

магистрате, а затем в Сенате, Бланк находился под стражей. 3 июля 1809 г. Сенат снял с него обвинения в поджоге Староконстантинова, а также в незаконной продаже «простой» водки вместо «фруктовой» совместно с родным братом жены (шурином) Вигдором Фроимовичем (обвинение тянулось с 1805 г.), краже чужого сена в 1803 г., нанесении обид староконстантиновцам вместе со старшим несовершеннолетним сыном Абелем (в крещении Дмитрием), и оправдал его. Бланк был выпущен на свободу и, разумеется, затаил обиду на своих обвинителей. Он вынужден был со всей семьей уехать из Староконстантинова. Местом своего жительства он выбрал губернский город Житомир.

Город был основан на берегах рек Тетерев и Каменка в 884 г. Его построил и назвал своим именем любимец, советник и слуга киевских князей Аскольда и Дира Житомир (его имя встречается в славянских святцах). Иначе происхождение слова Житомир объясняет польский писатель Юзеф Крашевский. По его мнению, название Житомир происходит от слов «жито» (рожь) и «мир». С ним не согласен Т. И. Вержбицкий. По его утверждению слово Житомир происходит от слов жить мирно. С этим, пожалуй, можно согласиться. В 1793 г., во время второго раздела Польши, Житомир, как составная часть Волыни, входившей в Правобережную Украину, был присоединен к России[14].

Переехав на новое место жительства, М. И. Бланк тем не менее остался в составе староконстантиновской еврейской общины. Конфликты между ним и отдельными ее представителями продолжались.

Только спустя несколько лет, 5 октября 1825 г., в Житомирском городовом магистрате была совершена купчая между Мошкой Мееровичем Гурвицом и Мошкой Ицковичем Бланком, в результате которой М. И. Бланк стал владельцем «дома с грунтом в городе Житомире» стоимостью 125 руб. ассигнациями[15].

Проживая в Житомире, он старался не конфликтовать с местной общиной и с жителями Житомира. По крайней мере, В. В. Цаплин никаких свидетельств о судебных делах М. И. Бланка с жителями города в Житомирском архиве не нашел[16]. Но было обнаружено дело, возникшее по инициативе М. М. Бланка, против его старшего сына Абеля[17]. Причина проста. 18 ноября 1816 г. М. И. Бланк пришел в дом к Абелю, который недавно женился. Его не было в этот момент дома. Жена Абеля, Малка Потца, стала требовать от свекра обещанных им, в качестве приданого, денег. Трудно сказать, как велся этот разговор, но между собеседниками начался скандал, который своей повышенной тональностью обратил внимание соседей. Они пришли в дом Малки, чтобы посмотреть на происходящее, благо двери были открыты. Во время скандала вернулся домой Абель. Стоявший спиной к дверям М. И. Бланк не заметил возвращения сына. Во время перебранки М. И. Бланку был нанесен удар сзади. Он естественно спросил: «Кто это сделал?» Один из любопытных, Ян-

кель Шиманович, приезжий фактор (торговец. – *М. Ш.*), указал на Абеля. 20 ноября (2 декабря) 1816 г. М. И. Бланк подал иск о нанесении ему побоев сыном Абелем[18]. Началось следствие, но уже через десять дней, 30 ноября (12 декабря) 1816 г., М. И. Бланк обратился к гражданскому губернатору В. К. Гижицкому с просьбой освободить сына, которого оклеветали, и прекратить заведенное дело[19].

Губернатор передал заявление М. И. Бланка в Волынский Главный суд, где должно было рассматриваться по существу первое заявление Мойши Ицыковича. Волынский Главный суд в свою очередь поручил Житомирскому городскому магистрату проверить обоснованность просьб М. И. Бланка и одновременно выяснить, что из себя представляют как личности М. И. и А. М. Бланки. Чиновники магистрата, выполняя просьбу Волынского Главного суда, 31 декабря 1816 г. допросили 12 житомирских евреев, знавших отца и сына Бланков, о их поведении. Они под присягой дали положительную характеристику. Диаметрально противоположную точку зрения высказали 12 староконстантиновских евреев, отношение которых к М. И. Бланку хорошо известно. Под присягой они сказали: «С самого начала знания их Мошка Бланка оный Бланк был поведения самого худшего по еврейскому закону, подвергал себя неоднократно криминалу, замечен в разных воровских делах и блудодействованию»[20].

Эти показания оказались решающими при принятии решения членами житомирского магистрата. Не исключено, что им стал крайне неприятен человек, непрерывно конфликтовавший с членами общины, обвинявший их в разных грехах. И поэтому 5 января 1817 г. члены магистрата постановили признать Мойшу и Абеля Бланков «неодобренными» и в целях «воздержания их впредь от худых поступков отдать их 6-ти житомирским оседлым и ни в чем неподозрительным жителям о честно их впредь жизни на поруки, а в случае не взятия на таковые, согласно Указу 1763 года февраля 10-го числа[21] сослать оных Мойшу и Абеля Бланков в Сибирь на поселение»[22]. Но так как вина А. Бланка в нанесении удара отцу доказана не была (Я. Шимановича, судя по всему, члены житомирского городского магистрата не допрашивали ввиду отъезда из Житомира), его освободили из-под ареста, а М. И. Бланка оштрафовали на пятьдесят рублей ассигнациями за необоснованные обращения к губернатору. Кроме того, с него взяли письменное обязательство больше не писать заявлений подобного рода на имя губернатора[23].

Казалось, вопрос решен. Но через десять лет, не исключено, что по просьбе Абеля Бланка, ставшего к этому времени полицейским врачом Рождественской части С.-Петербурга и живущего после перехода в православие под именем Дмитрия Дмитриевича Бланка, Волынский главный суд возвращается к этому делу и 28 июня 1826 г. оправдывает его. Этим же решением суда М. И. Бланк был оштрафован на двадцать пять рублей[24], но это

его не расстроило. К этому времени его отношения со старшим сыном были хорошими. Это видно из того, что в июне 1824 г. по заявлению М. И. Бланка Волынский главный суд направил в Сенат все ранее заведенные на него дела. Не исключено, что интересы М. И. Бланка в высшей судебной инстанции представлял его старший сын Дмитрий Дмитриевич Бланк, живший в Петербурге. Нет сомнения в том, что он консультировался по этому делу со своим крестным отцом и благодетелем сенатором Д. О. Барановым. Однако трудно сказать, оказывал ли Д. О. Баранов влияние на ход рассмотрения иска. Ведь Сенат уже решил это дело в пользу Бланка[25].

При новом рассмотрении дела Сенат высказал другую точку зрения на возможную причину пожара в Староконстантинове в 1808 г.: в доме еврея Якова Тиманицкого «труба печи не была выведена на крышу, а на чердаке хранилась солома, которая легко могла загореться». На основании обсуждения жалобы Бланка 21 декабря 1825 г. (2 января 1826 г.) Сенат принял указ за № 928, в котором предложил взыскать с 22 обвинителей М. И. Бланка в его пользу убытки, которые он понес в результате клеветы[26].

Видимо, Волынский главный суд предложил М. И. Бланку самому определить размер убытков. Последний не преминул этим воспользоваться и предъявил – с учетом годичного пребывания под стражей, гибели посевов цикория, вынужденных разъездов по следствию, возможных до 1826 г. доходов от сгоревшего в 1808 г. дома (из расчета 10 руб. в неделю) – иск на общую сумму 15 100 руб. серебром и 4000 руб. ассигнациями[27].

Новоград-волынский магистрат даже завел «Дело о понесенных староконстантиновским евреем Мошко Бланком по делу о поджоге, якобы, им города Староконстантинова убытках». Но суд не спешил удовлетворить требования М. И. Бланка о наказании лиц, оклеветавших его. Тогда он обратился с письмом к императору Николаю I. (Первые публикаторы О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова). Вот его текст:

«Всепресветлейший державнейший Великий Государь Император Николай Павлович, самодержец Всероссийский, Государь всемилостивейший.

Просит староконстантиновский мещанин еврей Мошко Ицкович Бланк о нижеследующем.

1-й. По делу о взведенных на меня староконстантиновскими евреями о поджоге якобы мною города Староконстантинова изветах указом правительствующего Сената Волынского главного суда в 1-й департамент последовавшим предписано оному взыскать с учинивших на меня таковые изветы староконстантиновских евреев, 22-х человек, не ссылаясь один на другого, понесенные мною по тому делу убытки, какие только под присягою покажу. Вследствие какового указа хотя и не обязан я был предварительно предъявлять регистраторам понесенным мною по тому делу убыткам и никто от меня не требовал, а только, вы-

полнив присягу, о количестве оных просить о взыскании таковым; но я, желая уверить о справедливости тех понесенных мною убытков, представил предварительно регистр оным, показав в таковом по сущей справедливости убытки, причиненные мне вовлечением меня невинно в дело сие.

2-й. Но к крайнему моему удивлению из поданного в означенный главный суд староконстантиновским жителем 3-й гильдии купцом Монашкою Топоровским от имени своего и по доверенности 6-ти человек, жителей того города, и мещанином Лейзором Ратенбергом сего августа 11-го дня прошения усматриваю, что они сущность таковых показываемым мною убытков опровергают, и без всякого зазрения совести твердят, что мною никаких по сему делу убытков якобы понесено не было, могло ли сие быть вероятным и не доказывает ли несправедливость их. Противу такого их нелепого изъяснения, хотя я и не обязан делать каких-либо возражений, но, дабы обнаружить явную их несправедливость, клонящую существенно к проволочке во удовлетворении меня в причиненных ими мне убытках, в опровержение всего того излагаю следующее прошение.

3-й. Во-первых, относительно изъяснения означенных евреев якобы я чрез годовое содержание меня по их извету под стражею не мог потерпеть в хозяйстве убытка на 50 р. серебром, потому что будто бы я противу сей суммы своего состояния и десятинной не имел части, и что я даже я за тот арест мой не имею права простирать к ним и претензии потому, что таковой арест приговором волынского главного суда 1-го департамента правительствующим Сенатом утвержденным вменен, будто мне в наказание за обругание кагального Штенберга и Нафтулу Лисянского, мог ли я иметь или не иметь соответственно с показываемой мною сумме состояние. Сие им и никому кроме меня самого одного неизвестно: ибо кто может судить в точности о том, что у кого находится в кармане, а еже ли бы вменен был арест в наказание за обругание кагальных Штенберга и Нафтулу Лисянского, Правительствующий Сенат не дозволил бы допустить меня яко опороченного уже человека к выполнению присяги на понесенные мною убытки, и притом без всякого регистра. Во-вторых, убыток, понесенный мною от несобрания цикория, оспаривают тем, что будто бы показанный мною за пуд цикория по 7 р. серебром, цена никогда не существовала, цена на цикорий была тогда не только по 7 р., но гораздо и выше, в чем бы я мог сослаться на занимавшиеся тогда продажею оного купцов, но сие было бы единственною только желаемою для них проволочкою, а для меня терпением дальнейших убытков. Почему присяга моя будет достаточным в сем случае доказательством, а скажу только то, что я, по засеянии мною (нрзб) цикории, был взят под стражу; хотя же жена моя и не находилась под стражею, но она, быв озабочена тогда постигшею меня неизвестною судьбою, не могла уже обращать никакого внимания на

хозяйственные наши (нрзб) достигшая уже цикория, оставаясь без всякого уже призрения, была вся истоптана рогатым скотом и истреблена свиньями и таким образом не могла уже употреблена быть ни в какое дело, повторять же секрет, как приготовить оную, я никому из посторонних не считал нужным объявлять. после же того цена на цикорий упадая унизила до того, что от обработания оной почти никакой прибыли выручить было не можно, а сие и заставило меня оставить дальнейший оною промысел. В-третьих, касательно ста рублей, издержанных мною на разъезды в Новоград-Волынск; еси деньги действительно употреблены на сию надобность женою моею, которая по привязанности своей ко мне во время содержания меня под стражею навещала меня ежечастно, нанимая для сего подводу и производила излишние издержки на прокормление себя и меня с семейством. В-четвертых, в рассуждении 150 рублей, израсходованных мною на переселение в Житомир, и 240 рублей на наем там для жительства дома известно по делу каким мщением пылали ко мне староконстантиновские евреи, упоенные фанатизмом, якобы за религию свою. Они, считая меня отступником от религии потому, что я, свято сохраняя истинный закон Моисеев, отвергал суеверные обряды, к истинной религии не относящиеся, и я все восставал противу буйственных их о христианской религии и исповедывающих оную мнений, преследовали меня с таким остервенением, что жизнь моя всегда находилась в опасности, и я для сохранения оной должен был, оставив собственный свой в городе Староконстантинове дом, искать спасения в губернском городе Житомире, чуть более имел способов предохранить себя от преследования врагов моих и посягания на жизнь мою и нанимать для себя и семейства своего для жительства дом тогда, когда имел свой собственный и не мог в оном жительствовать. Переезд мой сюда со всем семейством моим и имуществом, обзаведение здесь и наем на первый случай квартиры не только 150 р., но и в двое почти того стоит, и я в (нрзб) статьи, показав самый умеренный убыток. В-пятых, относительно полагаемых мною убытков за оставленный в городе Староконстантинове дом 4000 р. ассигнациями и за доходы с оного через 17 лет всего 8840 р. серебром, потому что будто бы тот дом продан еще за два года до начатия дела сего еврею Елю за 40 р. серебром и оной Елю уплачивал с 1807-го года чиншу с того дома в экономию графини Ржуской по 7 злотых; предпомянутые евреи в подтверждение представили письменные документы: какую-то купчую крепость на еврейском языке, на лоскутке бумаги написанную и мною не подписанную, свидетельство староконстантиновского городнического правления, что закупленный у меня в 1806 Елем Мушлиным за 48 р. серебром дом взыскано в 1807-м году пошлин 4 р. серебром, и таково свидетельство высочайше учрежденной в городе Староконстантинове по имению графини Ржуской комиссии, что по инвентарю города Ста-

роконстантинова за 1807 год значится якобы мнимый покупщик моего дома. Елю уплатил с оного чиншу 7 злотых 15 грошей, но сие не может их избавить от просимого мною с них за тот долг мой удовлетворения, ибо: 1) дому моего я никогда ни Елю Мушлину, ни же никому другому не продавал, а так называемая ими купчая крепость в противность законам написана на еврейском языке на лоскутке простой бумаги без моего подписа и нигде в судебных актах не явлена, и, следовательно, есть подложная, и как же может Мушлин по таковому ничтожному документу считать себя владельцем моего дома, мог ли оный Мушлин полагаться на одно словесное сознание мое пред евреями духовными о продаже ему того дома учиненное как в том документе изъяснено, тогда, когда староконстантиновские евреи преследовали меня, в числе коих и сам он был и мучил меня в бане за несоблюдение будто бы мною обрядов еврейской религии и, следовательно, недостойным уже вероятия и сие последовало по наставлению противников моих; 2) может ли быть достоверным доказательством продажи моего дома Мушлину свидетельство городнического правления, что им уплачены пошлины 4 р. серебром, тогда так не пояснено в оном, на чем основана таковая продажа и по какому праву владел Мушлин моим домом, ежели оное правление основалось на документе, выше сего показанном, то поступило в противность законов, предписываемых почитать те только купчие крепости действительными, которые написаны на узаконенной гербовой бумаге и лично продавцом в присутственном месте сознанным; ежели же на одном только голословном показании, то тем более для него предосудительно и в ущерб казны ибо за продажу такого дома, который стоит 1000 р. серебром, казна получила пошлин только 4 р. серебром, хотя же они говорят, что Ель о таковой продаже моего дома нигде не жаловался, но я того Еля запозывал в новоград-волынский городовой магистрат еще в 1812 году; но не производил дальнейшего иска, потому что ожидал решения сего дела и был уверен получить тогда удовлетворение; 3) взятый экономиею графини Ржеуской с Еля Мушлина, мнимого покупщика моего дома, чинш 7 злотых и 15 грошей не может назначать цены тому дому, ибо оная получает чинши не по качеству дома, а по количеству грунта и назначает таковой чинш при отдаче плаца под постройку дома и, располагая плацами яко своею собственностью, могла по усмотрению своему или другим каким видам назначать чинши, какие ей заблагорассудились, или же отдавать без таковых, чтобы же тот дом мой не с моей показываемой мною цены 1000 р. серебром или 4000 р. ассигнациями, а только 40 р. серебром, то изъяснение в сем разе противников моих не может обращать на себя внимания как потому, что никто не был бы столько бессовестным, чтобы цену вещи, стоящей 40 р., возвысил до 1000 р., так и потому, что я, купивши тот дом, на исправление оного и пристройки издержал до 300 р. серебром и сие мог бы

доказать и свидетелями, ежели бы предстояла в том надобность и не было сие излишнею в удовлетворении меня проволочкою, равно доказал бы я и то, что с того дому моего действительно получал в прихозяйственных моих оборотах по 10 р. серебром в неделю дохода, (нрзб) от меня дома по (нрзб) показываемый мною убыток, но сие требует продолжительного времени и для удостоверения в том сообразии указу Правительствующего Сената достаточно будет собственной моей присяги, и как из всего вышеописанного обнаруживается, что противники мои, желая продлить присужденное с них Правительствующим Сенатом взыскание во удовлетворение меня за понесенные мною по сему делу убытки, нарочно вымышляют для сего разные предлоги; для того всеподданнейше прошу:

Дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение, приняв, записать и, приняв во уважение все выше поясненные мною обстоятельства, равно и долговременное мое по извету староконстантиновских евреев страдание, повелеть кому следует, оставив таковое неправильное прошение означенных евреев, изветчиков моих, без действия, согласно указу Правительствующего Сената привесть меня к присяге на показываемые мною убытки по сему делу понесенные и о само скорейшем взыскании оных учинить дальнейшее сообразно указу правительствующего Сената распоряжение.

Всемилостивейший государь, прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. Августа 18 дня 1826 года. К подаче надлежит волынского главного суда в 1-й департамент, прошение сие писал по словам просителя коллежский регистратор Краповецкий.

Староконстантиновский мещанин Мошко Бланк»[28].

Об этом письме написал в своем очерке В. В. Цаплин, но О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова по какой-то неизвестной причине сочли возможным упрекнуть Цаплина в неупоминании этого письма[29]. Хотя В. В. Цаплину, если и можно предъявить претензии, то только в том, что он не использовал в своей статье прочитанные им в Житомире и привезенные в Москву материалы в полном объеме, а изложил их кратко.

На мой взгляд, нельзя согласиться с В. В. Цаплиным в трактовке конфликта. Он считает, что конфликт назревал давно и имел очень серьезную причину. По мнению В. В. Цаплина, она могла иметь две основы. Первая – в стремлении сыновей получить образование, а не быть торговцами, как отец. И вторая – на религиозной почве. Не исключает В. В. Цаплин и взаимное дополнение этих двух причин, что только усилило конфликт.

По моему мнению, М. И. Бланк, наоборот, мечтал, чтобы его сыновья и дочь посвятили себя медицине. И именно он был инициатором перехода своих детей из иудаизма в христианство – православную конфессию, как господствующую в государстве.

Но осуществить свою мечту в отношении детей М. И. Бланк смог только через три с половиной года, после конфликта с Абелем. В апреле – мае 1820 г. в Житомире был в командировке сенатор Д. О. Баранов. Учитывая активный характер М. И. Бланка, можно предположить, что именно он встретился с Д. О. Барановым и попросил его принять участие в судьбе сыновей и дочери. Хотя нельзя, конечно, исключить, что молодые Бланки сами обратились к Д. О. Баранову за помощью, и он обещал им оказать содействие в том, чтобы по приезде в Петербург они смогли перейти в православие и поступить в Медико-хирургическую академию. Но какой бы вариант из упомянутых встреч ни произошел вначале, заключительная встреча Д. О. Баранова со всеми заинтересованными членами семьи Бланков состоялась в Житомире. И в ходе ее Д. О. Баранов еще раз подтвердил свою готовность оказать братьям всяческое содействие и сказал, что он и его родственники будут их восприемниками.

В. В. Цаплин напрасно сомневается в том, что сенатор Д. О. Баранов, ревизовавший Волынскую губернию и интересовавшийся делами еврейской общины (Домбровицкого кагала), и крестный отец Абеля Бланка Дмитрий Баранов одно и то же лицо[30]. Сенатор Д. О. Баранов в течение всего времени существования Еврейского комитета был одним из его руководителей.

Необходимо отметить, что О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова произвольно изменяют год написания письма. Они все время пишут вместо 1826 г. 1816 г.[31] На мой взгляд, это произошло потому, что им необходимо было каким-то образом показать, что конфликт между М. И. Бланком и его сыном Абелем 18 (30) ноября 1816 г. был спровоцирован одним из противников М. И. Бланка для расправы с ним как с человеком, активно поддерживавшим действия русского правительства по культурной реформе «еврейского общества с целью преодоления его религиозно-национальной замкнутости». «Эти попытки, – пишут авторы, – находили поддержку среди наиболее продвинутой части еврейства, понимавшей, что с переходом в русское подданство вовлечение в общегражданскую жизнь невозможно без культурного сближения с окружающим населением». Вряд ли корректно, как это делают О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова, связывать взгляды М. И. Бланка с идеалами немецкого философа М. Мендельсона, считавшего необходимым объединить еврейские традиции и европейское просвещение[32] и являвшегося сторонником веротерпимости и религиозных убеждений[33]. Письма М. А. Бланка императору Николаю I дают основание сделать прямо противоположные выводы.

По моему мнению, нельзя также представлять М. И. Бланка сторонником одного из крупнейших просветителей еврейского народа Ицхака-Бера Левинзона[34]. Конечно, М. И. Бланк понимал необходимость дать образование своим детям, но сам так и

не научился до конца своих дней ни одному из трех языков (русскому, немецкому или польскому), знание которых требовало от евреев правительство в соответствии с Положением 1804 г. Был М. И. Бланк и ярым противником хасидизма, что видно из его писем Николаю I[35]. Но здесь его взгляды совпадали со взглядами И.-Б. Левинзона, который еще в 30-е гг. XIX в. предложил правительству «наложить руку на “вредные” еврейские книги»[36].

Трудно согласиться с О. А. Абрамовой, Г. А. Бородулиной и Т. Г. Колосковой в том, что «взгляды еврейских просветителей – сторонников сближения с русским народом импонировали русскому правительству. Однако, – продолжают авторы, – по мнению еврейских историков, правительство само обессилило культурную реформу, не решивших в первой четверти XIX века упразднить власть кагально-раввинского союза над еврейским народом»[37]. И вот почему. Дело не в том, что не было ослаблено влияние кагалов и раввинов. Руководители кагала и раввины против власти никогда не выступали. В то же время само правительство не давало евреям возможности весь свой талант посвятить России. Это наглядно видно из истории первого юриста-еврея в России Симона Левина Вульфа (отчество образовано от имени отца – Лев. Сегодня сказали бы Львович).

В 1816 г. кандидат права Дерптского университета С. Л. Вульф безуспешно пытался добиться разрешения принять у него экзамен на звание доктора юриспруденции. Какие только доказательства не приводил С. Л. Вульф в обоснование своих прав, включая Положение о евреях от 9 декабря 1804 г. Но все было напрасно. Его властные оппоненты, признавая, что во время учебы Вульф проявил себя добропорядочным студентом, обладающим отличным прилежанием и основательными знаниями, категорически выступали против допущения С. Л. Вульфа к экзаменам в силу его иудейского вероисповедания[38]. Именно оно, по мнению оппонентов, помешает С. Л. Вульфу объективно разобраться в церковном праве, являющемся частью юриспруденции[39]. По мнению министра просвещения графа А. К. Разумовского, «еврей, доколе остается при своем исповедании, не может быть допущен к получению степеней университетских по части юриспруденции»[40].

С. Л. Вульф, в отличие от М. И. Бланка, не желал ради своего благополучия не только менять вероисповедание, но и призывал Александра I не отвергать «верной службы одной из притесненных наций и может быть многие, очень многие полезные подданные из оной пожелают вступить в службу Вашего императорского величества»[41].

Между тем, 18 (30) июля 1830 г. С. Л. Вульф был принят на работу в качестве консулента Государственной юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел[42].

Однако министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын написал 17 (29) июля 1817 г. в правитель-

ствующий Сенат следующее: «Евреев, доколе остаются они при своем исповедании, нельзя допускать к юридическим должностям»[43].

Так что вряд ли можно согласиться с О. А. Абрамовой, Г. А. Бородулиной и Т. Г. Колосковой в том, что на судьбу М. И. Бланка и его сыновей повлияли «нормы внутреннего быта еврейского общества»[44]. По нашему мнению, в выборе жизненного пути семьи Бланков свою роль сыграла именно политика правительства в отношении евреев, но здесь нельзя также забывать о конфликтном характере М. И. Бланка и его нелюбви к собственному народу.

В октябре – декабре 1826 г. Сенат издал несколько указов по делу М. И. Бланка и потребовал выслать данное дело в свой адрес. После тщательного ознакомления с делом 28 июня (10 июля) 1827 г. был издан новый сенатский указ. Дело вновь было возвращено в Житомир, и власти, наконец, приняли меры. Для ускорения возмещения убытков были заключены в тюрьму 11 из 22 авторов письма против М. И. Бланка в 1808 г. В Новоград-Волынском суде было взято под особый контроль. Новоград-Волынский магистрат в начале октября 1827 г. признал сумму ущерба, названную Бланком. Волынский губернатор П. И. Аверин 28 октября (9 ноября) 1827 г. потребовал в течение двух месяцев взыскать с виновных названную сумму в пользу М. И. Бланка. 18 (30) ноября того же года волынский главный суд попросил Новоград-Волынский магистрат объяснить, в чем причина затягивания дела по возмещению М. И. Бланку нанесенного ущерба. Причина же была простой. По сложившейся практике продажей движимого имущества занимался Староконстантиновский уезд, а недвижимого – Новоград-Волынский магистрат. Эти две инстанции не могли договориться между собой о выполнении решений по иску. Тем более, что и Волынское губернское правление, и Волынский главный суд требовали от них соблюдения всех формальностей[45].

На 3 (15) марта 1828 г. в Староконстантинове назначили распродажу имущества лиц, выдвинувших обвинения против Бланка, но местные жители на нее не явились. Аналогичная история произошла и 6 марта. Еврейская община открыто демонстрировала свое отношение к Бланку. В итоге распродажа была перенесена на 25 мая (7 июня) 1828 г. и, наконец, состоялась. Выручка от продажи имущества пяти ответчиков составила 727 руб. 42 коп., что было значительно меньше той суммы, на которую претендовал истец[46].

В печати в течение буквально полугода появились следующие сообщения под рубрикой: «В губернских правлениях: Волынском», имеющие прямое отношение к М. И. Бланку и его конфликту с земляками: «д) Имение староконстантиновских евреев, как то: Дувида Иосифовича Шейнштейна каменный дом с погребом, оцененный в 1500 руб.; Арона Шапиры каменный

дом с лавкой в 1300 руб.; Ушера Лисянского каменный дом с 2 лавками в 1000 руб.; Дувида Рувимовича Рубинштейна каменный дом с лавкою в 700 руб.; Нафтулы Лисянского, он же и Топоровский, каменный дом с амбаром и погребом в 2000 руб.; Лейзера Ратенберга каменные 2 дома с амбаром деревянным и 2 каменными лавками в 4100 руб.; Нафтулы Абрамовича Лисянского каменный дом с лавкою в 3600 руб.; Гитли Монашковой каменный дом с лавкою и погребом в 800 руб.; Янкеля Маркеловича каменный дом с погребом в 1500 руб.; Мушки Лахмаиловой Лисянской каменный дом с погребом и лакою в 1400 руб., а Монашка Топоровского дом с 2 каменными лавками в 4000 руб. на удовлетворение поискиваемых евреем Бланком убытков, на сроки: 1 и 18, 2 и 24, а 3-й и окончательный 27 числа сего октября месяца»[47].

Но уже в июле 1828 г. Новоград-Волынский магистрат начал передавать Бланку недвижимое имущество, принадлежавшее его обидчикам[48]. Таким образом, Бланк одержал победу. Его самолюбие было удовлетворено, несмотря на то, что прошло уже 19 лет с момента освобождения его из тюрьмы.

Однако история, связанная с пожаром в Староконстантинове и обвинением в его организации М. И. Бланка, на этом не закончилась. Прошло еще три года, и совершенно неожиданно к делу подключился Государственный совет. Решение 2-го отделения 5-го департамента правительствующего Сената по делу «о причиненных еврею Бланку евреями города Староконстантинова убытках 20-го июля 1825 г.» было рассмотрено 20 мая 1831 г. на заседании Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. На нем была признана недостоверность доносов «евреев города Староконстантинова на тамошнего мещанина еврея Бланка и о притеснениях первыми последнего»[49], и определен порядок взыскания с виновных ущерба, нанесенного М. И. Бланку. Мнение, высказанное Государственным советом, было таково: он «полагает дозволить Прав[ительствующему] Сенату последнее определение <...> привести в надлежащее исполнение»[50]. Николай I утвердил мнение Государственного совета и повелел его исполнить[51]. Итогом была публикация следующего объявления: «Вследствие отношения Волынского губернского правления недвижимых имений нижеозначенных староконстантиновских евреев: 1-е Арона Шапиры каменный дом и каменная лавка, оцененные ассигнациями в 1300 руб.; 2-е. Дувида Рувимовича Рубинштейна дом каменный с каменною лавкою, оцененные в 700 руб.; 3-е. Лейзера Ратенберга дом каменный и деревянная лавка, оцененные первый в 900 руб., а последняя в 400 руб., другой дом каменный, оцененный в 2000 руб. и 2 каменные лавки, оцененные в 2000 руб. и 2 каменные лавки, оцененные в 800 руб.; 4-е. Нафтули Абрамовича Лисянского дом каменный, оцененный в 3000 руб. и каменная лавка, оцененная в 600 руб.; 5-е. Гитли Монашковой дом каменный, ценен с лавкой

и погребом в 800 руб., состоящие в г. Староконстантинове; дохода в год приносящие дом и лавка Арона Шапиры 80 руб., дом и лавка Дувида Рубинштейна 60 руб., дом Лейзера Ратенберга 50 руб., амбар 28 руб., другой дом 60 руб., 3 лавки 50 руб., дом Нафтуля Абрамовича Лисянского 80 руб., лавка 30 руб., Гитли Монашковой дом с лавкою и погребом 60 руб., описанные за неплатеж поискиваемых евреем Мошком Бланком денег.

Примечание: К продаже выше показанные имения назначены сроки, считая оные со дня 1-го позднего припечатания: 1-й чрез месяц, 2-й чрез 2, а 3-й окончательный чрез 3 месяца в 1-й присутственный день»[52]. Так закончилась эпопея, связанная с пожаром в Староконстантинове 1809 г. и ложными обвинениями М. И. Бланка в его организации.

Трудно сказать, чем занимался М. И. Бланк, проживая в Житомире, хотя на страницах ряда газет 40–50-х годов XIX в. можно найти материалы, раскрывающие некоторые моменты его деятельности. Так, 16 (28) декабря 1847 г. на публичном торге в г. Житомире кременецкий купец 3-й гильдии Герш Мошков Малис купил землю, принадлежащую мещанину Дмитрию Бланку[53]. Причина продажи земли неизвестна. Но газеты свидетельствуют, что М. И. (Д. И.) Бланк, в той или иной форме, давал в долг деньги, т. е. был ростовщиком.

В более поздние годы, уже после принятия православия, Дмитрий (Мойша) Ицкович Бланк вместе с дочерью Любовью Тридрих ссужал деньгами житомирцев[54]. 21 июля (2 августа) 1850 г. в Житомирском уездном суде они вынуждены были объявить себя несостоятельными[55]. Но это, несмотря на возраст Дмитрия Бланка, не уменьшило его ростовщический пыл. 22 марта (3 апреля) 1852 г. Житомирский уездный суд опубликовал сообщение о том, что вызывается еврей Якер Бендит «для выслушивания решения, состоявшегося по делу о должных мещанину Дмитрию Бланку евреем Фроимом Розенблитом по векселю 83 руб. 45 коп. серебром»[56].

Пройдет еще пять лет. 19 (31) января 1857 г. жители Волынской губернии прочтут в «Волынских губернских ведомостях» о том, что 11 (23) февраля 1857 г. состоятся торги «на продажу имущества купца Ицка Финкельштейна, состоящего в городе Житомире из фортепиана и разного рода мебели, оцененного в 65 руб. 30 коп. серебром, на удовлетворение долга, присужденного от него Финкельштейна Житомирским уездным судом мещанину Дмитрию Бланку 100 руб. серебром»[57].

2. Письма императору Николаю I

В начале 1991 г. в вышедшей в Нью-Йорке книге Г. М. Дейча «Еврейские предки Ленина» были опубликованы тайно выявленные автором документы, имеющие прямое отношение к семье Бланков. В частности, в фонде Департамента духовных дел

иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел Г. М. Дейч нашел краткое изложение доклада министра внутренних дел Л. А. Перовского императору Николаю I по поводу поступившего на имя императора письма Дмитрия Бланка. Это побудило меня заняться поисками текста самого письма. Однако в 1991 г. материалы Еврейского комитета были еще засекречены и не выдавались исследователям. Только в 1992 г. гриф секретности с них был снят и летом того же года перевод данного письма был мною выявлен и опубликован полностью в газете «Петербургский литератор», № 5 за 1992 г. Спустя несколько лет мне удалось найти оригинал письма[58].

Примерно в это же время О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова в фонде III отделения Его императорского величества канцелярии выявили письмо Д. И. Бланка, посланное им Николаю I в 1845 г. Письма текстуально связаны между собой. Они являются интереснейшими документами, характеризующими и эпоху, и личность их автора – человека, который стремился причинить максимально возможный вред своему народу, не получая при этом никакой пользы для себя. Своими письмами Д. И. Бланк намеревался сыграть некоторую роль в российских государственных делах.

Но прежде одно замечание. В. В. Цаплин не прав, утверждая, что Д. И. Бланк умел читать и писать не только по-еврейски (на иврите или идише. – *М. Ш.*), но и по-русски[59]. Если бы Д. И. Бланк умел писать по-русски (читать он, вероятно, умел), то письмо было бы написано на русском языке, как того требовал закон 9 декабря 1804 г., а оно написано по-еврейски.

В полном соответствии с требованиями действующих инструкций Д. И. Бланк сдал письмо в аппарат исполняющего должность житомирского военного и волынского гражданского генерал-губернатора И. В. Каменского. Ознакомившись с письмом, И. В. Каменский признал необходимым переслать его в Управление киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова. При этом житомирский губернатор донес, что «Бланк... есть выкрест из евреев, неспокойного характера, ябедник, имеет за собою несколько ябеднических дел и совершенно не одобряется в поведении»[60].

В Киеве письмо долго не задержалось. Гражданский губернатор И. И. Фундуклей пересылает его 16 (28) июня 1845 г. Главному начальнику III Отделения Собственной е. и. в. графу А. Ф. Орлову, сообщив при этом мнение о Д. И. Бланке житомирского военного губернатора[61].

Выполняя распоряжение А. Ф. Орлова, вполне справедливо пожелавшего ознакомиться с содержанием письма (оно, как и письмо 1846 г., написано на иврите и не было переведено в Житомире на русский язык), управляющий III Отделением, начальник штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельт направляет его 27 июня (9 июля) 1845 г. директору Азиатского департамента

Л. Г. Сенявину с просьбой: «перевести оное, полученное от проживающего г. Житомира выкреста Дмитрия Бланка, всеподданнейшее донесение на еврейском языке... приказать перевести оное на русский язык и доставить вместе с оригиналом к графу Алексею Федоровичу»[62]. 6 (18) июля 1845 г. Л. Г. Сенявин возвращает Л. В. Дубельту «всеподданнейшее донесение Дмитрия Блоха (так переводчик ошибочно перевел фамилию Д. И. Бланка. – *М. Ш.*) на еврейском языке... и учиненный с оного в Азиатском департаменте русский перевод»[63]. Письмо было доложено императору и в архиве III Отделения собственной е. и. в. канцелярии получило отражение в деле: «По всеподданнейшему донесению выкреста из евреев Дмитрия Бланка (или Блоха) относительно упорства евреев в их заблуждениях»[64].

Вот текст этого письма:

«Всемилостивейшему Отцу и Государю нашему императору Николаю Павловичу, да ниспошлет ему Всевышний долголетнюю жизнь, мир, благословение и да споспешествует ему во всех делах!

Каждый разумный человек сознает благодеяние, оказанное Вашим императорским величеством еврейскому народу, высочайшим повелением об определении еврейских детей в училища и наблюдении за приличною для него одеждою, что способствует к образованию сего народа; но низший класс сей нации смотрит на эту императорскую милость, как на несчастие. Действительно он мало заслуживает сей милости; ибо я сам (воспринявший св. крещение 1-го января сего года на 90-м году от рождения и с тех пор посещая церковь, в коей приносятся молитвы о благоденствии государя императора, наследника и царской фамилии) замечал, что евреи, хотя и предписано им Талмудом молиться о здравии царствующего императора, того не исполняют даже и в самый день примирения, не смотря на то, что они проводят тот же целый день в молитве в Синагоге. Хотя и есть в их молитвенных книгах форма возношении только имени императора, а не императорской фамилии: но и эта никогда не исполняется и существует для одного вида. В самой одежде и образе жизни, евреи столь отдаляются от христианских обычаев, что соделываются недостойными излиянных на них монарших милостей; но тому виною суть их законоведцы, которые им воспретили принять обычаи других наций. Уже более 30-ти лет, как я узнал о таковых заблуждениях, отдал двух сыновей своих в училища, и лет 20 тому назад отправились они в Петербург, приняли христианскую веру и изучились медицине, впоследствии один из них умер там же, а другой определен на службу в Перми. Жена моя, препятствовавшая мне до сих пор креститься, наконец тоже умерла, и я решился провести остаток жизни в лоне православной веры. Между евреями многие склоняются к той же цели, но не смеют обнаружить желание, опасаясь лишиться отеческого наследства или удерживаемые женами от желания их

соединиться с христианами, а потому остаются в ожидании, что только высочайшем по сему обстоятельству повелением разрушится наконец ненависть между евреями и христианами. Евреи не должны бы ненавидеть христиан, ибо сии последние во многих отношениях приносят им пользу, откупая у них негодное к их употреблению мясо (евреям воспрещается употребление в пищу мяса животных, у коих или приросли, или повреждены легкие) и квасный хлеб во время Пасхи (во время Пасхи еврей может употреблять только хлеб неквасный. (*Примечания переводчика*)). И то и другое евреи по религиозным их правилам должны бы бросить в воду, если б их христиане у них не перекупали. Равным образом и в синагогах в день шабаша и примирения, когда никто из евреев не может зажечь свечей, прислуживают им христиане. Кроме того евреи приобретают пропитание свое посредством торговли с христианами. Но евреи пребывают в беспрерывном ожидании пришествия Мессии и каждодневно читают такую молитву: верую в пришествие Мессии и во освобождение наше из изгнания, – из чего явствует, что они не могут быть ни добрыми подданными, ни друзьями христиан, когда надеются в скором времени быть перемещенными в собственную свою землю. Итак, чтобы привести в исполнение благодетельные намерения Вашего Императорского Величества в отношении образования евреев необходимо высочайшее повеление, в силу коего им воспрещается пользоваться впредь вышесказанными выгодами, получаемыми от христиан, равномерно молитвы о освобождении по средством Мессии, как противные присяге подданства, воспретить; вместо того приказать им молить в синагогах в праздничные и шабашные дни за Ваше Императорское Величество, за наследника престола и за всю царскую фамилию, а раввинам не дозволить более объездов по своим приходам, ибо они соблазняют евреев к лжеумствованию. Тогда только можно ожидать преобразования евреев и тогда только они признают с благодарностью добрые намерения Вашего Императорского Величества.

(подписано) Дмитрий Иванов Блох

5 Июня 1845.

С подлинным переводом, при делах Азиатского департамента хранящимся, верно: статский советник П. Наумов[65].

В связи с тем, что в сопровождающих письмо документах, хранящихся в деле, чередуются фамилии Бланка и Блоха, как автора письма и, кроме того, переводчик письма П. С. Наумов перевел фамилию, имя и отчество автора письма как «Дмитрий Иванов Блох», возник вопрос: какова она в действительности? Пришлось обратиться за помощью к Главному раввину С.-Петербурга М. М. Певзнеру. После ознакомления с текстом М. М. Певзнер уверенно сказал: «Дмитрий бен Ицык Бланк». Старший научный сотрудник отдела рукописей Российской го-

сударственной библиотеки И. В. Медведев, переведший письмо Д. И. Бланка по просьбе О. А. Абрамовой, Г. А. Бородулиной и Т. Г. Колосковой, сказал, что письмо подписано: «Дмитрий бен Изик Бланк». Неверно переведена одна буква, но она в корне меняет отчество. В первом случае оно читается как «сын Ицыка или Ицыкович», что соответствует действительности. В быту его бы звали «Исаакович». Во втором случае «сын Изика, точнее Израилевича», ибо имени Изик не существует.

Сохранив при переходе в православие имя отца, Д. И. Бланк не отказался от него. Оставление прежнего отчества при переходе в православие русская церковь допускала. Принятие при крещении М. И. Бланком имени Дмитрий свидетельствует, что договоренность об этом была достигнута еще в 1820 г., во время визита в Житомир благодетеля семьи сенатора Д. О. Баранова.

К сожалению, в ГАРФ нет бумаг о том, какие меры были приняты по письму Д. И. Бланка. Судя по тому, что он вновь обратился к императору с письмом, содержащим предложения по поводу крещения евреев в христианскую веру, первое обращение осталось без внимания. Впрочем, это хорошо видно из текста второго письма, перевод которого с еврейского также сделал П. С. Наумов. Его мы приводим без сокращений.

«Сент[ябрь]. 18.1846.

Государь Император наш милостив ко всем вообще, особенно к верным своим подданным: так и евреям была оказана великая милость учреждением школ для их детей, дабы они были в состоянии приобретать себе честным образом пропитание как то делают и другие образованные люди, а для достижения сего весьма полезен указ, повелевающий, чтобы они одевались, как христиане. Но большая часть евреев, т. е. нижний класс из них, почитает сей благодетельный указ как за несчастье, да и в самом деле, евреи недостойны монаршей милости, по закоренелой ненависти, которую они питают к христианам: в этом я убежден, ибо я сам был евреем и крещен только 1-го января 1835 года, тогда я услышал, как в церквах совершают молитвы за государя, за наследника престола и за всю императорскую фамилию. Это и справедливо и благопристойно; евреи же, хотя им и повелено в Талмуде молиться о благе своего государя, не исполняют сего предписания, несмотря на то, что в праздник примирения они проводят целый день в молитвах в синагоге. Правда, у них есть молитва за одного только государя императора, не упоминая ни слова о царской фамилии, и сию-то молитву им предписано творить во все воскресные и праздничные дни, но и того они не исполняют; упомянутая молитва написана в синагоге на доске для одних только глаз, и никогда не произносится; а как я их однажды спросил: зачем вы не молитесь за государя – так как вам предписано в Талмуде? – Они отвечали: “Это предписание относится только к иудейским царям, а не касается до христианских” – впрочем, в этом виновны не только они бедные люди,

как раввины, которые воспрещают все христианские обычаи; у сих-то раввинов, которые суть лицемерные святоши, они собираются тысячами в дни Нового года и праздника примирения, и там учат их ежедневно спрашивать у Бога пришествия Мессии, чтобы сделаться совершенно свободными: таковая же молитва противна их подданнической присяге. Поистине эти бедные люди не виновны, но соблазняются раввинами.

Однако же есть средство привести их на путь истины, средство, которое сначала им не понравится, но которое впоследствии они полюбят: тогда они будут благодарить государя императора и искренно молиться за него, за то, что он открыл им заблуждения и обратил их к собственному их благу. Уже 40 лет, как я отрекся от евреев: обоих сыновей моих я воспитывал в христианских училищах, и в 1820 году послал их в Петербург, где они обучались медицине; один из них умер штаб-лекарем во время холеры; другой и теперь еще находится в государственной службе – в Оренбургской губернии; сам же я мог перейти к святой вере христианской не прежде, как по смерти чрезмерно набожной моей жены. Много евреев одинаково со мною мыслят и желают принять христианскую веру. Но отчасти они опасаются, что родители лишат их наследства, отчасти препятствуют сему желанию их жены, коих слезы удерживают их от крещения. Сии то люди желают, чтобы со стороны правительства – оказано было некоторое принуждение, дабы иметь предлог для исполнения своего желания. Ненависть евреев к христианам, которым они желают всякого зла, весьма несправедлива, из одной уже благодарности они бы должны были их любить: ибо без помощи христиан им было бы невозможно выполнять религиозные свои обряды в субботний день и в другие праздники. Еврею не позволено доить коров, разводить огонь и тому под[обное]: все это исполняют за него христиане; им же он продает во время Пасхи все квасное, что ему тогда запрещено употреблять в пищу и что он был бы принужден бросить в воду, если бы христиане того у него не покупали; так же он поступает с запрещенным ему мясом (евреям позволено есть только передние части животных, битых ими самими по предписанным законам: задние же части они продают христианам. – *Примеч. переводчика*) и продает христианам околевших птиц, перерезавши им наперед горло. По всем этим выгодам, получаемым евреем от христианина, он долженствовал бы любить сего последнего, но он мечтает только о пришествии Мессии и о свободе, которую через это надеется получить. Итак, если Ваше Императорское Величество соизволите повелеть, чтобы впредь евреи не получали от христиан всех вышеупомянутых выгод; чтобы им воспрещены были ежедневные молитвы о пришествии Мессии и чтобы их принуждали в каждый субботний день молиться за государя, за наследника престола и за всю царскую фамилию, как то делают христиане; в таком случае сами евреи стали бы напрашивать крещения и тог-

да не нужно было бы давать крещеному по 30 руб. серебром. Надобно силою принудить евреев избрать собственную пользу, так как принуждают больного, который не хочет принимать лекарства.

Еще 7 июня 1845 года я писал то же самое, что и теперь, и отправил мое послание г-ну губернатору для дальнейшей пересылки. Но я полагаю, что евреи нашли средства воспрепятствовать отправлению моего письма; теперь я надеюсь, что государь император благоволит одобрить мое предложение, так что я, 90-летний старец, имеющий перед глазами смерть и могилу, доживу до того, чтобы узнать евреев освобожденными от предрассудков и заблуждений своих. Особливо же должны быть запрещены евреям все собрания у казидимов (казидимы, т. е. мистические фанатики. – *Примеч. переводчика*), существующих с недавнего времени, т. е. с появлением известного мистического мечтателя Израиля. Ибо и мои родители были евреи, но никогда не ходили к раввинам. Окончательно я желаю долгой жизни и счастливых дней Государю Императору. Наследнику престола и всей царской фамилии.

Подписано Дмитрий Бланк»[66].

При сравнении двух писем внимание привлекает один любопытный момент. В первом письме Д. И. Бланк говорит, что был крещен 1 января 1845 г. на 90-м году жизни, после смерти жены, которая препятствовала его переходу из иудаизма в православие. Во втором он утверждает, что это произошло 1 января 1835 г. Разница в датах достаточно серьезная.

В фонде канцелярии Правительствующего Синода хранится «Дело воспринявших православную веру за 1835 год». В нем имеется рапорт архиепископа Волынского и Житомирского Иннокентия о воспринявших православие в 1835 г.. Среди упомянутых в нем лиц нет ни одного человека, перешедшего из еврейского закона к православной греко-российской церкви[67]. Это означает, что память Мойшу Ицковича Бланка подвела. Здесь сыграли свою отрицательную роль возрастные изменения, влияющие на работу мозга, что вполне естественно. Этим же можно объяснить путаницу, которую допускает Д. И. Бланк в отношении места службы сына – А. Д. Бланка. Но в данном случае нельзя исключать и того факта, что между отцом и сыном переписка была нерегулярна и поэтому Д. И. Бланк просто ошибся.

В письмах имеются и другие разночтения. Но они объясняются очень просто. Д. И. Бланк не имел копии первого письма, но хорошо помнил его основную идею. Ее он изложил в своем втором письме Николаю I. Предложения Д. И. Бланка сводились к введению законодательных актов, которые заставили бы российских евреев принять христианство.

О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова обращают внимание на то, что под первым письмом стоит подпись

«Дмитрий Иванов Блох», а под вторым «Дмитрий Бланк» и происхождение этих фамилий разное. В этом они правы. Но не в этом суть. П. С. Наумов ошибся в переводе фамилии и отчества Д. И. Бланка в первом письме. Это отчетливо видно из сопроводительного документа, написанного в Житомире, где хорошо знали имя автора письма. П. С. Наумов же этой канцелярской бумаги не видел и допустил ошибку. Допустил он ее и при переводе отчества. Наумов перевел его как «Иванович».

О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова, в отличие от меня, считают разночтения двух писем Д. И. Бланка весьма существенными. По их мнению, это является следствием ошибок в переводе. И далее выражают сожаление, что оригинал письма, выявленного нами, не сохранился. Они ошиблись. Зная текст обоих писем, можно сделать вывод, что П. С. Наумов квалифицированно справился с поставленной перед ним задачей. Его огрехи в пределах нормы. Тем не менее О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова имели полное право проверить точность перевода.

И. В. Медеведев, по утверждению Абрамовой, Бородулиной и Колосковой, считает, что первое письмо Д. И. Бланка написано тремя разными людьми «на иврите оригинальной хасидской скорописью, распространенной среди хасидов западных губерний Российской империи, сформировавших, как известно, не только свой собственный стиль богослужения, но и свой стиль письменности. Основная часть письма написана другим человеком на идише, также со стилизацией под хасидскую графику. В письме много германизмов, причем немецкие слова написаны еврейскими буквами. Проанализировав графику основного текста письма эксперт (И. В. Медведев. – *М. Ш.*) выдвинул предположение, что автор мог происходить из Германии или Прибалтики, а грамоте обучался у хассидов. Человек этот, безусловно, образованный, пренебрегший даже в письме строгими канонами еврейской письменной традиции. Об этом свидетельствует, например, употребление арабских цифр, недопустимое в еврейской среде.

Содержание письма также свидетельствует о том, что автор был приверженцем идей Гаскалы, близким к кругам просвещенцев.

Порвав с иудейством (? – правильно – с иудаизмом.– *М. Ш.*), он, тем не менее, предупреждает в письме к императору об опасности принуждения евреев к крещению, считая, что единственный путь к преодолению отчуждения евреев и христиан – это образование. “Надеюсь,– заканчивает Дмитрий бен Ицык Бланк, – на наступление времен просвещенных для евреев, рожденных на территории этой великой страны...”»[68]. Но И. В. Медведев утверждает, что подпись сделана малограмотным человеком: буквы как бы срисованы с прописей и составлены в слова так, как ребенок составляет слова из разрезанной азбуки.

Пока мне не удалось объяснить причину явных несоответствий этих документов, ставящих под сомнение подлинность их авторства[69].

Мне также неясно, какие документы сопоставляли О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова? Ведь у них в руках было только одно письмо. Опубликованный ими перевод П. С. Наумова не содержит предупреждений Николаю I об опасности насильственного крещения евреев. Скорее, наоборот, Д. И. Бланк в обоих письмах именно к этому и призывает.

Неясно также, почему, по мнению эксперта И. В. Медведева, письмо написано тремя разными людьми. Зачем Д. И. Бланку, с детства, как и все еврейские мальчики, обучавшемуся письму на родном языке, нужно было нанимать двух писцов – одного на иврите, другого на идиш. Ведь оба писца должны были разделять взгляды автора, высказанные им в письме, а таких среди евреев невозможно было найти. Гораздо легче было подыскать таких людей среди лиц, исповедующих христианскую религию и умеющих грамотно писать по-русски. И еще одно. Вряд ли стоит гадать, откуда происходит безымянный автор письма – из Германии или Прибалтики. Он имеет вполне конкретную фамилию – Бланк. Людей же, носящих эту фамилию, на Волыни, в Подолии, Новороссии и Белоруссии было достаточно много. На мой взгляд, Д. И. Бланк родился в той части Люблинского воеводства королевства Польши, которая, будучи присоединенной к России, была включена в созданную в 1804 г. Волынскую губернию. Письмо Д. И. Бланка объясняет нам его более раннее заявление о том, почему в то время, когда он являлся еще членом еврейской общины, его считали инакомыслящим[70]. Необходимо отметить, что уже в XVIII в. среди евреев, населявших эти территории, происходили серьезные разногласия по религиозным вопросам. Раввины требовали от своей паствы знание Талмуда и строгого исполнения внешних обрядов. Но большинство еврейского населения относилось к формальным требованиям раввинов, без почтения относившихся к религиозным чувствам верующих. И как итог – появление течения, получившего название «учение благочестия» или хасидизм. Основателем его стал уроженец Подолии Израиль Бен Элиезер Бал Шемтов или просто Бешт. Он начал проповедовать идею о том, что истинное спасение евреев состоит не в талмудистской учености, а в сердечной привязанности к Богу, в простой нерассуждающей вере и в горячей молитве. «Общение с Богом есть главная цель религии»[71]. Учение И. Бешта достаточно быстро распространилось в Подолии и на Волыни. Целые общины переходили на его сторону. Это вызывало резко негативную реакцию со стороны раввинов, которые обвинили руководителей хасидов в расколе.

Это встретило понимание русского правительства. Ярым противником хасидов (казидимов, как говорится в выше при-

веденном письме. – *М. Ш.*) являлся и Мойша Ицыкович Бланк.

По мнению Г. М. Дейча, М. И. Бланк «ненавидел» Бешта[72]. Впрочем, как видно из письма, Дмитрий Бланк не любил и раввинов. Убежден, что не любил он их и до принятия христианства. Видимо, на это были свои причины.

Неясно, на основании чего О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова делают вывод, что Д. И. Бланк был сторонником Гаскалы (здесь они должны были пояснить читателю, что в переводе с еврейского на русский язык это слово звучит как просвещение. – *М. Ш.*) Он действительно сделал все, чтобы его дети получили образование. Об обучении же других еврейских детей в известных нам письмах на имя императора Д. И. Бланк не говорил ни слова.

Обратимся же к судьбе второго письма. 26 октября (7 ноября) 1846 г. содержание письма было доведено министром внутренних дел Л. А. Перовским до сведения Николая I, который повелел передать письмо в Еврейский комитет для рассмотрения[73]. Уже 4 (16) декабря того же года Комитет для определения мер коренного преобразования евреев в России (таково его полное название) рассматривал «записку крещеного еврея Бланка, имеющего от роду более 90 лет, о различных мерах к обращению евреев в христианство». Особое внимание комитет уделил молитве за государя. При этом члены комитета, ссылаясь на имеющиеся в их распоряжении документы, сочли необходимым «сделать через Министерство внутренних дел распоряжение о строгом подтверждении и наблюдении, чтобы при богомолении евреев непременно совершаемы были установленные молитвы за государя и императорскую фамилию, подвергая виновных в неисполнении сего преданию суду по законам»[74].

Спустя три года вопрос о молитве евреев за царя, инициированный Бланком, рассматривался вновь. Был составлен новый текст, «основанный на законе еврейском», который был введен 22 июля (3 августа) 1854 г.[75] Бланк добился своего – не только текста новой молитвы, но и усиления враждебного отношения николаевского режима к ни в чем неповинным людям. К нему в полной мере можно отнести слова, сказанные его правнуком: «Позор тем, кто сеет вражду к евреям, кто сеет ненависть к другим нациям»[76]. По ненависти к своему народу Д. И. Бланка можно сравнить, пожалуй, только с другим крещеным евреем – одним из основателей и руководителей московского «Союза русского народа» В. А. Грингмутом, о котором хорошо знавший его председатель Совета министров Российской империи С. Ю. Витте говорил с презрением[77].

16 (28) апреля 1850 г. на очередном заседании комитета рассматривался вопрос «о запрещении употребления еврейской одежды». Упоминаемое в письме Д. И. Бланка запрещение национальной еврейской одежды фигурировало еще в 1845 г. «в

числе разных мер, предложенных к слиянию евреев с общим населением»[78]. Сроком прекращения ее ношения был установлен тогда 1850 г. Однако революционные события в Европе и вмешательство в них России отвлекли внимание властей и затормозили осуществление этой меры. На заседании комитета 16 (28) апреля 1850 г. вопрос рассматривался вновь, и было принято решение с 1 января 1851 г. запретить по всей России евреям носить национальную одежду. Только старикам, достигшим 60 лет, за определенную плату разрешалось ее донашивать. Таким образом и эта идея Д. И. Бланка была претворена в жизнь.

3. Семья Мойши Бланка и ее судьба

Прабабушку Владимира Ильича звали Марем (Марьям). Ее девичья фамилия Фроимович. Она была уроженкой Староконстантинова, родилась в 1764 г. и умерла в 1834 г. (или 1844 г.). Такой вывод был сделан на основании двух последних писем Д. И. Бланка на имя Николая I.

О семье Марьям Фроимович ничего не известно. Правда, эта фамилия встречалась не только в Староконстантинове, но и в Подольской губернии («шляхтич Шаркевич осужден за участие в краже у еврея Фроимовича денег бродягою Васильевским»[79]), Житомире (Янкель Лейба Фроимович продал лавку[80]), Измаиле (Хаим Лейбен Фроимович продал дом[81]).

В. В. Цаплин утверждает, что М. И. Бланк женился «на 30-летней девице» М. Фроимович из-за богатого приданого, опираясь только на тот факт, что сын Абель родился у супругов, когда им было за тридцать[82]. На мой взгляд, В. В. Цаплин не прав. Марьям и Мойша Бланки могли пожениться в молодые годы, но у них, возможно, не было детей или они умирали в младенчестве.

Документальных свидетельств об этом нет. Но можно с уверенностью сказать, что Марьям, а по-русски Мария, была хорошей, доброй матерью. Незадолго до ее смерти у сына Александра (Израиля) родилась дочь, которую назвали в честь бабушки Марией.

Бесспорно, что переход сыновей в православие стал для Марьям Бланк тяжелым испытанием. Она была искренне привержена религии своих предков – во всяком случае, М. И. Бланк в письме Николаю I от 18 сентября 1846 г. писал, что смог креститься только после смерти «чрезмерно набожной» жены. Отрекшиеся от веры сыновья были для нее потеряны навсегда. Хотя втайне она, быть может, все-таки гордилась их успехами в далекой столице.

Это практически все, что я знаю о староконстантиновской прабабушке В. И. Ульянова (Н. Ленина). Мне удалось, однако, установить, что в Сенате рассматривалась апелляция «купчихи Бланковой по делу с разными лицами о доме» и «по апелляци-

онной жалобе еврейки Бланковой по делу с купцом Мурвею о долгах»[83]. Вспомним, что М. И. Бланк судился с двадцати двумя жителями Староконстантинова, Кременца и Бердичева, обвинявшими его в поджоге Староконстантинова. Но во время этого пожара сгорел также дом, в котором жил Бланк с семьей. Может быть, этот дом принадлежал Марьям Бланк? И 6 мая 1826 г. она судилась с теми, кого считала виновниками потери дома в результате пожара? А купцу Мурвею, с которым она судилась 9 ноября 1826 г., Марьям могла давать в долг деньги? Так ли это? Ответить вряд ли удастся – сами судебные дела были уничтожены, как не представлявшие интереса, еще до революции.

У Марьям и Мойши Бланков были дочь Любовь, которая не фигурирует в ревизских сказках (девочки там не упоминались), и двое сыновей Абель и Израиль, именующийся в некоторых документа Срулем (уменьшительное имя, употреблявшееся в основном в быту).

Документы, как уже говорилось, не дают возможности назвать точные даты рождения Абеля и Израиля. Как указывает В. В. Цаплин, согласно протоколу присутствия Новоград-Волынского магистрата от 19 апреля 1809 г., Абель родился в 1789 г., а по ревизской сказке 1816 г. – в 1794 г.[84] Формулярный список врача С.-Петербургской полиции Д. Д. Бланка, составленный на 20 сентября 1828 г., свидетельствует о том, что ему в этот момент было тридцать четыре года, т. е. 1794 г. – год его рождения[85]. В то же время подтверждением возраста Д. Д. Бланка (в то время еще Абеля) свидетельствует его письмо от 8 (20) мая 1814 г. староконстантиновскому жителю Лейбе Нахманзону, не дошедшее по непонятным причинам до адресата, о чем в «Санкт-Петербургских ведомостях сообщила Волынская почтовая контора[86].

Существуют большие сложности и в определении года рождения деда Владимира Ильича – Израиля (Сруля) Бланка. В брошюре «Дом-музей В. И. Ленина в Кокушкине» под портретом А. Д. Бланка указан год его рождения – 1793[87]. В. В. Цаплин приводит данные о том, что в 1816 г. Израилю Бланку было двенадцать лет и, следовательно, он родился в 1804 г.[88] Ни дня рождения, ни месяца В. В. Цаплин при этом не называет. Авторы комментариев к письмам А. И. Ульяновой-Елизаровой И. В. Сталину Е. Е. Кириллова и В. Н. Шепелев уточняют, что, по мнению В. В. Цаплина, этой датой является 5 мая 1804 г.[89] Сами они, однако, считают годом рождения Израиля Бланка – 1802 г.[90] Какая же из этих дат ближе к истине?

Если исходить из формулярных списков А. Д. Бланка за 1828, 1840 и 1841 гг., то он родился в 1801 г., формулярного списка 1847 г. – в 1802 г.[91] И, наконец, согласно записи метрической книги Чермышевской церкви Лаишевского уезда Казанской губернии, на момент смерти 17 июля 1870 г. А. Д. Бланку был семьдесят один год[92], и, следовательно, он родился в 1799 г.

Из всех приведенных дат последняя, т. е. 1799 г., представляется наиболее достоверной. Ревизские сказки заполнялись обычно со слов отца. М. И. Бланк мог, как это часто делалось, умышленно указать неверную дату рождения сына, чтобы позднее начать платить за него подать. Могли ошибиться и зачастую ошибались в указании года рождения и лица, составлявшие формулярные списки. Полагаю, что уточнение даты произошло в тот период, когда А. Д. Бланк готовил документы в дворянское собрание Казанской губернии для причисления к потомственному дворянству. Кроме того, не следует забывать, что при отпевании священнику должен был быть предъявлен паспорт покойного.

Трудно точно ответить на вопрос, когда каждый из братьев Бланков поступил в Житомирское поветовое училище. Но, наверняка, Израиль Бланк поступил в училище не позднее 1815 г., иначе братья не смогли бы приехать в Петербург в мае 1820 г., так как в это время во всех учебных заведениях России еще шли занятия. Абель, учитывая его возраст, закончил учебу раньше.

Отдавая сыновей в русскую школу, М. И. Бланк, видимо, шел на конфликт с женой и бросал вызов еврейской общине. С точки зрения верующих евреев, это было кощунство. Подобные взгляды существовали даже в конце XIX – начале XX в. Так, И. Г. Эренбург вспоминает, что его дед проклял его отца, который пошел учиться в русскую школу. Потом по очереди проклял всех остальных детей и только в старости, поняв, что время против него, с ними помирился[93].

Решение отца во многом определило дальнейшую судьбу Абеля и Израиля. Оно открывало им возможность учиться дальше, которой братья и воспользовались.

Глава III

ПАРТИЙНАЯ ТАЙНА

1. Противостояние: А. И. Ульянова-Елизарова — И. В. Сталин

Обнаружив в 1965 г. сведения о еврейском происхождении А. Д. Бланка, я, естественно, считал это новой находкой. Так же думала и М. С. Шагинян. Но мы ошибались. Касающиеся этого материалы были впервые обнаружены еще за сорок лет до того ленинградскими архивистами, но хранились в строгой тайне. История их обнаружения и засекречивания связана с именем сестры В. И. А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Через несколько месяцев после смерти Ленина 14 ноября 1924 г. Секретариат ЦК РКП(б) (читай – И. В. Сталин) принял предложение Истпарта ЦК и поручил «т. Елизаровой исследование истории семьи Ульяновых»[1]. А. И. Ульянова-Елизарова активно взялась за порученную работу, посвятив ей последние одиннадцать лет своей жизни.

Вероятнее всего, именно с этим намечавшимся исследованием был связан состоявшийся 1 ноября 1924 г. переход родственницы Ульяновых Екатерины Ивановны Песковской на должность архивариуса Политической секции Ленинградского отделения Центроархива. Здесь хранились документы III Отделения собственной его императорского величества канцелярии и Департамента полиции, которые в 30-е гг. были переданы в Центральный государственный архив Октябрьской революции в Москве, ныне Государственный архив Российской Федерации. В своей анкете Е. И. Песковская, отвечая на вопрос «Перечислите проживающих в России ближайших родственников и их место жительства», указала: «Двоюр[одные] сестры и брат: Анна Ильинична Елизарова-Ульянова, Мария Ильинична Ульянова; Дмитрий Ильич Ульянов; живут в Москве»[2]. Любопытно, что она не назвала родных братьев и сестер, ведь в семье Веретенниковых (такова ее девичья фамилия) было восемь детей. А чуть ниже – «По чьей рекомендации поступаете на службу в Управление делами ВЦИК» стоит «Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой и Прасковьи Францевны Куделли (старая большевичка, с 1922 г. директор Ленинградского Истпарта. – *М. Ш.*)»[3].

Е. И. Песковская была профессиональным педагогом. Начинала она свою деятельность в 1879 г. в Симбирске в первом женском двухклассном училище. Затем четырехлетняя учеба на физико-математическом отделении Высших женских (Бестужевских) курсов. После их окончания в 1887 г.[4] – вновь педагогическая деятельность. В 1894 г. она создает частное учебное заве-

дение 3-го разряда, затем детский сад на Васильевском острове (Средний пр., 46), а в 1896 г. – подготовительную школу совместно с детским садом для мальчиков и девочек[5]. Затем, в дополнение к уже созданному, открывает перворазрядное женское учебное заведение (с курсом гимназии Министерства народного просвещения)[6]. И, наконец, вершина. Наряду с уже созданными и прекрасно работающими заведениями в 1906 г. Е. И. Песковская открывает Юридические высшие женские курсы[7].

Поддержку во всех начинаниях Е. И. Песковской оказывал ее муж – юрист и литератор, прогрессивный общественный деятель Матвей Леонтьевич Песковский, человек большого гражданского мужества. Он не побоялся 3 марта 1887 г. написать прошение на имя директора Департамента полиции П. Н. Дурново, в котором ходатайствовал об освобождении арестованных по обвинению в подготовке покушения на Александра III Александра и Анны Ульяновых под его личное поручительство. Получив отказ, продолжал делать все от него зависящее, чтобы спасти Александра Ильича от виселицы, а Анну Ильиничну от сибирской ссылки. Последнее удалось, и Анна Ильинична отбывала ссылку в имении Кокушкино.

В 1922 г. в голодном и обезлюдевшем после гражданской войны Петрограде закрывались многие школы, в том числе и гимназия Песковской. Е. И. Песковская стала руководителем и научным сотрудником Петроградской экскурсионной станции. А в ноябре 1924 г., как уже сказано, перешла на работу в архив. Ей А. И. Ульянова-Елизарова могла смело доверить поиск документов, связанных с историей предков Ульяновых.

Вскоре в Ленинградском отделении Центроархива были выявлены документы, касающиеся еврейского происхождения деда Ульяновых и Веретенниковых – А. Д. Бланка. О находке немедленно сообщили А. И. Ульяновой-Елизаровой, и она приехала в Ленинград, чтобы познакомиться с обнаруженными документами. После этого они были отправлены на хранение в Москву в Институт Ленина – на имя директора Института Л. Б. Каменева[8].

Еврейское происхождение деда не было для А. И. Ульяновой-Елизаровой полной неожиданностью. Еще в 1897 г., когда она впервые поехала за границу и жила там под фамилией Бланк, ее новые знакомые – швейцарские студентки – находили у нее еврейские черты лица. Она отрицала еврейское происхождение, но знакомые говорили, что знали двух студенток, которые носили фамилию Бланк и были еврейками. Позднее, когда Ульянов жил в Крыму, ему также говорили, что он похож на еврея[9]. (При сравнении портретов Д. И. Ульянова и А. Д. Бланка их сходство бросается в глаза.)

А. И. Ульянова-Елизарова вспоминает, что ее и некоторых двоюродных братьев и сестер с детства интересовало происхождение А. Д. Бланка. Однако их матери по этому поводу заявля-

ли, что ничего не знают. В последнем позволю себе усомниться. Просто это была семейная тайна. Сразу после возвращения из Швейцарии она узнала у родственников матери (к этому времени был жив только И. К. Лавров), что дед, Александр Дмитриевич Бланк, еврей по национальности. Об этом она написала в своем письме в октябре 1901 г.[10] О том, что это не было тайной и для двоюродных братьев и сестер завуалировано подтверждает ее двоюродная племянница Т. П. Жакова-Басова. В своем письме от 19 октября 1976 г. автору книги об Ульяновых В. А. Арнольду она вспомнила рассказ своей матери: «со слов бабушки Л. А. Ардашевой-Пономаревой, ...дед Ленина остался сиротой в раннем детстве и был воспитан в какой-то небогатой еврейской семье. Вспоминается им, что как будто он был еврейским мальчиком. Но это неточно. Не может быть, чтобы дочери не знали, кто был их отец. Но когда мама сказала об этом Анне Ильиничне Елизаровой при личном разговоре в Москве в 1923 г., то та категорически отвергла эту версию и прибавила: "не распространяй, Дуня, про нашего деда такую ересь"»[11]. Необходимо отметить, что ребенок православного вероисповедания не мог быть передан в XIX веке на воспитание в еврейскую семью. Это противоречило законам православной церкви. И, кроме того, не следует забывать, что Т. П. Жакова-Басова знала о событиях в ленинградских архивах в 1965 г., так как именно в это время работала в читальном зале ЦГИА СССР в Ленинграде.

Необходимо помнить, что А. Д. Бланк (хотя М. А. Ульянова говорила детям обратное) в какой-то форме поддерживал отношения со своим отцом. Иначе откуда М. И. Бланк в 1846 г. знал, что его старший сын Д. Д. Бланк погиб во время холеры в Петербурге, а А. Д. Бланк находится на государственной службе в Оренбургской губернии, как он упоминает в письме Николаю I? Связей с родственниками со стороны матери – Фроимовичами – А. Д. Бланк, вероятнее всего, действительно не поддерживал.

Можно только сожалеть, что Анна Ильинична в двадцатые годы не обратилась в Житомирский архив с просьбой выявить имеющиеся документы о М. И. Бланке. Но она была дисциплинированным партийцем, а в Институте Ленина «было постановлено не публиковать (документы о еврейском происхождении А. Д. Бланка. – *М. Ш*) и вообще держать этот факт в секрете. Решение было принято, наверняка, не без указаний члена совета Института И. В. Сталина. Обращение в Житомирский архив раскрывало бы государственную и партийную тайну.

Между тем время шло. В начале 30-х гг. в Советском Союзе стал усиливаться антисемитизм. Антисемитские настроения охватили и определенную часть коммунистов. Возмущенная А. И. Ульянова-Елизарова начинает думать о том, как бороться с постыдным явлением. Она советуется с руководителем Истпарта М. С. Ольминским. Мнение у них одно – необходимо до-

вести до широких масс сведения о еврейском происхождении А. Д. Бланка – деда В. И. Но разрешить подобную публикацию мог в то время только И. В. Сталин. И 28 декабря 1932 г. А. И. Ульянова-Елизарова обращается к нему.

В этом письме, говоря о еврейском происхождении А. Д. Бланка, А. И. Ульянова-Елизарова указывает: «этот факт, к[ото]рый, вследствие уважения, которым пользуется среди них (народных масс. – *М. Ш.*) Вл[адимир] Ильич, может сослужить большую службу в борьбе с антисемитизмом, а повредить, по-моему, ничему не может. И я думаю, что, кроме научной работы над этим материалом, на основе его следовало бы составить теперь же популярную статью для газеты. Мне думается, – пишет Анна Ильинична, – что также взглянул бы и Вл[адимир] Ильич. У нас ведь не может быть никакой причины скрывать этот факт, а он является лишним подтверждением данных об исключительных способностях семитического племени, что разделялось всегда Ильичем, и о выгоде для потомства смешения племен. (А. И. Ульянова-Елизарова и предположить не могла, что через полтора десятка лет власти, проводя целенаправленную шовинистическую политику, заставят советских людей указывать в анкетах при поступлении на работу, учебу и т. п. национальность родителей. – *М. Ш.*) [Ильич] высоко ставил всегда евреев»[12].

А. И. Ульянова-Елизарова, безусловно, права. В. И. исключительно враждебно относился к любому проявлению антисемитизма и шовинизма. Оценивая человека, очень высоко ставил ум, хотя, говоря об уме, мог подчеркнуть и национальность. Так, например, отвечая М. Горькому на его вопрос: «...Кажется... это, или он действительно жалеет людей?» – Владимир Ильич ответил: «Умных – жалею. Умников мало у нас. Мы – народ, по преимуществу талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей, или человек с примесью еврейской крови»[13]. Эти слова до 1931 г., то есть в течение семи лет, были во всех отдельных изданиях очерка «Владимир Ленин». Но в 1931 г. очерк был переделан, полагаю, не без рекомендаций И. В. Сталина, и «опасная» фраза в канонический его текст не вошла.

Но вернемся к письму Анны Ильиничны. Продолжая настаивать на публикации сведений о происхождении А. Д. Бланка, она далее пишет: «Очень жалею, что факт нашего происхождения, предполагавшийся мною и раньше, не был известен при его (В. И. – *М. Ш.*) жизни»[14].

Но И. В. Сталина мало интересовала точка зрения В. И. и его сестры. Его волновала проблема сокрытия обнаруженных документов. Отвечая на письмо устно, через М. И. Ульянову, Сталин сказал по поводу публикации, что «в данное время это не момент», и распорядился «молчать о нем (сделанном открытии. – *М. Ш.*) абсолютно»[15].

А. И. Ульянова-Елизарова молчит больше года. Тем временем волна антисемитизма в стране нарастает, и она не выдержи-

вает. Видимо, в начале 1934 г. она вновь обращается к Сталину с просьбой разрешить опубликовать материалы о происхождении А. Д. Бланка. Анна Ильинична пишет Сталину, что выполнила его распоряжение и ни с кем не говорила о найденных документах: «Не только после Вашего распоряжения, но и до него, так как сама понимаю, что болтовня в этом деле неуместна, что можно говорить о нем только серьезно с решения партии»[16].

Прекрасно понимая, что речь идет об антисемитских взглядах не только И. В. Сталина, но и определенной части партаппарата и населения страны, А. И. Ульянова-Елизарова прибегает к дипломатической уловке: «Я посылаю Вам теперь, проект моей статьи в надежде, что теперь, через полтора года, момент изменился, моменты ведь так долго не держатся, и Вы не найдете уже неудобным опубликование ее или на основании ее данных другой статьи, которую Вы поручите написать кому-нибудь, – у меня как у атериосклеротички голова дурная и вряд ли Вы признаете ее годной»[17].

Можно представить, какой униженной чувствовала себя Анна Ильинична, вынужденная это написать ради опубликования документов, ставящих хоть какие-то препоны набирающему силу антисемитизму. Она искренне недоумевает: «Вообще же я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта. Логически это из признания полного равноправия национальностей не вытекает. Практически может оказаться полезным ввиду того усиления в массах антисемитизма, которое отметило в 1929 году специально произведенное по этому поводу обследование [МЦ] СПС, вследствие того авторитета и той любви, которой Ильич пользуется в массах. А бороться с этим безобразным явлением надо, несомненно, всеми имеющимися средствами. А равно использовать основательно этот факт для изучения личности, как в Институте Ленина, так и в Институте мозга. Уж[е] давно отмечена большая одаренность этой нации и чрезвычайно благотворное влияние ее крови при смешанных браках на потомство. Сам Ильич высоко ценил ее революционность, ее "цепкость" в борьбе, как он выражался, противополагая ее более вялому и расхлябанному русскому характеру. Он указывал не раз, что большая организованность и крепость революционных организаций юга и запада зависит как раз от того, что 50 % их составляют представители этой национальности. И надо использовать все, что может дать этот факт, для его биографии. Ведь если бы результаты архивных розысков оказались противоположными, если бы оказалось, например, что Бланк принадлежал к итальянской или французской народности, то я представляю себе, сколько шуму получилось бы из этого, как бы торжественно указывали некоторые биографы, что вот конечно этот факт родственной близости к более культурной нации является объяснением способности и талантливости Ильича, если бы даже среди предков оказались одна-две выдающие-

ся в той или иной области личности (Анна Ильинична не знала о своем родстве с всемирно известными немецкими археологами, военными и политиками. – *М. Ш.*), то и этому придавалось бы большое значение. И я представляю себе, как ликовал бы даже кое-кто из товарищей, помогавших мне в моих розысках при наличии всякого такого факта. Факты сказали иное и история наша должна суметь взять из этих фактов все данные для изучения личности и наследственности. Сестра моя (М. И. Ульянова. – *М. Ш.*), которая записывает эти строки и с которой одной я делюсь соображениями по этому поводу, считает нецелесообразным опубликовать этот факт теперь, говорит, пусть будет известен когда-нибудь через сто лет, но я считаю, что ЦК не стоит на такой точке зрения, иначе он не поручил бы мне добывать всякий архивный биографический материал теперь же. Таким образом, в личности Ильича получилось смешение нескольких национальностей: еще немецкой (со стороны бабушки по матери и вероятно еще татарской со стороны отца), хотя этого, несомненно, никаким документом подтвердить не удастся»[18].

А. И. Ульянова-Елизарова не упоминает о шведских предках – Эстедтах, хотя бесспорно была знакома с воспоминаниями своей тети А. А. Веретенниковой. Ее двоюродный брат Н. И. Веретенников передал их экземпляры в ЦПА ИМЛ (ныне РГА СПИ) при ЦК КПСС еще при жизни А. И. Ульяновой-Елизаровой и в Музей В. И. Ленина в Ульяновске 5 июля 1937 г., уже после смерти А. И. и М. И. Ульяновых[19]. Несомненно, о своих шведских предках говорила детям и М. А. Ульянова.

Наличие татарской крови в роду Ульяновых вполне вероятно, с этим предположением А. И. Ульяновой-Елизаровой можно согласиться. Но она, конечно же, не предполагала, что среди ее предков были и калмыки. Документы о том, что бабушка И. Н. Ульянова А. А. Смирнова калмычка по национальности, Шагинян обнаружила в астраханских архивах уже после смерти А. И. Ульяновой-Елизаровой. Реакция И. В. Сталина на находку Шагинян также была очень жесткой. К нему в полной мере можно отнести слова В. И. из работы «К вопросу о национальности, или об «автономизации», вошедшей составной частью в ленинское «Политическое завещание»: «...обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения»[20].

2. Намеки и полуправда

Теперь мы знаем: члены семьи Ульяновых получили жесткие указания о том, что можно и чего нельзя писать об их предках.

Полуправду о происхождении М. А. Ульяновой писала Н. К. Крупская в статье, посвященной детству и ранней юности В. И.: «мать Марии Александровны была немка, а отец родом с Украины»[21]. Читателю остается самому догадываться, какую на-

циональность имел А. Д. Бланк. При этом Крупская даже не называет город, где он родился, чтобы не дать лишней подсказки. Хотя это ей наверняка было известно, например, из опубликованных в 1924–1925 гг. работ А. Я. Аросева.

Об этих работах стоит сказать подробнее. Заместитель заведующего Институтом Ленина А. Я. Аросев сделал в конце 1924 или в начале 1925 г. доклад в московском Доме печати о новых материалах к биографии В. И., позднее опубликованный в журнале «Московский пролетарий». В нем был наиболее полный к тому времени рассказ об А. Д. Бланке, хотя и не свободный от ошибок. Аросев писал, в частности: «В 1820 г. сын бедных мещан Староконстантиновского уезда Волынской губ[ернии], Александр Дмитриевич Бланк, 18 лет, приехал в Петербург и поступил в Военно-хирургическую академию. В столице А. Д. Бланк нашел себе покровителей в лице гр. Апраксина и сенаторши Барановой (крестные отец и мать А. Д. Бланка. – *М. Ш.*). Неизвестно, почему они заинтересовались юношей, известно лишь, что он был очень беден.

В 1824 г. он окончил Академию и как врач был направлен в Лаишевский уезд Казанской губернии, где и женился на некоей Марии Александровне (женился в Петербурге на А. И. Гроссшопф. – *М. Ш.*).

Бланки имели небольшой клочок земли и мельницу, которая давала им доходу рублей 100 в год. Жилось им, по-видимому, чрезвычайно трудно (вождь мирового пролетариата обязательно должен был быть из бедной семьи! – *М. Ш.*).

В 1843 году (в 1847 г. – *М. Ш.*) уездное Лаишевское собрание наградило врача Бланка дворянским званием.

У Александра Дмитриевича и Марии Александровны было 7 (6. – *М. Ш.*) человек детей. Из этой семьи происходила мать Владимира Ильича (родилась в 1835 году, умерла в 1916 году) Мария Александровна, вышедшая впоследствии замуж за Илью Николаевича Ульянова.

Вот все, что пока известно о происхождении матери В. И. Так как ни отец, ни мать В. И. не были дворянами по происхождению, то сведения об их роде искать чрезвычайно трудно»[22].

Действительно трудно, особенно когда человек умышленно искажает имеющиеся у него сведения. Я уверен, что А. Я. Аросев видел переданный в Институт Ленина формулярный список А. Д. Бланка.

В 1925 г. А. Я. Аросев выпустил небольшую книгу «Материалы к биографии В. И. Ленина», где привел еще некоторые материалы о А. Д. Бланке. Он указал, что тот учился в Житомирском поветовом училище, окончил Медико-хирургическую академию 30 июня 1824 г., и после ее окончания был исключен из податного сословия, проследил его восхождение по служебной лестнице. В то же время Аросев на этот раз не называет имени жены А. Д. Бланка и по-прежнему считает, что тот 13 августа 1824 г.

был определен уездным врачом Лаишевского уезда Казанской губернии[23].

Ознакомившись с книгой Аросева, я удивился, почему Шагинян не использовала ее при написании романа «Билет по истории». Однако этому есть простое объяснение – в 1938 г. Аросев был расстрелян, а книга попала в спецхран. Кстати, известный историк-эмигрант Б. И. Николаевский в 1956 г. вспоминал, что слышал от Аросева (еще до эмиграции, в Москве) о «дедееврее из кантонистов»[24]. К кантонистам (детям, воспитывавшимся для дальнейшей военной службы) А. Д. Бланк, как мы уже знаем, не принадлежал, но национальность указана верно.

Р. А. Ковнатор в небольшой книге «Мать Ленина», вышедшей в 1943 г., написала, что А. Д. Бланк «мещанин по происхождению, по профессии врач был передовой человек своего времени»[25]. Автор книги, член партии с 1915 г., хорошо знала семью Ульяновых и Н. К. Крупскую. Знала и об архивных материалах, обнаруженных в 1924 г. Беседуя со мной в конце 60-х гг., она сказала: «Ваша с Шагинян находка была известна в ИМЭЛе при ЦК КПСС еще в двадцатые годы».

Думаю, читатель понимает, что было бы с Р. А. Ковнатор и ее близкими, если бы она в 1943 г. в сданной в редакцию рукописи указала известную ей национальность А. Д. Бланка.

По моему глубокому убеждению, сегодня ни один человек не имеет морального права упрекать авторов того периода, включая членов семьи Ульяновых, за умолчания по этому вопросу. Приходилось молчать, чтобы сохранить жизнь себе и детям.

Зато активно вели себя и в 30-е гг., и в последующие десятилетия люди без чести и совести, такие как П. Н. Поспелов. В 1934 г. он написал по личному заданию И. В. Сталина статью под названием «К воспоминаниям о В. И. Ленине» и с подзаголовком «Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Ч. 1, 2 и 3»[26]. В этой статье он пытался уверить читателей, что намного лучше Надежды Константиновны знает, что думал Владимир Ильич по вопросам партийной жизни, каковы были его мысли и чувства. Давал ей советы, как нужно писать воспоминания о Ленине, указывал, кто были его истинные враги и друзья.

Впоследствии П. Н. Поспелов долгие годы возглавлял идеологическую работу в КПСС, будучи секретарем ЦК и кандидатом в члены Президиума ЦК. В 1956 г. был снят со всех постов за приписывание В. И. взглядов прямо противоположных тем, которые он действительно высказывал по вопросам австромарксизма (такое разъяснение давалось по закрытым партийным каналам). Наказание Поспелова было «суровым» – его сделали директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Как уже говорилось, именно он был директором Института в 1965 г., когда в ленинградских и житомирских архивах прошли погромы в связи с выявлением документов о происхождении А. Д. Бланка. Убежден, что сотрудники ленинградс-

кого и житомирского архивов пострадали при активном участии Поспелова. Этот вывод можно сделать из рассказа М. С. Шагинян писателям А. Я. Бруштейн и К. И. Чуковскому 27 декабря 1967 г. Она сообщила своим близким друзьям, что, узнав о содержании ее находки в ЦГИАЛ, П. Н. Поспелов пришел в ужас и заявил: «Я не смею доложить об этом в ЦК»[27]. Но бесспорно, выполняя свои прямые служебные обязанности, доложил секретарю ЦК КПСС Л. Ф. Ильичеву, отвечавшему за идеологическую работу, и члену Политбюро секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову – главному идеологу страны. А те уже приняли конкретные решения.

Но если в Советском Союзе удалось приглушить вопрос о происхождении А. Д. Бланка, то в «цитадели мирового капитализма» – США – дискуссии по этой проблеме продолжались.

3. Дискуссия в зарубежной печати

Вопросу происхождения А. Д. Бланка зарубежные русские историки стали уделять большое внимание, начиная с 1954 г. И запевалой оказался хороший знакомый В. И. социолог и экономист Н. Валентинов (Н. В. Вольский), опубликовавший в издававшемся в Нью-Йорке на русском языке «Новом журнале» статью «Ленин в Симбирске». Н. Валентинов, в частности, писал: «...Кто был отцом матери Ленина, его дедом? На это отвечают – Александр Дмитриевич Бланк, родившийся в 1802 г., умерший в 1873 (даты неточные. – *М. Ш.*). Какова национальность Бланка? На этот счет существует странное, упорное и непонятное молчание. Ни в одном из мемуаров Ульяновых, ни в одной биографии Ленина нет на это ответа... Есть сведения (они будто бы хранятся в архивах Института Маркса – Энгельса – Ленина в Москве), что он родился на Волыни, т. е. в пределах Украины, но был евреем. Фамилия Бланк у евреев довольно часто встречается. Но если А. Д. Бланк был евреем, то несомненно крещеным (православным, протестантом), иначе он не мог бы в эпоху крепостного права купить в Казанской губернии имение Кокушкино и стать «помещиком». Говорить с уверенностью о еврейском происхождении Бланка – все-таки нельзя. Нам известно, что, например, в семье внучки Бланка А. А. Первушиной (ее мать – одна из старших дочерей Бланка, вышедшая замуж за педагога Залежского) всегда считали, что Бланк – немец или швед из Прибалтики. Это более согласуется с его женитьбой на несомненной немке, если бы он был евреем – его женитьба (в первой четверти 19-го столетия) на немке – в какой-то мере противоречила бы нравам и порядкам того времени...»[28].

Итак, мы видим, что Валентинов высказывает сомнения по поводу происхождения Бланка. Он что-то слышал, находясь еще в СССР (Н. Валентинов эмигрировал в 1930 г.), но точно в этих сведениях не уверен, так как, действительно, общественное по-

ложение А. Д. Бланка (помещик, женат на немке и пр.) противоречит его еврейскому происхождению. Через несколько лет Н. Валентинов опубликовал в том же журнале новую статью, где также касается национальности А. Д. Бланка[29]. Он упоминает о том, что о еврейской крови Бланка говорят черносотенцы. Ходят разговоры о доносах Бланка на соплеменников, обнаруженных в архивах Синода в советское время. Однако со всем этим Н. Валентинов категорически не согласен. По его мнению, крещеный еврей во времена Николая I не мог быть семь лет полицейским врачом в Петербурге и стать владельцем крепостных душ.

Н. Валентинов прав в одном: Николай I евреев не любил. Однако на крещеных евреев, в соответствии с российскими законами, ограничения не распространялись. Если же посмотреть на историю еврейства в России, то мы увидим, что первый полицмейстер Петербурга генерал-адъютант граф А. Э. Девиер, вывезенный Петром I из Голландии и крещеный в России в православие, был сыном португальского еврея. Я уже не говорю о вице-канцлере П. П. Шафирове (крестились его родители), любимом шуте Петра I Яне д'Акосте, а также Абраме Энее, штаб-лекаре лейб-гвардии Семеновского полка[30].

Для подтверждения своей версии о нееврейском происхождении А. Д. Бланка Валентинов вновь ссылается на его женитьбу на немке А. И. Гроссшопф, лютеранке по вероисповеданию. Если следовать такой логике, то Бланк должен был быть немцем.

Статья Валентинова вызвала дискуссию. 2 декабря 1960 г. автор, скрывшийся под псевдонимом «Историк», прислал в редакцию «Нового журнала» письмо, в котором писал, что в 1957 г. в «Новом русском слове» появилась статья П. Берлина, утверждавшая, что одессит Александр Давидович Бланк был крещеным евреем. В делах Синода нашли документы о переходе его в православие. По мнению «Историка», отец Александра Бланка Давид Бланк был торговцем или банкиром в Одессе, куда переселился из Бессарабии. «Немцем он не был и имя и фамилия не немецкие», – пишет «Историк». И далее, опровергая Н. Валентинова, он пишет, что А. Д. Бланк мог стать дворянином и помещиком во времена Николая I, так как «переход в христианство (хотя бы в лютеранство) зачеркивал еврейство и давал все права службы»[31]. В качестве примера он называл отца члена-корреспондента Петербургской академии наук, фольклориста и историка А. Ф. Гильфердинга тайного советника Ф. И. Гильфердинга, члена совета Министерства иностранных дел, управляющего Государственным архивом, сенатора во времена Николая I и Александра II. «Историк» соглашается с П. Берлином, что А. Д. Бланк был евреем по происхождению, но «большевики скрывают эту еврейскую примесь в Ленине».

В этом же номере журнала помещена статья известного историка Д. Н. Шуба, чья книга «Lenin Biography» («Биография Ленина»), вышедшая в 1948 г., переведена на 16 европейских и азиатских языков. Автор вспоминает, что во время написания книги не только изучил все публикации о В. И. как в Советском Союзе, так и за его пределами, но и имел переписку с большим количеством людей, лично знавших его мать, Марию Александровну, его сестер и брата. Его очень интересовал дед В. И. по матери А. Д. Бланк. Особенно Шуб заинтересовался А. Д. Бланком, когда прочитал в воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой (где эти воспоминания опубликованы, он, к сожалению, не указывает) о том, что ее бабушка А. И. Гроссшопф была лютеранского вероисповедания и, почти не зная русского языка, всегда говорила по-немецки. Шуб утверждал, что среди его знакомых, как в России, так и в Америке, он не встречал людей, носивших фамилию Бланк, которые не были бы евреями. Чтобы проверить себя, он изучил все возможные энциклопедии и пришел к выводу, что лица с фамилией Бланк это только евреи[32]. Здесь Шуб ошибается. В «Русском биографическом словаре» есть сведения о Бланках, которые едва ли были евреями. Во времена царя Алексея Михайловича служил в русской армии полуполковник рейтерского строя француз Бланк (Планк); Яков Бланк работал молотовым мастером на Олонецком заводе во времена Петра I. Его сын Иван был архитектором и рисовальщиком в Петербурге, внук Карл – архитектором в Москве, правнук Борис – стихотворцем и переводчиком и т. д.[33]

В немецком справочнике «Кто есть кто?» фигурирует много людей с фамилией Бланк и нееврейскими именами. Добавлю, наконец, что сестра Ф. Энгельса Мария была замужем за немецким купцом Карлом Эмилем Бланком[34].

Чтобы окончательно убедиться в правильности своего вывода о еврейском происхождении Бланка, Шуб обратился к известному историку русского еврейства С. М. Гинзбургу, покинувшему СССР в 1930 г. Гинзбург сообщил, что после Октябрьской революции много лет работал в ленинградском архиве с материалами Синода о еврейских кантонистах и взрослых евреях, принявших православие. В фонде Синода Гинзбург обнаружил множество документов, касающихся одесского фельдшера Александра Бланка, который завалил Синод доносами как на рядовых соплеменников, так и на служителей еврейской религии. С. М. Гинзбург решил было снять копии с этих документов для дальнейшей работы, но в это время приехала комиссия из Москвы и увезла документы. Архивариус Синода (вероятно, С. М. Гинзбург имеет в виду видного историка К. Я. Здравомыслова) доверительно, под большим секретом, сообщил ему, что увезенная в Москву папка – это документы о «деде Ильича (Ленина)». Отсюда С. М. Гинзбург сделал вывод, что дед В. И. был еврей, еврейкой он считал и его жену А. И. Гросс-

шопф, так как «говорила она, – по его мнению, – вовсе не по-немецки, а на идиш»[35].

Также, опровергая утверждение Шуба, что фамилию Бланк носили только евреи, А. М. Бургина опубликовала в нью-йоркской ежедневной газете «Новое русское слово» письмо, где привела ряд конкретных примеров обратного[36].

В продолжение дискуссии Н. Валентинов в мае 1961 г. опубликовал свои возражения Шубу, по поводу одесского и еврейского происхождения А. Д. Бланка, в статье «Еще о Ленине и его предках» на страницах «Социалистического вестника»[37].

Как бы обобщая дискуссию в своей книге «Жизнь Ленина», Л. Фишер писал: «Националистическое содержание коммунизма требует того, чтобы Ленин изображался этнически чистым великороссом». И далее подчеркивал, что факт «о наличии не русских предков оставался скрытым от всех, за исключением самых любопытных». Фишер сделал вывод, что, несмотря на отсутствие достоверных сведений в советской печати на эту тему, соответствующие документы имеются «в закрытых русских архивах, но большевики сочли нужным, чтобы они не увидели света»[38].

И документы действительно имелись в ленинградских и житомирских архивах, в том числе и не выявленные во время изъятий 20-х и 60-х гг. В НМЛ при ЦК КПСС считали, что их нет, потому что быть их не должно. Это и дало возможность «самым любопытным» и не зараженным бациллами шовинизма проникнуть в тайну, тщательно скрываемую от советского народа и мира в целом.

Глава IV

БРАТЬЯ БЛАНКИ В ПЕТЕРБУРГЕ

1. Преодоление черты оседлости

Братья Бланки, как мы теперь знаем, учились в Житомире в поветовом (уездном) училище, то есть в русской школе. Судя по всему, оно было основано не позднее 1801 г. Учеба в училище продолжалась четыре года. Ученики изучали Закон Божий, русский язык и каллиграфию, русскую литературу, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, физику, ботанику, географию, российскую, древнюю и всеобщую истории, польский, французский, немецкий и латинский языки, садоводство, практическое землемерие и ряд других предметов[1].

Обучение в поветовом училище выделяло братьев Бланков из среды еврейских сверстников. К этому, очевидно, стремился их отец, Мойша Ицкович Бланк, который хотел видеть своих детей образованными людьми. До поступления в поветовое училище дети М. И. Бланка наверняка обучались в общественной еврейской школе – хедер, куда еврейских детей отдавали с трех лет и оставляли они ее только при вступлении в брак. По требованиям еврейской религии обучение детей было обязательным для каждого еврея, независимо от его материального положения. Несоблюдение этого правила считалось нарушением религиозных норм – отступничеством, вольнодумством. Правда, обучение считалось обязательным только для мальчиков. Поэтому среди евреев-мужчин не было практически ни одного, кто не умел бы читать. В то же время женщины, для которых обучение было необязательным, обычно умели только читать молитвы на иврите и идиш. Если к тому же девушка умела писать и знала арифметику, то считалась образованной.

При отъезде из Житомира Абелю Бланку необходимо было выяснить свои взаимоотношения с женой, Малкой Потцой. По всей видимости, она отказалась ехать вместе с мужем в Петербург и перейти в православие. Это привело к разводу.

В те годы разводы в еврейских семьях не являлись исключительным явлением. В соответствии с существовавшим обычаем еврейские дети имели право вступать в брак в возрасте 14–15 лет, будучи физически и нравственно неразвитыми, неспособными содержать семью. В связи с этим они находились на полном содержании родителей, что порождало семейные неурядицы и часто приводило к разводам, особенно когда у молодых супругов появлялись дети, также с момента рождения оказывавшиеся на иждивении бабушек и дедушек. Следует отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении документы не дают возможности от-

ветить на вопрос: «Были ли ребенок или дети в семье Малки Потцы и Абеля Бланка». Скорее всего нет, так как в формулярных списках Д. Д. Бланка о них ничего не говорится. Не указывается также имя жены, хотя это предусматривалось условием заполнения соответствующей графы формулярного списка.

Большому количеству разводов способствовало также то, что среди евреев процедура разводов была упрощена. Супруги, решившись развестись, должны были лично явиться к раввину и сказать ему о желании расторгнуть брак. При этом они обязаны были ответить на вопросы раввина о причинах расторжения брака и заполнить разводной лист по определенной форме. Этот лист подписывал не только муж, подающий на развод, но и свидетели. В их присутствии муж со словами: «Ты от меня уходишь и можешь поступить в супружество с кем пожелаешь», передавал своей жене разводной лист. С этого момента супруги считались разведенными. Если впоследствии они решали вновь заключить супружеские отношения, то обязаны были вступить в повторный брак с соблюдением всех необходимых при этом формальностей.

Переход братьев Бланков из иудаизма в православие прошел безболезненно. По тогдашним законам, чтобы приехать и поступить в Медико-хирургическую академию, они должны были получить специальное разрешение от местной общины, ответственной перед властями за своих членов. Однако они не стали брать увольнительную от житомирского мещанского общества, к которому принадлежали[2]. Вскоре после поступления братьев в академию, 13 августа 1820 г., Сенат принимает указ «О исключении евреев, принявших христианскую веру, из еврейских обществ и из тех окладов, в коих они до принятия христианской веры состояли»[3]. Но еще до издания этого указа братья Бланки, приложившие к своему заявлению свидетельство о крещении, были приняты в число воспитанников Медико-хирургической академии[4].

Шаг Бланков по принятию православия оказался предусмотрительным. Когда к власти пришел Николай I, отрицательно относившийся к евреям, то врачей, принадлежащих к иудейскому вероисповеданию, стали вновь притеснять. Так, например, когда в 1836 г. врач Иосиф Бертензон обратился в Министерство внутренних дел, в чьем ведении находился Медицинский департамент, с просьбой помочь ему получить место врача, то Николай I лично распорядился использовать его «не иначе, как в одних западных губерниях»[5]. Это полностью соответствовало «Положению о евреях», утвержденному Николаем I 14 апреля 1835 г.[6] Более того, в 1844 г. Николай I требовал преградить евреям пути поступления на службу в гражданские ведомства до тех пор, пока они не примут христианство, а тех, кто находился на военной службе, не производить в чины, дающие права высшего состояния. Это вынудило министра государственных иму-

ществ графа П. Д. Киселева, не разделявшего подобных взглядов, дать секретное указание бывшему арзамасцу, автору теории официальной народности, министру народного просвещения и президенту Академии наук С. С. Уварову не выдавать евреям дипломов с тем, чтобы открыто не отменять законы, дававшие евреям право на службу[7].

А. И. Ульянова-Елизарова высказывала предположение, что братья Бланки имели в Петербурге какого-то старшего родственника (скорее всего, дядю) Дмитрия Бланка, принявшего раньше их православие и имевшего хорошие связи в Петербурге. Это предположение она делала на основании метрического свидетельства своей тети Е. А. Бланк, где среди восприемниц значится дочь иностранного купца Дмитрия Бланка Любовь Бланк[8].

Точку зрения Анны Ильиничны о существовании в Петербурге богатого дяди братьев Бланков – купца Дмитрия Бланка, являвшегося христианином по вероисповеданию, разделяла Е. З. Шехтман[9]. Но в отличие от нее, Е. З. Шехтман ничего не говорит о Любови Бланк. Это делают О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова. По их мнению, «видимо, Любовь Бланк была близкой родственницей Александра Дмитриевича Бланка. Не случайно он назвал свою вторую дочь Любовью (первая была названа в честь матери и бабушки по материнской линии Анной) и пригласил ее в качестве второй крестной матери при крещении третьей дочери Екатерины»[10]. Единственное, о чем они «забыли» сказать, это то, что их текст с небольшой корректировкой повторяет ранее высказанное нами в книге «Ульяновы и Ленины...» предположение. Но уверенно заявляют: «Утверждение М. Г. Штейна о том, иностранцем и купцом был их (Д. Д. Бланка, А. Д. Бланка и Л. Д. Бланк. – *М. Ш.*) отец Мойша Бланк, принявший христианство и получивший в крещении имя Дмитрий, не выдерживает критики»[11].

Не будем спорить. Каждый имеет право на собственное мнение. Приведем в связи с этим только один документ Санкт-Петербургского уездного суда от 2-го департамента: «В оставшееся после умершего штаб-лекаря Дмитрия Дмитриева Бланка движимое и недвижимое имение, на основании оставленного им духовного завещания, за отказом сестры его повивальной бабки Любови Бланк, введен во владение родной брат его штаб-лекарь Александр Бланк. О чем на основании Указа 1815 года ноября 25 дня и публикуется»[12]. Этот документ расставляет все точки над «і», становится понятным, кем являлась Любовь Бланк по отношению к братьям Бланкам, но не отвечает на вопрос, жил ли в С.-Петербурге иностранный купец Дмитрий Бланк. Изучение «Нумерации домов в С.-Петербурге с алфавитными списками проспектам, улицам, площадям, набережным, мостам, невским пристаням, городским выездам, соборным и приходским церквам, дворцам, монументам и владельцам домов» 1836 г., «Указателя жилищ и зданий в С.-Петербурге или адресной кни-

ги с планом на 1823 год», составленного в 1822 г. С. Аллером, и его же «Руководства к отысканию жилищ по Санкт-Петербургу...», выпущенного в 1824 г., показало, что среди жителей и домовладельцев С.-Петербурга иностранный купец Дмитрий Бланк не значился. В «Книге адресов С.-Петербурга на 1837 год» К. Нистрема фамилия иностранного (впрочем, как и российского) купца Дмитрия Бланка не упоминается. Нет ее и в известном справочнике «С-Петербургский некрополь». Попытки обнаружить какие-либо сведения об иностранном купце Дмитрии Бланке в фондах РГИА и ЦГИА СПб также закончились безрезультатно.

2. Переход в православие

Трудно назвать точную дату приезда братьев Бланков в Петербург. Их приезд не нашел отражения на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей». Не тот социальный статут. Но не исключено, что братья Бланки приехали в С.-Петербург под присмотром коллеги Д. О. Баранова по Сенату тайного советника, одного из крупнейших помещиков Волынской губернии графа А. С. Ржевуского, который, кроме того, занимал видное положение в масонском движении. Он являлся Великим наместным мастером Великой ложи «Астрей» и ложи «Белого Орла» на востоке Петербурга, работавшей по ритуалу ложи «Великого Востока» Варшавы (на польском языке). А. С. Ржевуский приехал в С.-Петербург между 19 и 23 мая 1820 г.[13] Именно в это время братья Абель и Израиль Бланки подали «Покорнейшее прошение» на имя митрополита с.-петербургского Михаила, которое приведено выше[14]. На обороте текста «Покорнейшего прошения» митрополит Михаил написал: «1820 г., Мая 25 дня Прописанному священнику поручается просителей по наставлении в догматах веры и закона просвятить святым крещением по церковному чиноположению, и, выдав им свидетельство о том, а от них отобрав обязательства в хранении догматов веры и закона непоколебимо, отрапортовать мне с приложением оных, объясняя в рапорте, кто именно при совершении сего таинства были восприемниками и просителями. Какие будут наречены имена»[15].

10 (22) июля 1820 г. священник церкви (с 1908 г. Собор) преподобного Сампсония Странноприимца Федор Барсов провел обряд крещения в соответствии с «Чином и уставом, како подобает приимати приходящих от жидов к правой вере христианской». Братья Абель и Израиль Бланки в присутствии своих восприемников и лиц, пришедших поздравить их со столь знаменательным событием в жизни, прочитали текст клятвы: «1. Я (имярек) ныне прихожу от жидовства к христианской вере, не по принуждению, не из-за бедствия, или из страха, или из-за оскорбления, или нищеты, или долга, или обвинения, против

меня выдвигаемого, или ради мирских почестей, или ради какого-либо благодеяния, или ради богатства или имущества, кем-либо обещанного, или вообще ради какой-либо выгоды, или ради покровительства от людей, или из зависти, или из-за ссоры, бывшей с кем-либо из моих единоверцев, или из желания бороться затем с христианами, будучи ревнителем закона, или будучи ими обижен.

Но от всей души и сердца любя Христа и Его веру, отрекаюсь от всех жидовских обрядов, и от обрезания, и от всех законов, и от опресноков, и от пасхи, и от жертвоприношения агнца, и от праздника недель, и от юбилеев, и от праздника труб, и от умилостивительной жертвы, и от праздника кущей, и от всех прочих жидовских праздников, и от жертвоприношений, и молитв, и кроплений, и очищений, и очистительных обрядов, и от постов, и от почитания суббот, и от праздника новолуния, и от пищи, и от питья их, и вообще отрекаюсь от всех иудейских законов, и обычаев, и занятий.

2. И сверх того проклинаю иудейские ереси и еретиков:

саддукеев, называемых праведниками, которые хулят Святой дух, и в воскресение мертвых не верят, и ангелов отвергают;

фарисеев отлученных, которые, постясь в понедельник и четверг и лицемерно выставляя девство, на определенное время установленное, затем нарушают всякое воздержание, а также вычисляют судьбу и занимаются астрологией;

Назореев, разрушителей, которые не принимают закона Моисея о жертвоприношениях, и поэтому удаляются от одушевленных, и вообще не совершают жертвоприношений;

ессеев дерзких, которые, приняв иные писания, помимо закона, и отвергнув большинство пророков, похваляются учителем, человеком, именуемым Илксай, то есть сокровенною силою, и Марфо и Марфану, из рода его происходящих, почитают за богинь;

иродиан, которые иноплеменника, царя иудеев Ирода, съедаемого червями, почитают как помазанника;

ежедневно омывающихся, которые думают так же, как фарисеи, и, кроме того, учат, что невозможно человеку спастись, если он не омывается каждый день;

книжников, то есть законоучителей, которые не желают жить по закону, но излишне расширяют его, выдумывают омовение рукомойников, чаш, блюд и другой посуды, тщательное мытье рук и сосудов; и вообще многие свои предания прибавляя к закону, называют их удвоениями, как бы вторым Божиим законодательством. Первое же ложно относят к Моисею, второе – к раввину Акибе, третье – к Анану и Иуде, четвертое же – к сыновьям Насамонея, которые, пребывая в брани, отвергли почитание субботы.

Итак, проклинаю все эти иудейские ереси, и ересиархов, и удвоения, и удвоителей.

3. Проклинаю вместе с ними и тех, которые, прославляя Мардохея, совершают праздник в первую субботу христианского поста, распинают на дереве Амана, прилагают к нему крестное знамение и потом сжигают, предавая христиан всевозможным заклятиям и проклятиям.

4. Проклинаю также и тех, кто в начале сентября на празднике труб перевязывает трубные роги шелками разных цветов, затем говорит над ними некие заклинания и использует их для отгнания, как они думают, лихорадки и других болезней.

5. Проклинаю и празднующих в июле месяце воспоминание скорбей, как они называют, то есть воспоминание пленения Иерусалима, пеплом посыпающих головы, постящихся весь день и всю ночь, и с великим плачем восклицающих: «Горе!»

6. Проклинаю также всех, ожидающих пришествия помазанника, то есть антихриста, который, как они надеются, приготовит им великую трапезу и даст им в пищу Зиза, и Махемофа, и Левиафана. Зиз – это некое пернатое животное, Махемоф – четвероногое (бегемот), Левиафан же – водное (крокодил); они настолько велики и тучны плотью, что их хватит в пищу каждому из безчисленных тысяч.

7. Также проклинаю и всякий жидовский обычай и занятие, не заповеданные Моисеем, и заклинание, и ворожбу, и прорицания, и обвязания, и хранилища.

8. И еще проклинаю всякого раби и раввина, научившего или учащего помимо закона Моисея, и всех их так называемых архиферекитов, и старейших раби, и старейшин раввинов, и учителей, чьи нечестивые учения они называют отеческими.

9. Проклинаю с древними старейшинами раввинов и новых иудейских нечестивых учителей, а именно: Лазаря, придумавшего беззаконный праздник так называемого единоножия, и Илию, по нечестию не меньшего, Вениамина, и Заведея, и Аврамия, и Сумватия, и прочих.

10. И сверх всего этого проклинаю и препроклинаю ожидаемого иудеями грядущего мессию, мнимого христа, то есть помазанника, вернее же сказать антихриста, и, отрекаясь от него, сочетаюсь с Истинным и Единым Христом Богом.

11. И верую в Отца, и Сына, и Святого Духа, в Святую Единосущную и Нераздельную Троицу. И исповедую вочеловечение и к людям пришествие Единого от Святой Троицы, Единородного Сына и Слова Божия, от Отца прежде всех веков рожденного, через Которого все произошло. Верую в то, что Он есть Мессия, проповеданный законом и пророками, и исповедую, что Он уже пришел на землю ради спасения рода человеческого, что Он воистину стал Человеком, не отступив от Своего Божества, что Он воистину Бог и воистину Человек, неслиянно, непреложно и неизменно, в одной ипостаси и в двух естествах, что Он добровольно все претерпел и был распят плотью, Божество же пребыло бесстрастным, и был погребен,

и в третий день воскрес, и вознесся на Небеса, придет в славе судить живых и мертвых.

12. И верую и исповедую, что родившая Его плотью, Святая Дева Мария, пребывшая и после Рождества Девой, справедливо и воистину есть Богородица, и Ей, поистине Матери Бога Вочеловечившегося и потому ставшей по благодати Госпожой и Владычицей всей твари, поклоняюсь и воздаю честь.

13. Я убежден, исповедую и верую, что таинственно освящаемые христианами Хлеб и Вино, которые они принимают в Божественных службах, прелагаемые Его Божественной силой мысленно и невидимо, недоступно никакому естественному пониманию, как знает Он Один, – что эти Хлеб и Вино являются поистине Плотью и Кровью Господа Иисуса Христа. И также я обещаю причащаться Их, как воистину сущих Тела и Крови Его, во освящение души и тела, и в жизнь вечную, и в наследование Царствия Небесного, если они приемлются причащающимися в совершенной вере.

14. И чистой и искренней душой и сердцем и с истинной верой стремлюсь принять святое Христово крещение, будучи убежден, что оно – воистину духовное очищение и возрождение души и тела.

15. И Честной крест Истинного Христа и Бога нашего исповедую уже не как орудие гибели и проклятия, но как орудие свободы и жизни вечной и знамение победы над смертью и над дьяволом;

Еще же честные иконы явления к людям во плоти Бога Слова и неизреченно Его Родившей Чистой Девы и Божией Матери, и богообразных ангелов, и всех святых, как образы первообразных, и принимаю, и почитаю, и целую.

16. И святых ангелов, и всех святых, не только праотцев и пророков. но и апостолов, и мучеников, и исповедников, и учителей, и преподобных, и вообще всех угодивших уже пришедшему Христу, как рабов Его и верных угодников, почитаю и поклоняюсь им, ради почитания Христа.

17. И так, от всей души и сердца, и по искреннему желанию прихожу в христианскую веру. Если я это сказал лицемерно или лживо, не от веры вседушевной и не от сердца, любящего уже пришедшего Христа, но или по принуждению, или из-за бедствия, или из-за страха, или из-за оскорбления, или нищеты, или долга. или обвинения, против меня выдвигаемого, или ради какого-либо благодеяния, или ради богатства или имущества, кем-либо обещанных, или вообще ради какой-либо выгоды, или ради покровительства от людей, или из зависти, или из-за ссоры, бывшей с кем-либо из моих единоверцев, или из желания бороться затем с христианами, будучи ревнителем закона, или будучи ими обижен, – и вот если сейчас лишь притворяюсь, что становлюсь христианином, впоследствии же захочу отречься и вновь вернуться к иудейской вере, или буду есть с иудеями, или праздновать с

ними, или вместе с ними поститься, или буду беседовать с ними тайно, клевеща на христианство, или в собраниях их и на моления их пойду, и возобновлю и сохраню это все, а не обличу открыто их и их дела, и не отвергну их пустую веру, – пусть сейчас же падут на меня все проклятия, записанные во Второзаконии Моисея, и дрожь Каина, и проказа Гиезия, и сверх того да буду я подвергнут наказанию по гражданским законам неумолимо, а в будущей жизни да буду отлучен и проклят, и душа моя да вселится с сатаной и бесами. Истинно так.»[16]

После произнесения этой клятвы братья Бланки пишут текст еще одной и зачитывают его: «Аз, (имярек), от жидовства ко христианстей вере приходяй, днесь пред всевидящим Богом клятвою моею извествую, яко не по принуждению или страху, или чрез притеснение от единоверных ми, и не корысти ради, или иныя утаенныя мною вины, жидовскаго лжеверия и всех, яже во онем, ересей и злохулений отрицаюся, и ко спасительней христианстей вере прихожду: но точию ради спасения души своея, быв самою истиною сея веры побежден, и любовию сердца моего ко Христу Спасителю влеком, христианин быти хощу и крещения святаго сподобитися желаю. Аще же сия с лицемерием ныне исповедую, а не от желания сердца моего ко Христу Богу прихожду, и послежде веры христианския отврещися и паки в жидовство возвратитися дерзну, да постигнет мя гнев Божий и осуждение вечное. Аминь»[17].

16 (28) августа 1820 г. Ф. Е. Барсов послал на имя митрополита Михаила «Покорнейшее донесение», в котором сообщил о крещении братьев Бланков и имен восприемников[18]. К донесению было приложено написанное от того же числа «Обязательство»: «Мы, нижеозначенные здешней Медико-хирургической академии студенты Дмитрий и Александр Бланки, дали сию подписку Церкви Преподобного Самсония священнику Федору Барсову в том, что принятое нами сего 1820 г., июля 10-го ч(исла) православное грекороссийское исповедание обязуемся хранить со всем оного учением по смерть свою непоколебимо, в чем и подписуемся.

Студент Дмитрий Бланк
Студент Александр Бланк»[19].

3. Восприемники: сенатор Д. О. Баранов и граф А. И. Апраксин

А. И. Ульянова-Елизарова в свое время не могла найти ответа на вопрос, почему в судьбе братьев Бланков приняли участие «такие родовитые и чиновные люди», как указанные в числе восприемников сенатор Д. О. Баранов и граф А. И. Апраксин[20]. Этот вопрос встал и в нашем исследовании. В феврале 1965 г. автор этих строк обратился к старшему научному сотруднику Музея истории религии и атеизма в Ленинграде, бывшему протоиерею

и профессору Ленинградской духовной академии А. А. Осипову. Он объяснил, что в 1820 г. переход из иудаизма в православие или другую христианскую конфессию был большой редкостью, поэтому представители высшей знати России считали для себя почетной обязанностью быть крестными родителями. Крестники становились как бы членами семьи своих восприемников, так как, переходя из иудаизма в православие, отказывались от родителей и официально считались сиротами. Именно на «сиротство» братьев Бланков ссылается князь А. Н. Голицын, рекомендуя конференции Медико-хирургической академии принять их «в число казенных академических воспитанников», несмотря на то, что в латинском языке их знания оказались не весьма успешными[21].

Что же известно о людях, ставших восприемниками братьев Бланков? Начнем с крестного отца Абеля (Дмитрия) Бланка сенатора Д. О. Баранова. Известный дворянский род Барановых ведет свое начало от татарского мурзы Ждана (в крещении Даниила) по прозвищу «Баран». Он выехал из крымской Орды в Россию во времена великого князя Василия II Темного и служил при нем «на коне, при сабле и луках со стрелами и пожалован при дворе комнатным и дан ему ключ»[22] (все эти знаки вошли в греб русской ветви Барановых). Верно служили русским царям и другие представители этого рода. Д. О. Баранов был записан сержантом лейб-гвардии Преображенского полка одиннадцати лет от роду, а спустя четырнадцать лет 8 (19) сентября 1798 г. он вышел в отставку в чине штабс-капитана. В 1801 г. начал служить в Сенате, а в 1817 г. стал сенатором. В образованном 9 (21) ноября 1802 г. Еврейском комитете он был назначен правителем дел и составил неблагоприятный для евреев проект нового законодательства. Но М. М. Сперанский, которому был передан этот проект, не дал ему хода. В 1822 г., в связи с разразившимся в Белоруссии голодом, Д. О. Баранов был послан туда для выяснения причин его возникновения. Вернувшись, он заявил, что виновниками голода являются евреи, проживающие в селах и деревнях. Поэтому для недопущения нового голода Д. О. Баранов предложил всех белорусских евреев насильственно переселить в Новороссию. Несмотря на протесты министра внутренних дел В. П. Кочубея, Александр I указом 11 (23) апреля 1823 г. обязал начать переселение евреев из сельской местности в города и местечки, где они могут заниматься торговлей и промыслом. А 1 (13) мая того же года, в связи с докладом Д. О. Баранова, был учрежден особый комитет для выработки нового законодательства о евреях[23].

Невольно возникает вопрос, почему человек, чья служебная деятельность отличалась антисемитской направленностью, принял живое участие в судьбе провинциальных еврейских юношей. Но антисемитизм начала XIX в. имел в виду не национальную принадлежность как таковую, а религию – иудаизм.

Поэтому Д. О. Баранов, лично способствуя крещению евреев, действовал в соответствии со своими убеждениями.

Нужно отметить, что декабристы считали возможным включить Д. О. Баранова, как человека, в чьей честности и порядочности они не сомневались (наряду с А. П. Ермоловым, Н. С. Мордвиновым, И. М. Муравьевым-Апостолом, Н. Н. Раевским, М. М. Сперанским и некоторыми другими), в состав предполагаемого Временного правительства[24]. Список этот стал известен Николаю I, и он отреагировал по-своему. Д. О. Баранов вместе с графом П. А. Толстым, князем И. В. Васильчиковым, М. М. Сперанским, бароном Г. А. Строгановым, графом Е. Ф. Комаровским, графом П. И. Кутайсовым, С. С. Кушниковым и сенатором Ф. И. Энгелем был включен в состав ревизионной комиссии суда, учреждавшей разряды переданных суду декабристов.

Во время заседания ревизионной комиссии в Петропавловской крепости, когда привлеченным к суду декабристам предлагалось подписать три вопросных пункта: 1) своей ли рукой подписаны показания, данные на следствии; 2) добровольно ли подписаны; 3) были ли даны очные ставки, Д. О. Баранов совместно с А. Х. Бенкендорфом опрашивал членов Северного общества. При этом Д. О. Баранов был очень вежлив, но не выпускал, судя по воспоминаниям И. Д. Якушкина, бумаг с показаниями из своих рук[25]. В то же время А. Х. Бенкендорф, как вспоминает А. Е. Розен, давал понять, что «ему несдобровать»[26].

Как же оценивать Д. О. Баранова как личность? Более точно характеризует его член следственной комиссии по делу декабристов сенатор П. Г. Дивов. Рассказывая в своем дневнике 20 октября (1 ноября) 1833 г. об очередном общем собрании Сената, он пишет: «Председательствующий Баранов человек весьма сведущий в административной части, но гораздо менее по части юриспруденции; он не способен поддержать правое дело, если какие-либо личные соображения заставляют его уклониться от прямого пути. Он говорит хорошо, с апломбом, не горячась»[27].

У Д. О. Баранова было два сильных увлечения: поэзия и шахматы. Первое свое стихотворение «Шарлотта при гробе Вертера» он опубликовал в четырнадцатилетнем возрасте, будучи воспитанником Вольного благородного пансиона при Московском университете, в журнале В. И. Туманского и И. Ф. Богдановича «Зеркало Света». С тех пор его стихи появляются в печати довольно часто, что дает ему возможность в 1833 г. быть избранным в члены Российской академии. Среди тех, кто поддержал избрание Д. О. Баранова, был и А. С. Пушкин.

Вторым увлечением были шахматы. В его доме в 20-е гг. XIX в. располагалось одно из первых шахматных собраний Петербурга, которое посещали преимущественно писатели, поэты, драматурги. Впрочем, собрания были открыты для всех любителей этой игры. (Собственный 4-х этажный дом Д. О. Баранова на-

ходился по адресу Невский пр., д. 56; сейчас на этом месте здание, где размещаются Елисеевский магазин и Театр комедии им. Н. П. Акимова.)

Здесь бывали известные русские шахматисты того времени: мастер К. А. Яниш, служивший в это время в армии и имевший чин майора, писатель А. Д. Копьев, писатель и публицист Н. П. Брусилов. Несомненно, бывал и большой любитель шахмат, добрый знакомый Д. О. Баранова А. С. Пушкин. Приходили поиграть в шахматы и многие члены английского собрания в Петербурге, членом которого Баранов состоял с 1814 г.[28]

Роль Д. О. Баранова в развитии шахмат была настолько велика, что именно ему был посвящен первый русский учебник «О шахматной игре», написанный мужем сестры Баранова, чиновником Сената И. А. Бутримовым. Именно в доме Д. О. Баранова совершенствовал свое мастерство внук его коллеги по Сенату И. А. Соколова будущий первый чемпион России А. Д. Петров.

Наверняка частыми гостями дома Д. О. Баранова и участниками его шахматных вечеров были большие поклонники этой древней игры братья Бланки. Знакомство с шахматистами, занимавшими высокое положение в свете и государственном аппарате, могло способствовать приобретению ими клиентуры для врачебной практики. Не исключено, что именно в доме Д. О. Баранова А. Д. Бланк познакомился с братьями Густавом и Карлом Гроссшопфами, с которыми впоследствии породнился..

Крестной матерью Абеля (Дмитрия) Бланка была жена действительного статского советника Елизавета Осиповна Шварц, вероятнее всего, родная сестра Д. О. Баранова.

Восприемником Израиля Бланка, ставшего после крещения Александром Дмитриевичем (будущего деда В. И. Ульянова), был действительный статский советник граф А. И. Апраксин, родной брат хорошего знакомого А. С. Пушкина генерала П. И. Апраксина. Восприемницей – жена Д. О. Баранова В. А. Баранова, родная сестра жены А. И. Апраксина – М. А. Апраксиной.

А. И. Апраксин происходил из знаменитого дворянского рода. Его прадед Андрей Матвеевич – родной брат первого русского генерал-адмирала Ф. М. Апраксина и второй жены царя Федора III Алексеевича Марфы Матвеевны. В 1722 г. был возведен в графское достоинство[29]. Прабабушка, Александра Михайловна – внучка фельдмаршала Б. П. Шереметева, бабушка – княжна Н. И. Одоевская, мать – графиня М. А. Волькенштейн – племянница фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского. Это ближайшие предки по женской линии. По мужской линии А. И. Апраксин ведет род от знатного мурзы Солхомира Мирославича, приехавшего в 1371 г. к великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому из Большой Орды. В Рязани Солхомир Мирославич принял христианство и получил при крещении имя Иоанн (Иван). Иван (Солхомир) женился на

родной сестре рязанского великого князя Олега Ивановича Анастасии Ивановне. Таким образом, потомки Анастасии Ивановны были и потомками Рюрика. Правнук Ивана (Солхомира) и Анастасии Ивановны Андрей Иванович Кончеев получил прозвище Опракса. От него и пошли Опраксины, трансформировавшиеся в Апраксиных. Сыновья Опраксы, или Апраксы, перешли служить к великому князю московскому Ивану III. Дьяк Федор Карпович Апраксин поставил свою подпись в числе выборщиков на русский престол царя Михаила III Федоровича Романова.

А. И. Апраксин начал службу писарем Провиантской коллегии в унтер-офицерском чине 9 (20) октября 1798 г. Сохранившийся формулярный список позволяет проследить его быстрое продвижение по служебной лестнице во время Отечественной войны 1812 г. Апраксин находился в действующей армии. В день Бородинского сражения являлся адъютантом М. И. Кутузова. Сражался под Малоярославцем в отряде генерала М. И. Платова. Принимал участие в крупнейших сражениях русской армии против войск Наполеона: при Вязьме, Дрездене, Кульме, Лейпциге. Участвовал во взятии Парижа. За боевые заслуги А. И. Апраксин был награжден высшими российскими и иностранными орденами. После окончания войны перед ним открылась перспектива блестящей военной карьеры. Уже в 1813 г., в возрасте 31 года, он стал полковником. Но 23 января (4 февраля) 1818 г. в связи с болезнью А. И. Апраксин увольняется с военной службы. Ему был присвоен гражданский чин действительного статского советника, что приравнивалось к воинскому званию генерал-майора.

А. И. Апраксин вновь возвращается на службу 5 (17) мая 1822 г. и на семь лет становится чиновником особых поручений Министерства финансов. Он занимал разные должности по гражданскому ведомству и, наконец, 21 апреля (3 мая) 1834 г. был пожалован в тайные советники и сенаторы[30]. Был женат на М. А. Шемякиной[31], имел четырех сыновей и двух дочерей.

Интересы А. И. Апраксина были довольно широкими. Он являлся членом масонской ложи «Трех добродетелей» в Петербурге[32], в состав которой входил и великий князь Константин Павлович. С 1807 г. и до самой смерти был членом Английского собрания, а в 1834 г. его старшиной[33]. Хорошо известно, что в стенах Английского собрания, членом которого, как уже упоминалось, был и Д. О. Баранов, встречались представители высшего света, наиболее известные люди Петербурга. Достаточно назвать такие имена, как А. С. Пушкин, Н. И. Гнедич, В. А. Жуковский, врач Н. Ф. Арендт, братья графы Матвей и Михаил Юрьевичи Вильегорские (известные музыканты и большие любители шахмат), братья А. И. и Н. И. Тургеневы (кстати, А. И. Тургенев был директором Департамента иностранных вероисповеданий Министерства духовных дел и народного просвещения и занимал-

ся вопросами перехода евреев в православие), А. С. Тимирязев, будущий министр внутренних дел граф Л. А. Перовский, будущий адъютант великого князя Михаила Павловича и шталмейстер императорского двора И. Д. Чертков, впоследствии ставший крестным отцом Машеньки Бланк и др.[34]

Таковы были люди, взявшие на себя ответственность за дальнейшую судьбу братьев Бланков.

4. Годы учебы братьев Бланков в Медико-хирургической академии

Еще 20 июля (1 августа) 1820 г. братья Бланки подали на имя министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына прошение следующего содержания: «Окончив курс учения в Житомирском поветовом училище и удостоясь аттестатов об успехах в преподаваемых в оном науках и о поведении, желаем мы определиться в здешней Медико-хирургической академии для приготовления к лекарской должности и почему, прибыв под покровительство Вашего Сиятельства, осмеливаемся всепокорнейше просить, неблаговолено ли будет приказать через кого следует принять нас в число воспитанников оной Академии и на сие наше прошение учинить милостивейшее рассмотрение. Дмитрий Бланк. Александр Бланк. 20 июля 1820 г.»[35]. Одновременно к прошению братья приложили свидетельства о крещении[36].

В соответствии с действовавшим 17 (29) августа уставом Медико-хирургической академии братья Бланки должны были одновременно приложить к прошению свидетельство Волынской врачебной управы о сданных там предварительных испытаниях, а также свидетельство о своем гражданском состоянии[37]. Но так как, по вполне понятным причинам, они их представить не могли, то проходили предварительные испытания в самой Медико-хирургической академии. Испытания показали, что знания братьев Бланков по латинскому языку оставляют желать лучшего. Несмотря на это 31 июля (12 августа) 1820 г. князь А. Н. Голицын направляет из Царского Села, где он тогда жил, конференции Императорской Медико-хирургической академии, в состав которой входило четырнадцать крупных ученых во главе с ее президентом действительным статским советником баронетом Я. В. Виллие (наст. Джеймс Уэйли), письмо «о приеме в число воспитанников Академии двух Бланков». В нем говорилось: «Воспитанники Житомирского поветового училища Дмитрий и Александр Бланки подали прошение об определении их в число казенных медицинских воспитанников Академии. Вследствие сего, препровождая при сем представленные ими два аттестата, выданные от Житомирского поветового училища, о поведении и познаниях их в науках, также свидетельство о принятии ими Святого крещения, представив конференции учинить им над-

лежащее испытание в требуемых науках и буде окажутся по оному способными, то принять их в число академических воспитанников. К сему считаю нужным присовокупить, что хоть они в латинских языках оказались не весьма успешными, но можно надеяться, что... они впоследствии совершенствуют себя в знании сего языка в самой Академии, в которую заслуживают быть принятыми как по поведению своему, так и по сиротству их»[38].

При чтении этого письма возникает вопрос: почему товарищ детских игр, один из ближайших друзей императора Александра I министр народного просвещения А. Н. Голицын ходатайствует за юношей, имевших пробелы в знаниях? Ответ прост. С 1803 г. он обер-прокурор Синода, с 25 июля (6 августа) 1810 г. главноуправляющий Управления духовными делами разных вероисповеданий, которое, как и Святейший Синод, с 24 октября (5 ноября) 1817 г. вошло составной частью в возглавляемое А. Н. Голицыным с 10 (22) августа 1816 г. Министерство народного просвещения, переименованное в Министерство духовных дел и народного просвещения. После чего, по распоряжению Александра I, в новое министерство стали посылать из Сената все дела, относящиеся к положению евреев в России. Более того, с 5 (17) мая 1818 г., после ликвидации Комитета для еврейских дел, созданного в 1809 г., все дела, которые вел этот комитет, также были переданы в ведение Министерства духовных дел и народного просвещения России[39].

Не следует также забывать, что именно А. Н. Голицын был вместе с Александром I инициатором создания 25 марта (6 апреля) 1817 г. Общества израильских христиан, которое должно было обеспечить материальное благосостояние перешедшим в христианство евреям. Государственное и общественное положение А. Н. Голицына, а также его благодушное отношение дают ответ на вопрос: почему А. Н. Голицын помогал братьям Бланкам.

Конференция Медико-хирургической академии пошла навстречу просьбе министра, и братья Бланки были зачислены в Академию, занятия в которой начинались 1 сентября 1820 г.

После поступления в Медико-хирургическую академию братья Бланки полностью отдались учебе. Трудностей оказалось немало: в жилых помещениях зимой температура была не выше 10°, питание состояло из щей, каши и черствого хлеба. Студенты обязаны были каждую неделю писать сочинение по изучаемым предметам и быть готовыми к обязательному поголовному опросу. И, наконец, раз в три месяца сдавать письменные и устные экзамены. На втором курсе студент выполнял обязанности помощника лекаря, убирал за больными в качестве санитара. Студент третьего курса отвечал за лекарства и кровопускания. На четвертом – выполнял хирургические операции под наблюдением врача, заполнял историю болезни и выписывал рецепты[40].

Несмотря на тяжелые условия учебы, братья с ней успешно справлялись. С 21 июля (2 августа) по 9 (21) августа 1822 г. они сдавали экзамены за второй курс. У Александра Бланка экзамены прошли успешно. В соответствии с решением конференции Петербургского отделения Медико-хирургической академии он был удостоен звания студента 3-го класса, причислен к казенным студентам 1-го отделения, награжден книгами Г. В. Консбуха «Терапия» и А. Геккера «Лечебник»[41].

Волонтер Дмитрий Бланк был также переведен на третий курс. Но «по прошению и за болезнью» ему экзамены перенесены «на сентябрьскую треть»[42].

Прошло около двух лет. Наступило время окончания академии, и ее чиновники начали готовить необходимые документы. Конференция Императорской медико-хирургической академии еще до 2 (14) апреля 1824 г. послала за № 185 отношение в Департамент народного просвещения с просьбой прислать в академию личные дела студентов Дмитрия и Александра Бланков, зачисленных в академию по распоряжению этого департамента[43].

19 апреля (1 мая) 1824 г. конференция Императорской медико-хирургической академии заслушала ответ Департамента народного просвещения от 2 (14) апреля 1824 г. за № 845, из которого видно, что «с поступлением сей Академии в ведомство Министерства внутренних дел все производившиеся прежде по оной дела, а в том числе и дело 1820 г. об определении в сию Академию учеников Житомирского поветового училища Дмитрия и Александра Бланков переведены в Медицинский Департамент означенного Министерства, то оный Департамент, не имея сего дела, не может доставить требуемых Конференцией сведений о Бланках.

Определили: отнестись относительно Бланков в Медицинский Департамент Министерства внутренних дел»[44]. Видимо, вопрос этот был решен, так как на последующих заседаниях конференции он больше не рассматривался.

С 1 (13) по 19 июня (1 июля) 1824 г., кроме воскресений, ежедневно с 10 часов утра до 14–15 часов дня братья Бланки и их товарищи по 4-му классу сдавали публичные выпускные экзамены в Медико-хирургической академии. Экзамены прошли успешно. В протоколе ординарного собрания, состоявшегося 19 (31) июля 1824 г. за № 24 появилась запись о том, что «конференция в заседании своем, рассмотрев успехи, оказанные ими (студентами. – *М. Ш.*) как при сем публичном, так и при третьих экзаменах, и приняв в рассуждение нравственность их, поведение, равно знание и искусство в делании анатомических демонстраций, хирургических операций и клинических занятиях, учинила распоряжение вследствие коего:

1) Из числа казенных медицинских воспитанников, удостоенных звания лекарей по медицинской... части... Второго отде-

ления... Бланк Александр... из числа волонтеров по части медицинской оказались достойными звания лекарей... Второго отделения... Бланк Дмитрий»[45].

Еще до окончания Медико-хирургической академии ее руководство в 1824 г. обратилось в Правительствующий Сенат с просьбой рассмотреть вопрос о братьях Бланках. О чем конкретно шла речь, можно только предполагать, так как журналы 1-го Департамента Сената во время Второй мировой войны были вывезены в город Ялуторовск Тюменской области и находятся там до сих пор. В нашем распоряжении имеется вышедший в 1911 г. второй выпуск, «Б», книги «Материалы для алфавитного указателя к журналам и определениям 1-го Департамента Правительствующего Сената, хранящиеся в Сенатском архиве. 1795–1825 гг.». По сведениям данной книги видно, что вопрос об Александре и Дмитрии Бланках рассматривался в 1824 г. дважды (с. 119): первый раз как о воспитанниках академии (журнал 123, ст. 25 и 23), а затем как о лекарях (журнал 148, ст. 14, номер определения 2193). На основании этих данных можно сделать следующий вывод: в первый раз при рассмотрении вопроса о братьях Бланках речь шла об их исключении из староконстантиновского еврейского общества Волынской губернии и окладе, в котором они состояли, как лиц, принявших христианскую веру[46]. Во втором случае, уже после того как они были удостоены звания лекаря, – об исключении их из податного сословия. Наше предположение подтверждается XIV пунктом протокола ординарного собрания Императорской медико-хирургической академии от 19 (31) июля 1824 г. В нем говорилось: «Поелику между окончившими курс учения находятся податных состояний... Александр и Дмитрий Бланки, воспринявшие Св. крещение из евреев и принятые в Академию по предложению г. министра Духовных дел и народного просвещения от 1820-го года июля 31 дня № 2479 объявили, что они состояли записанными по городу Житомиру в мещанстве; документов же увольнительных от общества никаких не представили, кроме свидетельства о крещении, то с приложением оного в подлиннике просить г. управляющего Министерством внутренних дел учинить куда следует представление об исключении их на основании Указа Правительствующего Сената в августе месяце 1820 г. состоявшегося, из прежнего состояния»[47].

2 (14) августа 1824 г. в торжественной обстановке, в присутствии министра внутренних дел В. С. Ланского, в ведении которого находилась Медико-хирургическая академия, министра народного просвещения адмирала А. С. Шишкова и других знатных особ, президент Медико-хирургической академии Я. В. Виллие и правящий должность президента Медико-хирургической академии И. И. Энегольм вручили всем 57 молодым врачам свидетельства об ученых званиях. Одновременно каждый из них получил карманный набор хирургических инструментов[48].

После окончания академии большинство выпускников пошло служить по военному и морскому ведомствам и только пятеро из них – по гражданскому[49]. Среди последних был и Александр Бланк. Так как братья Бланки были признаны «неспособными к воинской службе», то согласно их прошениям конференция Медико-хирургической академии решила их «определить по части гражданской»[50].

На всех выпускников Академии, направленных служить по гражданской части, были заполнены формулярные списки. Из формулярного списка «Александра Александрова (так ошибся писарь при заполнении документа. – *М. Ш.*) Бланка из Житомира, 20 лет, происходившего из мещан Волынской губернии, поступившего в Академию 1 (23) августа 1820 г., удостоенного звания студента Первого отделения академии 30 сентября (12 октября) 1822 г. и произведенного в лекари медицины на 30 июля (11 августа) 1824 г. – хорошее поведение». По окончании учебы в академии он был награжден книгами и набором хирургических инструментов.

Накануне получения назначения на службу, 12 (24) августа 1824 г., Александр Бланк обратился к директору Медицинского департамента Министерства внутренних дел А. К. Крыжановскому с прошением следующего содержания:

«Ваше Высокопревосходительство.

Получив звание лекаря по бедности родителей моих я имел счастие просить Ваше Высокопревосходительство о месте поближе к родителям, но как я теперь узнал, что дело отца моего поступило в Правительствующий Сенат, которое состоит в 35 000 рублях, по которому я должен иметь ходатайство и желаю просить Сенат о рукоприкладстве; а по сему и покорнейше прошу прикажите оставить меня в Петербурге, чем Ваше Высокопревосходительство доставите средства к моему образованию и единственное счастие моим родителям.

Вашего Высокопревосходительства Всепокорнейший Александр Бланк»[51].

Директор департамента, не давая своего заключения по письму, переправил его 20 августа (1 сентября) 1824 г. по принадлежности генерал-штаб-доктору по Гражданской части О. О. Реману. Последний, не вникая в суть дела, наложил резолюцию: «Прошение лекаря Бланка, как на неустановленной бумаге, оставить без производства»[52]. Больше к вопросу о распределении по месту службы Александр Бланк не возвращался. Он уже знал место первого назначения.

За неделю до того, как была наложена резолюция на сопроводительное к заявлению А. Бланка письмо, О. О. Реман принял 13 (25) августа 1825 г. решение о распределении выпускников Санкт-Петербургского отделения Медико-хирургической академии, направленных служить в его ведомство. В соответствии со сведениями, полученными от губернских властей,

О. О. Реман исходил из потребностей губерний во врачах. Согласно этим сведениям ситуация была такова: в Тобольской губернии, состоящей из девяти уездов, врачей не хватало в пяти (жалование лекаря составляло 800 руб. в год); в Вологодской пять уездов из десяти нуждались во врачах (жалованье 600 руб. в год); четыре уезда из двенадцати Смоленской губернии также были без врачей (жалованье 500 руб. в год); врачей недоставало в трех из восьми уездов Архангельской губернии (жалование 600 руб. в год), пять из двенадцати уездов Казанской губернии тоже нуждались во врачах (жалованье 500 руб. в год). Кроме того, имелись две свободные вакансии с окладом врача 600 руб. в год в Керченском портовом карантине[53].

13 (25 августа) 1824 г. смоленскому губернатору И. С. Храповицкому было сообщено, что на вакансию губернского врача г. - Поречья (с 1918 г. – г. Демидов) направляется Александр Бланк[54]. В соответствии с действующим положением Военному генерал-губернатору С.-Петербурга М. А. Милорадовичу было предложено выдать Александру Бланку подорожную от С.-Петербурга до Поречья, министру финансов Е. Ф. Канкрину – выдать прогонные на две лошади из расчета по числу верст от С.-Петербурга до Поречья, а начальникам застав – давать свободный и беспрепятственный пропуск лекарю Александру Бланку от С.-Петербурга до г. Поречья[55].

3 (15) сентября того же года А. Бланк, в соответствии с действующими положениями, написал в Канцелярии генерал-штаб-доктора следующее обязательство: «Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее не принадлежу и обязываюсь впредь не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь. Лекарь Александр Бланк»[56]. После выполнения всех формальностей А. Бланк отправился к своему первому месту службы в г. Поречье, куда прибыл 17 (29) сентября 1824 г.[57]

5. Начало врачебной деятельности

Дмитрий Бланк по распределению был направлен на работу в медицинскую часть санкт-петербургской полиции. Старший врач полиции Яворский назначил Дмитрия Дмитриевича Бланка частным врачом Рождественской части. Назначение состоялось 19 (31) августа 1824 г.[58] Ему отвели «обывательскую квартиру во 2-й Адмиралтейской части»[59] (2-я Адмиралтейская часть располагалась между рекой Мойкой и Екатерининским каналом, ныне канал Грибоедова). Адрес квартиры в цитируемом документе не указан. Зато нам известен адрес обывательской квартиры работавшего в 1831 г. полицейским врачом 2-й Адмиралтейской части А. Д. Бланка. Это дом, принадлежавший купцу Циркову, № 204, (ныне Садовая ул., 42 или переулок Бринько, 1)[60]. Вероятнее всего, именно в этой квартире в 1824 г. жил Д. Д. Бланк.

7 (19) ноября 1824 г. в С.-Петербурге произошло самое большое в истории города наводнение, во время которого погибло 208 человек и был нанесен огромный материальный ущерб. В целях борьбы с последствиями наводнения и оказания помощи пострадавшим был создан Комитет для пользования потерпевших от наводнения, в состав которого с 15 (27) ноября в качестве врача вошел Д.Д. Бланк. Он занимался лечением в основном бедных людей[61]. Врачом комитета он был год. Одновременно в течение пяти месяцев он исправлял должность врача в Каретной части и одного месяца – в Литейной части. В 1827 г. он снова три месяца был врачом Каретной части. С 1 (13) мая по 1 (13) сентября 1827 г. Д. Д. Бланку по предписанию начальства пришлось проводить осмотр публичных женщин[62]. В феврале того же года Д. Д. Бланк, как член Медико-филантропического комитета был назначен без освобождения от должности полицейского врача врачом для бедных Каретной части. Сообщая об этом, «Санкт-Петербургские ведомости» указали, что «Дмитрий Дмитриевич Бланк жительство имеет Каретной части на Невском проспекте в доме купца Князева»[63] (между нынешней площадью Восстания и Полтавской улицей) под № 84. Ныне на месте этого дома построено новое здание Сбербанка России, занимающее и территорию дома Князева. Современный адрес – Невский пр., 101. Если верить «Санкт-Петербургским ведомостям» от 21 ноября 1824 г., то Д. Д. Бланк уже тогда занимал квартиру в этом доме вместе с женой Александрой Гавриловной, родной сестрой однокурсника братьев Бланков Платона Иванова. Прожили они по этому адресу около двух лет. Детей у супругов не было.

26 сентября (8 октября) 1828 г. в служебной карьере Д. Д. Бланка произошло знаменательное событие. По прошествии четырех лет с начала службы, учитывая добросовестное к ней отношение и хорошее поведение, одновременно с братом А. Д. Бланком он был удостоен звания штаб-лекаря с окладом 700 руб. в год[64].

За время работы врачом материальное положение Д. Д. Бланка улучшилось. Это позволило ему летом 1830 г. купить во 2-м квартале Каретной части двухэтажный (низ каменный, верх деревянный) дом № 148 у мещанина И. С. Палкина[65] (Лиговский пр., 96. Ныне на этом месте шестиэтажный дом). Не исключено, что возможно эта покупка произошла не без помощи младшего брата Александра.

Несколько иначе началась трудовая деятельность А. Д. Бланка. Первым днем его работы в г. Поречье официально считается день направления на работу 13 (25) августа 1824 г.[66] Прибыв к месту назначения, он был приведен к присяге и приступил к исполнению обязанностей врача[67]. Единственным свидетельством о службе А. Д. Бланка в Поречье является документ, составленный 22 сентября (4 октября) 1824 г., когда он по поручению По-

реченского нижнего суда в качестве судебного эксперта осматривал, в присутствии представителя суда заседателя Станкевича и уездного стряпчего Бородивили, беременную женщину Прасковью Алексееву, крепостную Евгения Каховского, которую избил плетью помещик Платон Дойнатович.

При осмотре пострадавшей А. Д. Бланк зафиксировал два следа побоев на спине и один на правой руке с небольшой опухолью. Далее он отмечает, что Прасковья Алексеева «от побоев и от испуга страдает ныне воспалительной лихорадкой, в рассуждении же беременности при усилении горячки может последовать выкидыш, но напротив этого при скорой помощи от означенной горячки может получить выздоровление»[68].

Неизвестно, какое решение вынес суд, но несомненно, что молодой врач встал на защиту крепостной. А. Д. Бланк строго следовал клятве Гиппократа. Даже в том случае, если это угрожало конфликтом. Местным помещикам наверняка не понравилось заключение молодого энергичного врача по делу об избиении беременной крепостной крестьянки. Нет сомнения в том, что помещик Платон Дойнатович затаил на него злобу.

В июне 1825 г. А. Д. Бланк приезжает в свой первый отпуск в Петербург на 28 дней. Но отдыхать ему не пришлось. По предписанию генерал-штаб-доктора он был командирован с 10 (22) июня по 3 (15) октября в лазарет, устроенный на Петербургской стороне в домах Бека и купца Таирова[69]. По всей видимости, составитель формулярного списка А. Д. Бланка допустил неточности в тексте. Х. А. Бек имел дом по правой стороне Каменноостровского проспекта под № 1250 (ныне на этом месте дом № 3). Купец 1-й гильдии Л. Г. Таиров на Петербургской стороне домов не имел. Под больницу он отдал свой дом под № 205, расположенный в 3-й Адмиралтейской части (ныне пер. Бринько, 4). А. Д. Бланка, 27 лет, переводят из Поречья а штат петербургской полиции на вакансию частного врача в 2-ю Адмиралтейскую часть[70], где ему была выделена обывательская квартира.

«Трудно найти другой город, в коем бы новоначинающий врач столь мало должен был заботиться о своем куске хлеба, как в С.-Петербурге, – писал в 1820 г. доктор медицины Г. Л. фон Аттенгофер. – Выдержавши свое испытание, или по приезде сюда, может он определиться на службу по части гражданской или военной (так как редко бывают заняты все места), либо приищет для себя у какого-нибудь вельможи должность домашнего медика, которая доставит ему порядочное жалованье, защитит уже от всякой нужды; либо, если только имеет он в столице хотя несколько человек знакомых, практика, весьма скоро распространяющаяся, принесет ему не менее прибыльный доход. Из 300 медиков, находящихся в С.-Петербурге, ни один не живет в бедности, а многие наслаждаются совершенным избытком. В прежние времена медики стяжали себе здесь великие богатства, теперь

же, конечно, число медиков приметно умножилось, но количество щедрых пациентов гораздо уменьшилось»[71].

Такое свидетельство современника многое проясняет в стремлении А. Д. Бланка вернуться в Петербург. Скорее всего именно брат Д. Бланк помог ему получить место в С.-Петербурге. В штате полицейских врачей Дмитрия Дмитриевича Бланка стали именовать Бланком-1-м, а Александра Дмитриевича – Бланком-2-м.

Работа полицейского врача была достаточно интересной. А. Д. Бланк должен был, наряду с прямыми врачебными обязанностями, контролировать работу фельдшеров, учить их делать прививки, особенно против оспы, случаи заболевания которой были очень частыми, обращаться с больными, получившими, как тогда говорили, апоплексический удар, людьми в разной стадии опьянения, обмороженными, пострадавшими от травм, спасть утонувших и т. д. Кроме того, полицейский врач обязан был бесплатно оказывать помощь всем работникам полиции и членам их семей, пожарным, пострадавшим на пожаре, в случае необходимости отправлять их в военный госпиталь, в период эпидемий обслуживать больных. В его обязанности входили проверка качества продаваемых продуктов, надзор за промышленными предприятиями и чистотой квартир, где жили рабочие, чистотой полицейских казарм и арестантских помещений, а также наблюдение за качеством пищи, которой кормили арестантов. Одним словом, работа полицейского врача была сложной и многообразной, но оплачивалась неплохо. Оклад старшего врача, в штате полиции их было шесть человек, составлял 1400 руб. в год. Младших полицейских врачей (именно к ним, скорее всего, относился А. Д. Бланк, как начинающий) в штате было семь; они получали по 1000 руб. в год, не считая оплату за квартиру[72]. В частности, А. Д. Бланк 5 (17) сентября 1828 г. получил 60 руб. квартирных, 4 (16) мая 1829 г. – 40 руб. квартирных. В этот период он занимал должность полицейского врача 3-й Адмиралтейской части (Екатерининский пр., 8; ныне пр. Римского-Корсакова, 7).

К службе А. Д. Бланк относился добросовестно. «За расторопность и усердие в службе, оказанные неоднократно при возвращении к жизни утопавших и угоревших» ему объявлялись благодарности[73]. Через три года А. Д. Бланк был произведен в штаб-лекари, а позднее «признан акушером»[74].

Личная жизнь А. Д. Бланка складывалась удачно. 26 августа (7 сентября) 1828 г. в Соборе Святителя Николая Чудотворца (Морском Богоявленском соборе) С.-Петербурга состоялось его венчание с А. И. Гроссшопф, девушкой из достаточно состоятельной семьи. Поручителями жениха и невесты были бригадный командир полковник А. К. (фамилия не указана, установить не удалось) и коллежский асессор К. И. (Гроссшопф) (фамилия не указана)[75].

С родственниками своей будущей жены А. Д. Бланк мог познакомиться, предположительно, на шахматных вечерах Д. О. Баранова или в доме своего крестного отца графа А. И. Апраксина, который несколько лет служил в Министерстве финансов, где долгие годы работал К. И. Гроссшопф. Возможно, Гроссшопфы были пациентами врача А. Д. Бланка, и в один из визитов к ним молодой врач встретился со своей будущей женой.

А. И. Гроссшопф окончила пансион, свободно владела несколькими иностранными языками, прекрасно играла на клавикордах. По семейным преданиям, в ее исполнении А. Д. Бланк впервые услышал полюбившуюся ему «Лунную сонату» Бетховена.

По всей видимости, семейная жизнь А. Д. Бланка началась в доме купца Циркова по Садовой ул., 204 (ныне Садовая ул., 42)[76].

В семейной жизни А. Д. Бланк был счастлив. Особенно его радовало рождение детей. 9 (21) сентября 1830 г. родился сын Дмитрий, названный в честь дяди Д. Д. Бланка и сенатора Д. О. Баранова. Вслед за ним появились на свет пять дочерей: Анна (30 августа (11 сентября) 1831–1897), названная в честь мамы и бабушки. Она была талантлива, писала стихи. Первая подборка ее стихов была опубликована в журнале «Кто и как?», № 1, 1991 г. Анна Александровна оставила интересные воспоминания о своем детстве, о шведско-немецких родственниках, живших в Петербурге. Любовь (29 августа (10 сентября) 1832 – 24 декабря 1895 (5 января 1896)) – в честь тети Любови Бланк; Екатерина (25 декабря 1833 (6 января 1834) – 1883) – в честь тети Екатерины Гроссшопф; Мария (22 февраля (5 марта) 1835 – 2 (25) июля 1916) – в честь бабушки; Софья (24 июня (6 июля) 1836 – 9 (21) августа 1897), в чью честь названа – установить не удалось.

Глава V

СУДЬБА АЛЕКСАНДРА БЛАНКА

1. Гибель Дмитрия Дмитриевича Бланка

В 1829 г. страшная болезнь – холера – перешла границы России. Но только14 июня 1831 г. она появилась в Петербурге, о чем жителям поведал со страниц «Санкт-Петербургских ведомостей» военный генерал-губернатор П. К. Эссен. «При первом известии о появлении холеры в Риге и в некоторых городах приволжских, – писал он, – приняты были все меры к ограждению здешней столицы от внесения сей болезни: по всем дорогам, ведущим из мест зараженных и сомнительных (равномерно и в Кронштадте), учреждены были карантинные заставы... Несмотря на все... предосторожности, холера, по некоторым признакам, проникла в С.-Петербург...

На прибывшем сюда из Вытегры 28-го минувшего мая судне, называемом соймою, заболел 14-го сего июня вытегорский мещанин. Признаки его болезни были сходны с холерою, но при медицинском пособии он получил облегчение.

Того же числа, в 4 часа утра, в Рождественской части, в доме купца Богатова работник живописного мастера подвергся всем признакам холеры и в 7 часов пополудни умер.

16-го числа заболели сими же припадками в частях: Рождественской – будочник, Литейной – ремесленник, 2-й Адмиралтейской – маркер и в Артиллерийской госпитали – школьник, из коих первые двое сегодня померли; вновь же заболели: в Московской части – 1 и в Литейной – 1, так что на сей день больных с признаками холеры осталось 4, из них 3 надежных к выздоровлению.

При сем случае начальство столицы долгом поставляет свидетельствовать, что употребленные при подании помощи сим больным полицейские и медицинские чиновники поступали с примерным усердием и, можно сказать, с самоотвержением.

Вот все, что до ныне известно в сем отношении. Благомыслящие жители столицы могут быть уверены, что правительство принимает все меры и средства к устранению и прекращению сего бедствия...»[1].

Генерал П. К. Эссен не погрешил против истины. Власти делали все от них зависящее, чтобы предотвратить распространение страшной болезни. По указанию Николая I, П. К. Эссен 20 июня (2 июля) 1831 г. издал распоряжение, по которому во всех 13 частях С.-Петербурга был назначен попечитель, отвечающий за борьбу с холерой во вверенной ему части. Были созданы временные больницы, охватывавшие своей деятельностью

весь город и Шлиссельбургскую дорогу, а для оказания первой помощи – приемные лазареты. Во все больницы были назначены врачи, и в помощь им выделено по четыре студента Императорской Медико-хирургической академии и по одному фармацевту, а также фельдшера и цирюльники[2].

Центральной холерной больницей сделали больницу, расположенную в юго-западной части Сенной площади, в ломающемся под прямым углом небольшом (около 100 метров длины и тремя домами по левой стороне и одним на правой), тесном от непрерывно проезжавших по нему телег и очень узком (ширина чуть более 10 метров) Сенном переулке, получившем впоследствии название Телячьего, а затем Таирова (современное название Бринько), в доме, принадлежавшем купцу 1-й гильдии Л. Г. Таирову и расположенном в самом углу переулка. Это был район петербургских трущоб, где жили мастеровые, мелкие торговцы, тряпичники, грошовые проститутки и евреи[3].

Именно в этот переулок, как и в другие больницы, полиция свозила заболевших. Свозила насильно, против их воли и желания, так как больные были твердо уверены, что никакой помощи им оказано не будет и их везут в больницу просто умирать. Смертность действительно росла катастрофическими темпами. И такими же темпами росли и слухи об отраве со стороны поляков или других революционеров.

Если обезумевшая толпа обнаруживала у проходящего по улице человека скляночку с раствором хлористой соды или уксусом, которым он протирал, в соответствии с рекомендацией врачей, руки, или сухую хлористую известь, зашитую в полотняную сумочку, то его, в доказательство того, что это не яд, заставляли выпивать раствор и проглатывать порошок.

Прав оказался П. А. Вяземский, который записал в своем дневнике 31 октября 1830 г., за восемь месяцев до описываемых событий: «Любопытно изучать наш народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, недоверчивость совершенной неволи к воле “всемогущей” сказывается здесь решительно. Даже и “наказания божии” почитает она наказаниями власти. Во всех своих страданиях она так привыкла чувствовать на себе руку владыки, что и тогда, когда тяготеет на народе десница вышнего, она ищет около себя или поближе над собою виновника напасти... То говорят они, что народ хватают насильно и тащат в больницы, чтобы морить, что одну женщину купеческую взяли таким образом, дали ей лекарство, она его вырвала, дали еще, она тоже, наконец, прогнали из больницы, говоря, что с нею видно делать нечего: никак не уморишь. То говорят, что на заставах поймали переодетых и с подвязанными бородами, выбежавших из Сибири несчастных 14-го (декабристов. – *М. Ш.*); то, что убили в Москве В[еликого] к[нязя], который в Петербурге; какого-то немецкого принца, который никогда не приезжал»[4].

Подавляющее большинство простых людей не понимали необходимости осуществлявшихся карантинных мер.

Это наглядно продемонстрировали события 21 июня 1831 г. После обедни во всех церквах Петербурга были устроены крестные ходы – молились от избавления города от холеры. Не успел крестный ход окончиться, как у дома 24 по Лосевой улице (ныне 4-я Советская, участок дома 21), принадлежавшем И. И. Слевищевой, где размещался холерный лазарет, стала собираться толпа. Слышались ругательства в адрес врачей. В окна больницы полетели камни. Только с помощью полиции толпу удалось разогнать к десяти часам вечера.

Вслед за этим произошли подробно описанные в воспоминаниях очевидцев и работах историков волнения на Сенной площади, а также разгром Центральной холерной больницы. Разгром больницы был вызван трагической оплошностью медицинского персонала. В очерке «Холерное кладбище на Куликовом поле», ставшем составной частью книги «Холерный год. 1830–1831», известный писатель и историк П. П. Каратыгин так описывал эту историю. Молодой кучер, живший с женой в доме своего хозяина-купца по Большой Садовой (ныне Садовой) улице, выехал с ним утром 23 июня 1831 г. Жена кучера осталась дома и, казалось, была совершенно здорова. Но вскоре после отъезда мужа почувствовала себя плохо и ее, как заболевшую холерой, срочно отвезли в Центральную (или, как тогда говорили, в Таировскую) холерную больницу.

Вернувшись домой, кучер узнал о внезапно постигшем его несчастье и побежал в больницу. Здесь его подстерегал новый удар. Сотрудник больницы сообщил, что молодая женщина скончалась и ее тело отнесено в морг. Горю кучера не было предела, и он умолил пустить его проститься с женой. В морге, где лежали раздетые донага и посыпанные хлоркой тела умерших, он находит тело жены, но, коснувшись его, внезапно чувствует, что в нем еще теплится жизнь. Кучер схватил жену на руки и, проклиная на чем свет врачей, побежал вон. Правда, через два часа женщина скончалась, но кто знает, не окажись она в морге, ее, может быть, удалось бы спасти. Кучер стал одним из главных организаторов разгрома больницы. П. П. Каратыгин называет среди его организаторов также: известного кровельщка-верхолаза П. Телушкина, который ремонтировал фигуру ангела на шпиле колокольни Петропавловского собора, чиновника XII класса Полубенского и некоего Клоссена или Классена[5]. Именно под руководством этих людей озверевшая толпа ворвалась в здание больницы. Медицинский персонал оказался заложником неудачного расположения здания и практически был обречен на гибель. Ибо ни в одной холерной больнице зверства обезумевших от страха перед болезнью людей не достигали такого уровня. Озверевшая толпа, подозревая, что лекарства, которые давали больным, отрава, заставила старшего врача больницы И. Зе-

мана их пить. И. Земану удалось вырваться от своих мучителей и выбежать на лестницу. Но здесь его снова схватили, жестоко избили, размозжив голову. Вместе с И. Земаном погибли его помощники: ординатор Тарони и доктор надворный советник Георгий Молитор. Но в воспоминаниях очевидца событий генерал-майора в отставке (в то время прапорщика лейб-гвардии Гренадерского полка) И. Р. фон дер Ховена они названы фельдшером и аптекарем[6].

Погром Центральной холерной больницы был далеко не первым. Еще 20 июня (2 июля) громили холерную больницу в Рождественской части в доме Славищевой. 21 июня (3 июля) двухтысячная толпа ворвалась в холерную больницу в районе Большой Садовой, недалеко от Публичной библиотеки, выбросив из окон на улицу почти весь медперсонал. Вечером того же дня была разгромлена больница, помещавшаяся в одноэтажном деревянном доме поручика Черноглазова на Большой Подьяческой улице. Здесь также на улицу было выброшено все, что можно было выбросить, а само здание было разобрано. На следующий день, 22 июня (4 июля), была разгромлена больница для чернорабочих у Харламова моста через Екатерининский (ныне Грибоедова) канал в створе Екатерингофского (ныне Римского-Корсакова) проспекта. Именно отсюда погромщики направились громить Центральную холерную больницу. «Ужасно, что рассказывают», – пишет 3 (15) июля 1831 г. о погромах московский почтовый директор А. Я. Булгаков своей дочери, княгине О. А. Долгорукой, и при этом ссылается на письмо графа С. С. Уварова жене Е. А. Уваровой. В нем С. С. Уваров сообщает, что старший член медицинского совета Центральной холерной комиссии в Петербурге М. Я. Мудров «благоразумно скрылся у него, так как покушались на его жизнь». Но вскоре М. Я. Мудров заболел холерой и умер. «Другой госпитальный врач по имени Бланк был выброшен из окна 3-го этажа»[7]. Это трагическое событие подтверждается решением Петербургского депутатского собрания, принявшего 25 августа (6 сентября) 1831 г. решение о выплате квартирных денег «...штаб-лекаря Каретной части Дмитрия Бланка жене с 1 мая по 26 июня, т. е. по день смерти мужа ее»[8].

Не Д. Д. Бланка ли имел в виду В. А. Жуковский в письме от 5 (17) июля 1831 г. принцессе Луизе Прусской. «...На одной из петербургских площадей, – писал В. А. Жуковский, – собралась толпа человек тысяч 5 или 6. Кидаются в одну больницу, находят там несчастного доктора, в то время как он подавал помощь умиравшему от холеры. Его убивают. Больница опустошена; больных разносят с их постелями по разным домам, откуда они поступали в больницу. Полиция ничего не может сделать против мятежа, но появляются строевые войска, и сходбище рассеяно»[9].

Пройдет восемь месяцев после кончины Д. Д. Бланка и петербуржцы узнают, что он, незадолго до своей смерти, пожертвовал 50 руб. Петербургскому воспитательному дому[10].

Обстановка на Сенной площади разрядилась, с одной стороны, благодаря подтягиванию к площади Преображенского и Семеновского полков, а с другой – приезду на площадь императора Николая I. Бунтовщики спокойно разошлись по домам

Заболевшим холерой дали право самим решать, оставаться ли им для лечения в своих квартирах или ложиться в учрежденную в данном районе больницу. Полиции было категорически запрещено насильно отправлять заболевших в больницу, но вменено в обязанность получать у домовладельцев сведения о заболевших в принадлежащих им домах, отправленных в больницу и умерших[11].

Через три дня Николай I вновь посетил Сенную площадь, Каретную, Ямскую части и другие районы Петербурга. Он остался доволен тем, что нигде не заметил «непозволительных сборищ, которые были там в прежние дни»[12].

Считая, что удалось победить стихийные выступления петербургских обывателей, Николай I писал 26 июня своему другу и бывшему воинскому начальнику (командиру дивизии, в которой великий князь Николай Павлович до восшествия на престол был командиром бригады) генералу от инфантерии И. Ф. Паскевичу: «Здесь у нас последовали новые весьма важные затруднения, которые, однако, с помощью всемогущего, всемилосердного Бога, мы превозможем. Холера уже тринадцатый день нас посетила, и ею заболело более 1200 человек всех состояний, из коих до половины умерли. Народ ей не верит, и буйство возросло до того, что два госпиталя разграбили и убили лекаря и других. Мне удалось унять народ своими словами, без выстрела, но войска, стоя в лагере, беспрестанно в движении, чтоб укрощать и рассеивать толпы. Вчера был опять в городе, меня с покорностью слушают и, слава Богу, начинают приходить в порядок. Но, признаюсь, все это меня крайне мучит, от тебя жду с нетерпением утешения. Да поможет тебе Бог»[13].

Но Николай I ошибался. Бесчинства толпы продолжались. И это вполне объяснимо. Подавляющее большинство жителей Петербурга не понимало причин бессилия врачей. Когда 6 (18) ноября 1831 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» было объявлено об окончании эпидемии холеры, то петербуржцы узнали, что с момента начала эпидемии заболело 9245 человек, а умерло 4757.

Что же касается А. Г. Бланк, то после смерти мужа она поселилась в доставшемся ей по наследству доме, располагавшемся в Каретной части Петербурга. 1 (13) апреля 1832 г. вместе с братом, П. Г. Ивановым, служившим полицейским врачом на Петербургской стороне, она купила у купца Чернышева дом под № 502 по набережной реки Ждановки (Петербургская сторона). В этом доме А. Г. Бланк жила с семьей брата до самой смерти в 1852 г.[14]

2. Александр Дмитриевич Бланк – врач больницы для бедных

Гибель любимого брата и коллеги, видимо, настолько потрясла А. Д. Бланка, что он 2 (14) января 1832 г. просит уволить его из штата петербургской полиции «по расстроенному здоровью»[15].

Средства, правда, небольшие, поступали также от сдачи внаем собственного двухэтажного дома, расположенного по Лиговскому каналу[16]. Но чтобы содержать большую семью, этих денег не хватало. А. Д. Бланк решает вернуться на государственную службу. 1 (13) апреля 1833 г. он «вновь принят на службу и определен в больницу Св. Марии Магдалины ординатором»[17]. Эта больница открылась 22 октября (3 ноября) 1829 г. на Васильевском острове (современный адрес: 1-я линия, 57) у Тучкова моста. Она была предназначена для оказания медицинской помощи бедным жителям заречных частей Петербурга, которые во время ледохода при отсутствии постоянного моста через Неву оказывались отрезанными от всякого сообщения с центром Петербурга, где, в основном, располагались больницы для этих слоев населения. Врачи в больнице подобрались хорошие, с душой относившиеся к работе. Консультантом в ней стал лейб-медик Николая I, один из известнейших врачей-хирургов своего времени Н. Ф. Арендт, руководивший лечением смертельно раненного А. С. Пушкина. Сам император в течение своего царствования восемнадцать раз посещал больницу, а 4 (16) октября 1839 г. оставил в книге отзывов следующую запись: «Отменно, славно содержится; это не похоже на больницу, а на прекрасный дом, где помещены больные, примерно хорошо»[18]. Поэтому многие больные стремились попасть именно в эту больницу, даже если они и не жили в заречной части Петербурга. Так, в апреле 1838 г. сюда поступил тяжелобольной Т. Г. Шевченко, который пробыл в ней до конца мая. У него, по мнению современного врача, был, по всей видимости, брюшной тиф[19].

Как рассказывал Ю. Д. Марголис, один из крупнейших шевченковедов, именно А. Д. Бланк успешно лечил великого украинского поэта. Впоследствии Т. Г. Шевченко тепло вспоминал своего лечащего врача.

Многих больных А. Д. Бланк поставил на ноги. Опыт и знания принесли ему известность. 13 (25) марта 1831 г. был принят указ Правительствующего сената, в соответствии с которым «дозволено медицинским чиновникам в одно время занимать несколько должностей с производством по оным жалования»[20]. Это дает возможность А. Д. Бланку улучшить материальное положение. В конце мая 1833 г. сверхштатный ординатор больницы Св. Марии Магдалины штаб-лекарь А. Д. Бланк обращается к морскому министру адмиралу А. В. Моллеру с прошением, в котором он сообщает, что «при исправлении настоящей его долж-

ности по гражданской части, имея довольно свободного времени, всеподданнейше просит определить его на службу по Морскому ведомству, с жалованием и прочим довольствием по табели 18 генваря 1822 года»[21]. Ознакомившись с документом, Управление флота генерал-штаб-доктора, которым руководил А. И. Гассинг, запросило попечителя больницы Св. Марии Магдалины Ф. И. Опочинина о том, нет ли каких препятствий со стороны Гражданского ведомства в удовлетворении просьбы А. Д. Бланка[22]. Препятствий не оказалось, и А. Д. Бланка приняли на службу в Морское ведомство 30 мая (11 июня) 1833 г. «с жалованием и прочим довольствием»[23].

Он был направлен в 1-й ластовый экипаж, находившийся в Галерной гавани Петербурга, в 4-й морской казарме, где прослужил до 11 (23) апреля 1837 г. и «аттестовывался всегда хорошо»[24].

Документы о службе А. Д. Бланка в Морском ведомстве, выявленные в свое время А. Г. Петровым в РГА ВМФ, были, как уже говорилось, изъяты в 1965 г., переданы в Главархив СССР, затем в ЦК КПСС[25]. Теперешнее место нахождение их Архив Президента России. Но Т. Г. Коленкина, осуществлявшая изъятие, довольно недобросовестно отнеслась к своим обязанностям, ограничившись только документами, просмотренными А. Г. Петровым. Выявлением других материалов она не занималась. Поэтому некоторые документы по интересующей нас теме все же сохранились. Они свидетельствуют о том, что 6 (18) апреля 1837 г. А. Д. Бланк был переведен из 1-го ластового экипажа в 23-й ластовый экипаж, расположенный в Кронштадте. Причиной перевода оказался служебный проступок А. Д. Бланка. При посещении лазарета Нового Адмиралтейства (ныне территория объединения «Адмиралтейские верфи» на Ново-адмиралтейском острове) начальником лазаретов штаб-лекарем Штейфером дежурившего врача А. Д. Бланка во время поступления больного на рабочем месте не оказалось. Через два дня после этого эпизода, проверяя дежурство медперсонала в Главном Адмиралтействе (здесь в части, обращенной к Исаакиевскому мосту, располагался Учебный морской рабочий экипаж), Штейфер встретился с А. Д. Бланком. Во время состоявшегося между ними разговора Бланк, по словам Штейфера, «наделал ему грубости, относящиеся к обиде его службу и самой чести»[26]. Содержание рапорта Штейфера было таковым, что А. Д. Бланку было предложено немедленно подать заявление об увольнении из Морского ведомства. Но А. Д. Бланк принес Штейферу извинения. Они были приняты. Однако во избежание эксцессов А. Д. Бланк был переведен в Кронштадт, где он уже подчинялся старшему доктору Кронштадтского морского госпиталя. Но, еще не приступив к работе по новому месту службы, а, возможно, не зная о переводе, А. Д. Бланк 5 (17) апреля 1837 г. подает прошение о предоставлении ему отпуска сроком на 28 дней. Обосновывая свою просьбу, он пишет: «Известился я, что родитель мой, прожива-

ющий в городе Житомире, находится в опасной болезни, и что он желает еще при своей жизни со мною видиться, а так как родитель при себе никого не имеет из родственников, то щитаю святою обязанностью к нему отправиться»[27].

На мой взгляд, это письмо объясняет причину срыва А. Д. Бланка в разговоре со своим прямым начальником Штейфером. Свою негативную роль в данном случае сыграли и тяжелая болезнь отца, и смерть, за год с небольшим до этого, матери. Что же касается фразы А. Д. Бланка об отсутствии рядом с отцом близкого родственника, то здесь может быть либо дипломатическое умолчание, либо действительно родная сестра, Любовь Тридрих, отсутствовала в этот момент в Житомире.

Получив прошение А. Д. Бланка, старший доктор С.-Петербургского морского госпиталя попросил представить сведения о том, когда тот находился в отпуске. Ответ гласил: «Штаблекарь Бланк был увольняем в отпуск сразу два года в 1835-м на 28 дней и 1836-м на 4 месяца; почему и по случаю надобности в медиках при наступлении летних компаний Управление флота генерал-штаб-доктора находит не удобным ходатайствовать медику сему просимый ныне отпуск»[28]. Одновременно было предложено «взыскать с него за производство дела сего за один лист гербовой бумаги 2 р. Отослать по принадлежности в уездное казначейство»[29].

Получив отказ, А. Д. Бланк 9 (21) апреля 1837 г. подает прошение об увольнении его из Морского ведомства. Он объясняет свое желание тем, что «нездоровье мое и разные домашние обстоятельства, по которым мне необходимость состоит отсутствовать из С.-Петербурга, то и службу по морской части продолжать не могу»[30]. 14 (26) апреля 1837 г. старший доктор С.-Петербургского морского госпиталя получил документ следующего содержания: «23 Флотского экипажа штаб-лекарь Бланк, по всеподданнейшей просьбе с разрешения г. Начальника Главного морского штаба Его Императорского Величества, 11 ч[исла] сего месяца уволен от службы Морского ведомства.

Управление флота генерал-штаб-доктора сообщает Вам об оном, предоставляет, взыскав с Бланка за производство дела вместо гербовой бумаги на простой за восемь листов шестнадцать руб., отослать оные в Уездное казначейство гербовой бумаги 3-х рублевого достоинства, для написания паспорта предоставить в Управление с донесением, не имеется ли на нем какого-либо казенного взыскания»[31].

Казенного взыскания за А. Д. Бланком не оказалось. В его же формулярном списке о службе в Морском ведомстве была сделана запись о том, что А. Д. Бланк «уволен с хорошей аттестацией и был представлен Морским ведомством к знаку отличия беспорочной службы»[32]. Таким знаком, в соответствии с действовавшим законодательством, награждались лица, «кои во все время оной известны стали и по формулярным спискам и в дол-

жностях, ими занимаемых, ревностными и усердными, и кои трудами постоянными, непоколебимою нравственностью и продолжительным прилежанием оказали себя полезными и верными исполнителями службы»[33]. Но руководство Морского ведомства поторопилось. К моменту увольнения со службы в Морском ведомстве он имел общий врачебный стаж двенадцать лет. А в соответствии со статутом «время служения, за которые назначается Знак отличия беспорочной службы, определяется состоящим в классах и выслуживших полных 15, 20, 25, 30, 35, 40 лет и так далее, прибавляя к каждому сроку выслуге по пяти лет, и считая службу от первого обер-офицерского чина»[34].

Трудно предположить, что лица, представлявшие А. Д. Бланка к награждению столь почетным знаком, не знали количества лет его службы после окончания Медико-хирургической академии. На наш взгляд, это ходатайство характеризует их отношение к А. Д. Бланку как к специалисту и дает оценку его службе. Только через девять лет, после описываемых событий, 22 августа (3 сентября) 1846 г. А. Д. Бланк будет награжден Знаком отличия беспорочной службы за XV лет[35].

После увольнения из Морского ведомства А. Д. Бланк получает в больнице Св. Марии Магдалины четырехмесячный отпуск[36], большую часть которого он провел к Житомире и Староконстантинове. В Староконстантинове он реализует полученное после смерти матери наследство. 16 (28) июля 1837 г. он продает чиновнику 8 класса Федору Рожиньскому каменный дом и торговую лавку за 1700 р. ассигнациями, а 18 (30) июля 1837 г. продал девице Марье Доровской каменный дом и три лавки за 350 р. серебром[37] (в пересчете на ассигнации 1150 р. – *М. Ш.*).

Несомненно, что во время пребывания на родине А. Д. Бланк жил в доме отца и сестры (учитывая возраст Д. И. Бланка и обычаи того времени, дочь не имела морального права оставить одинокого старика-отца). Это косвенно подтверждается теми судебными делами, которые возбуждали против своих должников М. И. (Д. И.) Бланк и Л. Д. Тридрих (в девичестве Бланк). Бесспорно, виделся А. Д. Бланк и с другими родственниками, жившими в Житомире и Староконстантинове. В Петербург он вернулся 29 или 30 июля (10 или 11 августа) 1837 г.[38]

Служа в Морском ведомстве, А. Д. Бланк оставался одновременно ординатором больницы Св. Марии Магдалины. В больнице его ценили, о чем свидетельствует тот факт, что он дважды (29 марта (10 апреля) 1836 г. и 21 июня (2 июля) 1838 г.) награждался единовременно 800 рублями ассигнациями[39]. Продвигался он и по служебной лестнице: 14 (26) июня 1838 г. после успешной сдачи экзаменов признан инспектором врачебной управы, а 20 июня (1 июля) 1838 г. – медико-хирургом[40]. Медико-хирургами признавались врачи, сделавшие не менее трех сложных операций в присутствии высшего медицинского начальства и подробно описавшие эти операции. Это звание

было уникальным. Оно имелось только в России и давалось врачам, успешно сочетавшим терапевтическую и хирургическую деятельность.

Как и все врачи А. Д. Бланк не забывал и о частной практике. Она, вероятно, давала немалый доход. В числе его пациентов были и представители высшей знати. Архивные документы случайно донесли до нас любопытный эпизод, связанный с деятельностью Бланка как частнопрактикующего врача. Зимой 1833/1834 гг. он был приглашен бывшим адъютантом графа А. А. Аракчеева полковником лейб-гвардии Семеновского полка князем А. Я. Шаховским, проживавшим на Васильевском острове, для лечения дворовых. Лечение, видимо, было успешным, так как с последних чисел августа 1834 г. А. Д. Бланк стал личным врачом князя.

В 9 часов утра 14 (26) сентября 1834 г. Бланк был у него вместе с доктором Р. Лихтенштадтом в связи с тем, что у князя начался приступ одышки. Положение больного, по мнению врачей, было опасным, и поэтому Бланк сделал кровопускание из левой руки, по время которого Шаховской упал в обморок, придя в себя через 10 минут. Учитывая состояние больного, Бланк счел нужным навестить его около 7 часов вечера, а затем вновь утром и вечером 15 (27) сентября[41].

3. Семья

Активность А. Д. Бланка в приискании заработков была вполне оправдана. Семья его все время увеличивалась. Бланк придерживался принципа (и в этом находил понимание у жены), что семья должна быть большой, что роды только укрепляют здоровье женщины. К 1833 г. у него уже были сын Дмитрий и две дочери Анна и Любовь. Они родились в доме № 204 (ныне № 42) по Садовой ул. Первенец, Дмитрий, родился 9 (21) сентября 1830 г. Его крестили 26 сентября (8 октября) того же года в церкви Успения Пресвятой Богородицы (Спасо-Сенновской), которая находилась на Сенной площади напротив дома, где жили Бланки. Восприемниками Дмитрия были «действительный статский советник и кавалер Иван Ильич Волков и действительного тайного советника и кавалера Ивана Федорова (правильно Федора Иванова. – *М. Ш.*) Энгеля жена Анна Карлова»[42]. Ровно через год, 30 августа (11 сентября) 1831 г. родилась старшая дочь Анна. Еще через год, 20 августа (1 сентября) 1832 г. вторая дочь Любовь.

В служебной квартире растущей семье становится тесно. Она переезжает в один из роскошнейших особняков на Английской набережной под № 40, угол Адмиралтейского канала (ныне Английская наб., 74/1)[43]. Этот двухэтажный дом был построен не позднее 1737 г. для известного горнозаводчика Н. Н. Демидова по типовому проекту, разработанному первым архитектором Пе-

тербурга Д. Трезини. Строительство велось под наблюдением известного русского архитектора М. Г. Земцова.

Между 1804 и 1809 гг. дом приобрел один из крупнейших организаторов отечественного здравоохранения, лейб-медик трех русских императоров, руководитель медицинской службы русской армии в годы Отечественной войны 1812 г., президент Медико-хирургической академии баронет Яков Васильевич Виллие. По его заказу в период между 1826 и 1831 гг. были перестроены главный и боковой корпуса. Существовавший над зданием мезонин заменили треугольным фронтоном, тогда же, видимо, разобрали прежнее высокое крыльцо. Основные перестройки проводились внутри особняка. Была изменена планировка помещений, обогащен декор[44].

Вскоре после окончания ремонта в доме и поселилась семья Бланка. В 1833 г. они уже жили здесь, что подтверждают документы, связанные с рождением 25 декабря 1833 г. (6 января 1834 г.) третьей дочери Бланков – Екатерины. Ее крестили в приходской церкви этого района Петербурга – соборе Преподобного Исаакия Далматского (в обиходе Исаакиевском). Точнее сказать, так как новое здание собора только строилось, церемония крещения прошла в приделе Св. Исаакия Далматского, освященного в открытой 12 (24) декабря 1821 г. церкви в честь Святителя Спиридона Тримифунтского Чудотворца, расположенной на втором этаже крайнего выступа правого крыла южной стороны здания Главного Адмиралтейства (Адмиралтейский проезд). Придел Св. Исаакия Далматского располагался с правой стороны от главного придела во имя Святителя Спиридона Тримифунтского. В него из «старого Исаакия» перенесли престол, иконостас с царскими вратами и утварь. Интерьер придела Св. Исаакия Далматского оформили белыми ионическими колоннами и украсили религиозными полотнами. Притч также ранее служил в закрытом соборе Св. Исаакия Далматского. Восприемниками Екатерины Бланк были: «отставной 10 класса чиновник Владимир Иванов Беорберг, академика Карла Карловича Эстедта дочь девица Каролина Карловна и иностранного купца Дмитрия Бланка дочь девица Любовь»[45].

Глава российских хирургов и молодой врач, увлекавшийся хирургией, хорошо знали друг друга. Бланк, будучи воспитанником академии, слушал курс лекций Виллие. Скорее всего, узнав, что бывший ученик, а теперь достаточно известный врач-практик, нуждается в квартире, Виллие предложил ему свободную квартиру в только что отремонтированном доме по Английской набережной. Как указывает «Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год» К. Нистрема, соседями по дому у семьи Бланков были: шталмейстер двора Его Императорского величества Иван Дмитриевич Чертков, английские купцы Роберт Кетли и Джон Прескот. В этом же доме располагалась контора фирмы «Штиглиц и К°» во главе с Давыдом Гардером[46].

Где же именно поселилась семья Бланков? Наверняка это был не корпус, выходивший на Английскую набережную под № 40. Корпус имел парадный вход, богатую отделу интерьеров – лепнину, мраморные камины, полы наборного паркета. Снимать такую квартиру могли только очень состоятельные люди. Бланк в это время был человеком среднего достатка. Поэтому, скорее всего, он снимал квартиру в надворном флигеле, выходившем на Адмиралтейский канал. Согласно описанию этого флигеля, в нем на первом и третьем этажах было по 2-комнатной квартире, а на втором – квартира из 5 комнат с 9 окнами на канал, лестницей и коридором. Если учесть размер семьи, то очевидно, что Бланкам могла подойти только квартира на втором этаже[47].

В этом флигеле семья прожила несколько счастливых лет. Здесь 22 февраля (6 марта) 1835 г. родилась самая знаменитая дочь Анны Ивановны и Александра Дмитриевича Бланков – Мария, ставшая впоследствии матерью Владимира Ильича Ульянова. Крестили новорожденную 28 февраля (12 марта) 1835 г. там же, где и третью дочь Екатерину, в приделе Св. Исаакия Далматского в церкви Святителя Спиридона Тримифундского в Главном Адмиралтействе. Молебствовал, имя нарек и крещение совершил священник А. С. Стратилатов. Восприемниками были: «действительный статский советник и кавалер Иван Дмитриевич Чертков и служащего в Иностранной коллегии консулента Ивана Федоровича Грошопф дочь (девица) Екатерина Ивановна»[48].

И. Д. Чертков, сосед по дому и, судя по всему, друг А. Д. Бланка, был личностью довольно интересной. Представитель одного из древнейших родов России, восходящих к XV в., сын действительного статского советника, воронежского губернатора и воронежского губернского предводителя дворянства с 1789 по 1818 гг. Д. В. Черткова, брат Александра Черткова, основателя знаменитой Чертковской библиотеки, президента Московского общества истории и древностей российских, и Николая Черткова, основателя Воронежского кадетского корпуса. И. Д. Чертков имел прекрасное домашнее образование. С 13 (25) октября 1813 по 1 (13) января 1833 служил в армии. Был участником заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., за который был награжден орденами Анны 3-й степени и Владимира 4-й степени. В ноябре 1826 г. назначается адъютантом великого князя Михаила Павловича, а 1 января 1833 г. – шталмейстером императорского двора. В его доме, расположенном на углу Миллионной улицы и Зимней канавки (современный адрес Миллионная ул., 32), будет часто бывать Машенька Бланк и играть с детьми, в частности, с Григорием, будущим генералом и участником подавления Польского восстания 1863 г. и отцом Владимира Черткова, друга и секретаря Л. Н. Толстого.

В начале лета 1836 г. в семье Бланков ожидается рождение шестого ребенка. В снимаемой в доме баронета Виллие кварти-

ре становится тесно, и Бланки решают приобрести собственный дом. 10 (22) июня 1836 г. штабс-капитан Николай Суляков продал свой деревянный дом во 2-м квартале Петербургской части под № 470 за 8000 рублей ассигнациями жене штаб-лекаря Анне Бланк[49]. В хранящейся в ЦГИА СПб «Черновой обывательской книге» указано, что дом, который приобрела А. И. Бланк, имел сквозной номер[50]. По справочнику «Нумерация домов в С.-Петербурге», изданному в 1836 г., он находился на Провиантской улице. В этом районе длительное время велись работы по дальнейшему урегулированию застройки. Поэтому бывший дом Бланков только в 1889 г., после отнесения части Провиантской улицы к Церковной и соединения ее с Храмовой, получил свой нынешний номер – 7 (современный адрес ул. Блохина, 7).

По сведениям, сообщаемым Н. И. Цыловым, дом № 470 был двухэтажным (низ каменный, верх деревянный) длиной по улице 8 саженей, 6 футов (18,8 м)[51]. В 1877 г. обветшавший второй этаж разобрали и взамен возвели два каменных этажа. В таком виде дом сохранился до наших дней. Необходимо отметить, что купленный А. И. Бланк дом имел, как и положено было в то время, соответствующие строения и землю в 155 квадратных саженей (330,7 кв. м), а также, по мнению оценщиков, мог приносить дохода в 1650 рублей в год[52].

Внешне дом не имел ничего примечательного. Единственное, что осталось в памяти А. А. Веретенниковой, это пожар Зимнего дворца 17 (29) и 18 (30) декабря 1837 г., который они наблюдали всей семьей с находящегося недалеко от их дома моста, соединявшего Биржевую площадь на Стрелке Васильевского острова с Мытнинской набережной Петербургской стороны (впоследствии Биржевого моста у истока Малой Невы). «Зрелище было великолепное», – вспоминает А. А. Веретенникова[53].

Через несколько дней после переезда в собственный дом, 24 июня (6 июля) 1836 г., у Бланков родилась пятая дочь – Софья. Но счастье в новом доме продолжалось недолго, около пяти лет. Анна Ивановна тяжело заболела и ушла из жизни совсем молодой в декабре 1840 г. ее похоронили на Смоленском лютеранском кладбище на семейном участке. На ее могиле А. Д. Бланк поставил памятник[54]. Но памятник, как и сама могила, в связи с тем, что за ней никто не ухаживал, не сохранился к моменту составления справочника «Петербургский некрополь» в 1912 г.

Почти через год после смерти, 11 (23) ноября 1841 г., в «Санкт-Петербургских сенатских объявлениях» было опубликовано следующее объявление: «Санкт-Петербургского магистрата от 2-го Департамента объявляется: 26517. 1-е, что учиненное женою коллежского асессора, медико-хирурга, Анною Ивановною Бланк, духовное завещание, засвидетельствованное С.-Петербургской палатой Гражданского суда во 2-м Департаменте 2 декабря 1840 г., коим она благоприобретенный ею деревянный на каменном фундаменте дом, состоящий Петербургской ч(асти) во 2-м квар-

т(але) под № 470-м завещала мужу своему коллежскому асессору медико-хирургу Александру Дмитриевичу Бланку, в вечное и потомственное владение без всякого другого соучастия, в оном Департаменте магистрата явлено и он во владение дома введен»[55].

С момента смерти жены забота о детях стала главным в жизни А. Д. Бланка. По его мнению, он зарабатывал недостаточно, чтобы содержать такую большую семью. В течение трех лет он добивается места инспектора врачебной управы. возможно, не только из желания улучшить материальное положение семьи, но и из стремления к независимой самостоятельной работе. Хлопоты были продолжительными и изнурительными. В описи 15 фонда 1297 (Медицинский департамент) имелось дело № 153, состоящее из сорока трех листов, «Об определении медико-хирурга Бланка инспектором врачебной управы», начатое 11 (23) марта 1838 г. и решенное 5 (17) февраля 1841 г. В 1924 г. оно поступило в РГА СПИ. Первое прошение А. Д. Бланка на имя министра внутренних дел Д. Н. Блудова содержало просьбу назначить его инспектором врачебной управы в г. Вильно. На это прошение был получен отказ с объяснением, что на это место уже найден благонадежный медицинский чиновник. Однако о просьбе Бланка в Медицинском департаменте будут помнить и при первой же возможности его просьба будет решена положительно[56].

Рассматривая этот отказ, не следует забывать что А. Д. Бланк на момент подачи прошения еще не прошел испытаний на звание инспектора врачебной управы. Эти испытания проходили в соответствии с правилами, утвержденными 20 октября (1 ноября) 1834 г. Государственным советом. Они гласили: «Состоящие в службе и имеющие уже звание штаб-лекаря или медико-хирурга... хотя во всякое время могут быть допускаемы к испытанию на звание инспектора и получить от академии или университета свидетельство на оное, но места инспекторов, при имеющихся вакансиях, получают не иначе как прослужив в казенной службе не менее 10 лет»[57]. К этому времени у А. Д. Бланка было 12 лет медицинского стажа. Поэтому формальных оснований для отказа А. Д. Бланку, пройти соответствующие испытания, не было. Он успешно прошел устные испытания в соответствии с «Положением» по судебной медицине или медицинской полиции, решил предложенную экзаменаторами задачу по одному из этих предметов, провел судебно-медицинский осмотр трупа, составил медицинский рапорт[58].

В октябре 1838 г. А. Д. Бланк, документально получивший право занимать должность инспектора врачебной управы, узнает, что в Симбирске открылась интересующая его вакансия. Но снова его просьба отклоняется[59]. В январе 1839 г., незадолго до смерти, А. Д. Бланку пытается помочь граф Ю. П. Литта. Он обращается к министру внутренних дел Д. Н. Блудову с просьбой предоставить А. Д. Бланку освободившееся место инспектора

врачебной управы в Витебской губернии. Просьба отклоняется[60]. Складывается впечатление, что А. Д. Бланку умышленно отказывали в местах во внутренних и западных губерниях России. По моему мнению, подлинной причиной отказа было происхождение А. Д. Бланка. Д. Н. Блудов, как и его дядя министр юстиции России 1802–1803 гг., поэт Г. Р. Державин, был антисемитом[61]. Правда антисемитом умеренным. Он противодействовал попыткам полной эмансипации евреев и поэтому не доверял евреям, принявшим православие. А к ним, как известно, относился А. Д. Бланк.

Отношение к просьбам А. Д. Бланка изменилось, когда 10 (22) марта 1839 г. министром внутренних дел стал граф А. Г. Строганов, считавший необходимым уравнять евреев в правах со всеми гражданами России[62]. В ноябре 1840 г. А. Д. Бланку предлагается место инспектора врачебной управы на северо-востоке страны, где климат достаточно суров и куда не было желающих ехать, так как это можно было рассматривать как ссылку – в Пермскую губернию.

Внучка А. Д. Бланка А. И. Ульянова-Елизарова также высказывает мнение, что деду «вероятно... вредило его происхождение, а затем независимый характер, чуждый способности выслуживаться, идеалистический уклон, вера в то, что знание, безукоризненное исполнение долга, честность будут оценены и дадут ему возможность добиться уважаемого положения и воспитать детей»[63]. С ней можно полностью согласиться. Тем более, что, наверняка, это не только ее мнение, но и пересказ точки зрения М. А. Ульяновой. Последняя же это слышала от своего отца.

Как бы там ни было, Бланк в конце концов вынужден был принять предложение поехать в Пермь инспектором врачебной управы. Давая согласие, он прибегнул к дипломатической уловке, чтобы объяснить прежний отказ. А. И. Ульянова-Елизарова приводит не публиковавшееся ранее письмо Бланка на имя министра внутренних дел графа А. Г. Строганова, где он, в частности, пишет, что прежде не мог ехать «по причине недавней кончины жены моей, болезни двух из семерых бывших у меня детей (видимо, описка; детей было шестеро. – *М. Ш.*) и по другим домашним обстоятельствам, воспрещавшим мне предпринять предлагавшийся скорый путь»[64].

Этому письму А. Д. Бланка предшествовало ходатайство А. Н. Голицына, бывшего министра духовных дел и просвещения, а в 1840 г. главноначальствующего над Почтовым департаментом, члена Государственного совета, сенатора, камергера, оставшееся, однако, безрезультатным. А. Н. Голицын не впервые принимал участие в судьбе А. Д. Бланка. Напомним, что еще в 1820 г. он ходатайствовал о приеме братьев Бланков в Медико-хирургическую академию.

А. Н. Голицын 28 октября (9 ноября) 1840 г. написал А. Г. Строганову, что А. Д. Бланк известен ему «еще со времени поступле-

ния своего в Медико-хирургическую академию», после окончания которой он успешно «прослужил в медицинском звании более 15 лет, выдержал экзамен на звание инспектора врачебной управы, удостоился награждений»[65], и просил причислись Бланка к Медицинскому департаменту впредь до открытия вакансии инспектора врачебной управы.

В своем ответе А. Г. Строганов сообщил, что А. Д. Бланку на основании его заявления было предложено место инспектора Пермской врачебной управы, но по семейным обстоятельствам он от этого места отказался. Иной же вакансии в распоряжении Медицинского департамента нет.

В конце концов, А. Д. Бланк, как уже было сказано, дал согласие на работу в Перми и 12 (24) февраля 1841 г. был уволен «из штата больницы Св. Марии Магдалины для определения на ваканцию инспектора Пермской врачебной управы». Само определение состоялось 20 февраля (4 марта) 1841 г.[66]

Уже в день увольнения из больницы Св. Марии Магдалины Бланком было помещено следующее объявление: «Продается за отъездом деревянный на каменном фундаменте дом, приносящий годового дохода до 1900 рублей и разная мебель красного дерева, Петербургской части 2 квартала под № 470, у Мытного перевоза»[67]. На следующий день объявление было повторено, и покупательница нашлась. «1841 г. марта 24. Совершена купчая на проданный коллежским асессором Александром Дмитриевым Бланк, выборгской купеческой жене Марье Михайловой Беляевой, деревянный дом, состоящий в Санкт-Петербурге Петербургской ч., 2-го кварт. под № 470, за 3000 руб. серебр(ом)»[68]. Дом же в Каретной части под № 148 остался еще на год собственностью А. Д. Бланка. Поэтому не понятно, почему в его формулярном списке, составленном уже в Перми, указано, что оба принадлежащих ему в Петербурге дома еще не были проданы[69]. Объяснить это можно только одним – формально бюрократическим отношением к документам и фактам.

Через девять месяцев после отъезда А. Д. Бланка с семьей из Петербурга, 22 января (3 февраля) 1842 г., конкурсное управление по делам несостоявшихся должников Андрея и его матери Екатерины Синцовых и вдовы Мичуриной известило кредиторов, среди которых был «медико-хирург коллежский асессор Бланк», о том, чтобы они представили в конкурсное управление не позднее 30 января (11 февраля) 1842 г. подлинные документы на их претензии[70]. Представил ли А. Д. Бланк, к этому времени уже десять месяцев живший в Перми, или его доверенные лица какие-либо документы, сказать трудно. К сожалению, документов по этому вопросу не сохранилось.

Доподлинно известно другое. Перед отправкой в столь дальнюю дорогу Бланк счел нужным решить личный вопрос. В соответствии с существовавшим тогда порядком вдовец А. Д. Бланк 9 (21) апреля 1841 г. подает прошение в Медицинский департа-

мент с ходатайством о выдаче «свидетельства для беспрепятственного вступления в брак со вдовою чиновника 12 класса фон Эссен, Катериной Ивановной»[71], «забыв» при этом указать девичью фамилию будущей жены. А она была уроженкой Гроссшопф, крестная мать дочерей Марии и Софьи, родная сестра его покойной жены, овдовевшая в 1840 г. А. Д. Бланк знал, что подобные браки запрещены.

Разрешение на брак было выдано, но 18 (30) апреля Бланк вернул его «по несостоявшемуся браку»[72], что помешало венчанию, сказать трудно. Однако известно, что Е. И. фон Эссен выехала вместе с семьей Бланка в Пермь и с этого времени являлась гражданской женой Александра Дмитриевича, воспитав всех своих племянниц и племянника.

Об отъезде семьи сообщили «Прибавления к Санкт-Петербургским ведомостям». В них под рубрикой «Выехавшие из Петербурга 20 и 21 апреля» говорилось, что среди уехавших в Пермь был инспектор «тамошней врачебной управы медико-хирург коллежский асессор Бланк»[73]. Путь был неблизкий – 2137 верст (2280 км).

Отправляясь в Пермскую губернию, А. Д. Бланк мечтал осуществить принцип: «Спешить делать добро». Не его вина, многое из задуманного не удалось. Не думал он также в момент отъезда о том, что он и его дети, за исключением дочери Маши, навсегда покидают Петербург. Она же через много лет вместе со своими детьми вернется в этот город, чтобы навеки войти в его историю. Да и сам Петербург в течение 67 лет будет называться в честь ее сына, последнего родившегося при жизни Александра Дмитриевича внука, – Ленинград.

4. Пермский период

26 мая (7 июня) 1841 г. новый инспектор Пермской врачебной управы штаб-лекарь А. Д. Бланк прибыл к месту службы[74].

В это время Пермская губерния охватывала огромную территорию. В нее входили нынешние Пермская, Екатеринбургская, Челябинская, Курганская области, а также части нынешних Удмуртии, Башкортостана и Тюменской области. По уровню смертности населения губерния была одной из первых. Вот что писал известный русский ученый и публицист Н. Флеровский (В. В. Берви): «Смертность от бедности между работниками Пермской губернии так велика, что с яростью ее не может даже сравниться ужасный бич человечества – холера: в 1832 и 1840 гг. ужасная холера, свирепствовавшая во Франции, до того увеличила смертность, что там из 34 человек умирал один. Между тем в Пермской губернии без холеры умирает на 23 один – холере и чуме никогда не произвести во Франции таких чудес. По сведениям, помещенным в статистическом временнике 1866 г., в Пермской губернии умирает один из 18»[75]. Положение в год

приезда в Пермь А. Д. Бланка было еще хуже. Особенно высокой была детская смертность. До года не доживал практически каждый второй или третий ребенок. И, как итог, средняя продолжительность жизни в Перми – 23 года[76].

Исполняя должность инспектора врачебной управы (сегодня мы бы назвали его заведующим облздравом), А. Д. Бланк ежемесячно посещал имевшиеся в Перми медицинские учреждения, оказывал помощь уездным врачам. Он обследовал все, даже самые отдаленные «глухие» уголки губернии. При этом А. Д. Бланк не забывал, что он не только инспектор врачебной управы, но и терапевт, хирург и акушер. Медицинская помощь оказывалась всем, кто к нему обращался. Именно по настоянию А. Д. Бланка в пермской гимназии и уездном училище была введена должность врача. И он с 21 октября (2 ноября) 1841 г. по 13 (25) марта 1843 г. работал там первым врачом[77].

Во время службы в Перми А. Д. Бланк с семьей проживал в большом доме на углу Екатерининской (№ 57) и Сибирской (№ 25) улиц и до 1845 г. назывался «Домом преподавателей», так как в нем жили преподаватели Пермской мужской гимназии. Дом уже имел полувековой возраст (построен в 1790 г. из лиственницы, стены были обложены кирпичом и оштукатурены). Парадный вход был со стороны Сибирской улицы и на нее выходило семь окон большой гостиной квартиры, которую занимал А. Д. Бланк со своей семьей. Здесь стоял рояль, на котором музицировала не только Екатерина Ивановна, но и учились играть ее племянник и пятеро племянниц.

Когда 14 (26) сентября 1842 г. в Перми произошел страшный пожар, уничтоживший много домов (а начался он по четной стороне Екатерининской улицы, которая практически вся сгорела), гражданский губернатор И. И. Огарев приказал перевести сюда свою канцелярию. К 1845 г. все преподаватели покинули дом и он стал называться губернаторским[78].

Уже через год после приезда в Пермь Бланк пришел к выводу, что условия жизни здесь для его семьи не подходят. Возможно, к этим мыслям его подтолкнули некоторые служебные неурядицы. В итоге «в начале июня 1842 г. Бланк с семьей приезжает в отпуск в Петербург – сначала на 29 дней, затем – с отсрочкой до конца сентября 1842»[79] – пишут О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина, Т. Г. Колоскова. Но они ошибаются в дате появления А. Д. Бланка в Петербурге и времени его пребывания в столице. Из Перми он выехал в Казань в период между 13 и 20 июня[80]. Не исключено, что по служебным делам. И уже из Казани поехал в Петербург. Но когда он прибыл в Петербург «Санкт-Петербургские ведомости» не отразили. Поэтому остается предположить, что произошло это в конце июля или начале августа. Об этом свидетельствует тот факт, что 5 августа 1842 г. он подает прошение в Медицинский департамент с просьбой переместить его из Пермской врачебной управы в «одну из внут-

ренних или западных губерний, где мог бы иметь возможность воспитывать детей». «В продолжение моего пребывания, – пишет А. Д. Бланк, – испытывал крайние невзгоды за неимением там способов в воспитании малолетних моих детей, одного сына и пятерых дочерей, особливо будучи вдовым, притом по суровости тамошнего климата они подвергаются часто разным болезням»[81].

Но рассмотрение прошения А. Д. Бланка затягивается. И он подает заявление с просьбой продлить отпуск, которое министр внутренних дел Л. А. Перовский удовлетворяет. Сначала на 28 дней, а затем на два месяца[82]. За время продленного отпуска Бланк продает принадлежавший ему в Петербурге дом. Но его просьба о переводе на работу во внутренние или западные губернии с более благоприятными климатическими условиями не удовлетворяется. И А. Д. Бланк реагирует на это достаточно резко. В описи 19 фонда 1297 (Медицинский департамент) имелось дело под № 552 «Об увольнении от должности инспектора Пермской врачебной управы медико-хирурга Бланка» на одиннадцати листах, решенное 14 (26) октября 1842 г. Сбоку надпись карандашом: «Дело отправлено 23 сентября 1924 г. в Ленинградское отделение Центрархива»[83]. Эта запись дает возможность точно определить месяц, когда были выявлены в архиве первые документы, касающиеся жизни и деятельности А. Д. Бланка. Труднее ответить на вопрос, когда руководство ЛО Центрархива отослало их в Институт Ленина. Сегодня же они хранятся в РГА СПИ.

Материалы дела свидетельствуют, что 30 сентября (12 октября) 1842 г. А. Д. Бланк подает прошение об увольнении его от занимаемой должности. И только после этого вдруг выясняется, что к А. Д. Бланку имеются профессиональные претензии. 7 (19) октября 1842 г. он подает новое прошение, из которого видно, что первое он написал по настоятельному требованию директора Медицинского департамента А. А. Рихтера.

Поэтому А. Д. Бланк, не чувствуя за собой никакой вины «всенижайше просит приказать подвергнуть исследованию действия его на службе и предать его суду, чтобы не оставить места недоразумению насчет причины внезапного негодования начальства при усердной и беспорочной службе»[84]. Однако Л. А. Перовского, придерживавшегося по еврейскому вопросу взглядов Д. Н. Блудова и Г. Р. Державина, защита профессиональной чести и достоинства А. Д. Бланка мало волновала. Он предпочел 13 (25) октября 1842 г. лучше А. Д. Бланка уволить, чем удовлетворить его просьбу[85]. Министр хорошо знал антисемитские взгляды Николая I. Кроме того, сыграл свою роль и характер А. Д. Бланка – во все времена независимых людей, обладающих чувством собственного достоинства, чиновники не любили, не любят и любить не будут.

Поскольку ехать А. Д. Бланку было некуда, он вынужден был остаться в Перми и до 1 (13) марта 1843 г. служил врачом Пермской гимназии.

В этой гимназии, созданной в 1808 г. на базе существовавшего с 1786 г. главного народного училища[86], учился и сын Бланка – Дмитрий, в котором отец не чаял души и которого видел наследником всех своих дел. Дочери, в связи с отсутствием женских учебных заведений в Перми, получали образование от приглашаемых на дом учителей.

1 (13) марта 1843 г. А. Д. Бланк был определен, по его прошению и по предписанию Главного начальника заводов Уральского хребта В. А. Глинки от 24 (8 марта) февраля 1843 г. № 598, на службу в Пермские заводы для заведования Юговским заводским госпиталем[87]. Этот переход, бесспорно, был осуществлен благодаря помощи К. И. Гроссшопфа, так как Главное управление Уральских горных заводов входило в состав Корпуса горных инженеров Департамента горных и соляных дел Министерства финансов. В этом министерстве служил и Гроссшопф, занимая должность управляющего отделением и чиновника для особых поручений при Департаменте внешней торговли.

В поселке Юг, расположенном в 300 км от Перми, А. Д. Бланк с семьей поселился в одноэтажном доме горного начальника, где ему предоставили хорошую квартиру. Возглавив госпиталь, он смог максимально использовать весь свой богатый практический опыт и теоретические знания. Здесь он был один в трех лицах: терапевт, хирург, акушер.

Именно на казенном Юговском заводе Бланк впервые завел так называемые «Белые книги», в которых вел учет больных на дому.

Здесь он загорелся идеей открыть минеральные источники и лечить на их основе заболевания суставов. Такие источники были А. Д. Бланком открыты на самом Юговском заводе, что дало ему возможность организовать первую на заводском Урале водолечебницу для работников завода и членов их семей, независимо от социального положения. В ней лечили как внутренние, так и нервные заболевания.

Возглавляя Юговский госпиталь, А. Д. Бланк ведет пропаганду прививок против оспы и охватывает ими всех работающих на заводе и членов их семей. Это была очень важная и полезная работа, так как не только в Пермской губернии, но и на Урале в целом черная оспа была одним из самых страшных заболеваний и уносила десятки человеческих жизней.

Ровно полтора года штаб-лекарь, медико-хирург и акушер Александр Дмитриевич Бланк проработал на казенном Юговском заводе, где оставил о себе добрую память.

5. Златоустовские заводы

1 (13) сентября 1845 г. А. Д. Бланк был назначен врачом Златоустовской оружейной фабрики[88], директором которой был известный русский металлург П. П. Аносов, являвшийся

одновременно и Горным начальником всех заводов Златоустовского округа[89].

На оружейной фабрике существовал небольшой госпиталь на сорок коек. Персонал состоял из четырех лекарских учеников. Однако даже с этим штатом Бланку удалось хорошо организовать помощь больным. Он старался, чтобы во вверенной ему больнице были нужные лекарства, инструменты, инвентарь. Если их не было в единственной на весь округ аптеке, то Бланк приобретал необходимое для госпиталя у частных лиц, иногда за свои средства. Сохранился следующий любопытный документ.

«Главная контора Златоустовских заводов и Оружейной фабрики

8 января 1846 года

№ 186

Златоустовской Оружейной конторе г. медико-хирург Бланк донес господину горному начальнику и директору (им был в это время генерал-майор П. П. Аносов. – *М. Ш.*), что для здешнего госпиталя требуется – стрихнин, который ныне имеется у г. Карповой до одной драхмы (3,732 г. – *М. Ш.*), присовокупляя к тому, что этот стрихнин она желает уступить для госпиталя по настоящей цене...

Купить у Карповой для госпиталя стрихнин до одной драхмы и передать в аптеку для употребления»[90].

Во время службу в Перми, на Юговском заводе и в Златоусте А. Д. Бланк внимательно следил за последними достижениями медицинской науки. Он выписывал за свой счет выходившие в Петербурге медицинские книги, журналы. Учитывая проделанную Бланком большую работу по организации лечения больных Златоустовской оружейной фабрики, 21 мая (2 июня) 1846 г. его назначают медицинским инспектором златоустовских госпиталей. Этот пост он занимал год и три месяца[91].

В госпиталях было всего 90 коек, крайне мало для нуждавшихся в лечении. Это видно из отчета Бланка за 1846 г., где говорится, что среднее число больных в златоустовских госпиталях (т. е. во всем округе) ежедневно составляет 289 человек, а вне госпиталей – 307 человек[92].

Рассчитывать на увеличение ассигнований не приходилось. А. Д. Бланк пришел к выводу, что единственный путь, который дает возможность контролировать строгое выполнение подчиненными ему лекарями и фельдшерами всех назначенных процедур и применения выписанных лекарств, – это введение книги регистрации больных. С этим предложением он обратился в главную контору Златоустовских заводов и оружейной фабрики. Предложение было поддержано, и последовал приказ следующего содержания: «Приказываю: Присланную из Главной конторы Белую утвержденную книгу для записи больных с мая 1847 г. по май 1848 г. выдать с распискою на предписание г. медико-хирургу Бланку.

Управитель – майор Деви
Помощник управителя – штабс-капитан
Секретарь Миронов
столоначальник – Подонянов
Означенную книгу получил 27 мая 1847 года. Медико-хирург – Бланк»[93].

Еще с одной проблемой пришлось столкнуться доктору Бланку. На Златоустовских заводах, как, впрочем, и на других горнозаводских предприятиях, широко применялось наказание шпицрутенами. Ведь рабочие были крепостными, а следовательно, абсолютно бесправными людьми. Изменить этого заводской врач не мог, но добился того, чтобы наказуемые перед приведением приговора в исполнение обязательно подвергались медицинскому освидетельствованию. Это давало врачу возможность добиваться иногда отмены жестокого наказания, несущего физические и моральные страдания человеку.

Заслуги Бланка в налаживании медицинского обслуживания в Пермской губернии и на Златоустовских заводах были высоко оценены. 26 июня (8 июля) 1846 г. он был произведен в надворные советники со старшинством с 13 (25) января 1843 г., а 22 августа (3 сентября) награжден Знаком отличия беспорочной службы за 15 лет[94].

Ровно через год состоялось последнее служебное перемещение А. Д. Бланка. 22 августа (3 сентября) 1847 г. он вновь переходит на должность доктора Златоустовской оружейной фабрики с окладом 571 руб. 80 коп. в год, но вскоре уходит на пенсию, равную половине его заработка – 285 руб. 90 коп.[95] Такая маленькая пенсия была установлена из-за недостаточного срока службы. До срока, дававшего право на пенсию, равную окладу, не хватало трех лет. Не исключено, что причиной досрочного ухода Бланка на пенсию мог послужить конфликт с новым Горным начальником и директором оружейной фабрики В. А. Бекманом (П. П. Аносов был в 1846 г. переведен на должность начальника Алтайских заводов и звал Бланка с собой, но тот не захотел покидать Урал). Едва ли А. Д. Бланк, имеющий на руках шестерых детей, пошел на такой шаг добровольно.

6. Кокушкино. Последний этап

Незадолго до выхода на пенсию в 1847 г., по совету свояченицы и гражданской жены Е. И. Эссен, А. Д. Бланк принимает решение на скопленные за годы службы средства и деньги Екатерины Ивановны купить имение и заняться сельским хозяйством. Но так как имевшихся в распоряжении А. Д. Бланка и Е. И. Эссен средств для покупки облюбованного ими имения не хватало, то, в соответствии с принятой практикой, А. Д. Бланк обратился за ссудой на пятьдесят лет в Дворянский земельный банк. Ссуда была получена под заклад приобретаемого имения[96].

А. Д. Бланк покупает у дворянина П. А. Веригина принадлежавшее его семье с 1676 г. имение – деревню Янысалы (Кокушкино) Черемышевской волости Казанской губернии. Черемышевская волость состояла из 12 селений, двух сел и десяти деревень. В одиннадцати из них жили русские и только в одном населенном пункте жили русские и татары[97].

Дер. Янысалы (Кокушкино) располагалась на берегах реки Уши по левую сторону Зюрейской торговой дороги. Она находилась от Казани на расстоянии 49 верст (53,3 км) и 3 верст (3,2 км) от волостного правления в селе Черемышево. Имение А. Д. Бланка, как пишет А. Я. Аросев, было 462 десятины (503,6 га) с 39 крестьянами мужского пола (женщины в счет не брались). Но, к сожалению, А. Я. Аросев не указывает источника, откуда им взяты эти цифры, а также сведения о том, что А. Д. Бланк приобрел водяную мельницу, которая приносила 100 руб. дохода в год[98]. Известно только, что впоследствии он ее продал, также как и 30 десятин (32 га) земли.

Но уже буквально через полтора года после приобретения имения А. Д. Бланк получает заем от Казанского приказа общественного призрения в сумме 3200 рублей серебром сроком на 26 лет. 9 (21) марта 1849 г. на имение было наложено запрещение, включая 40 ревизских душ мужского пола[99]. Как видим, здесь женщины не упоминаются. Только проведенное в 1859 г. статистическое исследование дало возможность говорить о том, что в деревне Янысалы (Кокушкино) было 15 дворов, в которых проживали 41 крепостной мужского пола и 46 крепостных женского пола[100].

Полученные взаймы деньги от Казанского приказа общественного призрения А. Д. Бланк вернул достаточно быстро. Уже 23 июля (4 августа) 1849 г. было объявлено о разрешении на имение[101]. Однако в 1857 г. Казанская казенная палата вновь наложила запрещение на имение А. Д. Бланка «во обеспечение исправной им поставки в течение 1857 года для с.-петербургских и попутных магазинов овса ста пятидесяти четвертей всего на сумму триста тридцать семь рублей пятьдесят копеек серебром»[102].

В 1859 г. Александру Дмитриевичу вновь пришлось прибегнуть к займу. В печати появилось сообщение: «От Казанской палаты гражданского суда... 3-е) 20 апреля за № 2138. По распоряжению этой же палаты. 11952 Бланк Александр Дмитриев, надворный советник. По выданному 17-го марта 1859 года за № 16-м на имение его Бланка свидетельству запрещается имение, состоящее Казанской губернии Лаишевского уезда в сельце Янысалех (Кокушкино тоже) по 10-й ревизии тридцать девять душ мужского пола душ, с принадлежащею к ним землею»[103].

За последующие одиннадцать лет А. Д. Бланку не удалось улучшить свое финансовое состояние. Поэтому, когда он ушел из жизни, было опубликовано следующее решение Казанского

окружного суда от 21 апреля 1873 г.: «...по случаю утверждения статскую советницу Анну Александрову и дочерь ее Анну Иванову Веретенниковых, жену коллежского советника Любовь Александрову Пономареву, жену статского советника Марию Александрову Ульянову, жену статского советника Екатерину Александрову Залежскую, жену коллежского асессора Софию Александрову Лаврову в правах наследства к имуществу Александра Дмитриева Бланка и о вводе их во владение наследственным имением согласно определению Казанского окружного суда, состоявшемуся 9 марта 1873 года, запрещение переводится на имя означенных гг. Веретенниковых, Пономаревой, Ульяновой, Залежской и Лавровой»[104].

В 1896 г., когда наследники последней из семьи А. Д. Бланка владелицы Кокушкино Л. А. Пономаревой продали имение, ссуда Дворянскому земельному банку так и не была погашена[105].

Поселившись в Кокушкино, семья Бланка получила в свое распоряжение обширный двухэтажный помещичий дом с колоннами и балконами, стоящий на высоком берегу реки Уши. Дом имел одноэтажный мезонин и всевозможные пристройки. Впоследствии, когда дочери вышли замуж и стали приезжать со своими семьями, А. Д. Бланк построил рядом с домом новый флигель. Вокруг дома был большой сад с сиренью, липами и березами. Усадьба находилась недалеко от соснового леса.

Сведения о том, что представляло из себя имение А. Д. Бланка, взятые из книги А. Я. Аросева, больше нигде не повторялись. Более того, авторы работ, посвященных Кокушкино, старались уйти от слова «имение», а если говорили о нем, то както глухо, не приводя данных о его размерах. Приведу конкретные примеры.

В восьмом издании биографии В. И. Ленина, выпущенной ИМЛ при ЦК КПСС, говорится: «Выйдя в отставку, А. Д. Бланк обосновался со своим многочисленным семейством под Казанью в деревне Кокушкино (ныне село Ленино), где и жил до самой смерти»[106]. Итак, в деревне Кокушкино у Бланка, видимо, был дом, но, может быть, он и снимал его у хозяев, – такой вывод можно сделать из приведенной цитаты.

Б. М. Волин, один из крупнейших в свое время специалистов по биографии В. И. Ульянова, в 1945 г. писал: «Кокушкино – это небольшое именьице – хуторок близ села Ансалах, купленное дедом, Владимира Ильича по матери Александром Дмитриевичем Бланком». Далее Волин пишет, что А. Д. Бланк «купил этот заброшенный, без земли, хуторок и стал там постоянно жить и заниматься врачебной практикой»[107]. Итак, небольшое именьице – заброшенный хуторок, без земли. В другой книге Волин пишет: «Хуторок Кокушкино (ныне Ленино), расположенный близ убогого, разоренного в те годы села Ансалах, принадлежал отцу Марии Александровны – Александру Дмитриевичу Бланку. Еще до отмены крепостного права он ку-

пил этот заброшенный хуторок и поселился в нем. Здесь же он работал врачом»[108].

Несколько иначе освещает этот вопрос Р. А. Ковнатор, отправившая Бланка в отставку сразу после смерти жены и не давшая ему поработать в Перми и на Урале: «После смерти жены он (А. Д. Бланк. – *М. Ш.*) оставил место ординатора в Петербургской больнице и вышел в отставку. В Казанской губернии, куда он переехал с детьми, А. Д. Бланк купил небольшое имение и занялся сельским хозяйством, оказывая в то же время медицинскую помощь окрестному крестьянству. Александр Дмитриевич Бланк был образованным врачом. Его знали далеко за пределами села Кокушкино»[109].

Итак, все-таки имение. Так писал человек, хорошо знавший семью Ульяновых. Ну, а что же пишут члены этой семьи?

Начнем с Н. К. Крупской: «...купил домик в деревне в 40 верстах от Казани, в Кокушкине, лечил крестьян»[110]. Снова домик. Но, возможно, Крупская дает неправильные сведения, потому что никогда в Кокушкине не была»?

Вот что писали внуки Бланка. Н. И. Веретенников, сын А. А. Веретенниковой – старшей дочери А. Д. Бланка, товарищ детских лет Володи Ульянова. «Кокушкино – небольшое имение (в 40 км от Казани) нашего деда Александра Дмитриевича Бланка; он был врачом, жил в деревне, лечил крестьян»[111]. Снова – именьице. Но журнал «Большевик Татарии» читали только местные жители. А для более широких кругов (правда, детских) Н. И. Веретенников «поправился» и написал: «Наш дед – А. Д. Бланк был врачом, жил в деревне Кокушкино и лечил крестьян»[112]. Снова Кокушкино – просто деревня.

Но Н. И. Веретенников был не одинок в своем путаном объяснении, что же такое Кокушкино. А. И. Ульянова-Елизарова называет его благоприобретенным имением деда по матери – А. Д. Бланка[113]. Ей противоречит М. И. Ульянова, которая называет Кокушкино имением тетки (не указывая, правда, какой)[114]. Д. И. Ульянов вопросов, связанных с Кокушкино (имением, хутором, деревней) в своих многочисленных воспоминаниях о Владимире Ильиче и семье Ульяновых[115], вообще не касается. Все, так или иначе, «наводили тень на плетень», стараясь завуалировать, что же в действительности представляло собой Кокушкино – имение далеко не малых размеров.

Имение в Янысалах (Кокушкино) устраивало А. Д. Бланка, в частности, тем, что оно находилось сравнительно недалеко от Казани, где во 2-й Казанской гимназии учился и которую в 1848 г. окончил его сын Дмитрий[116]. Дмитрий затем поступил на камеральное отделение юридического факультета Казанского университета, – не на медицинский факультет, как мечтал отец. Камеральное отделение давало знания в основном в области химии, ботаники, технологии, сельского хозяйства, политической экономии и статистики. Здесь достаточно серьезно изучали так-

же русскую и общую историю, логику и психологию, русскую стилистику, латинский, немецкий и французский языки, богословие и библейско-церковную историю, а также ряд юридических дисциплин: энциклопедию законоведения и российские государственные законы, гражданские законы и гражданское судопроизводства, законы благоустройства и благочиния, законы полицейские и уголовные[117].

Год поступления Д. Бланка в Казанский университет был годом революций в Европе. Эти события привели к тому, что по распоряжению правительства были сокращены программы преподавания ряда общественных наук. Попечитель Казанского учебного округа В. П. Молоствов 9 (21) декабря 1848 г. сообщил Совету университета, что министр народного просвещения граф С. С. Уваров потребовал установить особое наблюдение за преподаванием, сократить количество часов на государственное право, политическую экономию, науки о финансах, а также следить за историческими сведениями, которые сообщаются при чтении курса славянских наречий и других предметов, связанных с перечисленными выше дисциплинами. При этом Молоствов прямо подчеркивал, что Совет должен соблюдать большую осмотрительность в этом деле и «удаляя все излишнее, все роскошное, все неуместное в отношениях к настоящим событиям, все могущее служить, хотя косвенным и неумышленным, поводом к заблуждению умов неопытных, должно однако же соблюдать, чтобы полезные сведения, необходимые в составе правильного образования, были тщательно сохраняемы и чтобы эта мера попечительной предусмотрительности не обращалась в прихотливое стеснение общей системы, правительством допускаемой»[118]. В октябре 1849 г. в Казанский университет были присланы программы, одобренные министром народного просвещения для Петербургского университета, по политической экономии, статистике, законам о финансах, праву народному с дипломатией и государственному праву.

Но об этом студенты вряд ли знали. Их дело было овладевать знаниями, которые им давали профессора одного из лучших университетов России. А. Д. Бланк радовался, что его сын, его надежда и будущая опора в старости, получает высшее образование. Правда, успехи у сына были средние. В основном, тройки по большинству предметов, как и по поведению[119] (при пятибалльной системе). Жил своекоштный студент камерального отделения юридического факультета Казанского университета Дмитрий Бланк у знакомого казанского врача. По воскресеньям, а также в праздничные дни приезжал в Кокушкино, где рассказов о студенческой жизни с нетерпением ждали сестры, тетя Екатерина Ивановна, отец... Но беда подстерегала семью. Студент 2-го курса Дмитрий Бланк покончил жизнь самоубийством 19 (31) января 1850 г., не дожив до 20-летнего возраста[120]. Эта незаживающая рана мучила отца до конца его дней.

В этом же году произошло событие, о котором А. Д. Бланк так никогда и не узнал. 6 (18) сентября 1850 г. казанский губернатор И. А. Баратынский дает указание лаишевскому земскому исправнику Н. И. Билярскому собрать сведения о поведении, занятии и образе жизни отставного инспектора Пермской врачебной управы (почему-то названа эта должность, а не должность врача Златоустовской оружейной фабрики, с которой Бланк ушел в отставку), проживающего в своем имении в деревне Кокушкино. Спустя месяц, 7 (19) октября 1850 г., Билярский доводит до сведения губернатора о скромном поведении Бланка. При этом подчеркивает, что хотя к нему в гости и приезжают профессора Казанского университета, но нет оснований подозревать в этом наличие каких-либо неблагонамеренных политических целей[121].

Итак, официально зарегистрировано, что Бланк – политически благонадежен. Но почему вдруг возник такой вопрос? Может, он связан с тем, что 27 ноября (9 декабря) 1847 г. Казанское дворянское собрание рассматривало просьбу надворного советника личного дворянина А. Д. Бланка удостоить его звания потомственного дворянина, как приобретшего его на гражданской службе.

Другой причиной запроса губернатора мог быть тот факт, что помещик Бланк организовал на первом этаже своего дома медицинский кабинет и бесплатно лечил крестьян всей округи.

При получении дворянского звания у Бланка могли возникнуть определенные сложности. В это время уже действовали положения высочайшего манифеста от 11 (23) июня 1845 г., в соответствии с пунктом 2 которого звания потомственного дворянина удостаивались лица, дослужившиеся до чина статского советника или полковника (5-й класс). Бланк имел чин лишь 7-го класса, но на него должно было распространяться действие пункта 6 этого же манифеста, который гласил: «Все те, кои, по действовавшим доселе узаконениям, приобрели уже службою личное или потомственное дворянство, сохраняют и на будущее время права свои нерушимо»[122]. А Бланк получил чин коллежского асессора (8-й класс), дававшего, по тогдашнему закону, право на звание потомственного дворянина, еще в 1838 г.

По этой причине или нет, но дело затянулось. Только 4 (16) августа 1859 г. указом № 6840 по Департаменту герольдии правительствующий Сенат утвердил А. Д. Бланка и его детей в потомственном дворянстве и внес их в 3-ю часть родословной книги Казанской губернии[123].

Большую часть своего времени Александр Дмитриевич уделял ведению своего хозяйства. Но судя по всему, дела его на сельскохозяйственном поприще были не очень успешны.

Но главную цель жизни А. Д. Бланк видел в воспитании дочерей. С помощью Е. И. Эссен он приучал девочек к труду (они умели шить, вязать, вышивать, даже подвенечные платья сами

шили себе), закаливал их с помощью холодных обтираний, независимо от времени года.

А. И. Ульянова-Елизарова вспоминает со слов своей матери: «Девочки носили лето и зиму ситцевые платья с короткими рукавами и открытой шеей, и платьев таких было только по две смены на каждую. Пища была простая: даже взрослыми они не получали ни чаю, ни кофе, которые отец считал вредными»[124].

Образованием девочек занималась их тетя Е. И. Эссен. С ее помощью они изучили немецкий, французский и английский языки, русскую и зарубежную литературу, освоили игру на пианино. Домашнее воспитание дочери Бланка получили не потому, что он был противником официальных учебных заведений, а потому, что обучение в них стоило слишком дорого.

Обладая большим чувством юмора, Александр Дмитриевич любил подшутить над детьми. Один такой случай описывает со слов своей матери М. И. Ульянова: «...Однажды, первого апреля, в день именин Марии Александровны, дети с нетерпением ждали за обедом последнего блюда, сладкого. Им обещали, что в этот день будут на последнее сбитые сливки. Каково же было их разочарование, когда, получив свои порции пирожного, они, не избалованные сладостями, увидели, что дед подшутил по случаю 1 апреля: у них на тарелках был белый пушистый снег»[125].

Беседуя с дочерьми об их дальнейшей семейной жизни, А. Д. Бланк как врач-акушер объяснял им, почему для женщины важно иметь много детей. Его советы не пропали даром. У дочери Анны, в замужестве Веретенниковой, было восемь детей; у Любови, в замужестве Ардашевой (по второму браку Пономаревой), – девять; у Екатерины, в замужестве Залежской, – десять; у Марии, в замужестве Ульяновой – восемь, у Софьи, в замужестве Лавровой, – шесть. И все дочери со своими детьми, при жизни Александра Дмитриевича, приезжали на лето к нему в Кокушкино. Он имел живой ум, общительный и ласковый характер, и поэтому его любили и уважали не только дочери, но и зятья[126].

Любили его все, кто его знал, включая крестьян, бывших у него крепостными. Бланк не только бесплатно лечил их, но и старался помочь советами. Особенно ярко это проявилось, когда было отменено крепостное право. А. Д. Бланк уговаривал крестьян пойти на выкуп и в этом отношении он находил поддержку у И. Н. Ульянова, с которым делился своими мыслями. Однако крестьяне его не послушали, поверив слухам, что земля должна отойти к ним бесплатно. В итоге, как пишет А. И. Ульянова-Елизарова, получили одну дарственную десятину и бедствовали, завидуя тем крестьянам по соседним поместьям, которые пошли на выкуп[127]. А. И. Ульянова-Елизарова, однако, ошиблась. А. Д. Бланк установил для своих крестьян высшую норму надела, разрешавшуюся для нечерноземной полосы, и выделил на 38 душ (женщины, как известно, в счет не шли)

120 десятин земли (130,8 га). У А. Д. Бланка же осталось 226 десятин (246,3 га)[128]. За выделение крестьянам высшего надела государство оплатило деньгами и ценными бумагами 80 % выкупной суммы. У крестьян сохранилась издольщина, которая означала, что за аренду земли они отдавали Бланку часть урожая.

Пройдет два года после реформы 1861 г. 25 августа (6 сентября) 1863 г. отпразднует свадьбу в Кокушкино любимица Екатерины Ивановны и Александра Дмитриевича Машенька. Она уедет в Нижний Новгород вместе с мужем И. Н. Ульяновым, который был назначен учителем математики и физики в губернскую гимназию. Через две недели после свадьбы, 7 (19) сентября 1863 г., Е. И. Эссен уйдет из жизни. Она будет похоронена на Черемышевском кладбище. А. Д. Бланк будет жить в Кокушкино вместе с семьями двух старших дочерей, овдовевших в 1870 г. – Анны Веретенниковой и Любови Ардашевой, вскоре после смерти отца вышедшей замуж за его друга А. П. Пономарева[129].

Пройдет еще семь лет. Летом 1870 г. вновь соберутся в Кокушкино дочери А. Д. Бланка с семьями. Дочь Маша покажет ему родившегося 10 (22) апреля сына Володю. Александр Дмитриевич осмотрит малыша как врач. Мог ли он тогда подумать, что этот малыш спустя сорок семь лет перевернет Россию, что его имя будут произносить с ненавистью или с любовью. И те, кто обожествит его внука, сочтут, что он, доктор Александр Дмитриевич Бланк, недостоин внука из-за своего еврейского происхождения. А документы о нем будут тщательно прятать от глаз исследователей. Но это будет потом, много лет спустя. А пока он осматривает младшего внука, одного из своих последних пациентов. 17 (29) июня 1870 г. на 71-м году жизни А. Д. Бланка не стало[130]. На следующий день, 18 июня, он был погребен в 3 верстах от Кокушкино в селе Черемышеве Лаишевского уезда на кладбище при церкви, рядом с Е. И. Эссен, которая незадолго до смерти приняла православие.

В. В. Цаплин задает по этому поводу неожиданный вопрос: «Зачем такая поспешность с похоронами (на другой день после смерти)?»[131], как бы намекая на какие-то тайные мотивы. Правда, тут же говорит, что оставляет свой вопрос без ответа. Мы же полагаем, по той простой причине, что все близкие А. Д. Бланка, которые должны были принять участие в похоронах, жили в это время в Кокушкино, и похороны незачем было откладывать.

Только через год и десять месяцев после описываемых событий, 12 (24) мая 1872 г., Казанский окружной суд утвердил «к исполнению домашнее духовное завещание умершего 17 июля 1870 г. надв(орного) сов(етника) Александра Дмитриева Бланк, составленное 12 июля 1870 г.»[132].

9 (21) марта 1873 г. определением Казанского окружного суда в соответствии с завещанием А. Д. Бланка наследницами принадлежащей ему деревни Янысалы и при ней землях разных угодий с деревянным флигелем и мукомольною мельницею были

признаны: статская советница Анна Александровна Веретенникова, несовершеннолетняя дочь Анна Ивановна Веретенникова, жена коллежского советника Любовь Александровна Пономарева, жена статского советника Мария Александровна Ульянова, жена статского советника Екатерина Александровна Залежская и жена коллежского асессора Софья Александровна Лаврова. 22 июля (3 августа) 1873 они вступили в право наследования[133].

Но за три месяца до этого, 21 апреля (3 мая) 1873 г., Казанский окружной суд вынес неприятное для наследниц решение, на них было переведено запрещение на имение[134].

Если сегодня потомки А. Д. Бланка пожелают посетить его могилу и могилы других родственников, похороненных на Черемышевском кладбище, то они будут в затруднении. Надгробие на могиле А. Д. Бланка частично разрушено. На нем не сохранилось его имя, отчество и фамилия. О том, что это могила А. Д. Бланка, знают только местные жители. Не в лучшем состоянии находятся надгробия на могилах Е. И. фон Эссен и Л. А. Ардашевой-Пономаревой, урожденной Бланк, последней владелицы родового имения[135]. Могилы других потомков А. Д. Бланка, в частности одной из первых русских женщин-врачей А. И. Веретенниковой, просто не сохранились.

Не в лучшем состоянии и каменная церковь Казанской Божией Матери, построенная в 1741 г. на средства князей К. Н. и А. И. Кропоткиных[136]. В ней венчались М. А. Бланк и И. Н. Ульянов, а еще раньше сестры Марии Александровны. В этой церкви отпевали Е. И. фон Эссен, А. Д. Бланка и некоторых его потомков. Начиная с 30-х гг. XX в. в помещении церкви сменяли друг друга склады зерна и угля, стоял дизельный движок местной электростанции, был свинарник. В том же виде осталась и дорога между Кокушкино и Черемышево, когда по ней в последний раз ходил внук Александра Дмитриевича Владимир Ульянов.

7. Потомки

Став врачом Пермской мужской гимназии, А. Д. Бланк вряд ли мог предположить, что здесь в октябре 1841 г. он встретится со своим будущим первым зятем, мужем старшей дочери Анны, И. Д. Веретенниковым[137]. В семье было восемь детей. Именно он познакомит сестер своей жены с их будущими суженными, а Александра Дмитриевича с другом. Но познакомится с этими людьми И. Д. Веретенников уже после того, как А. Д. Бланк в 1843 г. покинет Пермь. Поэтому неясно, на основании каких документов В. Н. Арнольд утверждает[138], что, кроме И. Д. Веретенникова, в доме А. Д. Бланка бывали: его коллега А. А. Залежский, приехавший работать в Пермь в 1850 г.[139]; бухгалтер, а с сентября 1842 г. чиновник для особых поручений Пермской казенной

палаты А. Ф. Ардашев (в должности казначея Пермского уездного казначейства он стал работать только в 1854 г.)[140]; штатный смотритель Пермского уездного училища (с 18 (30) января 1845 г.) А. П. Пономарев[141]. Их А. Д. Бланк, вероятнее всего, впервые увидел на свадьбе своей старшей дочери.

И. Д. Веретенников после окончания Казанского университета с 18 (30) октября 1841 г. начинает работать учителем латинского языка в младших классах Пермской мужской гимназии. Спустя почти девять лет, в 1850 г., он женится на дочери А. Д. Бланка Анне, которой в год знакомства ее отца с будущим зятем было десять лет.

Целых пятнадцать лет И. Д. Веретенников преподает в гимназии латинский язык и в течение ряда лет совмещает эту работу с заведованием Фундаментальной библиотекой. Рядовым библиотекарем в ней с 13 (25) декабря 1851 г. был кандидат математики Казанского университета старший учитель математики гимназии с 28 (9 апреля) 1850 г. А. А. Залежский. 15 (27) июня 1856 г. он стал мужем овдовевшей двадцатитрехлетней Екатерины Алехиной, третьей дочери А. Д. Бланка. У супругов было десять детей. Мужем второй дочери, Любови, стал А. Ф. Ардашев, друг двух педагогов. В этом браке у Любови Александровны было девять детей.

Четвертый друг, А. П. Пономарев, медленно, но верно двигался вверх по служебной лестнице. Он за шесть лет настолько хорошо проявил себя в должности штатного смотрителя уездного училища, что 20 декабря 1850 г. (1 января 1851 г.) был «определен инспектором в Самарскую дирекцию училищ с поручением управления этою дирекциею, впредь до открытия гимназии и определения директора и с поручением должности штатного смотрителя Самарского уездного училища»[142]. Вскоре, 19 апреля (1 мая) 1851 г. министр народного просвещения князь П. А. Ширинский-Шахматов поручил А. П. Пономареву цензурирование «Самарских губернских ведомостей»[143].

Гимназия в Самаре была открыта 5 (17) августа 1856 г. Ее директором был назначен А. П. Пономарев. Инспектором, бесспорно по инициативе Пономарева, стал И. Д. Веретенников. Во время частых командировок А. П. Пономарева по инспектированию сельских школ Веретенников заменял его. В Самаре Веретенников проработал до июня 1861 г. За эти годы он не просто познакомился, а подружился с И. К. Лавровым, переведенным 5 (17) апреля 1858 г. из Симбирского уездного училища на аналогичную должность в Самарское уездное училище[144]. В Самаре И. К. Лаврова постигло большое горе – умерла жена, Екатерина Андреевна. На его руках остался сын Сергей, родившийся 4 (16) июля 1844 г.[145]

Трудно сказать, когда И. К. Лавров познакомился в доме Веретенниковых с младшей сестрой Анны Александровны – Софьей Бланк. Известно только, что 16 (28) июля 1861 г. он и Со-

фья Александровна венчались в Черемышевской церкви, которая была приходской церковью деревни Янысалы (Кокушкино)[146]. В семье было шестеро детей.

Но за месяц до их свадьбы, в июне 1861 г., И. Д. Веретенников был переведен на работу инспектором Пензенского дворянского института. В Пензе он познакомился и подружился со старшим учителем математики и физики института И. Н. Ульяновым. И как это уже бывало раньше с другими сестрами его жены, познакомил приехавшую в 1861 г. к ним погостить последнюю незамужнюю сестру своей жены, Марию, с Ильей Николаевичем.

Все дочери А. Д. Бланка были счастливы в семейной жизни. До сих пор в разных странах, включая американский континент, живут более 130 потомков Александра Дмитриевича Бланка. Кто они, что за люди? Известно, что его любимая внучка А. И. Веретенникова, единственная из всех внуков и внучек, включенная в его завещание, стала одной из первых женщин-врачей в России. После окончания в 1871 г. Саратовской женской гимназии она начала работать учительницей в Бугурусланском женском училище Самарской губернии. Через год, летом 1872 г., переехала в Казань к матери, где работала в местной конторе «Правительственного вестника». В ней она проработала до 1877 г., когда уехала в Петербург и поступила на женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале, подрабатывая переводами с немецкого и французского языков, которым обучила ее любимая бабушка Е. И. Эссен.

Окружающие не могли не обратить внимание на ее внешность. Это была ниже среднего роста, худощавая шатенка с выпуклыми серыми глазами, носившая стриженные до плеч волосы. На замечания окружающих о том, что длинные волосы ей были бы больше к лицу, Анна Ивановна отвечала: «Конечно, прическа с длинными волосами более красива, но занятия на курсах, в анатомическом театре, в клиниках, больницах, лабораториях и уроки как средство для жизни не оставляют ей времени заниматься своей внешностью»[147].

И в этом Анна Ивановна была права. Она в прямом смысле слова самоотверженно занималась. Но из всех изучаемых на курсах предметов больше всего ее интересовали хирургия и офтальмология. И здесь она достигла больших успехов. Поэтому, когда А. И. Веретенникова в 1882 г. блестяще окончила курсы, ей было предложено остаться ассистентом на любой из кафедр врачебных курсов для занятий научной деятельностью. Руководство курсов было заинтересовано в том, чтобы в педагогическом коллективе работал не только прекрасный специалист, увлеченный своей специальностью, но и просто эрудированный человек. (А. И. Веретенникова была глубоко знакома с трудами Канта, Гегеля и других философов, а также с русской литературой. Это высоко ценилось в среде русской интеллигенции). Однако она хорошо усвоила завет деда: «Спеши делать добро!» И поэтому

приняла предложение стать участковым земским врачом в далеком башкирском селе Буздяк, расположенном в 100 верстах (106,68 км) от уездного города Белебея Уфимской губернии. В ее ведение как врача входило 186 деревень. В базарные дни численность принимаемых ею больных колебалась от восьмидесяти до ста человек[148]. Оклад ее составлял 1500 рублей в год. Но так как белебеевская земская аптека выделяла земским врачам лекарства в ограниченном количестве, то А. И. Веретенникова почти половину своей зарплаты тратила на приобретение необходимых лекарств, перевязочных материалов и медицинских инструментов.

Активно занималась Анна Ивановна борьбой со свирепствовавшей в районе оспой. Успех в этой работе обеспечивался не только ее добросовестным отношением к своим обязанностям земского врача, но и полным доверием населения. Этому способствовало то, что, приехав в Буздяк, она в течение двух месяцев освоила башкирский язык и свободно общалась со своими пациентами.

Осенью 1884 г. А. И. Веретенникова вернулась в Петербург, чтобы совершенствовать свои знания в области офтальмологии. С этой целью она поступила работать в клинику одного из основоположников петербургской офтальмологической школы статского советника профессора Военно-медицинской академии, доктора медицины В. И. Добровольского, которая находилась на Знаменской (ныне Восстания) улице, 37/22 и принимала больных в двух самых больших общинах сестер милосердия Петербурга – Св. Георгия (в обиходе Георгиевской) (Оренбургская ул., 4) и Покровской (В. О., Большой пр., 72). Так как эта работа не оплачивалась, то А. И. Веретенникова вынуждена была заняться литературной деятельностью. Ее статьи печатались в «Русском богатстве», «Нови» и в «Новостях».

Работа в качестве окулиста не осталась незамеченной. Петербургская городская дума предложила ей должность заведующей глазными лабораториями одного из районов Петербурга. Но весной 1886 г. она тяжело заболела. Пришлось срочно уехать к матери в Казань и начать лечение. Во время лечения А. И. Веретенникова пишет докторскую диссертацию по проблемам глазных болезней. Она обращается с просьбой допустить ее к защите. Но следует отказ. Причина проста – она женщина. И она снова становится земским врачом. На этот раз в Осиновском уезде Пермской губернии, но работа там была непродолжительной. Видимо, недолеченная болезнь и климат нового местожительства оказали отрицательное влияние на ее здоровье. Она вновь заболела. Пришлось снова срочно ехать к матери, которая в это время жила в родовом имении Кокушкино. Здесь 17 (29) июля 1888 г. А. И. Веретенникова скончалась.

Похоронена А. И. Веретенникова на Черемышевском кладбище, но могила ее исчезла. Как память о ней, опубликованы

неоконченные «Записки земского врача», дающие яркую картину состояния медицинского обслуживания в глубинке России и самоотдачи земских врачей[149].

Врачами стали также внуки А. Д. Бланка Ф. А. Ардашев и А. А. Залежский.

Федор Александрович Ардашев родился в Перми 19 июня (1 июля) 1859 г. С 1870 по 1878 гг. учился в 1-й Казанской мужской гимназии, после окончания стал студентом медицинского факультета Казанского университета. Его, как и двоюродную сестру А. И. Веретенникову, интересовала офтальмология. Ф. А. Ардашев с увлечением работал в клинике одного из основоположников офтальмологии в России Е. В. Адамюка, занимавшегося лечением тяжелых заболеваний, как глаукома, катаракта и др.

В 1883 г. Ф. А. Ардашев закончил университет и был назначен уездным врачом в город Усолье Пермской губернии. Здесь он стал не только членом медицинского общества, на заседаниях которого неоднократно выступал с докладами, но и председателем Усольского общества потребителей, действительным членом Общества драматического искусства. С помощью членов этого общества в неурожайном 1892 г. Ф. А. Ардашев собрал значительную денежную сумму для оказания помощи голодающим. В том же году в Усолье вспыхнула эпидемия брюшного тифа. Мест в местной больнице не хватало. Ф. А. Ардашев выделил для тифозных больных четыре комнаты в своей квартире и сам занимался их лечением. Он заразился тифом и скончался 20 мая (1 июня) 1892 г.[150]

Александр Андреевич Залежский был третьим из внуков А. Д. Бланка, ставший врачом. После окончания гимназии он, как и двоюродный брат Ф. А. Ардашев, поступил на медицинский факультет Казанского университета. Во время учебы он уделял большое внимание хирургии. После окончания университета он поехал в г. Чердынь Пермской губернии. Несмотря на всю сложность условий работы, благодаря его энергии в уезде был открыт стационар на 5 мест (это при 25 тысячах потенциальных больных на врача). Но его предложения о посылке фельдшеров в крупные больницы для повышения квалификации, организации для них специальной библиотеки, об открытии детских яслей были «благополучно» провалены.

В 1887 г. А. А. Залежский был переведен хирургом в земскую больницу г. Перми. Работая там, он стал известен как хирург-практик и хирург-ученый, неоднократно печатавший свои статьи в медицинских журналах. В 1889 г. активно участвовал в борьбе с эпидемией сыпного тифа. Большие перегрузки отразились на его здоровье. Он заболел туберкулезом легких и скончался в следующем году[151].

Четвертым среди внуков А. Д. Бланка врачом был Дмитрий Ильич Ульянов. О его жизни и деятельности написано довольно много книг и статей.

О судьбе остальных внуков и внучек А. Д. Бланка, за исключением уже упомянутой Е. И. Веретенниковой (Песковской), следует сказать следующее: Дмитрий Иванович Веретенников (1856–1877) погиб, попав под поезд, сразу после окончания Института путей сообщения в Петербурге. Его брат, Александр Иванович (1857–1920), как и отец, интересовался древними языками – латынью и древнегреческим. Он преподавал их в Симбирской мужской гимназии в 1880–1883 гг., в числе его учеников был двоюродный брат Владимир Ульянов. В 1890 г. закончил историко-филологический факультет Казанского университета и в том же году поступил в Институт путей сообщения в Петербурге, но не смог его закончить по болезни.

Владимир Иванович Веретенников (1 (13) июня 1865–?) после окончания 1-й мужской Казанской гимназии 16 (28) августа 1883 г. поступил на первый курс физико-математического факультета Казанского университета по разряду математических наук. Учился он хорошо и за это был удостоен стипендии Державина. После окончания физико-математического факультета В. И. Веретенников приобрел специальность врача. В течение всей свой жизни он совмещает педагогическую деятельность с деятельностью практикующего врача. Просматривая книгу «Весь Петербург» за эти годы, можно было узнать, что В. И. Веретенников является практикующим врачом. В Петербурге с 1903 по 1911 гг. в основном он работал учителем математики и физики в 11-й гимназии (Симбирская, ныне ул. Комсомола, 10), в Кадетском корпусе им. Александра II (Александровском) (Садовая ул., 10), в Павловском институте (Знаменская, ныне ул. Восстания, 8) преподавал естествознание[152]. Работу практикующего врача он совмещал только в период, когда преподавал математику в 7-й гимназии (Кирилловская ул., 11)[153].

Трудно сказать, по какой причине статский советник В. И. Веретенников переехал в Киев и стал учителем математики 2-й киевской гимназии[154].

И, наконец, последний брат, Николай Иванович Веретенников (1871–1955), товарищ детских игр Владимира Ильича в Кокушкино, единственный из двоюродных братьев и сестер, оставивший о нем воспоминания. В 1896 г. окончил Казанский университет и преподавал математику и физику в различных учебных заведениях. После установления Советской власти стал заведующим одного из отделов Наркомата финансов. Затем, в течение пяти лет, с 1923 по 1928 гг., работал в статистическом отделе ЦК РКП(б) и снова вернулся к педагогической деятельности.

В семье Веретенниковых были и дочери: Любовь (10 (22) июня 1851–1926) и Мария (1862–1931). Любовь Ивановна сдала в Саратове экзамен на звание учительницы, работала телеграфисткой, в последние годы жизни, переехав в Москву, была членом семьи А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Мария Ивановна Веретенников свою трудовую деятельность начинала тоже учительницей. В 1881 г. она закончила с серебряной медалью педагогический класс Казанской Мариинской женской гимназии (эту же гимназию в 1877 г. закончила сестра Екатерина)[155]. Мария Ивановна работала учительницей в Казани, Вятской губернии и Петербурге. Гимназию в Петербурге основала и возглавляла ее сестра Екатерина Ивановна Песковская. Затем ей пришлось работать библиотекарем в Гельсингфорсе (Хельсинки), а после революции она переехала в Москву, где работала в Румянцевской библиотеке, с 1924 г. ставшей Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина (ныне Государственной библиотеки России).

В отличие от семьи Веретенниковых, семья Лавровых не имела тесных отношений с семьей Ульяновых. Историю этой семьи исследовал В. Н. Арнольд в своей книге «Семья Ульяновых в Самаре: Поиски и находки».

Наряду с уже упоминавшимся сыном от первого брака Сергеем, в семье Лавровых были и общие дети: дочери Екатерина (1862–1863), Любовь (16 (28) сентября 1864–1912), в замужестве Воскресенская, и Анна (1867–1881); сыновья – Александр (18 (30) декабря 1869–1893), Николай (16 (28) февраля 1871–1915) и Владимир (13 (25) мая 1872–1904)[156].

Необходимо отметить, что Иосиф (Осип) Кондратьевич Лавров происходил из обер-офицерских детей. Не окончив курса в 1-й Казанской мужской гимназии и сдав экзамен, он с 28 мая 1841 г. начал работать учителем арифметики и геометрии в Глазовском уездном училище. И. К. Лавров начал с чина губернского секретаря (XII класса), последний чин – коллежский асессор (8 класс). Всю свою трудовую жизнь И. К. Лавров работает в уездных училищах: Малышевском, Симбирском, Самарском и Ставропольском. Закончил же ее в должности члена ставропольского уездного училищного совета.

За свою педагогическую деятельность И. К. Лавров был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени (28 декабря 1879 (9 января 1880)) и Св. Владимира 4-й степени (22 сентября (4 октября) 1886). Последний орден давал право И. К. Лаврову и членам его семьи быть причисленными к потомственному дворянству. Этим правом он воспользовался 15 (27) апреля 1887 г. И. К. Лавров вместе с детьми и внуками был внесен в Третью часть Дворянской родословной книги Самарской губернии[157].

Софья Александровна, жена И. К. Лаврова, несколько лет, с 1869 по 1875 гг., работала библиотекарем в Самарской общественной библиотеке[158]. Но ей пришлось уйти со службы, так как семья была достаточно большой и требовала много внимания. К сожалению, большинство членов этой семьи умерли довольно молодыми.

Сын Сергей окончил юридический факультет Казанского университета со степенью кандидата юридических наук. Вся его

деятельность связана с Самарой. 20 декабря 1880 г. (1 января 1881 г.) Сергей Иосифович (Осипович) Лавров начинает работать членом Самарской губернской земской управы, а в 1893 г. становится ее председателем. С 1895 г. по день смерти действительный статский советник С. И. Лавров работает управляющим Управления государственным имуществом, которое было реорганизовано в Управление земледелия и государственных имуществ.

18 (30) августа 1872 г. он женился на дочери коллежского асессора Павла Павловича Ярового Анне. У супругов было пятеро детей: Софья, родившаяся 13 (25) марта 1874 г., Надежда – 30 декабря 1875 г. (11 января 1876 г.), Елена – 30 августа (11 сентября) 1886 г., Николай – 21 апреля (3 мая) 1883 г. и Орест – 30 октября (11 ноября) 1884 г.[159]

С. И. Лавров был человеком небедным. Он приобрел 830 десятин (904,7 га) земли в Самарском и Ставропольском уезде. У его жены был в собственности подаренный матерью двухэтажный дом в Самаре, а также 413 десятин (450,2 га) земли[160]. Умер С. И. Лавров 25 августа (6 сентября) 1910 г. в возрасте 66 лет[161].

Из остальных детей С. А. и И. К. Лавровых имеются сведения только о Любови Иосифовне и ее муже Александре Александровиче Воскресенском. По специальности А. А. Воскресенский был лесником. В 1890 г. он был приглашен князем Юсуповым (вероятнее всего Н. Б. Юсуповым) для работы в качестве управляющего на мызе недалеко от Петербурга[162].

У супругов Воскресенских 6 (18) января 1885 г. родится сын Александр. Впоследствии он станет известным агрономом-хлопководом и уйдет из жизни в Ташкенте в 1966 г. В свою очередь у внука С. А. и И. К. Лавровых Александра Александровича будут сын Александр Александрович, который поселится в Нальчике, и дочь Ирина Александровна, проживавшая с отцом в Ташкенте. Впрочем сын уехавшего в Нальчик А. А. Воскресенского также назвал своего сына Александром. В семье Воскресенских имя Александр является наследственным[163].

Если с семьей Лавровых Ульяновы близких отношений не поддерживали, то по иному складывались отношения с семьей Ардашевых. Они вместе отдыхали летом в Кокушкино, где семья, после смерти А. Ф. Ардашева, жила постоянно. В отличие от других зятьев А. Д. Бланка Александр Федорович Ардашев был сыном священника. После окончания Вятской духовной семинарии получил разрешение Правительствующего сената работать в государственных учреждениях. С 7 (19) октября 1836 г. он становится канцеляристом Пермского губернского правления. Через год с небольшим уже столоначальник и ему присваивается первый классный чин – коллежский регистратор (XIV класс). В конце 1838 г., в соответствии с поданным прошением, А. Ф. Ардашева переводят в Пермскую казенную палату. Здесь он работает до 22 августа (3 сентября) 1854 г., когда своим постановле-

нием казенная палата назначает А. Ф. Ардашева пермским уездным казначеем. В этой должности он работает до ухода на пенсию 20 августа (1 сентября) 1869 г. в чине надворного советника. За свою деятельность А. Ф. Ардашев был награжден Знаком отличия беспорочной службы за XV лет и темно-бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг.[164]

В соответствии с действующим законодательством А. Ф. Ардашев не выслужил права на причисление его и детей к потомственному дворянству. Поэтому в анкетах его детей указывалось, что они являются обер-офицерскими детьми или сыновьями чиновника[165]. Всего у Ардашевых было шестеро сыновей, доживших до зрелого возраста: Федор, Алексей (10 (22) мая 1861–?), Александр (21 января (2 февраля) 1863 – 7 августа 1933), Дмитрий (1864 – 31 марта (12 апреля) 1915), Виктор (убит 15 (28) января 1918), Владимир (25 мая (6 июня) 1870 – 12 (24) декабря 1911); Юрий (Георгий).

Между ними и их двоюродными братьями и сестрами были прекрасные отношения. Это хорошо видно на примере взаимоотношений Александра Ардашева и Владимира Ульянова. Трудно сказать, сколько шахматных партий сыграли братья между собой, разобрали творений выдающихся шахматистов своего времени, решили совместно шахматных задач и этюдов.

Вспоминая зиму 1888/89 гг. Д. И. Ульянов писал, что Владимир Ильич в этот период много играл в шахматы и ходил в клуб с одним из двоюродных братьев (имя его Д. И. Ульянов не называет). Это делают составители 1-го тома биохроники В. И. Ленина, указывая, что им был А. А. Ардашев[166]. «В ту же зиму, – пишет Д. И. Ульянов, – Марк Тимофеевич Елизаров организовал партию по переписке между Владимиром Ильичом и сильным самарским шахматистом Хардиным. Ходы передавались по почте обыкновенными открытками»[167].

В то же время в своих письмах члены семьи Ульяновых упоминают Ардашевых достаточно часто. В своем письме от 13 (25) августа 1909 г. М. И. Ульяновой Анна Ильинична пишет о своей поездке вместе с М. Т. Елизаровым на Урал: «Повидала здесь Ардашевых (имеется в виду А. А. Ардашев. – *М. Ш.*) – была у них на даче. Как-нибудь расскажу подробнее»[168]. Спустя более тринадцати лет, вспоминая Кокушкино, она писала: «Более или менее оседло в Кокушкино жили две другие сестры моей матери – Любовь Александровна Ардашева-Пономарева и Анна Александровна Веретенникова. Эти обе тетки вели в деревне хозяйство, и Любовь Александровна жила там большую часть года, а иногда, помещая учащихся детей в город на квартиру, – и целый год. Ее сыновья, принимавшие деятельное участие в хозяйстве, в объезде лошадей и т. п., были действительно очень близки с крестьянской молодежью, и я думаю, что многое, рассказываемое крестьянами о моих братьях, относится в действительности к кузенам Ардашевым»[169].

Но в более поздних воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой не упоминается не только фамилия Ардашевых, но даже имена двоюродных братьев. Вот что писала она о тех, кто приезжал к ней и В. И. Ульянову во время их ссылки в Кокушкино: «...редкие приезды двоюродного брата да посещения исправника, обязанного проверять на месте ли я и не пропагандирую ли крестьян, – вот и все, кого мы видели». И далее: «...летом приехали двоюродные братья, – у Володи появились товарищи для прогулок, охоты, игры в шахматы, но все это были люди без общественной жилки и интересными собеседниками для Володи они быть не могли. Они, хотя и более старшие, сильно пасовали перед метким словцом и лукавой усмешкой Володи...»[170]

Так дипломатично и осторожно Анна Ильинична отодвигает от семьи Ульяновых в сложное время конца 20-х – начала 30-х гг. единственного, оставшегося в живых, двоюродного брата Александра Ардашева, его дочь, а также дочерей Виктора Ардашева, трагически погибшего в январе 1918 г. Вряд ли здесь сыграли роль политические взгляды братьев Ардашевых в 1917 г. и отношение к некоторым действиям Советской власти, которую возглавил их любимый двоюродный брат Владимир Ульянов.

Владимир Ильич, со своей стороны, всегда помогал своим двоюродным братьям и сестрам, а также их детям, как только узнавал о грозящей им опасности. Об этом речь пойдет ниже.

А. И., М. И. и Д. И. Ульяновы в этом отношении были солидарны с Владимиром Ильичом. Говоря конкретно об Ардашевых, Ульяновы хорошо знали, с каким трудом их братья получили высшее образование, как тяжело жилось им материально после смерти А. П. Пономарева. Это подтвердил и казанский полицмейстер в выданной 30 июня (12 июля) 1891 г. Владимиру Ардашеву справке. В ней говорилось, что «состояния он, Ардашев, бедного, мать его, хотя и имеет имение Кокушкино, которое заложено и за неурожаем не приносит никакого дохода, но содержит себя и находящихся при ней сына студента и 2-х его братьев и сестру на получаемую ею пенсию 42 руб. 80 коп. в месяц, других же средств к жизни не имеет»[171].

Одно только это должно было бы сделать Ардашевых сторонниками идей своего двоюродного брата Владимира Ульянова, направленных на коренное переустройство России. Но этого не произошло. Революция сделала шатким положение тех из них, кто дожил до нее.

По имеющимся в нашем распоряжении документам можно проследить судьбы членов семьи Ардашевых. О том, как сложилась судьба врача Ф. А. Ардашева, мы уже рассказывали.

Дмитрий Александрович Ардашев, как и все его братья, родился в Перми. После окончания 1-й Казанской мужской гимназии поселился с 1883 г. в Кокушкино, где практически постоянно жила его мать. В Кокушкино Д. А. Ардашев женился. Здесь в 1896 г. у него родилась дочь Любовь, которая впоследствии стала

юристом и замещала в качестве нотариуса с 30 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) в течение двухмесячного отпуска, связанного с поездкой в Петроград, своего дядю А. А. Ардашева. В 1897 г. родился сын Николай.

В 1898 г. Д. А. Ардашев переехал из Кокушкино в Екатеринбург, где стал членом Екатеринбургской городской управы. В 1913 г. он развелся с Е. Н. Ардашевой и переехал в город Шадринск (Екатеринбургской губ., ныне Курганской обл.), куда был назначен нотариусом. В этой должности он проработал два года до своей смерти. Наследникам он оставил два дома в Екатеринбурге[172].

Владимир Александрович Ардашев окончил 1-ю Казанскую мужскую гимназию в 1889 г. Его одноклассником был Н. Е. Федосеев, один из первых марксистов России, которого высоко ценил В. И. Ульянов. В том же году В. А. Ардашев поступил на юридический факультет Казанского университета. В том же году, в связи с тем, что «его родственники, с которыми тесно связана его жизнь, переезжают в Петербург»[173], он переводится на юридический факультет С.-Петербургского университета и заканчивает его в 1893 г. с дипломом 1-й степени.

В связи с окончанием университета В. А. Ардашев обратился к Председателю Екатеринбургского окружного суда с просьбой предоставить ему работу. Последний, в свою очередь, попросил ректора С.-Петербургского университета и попечителя С.-Петербургского учебного округа выслать ему документы В. А. Ардашева, а также свидетельство о его благонадежности[174]. Просьба была выполнена. И В. А. Ардашев с 1893 по 1911 гг. работал в Верхотурье, Камышлове и Екатеринбурге следователем и товарищем прокурора Екатеринбургского окружного суда.

В. А. Ардашев был женат на Марии Алексеевне Скачковой (род. 1882 г.). У них было две дочери: Ольга (род. 1908 г.) и Лидия (род. 1910 г.)[175].

Практически ничего неизвестно о судьбе Георгия (Юрия) Александровича Ардашева, кроме того, что он проходил службу в Екатеринбурге и на Надеждинском заводе военным ветеринарным врачом. После 1918 г. сведений о нем никаких нет[176].

Учитель и партнер Владимира Ульянова в шахматы Александр Ардашев окончил физико-математический факультет Казанского университета со степенью кандидата физико-математических наук. Во время обучения был стипендиатом Министерства народного просвещения. В соответствии с законом он обязан был отработать в одном из подведомственных министерству средних учебных заведений из расчета полтора года работы за каждый год получения стипендии. Но этого не произошло. 22 января (3 февраля) 1889 г. А. А. Ардашев был избран Пермским губернским земским собранием в участковые мировые судьи Екатеринбургского округа. Мировым судьей он работал до 1 сентября 1893 г., когда был назначен городским судьей г. Ирбита (Екатеринбургская губ.).

В этом же году А. А. Ардашев женился на Е. Ф. Фотиевой. У них было двое детей: сын Георгий (Юрий) (9 (21) ноября 1894 – июнь 1918) и дочь Ксения (род. 1896 г.).

А. А. Ардашев проработал в должности городского судьи г. Ирбита менее двух лет. С 25 октября (6 ноября) 1895 г. он переходит на должность младшего нотариуса Екатеринбурга[177], одновременно с 7 (19) июля 1898 г. он был утвержден директором Отделения тюремного комитета. В должности нотариуса А. А. Ардашев проработал до отъезда из Екатеринбурга в Москву в конце 1919 или начала 1920 гг.

28 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) А. А. Ардашев подает рапорт на имя председателя Екатеринбургского окружного суда В. Н. Казем-Бека с просьбой в связи с его болезнью допустить к исполнению его обязанностей Л. Д. Ардашеву. К рапорту прилагает медицинское удостоверение от 29 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.) о том, что А. А. Ардашев «болен расстройством нервной системы весьма сложного характера и нуждается в поездке в гор. Петроград для совета с врачами-специалистами по нервным болезням»[178].

Как видим, выданное А. А. Ардашеву удостоверение построено в достаточно обтекаемой форме. Единственное, что сказано конкретно в нем – это название города, куда необходимо поехать для лечения, – Петроград. Разрешение на отпуск было получено, и А. А. Ардашев уехал в Петроград. На мой взгляд, эта поездка была связана не столько со здоровьем А. А. Ардашева, сколько с необходимостью помочь брату Виктору. Он работал в г. Верхотурье Пермской губернии (ныне Екатеринбургская обл.) младшим нотариусом. Одновременно занимал должность председателя Общества попечения о народном образовании в Верхотурском уезде[179] и являлся руководителем Верхотурской организации партии народной свободы, более известной как партии кадетов. В канун Рождества власти Верхотурья, наверняка не предполагая о том, чьим родственников являлся В. А. Ардашев, обязали его как «буржуазный элемент» уплатить налог в размере 1000 руб. Из-за отсутствия денег он этого сделать не мог. Неуплата же грозила арестом. Необходима была помощь. И в начале января 1918 г. А. А. Ардашев был на приеме у М. Т. Елизарова, мужа своей двоюродной сестры Анны Ильиничны, бывшего наркомом путей сообщения. Тогда же состоялась беседа с В. И. Ульяновым[180]. О чем шел разговор, осталось неизвестно. Но судя по всему, А. А. Ардашев остался беседой доволен.

По возвращении А. А. Ардашева в Екатеринбург его ждало сообщение о произошедшей трагедии. 6 (18) января 1918 г. было разогнано Учредительное собрание. По этому поводу демократические партии организовали акции протеста. Председателем верхотурского стачечного комитета стал один из видных деятелей партии народных социалистов присяжный поверенный В. Я. Бахтеев, его заместителем – В. А. Ардашев. Стачком соста-

вил и 9 (21) января 1918 г. опубликовал листовку в защиту Учредительного собрания[181]. Верхнетурский исполком принял решение об аресте В. Я. Бахтеева и В. А. Ардашева. Оба были немедленно арестованы. Вечером 15 (27) января 1918 г. В. А. Ардашев был доставлен в Екатеринбург для допроса, а В. Я. Бахтеев был оставлен в Верхнетурье.

Допрос В. А. Ардашева проходил в Следственной комиссии Ревтрибунала, которую возглавлял Я. М. Юровский. Юровский одновременно являлся заместителем областной Чрезвычайной комиссии, заместителем комиссара юстиции и заместителем председателя областного военного комиссара[182]. Он обладал огромной властью. Не исключено, что именно этот человек, вошедший в историю как комендант Дома особого назначения, руководивший расстрелом царской семьи, дал указание, под предлогом попытки побега В. А. Ардашева во время сопровождения в тюрьму, убить его.

После длительного допроса В. А. Ардашева около 10 часов вечера 15 (27) января 1918 г. как «реакционера-саботажника» отправили в пригородный поселок Верх-Исетский завод, где находилась тюрьма. Но по дороге туда он был убит[183].

В тот же вечер в 10 час 30 мин сообщение об этом поступило члену ВЦИКа, председателю Уральского обкома партии, члену Президиума исполкома Облсовета, областному комиссару юстиции Ф. И. Голощекину. Он отдал распоряжение о создании комиссии для расследования данного происшествия. В состав комиссии вошли председатель Следственной комиссии Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Революционного трибунала г. Екатеринбурга, двое понятых и врач-эксперт тюремной больницы И. Г. Упоров[184].

Но результаты работы комиссии стали известны только после того, как возмущенные убийством В. А. Ардашева Екатеринбургская организация социал-демократов меньшевиков и екатеринбургский комитет партии социалистов-революционеров обратились в Исполнительный комитет Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов с требованием создания «специальной следственной комиссии из представителей Совета и всех существующих в Екатеринбурге политических партий и представителя городского самоуправления в целях всестороннего расследования дела об убийстве гр. Ардашева, а также в целях снятия подозрения в возможности в данном случае намеренного политического убийства»[185].

В официальном сообщении, опубликованном властями, виновником гибели был объявлен сам В. А. Ардашев. В газете было напечатано следующее: «Около здания цирка на Московской площади арестованный пытался бежать, тогда один из красноармейцев выстрелил в бежавшего. Пуля попала в лопатку, но все же В. А. Ардашев продолжал бежать. Один из конвоиров выстрелил вторично и В. А. Ардашев упал. Пуля попала в

голову и прибывший вскоре врач (Упоров. – *М. Ш.*) констатировал смерть»[186].

Читая официальное сообщение, возникает вопрос: зачем человеку уже в возрасте, придерживающемуся демократических убеждений, бежать от молодых здоровых вооруженных парней, которые при желании без особого труда могли догнать его. Тем более, что место, где разыгралась трагедия, было открытым и заснеженным. Без ответа также остается вопрос о том, почему из двоих конвоиров, сопровождавших арестованного в тюрьму, допрошен был только Плаксин, стрелявший в В. А. Ардашева. Его показания, как пишет И. Ф. Плотников, были путанными. Видимо поэтому «потом протокол допроса и вовсе исчез» из дела[187].

Если же говорить о реакции Исполкома Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов на обращение местных организаций социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров, то она была негативной. Никакой новой следственной комиссии создано не было, ибо власти не были заинтересованы в установлении истины. Скорее их интересовало ее сокрытие, так как практически сразу же было вынесено постановление о прекращении дела В. Я. Бахтеева и В. А. Ардашева со следующей формулировкой: «...первого по степени виновности комиссия ниоткуда материала извлечь не могла, второй уже был убит за побег»[188].

Иными словами, они были признаны невиновными. В. Я. Бахтеев продолжал как и прежде работать присяжным поверенным. В конце июля 1918 г. после захвата власти на Урале колчаковцами он становится председателем Екатеринбургского комитета партии народных социалистов. С восстановлением советской власти в Екатеринбурге переезжает в Москву, где работает до 1928 г. членом коллегии защитников[189].

В апреле 1918 г., в связи с тем, что в 1-м эскадроне, располагавшемся в Екатеринбурге, были случаи нарушения воинской дисциплины: пьянство, неисполнение приказов, а 31 марта красноармейцы этого эскадрона незаконно производили обыски с изъятием денег в частных домах, Военный комиссар Екатеринбурга Ф. И. Голощекин приказал 1-му стрелковому полку окружить эскадрон и разоружить красноармейцев. Приказ был выполнен, а наиболее активные зачинщики беспорядков были арестованы.

В это же время в Екатеринбурге служил прапорщик Георгий (Юрий) Александрович Ардашев, участник Первой мировой войны, старший сын нотариуса А. А. Ардашева. Отношение его к большевикам было лояльным.

«Военный комиссариат поручил гр. Ардашеву и Гергенсу организовать новый эскадрон на началах революционной дисциплины и порядка»[190]. Г. А. Ардашев был назначен командиром эскадрона. Через месяц, 12 мая 1918 г., часть эскадрона под командованием И. А. Гергенса была присоединена к 1-му Ураль-

скому стрелковому полку и под командованием В. К. Блюхера была направлена против Оренбургской армии атамана Дутова. Г. А. Ардашев со своим эскадроном был оставлен для прохождения гарнизонной службы в Екатеринбурге.

29 мая 1918 г. в Екатеринбурге было объявлено военное положение. Все воинские части гарнизона, за исключением Верх-Исетского отряда и эскадрона под командованием Г. А. Ардашева, были направлены в район Южного Урала против Чехословацкого корпуса[191].

В начале июня по инициативе местного «Союза фронтовиков» прошли митинги. На них наряду с демократическими звучали и антибольшевистские лозунги, было выдвинуто требование властям не вывозить ценности, находящиеся в банка Екатеринбурга. Опасаясь дальнейшего обострения событий, руководство города на подавление митингов срочно направило войска, в числе которых был и эскадрон Г. А. Ардашева. Красноармейцы эскадрона применить силу против митингующих отказались, а затем присоединились к ним. Г. А. Ардашева и его адъютанта удалось арестовать 1 июня 1918 г. Об этом достаточно подробно рассказал в своих воспоминаниях участник этой акции А. И. Медведев[192], по всей видимости, после ареста Г. А. Ардашев был немедленно расстрелян.

Спустя три недели были арестованы А. А. Ардашев и члены его семьи. Инициатором ареста, вероятно, был Я. М. Юровский. Спустя шестнадцать лет в своих воспоминаниях от 14 января 1934 г. Я. М. Юровский рассказал о том, что А. А. Ардашев сказал ему «примерно следующее: “Да, Ленина я ведь знаю, он даже мой племянник, человек он, несомненно, честный и бессребреник, но расстрелять его надо, т. к. он несет несомненное зло России”»[193].

Читая воспоминания Юровского, возникают сомнения в том, что подобные слова могли принадлежать А. А. Ардашеву. Он был двоюродным братом, а не дядей В. И. Ульянова, к которому хорошо относился. Кроме того А. А. Ардашев прекрасно знал, что представляет из себя Юровский как человек и личность.

Неизвестно, кто сообщил В. И. Ульянову об аресте Ардашевых. Но узнав об этом, он немедленно 2 июля 1918 г. в 21 час 30 мин дал телеграмму на имя заместителя председателя Исполкома совета Уральской области Г. И. Сафарова, являвшегося одновременно зампредом Уральского обкома РСДРП(б), следующего содержания: «Прошу расследовать и сообщить мне причины обыска и ареста Ардашевых особенно детей в Перми. Предсовнаркома Ленин»[194]. По неизвестной причине В И. Ульянов ошибочно указал место ареста. Через четырнадцать часов, в 11 час 45 мин 3 июля, он дает повторную телеграмму на имя Г. И. Сафарова: «Поправляю предыдущую мою телеграмму: Ардашевы арестованы [в] Екатеринбурге, а не в Перми. Предсовнаркома Ленин»[195].

К сожалению, в архивах не сохранилось ответа Г. И. Сафарова. Известно только, что Ардашевы были немедленно освобождены.

После окончательного установления Советской власти на Урале А. А. Ардашев вместе с семьей переехал в Москву. Здесь он работал в аппарате Совнаркома. По достижении пенсионного возраста получил персональную пенсию, как родственник В. И. Ульянова (Ленина).

Его постоянное увлечение шахматами привело к тому, что, находясь на пенсии, он получил в 1928 г. за усовершенствование шахматных часов два патента. А. А. Ардашев изобрел счетчик, который давал возможность фиксировать точное количество сделанных шахматистом ходов и время, потраченное на каждый из них. До конца своих дней он сохранил любовь к этой древней игре. Умер А. А. Ардашев в Москве и похоронен на Пятницком кладбище.

Его дочь Ксения и внучка Янина впоследствии получили персональные пенсии по той же причине, что и А. А. Ардашев.

Сложнее оказалась судьба дочерей В. А. Ардашева: Тамары (род. 1907 г.), Маргариты (род. 1908 г.) и Галли (род. 1909 г.). Специального образования сестры не получили. У все троих семьи сложились в Свердловске, и они носили фамилии мужей: Волкова, Шушпанова и Курзенева. Никогда и нигде не упоминали о своем родстве с семьей Ульяновых.

Тамара Викторовна – фотограф и художник-ретушер, проработала по специальности 27 лет и ушла на пенсию в феврале 1962 г. Ее муж, Н. Е. Волков, погиб в годы Великой Отечественной войны. У нее остались сын Евгений и внук.

Муж Маргариты Викторовны, И. А. Шушпанов (1906 г. рожд.) работал инженером-строителем в тресте «Уралтяжтрубстрой». У них трое сыновей: Владимир (род. 1934 г.), Сергей (род. 1934 г.) и Александр.

Труднее сложилась жизнь Галли Викторовны, которая работала закройщицей в одном из ателье Свердловска. В связи с тяжелыми заболеваниями (полиартрит, деформирующий спанделез, склероз сердца и сосудов головного мозга) она вынуждена была оставить работу. Пенсия, которую ей установили за неполный рабочий стаж (18 лет) составляла 27 руб. Ее муж, В. И. Курзенев, получал пенсию 70 руб. У сына Бориса была своя семья.

В декабре 1960 г. в Свердловск с целью выявления родственников Ульяновых приехал известный исследователь Г. Е. Хайт. Ему были переданы подлинные фотографии членов семьи Ардашевых.

Видимо, беседы с Г. Е. Хайтом подтолкнули Г. В. Курзеневу, как двоюродную племянницу В. И. Ульянова (Ленина), обратиться за помощью в Свердловский Обком КПСС и Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Два года длилась переписка. Сестрам Ардашевым были

установлены персональные пенсии, всем трем семьям были выделены квартиры.

В 1994 г. из интервью, помещенного в «Комсомольской правде», наши соотечественники впервые узнали об одном из правнуков А. Д. Бланка Николае Всеволодовиче Первушине и его удивительной судьбе[196]. Н. В. Первушин родился в апреле 1899 г. в Казани в семье известного невропатолога Всеволода Прокопьевича Первушина, внучатого племянника члена Парижской академии наук математика Ивана Михеевича Первушина.

Н. В. Первушин окончил юридический факультет Казанского университета, одновременно занимаясь экономикой, литературой, историей. Когда в апреле 1917 г. он познакомился с «Апрельскими тезисами» В. И. Ульянова, то понял, что ему с двоюродным дядей не по пути. Однако после октябрьских событий 1917 г. никакой антисоветской деятельностью не занимался. Тем не менее, в феврале 1920 г. Казанская губчека арестовывает его и его брата Георгия (впоследствии кандидата медицинских наук) по обвинению в связи «с Распоповыми, студентами физико-математического факультета (Казанского университета. – *М. Ш.*), контрреволюционерами».

В действительности дело обстояло следующим образом. Однажды к Первушину зашел знакомый студент университета. В разговоре на разные темы зашла речь и о том, что из-за находящихся у власти коммунистов жизнь в России стала невыносимой. Студент, считая, что нашел в Первушине единомышленника, рассказал ему о наличии в Казани группы лиц, готовых бороться с советской властью. Первушин не высказал желания примкнуть к этой группе, тем не менее, по рекомендации студента его включили в списки создаваемой организации. Когда организация была раскрыта, Н. В. Первушин и его брат, врач Г. В. Первушин, который в этом разговоре участия не принимал, 26 февраля 1920 г. были арестованы. Над братьями нависла смертельная опасность. Правда, Георгию «повезло». Он заболел сыпным тифом, и чекисты были вынуждены поместить его в больницу. После выздоровления к вопросу об аресте Г. В. Первушина больше не возвращались. Николая пришлось спасать матери, Александре Андреевне Первушиной (урожд. Залежской). Она знала методы работы Казанской ЧК. Именно казанский чекист М. И. Лацис в статье «Красный террор» предложил основанием для обвинения человека считать классовое происхождение, воспитание, образование. Н. В. Первушин полностью подпадал под условия для обвинения, выдвинутые Лацисом. Против этой точки зрения тогда же выступил В. И. Ульянов[197]. Убитая горем мать 29 февраля 1920 г. обращается к своим двоюродным сестрам А. И. Ульяновой-Елизаровой и М. И. Ульяновой с просьбой о помощи. Утром 6 марта с телеграммой А. А. Первушиной (Залежской) знакомится Владимир Ильич. И немедленно (до 12 час 30 мин) дает телеграмму в Казанскую губчека с копией в губком-

парт РКП и А. А. Первушиной[198], в которой просит телеграфно сообщить причины ареста преподавателя факультета общественных наук Н. В. Первушина и заключение губчека. Одновременно спрашивает, нельзя ли освободить Н. В. Первушина «под поручительство нескольких коммунистов, коих укажет его мать Залежская-Первушина»[199]. 11 марта 1920 г. председатель Казанской губчека Г. М. Иванов сообщил, что задержанный по подозрению в участии в белогвардейской организации Н. В. Первушин «после установления его в непричастности к этой организации 3 марта освобожден из-под стражи»[200]. Ознакомившись с этой телеграммой, В. И. Ульянов пишет распоряжение секретарю с просьбой «Показать мне ту телеграмму, на которую эта отвечает»[201]. Инцидент, казалось бы, исчерпан. Но вот что интересно. В. Н. Первушин утверждает, что просидел в Казанской губчека два месяца и только после этого был отпущен домой, где и увидел текст телеграммы дяди. Не исключено, что В. И. Ульянову сообщили об освобождении Г. В. Первушина, а о Н. В. Первушине молчали, обманув В. И. Ульянова и отделываясь обещаниями от матери. ВЧК уже тогда набирала силу.

Дальнейшие исследования показали, что в «Указателе имен» к 51-му тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина на стр. 514 об А. А. Первушиной-Залежской и о Н. В. Первушине сведения даны очень скудные. Инициалы и годы жизни А. А. Первушиной-Залежской не указаны. А о Н. В. Первушине говорится, что он родился в 1889 г. (на самом деле – в 1899 г.) и являлся с 1919 по 1922 гг. преподавателем Казанского университета. Это все, что сообщено о двоюродной сестре В. И. Ульянова и его двоюродном племяннике. Составители комментариев не могли не знать об этом родстве. Не указаны родственные связи А. А. Первушиной с Ульяновыми и в «Биографической хронике» В. И. Ульянова. Поэтому читателю неясно, почему некая А. А. Первушина обращается с просьбой о помощи к сестрам Ульяновым. Он может предположить, что они были просто знакомы.

«Небожителю», каким официальная пропаганда стала изображать В. И. Ульянова, не полагалось иметь двоюродных братьев и сестер, племянников и племянниц. Только в 1987 г. во втором, дополненном издании сборника «Ленин и ВЧК» эти умышленно замалчивавшиеся ранее факты были преданы огласке. В сборнике прямо говорится, что А. А. Первушина-Залежская (1872–1954) – двоюродная сестра В. И. Ульянова. Дается краткая биографическая справка о Н. В. Первушине. (Родился в 1899 г., в 1916 г. окончил Казанское коммерческое училище Министерства торговли и промышленности, с 1919 по 1922 гг. являлся преподавателем кафедры истории народного хозяйства и экономической мысли Казанского университета. Впоследствии эмигрировал за границу[202].)

После возвращения из камеры Казанской губчека Первушин принимает решение эмигрировать. В это время он получил при-

глашение прочитать трехмесячный курс лекций в Берлинском университете (вышедшая в 1927 г. в Москве книга Н. В. Первушина «Германские концерны и организация промышленного производства» написана на основе собранных в Германии материалов). Но начальник Казанской ЧК, все тот же Г. М. Иванов, в выдаче заграничного паспорта категорически отказал. Правда, было выдвинуто одно условие. Паспорт выдадут, если за Первушина поручится Ульянов. Пришлось обратиться за помощью к тете Анне Ильиничне. Та, уточнив, что подпись должна быть «Ульянов», а не «Ленин», обратилась к Дмитрию Ильичу (Владимир Ильич был в это время болен). И Д. И. Ульянов выручил племянника, послав начальнику Казанской ЧК Иванову требуемую телеграмму с поручительством. Подпись под текстом была «Ульянов», без инициалов.

Во время пребывания в Москве Н. В. Первушину не удалось, из-за запрета врачей, повидать своего дядю, которого он до событий 1917 г., как и все члены семьи Первушиных, считал революционным героем.

Оказавшись в Берлине, Н. В. Первушин обратился в советское торгпредство и был принят туда на работу экономистом. Это дало возможность его жене, остававшейся в Казани, официально выехать к мужу.

В 1926 г. Н. В. Первушин был направлен Советским правительством для работы в аппарат главного уполномоченного Нефтесиндиката в Париж. В начале 1930 г. ему предложили вернуться в Москву для работы в аппарате Нефтесиндиката. Но он уже хорошо понимал, чем грозит возвращение на родину, и, как было ни тяжело (в России жили мать, отец, брат), принял решение остаться во Франции. Поэтому правильнее называть его не эмигрантом, как это сделано в сборнике «В. И. Ленин и ВЧК», а невозвращенцем.

Двадцать лет Н. В. Первушин с семьей прожил во Франции. После Второй мировой войны успешно выдержал экзамен и стал переводчиком Организации Объединенных Наций, а также преподавателем русского языка для дипломатов. Но вид на жительство в США получил только в 1976 г., когда решил, наконец, рассказать сотрудникам ЦРУ историю с телеграммой, посланной Д. И. Ульяновым в 1923 г. Видимо, после этого признания ЦРУ поверило, что Первушин не скрытый коммунист, не агент КГБ, а единственный племянник В. И. Ульянова, добровольно оставшийся за рубежом.

За время работы в ООН Н. В. Первушину довелось побывать в разных странах. Не был он только на своей родине. Многие дипломаты и сотрудники ООН обязаны Первушину знанием русского языка. Ему приходилось встречаться с видными государственными деятелями. Память Н. В. Первушина сохранила рыдание А. Я. Вышинского, когда он узнал о смерти И. В. Сталина. «Это был ужасный человек», – сказал о Вышинском Пер-

вушин. Памятным оказалось для него и 11 октября 1960 г., когда Н. С. Хрущев во время выступления министра иностранных дел франкистской Испании, сняв ботинок и стуча им по столу, доказывал «преимущество пролетарской дипломатической этики перед буржуазной дипломатией во фраках» (как пояснил молодым лекторам-международникам заведующий лекторской группой Ленинградского обкома КПСС В. И. Сурин). Н. В. Первушин вел в этот день синхронный перевод на русский язык. Хрущев остался переводом очень доволен. Пригласил к себе переводчика и даже на прощание обнял. До конца дней Н. С. Хрущев, видимо, так и не узнал, чьим родственником был так понравившийся ему переводчик ООН.

В середине 1960-х гг. Н. В. Первушин ушел из ООН и вновь занялся научной и педагогической деятельностью. Он написал сотни научных статей, опубликованных в различных американских, канадских и европейских изданиях. Но теперь предметом его исследований была не экономика, как раньше, а русская история и литература. Об этом свидетельствует вышедший в 1989 г. в издательстве «Эрмитаж» сборник эссе Н. В. Первушина «Страницы русской истории». В эти годы Н. В. Первушин работал в университетах Монреаля и Оттавы и за научные и педагогические заслуги был удостоен звания профессора.

При Норвичском университете (штат Вермонт, США) он вместе с коллегами создал Русскую школу, где желающие могли изучить русский язык и культуру. В течение многих лет он работал директором этой школы, а потом преподавателем. В 1975 г. Н. В. Первушину была присвоена степень доктора гуманитарных наук Норвичского университета. Н. В. Первушин является одним из создателей Международного общества по изучению жизни и творчества Ф. М. Достоевского[203].

В 1987 г. Н. В. Первушин опубликовал в журнале «Грани» статью «Кто был Александр Бланк?». В ней он сообщал читателю, что обратился в Академию наук СССР с вопросом, где он может найти документы о своем прадеде, но ответа не получил. Вопрос о том, сообщать ли Н. В. Первушину о его прадеде, решала не Академия наук, а ЦК КПСС.

Тогда Н. В. Первушин прибегнул к собственному расследованию. Но те сведения, которые он нашел, далеко не всегда соответствовали действительности. Например, он полагал, что отец А. Д. Бланка был, вероятно, военным лекарем Черниговского полка и скончался в 1812 г. Неправильно называет он и начало работы Бланка полицейским врачом («между 1826 и 1833 годами»), считает, что И. Ф. Гроссшопф представлял в Петербурге торговый дом Шнейдера и скончался в 1845 г. По его мнению, Бланк с семьей переехал на Урал после 1833 г., дочь Мария родилась в 1837 г., что неверно, и т. д. Надо отметить, что Н. В. Первушин был, несомненно, прав, поставив вопрос: «Неужели нельзя открыть архивы и сообщить подробно о происхождении

и жизни незаурядного врача и большого оригинала доктора Александра Бланка?»[204] В 1990 г. на страницах «Литератора» нами была сделана попытка ответить на этот вопрос. Осталось неизвестным, узнал ли Николай Всеволодович об этом. После смерти жены в 1977 г. он жил в Монреале.

У Н. В. Первушина есть дочь, художник и искусствовед, а также двое внуков и двое правнуков. Кроме этого, в России живет племянник, приглашавший Н. В. Первушина в гости. «Но уже возраст, – сказал Первушин корреспонденту "Комсомольской правды" П. Веденяпину. – Уже поздно. Хотя я еще вполне здоров – могу много ходить, писать, читать. Словом, стараюсь вести по мере сил активную жизнь. А Россия... Я всегда чувствовал себя русским, одно время был французом, потом американцем, но все это ради того, чтобы только выжить...» «...Родство с Лениным спасло меня от ранней смерти», – подчеркнул Н. В. Первушин. Однако это не сделало его сторонником двоюродного дяди. Недаром свою книгу, вышедшую в 1989 г., он озаглавил «Между Лениным и Горбачевым. Мемуары родственника и критика Ленина». Скончался Н. В. Первушин в Монреале 14 июня 1993 г.[205]

Глава VI

ГРОССШОПФЫ И ЭСТЕДТЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

1. Родина предков – Великое княжество Мекленбург

В 1960 г. в Советском Союзе и во всем мире широко отмечалось 90-летие со дня рождения В. И. Ульянова (Ленина). Этой дате было посвящено огромное количество статей и книг во всем мире. Но только в нашей стране и Германии появились работы, рассматривавшие генеалогию рода Ульяновых. У нас – переиздание переработанного романа М. С. Шагинян «Семья Ульяновых», в Германии – статья известного немецкого историка, уроженца Пскова Георга фон Рауха «Lenins L becker Ahnen» («Любекские предки Ленина»)[1]. В ее основу Г. фон Раух положил книгу М. С. Шагинян и работы специалиста по российской просопографии (исследования определенных слоев общества) и генеалогии, уроженца Одессы профессора Э. Н. Амбургера, а также свои архивные находки.

Спустя десять лет, в январе 1970 г., а затем в 1972 г. Адальберт Брауэр опубликовал статьи: «Lenins vorfahren im L becker und meklenburgischen Raum und ihre Anverwandten» («Любекские и мекленбургские предки Ленина и их родственники») и «Lenins deutsche und schwedische Ahnen» («Немецкие и шведские предки Ленина»)[2]. В них очень подробно (особенно в первой из статей) рассматриваются вопросы, связанные с немецкой линией родословной семьи Ульяновых.

В соответствии с существовавшими в те годы в нашей стране инструкциями журналы со статьями Г. фон Рауха и А. Брауэра поступили в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Но доступ к ним на долгие годы был закрыт для исследователей. Авторами официальных ленинских биографий эти материалы тоже не использовались. Упомянутые выше работы содержали взрывоопасную информацию. В статьях А. Брауэра были даны подробные сведения о предках Ульяновых, живших в Германии в XVII–XIX вв., а также о его дальних родственниках – политических и военных деятелях XX в., имевших прямое отношение к трагическому периоду подготовки Германией Второй мировой войны, сражениям на советско-германском фронте в 1941–1945 гг., на Западном фронте 1944–1945 гг., дипломатическим баталиям, заговору против Гитлера, созданию немецкой атомной бомбы и сыгравшим значительную роль в послевоенной истории Германии.

Однако, когда в начале 90-х гг. XX в. положение в области идеологии в нашей стране изменилось, статьи Г. фон Рауха и

А. Бауэра и работы других зарубежных авторов по этой теме стали доступны читателям – они вышли из спецхрана.

В связи с подготовкой выпуска в свет первого номера сборника «Из глубины времен» его главный редактор д. и. н. А. В. Островский поехал в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС для выверки публикуемых в сборнике документов А. Д. Бланка. Здесь он ознакомился также со статьей А. Брауэра и, сделав выписки, передал их автору этих строк для работы. Благодаря помощи сотрудников отдела внешнего обслуживания Российской Национальной библиотеки удалось получить фотокопию статьи Г. фон Рауха из журнала, хранящегося в Государственной библиотеке России, и ксерокс опубликованной в 1972 г. статьи А. Брауэра из Библиотеки Университета Эрлангена-Нюрнберга. Сотрудники Межбиблиотечного абонемента БАН связались с Крестьянской государственной библиотекой Мюнхена (Braurische Staatsbibliotek) и предоставили нам первую статью А. Брауэра. Позднее из книги Д. А. Волкогонова «Ленин. Политический портрет» выяснилось, что швейцарский историк Л. Хааз опубликовал в газете «Neue Zurcher Zeitung» статью под названием «Предки Ленина»[3]. Эту газету ни одна библиотека Петербурга не получает. К счастью, оказалось, что работа Хааза подробно изложена в статье А. Ермолаева в журнале «Посев»[4]. Кстати, Д. А. Волкогонов при написании своей книги пользовался не статьей Л. Хааза, а пересказом А. Ермолаева. По непонятным причинам он не учел в своей работе статей Г. фон Рауха и А. Брауэра.

В апреле 1992 г. крупнейшая израильская русскоязычная газета «Вести» опубликовала статью бывшего ленинградского, а ныне проживающего в Израиле, журналиста М. Р. Хейфица «В данное время не момент, или Секретный дедушка». В ней также содержались ранее неизвестные сведения о родственных связях Ульяновых.

Из статей Г. фон Рауха, А. Брауэра, Л. Хаазе, А. Ермолаева и М. Хейфица можно составить полноценную картину немецкой ветви генеалогического древа рода Ульяновых. Но необходимо, разумеется, внести определенные коррективы, поскольку их исследования не лишены ошибок.

Г. фон Раух и А. Брауэр широко использовали материалы архивов Карлова, Пархима, Ратценбурга (Рацебурга), Рене, Шверина, Штёве, входивших в состав Великого герцогства Мекленбургского, состоявшего из двух Великих герцогств, – Мекленбург-Шверина и Мекленбург-Стрелица, и входившего в него княжества Ратценбург, где в XIV–XVIII вв. жили немецкие предки семьи Ульяновых. С XVIII в. они прочно связали свою судьбу с вольным ганзейским городом Любеком, архивы которого также изучили Г. фон Раух и А. Брауэр.

История этих земель и городов представляет определенный интерес. Земля обоих герцогств лежит на берегу Балтийского

моря и граничит с востока, юга и запада с Померанией, Бранденбургом, Ганновером и Шлезвиг-Голштинией, а на северо-западе с областью вольного города Любека. В далекие времена на этой территории жили германцы, которых во время великого переселения народов вытеснило славянское племя бодричей. После завоевания территории бодричи основали город Микилинбор (ныне деревня, расположенная недалеко от города и порта Висмара), давший свое имя герцогству Мекленбург и земле Федеративной Республики Германии. В 1160 г. баварский и саксонский герцог Генрих Лев из рода Вельфов, соперничавший с императором Фридрихом I Барбаросой, разгромил войска бодричей под командованием князя Никлота и захватил их территорию. Только в 1170 г. Генрих Лев вернул земли сыну князя Никлота Прибыславу, своему вассалу, принявшему к тому времени христианство. Именно Прибыслав является основателем герцогской династии в Мекленбурге, представители которой дожили до наших дней. Это была единственная в Германии династия славянского происхождения. Именно ее представитель, герцог Мекленбург-Шверинский Карл Леопольд, стал мужем племянницы Петра I Екатерины Иоанновны. Их дочь Елизавета-Екатерина-Христиана вошла в историю России под именем правительницы Анны Леопольдовны – матери императора Иоанна VI Антоновича.

Родственные связи со шверинской и стрелицкой ветвями мекленбургского дома династия Романовых поддерживала в течение XIX и XX вв. Герцоги мекленбургские, жившие в нашей стране, в основном служили в армии. После революции они эмигрировали. Но сегодня сохранилась только их стрелицкая ветвь, давшая русскому дворянству семью графов Карловых, носящих с 23 декабря 1929 г. титул «герцоги Мекленбург, графы и графини фон Карлов», а с декабря 1950 г. титул высочеств.

Но если мы признаем представителей рода Мекленбургов потомками ободритских князей, то необходимо признать жителей земли Мекленбург, чьи предки жили на этой земле, как, например Гроссшопфы, в течение сотен лет, также потомками древнеславянского племени бодричей (ободритов).

К сожалению, не обо всех городах, где проживали немецкие предки Ульяновых, мы имеем возможность рассказать, так как сведений о некоторых из них нет даже в энциклопедии. А между тем все они относятся к числу старых городов Германии, основанных в XI–XIII вв. Пархим был основан в начале XIII в. и уже в 1218 г. получил любекское городское право (грамота герцога Генриха Льва, не дошедшая до нас. С 1283 по 1354 гг. Пархим являлся резиденцией одной из ветвей Мекленбургского дома. Наибольшего расцвета он достиг в XVI в. в период Реформации в Германии).

Ратцебург был заложен на острове, расположенном в центре Ратцебургского озера, в 1062 г., позднее был соединен с его бе-

регами двумя плотинами. Во времена, о которых речь пойдет ниже, Ратцебург относился к императорскому епископству Ратцебург, основанному в 1154 г. и ставшему в 1648 г. наследственным княжеством, которое в 1700 г. по Гамбургскому договору перешло к герцогам Мекленбург-Стрелицким, став составной частью Великого герцогства Мекленбург.

В соборе Ратцебурга, основанном в XIII в. и являющимся одним из красивейших храмов Северной Германии, А. Брауэром были обнаружены документы за 1362 г. о представителе рода арендаторов и владельцев мельниц Гросшопфе. (Gro schopf – таково написание фамилии в статьях Г. фон Рауха и А. Брауэра. А. Брауэр приводит в своей первой статье и другие ее транскрипции: Грошофф, Гросскопп[5]. Д. А. Волкогонов вслед за Луисом Фишером в своей работе именует их Гросскопфами[6].) Во всех документах, хранящихся в российских архивах, а также в газетах, журналах, месяцесловах, адрес-календарях, адресных книгах С.-Петербурга, начиная с 1807 г. и до 1914 г., когда перестал выходить в свет журнал «Экономист» (Рига), они именуются Грошопфами. Этого написания придерживалась и М. С. Шагинян[7]. Исключение составляет справочник «Петербургский некрополь», где фамилия пишется правильно – Гросшопф[8].

Второй составной частью Великого герцогства Мекленбург было Мекленбург-Шверинское герцогство, к столице которого – городу Шверин, предки Ульяновых также имели отношение. Шверин, как Пархим и Ратцебург, является одним из старейших городов Германии. Его история очень интересна. Шверин, расположенный на живописном юго-западном берегу Шверинского озера (Schweriner See), был местечком, где жили обориты (бодричи). В 1160 г., после его завоевания Генрихом Львом, Шверин получил права города и, таким образом, на сегодняшний день это старейший немецкий город, расположенный к востоку от Эльбы.

В 1167 г. на землях, прилегавших к городу и охватывавших территорию между Шверинским озером, Балтийским морем, верховьями реки Пеены и Мюрецким озером, Генрих Лев основал Шверинское епископство. В 1648 г. оно было секуляризировано, то есть, превращено в княжество и в дальнейшем было присоединено к герцогству Мекленбург, образовав Великое герцогство Мекленбург-Шверинское. Шверин стал столицей нового герцогства, так как с XVI в. являлся центром духовной и культурной жизни Мекленбурга. Здесь действовали библиотека, княжеская школа, архив, расцветала музыкальная жизнь.

Начиная с XIII в. торговые отношения на Балтийском море начали активно развиваться. Этому способствовал рост городов на Балтийском побережье, расположенных в устьях рек. К ним прежде всего относились Любек, Гамбург, Бремен. Торговые позиции этих городов укрепились благодаря созданию в 1241 г. со-

юза северогерманских городов Ганзы (от средненемецкого Hansa – союз, товарищество). Ганза являлась монополистом в посреднической торговле между производящими различную продукцию районами Северной, Западной, Восточной и Центральной Европы. В разное время она объединяла от 70 до 100 городов Северной Европы. В том числе: нидерландские – Амстердам, Гронинген, Дортрехт, Утрехт и др.; прибалтийские – Ригу, Ревель (Таллинн), Дерпт (Тарту) и др. Но основной состав Ганзы представляли немецкие города.

В конце XIII в. фактической столицей Ганзы стал крупный ремесленно-торговый центр Любек. Его флот господствовал на Балтийском море.

Любек был основан в 1143 г. графом Адольфом II фон Голштейном в устье реки Траве-Вакениц в 15 км от Балтийского моря. Он расположен на месте построенного в XI в. и разрушенного в 1137 г. славянского поселения Любег (Любеч, Любице). Спустя двадцать лет, в 1163 г., Любек получил права города. В 1226 г. внук легендарного Фридриха I Барбароссы император Фридрих II Гогенштауфен или просто Штауфен предоставил г. Любеку права вольного имперского города на все времена. После окончания Тридцатилетней войны (май 1618 – 24 октября 1648), в результате которой Швеция получила под свой контроль всю Западную Померанию, часть Восточной Померании, острова Рюген и Волин, право на померанский залив со всеми прибрежными городами, контроль над Бременом, Ферденом, Висмором и устьем рек Везер, Одер, Эльбой и стала господствовать на Балтийском море, Любек, в результате распада Ганзы в 1669 г., потерял свое политическое значение.

В 1806 г. вольный город Любек был занят французскими войсками, а с 1811 по 1813 гг. входил в состав империи Наполеона I Бонапарта. С 1815 г. Любек вновь вольный ганзейский город. Сначала в составе Германского союза, а с 1871 г. Германской империи. Права вольного города Любек сохранял до 1937 г., когда Адольф Гитлер своим указом лишил его этих прав и включил в состав провинции Шлезвиг-Гольштейн.

Одними из уважаемых людей в Любеке были цеховые мастера. Для того чтобы стать мастером, нужно было пройти путь от ученика через подмастерье и только потом его удостаивали звания мастера, человека, имеющего собственную мастерскую со всем необходимым оборудованием. Цеховые уставы Любека XIV–XV вв. предъявляли к вновь вступающим в цеховую гильдию мастеров высокие требования относительно их социального происхождения и моральных качеств. Это было результатом борьбы цеховых мастеров за свои корпоративные интересы. В связи с этим гильдия отказывала в приеме в свои ряды деревенским ремесленникам крепостного происхождения, так как это, по мнению гильдии, наносило ущерб профессиональной чести цеховых мастеров.

Цеховые уставы Любека требовали от вступающих доказательств свободного происхождения, в частности, документов о законнорождении от свободных родителей. При этом безупречное поведение и добропорядочность считались само собой разумеющимися фактами. Кроме того, новичок обязан был приобрести права бюргера, полноправного жителя города. Эти права городские власти давали при соблюдении целого ряда условий. В частности, приезжие ремесленники свободного происхождения получали эти права довольно легко. Но при этом они должны были предъявить имущество на сумму от 10 до 22 марок, а также два поручительства от лиц, имевших права бюргера не менее года и могущих документально подтвердить свое немецкое происхождение. Ценз бюргерства ограничивал прием в цех деревенских ремесленников, но он не распространялся на пришлых горожан, которых принимали в цеховые мастера достаточно охотно.

Предок Ульяновых – Кристофер Фридрих Гроссшопф, хлебный маклер, отвечал всем требованиям, предъявляемым к высокому званию цехового мастера г. Любека, и был принят в гильдию цеховых мастеров. Помимо него членами гильдии цеховых мастеров Любека были и другие предки Ульяновых: пивовары Штудте и Грундты, купцы Эдлеры, священнослужители Гютнеры и Домке, служащие Зунды. Все они были уважаемы своими согражданами.

2. Гроссшопфы любекские

Исследования А. Брауэра свидетельствуют о том, что предки Ульяновых – Гроссшопфы в течение столетий были жителями Ратцебургского княжества. Основной род их занятий – мельники. Выявленные документы говорят о том, что Гроссшопфы являлись старейшими владельцами и арендаторами мельниц в окрестностях Ратценбурга[9]. Интересующая нас ветвь Гроссшопфов не составляла исключения.

Иоганн Юрген Гроссшопф сочетал в себе на первый взгляд две несовместимые профессии: он был церковным правоведом и арендовал мельницу, на которой работал мельником[10]. Он дважды был женат. Первой женой была Доротея Барбара Поберц, брак с которой был недолгим. 6 октября 1701 г. Иоганн Юрген женится во второй раз на Елизабет Шееринг. О том, сколько детей было у Иоганна Юргена, А. Брауэр в своем исследовании не указывает. Он упоминает только сына от второго брака Йоахима Эрнста (1704 – 11 мая 1769), а также тот факт, что Иоганн Юрген Гроссшопф был крестным отцом двух своих внуков. Всю свою жизнь Иоганн Юрген прожил в Рене, где и скончался 4 ноября 1744 г.[11]

Сын Йоахим Эрнст Гроссшопф был хлебным маклером и арендовал мельницу. В 1743–1761 гг. он значился в списках арен-

даторов г. Штова. 8 июня 1735 г. он обвенчался с Абель Кристиной Гюттнер (8 октября 1713 – 19 апреля 1773), старшей дочерью Иоганна Андреаса Гюттнера (1688/1689 – 21 февраля 1769). Венчание происходило в церкви Карлова. Кюстером[12] этой церкви с 1712 по 1769 гг. был отец Абель Кристины. Он стал первым представителем рода, мужчины которого в течение последующих 180 лет, до 1892 г., были церковными служителями. Ее мать Сюзанна Маргарета Домке (29 мая 1693 – после 1743)[13] родилась в Карлове в семье Якоба Домке, кюстера церкви Карлова с 1676 по 1713 гг. Его женой была Гертруда Зунд (род. 8 августа 1652), дочь магистра Йоахима Зунда, служившего в Парниме[14]. Их брак был заключен 25 октября 1677 г. Из семьи Зундов вышли не только государственные служащие и чиновники, но и ученые, врачи, аптекари.

В семье Йоахима Эрнста и Абель Кристины Гроссшопфов, поселившейся в г. Штобе княжества Ратцебург, было восемь детей: четыре сына и четыре дочери.

Прапрадедом семьи Ульяновых стал их первенец Кристоф (Кристофер) Фридрих (3 марта 1736 – 16 апреля 1799). Повзрослев, он переехал в г. Любек, где, как и отец, стал хлебным маклером. 21 февраля 1763 г. Кристоф Фридрих Гроссшопф женился на дочери любекского торговца льняными тканями, впоследствии занимавшего должность писаря на таможне, Иоганна Эдлера (Эдделера) (4 января 1704 – 7 июня 1774) Кристине Маргарете (23 октября 1735 – 7 августа 1812).

5 августа 1734 г. Иоганн Эдлер, заплатив 10 рейхсталеров, стал гражданином города Любека. Его единственный брат Фридрих Эдлер также являлся гражданином Любека[15]. Иоганн Эдлер был женат дважды. Первый брак был заключен в Любеке 26 августа 1734 г. с Кристиной Маргарет Берендс (2 июля 1698 – 25 октября 1735), вдовой купца Германна Зигмунда Кунста. Через два дня после рождения дочери Кристины Маргарет ее мать, Кристина Маргарет, скончалась. Второй женой Иоганна Эдлера стала Рената Катарина Буш, дожившая до восьмидесятилетнего возраста[16]. Брак был заключен 9 мая 1737 г. От этого брака у Иоганна Эдлера было еще двое детей: Анна Рената (род. 8 апреля 1738) и сын Иоганн Георг (род. 12 октября 1745).

Первым представителем рода Эдлеров в Любеке стал отец Иоганна Эдлера Йоахим Эдлер (16 октября 1685–1706), гражданин города Любека с 16 октября 1685 г. Йоахим Эдлер был купцом на Клинберге в Любеке. 2 сентября 1694 г. он женился на Магдалене Шультце (ум. февраль 1729). К сожалению, сведений о ее родителях не сохранилось, впрочем как и нет сведений о предках Йоахима Эдлера[17].

Возвращаясь к Кристине Маргарете Берендс необходимо отметить, что она была дочерью переехавшего в Любек на постоянное местожительство купца Маттиаса Берендса (ум. декабрь 1708). Здесь 5 сентября 1697 г. в церкви Св. Якоба он венчался

с Эльзабе (Эльзбе) Штуте (Штудте) (21 ноября 1670 – апрель 1756)[18].

Штуте были потомственными любекскими пивоварами, владевшими из поколения в поколение пивоварней на Вамштрассе[19]. Архивы Любека сохранили имена отца Эльзабе Иоганна Штуте (1642–1 апреля 1701) и ее матери Эльзабе Грундт (ум. 1674)[20]. Эльзабе Грундт была дочерью мастера-пивовара Юргена Грундта и Кристины Фойгт, дочери Йоахима Фойгта (даты жизни обоих неизвестны). Отцом Юргена Грундта был гражданин города Любека мастер-пивовар Генрих Грундт, скончавшийся в 1626 г., а матерью Абель Барбара (сведений о ее родителях А. Брауэр не обнаружил, так же как и дат ее жизни и смерти).

Иоганн Штуте, оставшийся после смерти Эльзабе Грунд с двумя малолетними детьми (первенец Кристина, родившаяся 21 июля 1669 г., умерла вскоре после рождения), был вдовцом не более года. Во время рождественского поста 1674 г. он женился на Кристине Захтлебен. От этого брака у него было шестеро детей: Анна (род. 21 сентября 1675), Люция (род. 13 декабря 1676), Маргарета (род. 21 июня 1678), Юрген (род. 29 ноября 1682), Иоганн (род. 4 сентября 1684) и Мария (род. 4 февраля 1688)[21].

Благодаря браку Иоганна Штуте и Кристины Захтлебен предки Ульяновых породнились с родом Курциусов, представители которого вошли в историю Германии и историю мировой науки. Курциусы, в свою очередь, были связаны родственными узами с всемирно известными фамилиями: Лепсиусов, Вайцзеккеров, Пихтов, Моделей, Мантейфелей[22].

Но вернемся к семье Кристофа Фридриха и Кристины Маргареты Гроссшопфов. В семье было семеро детей. Первая дочь, Рената Кристина, родилась 10 марта 1763 г., через восемнадцать дней после свадьбы, состоявшейся по специальному разрешению консистории в кафедральном соборе Любека. В 1810 г. она проживала в Пернау (Пярну, Эстония). 7 июля 1763 г. Кристоф Фридрих Гроссшопф получил звание гражданина г. Любека. Одним из двух поручителей был его тесть Иоганн Эдлер[23]. Вместе с Йоахимом Эрнстом Гроссшопфом Иоганн Эдлер был крестным отцом первого сына своей дочери Кристины Маргареты Иоганна Йоахима (27июля 1764 – 12 декабря 1764), скончавшегося еще младенцем.

Третьим ребенком в семье был Иоганн Готтлиб (9 марта 1766 – декабрь 1817), ставший прадедом семьи Ульяновых.

Гедвига (Хедвига) Катарина родилась 21 октября 1767 г. Ее крестным отцом был дядя Андреас Бонавентур Гроссшопф. В 1810 г. она жила в Москве. Следующая дочь, Иоганна Элизабет (Элзабет) (6 октября 1769 – 9 октября 1769), умерла младенцем. Катарина Доротея Фредерика (род. 23 мая 1771), так и не выйдя замуж, жила с матерью в Любеке.

И наконец, последний сын Арнольд (Аренд) Генрих родился 21 сентября 1772 г., окончил училище Катарины в г. Любеке, позднее стал доктором философии и преподавателем. 2 июля 1807 г. он женился на Катарине Доротее Почткуль, дочери любекского торговца тканями Иоганна Йоахима Почткуля.

Таким образом, трое из пятерых детей Кристофера Фридриха и Кристины Маргарет Гроссшопфов уехали в Россию. В статье Г. фон Рауха речь идет только о Иоганне Готтлибе и Арнольде Генрихе Гроссшопфах. Правда, он допускает ошибку. Дочь, одного из Гроссшопфов, приехавшего в Россию и называвшегося по-русски Василием, Христину Елизавету, родившуюся в Петербурге 10 января 1792 г., он ошибочно считает сестрой Анны Беаты Эстедт (Остедт)[24].

Х.-Е. Гроссшопф вышла замуж за уроженца эстляндского города Гапсала (ныне Хаапсалу) Карла Фромхольде Бирштедта (31 октября (11 ноября 1788 – 3 (15) декабря 1843)[25].

Семья Бирштедтов владела большим, хорошо озелененным участком земли, который, по сути дела, являлся парком и располагался по Большому проспекту Васильевского острова С.-Петербурга между 12-й и 13-й линиями Галерного селения (до этого называлась улицей Назарова по фамилии домовладельца и Первой улицей, так как она была первой от Смоленского поля). Ныне это Канареечная улица, так трансформировалась фамилия владельца дома шкипера Степана Кинареева, и, кроме того, жители улицы изготовляли клетки для канареек) и вновь проложенной улицей (ныне Детской). Одноэтажный деревянный дом, построенный Бирштедтами, получил номер 73, затем № 79 (ныне участок дома № 87). В это же время Бирштедты построили на участке, рядом с домом, два подсобных помещения, где наладили гончарное производство и выпускали домашнюю посуду и емкости для сахарных заводов[26].

После смерти К. Ф. Бирштедта домом и производством владела до своей кончины 17 (29) апреля 1873 г. Х.-Е. Бирштедт. Она была похоронена на Смоленском лютеранском кладбище, но ее могила не сохранилась[27].

У супругов Бирштедтов было четверо детей: сын Карл Аппполон (15 (27) октября 1822 – 26 декабря 1889 (7 января 1890)) и три дочери Эмилия, Луиза и Клара. Документы свидетельствуют, что все четверо своих семей так и не создали.

После смерти матери Христины Васильевны между ними, как наследниками, 26 апреля (8 мая) 1874 г. был разделен деревянный дом со строениями и землею под номерами по табелям 1822 г. 916, в 1846 г. – 1060 и полицейскими 73 и 2.

К. А. Бирштедт попросил выплатить причитающуюся ему долю деньгами[28].

После окончания Дерптского университета и защиты в 1848 г. диссертации К. А. Бирштедт получил ученую степень

доктора медицины[29]. После чего указом правительствующего сената от 23 августа 1848 г. за № 37834 он был исключен из податного сословия и причислен к купеческому[30]. 19 апреля (1 мая) 1849 г. К.-А. К. Бирштедт был зачислен сверхштатным ординатором больницы Св. Марии Магдалины ведомства императрицы Марии без содержания сроком на шесть месяцев[31]. За этот период К.-А. К. Бирштедт проявил свои, как сказано в документе, отличные качества и способности и был оставлен сверхштатным ординатором[32]. В этой должности он проработал до 1 (13) июля 1852 г. После ухода в отставку по состоянию здоровья директора приюта «Серебряный» коллежского советника Э. И. Шиля он с 1 (13) июля 1852 г. был исполняющим обязанности директора этого приюта. Дела у Бирштедта пошли успешно и 15 (27) января 1853 г. он был назначен членом С.-Петербургского совета детских приютов и директором приюта «Серебряный» (В. О., 6-я линия, 13)[33].

Приют «Серебряный», основанный в 1842 г., ежедневно обслуживал 175 приходящих детей обоего пола в возрасте от 6 до 12 лет независимо от сословия и вероисповедания, за исключением иудейского. Для поступления ребенка в приют его родители должны были подать прошение о приеме на имя смотрительницы, приложив к нему свидетельство о рождении и привитии оспы. Плата за посещение приюта была установлена для всех единая – 10 копеек в месяц с семьи. Ежедневно дети находились в приюте с 8 утра до 15.30 (зимой) и 19 часов (летом). Обучение было элементарным. Девочек дополнительно учили рукоделию. Обед обычно состоял из двух блюд (зимой). Летом же в 4 часа дня давался еще хлеб с солью. Всего на еду в день уходило в среднем 4 копейки. Штат приюта был небольшим: смотрительница, две помощницы, врач, кухарка, прачка, служитель и дворник[34].

Как опытный врач К.-А. К. Бирштедт был избран почетным консультантом Максимилиановской лечебницы для приходящих (современный адрес: пер. Пирогова, 2).

В 1888 г. доктор медицины Бирштедт получил чин действительного статского советника[35]. Раух со ссылкой на Э. Н. Амбургера ошибочно называет его советником и создателем общества петербургских врачей[36]. Последнее не подтверждается имеющейся литературой о медицинских обществах Петербурга. К. А. Бирштедт похоронен на Смоленском лютеранском кладбище[37]. Вместе с ним похоронена его сестра Эмилия Екатерина (12 (24) января 1818 – 27 октября (8 ноября) 1876). Их могилы не сохранились.

Таковы очень краткие сведения о боковой ветви Гроссшопфов, живших в Петербурге, городе, который обладал для многих большой притягательной силой. Особенно для жителей Германии и Швеции, стремившихся поселиться в нем. Значительное число их представителей навсегда переехали жить в

Петербург, внеся большой вклад в развитие города и России в целом. Это хорошо видно на примере И. Г. Гроссшопфа и его потомков.

3. Консулент Иван Гроссшопф

В 80-х гг. XVIII в. в С.-Петербург приехал Иоганн Готлиб (Готфрид) (у Уно Виллерса – Юганн Готлиб) Гроссшопф[38], которого в России стали звать Иван Федорович, о чем говорят сохранившиеся в российских архивах документы. В Петербурге он стал работать в фирме «Христиан Фридрих Шаде и сын», находившейся на Невском, 18 (другие современные адреса: Большая Морская, 12 и наб. р. Мойки, 57)[39]. Кем конкретно работал И. Ф. Гроссшопф в фирме купца 1-й гильдии Х. Ф. Шаде сказать трудно, так как ни А. Брауэр, ни Г. фон Раух об этом в своих статьях ни слова не говорят. Поэтому совершенно не ясно, почему О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова в своей книге, ссылаясь на статью Г. фон Рауха, утверждают, что «Иоганн Готтлиб Грошопф... в 1790 году вступил во владение фирмой "Кристиан Фридрих Шаде и сын"»[40].

Между тем в немецком тексте слово «вступить» или выражение «eintreten von etwas Besitz nehmen – вступить во владение»[41] отсутствуют. По нашему мнению, более точный перевод – «встал во главе фирмы» или «стал управляющим», в чем можно легко убедиться, переведя текст Г. фон Рауха: «Dieser ging in den 1780-er Jahren nach St. Petersburg und ьbernahm hier 1790 die Firma Christian Friedrich Schade & Sohn»[42].

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов трудно сказать, что послужило причиной переезда из Любека на постоянное место жительство в Петербург совсем юного И. Ф. Гроссшопфа. Можно только предположить, что между его близкими и семьей Шаде имелись не только деловые, но и родственные связи. Не дед ли И. Ф. Гроссшопфа Иоганн Адольф Эдлер был в Петербурге по делам, в том числе и у Шаде, и уехал из города незадолго до своей смерти. Это предположение подтверждает объявление в Санкт-Петербургских ведомостях от 15 (26) апреля 1774 г. о том, что из Петербурга уезжает Иоганн Адольф Едлер, проживающий на 4-й линии Васильевского острова в доме портного Ликмана.

Первое упоминание имени И. Ф. Гроссшопфа в петербургской печати встречается 13 (24) декабря 1790 г. в разделе объявлений Санкт-Петербургских ведомостей. Здесь в списке «отъезжающих» есть следующие строки: «Иоганн Готлиб Грошопф, купец со слугою Савостьяном Матвеевым живет на Сенной в Апайщиковом доме»[43].

Со времени этой публикации пройдет чуть более двух лет. 2 (13) марта 1793 г. в существовавшей с 1732 г. домовой лютеранской церкви Св. Михаила при 1-м сухопутном кадетском кор-

пусе и имевшей приход, состоявший не только из кадетов, но и жителей Васильевского острова лютеранского вероисповедания, И. Ф. Гроссшопф венчался с Анной Беатой (в быту Анной Карловной) Эстедт (Остедт, Орштедт, Эштедт – так в разных источниках пишется эта фамилия).

Став семейным человеком, И. Ф. Гроссшопф должен был подумать о будущем своих детей. За годы проживания в России он понял, что в стране чиновничество пользуется уважением. И Иван Федорович подыскивает себе работу по душе. 24 июля (4 августа) 1795 г. «вышедший из иностранных купеческих детей и не имеющий деревень и крестьян» И. Ф. Гроссшопф вступает в должность публичного нотариуса в Государственной юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел. Здесь он прослужил несколько лет, став (4 (16) июня 1801 г. консулентом коллегии[44]. Но еще до этого официального назначения «Государстенная стиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел приняла публичного нотариуса Ивана Готлиба Грошопфа по просьбе его и по учинении ему в практическом знании правоведства испытания, Консулентом и привела его к присяге, о чем для ведома каждому чрез сие и объявлено»[45].

В Государственной юстиц-коллегии И. Ф. Гроссшопф прослужил несколько лет и был удостоен чина губернского секретаря. Этот чин, в соответствии с действующим законодательством, давал И. Ф. Гроссшопфу личное дворянство, а его детям – возможность писать при заполнении формулярных списков о том, что они происходят из обер-офицерских детей.

Иван Федорович исключительно добросовестно относился к своим служебным обязанностям. Поэтому на вопросы: «К продолжению статской службы способен ли? К повышению чина достоин или нет?» – последовал категорический ответ, подписанный Президентом Государственной юстиц-коллегии бароном А. Ф. Корфом, «Способен и достоин»[46].

Сколько времени прослужил прадед В. И. Ульянова в юстиц-коллегии, сказать трудно. Сохранившийся в РГИА единственный обнаруженный формулярный список И. Ф. Гроссшопфа имеет написанную карандашом, трудно читаемую дату (цифры почти стерты). Также невозможно ответить на вопрос, когда и где из иностранного купца Иван Федорович превратился в юриста. Окончил ли он официально учебное заведение по этому профилю или сдал экзамены. Но факт остается фактом. Примерно с середины 90-х гг. XVIII в. и до конца своих дней И. Ф. Гроссшопф активно работает как юрист.

В ноябре 1798 г. он посылает письмо на немецком языке на имя императора Павла I. В нем И. Ф. Гроссшопф изложил свои предложения по увеличению государственных доходов России. По его мнению, налогами должны облагаться все документы, написанные на гербовой бумаге, связанные с торговлей, завещания, доверенности на продажу деревень, домов, кораблей,

документы об испорченных товарах или о недовесе товаров, привозимых сюда из-за моря, векселя, экспортируемые товары, контракты с иностранцами, каждый член экипажа прибывающего иностранного судна и т. д. принятие этих предложений, по подсчетам И. Ф. Гроссшопфа, принесет России миллионные доходы[47].

7 (18) декабря 1798 г., ознакомившись с письмом, Павел I дал указания рассмотреть сделанные предложения на заседании Совета при Высочайшем дворе. В тот же день статс-секретарь императора Ф. М. Брискорн отправил письмо на имя правителя Канцелярии совета при Высочайшем Дворе И. А. Вейдемейера. 10 (21) января 1799 г. предложения И. Ф. Гроссшопфа были рассмотрены. «Совет рассуждал, что многие по сей статье положения, приносящие казне прибыль, уже сделаны и имеют свое действие, прочие же из предлагаемых здесь налогов не могут не стеснить нашей торговли и дадут еще повод иностранным купцам возвысить цены на свои товары»[48].

В итоге предложения, внесенные И. Ф. Гроссшопфом, были отклонены. Были ли с его стороны в дальнейшем сделаны какие-либо предложения по улучшению финансового положения страны или по правовым вопросам, сказать трудно. Но со всей определенностью можно сказать, что И. Ф. Гроссшопф активно занимается частной практикой.

Это видно из содержания объявлений, которые он публикует в Санкт-Петербургских ведомостях. В частности, 2 (13) августа 1799 г. «публичный нотариус Грошопф просит... коллежского секретаря Фоглея и госпожу Лизету Клеменс известить его о месте своего пребывания для сообщения им некоторых, неприятных для них известий. Ему же нужен для письмоводства человек, который бы знал правильно писать по-русски и по-немецки»[49].

Свою юридическую практику И. Ф. Гроссшопф сочетает с преподавательской деятельностью. Об этом свидетельствует следующее объявление: «Желающим заняться сочинением разных прошений, могут явиться на Васильевский остров в 18 линии по Набережной в угловом доме под № 649 к хозяину»[50].

Все это приносит доход. Работает ли он вновь в фирме «Христиан Фридрих Шаде и сын», сказать трудно. По всей видимости, на этот вопрос можно ответить положительно. И это наглядно видно по местам жительства как самого И. Ф. Гроссшопфа, так и его семьи и росту качества принадлежащей семье недвижимости.

В 1801 г. семья Гроссшопфов снимает квартиру в доме № 90 квартала 1-й Адмиралтейской части (ныне Малая Морская, 13 или Гороховая, 8), принадлежащем жене коллежского асессора Дмитриева[51]. Именно по этому адресу он «просит г-жу подполковницу Иергольскую, урожденную Унковскую, известить его о нынешнем ее месте проживания, ибо он имеет уведомить ее

о касающемся до нее дела»[52]. Спустя два года и четыре месяца И. Ф. Гроссшопф публикует объявление, в котором «просит г-на майора Николая Алексеевича Балка уведомить его при случае о месте своего проживания»[53]. Через два с небольшим месяца со страниц тех же «Известий» читатели узнали, что «от Санкт-Петербургского правления объявляется, дабы желающие купить дачу с деревянным строением господина генерал-губернатора и кавалера Константина Баженова, за иск Государственной Юстиц-коллегии Консулента Ивана Грошопфа по закладной 7350 руб., состоящую в Санкт-Петербургской части на Аптекарском острову, против Каменного острова под № 28, под коею земли мерою поперечину в обоих концах по 27, а длинника 100 сажень, явились в сие Правление к торгам в назначенные сроки: 1-й майя 11, 2-й июня 10-го, а 3-й июля 11-го числа сего 1804 года»[54].

В 1805 г. семья проживает в собственном доме, расположенном в 3-м квартале 2-й Адмиралтейской части по Глухому пер., 183[55]. Изучение справочников и планов Петербурга позволяет сделать вывод, что это подворье находилось на месте построенного в 1832 г. и существующего поныне каменного дома по ул. Пирогова, 14 (другой адрес: Прачечный пер., 10).

Но, кроме дома в Адмиралтейской части, семья Гроссшопфов имела второй дом, находившийся в Петербургской части, по Зелейной ул., № 162[56]. Дом служил дачей для семьи Гроссшопфов. Об этом свидетельствуют архивные документы, согласно которым И. Ф. Гроссшопф в 1805–1807 гг. возводил на участке оранжерею и какое-то деревянное строение. Был около дома и сад.

В 1808 г. дом, «состоящий Петербургской части в 3-м квартале под № 1011, оцененный в 2000 рублей», предлагался к продаже[57]. Но продан он был только 4 февраля 1819 г. его вдовою А. К. Гроссшопф за 1000 руб.[58]

Сохранились два описания дома по Глухому пер., 183, в котором семья Гроссшопфов проживала зимой. Первое находится в ЦГИА СПб и относится к 1806 г.: «Спереди с одной стороны ворот забор, а за оным сад, по другую сторону и в Прачечном переулке жилые в 1 этаж деревянные покои. По Прачечному переулку от одного угла спереди забор, а после сего сараи и жилые покои деревянные в 1 этаж, а внутри двора сарай деревянный дощатый»[59].

Во втором описании, данном Ф. И. Гроссшопфом в объявлении о продаже дома или отдаче его в наем 11 (23) декабря 1808 г., имеется его более точная характеристика. В ней, в частности, говорится: «...деревянный на каменном фундаменте дом под № 183, с людскою, сараем на 7 саженях, конюшнею на 4 стойла и теплым погребом, и большим пространным двором. Большой дом приносит 700 руб., а малый 360 руб. годового дохода. Обстоятельно обо всем узнать могут на В. О. на углу 18 линии по набережной Большой Невы реки в доме под № 649»[60].

Из данного объявления мы узнаем о том, что семья Гроссшопфов вновь поменяла свое местожительство. Новый дом они купили у наследников его бывшего владельца купца Е. Д. Неймана, скончавшегося в 1808 г.[61] Правда, Е. Д. Нейман задумал сдать в наем бельэтаж из десяти комнат со всеми принадлежащими ему службами еще в 1806 г. Одновременно сообщалось: «Оной же дом о 3-х этажах, из коих нижний со сводами, и продается»[62].

И. Ф. Гроссшопф хорошо знал, что из себя представляет дом Нейманов, так как неоднократно бывал в нем. Он и Э. Д. Нейман совместно вели разные денежные дела. Правда, в ходе их деятельности возник какой-то конфликт. Этот вывод можно сделать из следующего объявления: «Дела мои, которые имел я с г. консулентом И. Г. Грошопфом в рассуждении разных ему выверенных капиталов, на сих днях ко взаимному нашему удовольствию кончились. К возобновлению ж оных предстоят добровольные нам обоим средства. О чем для избежания всякого ненужного опасения со стороны всех тех, до коего сие касается, сим извещаю. С. Петербург. Сентября 11-го дня 1806 года. Ефраим Нейман. С.-Петербургский купец»[63].

Переселение Гроссшопфов на Васильевский остров было не случайным. Васильевский остров с самого начала строительства города стал одним из основных районов расселения в Петербурге немцев. среди них было много ученых, врачей, аптекарей, торговцев, ремесленников. Уже в первой половине XVIII в. здесь было два немецких прихода и, соответственно две лютеранских церкви. К моменту поселения на Васильевском острове семейства Гроссшопфов одна из церквей – Св. Екатерины (в быту Екатерининская), построенная на углу 1-й линии и Большого проспекта в 1771 г., считалась главной. Другая, в честь Св. Михаила, как говорилось выше, находилась в шляхетском кадетском корпусе. С ней связаны как радостные, так и печальные события в семье Гроссшопфов: венчания, крещения и отпевания.

Особняк, в котором поселилась семья Гроссшопфов, был построен, как и соседние дома, в 1720–1730-е гг. для княжеского рода Репниных. Его современный адрес: 18 линия, 1 или набережная лейтенанта Шмидта, 41. Сейчас в нем находится Василеостровский федеральный суд С.-Петербурга.

На прилегающем к особняку обширном участке, который простирался в длину от набережной Большой Невы по 18-й линии до Финляндского переулка и занимающий по ширине примерно треть переулка, было еще два каменных одноэтажных дома[64], которые до сегодняшнего дня не сохранились.

Став владельцами особняка и двух домов, Гроссшопфы стремились компенсировать затраты, произведенные на их приобретение. Об этом свидетельствует объявление, опубликованное И.-Ф. Гроссшопфом 7 (19) июня 1811 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «На В(асильевском) О(строве) 18 линии по набережной в доме под № 649 отдается в наем с 1-го августа целый

этаж с принадлежащими к нему службами... Спросить обо всем у хозяина»[65]. Спустя пять месяцев объявление было повторено[66]. Однако трудно сказать, сдавал ли И.-Ф. Гроссшопф помещение поэтажно, или отдельными комнатами, так как сообщения о проживании в его доме корабельщика Тидке Молкнара[67] и генерал-майора в отставке Чичагова[68], опубликованные в «Санкт-Петербургских ведомостях», об этом ничего не говорят.

Невозможно ответить и еще на один интересный вопрос: когда на участке, принадлежавшем семейству Гроссшопфов, появилась пивоварня? Первые известные нам объявления на эту тему появились в «Санкт-Петербургских ведомостях» 7 (19) июля 1811 г.: «На В(асильевском) О(строве) в 18 линии по набережной в доме под № 649 отдается в наем пивоварня с солодовнею и со всеми к тому принадлежностями. Спросить у хозяина»; «Потребен пивовар, знающий варить пиво и портер на английский манер и могущий представить о сем искусстве своем аттестаты. О выгодных для него условиях узнать он может каждодневно по полудни от 2 до 3 часов на В.О. в 18 линии по набережной в доме под № 649»[69].

Видимо сдачей в наем помещений Гроссшопфы занимались многие годы. Об этом свидетельствуют опубликованные в «Городском указателе» Н. И. Цылова сведения на 1849 г. Они гласят, что в доме Гроссшопфов расположены: кожевенная лавка Наумова, питейного откупа водочный магазин, выдержанная и штофная содержимая откупом, а также уксусный завод[70].

Продолжает И. Ф. Гроссшопф заниматься юридической практикой. Об этом говорит уведомление 3-го Департамента С.-Петербургского надворного суда на основании Устава о банкротствах. В нем, в частности, говорилось, «что для разобрания дел бывшего немецкого актера иностранца Карла Борка и составления над имением его конкурса избраны кураторы: титулярный советник Федор Крамер, губернский секретарь Иван Грошопф и коллежский секретарь барон фон Искуль, которые и имеют поступать с полною властию во всех случаях, как обстоятельства дела потребуют»[71].

Работал И. Ф. Гроссшопф до последних дней своей жизни. Но дату его смерти исследователи или не указывают (У. Виллерс и Г. фон Раух), или называют неточно. А. Брауэр, а вслед за ним Л. Хааз, К. Бакман и А. Ермолаев в своих работах считают, что 1845 г. является годом смерти И. Ф. Госсшопфа[72]. Но вот о чем свидетельствует объявление, опубликованное 11 января 1818 г. в Санкт-Петербургских ведомостях: «От вдовы консулента Ивана Федорова сына Грошопфа сим объявляется, дабы все те, кто имеет на покойном муже ея какия-либо требования, равно и кто ему должным остался, благоволили явиться к ней в поставленный законами срок, первые с ясными на требования свои доказательствами, а последние с платежем долгов. Васильевской части 5-го квартала, в дом под № 649»[73]. Аналогичное объявление

было опубликовано также в «St.Petersburgische Zeitung», в выходившей на немецком языке. Таким образом можно считать, что И. Ф. Гроссшопф ушел из жизни в декабре 1817 г. Могила его на Смоленском лютеранском кладбище к моменту опубликования «Петербургского некрополя» в 1912 г. не сохранилась.

У прадеда и прабабки Владимира Ильича было восемь детей: Карл Фридрих (в быту Карл Иванович (1792–22 ноября (4 декабря) 1865)[74], Александра (1794)[75], Иоганн Генрих (28 февраля (11 марта) 1795–июль 1831). Его восприемницами были тетя Каролина Эстедт и Елизабета Берг[76].

Густав Адольф (в быту Густав Иванович) (20 (31) марта 1797 – 14 (26) марта 1864)[77], Анна (1799 – декабрь 1840)[78], Екатерина Элеонора (3 (15) апреля 1801 – 7 (19) сентября 1863)[79], Каролина Тереза (17 (29) ноября 1804 – 31 декабря 1877 (12 января 1878))[80], Амалия (род. 1806 – 1 (13) апреля 1874).

Рассмотрение судеб детей А. К. и И. Ф. Гроссшопфов мы начнем со второго сына Ивана Ивановича.

4. Инженер Корпуса путей сообщения полковник Иван Гроссшопф

Второй сын Иоганн Генрих Гроссшопф родился 28 февраля (11 марта) 1795 г. 28 февраля (11 марта) 1807 г.[81] И. Ф. Гроссшопф написал прошение к «господину статскому советнику Горного кадетского корпуса командиру и разных орденов кавалеру Александру Васильевичу Качадаеву» с просьбой о зачислении своего малолетнего сына «на собственное содержание пансионером... и взнося при том на содержание его в период за год 300 рублей, обязываюсь оные вносить и впредь непременно в срок, то есть при наступлении каждого полугодичного времени... В рассуждение предохранение воспитанников корпуса от заразительных болезней, удостоверяю приложенным свидетельством, что на означенном малолетнем воспа и корь была, пребыванием я имею в здешней столице 2-й Адмиралтейской части в 4 квартале в собственном доме»[82] (ныне пер. Пирогова, 14/10).

6 (18) марта 1807 г. Иван Гроссшопф был принят в Горный кадетский корпус, где успешно проучился до 2 (14) августа 1813 г.[83] Он глубоко изучил не только общеобразовательные предметы, но и умел читать и писать, кроме, разумеется, русского, по-немецки и по-французски, а также переводить как с русского на немецкий и французский языки и наоборот. Интересно отметить, что в Горном кадетском корпусе преподавали такие светские предметы, как танцевальное и фехтовальное искусство. За свое благонравие, весьма хорошее поведение и успехи в учебе, доказанные на публичных экзаменах, он был «награжден книгами»[84].

В сентябре 1813 г. Иван Гроссшопф поступает в Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Здесь он также занимается весьма успешно и удостаивается поочередно чинов прапор-

щика (20 августа 1814 г.) и подпоручика (15 сентября 1815 г.). По окончании института приносит клятвенное обещание на верность императору Александру Павловичу и наследнику престола «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться не щадя живота своего до последней капли крови»[85].

Незадолго до окончания института Иван Гроссшопф становится поручиком и 25 мая 1816 г. ему в числе других студентов IV выпуска вручают диплом об окончании института[86].

И. И. Гроссшопф командируется в III округ путей сообщения для проведения различных изыскательских работ, съемок и нивелирования, необходимых для соединения рек и открытия новых водных сообщений. Служит он и в других местах. Наконец, 8 апреля 1819 г. И. И. Гросшопф получает назначение на работы в военном поселении[87]. Судя по всему, расположенный в Новгородской губернии Округ военных поселений занимал свыше 8000 кв. верст (8534,5 кв. км – *М. Ш.*). На этой площади находилось 12 пехотных полков, состоявших из трех батальонов каждый. Батальоны, в свою очередь, делились на роты, капральства и взводы. Каждая рота, в соответствии с действовавшим положением, являлась самостоятельной единицей. Она размещалась отдельно от остальных рот. В связи с этим в распоряжении каждой роты была собственная ротная площадь, гауптвахта, гумно, рига и т. д.[88]

Кроме полков, в новгородском округе военных поселений располагались также две артиллерийские бригады, каждая из которых разделялась на две дивизии.

Первая гренадерская дивизия, состоящая из шести полков, находилась в Новгородском уезде. Границы ее расположения начинались в пяти километрах от Новгорода по берегам реки Волхов. Здесь размещались полки австрийского императора Франца I, короля Прусского Фридриха-Вильгельма III, графа А. А. Аракчеева. Вторая дивизия занимала весь Старорусский район, включая город Старая Русса, считавшийся безуездным городом и подчиненный ведомству военных поселений.

Из имеющегося в нашем распоряжении документа видно, что И. И. Гроссшопф служил в Новгородском уезде, являясь начальником работ плитной ломки. Исполняя свои обязанности, он допустил небольшое упущение в работе, послав в округ поселения Гренадерского Его Величества короля прусского полка с озера Ильмень бот с тринадцатью кубическими саженями (27,7 $м^3$) известковой плиты, которая должна была следовать в округ поселения Гренадерского имени графа А. А. Аракчеева полка. За эту ошибку главный начальник над военными поселениями генерал от артиллерии А. А. Аракчеев объявил майору И. И. Гроссшопфу замечание и посоветовал впредь быть более осмотрительным[89].

Это, вероятно, была единственная оплошность И. И. Гроссшопфа по службе, продолжавшейся в течение девяти лет. 6 де-

кабря 1821 г. он по домашним обстоятельствам увольняется со службы. 17 марта 1824 г. И. И. Гроссшопф вновь возвращается на службу в чине майора. Служба проходит успешно, начальство его ценит. 16 (28) июля 1825 г. он награжден перстнем с бриллиантами и одновременно по распоряжению Александра I получает ежегодную доплату к содержанию в размере 1000 руб. в год из сумм военного поселения[90].

Решение императора еще более стимулировало работу И. И. Гроссшопфа. Историк С.-Петербурга Ю. Н. Лукоянов обратил мое внимание на хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве материалы, касающиеся службы И. И. Гроссшопфа, из которых видно, что он принимает активное участие в строительстве новой дороги из села Медведь в село Мингоши и трех новых мостов, расположенных на ней[91]. За эту и другие работы 6 (18) декабря 1827 г. И. И. Гроссшопф удостаивается ордена Св. Анны 2-й степени, а спустя ровно год его награждают алмазными знаками того же ордена. 6 (18) декабря 1829 г. И. И. Гроссшопф, к тому времени уже ставший подполковником, удостаивается подарка[92].

Награды поощряют его к еще более активному исполнению служебных обязанностей. И. И. Гроссшопф совершенствует производство работ в округе 1-го карабинерного и Карабинерного Барклая де Толли полков[93]. Впрочем, занимается он не только добычей бутовой плиты, гравия, извести, но и строительством домов, служебных помещений полков и т. д.[94] 25 октября (6 ноября) 1830 г. Николай I «в награду за отличное усердие и труды, занимающегося производством строений в округах военного поселения... корпуса Инженеров путей сообщения подполковника Грошопфа Всемилостивейше соизволил пожаловать... в полковники»[95].

1830 г. характерен в служебной деятельности И. И. Гроссшопфа многочисленными командировками по разным городам страны[96].

В 1831 г. был создан Корпус инженеров военных поселений. Его сформировали из офицеров корпусов инженерного и путей сообщения. Полковник И. И. Гроссшопф был переведен на службу в Главное управление вновь созданного корпуса с сохранением оклада в размере 5600 руб., получаемого до перевода[97]. В один из трех дней 16, 17 или 18 (28, 29, 30) апреля 1831 г. он отправился к новому месту службы – в Витебск[98].

Первое поручение, которое было дано полковнику Гроссшопфу начальником штаба военных поселений генерал-лейтенантом П. А. Клейнмихелем, состояло в посещении госпиталей в г. Минске и г. Несвеже (Минская губерния) и тщательном их обследовании. О результатах обследования И. И. Гроссшопфу было предложено представить донесение «государю Императору с надписью в собственные руки, и Его сиятельству»[99] главнокомандующему резервной армии графу П. А. Толстому. Столь высокий

уровень отчетности объясняется тем, что созданная 9 (21) апреля 1831 г. Резервная армия должна была отправиться в Литву для подавления вспыхнувшего там восстания.

В это время в Белоруссии свирепствовала холера. И. И. Гроссшопф оказался ее жертвой. Он скончался в последних числах июня 1831 г. 15 (27) июля 1831 г. Николай I подписал приказ об исключении полковника Корпуса военных поселений И. И. Гроссшопфа как умершего[100].

Спустя почти три месяца после смерти И. И. Гроссшопфа его имя в последний раз появляется в приказе П. А. Клейнмихеля. Из приказа видно, что И. И. Гроссшопф был не только хорошим инженером (ему было поручено строительство домов для императора и начальников, приезжавших в лагерь Гренадерского корпуса), но и хорошим организатором. Работы, выполнявшиеся под его руководством, в соответствии с приказом были распределены между тремя офицерами[101].

В связи с тем, что И. И. Гроссшопф не имел семьи, была составлена опись имущества, оставшегося после него, которая была отправлена в Петербург его брату Карлу Ивановичу Гроссшопфу и матери Анне Карловне. В ответном письме, полученном по месту службу И. И. Гроссшопфа 9 (21) июля 1831 г., содержалась просьба А. К. и К. И. Гроссшопфов выслать им награды – орден Св. Анны 2-й степени и алмазные знаки к нему. Остальные же вещи продать и на вырученные деньги поставить на могиле в Витебске гранитный памятник[102]. Просьба родных была выполнена.

5. Начальник Рижской таможни Густав Гроссшопф и его судьба

Третий сын И. Ф. Гроссшопфа Густав Адольф родился 20 (31) марта 1797 г. Материалы Главного училища Св. Петра и Павла (Петришуле) свидетельствуют, что он обучался в этом знаменитом учебном заведении. Густав Адольф Гроссшопф был принят в школу 26 апреля (8 мая) 1811 г. в возрасте 13 лет в третий (младший) класс и окончил ее в 1816 г.[103]

Большую часть жизни Г. И. Гроссшопф прослужил в системе таможенного контроля. Однако начал он карьеру в Департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, куда поступил 28 августа (9 сентября) 1816 г. после окончания училища. Формулярный список позволяет проследить весь его путь[104]. Ровно через три года Гроссшопф был произведен в коллежские и с этого времени начинается его восхождение в классных чинах. Менее чем через год после этого события он увольняется по собственному желанию из Департамента мануфактур и с 10 (22) августа 1820 г. начинает служить в Департаменте полиции исполнительной. Здесь он становится последовательно губернским секретарем (28 августа (9 сентября) 1822 г.), коллеж-

ским секретарем (12 (24) февраля 1824 г.) и титулярным советником (13 (25) февраля 1827 г.).

Одновременно с государственной службой Г. И. Гроссшопф занимается предпринимательской деятельностью. Но не все в ней было гладко, о чем сообщено в публикации 1-го департамента гражданского суда С.-Петербургской судебной палаты. Текст гласил: «Коллежский секретарь Густав Грошопф и здешний купец Еким Григорьев, по делу их об отыскании последним с 1-го разных вещей, принадлежащих к пивоваренному заводу, бывшему у него Григорьева в содержании по контракту»[105]. Однако государственная служба привлекала его больше, чем предпринимательская деятельность.

12 (24) апреля 1828 г. Г. И. Гроссшопф переводится на службу в Грузинскую казенную экспедицию, где был произведен в коллежские асессоры (8-й класс). 20 июня (2 июля) 1828 г. его определяют контролером временного контрольного отделения, а 16 (28) июля 1828 г. «за отличные труды и усердие в службе» ему объявлено монаршее благоволение. Вскоре «за неутомимые труды по службе в Экспедиции, соединенные с отличными способностями и примерным поведением выдано ему в награду 250 руб. сер[ебром]».

24 июня (6 июля) он увольняется из казенной экспедиции «по собственному прошению». Но это «собственное прошение» показало, как высоко ценили его в Экспедиции. В письме на имя директора Департамента внешней торговли Д. Г. Бибикова о Г. И. Гроссшопфе говорилось следующее: «Чиновник он по способностям своим, примерному усердию и прекрасным правилам всегда и всяко будет полезен службе. К сожалению моему и обстоятельствам, он не мог оставаться здесь и занять предложенное ему место советника. Посему, зная желание г. Грошопфа иметь честь служить под милостивым начальством Вашего превосходительства, я смею всеподданнейше ходатайствовать удостоить сего отличного чиновника Вашим покровительством и не оставить, определив его Членом в какую-либо из Главных Остзейских таможен. Я смею ручаться. что Ваше Превосходительство будет довольно его службою»[106].

Д. Г. Бибиков учел характеристику и 30 августа (11 сентября) 1829 г. «определил: в число чиновников С.-Петербургской таможни... находящегося не у дел коллежского асессора Грошопфа, о чем и сделать надлежащее исполнение»[107]. Г. И. Гроссшопф становится чиновником С.-Петербургской таможни «для познания таможенных дел». С этого времени вся его карьера на протяжении тридцати четырех лет связана с таможенным ведомством. Возможно, перейти на службу в таможню его уговорил старший брат Карл. В Петербургской таможне Г. И. Гроссшопф проработал год с небольшим, 19 ноября (1 декабря) 1830 г. он был назначен на должность управляющего Палангенской таможни. В это время вспыхнуло польское

восстание 1830–1831 гг., охватившее часть территории теперешней Литвы.

16 (28) марта 1831 г. по Палангену разнесся слух о том, что восставшие крестьяне Фельшевского уезда Виленской губернии направляются к городу, чтобы захватить казну почтовой конторы и таможни. Численность таможни была небольшая – всего 20 человек. Таможенная стража состояла из 200 старослуживых солдат. Силы были не равны. 20 марта (1 апреля) 1831 г. нападавшим удалось приблизиться к Палангену. Как сообщила «Северная пчела», «начальник таможни (Г. И. Гроссшопф. – *М. Ш.*) решился сохранить вверенную ему часть (казенных денег. – *М. Ш.*) от нападения и удалился в Мемель (ныне Клайпеда. – *М. Ш.*)»[108]. Таможенной страже удалось отбить натиск первой группы нападавших со стороны Креттинген (ныне Креттинга) и рассеять их по близлежащим лесам. Но в это время со стороны Дорбян к Палангену подошел другой отряд восставших, которому удалось захватить в городе несколько домов. Таможенная стража подожгла эти дома, чтобы заставить восставших их покинуть. В ходе дважды возобновлявшегося боя 300 человек восставших погибло, 60 было взято в плен, 19 таможенных стражников было ранено. Кроме того, таможенная стража захвата пушку и знамя. 26 марта (7 апреля) 1831 г. Паланген был полностью очищен от восставших[109].

Г. И. Гроссшопф, рискуя жизнью, также участвовал в подавлении этого восстания. Как сообщает нам его формулярный список «за особенное отличие, оказанное им при нападении литовских мятежников на местечко Паланген, с назначения г. министра финансов получил в награду 1000 руб.»; «за доставление во время бывшего мятежа в 1831 г. из Мемеля в Паланген пороху в значительном количестве на собственном теле, получил в награду 1500 руб.»[110].

Не исключено, что геройский поступок Г. И. Гроссшопфа сыграл роль в его переводе 30 сентября (12 октября) 1831 г. с должности управляющего Палангенской таможни на вакантную должность старшего члена Рижской таможни. В середине октября 1831 г. он уже прибыл к новому месту службы[111]. Но только 4 (16) сентября 1834 г. Г. И. Гроссшопф был утвержден в этой должности. К этому времени он уже более года (с 25 июня (7 июля) 1833 г.) был надворным советником. В течение долгих девятнадцати лет Густав Иванович занимал этот пост. Наконец 17 (29) 1853 г. начальник Рижского таможенного округа И. Х. Гессе поручил ему исполнение должности управляющего Рижской таможней. С 1 августа 1853 г. это назначение было утверждено высочайшим приказом и установлено старшинство Г. И. Гроссшопфа в чине статского советника (5-й класс).

На посту управляющего Рижской таможней Г. И. Гроссшопф прослужил до 21 октября (2 ноября) 1863 г., когда, согласно его прошению, был уволен со службы «с предоставлением права но-

сить в отставке мундирный полукафтан и с назначением пенсии по положению». Кроме того, учитывая заслуги Г. И. Гроссшопфа, согласно докладу министра финансов М. Х. Рейтерна, 1 (13) ноября 1863 г. Александр II распорядился выплачивать ему сверх пенсии 500 руб. в год.

В течение службы в таможенном ведомстве Г. И. Гроссшопф был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени, что, наравне с чином статского советника, давало ему право на получение потомственного дворянства. Он был награжден также еще двумя орденами, несколькими медалями и знаками отличия «За беспорочную службу».

В период службы в таможенном ведомстве Г. И. Гроссшопф приобрел имение Вобалы в Ковенской губернии и с тех пор стал именоваться фон Гроссшопф[112], хотя причисления к дворянству до конца своих дней так и не оформил. Он умер 14 (26) марта 1864 г.[113]

Г. И. Гроссшопф был женат на польке римско-католического вероисповедания Эмилии Терезии Мазуркевич. От этого брака было пятеро сыновей: Михаил (род. 29 сентября (11 октября) 1835), Карл (род. 7 (19) декабря 1838), Вольдемар (род. 20 июня (2 июля) 1840), Павел Рудольф (род. 10 (22) марта 1842), Евгений (Эдмунд Иоганн) (род. 6 (18) сентября 1849), а также две дочери – Каролина (род. 26 февраля (10 марта) 1837) и Элиза (род. 11 (23) мая 1845)[114].

На момент составления формулярного списка Г. И. Гроссшопфа (2 (14) сентября 1863 г.) сын Михаил, окончивший 7 (19) июня 1856 г. с чином поручика (12-й класс) Институт инженеров путей сообщения, состоял на службе в Корпусе путей сообщения. Спустя 9 лет, 31 декабря 1872 г. (12 января 1873 г.), был надворным советником (7-й класс) и кавалером. В 1891 г. он уже был статским советником и работал инспектором железных дорог в Литве[115].

Карл служил поручиком по горному ведомству, Вольдемар (Владимир) воспитывался в Горном корпусе, который успешно закончил в 1863 г. В 1908 г. он был в отставке и редактировал рижский журнал «Экономия»[116].

Остальные дети, как указано в формулярном списке, находились при отце. Все дети Г. И. Гроссшопфа были лютеранского вероисповедания.

Прошло более тридцати лет со дня смерти Г. И. Гроссшопфа и его дети горный инженер статский советник Владимир Гроссшопф, коллежский советник член Вержболовской таможни Павел Рудольф Гроссшопф владелец имения Вобалы Тельшевского уезда Ковенской губернии Евгений фон Гроссшопф обратились в Департамент герольдии Сената с просьбой о причислении их к потомственному дворянству[117]. Михаил, Карл, Каролина и Элиза Гроссшопфы с такой просьбой не обращались. Возможно, они уже умерли, возможно, покинули пределы Рос-

сии. В отношении дочерей можно сказать, что, если они продолжали бы проживать в России и замужем были не за дворянами, то дворянский титул их дети получить не могли.

Департамент герольдии удовлетворил просьбу братьев Гроссшопфов и причислил их вместе с детьми к потомственному дворянству, занеся в третью часть родословной книги. Дети их также были причислены к дворянскому сословию: Павла Рудольфа – дочь Елизавета Аделаида (род. 21 октября (2 ноября) 1872) и сын Павел Густав Михаил (род. 4 (16) мая 1874); Евгения – сын Евгений Михаил (род. 23 августа (4 сентября) 1893)[118].

Жена Павла Рудольфа – Аделаида Луиза, урожденная Блезе, и жена Евгения – Екатерина Мария, урожденная Кунце, в решении Департамента герольдии не упоминаются, поскольку, согласно действовавшему законодательству, они в этом случае автоматически становились потомственными дворянками.

Как утверждает Г. фон Раух, потомки Г. И. Гроссшопфа вернулись в Германию[119].

Надворный советник Павел Густавович Гроссшопф упоминается в 1887 г. в качестве члена Вержболовской таможни (ныне г. Вирбалис в Виркавишском уезде Литвы, расположенный на границе с Калининградской областью, в то время Восточной Пруссией)[120]. Здесь он прослужил до 1895 г., став коллежским советником[121]. Затем его имя исчезает из «Адрес-календаря» и следы его теряются.

Г. И. Гроссшопф, возглавлявший Рижскую таможню, был далеко не первым представителем рода Гроссшопфов в этом городе. О степени родства рижских Гроссшопфов с петербургскими судить трудно. Однако необходимо сказать несколько слов и об этой ветви.

Прежде всего нужно назвать уроженца Любека Кристиана Дитриха Грошофа[122] (в документах, хранящихся в РГИА, он пишется как Грошопф[123]), родившегося 29 апреля 1740 г. и скончавшегося в Риге 28 ноября 1812 г. По мнению Г. фон Рауха, он был либо внуком Кристофера Фридриха Гроссшопфа от третьего сына, Аренда Генриха, либо сыном его племянника Иоахима Эрнста Гроссшопфа[124].

Как сообщил нам член Российского генеалогического общества В. К. фон Беренс, занимавшийся историей этой ветви Гроссшопфов, по его сведениям Кристиана Дитриха звали Кристиан Давид[125]. 4 (15) марта 1781 г. Кристиан Дитрих женился на Катарине Элизабет Гернгарт (9 (20) сентября 1762 – 16 (28) июня 1838)[126]. У супругов было шестеро детей. Четверо сыновей: Кристиан Карл, проходящий по документам, хранящимся в РГИА, как Константин Карл (15 (27) мая 1783 – 19 (31) августа 1847)[127]. Он был женат на Гедвиге Шарлотте фон Агте (род. 1808 г.)[128]. Вместе с ней он ездил в Петербург[129]. После смерти К. К. Гроссшопфа его вдове была назначена пенсия[130].

Второй сын Эдуард Фридрих (19 февраля (2 марта) 1789–1862)[131], продолживший дело отца и бывший купцом, завершил свой жизненный путь, служа поручиком Рижской городской стражи[132].

Третий сын Христиан Абрам (15 (26) марта 1784 – 12 (24) июня 1817). Брак с Софией Генриеттой Мартен заключен был 12 (24) января 1817 г. Детей не было.

Александр Георг, о котором известны только даты его жизни 1784–1817 гг.

В семье были также две дочери: Катарина Оттилия (но в печати встречается и другое ее имя Оттилия Элиза) (28 января (8 февраля) 1790 – 28 марта (9 апреля) 1841, в замужестве Гроверманн[133]. О муже – известны только его инициалы Н. Н. Гроверманн. У супругов была дочь Элиза. Ее мужа звали Николай Адам[134]. Второй дочерью была незамужняя Вильгемина Христина (24 октября (4 ноября) 1790 – 31 декабря 1849 (12 января 1850)[135].

Возвращаясь к К. Д. Гроссшопфу, следует сказать, что, будучи человеком с коммерческой жилкой, он становится членом купеческой гильдии, а в 1799 г. – ее старшиной. Он имел звание именитого гражданина и был купцом первой гильдии, а в 1801–1803 гг. являлся ратгером Рижского магистрата[136]. Это дало К. Д. Гроссшопфу основание считать себя дворянином. История попыток его сына утвердить свое дворянство подробно зафиксирована в архивных документах[137]. В соответствии с привилегией, данной городу Риге 23 ноября 1660 г. польским королем Яном II Казимиром и подтвержденной впоследствии всеми российскими государями, начиная с Петра I, бургомистр и члены городского магистрата утверждались в дворянском достоинстве. Это мнение разделял и Рижский городской магистрат, выдавший за подписью бургомистра А. В. Барклая-де-Толли соответствующее свидетельство сыну К. Д. Гроссшопфа Константину Карлу. Константин Карл, поступая в 1821 г. на службу в качестве секретаря Аренсбургской таможни, приложил к просьбе о зачислении на службу и данное свидетельство, а также письмо Лифляндского гражданского губернатора, в котором говорилось, что К. К. Гроссшопф дворянин и препятствий к зачислению его на службу нет.

21 июня (3 июля) 1821 г. К. К. Гроссшопф был зачислен секретарем Аренсбургской таможни[138]. Документы, утверждающие, что он является дворянином, были посланы Департаментом внешней торговли в Департамент герольдии, чтобы оттуда получить заключение, из какого звания происходит К. К. Гроссшопф, и отразить это звание в его формулярном списке. В течение нескольких лет длилась переписка. Константина Карла 25 марта (6 апреля) 1829 г. переводят вагенмейстером (заведующим весовой частью) на Рижскую таможню[139]. На основании Положения о канцелярских служащих гражданского ведомства, утвержденного 14 (26) октября 1827 г., либо ему как дворянину

необходимо было присвоить чин, либо, если он был сыном купца 1-й гильдии и именитого гражданина, нужно было испрашивать особое разрешение Сената[140] на то, чтобы числить К. К. Гроссшопфа на службе «как способного и усердного к оной»[141].

Только 28 марта (9 апреля) 1830 г. Департамент герольдии дал ответ, в котором говорилось, что ратгеры привилегией быть причисленными к дворянству не пользуются и поэтому «сына бывшего рижского ратгера Грошопфа не следует признавать во дворянства»[142]. Из Департамента внешней торговли последовал новый запрос – можно ли К. К. Гроссшопфа считать на действительной службе и к какому разряду канцелярских служащих его отнести. Интересно отметить, что это письмо от 1 (13) октября 1830 г. вместе с директором Департамента внешней торговли Д. Г. Бибиковым подписал и управляющий 1-м отделением Карл Иванович Гроссшопф[143].

Ответ Департамента герольдии в деле отсутствует. Известно, что 7 (19) августа 1831 г. К. К. Гроссшопф был произведен в коллежские регистраторы (14-й класс), а в 1838 г. стал коллежским секретарем (10-й класс)[144]. Это был последний классный чин, которого был удостоен К. К. Гроссшопф за время службы.

6. Анна Гроссшопф и ее сестры

Кроме трех сыновей в семье Анны Карловны и Ивана Федоровича Гроссшопфов было пять дочерей. О судьбе Амалии, последней, пятой дочери, родившейся в 1806 г., можно сказать, что она вышла замуж за своего двоюродного дядю Г. К. Борга. По неизвестным причинам о ней, видимо, никогда не говорили. Косвенно это подтверждает в своих воспоминаниях ее племянница Анна Александровна Веретенникова. Рассказывая о составе семьи своего деда, она пишет не о восьми, а о семи детях, оставшихся после его смерти. Правда, здесь же допускает неточности. Если верить ее воспоминаниям, то Иван Федорович, которого она никогда не видела, умер в возрасте около семидесяти лет. В действительности он умер в возрасте пятидесяти одного года. На момент смерти Ивана Федоровича на службе было не два, а три его сына. Замужем же была только одна его дочь – Александра. вторая дочь, Анна, вышла замуж, спустя более десяти лет после смерти Ивана Федоровича[145]. Довольно интересен тот факт, что, видимо, все дочери Ивана Федоровича выходили замуж в довольно зрелом возрасте.

О четвертой дочери Каролине Терезе, ее муже и судьбе их потомков мы поговорим далее.

Третья дочь Гроссшопфов Екатерина вышла замуж 9 (21) октября 1837 г. за титулярного советника Константина Егоровича фон Эссена и уехала с мужем в Казань. После его внезапной смерти в 1840 г. вернулась в Петербург и до конца своих дней жила в

семье овдовевшего А. Д. Бланка. Она стала его гражданской женой и посвятила себя воспитанию детей покойной сестры Анны.

Возвращаясь же к судьбе старшей дочери Ивана Федоровича Александре необходимо сказать следующее. Она вышла замуж за киевского аптекаря Поля[146]. Так названа фамилия мужа Александры Ивановны Гроссшопф в воспоминаниях А. А. Веретенниковой, хранящихся в ЦГАЛИ, куда они были переданы в 1939 г. ее сыном Николаем Ивановичем Веретенниковым (1871–1955). В то же время фамилия мужа А. И. Гроссшопф в экземпляре воспоминаний А. А. Веретенниковой, имеющихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (бывшем ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС) – Пясь[147]. И, наконец, его фамилия вообще не упоминается в воспоминаниях Веретенниковой, переданных в фонды ленинских музеев Ульяновска 5 июля 1937 г. Н. И. Веретенниковым[148].

Таким образом здесь произошла путаница с фамилией мужа Александры Ивановны Гроссшопф. Если обратиться к «Российскому медицинскому списку на 1840 год», то в нем в «Алфавитном списке медицинских чиновников» мы встречаем сразу четырех Полей: лекаря Александра Эдуарда; доктора (имеется в виду ученая степень), коллежского советника Андрея Поля; штаб-лекаря, коллежского советника Готфрида Поля и штаб-лекаря, надворного советника Юлия Франца Поля[149]. Был ли среди них муж Александры Гроссшопф и кто конкретно, сказать трудно. Так же как и ответить на вопрос: «Являлись ли ее потомками Виктор Карлович Поль, живший на Предславинской ул., 18 и Владимир Рудольфович Поль, живший на Ивановской ул., 19 города Киева»[150].

Бабушка Владимира Ильича Анна Ивановна обвенчалась с Александром Дмитриевичем Бланком, как уже говорилось ранее, в соборе Святителя Николая Чудотворца 26 августа (7 сентября) 1828 г. Ей было дано приданое, которое спустя четыре с небольшим года было превращено в недвижимость.

Д. А. Волкогонов, говоря об Анне Ивановне в своей книге «Ленин. Политический портрет», допускает целый ряд неточностей, начиная с того, что почему-то называет ее Анной Григорьевной[151]. Анна Ивановна не могла жить с Александром Дмитриевичем в городе Поречье (у Волкогонова – Изречье) Смоленской губернии, так как он там работал в 1824–1825 гг., за четыре года до их свадьбы, и надо полагать, до знакомства. Не была она с ним ни в Перми, ни в Златоусте, ни в Кокушкине – туда Александр Дмитриевич уехал уже после ее смерти. Волкогонов утверждает также (возможно, вслед за Д. Н. Шубом), что Анна Ивановна не научилась «сносно говорить по-русски»[152], что кажется маловероятным, учитывая, что она родилась и всю жизнь прожила в Петербурге.

В. А. Солоухин, опираясь на профессии шведских предков А. И. Гроссшопф (ювелиры, шляпники, перчаточники), утвер-

ждает, что они могли быть по национальности как шведскими евреями, так и просто шведами[153]. Логику известного русского писателя понять трудно. Перечисленные им специальности могут быть у людей любой национальности, любого вероисповедания.

7. Судьба потомков Каролины Гроссшопф

Каролина Тереза Гроссшопф вышла замуж за вдовца Владимира Ивановича Бьюрберга (Бюрберга, Биубергера) (1802(?) – не ранее 1856). Точная дата их венчания неизвестна. Но это произошло в период с 1832 по 1834 гг.

Сохранившиеся в архиве документы, официально изданные справочники и публикации в печати дают возможность выявить сведения о его родителях. Отцом В. И. Бьюберга был штаб-лекарь С.-Петербургского Главного госпиталя Иван Бьюберг (ум. после 1806 г.), состоявший на службе с 1759 г.[154] За хорошую работу И. Бьюберг был награжден 27 декабря 1804 г. (8 января 1805 г.) перстнем стоимостью в 400 руб.[155] На этом следы И. Бьюберга теряются.

Матерью Владимира Ивановича была Мария Францевна Бьюберг, урожденная Градицци (ум. в 1831). После смерти мужа она часто брала в долг большие суммы денег, которые не возвращала в срок. Рапорта С.-Петербургского земского суда свидетельствуют о том, что налагалось «запрещение на ее недвижимые имения, где бы какое ни оказалось»[156]. После смерти матери В. И. Бьюберг всю ответственность за выплату ее долгов взял на себя[157].

Не окончив курса обучения во Второй С.-Петербургской гимназии, В. И. Бьюберг поступил на службу в Экспедицию государственных доходов 5 (17) декабря 1817 г. Он служил (по сохранившимся документальным данным) до 1853 г. Кем он только не был за эти годы: дежурным офицером в Горном Кадетском корпусе, надзирательским помощником в бригаде пограничной таможенной стражи, дворянским заседателем С.-Петербургского земского суда, приставом уезда, контролером С.-Петербургской дворянской опеки и, наконец, заседателем от дворян в 1-м департаменте С.-Петербургского уездного суда.

За все время службы В. И. Бьюберг характеризуется как человек к ней способный и достойный к повышению в чине. Но при этом он не имеет никаких знаков отличия. Видимо, это связано с тем, что в период с 5 (17) декабря 1817 г. по 3 (15) июля 1853 г. он увольняется шесть раз. Причем перерывы в работе у него достигают 3–4-х лет[158]. Чем он занимался в это время, сказать трудно. Вероятнее всего, работал в какой-то частной фирме.

Семейная жизнь В. И. Бьюберга складывалась неудачно. Первая жена, по всей видимости, скончалась, а со второй он развелся. От первого брака у В. И. Бьюберга была дочь Мария (род.

1828 г.), от второго брака две дочери: Наталья (1836 – 6 (19) февраля 1909) и София (1838)[159].

Единственное упоминание о старшей дочери Марии мы встречаем в духовном завещании тети ее отца Натальи Федоровны фон Норден, урожденной Градацци. В нем Н. Ф. фон Норден завещает М. В. Бьюберг 5000 рублей ассигнациями[160]. Больше о ней ничего не известно. Третья дочь, София, вышла замуж за офицера Языкова, закончившего службу в звании штабс-капитана.

Более полно представлены сведения о Наталье Владимировне Бьюберг, историю потомков которой можно проследить до сегодняшнего дня. В 1857 г. Н. В. Бьюберг вышла замуж за штабс-капитана Николая Ивановича Шемякина (5 (17) ноября 1830 – 18 (30) июня 1896)[161]. У супругов было трое детей: Мария (25 марта (6 апреля) 1858–27 февраля (12 марта) 1912),[162] Сергей (род. 1859) и Николай (1861 – 8 (21) сентября 1914)[163]. Все они являлись троюродными братьями и сестрами детей М. А. Ульяновой. Благодаря им у представителей семьи Ульяновых появятся интересные родственные связи. Это выявили в своем исследовании потомки Н. Н. Шемякина: его внучка Галина Николаевна Шпякина, правнучка Анна Андриановна Темкина (19 сентября 1960) и праправнучка Анастасия Михайловна Величко (5 апреля 1984)[164].

Архивы С.-Петербурга сохранили интересные материалы. В метрической книге церкви Св. Спиридона Тримифунтского лейб-гвардии Финляндского полка (Большой пр. В.О., 65, угол 19-й линии, 16) за 1858 г. записано под № 42, что 25 марта (6 апреля) 1858 г. родилась, а 21 апреля (3 мая) 1858 г. крещена Мария, дочь штабс-капитана С.-Петербургской пограничной стражи Николая Ивановича Шемякина и Натальи Владимировны Шемякиной. Ее восприемниками были вице-директор Департамента внешней торговли действительный статский советник Карл Иванович Гроссшопф и вдова поручика артиллерии Ивана Фомича Шемякина Любовь Яковлевна[165].

Пройдет более 26-ти лет и 18 (30) апреля 1884 г. в церкви Св. Николая Чудотворца при Манеже в Кронштадте Мария Николаевна Шемякина обвенчается с лейтенантом 7-го флотского экипажа Иоанном (в быту Иваном. – *М. Ш.*) Константиновичем Григоровичем[166] (26 января (7 февраля) 1853 – 3 марта 1930).

Его отцом был командир 5-го флотского экипажа капитан 1-го ранга (впоследствии контр-адмирал) Константин Иванович Григорович, а матерью урожденная баронесса Мария Егоровна Ховен. 16 (28) сентября 1870 г. И. К. Григорович стал воспитанником Морского училища. Но действительная служба у него считается только с 16 (28) сентября 1871 г. 30 марта (11 апреля) 1874 г. после сдачи экзамена Иван Константинович получает свой первый чин – гардемарин. И уже 12 (24) апреля он зачисляется во 2-й флотский экипаж. После более чем годового плавания на кораблях Балтийского флота и сдачи соответству-

ющего экзамена И. К. Григоровичу 30 августа (11 сентября) 1875 г. присваивается очередное воинское звание – мичман. И почти сразу же, 24 сентября (6 октября) 1875 г. его вновь направляют на учебу. На этот раз в Учебно-артиллерийский отряд, обучение в котором И. К. Григорович успешно закончил 27 марта (7 апреля) 1878 г. После этого начинается его настоящая морская служба, к которой он относится исключительно добросовестно. Об этом свидетельствует следующая запись в его «Полном послужном списке»: «За отличие по службе произведен в лейтенанты». 21 февраля (5 марта) 1883 г. Иван Константинович впервые становится командиром судна. Судно небольшое и портовое с игривым названием «Колдунчик». Одновременно он переводится в 7-й флотский экипаж. Вскоре у И. К. Григоровича появляются первые награды: российский орден Св. Станислава 3-й степени (17 (29) апреля 1883 г.) и шведский орден «Ваза» кавалерского креста (8 (20) августа 1883 г.). За свою долгую службу Иван Константинович удостаивается 11 российских и 13 иностранных орденов, не считая всевозможных медалей и знаков отличия.

И. К. Григорович уверенно поднимается по служебной лестнице. Знаком высокого доверия можно считать его назначение 6 (18) октября 1896 г. морским агентом (военно-морским атташе) России в Англии. 17 (29) апреля 1897 г. И. К. Григоровичу присваивается звание капитана 1-го ранга. 29 июня (1 июля) 1898 г. он был освобожден от должности морского агента и командирован во Францию, где в Тулони на верфи «Форж э Шантье» ему было поручено наблюдать за постройкой броненосца «Цесаревич» и крейсера «Баян». Работа шла успешно, и 15 (27) 1899 г. И. К. Григорович назначается командиром эскадренного броненосца «Цесаревич», который был введен в строй в 1903 г. Он руководил переходом «Цесаревича» в Порт-Артур, где броненосец стал одним из лучших кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры.

В день начала русско-японской войны, 26 января (8 февраля) 1904 г., «Цесаревич», несмотря на полученную пробоину, участвовал в сражении с внезапно напавшими японскими кораблями.

22 марта (4 апреля) 1904 г. за участие в боях И. К. Григорович был награжден мечами к ордену Св. Владимира 3-й степени, а еще через неделю, за отличие в боях против неприятеля, произведен в контр-адмиралы и одновременно назначен командиром порта «Порт-Артур». С этого момента И. К. Григорович вошел в элиту российского флота. Об этом свидетельствует рост его карьеры после окончания русско-японской войны. 31 октября (13) ноября 1905 г. он назначается начальником штаба Черноморского флота и черноморских портов; 28 декабря 1906 г. (10 января 1907 г.) – командиром порта Александра III (бывшего Либавского военно-морского порта); 1 (14) октября 1908 г. – испол-

няющим делами Главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря и военного губернатора Кронштадта. 31 января (13) февраля 1909 г. эта должность стала называться Главный командир Кронштадтского порта (он же военный губернатор города Кронштадта). 9 (22) февраля 1909 г. И. К. Григорович назначен товарищем (заместителем) морского министра. В этой должности он организует проектирование и строительство кораблей, руководит Морским техническим комитетом (с конца 1911 г. преобразован в Главное управление кораблестроения) и подчиненными Морскому министерству заводами: Адмиралтейским, Балтийским, Ижорским, Обуховским и Николаевским Адмиралтейским, курирует отношения с частными судостроительными компаниями. Когда возник вопрос о том, чтобы Морское министерство возглавил человек, не имевший отношения к гибели российского флота в русско-японской войне, а, наоборот, сражавшийся с врагом с полной отдачей, лучшую кандидатуру, чем И. К. Григорович, трудно было найти. Кроме того, он обладал выдающимися организаторскими и дипломатическими способностями, глубоким знанием дела, высокой степенью ответственности и большой работоспособностью. Сочетание этих качеств привело к тому, что 19 (31) марта 1911 г. Николай II назначил И. К. Григоровича морским министром России. На этом посту он пробыл чуть более шести лет.

За эти шесть лет И. К. Григорович разработал и добился принятия малой и большой судостроительных программ. Это дало возможность с помощью немецких и французских инвестиций построить новые судостроительные предприятия: Путиловскую верфь (Петербург), на которой строились эскадренные миноносцы и легкие крейсера; Усть-Ижорскую верфь и турбинную мастерскую; Мюльграбенскую верфь в Риге; три судостроительных завода в Ревеле, один из которых строил подводные лодки; новый завод в Николаеве. Благодаря энергии И. К. Григоровича в России появилась новая отрасль – турбостроение.

Развитие судостроительной промышленности повлекло за собой дальнейшее совершенствование и рост связанных с нею отраслей: горнодобывающей, топливной, металлургической, дизелестроительной, электротехнической, вооружения и боеприпасов.

Построенные перед Первой мировой войной и в ходе ее, суда многие годы служили военно-морскому могуществу страны. Достаточно сказать, что Великую Отечественную войну Советский Союз встретил, имея на вооружении 100 % линкоров, 40 % крейсеров и 30 % эскадренных миноносцев, построенных в течение 1909–1917 гг., когда Морское министерство возглавлял И. К. Григорович[167].

В 1916 г. в Морском походном штабе в Могилеве возникла идея назначить И. К. Григоровича Председателем Совета министров вместо Б. В. Штюрмера. Многие в Ставке поддержали эту

идею, но Иван Константинович считал, что может стать только во главе такого правительства, которое пользовалось бы доверием не только Государственной думы, но и общественности. Кроме того, он хотел очистить правительство от лиц, не отвечающих высокому званию члена правительства. Все это не устраивало Николая II, и он предпочел назначить на пост главы правительства нелюбимого многими из-за своих человеческих качеств А. Ф. Трепова.

И. К. Григорович занимал пост морского министра как при А. Ф. Трепове, так и при Н. Д. Голицыне, последнем Председателе Совета министров царского правительства. После Февральской революции А. И. Гучков, военный и морской министр Временного правительства, 22 марта (4 апреля) 1917 г. предложил адмиралу И. К. Григоровичу подать в отставку. Ответ Григоровича последовал незамедлительно. 31 марта (13 апреля) 1917 г. был издан приказ следующего содержания: «Увольняется от службы член Государственного совета адмирал И. К. Григорович по расстроенному здоровью с мундиром и пенсией»[168].

После ухода в отставку И. К. Григорович покинул свою служебную квартиру в здании Главного Адмиралтейства и временно поселился в гостинице «Астория». Оттуда почти ежедневно ходил на Моховую, 34 на допрос к следователю Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц Е. П. Воронову, созданной 4 (17) марта 1917 г. Временным правительством. Но дело было прекращено из-за недоказанности всех выдвинутых против него обвинений.

Еще во время следствия И. К. Григорович с младшей дочерью Натальей (19 декабря 1901–1964) поселяются по адресу Надеждинская (ныне Маяковского) ул., 11, кв. 29 вместе с семьей старшей дочери Марии (22 февраля (6 марта 1885–1963), которая была замужем за бывшим директором Морского корпуса вице-адмиралом Виктором Андреевичем Карцовым (31 января (12 февраля) 1868–1936). Зимой 1920 г. всей семьей из-за отсутствия дров они жили несколько месяцев на Петроградской стороне по Каменноостровскому пр., 58, у старого друга Ивана Константиновича академика А. Н. Крылова, который в то время был начальником Морской академии[169].

После Октябрьской революции И. К. Григорович работает научным сотрудником Морской исторической комиссии (Мориском), а затем старшим архивариусом Морского архива (ныне РГА ВМФ). Одновременно пишет «Воспоминания бывшего Морского министра»[170] и рисует маслом миниатюры не только на морскую тематику, занимается оформлением витрины кондитерской «Ле Гурме» (Невский, 76)[171].

Вторая часть воспоминаний, охватывающая период активного развития российского флота с 1909 по 1917 гг., была опуб-

ликована только в 1993 г. Первая часть, посвященная жизни с 1853 по 1909 гг., еще ждет своего часа.

После окончания работы над мемуарами И. К. Григорович тяжело заболел – опухоль мозга. Он начал хлопотать о выезде для лечения за границу, так как в Петрограде, при отсутствии нужных лекарств, операцию было сделать невозможно. Органы внутренних дел отказали ему без объяснения причин. 22 мая 1924 г. И. К. Григорович обратился с просьбой о помощи к хорошо знавшему его по службе до революции А. В. Домбровскому, начальнику Штаба морских сил Советского Союза[172].

Только после этого обращения вопрос был решен положительно. Осенью 1924 г. И. К. Григорович навсегда покидает Россию и уезжает в Германию. Здесь ему делают операцию. После успешно сделанной операции он поселяется в небольшом курортном городке Ментоне департамента Приморских Альп (Франция), недалеко от границы с Италией. Местом жительства его становится квартира в пансионе по адресу Виктория Парк, авеню Буайе. На жизнь Иван Константинович зарабатывал рисованием. 3 марта 1930 г. И. К. Григорович скончался. Его прах покоится в нише-склепе на кладбище в Ментоне[173].

После отъезда И. К. Григоровича в Ленинграде остались дочери: Мария и Наталья. 29 декабря 1930 г. у себя дома на Надеждинской (ныне Маяковского) ул. была арестована Мария Ивановна. На следующий день арестовали ее мужа В. А. Карцова и сына Андрея, страдавшего эпилепсией. 19-летняя дочь Наталья Карцова в ночь ареста родителей и брата была в ночной смене на Путиловском заводе, где работала пирометристом. После ареста родителей ее пытались заставить отречься от них. Она категорически отказалась. По совету мастера Н. В. Карцова уволилась с завода. После освобождения, через три года, Мария Ивановна возвращается в Ленинград. В связи с тем, что муж и сын по-прежнему отбывают ссылку в Архангельске, она обменивает свою квартиру на Архангельск. Туда же переезжает ее дочь Наталья. Вскоре срок ссылки у мужа и сына заканчивается, но вместе семья была недолго. Скоропостижно уходит из жизни муж, В. А. Карцов, работавший сотрудником Водного кадастра Архангельского порта, а Андрея вскоре вновь арестовывают, и он погибает в одном из лагерей.

Более благополучно сложилась жизнь у младшей дочери И. К. Григоровича – Натальи. В 1923 г. она вышла замуж за инженера Вадима Львовича Панина (1891 – 6 мая 1941) и поселилась у мужа. Не исключено, что это спасло ее от репрессий. Не коснулись они семьи и в 1937–1938 гг. Перед самой войной В. Л. Панин скоропостижно скончался. Наталья Ивановна остается с пятью детьми на руках: Мариной, Вадимом, Аллой (в замужестве Воскобойниковой, ум. в 1990 г.), Кирой (в замужестве Паниной) и Ольгой (в замужестве Петровой). В 1943 г. в эва-

куации в Кирове умирает Марина, а в 1945 г. в последний день войны в бою погибает Вадим.

После возвращения в Ленинград Наталья Ивановна с помощью адмирала Н. Г. Кузнецова получила небольшую пенсию на своих детей. В течение десяти лет (с 1950 по 1960 гг.) она работала библиографом библиотеки Военно-Морской Академии[174].

У Марии Николаевны Григорович был родной брат Николай Николаевич Шемякин, начавший свою карьеру как военный моряк и продолживший ее в Государственном контроле. Его женой была Руфина Григорьевна Цветкова (1870–1928), родная племянница по матери Елизаветы Константиновны Сергиевой (4 (16) мая 1829 – 22 мая (4 июня) 1909), жены протоиерея Андреевского собора в Кронштадте отца Иоанна Кронштадтского (Иоанна Ильича Сергиева), в чьей семье она воспитывалась[175].

Такова судьба потомков Каролины Ивановны Гроссшопф, в замужестве Бьюберг.

8. Управляющий Государственной комиссией погашения долгов Карл Гроссшопф

Наибольшую известность из детей А. К. и И. Ф. Гроссшопфов приобрел старший сын Карл Фридрих или, как он значится во всех архивных документах, Карл Иванович, служебная карьера которого продолжалась без малого 60 лет (со 2 июня 1805 по 18 июня 1865 гг.)[176].

Получив домашнее образование (краткое обучение в Петришуле вряд ли стоит принимать в расчет, так как он ее не закончил)[177], К. И. Гроссшопф начинает свою службу там же, где работал его отец, в Государственной юстиц-коллегии канцеляристом. Через год, 14 мая 1806 г., последовал первый классный чин – губернского секретаря (12-й класс)[178]. Его чины росли, должности – нет. 3 (15) апреля 1813 г. К. Г. Гроссшопф поступает на работу в Департамент разных податей и сборов Министерства финансов. Здесь он проработал немногим более десяти лет и был удостоен первой награды – ордена Св. Владимира 4-й степени[179], который давал ему право на причисление к дворянству, но он не стал обращаться по этому поводу к петербургскому Дворянскому собранию. Казалось, все складывалось благополучно. Однако Карл Иванович все же счел нужным перейти на работу в Департамент внешней торговли. Почти 47 лет он проработал в Департаменте внешней торговли и прошел путь от столоначальника до вице-директора департамента, сменив 26 апреля (8 мая) 1846 г. на этом посту действительного статского советника князя П. А. Вяземского[180], друга А. С. Пушкина.

За успешную службу К. И. Гроссшопф был награжден девятью российскими орденами и нидерландским орденом Льва Большого Командорского Креста, бронзовой медалью на Андреевской ленте, учрежденной в память войны 1853–1856 гг., а

также многочисленными знаками отличия за беспорочную службу и бриллиантовой табакеркой с императорским вензелем[181].

К. И. Гроссшопф единственный из предков Владимира Ильича (не считая Ульяновых), о котором остались воспоминания не только родственников, но и сослуживцев. По свидетельству его племянницы и крестной дочери А. А. Веретенниковой (урожд. Бланк), Карл Иванович «был высок ростом, лицо его было несколько подпорчено оспой». «Я его помню, – пишет мемуаристка, – всегда серьезным, редко улыбающимся. Мы, дети, его очень любили, хотя и боялись... Как сейчас вижу его высокую фигуру, когда он с портфелем в руках проходил через залу, отправляясь на доклад к министру»[182].

Из воспоминаний А. А. Веретенниковой видно, что Карл Иванович был человеком большой культуры и личного обаяния. Он страстно любил музыку, сам прекрасно играл на скрипке. Скрипок у него было восемь. Не жалел Карл Иванович денег и на приобретение книг.

Карл Иванович очень любил своих братьев, сестер и их детей (своей семьи он не создал). Племянникам и племянницам многое разрешал. В частности, «бегать по огромной белой зале и играть в кабинете, но строго запрещал дотрагиваться до своих вещей, в особенности книг и скрипок»[183].

Зато свой запрет он компенсировал, рассказывая детям сказки, которых знал великое множество. Карл Иванович усаживал детей на широкий диван и начинал свой рассказ, правда нередко прерывал его на самом интересном месте. Еще больше дети любили слушать, когда Карл Иванович играл на скрипке. Многие годы спустя вспоминали они прекрасную музыку, которую великолепно исполнял их дядя Карл.

Внучатая племянница К. И. Гроссшопфа А. И. Ульянова-Елизарова напишет, что, когда Бланки жили в Кокушкино, дядя (правда, она не называет его, но судя по всему, это мог быть только Карл Иванович) «посылал... племянницам детские игры, книги и ноты»[184]. Девочкам были приятны подарки. Они означали, что в Петербурге о них помнят. Д. А. Волкогонов писал: «В Кокушкино не раз приезжал брат жены Бланка – крупный чиновник Департамента внешней торговли Карл Гросскопф. По приезде в имении устраивались музыкальные вечера, и дочери Бланка тянулись к этому образованному и жизнерадостному человеку»[185]. Однако К. И. Гроссшопф Кокушкино никогда не посещал. За время службы он был отпуске три раза. Первый раз с 1 мая 1834 г. сроком на четыре месяца[186]. В это время его племянник и племянницы жили в Петербурге. Второй раз – за границей с 7 мая по 7 октября 1842 г.[187] В этот момент семья Бланков жила в Перми. И, наконец, в третий раз – с 8 июня по 30 октября 1845 г.[188] Как свидетельствуют документы о выдаче ему заграничного паспорта, К. И. Гроссшопф ездил в Германию для лечения минеральными водами[189]. Причем выехал он из Петер-

бурга не один, а вместе с родственницей Сесилией Элоизой Федоровной Гроссшопф, проживавшей на момент отъезда в доме Корпуса путей сообщения (наб. Фонтанки, 75)[190]. К этому времени семья Бланков переехала в Златоуст. Но с характеристикой, данной Волкогоновым К. И. Гроссшопфу как человеку, нельзя не согласиться. Кстати, отношение его к племянницам характеризует и тот факт, что в качестве подарка к свадьбе А. А. Веретенниковой он послал ей достаточно большую по тем временам сумму – 300 рублей[191]. Необходимо помнить о том, что в своих воспоминаниях, которые Волкогонов несомненно читал, А. А. Веретенникова писала: «...мне было лет пять-шесть, когда я видела их (имеются в виду Карл и Густав Гросшопфы. – *М. Ш.*) в последний раз»[192].

Еще одни воспоминания о К. И. Гроссшопфе, на которые обратила наше внимание Г. Н. Шпякина, оставил бывший сотрудник Департамента внешней торговли В. П. Бурнашев. Они были опубликованы в нескольких томах «Русского вестника» в 1872 г., в газете «Русский мир» от 30 декабря 1872 г. под псевдонимом «Петербургский старожил» и отдельным изданием под названием «Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности (1834–1850)» в 1873 г.

В своих воспоминаниях В. П. Бурнашев описывает Карла Ивановича, как памятного для всех чиновников Департамента внешней торговли начальника второго (таможенного) отделения, являвшегося прототипом чистокровного министерского бюрократа николаевской поры. Это выражалось в требовании к подчиненным не опаздывать на работу и строго соблюдать распорядок дня, в постоянном брюзжании и мелочности. Сам же он приезжал в собственном экипаже (зимою на полуторных санях, а летом в дрожках) на одной паре коней. Карл Иванович входил в помещение департамента, расположенного в здании, построенном специально для Министерства финансов в южной части Дворцовой площади, почти напротив Зимнего дворца. Только однажды, за 50 лет работы в департаменте, Карл Иванович не приехал на работу. В этот день на его руках скончалась горячо любимая им мать – Анна Карловна.

Карл Иванович приезжал на службу с почти полным соблюдением формы одежды: фрак, черный жилет с металлическими пуговицами и черные брюки в обычные дни, фрак, жилет из белого пике с такими же пуговицами и белый или черный галстук в праздничные и торжественные дни. Отступление от формы одежды у Карла Ивановича состояло в том, что он в любой день носил белый галстук с анненскою лентою на нем. Любил Карл Иванович и туго накрахмаленные воротнички. Они позволяли ему держать голову прямо и высоко. На голове была масса завитых барашком, белесовато-льняных чухонских волос, создававших вид своеобразной шапки на голове. Она только еще больше подчеркивала бледность исковерканной как татуировкой оспою

лица. Карл Иванович имел быструю, но странную походку, без сгибания ног. Все это вызывало определенные насмешки, особенно у молодых чиновников. Некоторые из них, например, Н. М. Бакунин, И. П. Сперанский и барон Ф. Ф. Корф, автор книги «Поездка в Персию», печатались в журналах и альманахах «Альцион», «Бабочки», «Урания» и т. д.

Как вспоминает В. П. Бурнашев: «Когда же который нибудь из них хоть несколькими минутами опаздывал на работу, он (К. И. Гроссшопф. – *М. Ш.*) восклицал, запрокидывая назад голову и дергая кверху галстук: “Что, небось, упражняться изволили в воспевании какой-нибудь небесной красоты?”» Столоначальники и остальные чиновники обыкновенно с восхищением ухмылялись, что, разумеется, раздражало юношей, имевших слабость думать, что они действительно не на шутку поэты и литераторы. Озлобление это у светского барона Корфа проявлялось язвительной улыбкой и словами сквозь зубы: «А, Вам завидны наши небесные красотки, так как Вы другого идеала, кроме истрепанной прачки, не имеете?» Но более резкий Сперанский раз на заметку Грошопфа: «Ну, что Вы глядите? Верно думаете о Вашей нимфе или фее!» отрезал: «Какие, Карл Иваныч феи или нимфы, когда то и дело, что видишь перед собой орангутанга в виц-мундире!». Карл Иванович побагровел, но сдержал малейший порыв, а только подошел к подзеркальному стеклу, не утерпел, чтоб на взглянуть на свою особу в огромное зеркало, налил из графина стакан воды и выпил залпом»[193].

Пожалуй одно странное пристрастие Карла Ивановича вызывало не только ироническое, но и негативное отношение: его любовь к поиску и исправлению грамматических и синтаксических ошибок. Причем не только в русском, но и французском текстах. Попытка же вызвать Карла Ивановича на диспут по этому вопросу вызывала у него сильное раздражение.

Казус, повлекший сильный негативный отклик, произошел в 1830 г. В это время шел активный обмен письмами между Министерством иностранных дел и Министерством финансов по поводу одного из тарифов. Одно из таких писем, являвшееся по своему содержанию не только конфиденциальным, но и секретным, было написано по-французски министром иностранных дел России графом К. В. Нессельроде министру финансов графу Е. Ф. Канкрину и попало к К. И. Гроссшопфу. Он, забыв, кто автор письма и кому оно адресовано, начал его править синими чернилами. К несчастью Карла Ивановича, письмо вновь потребовалось Е. Ф. Канкрину для доклада. Ознакомившись с «творчеством» Карла Ивановича, Канкрин, высказал Гроссшопфу все, что он думает по этому поводу: «Карл Иванович смыслит во французской орфографии столько, сколько свинья в апельсинах». Но Канкрин был человеком незлопамятным. Правда, иногда говорил Гроссшопфу: «Фот интересная саписка, сообщенная мне министром юстиции; фосмите ее к сепе, толь-

ко уж, пошалуйста, не поправфляйте». Подобные бумаги Карл Иванович не редактировал. Но своих сотрудников заставлял по несколько раз переделывать подготовленные ими документы, пока не убеждался, что они отвечают требованиям изящнейшей гармонии.

Именно за эту высочайшую требовательность ряд сотрудников отделения не любил Карла Ивановича. И это несмотря на то, что все без исключения чиновники департамента подчеркивали, что за годы службы Карл Иванович никогда и никому не делал зла, а, напротив, многим умел очень деликатно подавать руку помощи. Его коллеги по работе обращали внимание на то, что Карл Иванович был превосходным родственником. Лелеял свою мать (о Каролине Карловне Бурнашев почему-то не упоминает, хотя известно, что Карл Иванович ее также очень любил и заботился о ней), оказывал нежные попечения и дружбу сестрам, брату, племянникам и племянницам.

И все же Карл Иванович определенным образом был притчей во языцех.

Однажды, во время традиционного воскресного домашнего обеда у директора Департамента внешней торговли Д. Г. Бибикова (Моховая ул., 5) Н. М. Бакунин, Ф. Ф. Корф, И. П. Сперанский стали убеждать присутствующих, что Карл Иванович, играя на скрипке у себя дома, кладет вместо нот официальные бумаги. Бибиков смеялся вместе со всеми. Но однажды сказал: «А! Право, наш Карл Иваныч претипичная личность, он удивительно как идет в русский водевиль вроде каких-нибудь “чиновников между собою”».

Бакунин немедленно подхватил идею. И вскоре Корф, Сперанский и компания написали водевиль, но такого качества, что он не был допущен ни на одну сцену императорских театров. Поняв невозможность постановки водевиля на профессиональной сцене, они нашли любительский театр на Моховой улице в доме Рунича (видимо, В. П. Бурнашев что-то перепутал. У семьи Руничей в это время ни одного собственного дома на Моховой не было. – *М. Ш.*). Играть в спектакле согласились чиновники департамента, их родные и близкие. Они распределили между собой все роли, кроме главной – Карпа Ивановича Грошева. Ее согласился сыграть по просьбе своего друга Сперанского один из известнейших актеров того времени Н. О. Дюр. При подготовке к роли Дюр, по соглашению с инициаторами спектакля, загримировавшись под купеческого приказчика из Дании, явился в Департамент внешней торговли и был представлен в качестве просителя К. И. Гроссшопфу. Они беседовали около часа. Дюр изучал Карла Ивановича как начальника и чиновника. В ближайшее воскресенье Дюр, перегримировавшись в любителя-гитариста, явился к Карлу Ивановичу домой и они вместе провели целое утро, играя на своих любимых инструментах. В конце встречи Дюр пригласил Карла Ивановича и его род-

ственников посетить представление новой пьесы «Чиновники между собою». Как сказал Дюр, эту пьесу написал друг одного знатного и богатого юноши, берущего у него уроки игры на гитаре. Он-то и подарил ему билеты в ложу. Карл Иванович билеты взял и пришел на спектакль со своими сестрами и их мужьями. Вскоре он, его сестры, их мужья, знакомые таможенники поняли, кто является прототипом главного героя. С интересом наблюдали за ним инициаторы спектакля. Они рассчитывали на взрыв негодования со стороны Карла Ивановича, но он оставался невозмутим. И когда Дюр, загримированный под Карла Ивановича, пропел:

«Признаться должно, я пурист,
Люблю, чтоб в изложении дела
Язык был ясен, прост и чист
И дело б, так сказать, кипело...
Деепричастия не терплю,
Но страх люблю я запятые!..
Да! Запятые, запятые!..»

Карл Иванович встал во весь рост и, бурно аплодируя, восклицал: «Бис! Бис!.. Браво, Дюр, браво!.. Куплет с запятыми, бис!».

На следующий день Карл Иванович, как ни в чем не бывало, явился на службу и говорил с подчиненными только о служебных делах. Но его коллеги, в частности Д. Г. Бибиков, не забыли реакции Карла Ивановича на спектакле. Они поняли, что он умен, дельный работник и к нему необходимо относиться серьезно[194]. Это способствовало продвижению Карла Ивановича по службе. Издевки над ним со стороны молодых чиновников прекратились.

Последние три года жизни, с 28 апреля (10 мая) 1862 г. по 18(30) июня 1865 г., К. И. Гроссшопф был управляющим Государственной комиссии погашения долгов и ему был присвоен чин тайного советника[195]. Это был сложный период в финансовой жизни страны. В результате Крымской войны в стране было выпущено огромное количество кредитных билетов, которые фактически вытеснили рубль из обращения. В итоге произошла девальвация рубля, тяжело отразившаяся на экономике России. В 1862 г. была осуществлена попытка восстановления покупательной способности рубля. С этой целью благодаря помощи семейства Ротшильдов: банкира барона Л. Ротшильда (Лондон), который с 1836 г. возглавлял лондонскую ветвь рода Ротшильдов и в течение 20 лет являлся финансовым агентом России и его родственников во Франции братьев барона Д. Ротшильда и барона А. Ротшильда, с 1854 г. являвшегося главой банкирской конторы Ротшильдов в Париже, 14 апреля 1862 г. Россией был получен заем на сумму 15 млн фунтов стерлингов по паритету 1 фунт стерлингов равен 6 руб. 40 коп. Заем получил название Седьмого пятипроцентного бессрочного займа 1862 г.

Однако попытка восстановления покупательной способности рубля не увенчалась успехом. Причиной этому было восстание в Польше, начавшееся в ночь с 22 на 23 января 1863 г. и продолжавшееся до ноября 1863 г., потребовавшее огромных государственных средств. В итоге средств не хватило. Пришлось 3 апреля 1864 г. вновь обратиться за помощью к лондонскому банку Беринга и К° и амстердамскому Гоппе и К°. Они предоставили заем России в размере 6 млн фунтов стерлингов или 70 млн 800 тыс. гульденов, вошедший в историю под названием Первого 5 %-го англо-голландского займа 1864 г. Аналогичный Второй заем был заключен 4 ноября 1866 г. Но так как этих денег было явно недостаточно, то пришлось прибегнуть к двум 5 %-м внутренним выигрышным займам на сумму 100 млн рублей каждый. Общее предназначение займов – возвращение Государственному банку сумм, взятых для сооружения железных дорог и покрытия других расходов.

Погашение займов производилось тиражами два раза в год, в течение 60 лет по нарицательной стоимости.

Но довести дело до логического конца К. И. Гроссшопфу не удалось. Не позволило состояние здоровья. В именном Высочайшем указе, данном Правительствующему Сенату 18 (30) июня 1865 г., говорилось: «Управляющего Государственною Комиссиею погашения долгов, тайного советника Грошопфа Всемилостивейше увольняем, согласно желанию его, по болезни, от должности управляющего Государственною Комиссиею погашения долгов»[196].

Пройдет немногим более трех месяцев и 30 сентября 1864 г. Карл Иванович составит свое духовное завещание. В нем он «каменный дом, состоящий в С.-Петербурге Васильевской ч(асти), 5 кв(артал), под №№ по табелям 1822 г. 657, а 1846 г. 807, отказал в полную собственность родным своим племянникам: Михаилу, Карлу, Владимиру, Павлу и Евгению Густавовым Грошопф, с тем, чтобы они выплатили долги его родным, завещателя сестрам, а их теткам: Александре Ивановой Поль 1500 р(ублей) и вдове чиновника 9 класса Каролине Ивановой Бьюберг 5000 руб(лей), а также племянницам завещателя, девицам Каролине и Елизавете Грошопф по 5000 р(ублей), родной же тетке своей, Каролине Карловой Эстедт, завещатель передал в полную собственность все деньги, какие будут причитаться ему, завещателю по предъявленным им ко взысканию двум заемным письмам: одному в 1000 р(ублей), а другому в 1500 (рублей), выданных ему 15 ноября 1851 г, умершею вдовою (Ст(атского) Сов(етника) Марьею Карловою Сальватори, каковой долг обеспечен домом г. Сальватори, а если г. Эстедг окончит жизнь свою прежде получения такового долга, то эти заемные письма должны перейти к двум замужним племянницам: жене Кол(лежского) Ас(ессора) Наталье Шемякиной и жене отставн(ого) Шт(абс)-капит(ана) Софье Языковой, затем арендуемую им, завещателем. У сель-

ского жителя Мухина во 2 Парголове дачу, предоставил в безотчетное распоряжение жене Тит(улярного) Сов(етника) Софье Иосифовой Матвеевой с тем, чтобы как ей Матвеевой, так и Эстедт жить в квартире его завещателя, в течение одного года безвозмездно; цену завещанному дому завещатель объявил в 45 000 р(ублей)»[197].

Видимо, тогда же Карл Иванович написал дома и второе, очень короткое, духовное завещание. В этом завещании Карл Иванович «движимое имущество на 370 р(ублей) и капитал на 11 500 р(ублей) завещал жене тит(улярного) сов(етника) Софье Иосифовой Матвеевой, урожденной Мазуркевич»[198].

25 ноября (7 декабря) 1865 г. в «Ведомостях санкт-петербургской городской полиции» на второй странице было помещено следующее сообщение: «Родственники умершего Тайного Советника Карла Ивановича Грошопфа извещают о смерти, последовавшей 22 числа сего ноября, покорнейше просят пожаловать на погребение его в пятницу 26 ноября в 12 часов утра из церкви Св. Михаила, находящуюся на Васильевском острове в 3 линии, а оттуда на Смоленское кладбище».

В 1912 г. его могила, как и могилы других немецко-шведских предков В. И. Ульянова, существовала на Смоленском лютеранском кладбище[199], в 1965 г. их уже не было.

9. Шведская ветвь

В романе М. С. Шагинян «Семья Ульяновых» (в третьей главе «Воспоминания одного детства») немецко-шведская линия происхождения В. И. Ульянова разработана подробно и убедительно. Пользовалась Шагинян при написании этой главы, как уже говорилось, записками А. А. Веретенниковой. Именно благодаря роману Шагинян нам удалось установить местонахождение домов, в которых жили в Петербурге предки В. И. Ульянова с материнской стороны или которые принадлежали им.

В связи со 100-летним юбилеем В. И. Ульянова (Н. Ленина), которое отмечалось в 1970 г., зарубежные исследователи, занимающиеся его родословной, предложили осуществить международный проект, который координировал швейцарский профессор, федеральный архивариус Леонард Хаас (Берн).

Большой вклад в изучение генеалогического древа В. И. Ульянова внес шведский исследователь, директор Королевской библиотеки в Стокгольме Уно Виллерс. К 100-летнему юбилею В. И. Ульянова он издал книгу «Ленин в Стокгольме» на шведском и русском языках[200]. В СССР эта книга, несмотря на то, что она не содержит политических выпадов, сразу попала в спецхран. Причина была одна – книга издана за границей.

В книге У. Виллерса помещена генеалогическая таблица шведской ветви предков В. И. Ульянова. Отметим сразу, что при ее составлении он допустил некоторые неточности.

Работа У. Виллерса была первой ласточкой (прил. 12). Второй – статьи А. Брауэра в январском номере журнала «Genealogie. Deutsche Zeitschrift f r Familien Kunde» за 1970 г. и в двенадцатом номере журнала «Genealogisches Ajhrsbuch» за 1972 г. Далее появилась статья самого Л. Хааса в «Neues Z rher Zeitung» от 25 февраля 1983 г. Пересказ статьи был опубликован А. Ермолаевым в первом номере журнала «Посев» за 1984 г.

В 1982 г. изучением шведских предков В. И. Ульянова стал заниматься профессор Андрес Мартинссон (Упсала). В связи с его кончиной в 1983 г., все собранные им материалы были переданы Кристине Бакман, продолжившей начатые исследования. Работу К. Бакман и немецких исследователей активно поддержали Государственный архив Швеции (Ricsarhivet) в Стокгольме, Земельный архив и библиотека университета г. Упсалы и ряд других архивов, где хранится большое собрание personverser.

На основе собранных материалов в 1989 г. К. Бакман опубликовала книгу о династии шляпников в Упсале, представители которой были предками В. И. Ульянова (En hattmakardynastii 1700-talets Uppsala Sveriges Sl ktforskarf rbund Arsbok). Спустя шесть лет в первом номере журнала «Slдkt och Havd» за 1995 г. К. Бакман опубликовала полное генеалогическое исследование «Шведские предки Ленина» (Lenins svenska anor). Сокращенный перевод этой статьи под тем же названием был напечатан в третьем номере журнала «Новая и новейшая история» за 1997 г. В своей статье, написанной на основе церковных дворовых и фискальных записей, Бакман подробно освещает шведскую генеалогическую линию В. И. Ульянова. Но, к сожалению, ссылок на архивные документы в своей работе она не делает.

Редакция альманаха «Из глубины времен», в целях ознакомления всех интересующихся родословной В. И. Ульянова с полным текстом статьи К. Бакман, обратилась к научному сотруднику СПб Института истории РАН А. И. Рупасову с просьбой осуществить ее перевод. По просьбе А. В. Островского, главного редактора альманаха, К. Бакман сделала ссылки на источники к русскому переводу. Статья была опубликована в двенадцатом номере альманаха за 2000 г.

В своей работе К. Бакман почти не касается судьбы шведских родственников В. И. Ульянова в России. Поэтому, опираясь на материалы российских архивов, выпущенные справочники, историческую и мемуарную литературу, мы будем уточнять и дополнять сведения, сообщенные У. Виллерсом и К. Бакман.

Кто же были шведские предки М. А. Ульяновой (Бланк) по материнской линии? Первым из них К. Бакман называет уроженца Арбоги капитана торгового судна Бертила Енссона (ум. около 1657 г.), перевозившего железо и медь из Бергсладена (Западная Швеция) в Стокгольм. Он был дважды женат и имел четверых детей. Имена двух из них шведским исследователям не удалось определить, хотя известна дата их рождения. Из

двух сыновей Мата (ум. после 1675) и Эрика нас интересует последний.

Эрик Бертилссон (1620 – март 1683) родился в Вестеросе и стал не только процветающим шкипером, но даже мастером гильдии шкиперов и владельцем большого дома в центре города. Он был дважды женат. От второй жены Керстин Хансдоттер, похороненной 10 декабря 1696 г., имел девятерых детей. Предпоследним был родившийся в конце октября, но не позднее 1 ноября 1671 г., в Вестеросе Симон.

В это время простые шведы вместо фамилий использовали отчества с окончаниями «сон», «доттер». Солдаты и матросы носили фамилии с такими окончаниями, как «ниль» или «ман». Священники брали латинизированные фамилии с окончанием «ус». Были и другие варианты, ибо правила были не особо жесткие, все определяло решение самого человека. Поэтому в одной семье фамилии могли варьироваться. Это хорошо прослеживается на сыновьях Эрика Бертилссона.

Двое из них – Симон (октябрь 1671 – май 1733) и Юоханнес (ум. декабрь 1719), взяли фамилию Новелиус. Юоханнес стал капелланом в приходе Лёвста-Брук. Трое братьев взяли отчество Эрсон, а один – Норман. Следы седьмого сына, Лисбы, теряются. Видимо, он взял другую фамилию или отчество. Симон Новелиус и стал основателем просуществовавшей четыре поколения династии шляпников. Правда, карьера шляпника в небольшом городке Торшелла не удалась. Симон Новелиус разорился. В 1706 г. он с женой Катариной Арнберг (1673 – 18 сентября 1739), родившейся в семье управляющего имением Окере в Бетгне Эрика Эрикссона, переехал в Упсалу. Здесь с помощью жены он продолжал заниматься шляпным делом и стал уважаемым гражданином.

В семье было шестеро детей – трое сыновей и три дочери. Младший сын Симон (23 октября 1716 – 25 февраля 1778) стал священником, окончив вместе с братом Юханом (4 сентября 1703 – 28 апреля 1771) кафедральную школу и изучив теологию в Упсальском университете. В детстве Симон много помогал отцу в работе и, вероятно, получил отравление ядовитыми парами ртути, которая использовалась в то время при выделке шляп. Это поразило его нервную систему и вызвало душевное заболевание – галлюцинации. Заболевание обострилось после обвинения Симона Новелиуса-младшего в том, что он является отцом незаконнорожденного ребенка. Душевная болезнь проявилась в том, что он вообразил себя внебрачным сыном короля Карла XII и выражал желание жениться на дочери Петра I императрице Елизавете Петровне.

Симон Новелиус-старший не имел наследников по мужской линии и поэтому после его смерти (вероятнее всего, не позднее 1 июня 1733 г.) наследницей стала Катарина Новелиа (Арнберг), так как в то время в Швеции существовал обычай, что только

вдовы мастеров обладали правом на наследование профессии. Но после того, как 13 июля 1735 г. ее родившаяся в Упсале младшая дочь Анна Брита Новелиа (27 сентября 1713 – 27 мая 1764) срочно вышла замуж (24 июля 1735 г., через десять дней после свадьбы, она родила дочь Катарину) за ученика ее отца Карла Перссона Борга (ок. 1702 – 20 июня 1750), тот стал владельцем мастерской. Этот брак не был счастливым. Обладая плохим характером, К. П. Борг неоднократно в нетрезвом виде устраивал дома скандалы. За этим следовали судебные разбирательства, штрафы и тюрьма. В итоге – серьезные долги, которые вынудили его искать счастья за пределами родного дома. В 1748 г. он покинул Упсалу, где осталась его семья. Спустя два года Борг скончался в Дегерби (ныне Ловиса, Финляндия). Родителями К. П. Борга были Пер Магнус Борг (Монссон) (1656(?) – апрель 1716) и Карин Кнутсдоттер (декабрь 1675 – февраль 1721) из Боргхульта, дочь фермера Кнута (ум. 1704).

Фамилия Борг, как пишет К. Бакман, была взята братьями Магнусом (Монссом) (29 сентября 1698 – 5 августа 1752), Нильсом (1699(?)–1744) и Карлом Перссонами в честь их фермы Боргхульт[201] .

Дочери Мария (р. 26 декабря 1711) и Карин (р. 21 февраля 1714) вышли замуж.

Сегодня трудно сказать, кто из внуков Пера Магнуса (Монссона) и Карин Кнутсдотгер первым уехал в Россию. В Швеции это было довольно обычным явлением. В России, особенно в Петербурге, выходцы из Швеции, которые обосновались в новой столице после переезда из разоренного Ниеншанца и завоевания Ингерманландии в 1703 г., достигали значительно лучшего экономического положения, чем у себя на родине. Если один из представителей семьи добивался успеха в Петербурге, он приглашал приехать родственников из Швеции. Наглядным примером этому является семья Боргов.

10. Борги

По нашему предположению, первым в Россию приехал старший сын Карла Персона Борга и Анны Бриты Новелии уроженец Упсалы Карл Магнус Борг (23 мая 1739 – конец 1805(?)). Унаследовав профессию отца, он в декабре 1764 г., после достижения совершеннолетия, принял от матери семейную шляпную мастерскую.

Семейная жизнь Карла Магнуса, как и у его отца, не удалась. Первый брак, заключенный 17 октября 1764 г. с Катариной Герандоттер (10 апреля 1743 – 23 марта 1813), был расторгнут 25 октября 1770 г., хотя распался значительно раньше. Виновниками стали сам Карл Магнус и его теща. В начале 20-х чисел июля 1765 г., через три недели после рождения первенца Карла Георга (Ерана) (1 июля 1765 – 24 декабря 1828), счастливый отец наве-

стил в Баделунде близ Вестероса свою тещу Анну Герандоттер, видимо для того, чтобы поздравить молодую бабушку с рождением внука. Через некоторое время соседи тещи увидели ее в постели с зятем и сообщили об этом властям. Тещу посадили в тюрьму, а Карл Магнус в августе 1765 г. бежал из Упсалы, украв коня и заложив наряды жены.

По сведениям К. Бакман, в течение последующих четырех лет он работал в Германии, а затем в Архангельске[202]. В 1769 г. Карл Магнус вместе со своим младшим братом Юханнесом (30 ноября 1741 – октябрь 1777) приехал в Петербург. В Петербурге Юханнес прожил только три года. Последний раз он посетил церковь Св. Екатерины 24 июня (5 июля) 1772 г.[203] Спустя ровно неделю, 3 (14) июля 1772 г., в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось следующее сообщение о том, что отъезжающий из Петербурга «Иоганн (Юханнес. – *М. Ш.*) Борг, шляпочник, живет у шляпочника Борга на Литейном дворе»[204]. Объявление в газете означало, что все лица, имеющие претензии к Й. Боргу, а также являвшиеся его должниками, должны немедленно уладить взаимные претензии. Й. Борг уехал в Стокгольм, где прожил до конца своих дней[205].

К. М. Борг все эти годы работал шляпным мастером, а затем около 1774 г. открыл шляпную фабрику с царскими привилегиями[206].

Второй брак был заключен 25 июля (5 августа) 1773 г. в Петербурге в шведской церкви Св. Екатерины (Малая Конюшенная, 1) с Марией Элизабет Веклем (1759(?) – 9 сентября 1798). Но и на этот раз семья не сложилась. 7 (18) июня 1777 г. брак был расторгнут и признан недействительным из-за неверности жены.

Только третий брак, заключенный 5 (16) мая 1782 г. в той же церкви Св. Екатерины с Элизабет Левизой Ваккелин (6 (17) ноября 1761 – 13 (25) февраля 1827), был на редкость счастливым. От этого брака у Карла Магнуса было восемь дочерей и четыре сына. Четыре дочери, как утверждает К. Бакман, умерли в младенчестве[207]. Она ошибается. Родившаяся 16 (27) марта 1797 г. Барбара-Доротея не умерла новорожденной[208]. В 1809 г. она поступила учиться в одно из старейших женских учебных заведений С.-Петербурга – Мариинское училище для малолетних девушек всякого звания при Воскресенском Новодевичьем (Смольном) монастыре (основано 31 января (11 февраля) 1765 г.)[209]. Дальнейшая ее судьба неизвестна, так же как и судьба второй дочери Софьи-Элеоноры (род. 5 (16) сентября 1785), упомянутой в церковной книге последний раз 8 (20) июля 1806 г. Только о жизни старшей дочери Анне-Ловизы (17 (28) апреля 1783–1815)[210] и ее потомках сохранились некоторые сведения. Об этом чуть ниже.

Первый сын Карла Магнуса Борга (от первого брака) Карл-Георг (Еран) был учеником и подмастерьем своего отца в С.-Пе-

тербурге. Затем вернулся на родину в Швецию, где был шляпным мастером. Он был дважды женат[211].

Авторитет Карла Магнуса был очень высок среди шведской общины Петербурга. Это привело к тому, что его избрали старостой шведской церкви Св. Екатерины. Звездным часом для Карла Магнуса и его жены явились крестины их десятого ребенка, сына Густава Адольфа, родившегося 3 (14) ноября 1800 г. Крестным отцом мальчика стал находившийся с 29 ноября по 15 декабря 1800 г. в Петербурге шведский король Густав IV Адольф[212].

Из тринадцати детей Карла Магнуса наиболее известным стал седьмой ребенок Карл Густав (род. 12 (23) марта 1792 – 8 (20) апреля 1865), который звался в России Густавом Карловичем. В своей статье К. Бакман сообщает читателям, что в 1829 г. он стал работать в Кронштадтской таможне[213]. В РГИА удалось выявить его формулярный список. Из него видно, что сын фабриканта Петербургской губернии Густав Карлов сын Борг начал свою служебную карьеру 26 апреля (8 мая) 1811 г. кондуктором 2-го класса Инженерного корпуса, который успешно окончил 17 (29) декабря 1817 г., удостоившись чина поручика. Вся его относительно недолгая армейская служба продолжалась в 4-м, 1-м и 6-м Пионерских батальонах. 1 (13) марта 1825 г. Г. К. Борг, капитан 6-го Пионерского батальона, по Высочайшему приказу по прошению уволен с чином подполковника и с мундиром[214]. Но пробыл он в отставке всего четыре месяца.

1 (13) июля 1825 г. Г. К. Борг возвращается на государственную службу. Он становится чиновником С.-Петербургской таможни для познания таможенных дел, а вскоре, в соответствии с действующим законодательством, 13 августа 1825 г. переименовывается в коллежского асессора, что равно его воинскому званию до ухода в отставку – майора. Спустя полтора месяца, 28 сентября (10 октября) 1825 г., Г. К. Борг назначается младшим членом Кронштадтской таможни. В этой должности он работает четыре года. Затем на год становится членом Кронштадтской таможни. Потом следуют одна за другой Петербургская, Ревельская и Рижская таможни. Последние четырнадцать лет своей служебной деятельности Г. К. Борг работал начальником Ревельского таможенного округа и в 1847 г. ушел в отставку в чине статского советника[215].

Служба в армии и в таможенной службе Г. К. Борга была высоко оценена. Он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (14 (26) июня 1835 г.), орденами Св. Станислава 2-й степени (30 июля (11 августа) 1837 г.) и Св. Станислава 2-й степени, украшенным Императорской короной (19 октября 1840 г.); знаками отличия беспорочной службы за службу в армии XV лет (22 августа 1830 г.) и в гражданской службе XX лет, XXX лет, ежегодными денежными премиями.

Г. К. Борг женился в достаточно зрелом возрасте. Его женой стала двоюродная племянница, последняя дочь И. Ф. и

А. К. Гроссшопфов – Амалия[216]. Протестантская церковь допускает браки между подобного уровня родственниками. Но здесь необходимо отметить следующее. В формулярных списках Г. К. Борга имя жены не указано. Имеются только сведения о ее вероисповедании. Детей у супругов Боргов не было[217]. Единственное их богатство – это приобретенный, за время службы Г. К. Борга, на родине матери в Ревеле, деревянный дом.

Пройдет 18 лет после ухода Г. К. Борга на пенсию и в «Revalszeitung», № 80 от 10 (22) апреля 1865 г. будет опубликовано извещение о том, что «государственный советник и риттер Густав Карл Борг скончался в возрасте 75 лет и 27 дней». Благодаря исследованию К. Бакман можно, с одной стороны, установить точную дату смерти Г. К. Борга (8 (20) апреля 1865 г.), а с другой, зафиксировать, что его формулярные списки не называют точного года его рождения. Они, в основной своей массе, омолаживают Г. К. Борга на два года[218]. Составители извещения о его смерти, наоборот, состарили его на два года.

Спустя 20 дней после смерти Г. К. Борга, 29 апреля (11 мая) 1865 г. было опубликовано его духовное завещание[219]. Его вдова умерла в возрасте 62 лет, двух месяцев и 8 дней, ровно через девять лет после смерти мужа. Ее имя и девичья фамилия стали нам известны из объявления о ее смерти, опубликованного 2 (14) апреля 1874 г. в газете «Revalszeitung». Но это объявление свидетельствует о том, что и ее возраст был занижен по сравнению с реальным. Впрочем, нет ни одного формулярного списка немецко-шведских предков В. И. Ульянова (Ленина) и А. Д. Бланка, где бы реальный возраст совпадал с указанным в формулярных списках.

Заканчивая раздел о Боргах хотелось бы сказать следующее. Мысленно перенесемся в 1905–1907 гг. – времена Первой русской революции. Именно в этот период большую помощь революционерам – социал-демократам, оказывал уроженец города Вазы, проживавший в то время в городе Турку (шведское название – Або), финский швед, коммерсант Вальтер Йохан Борг (21 июня 1870 – 6 июня 1918), которого называли «красным банкиром». Он доставал им билеты на пароходы и организовывал посадку так, чтобы революционеры не попадали в руки жандармов, устраивал им ночлег. Именно В. Й. Борг помог В. И. Ульянову сесть на шведский пароход на мысе Канавиниеми вместе со знакомым капитана судна банкиром из Турку, ехавшим со своей женой. Это дало возможность избежать встречи с жандармами и прибыть в Стокгольм раньше основной группы делегатов IV (Объединительного) съезда РСДРП (10 (23)–25 апреля (8 мая) 1906). В декабре 1907 г. В. И. Ульянов на короткое время останавливается на квартире Борга (Пуутархакату, 12). Борг организует переправу В. И. Ульянова через шхеры недалеко от города Турку, благодаря чему Владимир Ильич с острова Нагу на пароходе «Барс-1» смог уехать в Стокгольм.

После Октябрьской революции (1917 г.) два сына Борга стали красногвардейцами и погибли защищая новую власть. Сам Вальтер Йохан Борг скончался в Петрограде в лечебнице доктора А. А. Пассельцара (Большой Сампсониевский, 4) и был похоронен на Богословском кладбище 11 июня 1918 г.[220]

Возникает вопрос, в решении которого могут оказать помощь финские и шведские ученые: не является ли Вальтер Йохан Борг дальним родственником Владимира Ильича?

11. Шмидеры

Дочь Элизабет Ловизы и Карла Магнуса Боргов Анна Ловиза (по-русски – Анна Карловна) (17 (28) апреля 1783–1815), как пишет К. Бакман, 22 января (3 февраля) 1805 г. вышла замуж за сына иностранного купца, немца по национальности, вдовца Якоба Генриха Шмидера (1770–?)[221] . Это был его второй брак. Венчание состоялось в приходе Св. Екатерины.

Как свидетельствует его формулярный список в первом браке у Я. И. Шмидера было две дочери: Александра (род. 1798–?) и Екатерина (род. 1799–?)[222] .

От второго брака с Анной Ловизой у Я. Шмидера было трое детей: сыновья Константин (11 (23) декабря 1806 – 26 августа (7 сентября) 1873), Иван (3 (15) апреля 1808–?) и дочь Анна (род. 1815 г.)[223] .

После рождения младшей дочери Анна Ловиза умирает. Но только через 17 лет после ее смерти в «Прибавлении» № 65 к «Санкт-Петербургским ведомостям» было опубликовано следующее объявление: «С.-Петербургского надворного суда от 3-го Департамента объявляется, чтобы наследники умершей надворной советницы (ошибка составителя объявления в чине мужа. – *М. Ш.*) Анны Карловой дочери Шмидер, урожденной Борг, для получения капитала, хранящегося в Государсвтенном Заемном банке 301 р. 86 к. явились в сей Департамент с ясными и законными о родстве доказательствами в постановленный законом срок»[224] . После смерти жены Яков Иванович (так он значится во всех документах) воспитывает детей один.

В 1816 г. из формулярного списка Я. И. Шмидера исчезает упоминание о Екатерине Шмидер, а с 1823 г. и Александры, дочерей от первого брака[225] . Можно предположить, что они вышли замуж. Дальнейшая судьба их не известна.

Формулярные списки Я. Г. Шмидера свидетельствуют о том, что он окончил Горное училище (с 1804 г. Горный Кадетский корпус, а с 1833 г. Горный институт)[226] . Трудно сказать, когда это произошло. В сохранившихся к сегодняшнему дню в ЦГИА С.-Петербурга документах Горного института сведения о выпускнике Я. Г. Шмидере не значатся. Не упоминается он и в опубликованном «Списке лиц, окончивших курс в Горном институте с 1773 по 1922 год» в разделе «Горное училище 1773–1804 гг.»[227] .

С 1 сентября 1801 по 1826 гг. Яков Иванович Шмидер работает учителем французского языка 2-го Кадетского корпуса (наб. реки Ждановки, 11-13). Здесь же он проживает в преподавательских квартирах. Это подтверждается тем, что все его дети были крещены в лютеранской церкви, расположенной на втором этаже флигеля 2-го Кадетского корпуса, выходящего на Ждановскую набережную.

При поступлении на службу Я. И. Шмидеру был присвоен чин 14-го класса – коллежский регистратор. За 25 лет службы во 2-м Кадетском корпусе он медленно, но верно, продвигался вверх по чиновничьей лестнице. 30 октября (11 ноября) 1820 г. Я. И. Шмидеру присвоили чин 8-го класса – коллежского асессора[228]. Этот чин, по действовавшему в то время законодательству, давал право Я. И. Шмидеру и его детям быть причисленными к потомственному дворянству.

4 (16) июня 1823 г. Я. И. Шмидер обратился с просьбой к Александру I о причислении его и сыновей Константина и Ивана (дочери Александра и Анна почему-то не упоминаются) к дворянству. Обосновывая свою просьбу, он писал: «Имею я намерение законных сыновей моих Константина и Ивана определить в военную Вашего Императорского Величества службу почему о дворянстве их потребность имею...»[229] К своему ходатайству Я. И. Шмидер приложил требуемые документы. И среди них подписанное лютеранским пастором 2-го Кадетского корпуса Д. М. Цахертом «Свидетельство» о том, что восприемником Константина Шмидера был председатель Непременного совета, управлявшего всеми существовавшими тогда в России кадетскими корпусами, Его Императорское высочество великий князь цесаревич Константин Павлович[230]. Именно в честь своего крестного отца и был назван Константин Шмидер. 6 (18) июля 1823 г. Я. И. Шмидер и его сыновья были причислены к российскому потомственному дворянству[231].

24 сентября (6 октября) 1823 г. братья Константин и Иван Шмидеры поступили учиться в Дворянский полк (с 1855 г. Константиновский кадетский корпус) (Большая Спасская, ныне ул. Красного курсанта, 21), который успешно окончили 25 марта (6 апреля) 1828 г.[232] Пройдет около тридцати лет и в 1857 г. среди выпускников-константиновцев был их дальний свояк Константин Игнатьевич Крупский (1838 – 24 февраля (8 марта) 1883), отец Надежды Константиновны[233].

После окончания учебы братья Шмидеры получают распределение к месту службы – 1-й Учебный Карабинерский полк[234].

Служба Константина Шмидера протекала довольно успешно. Его неоднократно поощряли денежными премиями, выражали монаршее благоволение и дважды наградили Знаком отличия беспорочной службы за XV и XX лет.

В течение шести лет К. Я. Шмидер был связан с работой телеграфа. 15 (27) октября он был назначен помощником началь-

ника VII Дирекции Варшавской линии, а 17 (29) января 1844 г. высочайшим повелением К. Я. Шмидер получил назначение на должность управляющего III Дирекцией Варшавской телеграфной линии[235]. 2 июня 1850 г. К. Я. Шмидер, в соответствии с личной просьбой, был уволен со службы по болезни с присвоением ему чина подполковника, правом ношения мундира и пенсионом из одной трети оклада – по 115 руб. серебром в год[236].

На пенсии Константин Яковлевич пробыл около трех лет. 5 (17) марта 1853 г. он определен экзекутором Придворной Его Императорского величества конторы с переименованием в коллежские асессоры[237]. Через восемь месяцев, 28 октября (9 ноября) 1853 г., К. Я. Шмидера переводят младшим советником Гатчинского Дворцового правления[238]. Здесь он проработал до 10 (23) декабря 1861 г. и уволился в связи с передачей Гатчинского Дворцового правления в Удельное ведомство[239].

За время работы в Гатчинском Дворцовом правлении проявил себя энергичным, квалифицированным чиновником. Это получило высокую оценку начальства. Он последовательно прошел путь от коллежского асессора до статского советника. Был награжден орденами: Св. Анны 2-й степени и Св. Станислава 2-й степени с императорскою короною, бронзовой медалью на Андреевской ленте, учрежденной в память войны 1853–1856 гг., Знаком отличия беспорочной службы за XXV лет. В его формулярном списке имеются слова о том, что старший советник Гатчинского Дворцового правления Константин Яковлевич Шмидер к продолжению статской службы и к повышению чином «способен и достоин»[240].

В течение пяти лет, с 1856 по 1861 гг., К. Я. Шмидер одновременно работает членом губернского комитета, по устройству «в образцовое состояние» С.-Петербургского и Царскосельского уездов.

После окончательного ухода в отставку К. Я. Шмидеру будет установлена пенсия в размере 858 руб. в год. Вместе с ним жили: жена Амалия Александровна, урожденная Нейвер (род. 1808) и дочери Амалия (род. 1835) и Каролина (род. 1836)[241]. Семья проживала в деревянном доме, принадлежавшем Амалии Александровне, расположенном в районе София Царского Села, на углу Захаржевской и Падеждинской ул. под № 40[242]. Видимо, в этот период Каролина создает собственную семью и поселяется отдельно от родителей.

Последние шесть лет К. Я. Шмидер тяжело болеет и уходит из жизни 26 августа (7 сентября) 1873 г. Его хоронят на Казанском иноверческом кладбище в Царском Селе[243]. А. А. Шмидер было выплачено пособие в размере 300 руб. из Комнатной Его Императорского Величества суммы, как вдове чиновника Министерства Императорского двора[244]. Ей была установлена пенсия в размере 429 руб. в год[245]. В течение ряда лет Министерство Императорского двора неоднократно оказывало ей и доче-

ри Амалии материальную помощь в размере 100 руб.[246] Последнее упоминание об Амалии Александровне Шмидер относится к 1889 г., а об Амалии Константиновне Шмидер – к 1910 г.[247]

В отличие от старшего брата, Иван Яковлевич Шмидер прослужил на военной и гражданской службах непрерывно с 24 сентября (6 октября) 1823 по 1877 гг. включительно. Так же как и старший брат последние годы военной службы он посвятил телеграфной связи. Его должности, занимаемые в этот период: начальник VI Дирекции Варшавской телеграфной линии[248] и с 1860 г. начальник Динабургского телеграфного узла. В этой должности сначала майор, а затем подполковник И. Я. Шмидер пробыл до 1872 г. За время службы И. Я. Шмидера в Динабурге телеграфная связь перешла из ведения Главного управления путей сообщения и публичных зданий в подчиненность Телеграфного департамента Министерства внутренних дел, где чиновники имели гражданские чины. И. Я. Шмидер был переименован в статского советника.

В 1872 г. И. Я. Шмидер назначается начальником Виленского телеграфного отделения. В этой должности он работает до 1877 г. и получает чин действительного статского советника[249].

В июне 1854 г., в соответствии с действующим законодательством, И. Я. Шмидер обращается к Главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями генералу от инфантерии, генерал-адъютанту, члену Государственного совета графу П. А. Клейнмихелю с просьбой о зачислении его сына Владимира (11 (23) сентября 1843 г. рождения) в казеннокоштные кандидаты Института Корпуса инженеров путей сообщения[250]. П. А. Клейнмихель 16 июня 1854 г. отдал директору Института Корпуса путей сообщения генерал-лейтенанту В. Ф. Энгельгардту распоряжение о зачислении Владимира Шмидера в число своекоштных студентов. Приказ был выполнен в тот же день. И мать Владимира Шмидера привезла его в Петербург[251]. Окончательное зачисление Владимира Шмидера в институт произошло 7 июня 1855 г., о чем его матери, проживавшей близ Таврического сада на Офицерской улице (ныне Таврическая) в доме Карамышева в квартире Рупеных, сообщил директор института генерал-лейтенант В. Ф. Энгельгардт. А уже 30 июня 1855 г. его тетя, дочь надворного советника Анна Яковлевна Шмидер, проживавшая «на Васильевском острове в 7 линии по набережной, в доме статской советницы Сальватори»[252] взяла на себя обязательство, что «представленный мною в Институт племянник мой Владимир Шмидер будет взят мною из оного немедленно, если начальство заведения признает его подлежащим увольнению или исключению, по неизлечимой болезни, по предосудительному поведению, по неудовлетворительным успехам в науках и т. п.»[253].

Однако в списках выпускников института имя Владимира Шмидера так и не появилось.

Кроме сына Владимира у И. Я. Шмидера была дочь Каролина (10 (22) сентября 1839 – 5 (18) августа 1905) в замужестве Бах. О ней известно только, что она похоронена на Никольском кладбище Александро-Невской лавры[254].

12. Эстедты

Первым представителем рода Эстедтов (по-шведски – Ochrstegt, Ostegt; по-русски – Орштедт, Остедт, Эрштедт, Эштедт, так в разных источниках пишется эта фамилия) К. Бакман называет перчаточника Карла Рейнхольда Эстедта (1714(?) – март 1748). К. Р. Эстедт впервые упоминается в числе стокгольмских налогоплательщиков в 1730 г. Указывается место его рождения – Лифляндия[255]. По утверждению К. Бакман, фамилия Эстедт появилась в Швеции и Финляндии только в XVIII в. Она относится к новым фамилиям, в основном происходившим от названия местности, где проживает человек. Но фамилия Эстедт могла возникнуть как в Лифляндии, так и в Германии, Швеции или Финляндии. Выяснить место рождения К. Р. Эстедта К. Бакман не удалось. По ее мнению, К. Р. Эстедт происходил из бюргерского сословия. Это подтверждается наличием у него двух имен и хороших социальных связей, о чем свидетельствуют в дальнейшем имена крестных детей К. Р. Эстедта.

Женой К. Р. Эстедта была дочь сержанта Карла Петерсона Нюмана (169(4) – 19 сентября 1737) и Беаты Дольпиль (1690 – 15 мая 1759) Беата Элеонора (17 октября 1718 – 11 декабря 1759). Сведений о ее шведских предках очень мало. У супругов Эстедтов было пятеро детей: двое сыновей и три дочери. Один сын и три дочери умерли в раннем детстве.

Старший сын, Карл Фридрих Эстедт, родился 28 марта 1741 г. в Упсале[256]. Он вошел в историю как прапрадед В. И. Ульянова. Когда К. Ф. Эстудту исполнилось четырнадцать лет, мать отдала его в ученики стокгольмскому граверу Карлу Хартману. Учение продолжалось пять лет[257]. Помимо обучения граверному ремеслу, К. Ф. Эстедт, как утверждает И. А. Пронина, окончил Королевскую Академию художеств в Копенгагене[258]. В отличие от И. А. Прониной, К. Бакман пишет о том, что он, приехав в 1765 г. вместе с К. Хартманом в Петербург, именно здесь в 1769 г. впервые упоминается как золотых дел мастер, после чего сразу возвращается в Стокгольм[259]. К. Бакман неточна. К. Ф. Эстедт прожил в Петербурге еще три года. Это подтверждено документально.

13 (24) мая 1772 г. в метрической книге шведской церкви Св. Екатерины С.-Петербурга было зафиксировано венчание К. Ф. Эстедта с дочерью Карла Перссона Борга Анной Кристиной (1 апреля 1745 – 17 (28) мая 1799)[260], родившейся как и ее жених в шведском городе Упсала[261]. Трудно сказать, когда А. К. Борг приехала в С.-Петербург. Не исключено, что по приглашению бра-

тьев: Юханнеса (Яна) (30 ноября 1741 – октябрь 1777) и Карла Магнуса (23 мая 1739 – декабрь 1805) Боргов[262].

В Петербурге А. К. Борг поступила служить экономкой к статскому советнику Ашу. Документов о том, как долго она прослужила в доме у Ашу, не сохранилось. К сожалению, говоря о советнике Аше, К. Бакман указывает только его чин в 1772 г., опуская при этом его имя, отчество, а также должность, которую он занимал, и титул. На основании справочной литературы тех лет можно сделать вывод о том, что речь идет о члене Медицинской коллегии, генерал-штаб-докторе русской армии бароне Е. Ф. Аше.

После свадьбы супруги А. К. и К. Ф. Эстедты вернулись в Швецию, в Стокгольм, но, видимо, в разные сроки и разными путями. Наше предположение основывается на том, что имя К. Ф. Эстедта в разделе «Отъезжающие» «Санкт-Петербургских ведомостей» в течение 1772 и 1773 гг. не встречается. В то же время в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 7, 14 и 18 декабря 1772 г. сообщалось, что из Петербурга уезжает Анна Кристина Эстедт-Сам, проживающая на Малой Мещанской (ныне Казначейской. – *М. Ш.*) улице у медника Барбро.

По возвращении в Стокгольм К. Ф. Эстедт начал работать у ювелира Петера Сутхера, который спустя восемь лет, в 1780 г., рекомендует его королевскому двору в качестве поставщика ювелирных изделий[263]. Рекомендация была принята, и К. Ф. Эстедт становится поставщиком двора Его Королевского Величества Густава III[264], а не короля Густава IV Адольфа, как утверждают швейцарский ученый Л. Хааз и, вслед за ним, А. Ермолаев[265]. Густав IV Адольф в это время был еще ребенком и наследником престола. Одновременно К. Ф. Эстедт являлся поставщиком двора Его Королевского высочества герцога Седерманландского Карла (с 1809 г. король Карл XIII)[266] «для коего сделал много вещей из тех, которые по прежнему употребляются»[267].

В 1782 г. президент Императорской Академии художеств И. И. Бецкой приглашает К. Ф. Эстедта возглавить создающийся в 1783 г. из формовального, литейного и чеканного класса класс золотых дел.

К. Ф. Эстедт принимает это предложение и 27 августа (7 сентября) 1782 г. морем прибывает из Стокгольма в Петербург[268].

6 (17) февраля 1783 г. Совет Академии художеств на своем заседании 8-м пунктом рассмотрел прошение «шведского уроженца золотых дел мастера Карла Фридриха Эштедта, которым он представляя о приобретенном им в своем Отечестве и до совершенных успехов в чужих государствах достигшем искусстве гравирования и чеканения на благородных металлах и финифтяных (финифть – древнерусское слово эмаль. – *М. Ш.*) работ, которые он, соответствуя силе Устава Академии желает служить оной в пользу ее юношества... Втрое, все свои таланты мастер Эштедт повинуется без утайки показывать поручаемым ему ученикам»[269].

Совет Академии художеств принял решение заключить договор с К. Ф. Эстедтом сроком на пять лет, то есть до 1 сентября 1788 г. Ему был установлен оклад в размере 250 руб. в год, выделена квартира, ранее занимаемая часовым мастером П. Нордштейном на 3-й линии Васильевского острова в доме № 2, давались дрова, свечи, некоторые инструменты[270]. Поэтому неэтичным, на мой взгляд, выглядит утверждение К. Ф. Эстедта послу Швеции в России барону Курту Стедингу (Штедингу) в письме от 29 августа (9 сентября) 1796 г. о том, что Бецкой дал ему «много обещания, о которых полностью забыл», в результате чего Эстедт «очутился в чужой стране на краю гибели»[271].

В период работы в Академии художеств К. Ф. Эстедту были даны ученики четвертого (от семнадцати до двадцати лет) и пятого (от двадцати и старше) возрастов. Он обучал их гравированию, чеканке на благородных металлах и филигранной работе. О требованиях К. Ф. Эстедта к своим ученикам можно судить по заданиям, которые он давал ученикам пятого возраста. Они состояли в том, что ученики должны были «сделать овальную табакерку и двух или трех видов набалдашник для трости»[272].

Изделия, изготовленные учениками К. Ф. Эстедта, вызвали 10 (21) декабря 1785 г. следующее решение Совета Академии художеств: «Совет усмотрел с удовольствием работы на серебре Академии воспитанников, порученных для обучения ему Эстету, возвращением ему представляемых им две серебряные табакерки как имеет он подать на свой счет, потому что Академия не может их у себя оставить»[273]. Одновременно И. И. Бецкой выделяет К. Ф. Эстедту 25 рублей для обучения воспитанников работать на серебре. Любопытно, что через год эти деньги будут рассматриваться как премия К. Ф. Эстедту за его работу[274].

Члены Совета Академии художеств не забудут, какое впечатление на них произвели работы учеников К. Ф. Эстедта в 1783 г. Поэтому 16 (27) августа 1787 г. они поручают его ученикам 5-го возраста «сделать из тампака (латунь. – *М. Ш.*) табакерку, которая потом вызолотится, если хорошо будет сделана»[275].

Трудно сказать сколько всего специалистов подготовил К. Ф. Эстедт. По мнению В. В. Антонова, за пять лет работы в качестве преподавателя Академии художеств К. Ф. Эстедт обучил примерно от 1 до12 человек[276]. И. А. Пронина считает, что К. Ф. Эстедт подготовил к самостоятельной работе только одного своего ученика – выпускника 1788 г., «в мастерство золотых дел» с аттестатом 1-й степени «сына придворного гайдука» Александра Булгакова[277]. На основании чего она делает такой вывод неясно. Так же как неожиданным выглядит решение Совета Академии художеств от 29 апреля (10 мая) 1788 г., которое зафиксировало, что польза и успех «от часового искусства, золотых дел и резного дерева не соответствуют издержкам, какие на оные классы употребляются... Объявить мастерам оных классов, что с наступающего 1-го мая жалование им более производимо

не будет, а квартирою и дровами имеют они пользоваться до 1 числа будущего сентября месяца. Что де принадлежит до мастера золотых дел класса, то в рассуждении болезни его представляется господину директору сделать ему удовлетворение по его благорассуждению. Это объявлено резного на дереве мастеру (Дж. – *М. Ш.*) Гильону, часового дела мастеру (Христофору – *М. Ш.*) Винбергу и золотых дел мастеру Эстеду»[278].

В то же время Совет Академии художеств подчеркнул, что К. Ф. Эстедт в годы работы в Академии в качестве преподавателя имел честное и похвальное поведение, «препорученный ему класс обучал со всевозможным рачением»[279], за что получил похвальный аттестат.

Видимо, это мнение Совета Академии художеств дало право К. Ф. Эстедту поставить вопрос о присвоении ему звания «назначенного академика». В соответствии с требованиями устава Академии художеств, К. Ф. Эстедт представил свою работу, которую должны были оценить профессор Академии художеств или работающий в ней золотых дел мастер. Отзыв был дан положительный. По уставу Академии К. Ф. Эстедт под наблюдением профессора или члена Совета в Академическом зале выполнил без посторонней помощи данное ему задание. После того, как изготовленному им изделию была дана положительная оценка, Совет Академии художеств принял решение о присвоении Карлу Фридриху Эстедту звания назначенного академика[280]. Выполненная им работа осталась, согласно Положению, в Академии художеств. Но выявить ее до сих пор не удалось. Также безымянными остаются и семнадцать эстампов бушардоновой композиции, купленные в январе 1784 г. за 8 руб. 50 коп. Академией художеств у К. Ф. Эстедта[281].

Трудно сказать, чем занимался в течение восьми лет К. Ф. Эстедт после увольнения из Академии художеств. В нашем распоряжении имеется только его письмо на имя посла Швеции в России К. Стединга. Из него видно, что этот период жизни у К. Ф. Эстедта был очень сложным. «Судьба оказалась более тяжелой, поскольку большую часть времени я был прикован к постели», – пишет он. И подчеркивает, что у него были серьезные распри с хозяином квартиры (видимо имеется в виду домовладелец) из-за чего К. Ф. Эстедт «лишился большей части своей собственности»[282]. Мы полагаем, что именно это письмо имела в виду К. Бакман, когда писала, что К. Ф. Эстедт «ввязался в длительную и дорогостоящую тяжбу с российским помещиком и подорвал здоровье»[283]. В письме К. фон Стендингу 29 августа (9 сентября) 1796 г. К. Ф. Эстедт высказывает свою точку зрения на причину увольнения из Академии художеств. По мнению К. Ф. Эстедта, причиной увольнения его и его соотечественников из Академии являлось начало русско-шведской войны[284]. С ним согласна К. Бакман, которая почему-то считает, что эта война началась в 1789 г.[285] Поэтому слова К. Ф. Эстедта из пись-

ма к послу можно расценивать только как игру «на чувствах», так как война, которую точнее называть шведско-русской, началась 21 июня 1788 г. в результате внезапного нападения Швеции на Россию путем осады крепостей Нейшлот и Фридрихсгам (ныне г. Хамила, Финляндия), ввода шведского флота в Финский залив и предъявления ультиматума России, в котором требовалось вернуть все земли, потерянные ею в Северной войне и т. д. Увольнение же К. Ф. Эстедта и его коллег было принято 29 апреля (10 мая) 1788 г., то есть практически за два месяца до начала войны.

Крайне тяжелое материальное положение К. Ф. Эстедта заставило его жену Анну Кристину в 1798 г. пойти работать в Воспитательный дом, основанный в 1770 г. И. И. Бецким для незаконнорожденных детей, сирот и детей бедняков (Мойка, 52, корп. 1). Анна Кристина Эстедт являлась надзирательницей детей младшего возраста, к которому относились дети от рождения до двух лет и четырех месяцев. Но недолго ей довелось здесь работать. 17 (28) мая 1799 г. Анна Кристина Борг умирает от туберкулеза. Смерть жены потрясла К. Ф. Эстедта, и он в течение нескольких лет находился под впечатлением постигшего его горя. Спустя пять лет, обращаясь 17 (26) декабря 1803 г. к императору Александру I за материальной помощью, К. Ф. Эстедт пишет: «эта беда и мучавшая меня год болезнь настолько подорвали мои дела и мои силы, что я не смог больше работать»[286]. Александр I откликнулся на просьбу старого ювелира и 11 (23) марта 1804 г. ему была оказана материальная помощь в размере 100 руб. Об этом К. Ф. Эстедт был уведомлен по месту своего проживания в Петербурге: дом Линдрота в Столярном переулке, 107[287] (ныне участок дома 5). Это последнее упоминание К. Ф. Эстедта в архивных документах.

Немецкий исследователь Георг фон Раух, со ссылкой на метрическую книгу шведской церкви Св. Екатерины, утверждает, что К. Ф. Эстедт умер 1 июня 1826 г.[288] Эту же дату приводит в своей статье и К. Бакман[289]. Однако в книге, посвященной заброшенным могилам на Смоленском лютеранском кладбище, указано, что Карл Эстедт (Karl Ostedt) скончался в 1820 г.[290] Кто из вышеупомянутых авторов допустил ошибку, сказать трудно. Но, на мой взгляд, именно о его вдове идет речь в следующем сообщении, опубликованном 20 июля (1 августа) 1820 г. в разделе «Отъезжающие» «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Каролина Гарин вдова Эстиен, спросить у г. Министра Юстиции, Его Сиятельства Князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского»[291].

Можно возразить, что фамилия вдовы напечатана не Эстедт. Но в это время в печати допускались некоторые вольности в напечатании фамилий. Например, вместо Грошопф печатали Грошев[292].

В семье Анны Кристины и Карла Фридриха Эстедтов было пятеро детей: Анна Беата (19 февраля 1773 – 23 февраля (7 марта) 1847); Карл Густав (8 июня 1774 – 22 февраля 1777); Фредрик

Рейнгольд (2 января 1776–?), Каролина Густава (23 февраля 1779–1866), Карл Магнус (5 октября 1781–?)[293].

О судьбе детей Эстедтов, за исключением ушедшего из жизни ребенком Карла Густава, можно сказать следующее: Фредерик Рейнгольд (В. В. Антонов по непонятным причинам называет его Карлом Густавом)[294] в 1797 г. окончил Горное училище, а не Горный кадетский корпус, как пишет К. Бакман[295]. После успешно сданного экзамена Федор Естет, так он назван в архивном документе, произведен в шихтмейстеры «четвертого надесять» (четырнадцатого) класса и направлен работать в «штат (Берг. – *М. Ш.*) коллегии в чертежною». В соответствии с Положением был приведен к присяге и приступил к работе[296].

Но еще за год до окончания Ф. Р. Эстедтом Горного училища К. Ф. Эстедт, в уже упомянутом письме на имя посла К. Стединга, просит его помочь вернуться в Швецию. Одновременно К. Ф. Эстедт сообщает послу, что научился в Петербурге создавать такие ювелирные изделия, которые никто в Швеции для королевского двора, и не только для него, не изготовляет. В этом же письме К. Ф. Эстедт хлопочет о работе для своего сына Фредрика Рейнгольда[297], но не упоминает своего последнего сына Карла Магнуса. Это дает возможность сделать вывод, что его судьба в России складывалась благополучно.

Архивные документы свидетельствуют, что просьба К. Ф. Эстедта не была удовлетворена и он остался жить в Петербурге. Судьба же Фредрика Рейнгольда и Карла Магнуса остается под вопросом. И вот почему. К. Бакман, которая при написании своей статьи использовала шведские архивы, указывает, что сын К. Ф. Эстедта, Карл Густав, умер, не достигнув трехлетнего возраста. В то же время Фредрик Рейнгольд и Карл Магнус Эстедты, по материалам российских и шведских архивов, исчезают из поля зрения исследователей в 1797 г. В связи с этим несколько неожиданным выглядит следующее место из статьи В. В. Антонова: «Единственный сын – Карл Густав, выпускник Горного корпуса, из которого он "мечтал воспитать полезного помощника и на которого были возложены все упования", внезапно умер в Грузии во время эпидемии. Эстедт-младший служил офицером русской армии, был сперва командирован в Крым, а затем в Сибирь, откуда переведен в Грузию»[298].

Первый вывод, который можно сделать из вышеприведенной цитаты, говорит о том, что в 1803 г. в России жил только один сын К. Ф. Эстедта. Второй же или уехал из страны, или умер. Состояние здоровья К. Ф. Эстедта на момент написания письма Александру I было настолько тяжелым, что он совместил в нем имена двух сыновей и специальность третьего сына. На мой взгляд, речь идет о Карле Магнусе Эстедте, скончавшемся от начавшейся в июне 1803 г. в Грузии эпидемии чумы.

Кроме трех сыновей в семье Эстедтов, как указывалось выше, было еще две дочери – Анна Беата и Каролина Густава.

Анна Беата (в быту Анна Карловна), в замужестве Гроссшопф, ставшая прабабушкой В. И. Ульянова, в молодости была очень хороша собой. Впрочем, и в шестидесятилетнем возрасте она была красива, видимо, благодаря тому, что всегда следила за собой, много времени уделяла своей наружности и туалетам. Буквально до самой смерти она затягивалась в корсет, чтобы фигура ее, несмотря на возраст, была стройна, держалась прямо, взбивала волосы, применяла румяна. Анна Карловна очень любила внуков, но, воспитанная пуритански, считала, что их нельзя баловать и ласкать. Умерла Анна Карловна в возрасте 74 лет и была похоронена на Смоленском лютеранском кладбище[299]. Ее могила не сохранилась.

Вторая дочь Эстедтов Каролина Густава вошла в историю и литературу, благодаря воспоминаниям своей внучатой племянницы А. А. Веретенниковой и третьей главе романа М. С. Шагинян «Семья Ульяновых», часть первая «Рождение сына». По мнению Веретенниковой, Каролина Карловна, так все ее звали, была моложе Анны Карловны лет на десять, хотя казалась старше[300]. Но Анна Александровна ошибалась. Из приведенных выше дат рождения сестер разница между ними была шесть лет. В отличие от своей старшей сестры Каролина Карловна не была красавицей. Она имела высокий рост и очень строгое лицо, как вспоминает Веретенникова. Каролина Карловна с молодого возраста в течение двадцати лет служила гувернанткой у богатых уфимских помещиков Топорниных. Но на мой взгляд, А. А. Веретенникова ошибается в одном. Подполковник Андрей Степанович Топорнин и его жена Анна Петровна были записаны в 6-ю Дворянскую книгу Симбирской губернии[301]. Имения, которыми они владели, находились и в Самарской губернии. Поэтому не ясно, в каком из городов России Веретенникова, будучи замужем с 19 лет (до этого безвыездно жила в Кокушкино), встречалась с А. П. Топорниной, ее детьми и внуками[302].

Благодаря своему хорошему образованию Каролина Карловна не просто заменила детям Топорниных учителей и воспитателей, но подготовила их сына Андрея Топорнина к поступлению в Пажеский корпус, который он успешно окончил в 1833 г. и был направлен прапорщиком в Казанский драгунский полк[303]. А. А. Веретенникова в своих воспоминаниях говорит о других сыновьях Топорниных. Возможно, что они занимались в других военных учебных заведениях. В частности, Дмитрий, бывший в 1845 г. штаб-ротмистром лейб-гвардии Гродненского полка[304].

После того как Каролина Карловна воспитала десятерых: детей Топорниных[305], она сочла свою миссию выполненной. Несмотря на уговоры матери семейства Анны Петровны Топорниной, уехала в Петербург, где поселилась в доме старшей сестры. А когда та умерла, осталась жить с племянником К. И. Гросшопфом, который очень хорошо к ней относился[306].

До самой своей смерти Каролина Карловна находилась в переписке со всеми членами семьи Топорниных, которые ее очень любили. Они советовались с ней по сложным ситуациям своей жизни. Чувство глубокого уважения к Каролине Карловне ее воспитанницы внушили своим детям[307].

Официально К. К. Эстедт представлялась как дочь академика[308]. Дело в том, что в шведском языке слово «академик» имеет четыре значения: 1) академик, 2) преподаватель высшего учебного заведения; 3) окончивший высшее учебное заведение; 4) студент. К. Ф. Эстедт, как известно, был назначенным академиком и преподавателем Академии художеств. Следовательно, то, что Каролина Карловна представилась священнику Исаакиевского собора, крестившему Екатерину Александровну Бланк, как дочь академика, не противоречит истине.

Когда семья Бланков покинула в 1841 г. Петербург, дети обязаны были на Пасху и Рождество обязательно писать Каролине Карловне поздравления на французском языке. Она всегда отвечала на них и давала добрые советы своим внучатым племяннику и племянницам.

В памяти А. А. Веретенниковой сохранились советы, которые дала ей Каролина Карловна в канун свадьбы. Каролина Карловна, в частности, писала: «Старайся, чтобы любовь твоего жениха к тебе превратилась в настоящую дружбу. Не делай себе иллюзий верить, что эта любовь может продолжаться всегда, как это делают многие молодые девушки по неопытности. Старайся сделать домашнюю жизнь приятной своему мужу, это большое искусство женщины»[309]. Как вспоминает Веретенникова, это письмо было последним, которое она получила от Каролины Карловны.

Умерла Каролина Карловна, по словам Веретенниковой, в возрасте 73 лет[310], т. е. в 1852 г. Однако, по данным уже цитированной книги о заброшенных могилах на Смоленском лютеранском кладбище, Каролина Эстедт (Karoline Oestedt) умерла в 1866 г.[311], что не согласуется с воспоминаниями Веретенниковой, но совпадает с завещанием К. И. Гроссшопфа.

Глава VII

ЛЮБЕКСКИЕ КОРНИ

1. Курциусы и Лепциусы

Родина немецких предков В. И. Ульянова – вольный город Любек. На протяжении всей своей многовековой истории Любек являлся крупным центром торговли со Швецией, Данией и Россией. Не это ли привлекло сюда честолюбивого Кристофера Фридриха Гроссшопфа, прапрадеда В. И. Ульянова, который переехал в Любек на постоянное жительство и в феврале 1763 г. женился здесь на дочери торговца мануфактурой Иоганна Эдлера – Кристине Маргарите?

По материнской линии, как говорилось выше, прапрабабушка В. И. Ульянова была связана родственными узами с уважаемой любекской семьей Курциусов. Многие представители рода блестяще проявили себя на научном поприще и породнились к тому же с не менее знаменитыми семействами, о которых и пойдет речь в этой главе в связи с родословной В. И. Ульянова.

Если проследить, какие профессии выбирали родственники основателя Советского государства по этой линии (вплоть до живущих в наши дни), получается небезынтересная картина. Подавляющее преимущество у историков (чаще археологов). Затем идут юристы и врачи. На четвертом месте – физики. Редкость – художник или музыкант. Был среди них и политик, поднявшийся на Олимп власти, ставший руководителем своей страны. Так что «защитник Ульянов» был бы здесь вполне традиционной фигурой, не выпадающей из ряда профессиональных предпочтений его дальней немецкой родни. Имеет он соответствие в немецкой ветви и как председатель Совнаркома, т. е. глава правительства.

Сегодня сложно назвать всех немецких родственников В. И. Ульянова, носивших фамилию Курциус. Многие из них попали, например, в такие престижные издания, как «Biographisches W rterbuch zum Deutschen Geschichte» (Биографический словарь немецкой истории), «Brockhaus Enzyklop die» (Энциклопедия Брокгауза), «Deutsche Biographische Enzyklop die» (Немецкая биографическая энциклопедия), «Neue deutsche biographie» (Новые немецкие биографии).

Первым среди них мы называем лютеранского священника Валентина Курциуса (6 января 1493 – 27 ноября 1567). Не исключено, что именно он является родональником любекских Курциусов. Он был сыном парикмахера. В 1512 г. стал студентом-теологом в ордене францисканцев в Ростоке. С 1528 г. он

был реформаторским проповедником в церкви Св. Духа, а в 1531 г. главным проповедником в церкви Св. Мартина. С 1534 г. В. Курциус становится проповедником церкви Св. Петра в Любеке. Среди церковных деятелей Любека он занимает одну из виднейших ролей[1].

Вторым представителем, носившим эту фамилию и упомянутом в «Новых немецких биографиях», является доктор медицины Карл Вернер Курциус (1736–1796)[2]. В начале своей карьеры он работал врачом в Нарве (Россия), а затем переселился в Любек. Его женой была Анна Катарина Крон (1738 – ок. 1788), дочь любекского адвоката Германа Георга Крона (1705–1756), который был синдиком (членом городского управления) в Любеке. Их сын, Карл Георг (7 марта 1771–4 октября 1857), тоже стал адвокатом в родном городе, а впоследствии городским синдиком, в обязанности которого входило управление внешними делами и администрацией школ. Он любил искусство и литературу. Поэтому все приглашенные городскими властями художники, особенно для работ по украшению церквей, встречались им очень радушно.

К. Курциус был женат на Доротее Плессинг (1783–1851), дочери купца Иоганна Филиппа Плессинга (1741–1810) и Маргариты Елизаветы Кюссель (1751–1825), также происходившей из купеческого сословия[3].

В годы наполеоновского нашествия тесная дружба на всю жизнь связала К. Курциуса с его близким соседом пастором Иоганном Гейбелем. Она же отразилась на взаимоотношениях их сыновей. Будущий поэт Эммануил Гейбель и Эрнст Курциус (2 сентября 1814 – 11 июля 1896) подружились в последние годы обучения в школе и сохранили эти отношения до конца своих дней. «Любовь к поэзии была звеном между Гейбелем и мною. – писал Курциус. – Искусная же манера, с какой наш профессор Акерман заставлял нас читать латинских элегистов и поощрял нас самих писать стихи на их языке, окончательно повлияло на наш вкус. Мы затем лучше поняли Гете и Уланда»[4]. Но кроме школьных учителей большое влияние на Э. Курциуса оказал пастор Гейбель. И это чуть было не привело Э. Курциуса на богословский факультет. Но любовь к античности победила. Это подтверждает письмо Э. Курциуса брату, в котором имеются следующие слова: «Что ты скажешь о моем решении всецело отдаться древней литературе? Какой источник чистого наслаждения, божественного наслаждения! Какое поучение, какая радость проникнуть в ум древности и вкусить все, что имеют прекрасного эти памятники!»[5]

В 1833 г. он поступил в Боннский университет, где с увлечением занимался археологией и древней философией. Но спустя год, в октябре 1834 г., Курциус перешел заниматься в Геттингенский университет. Здесь он с увлечением слушал лекции профессора К.-О. Мюллера. О его лекциях Курциус писал отцу:

«Слышать Мюллера один раз в день – бесценная польза, он несравним, как профессор. Он очаровывает ясностью своего изложения, прелестью и живостью своей речи, изобилием и основательностью своих знаний, и за ним следуешь с одушевлением в область науки, которую он оплодотворяет и одушевляет»[6].

В 1836 г. бывший учитель Курциуса по Боннскому университету, один из крупнейших специалистов по древнегреческой философии, профессор Кристиан Август Брандис был приглашен в качестве лектора ко второму сыну баварского короля Людвига I Отто Виттельсбахскому, ставшего с 26 мая 1832 г. первым греческим королем под именем Оттона I. Брандис пригласил Курциуса поехать вместе с ним в качестве учителя его детей. Так Курциус приехал впервые в Грецию, познакомился с ее природой и историей воочию, побывал в Микенах, Пелопонесе, соседних с Афинами Кикладах.

В июне 1838 г. в Афины в качестве воспитателя детей русского посланника в Греции Г. А. Катакази приехал Э. Гейбель. С этого момента и до апреля 1840 г., когда Э. Гейбель вернулся в Германию, они вместе наслаждались красотами Греции и воспевали их в стихах.

Незадолго до отъезда Гейбеля в Грецию приехал Мюллер. Вместе они посетили Беотию, Фокиду и Дельфы. В это время Мюллер занимался историей Древней Греции и хотел написать работу, посвященную всем фазам ее развития: политической, литературной, артистической и философской. Курциусу он предложил стать автором географической и описательной частей своего труда. Но эту идею Мюллер осуществить не смог. После быстротечной болезни он скончался в Афинах. Курциус вернулся в Берлин и в 1841 г. стал учителем Иоакимтальской гимназии, а в 1842 г., после успешного прохождения испытаний, он становится приват-доцентом Берлинского университета. Своей первой лекцией Курциус очаровал слушателей, среди которых была принцесса Августа, жена будущего императора Вильгельма I. Она выразила желание, чтобы Курциус стал воспитателем ее сына, вошедшего в историю Германии под именем императора Фридриха III. Курциус принял предложение, но одновременно продолжал работать приват-доцентом, а впоследствии и экстраординарным профессором Берлинского университета.

О своей задаче воспитателя он говорил: «Молодому принцу нет случая учиться в школе со всеми; преграда отделяет его от остальных людей, надо, чтобы тот, кому поручено руководить им, поднял эту преграду и, заставив его воспользоваться собственным опытом, привел бы в соприкосновение с остальным светом. Сначала надо ему знать, что такое знание, чтобы он имел силы желать хорошего, и прошел через гимнастику ума, отличающую развитого человека от человека еще замкнутого в себя. Прежде всего надо, чтобы он сделался человеком, а потом пусть будет Гогенцоллерном. Это свободное воспитание, которое,

прежде всего, предлагает себе возбудить дарования, внушает еще некоторые сомнения... мой коронованный ребенок расцветает в свободе духа!»[7]

Пройдет год с момента начала работы Курциуса воспитателем принца и его мать напишет ученому, что «смотрит на эту годовщину, как на второе рождение сына»[8].

Через пять лет после этих слов Августы, в 1848 г., Курциус, оценивая результаты своего труда, писал: «...качества молодого принца, чистота и благородство его намерений, его чистосердечная религиозность, любовь ко всему великому и прекрасному, самообладание, прекрасный такт и справедливость ума, мещанская простота его обращения, дар овладевать сердцами от одного взгляда и слова – заставляют меня предвидеть, что все эти качества не пропадут для народа в тот день, когда принц будет призван им управлять. Я убежден также, что он перенесет безропотно все несчастья, даже не заслуженные»[9].

Пройдет еще два года и работа Курциуса в качестве воспитателя прекратится. Его ученик, по решению матери, стал студентом Боннского университета. Со своим воспитателем Курциусом они стали друзьями и эта дружба продлилась до конца его дней. Она оказалась для мировой науки и самого Курциуса перстом судьбы.

Судьба распорядилась таким образом, что внук доктора медицины К. В. Курциуса – Эрнст Курциус – стал одним из крупнейших историков античности, археологом и филологом, чьи заслуги сравнимы лишь с заслугами первооткрывателя Трои, некогда петербургского купца 1-й гильдии Генриха Шлимана. Поэтому вряд ли справедливо, что Д. А. Волкогонов в своей книге говорит о Курциусе только как о воспитателе будущего императора Фридриха III[10].

Если Шлиман заработал средства для раскопок Трои бурной внешнеторговой деятельностью в России, то Курциус, воспитатель кронпринца Фридриха, когда тот стал императором, сумел добиться от него финансирования раскопок Олимпии, где с 776 по 394 гг. до н. э. происходили Олимпийские игры. Эти раскопки под руководством Курциуса продолжались с 1875 по 1881 гг. В результате человечество узнало о храме Зевса, построенном архитектором Либоном, увидело статую Зевса Олимпийского, выполненную некогда Фидием из золота и слоновой кости. Насколько важны эти открытия для истории мировой культуры, пожалуй, ясно без комментариев. Наиболее известная работа Курциуса – трехтомная «История Греции». Она дважды переводилась на русский язык и признана во всем мире как классический труд. Первый ее том Курциус посвятил принцу Фридриху.

Не менее Эрнста Курциуса известен его брат Георг (16 апреля 1820 – 12 августа 1885), специалист по древнегреческому языку. Он был профессором в университете Праги (1849–1854), Киля (1854–1861) и Лейпцига с 1861 г. до конца своих дней. Георг Кур-

циус выступил одним из первых за применение в области классической филологии методов сравнительно-исторического языкознания. Его учебник для гимназии по древнегреческому языку выдержал в Германии 16 изданий и в 1868 г. был переведен на русский язык. В России учебник выдержал пять изданий. Последнее в 1886 г. По этой книге учили древнегреческий язык братья Ульяновы – дальние родственники автора. Документально установлено, что этот учебник имелся в библиотеке Симбирской гимназии[11].

Свои следы в науке оставили профессор археологии в университетах Ерландера-Нюрнберга, Фрейбурга и Гейдельберга, первый директор немецкого археологического института Людвиг Курциус (13 декабря 1874 – 10 апреля 1954), а также внуки Э. Курциуса.

Первый – Эрнст Роберт (14 апреля 1886 – 19 апреля 1956) был специалистом по романской литературе, профессором в университетах Марбурга (1920–1924), Гейдельберга (1924–1929) и Бонна (с 1929 и до конца жизни). Из его многочисленных работ в 1922 г. на русский язык под редакцией известного историка музыки, музыковеда и художественного критика, профессора Е. М. Браудо была переведена книга «Ромен Роллан. Поэт и мыслитель», сохранившая ценность и для сегодняшних исследователей и любителей творчества одного из крупнейших писателей XX в.

Второй внук, Фредерик Курциус, был профессором медицины, а его сын Карл Фридрих (род. 8 марта 1928) является доктором права. У него трое детей: Фридрих, Корнелия и Юрена.

Внучка Эрнста Курциуса и родная сестра Эрнста Роберта, Герда, своим браком с доктором социологии, писателем Вернером Пихтом[12], принадлежавшего к дружескому кругу Вайцзеккеров, сделала родственными две эти известные немецкие семьи.

Их сын, Георг Пихт (род. 9 сентября 1913 – 9 августа 1982) стал известным религиозным философом, профессором Гейдельбергского университета, автором выдержавшей два издания (1967, 1968 г.) книги «Прогноз. Утопия. План» и известной статьи «Немецкая катастрофа образования».

Женой Г. Пихта является пианистка, профессор Консерватории Эдит Пихт-Акенфельд. У супругов Эдит и Георга Пихтов пятеро детей: Роберт, Габриэла, Кристоф, Иоганн и Клеменс[13].

Тем не менее первым приобретшим известность родственником семьи Ульяновых профессор Л. Хааз называет известного лютеранского пастора и крупного теолога, автора многократно переиздававшегося в Германии катехизиса для детей И. Хёфера (1605–1667)[14].

Продолжим рассмотрение материнской линии прапрабабушки В. И. Ульянова. Важной вехой стало замужество дочери Э. Курциуса – Доры (1854–1931). Она сочеталась браком с Рихардом Георгом Лепсиусом (19 сентября 1851 – 20 октября 1915)[15] и таким образом эти два знаменитых в истории немецкой и

мировой науки семейства оказались связаны родственными узами.

Истории рода Лепсиусов посвящена книга одного из его представителей Бернарда Лепсиуса[16], на которую мы опираемся в дальнейшем изложении.

Курциусы и Лепсиусы, похоже, были генетически предрасположены к археологии. Хотя основателем рода Лепсиусов называют адвоката Петера Кристофера Лепсиуса (1712–1799), но известность династии начинается с его внука Карла Петера (1775–1853), прославившегося работами в области археологии. А его сын Карл Рихард (23 декабря 1810 – 10 июля 1884) стал крупнейшим египтологом, продолжившим после смерти великого французского ученого Ж.-Ф. Шампольона работы по дешифровке и изучению египетского письма.

К. Р. Лепсиус скопировал и в 1842 г.издал древнеегипетские религиозные тексты в «Книге Мертвых египтян по иероглифам папируса в Турине», а также «Сборник важнейших источников по истории Древнего Египта».

Он возглавлял организованную по предложению Александра Гумбольдта при поддержке короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV археологическую экспедицию в Египет и Эфиопию, во время которой открыл и исследовал более тридцати неизвестных до него пирамид фараонов. Собранные экспедицией материалы К. Р. Лепсиус опубликовал в 12-ти томном труде «Памятники Египта и Эфиопии». В нем он предложил разделение истории и хронологии Египта на три периода: Древнее Среднее и Новое царства и это было одобрено специалистами. К. Р. Лепсиус составил перечень почти тысячи имен титулов царей, их жен и детей. Труд К. Р. Курциуса не потерял своего значения до наших дней.

В 1866 г. К. Р. Лепсиус провел географические исследования в нильской дельте, давшие совершенно неожиданный, но поистине блестящий результат. Он обнаружил знаменитый канапский декрет, опубликование которого полностью подтвердило расшифровку иероглифов, сделанную Шампольоном.

В 1869 г. К. Р. Лепсиус в третий раз посетил Египет. Но на этот раз в качестве гостя на открытие Суэцкого канала.

В течение многих лет К. Р. Лепсиус был президентом Немецкого археологического института в Риме. Благодаря энергии К. Р. Лепсиуса отделение этого института было открыто в Афинах. Главной его заслугой многие ученые считают создание в 1855 г. на основе собранных под его руководством материалов знаменитого Египетского музея в Берлине, первым директором которого он и стал. Многолетние исследования привели К. Р. -Лепсиуса к созданию основ хронологической периодизации Древнего Египта. Он связал изучение древнеегипетского языка с изучением живых хамитских и африканских языков. В 1880 г. им опубликована «Нубийская грамматика с введением о народах и языках Африки».

Оставили след в истории Германии и сыновья Карла Рихарда Лепсиуса, хотя никто из них не пошел по стопам отца. Один из них – Иоганн (15 декабря 1858–3 февраля 1926) избрал тернистый путь миссионера. Он основал миссию на Ближнем Востоке, был известен своими выступлениями против геноцида армян в 1915 г. Другой, Бернгард Ричард (3 февраля 1854–7 октября 1934), по образованию физик, нашел себя в промышленной сфере, став президентом химической компании в Берлине. Третий сын, Рейнгольд (14 июня 1857–16 марта 1922) – художник, работал в стиле позднего импрессионизма. Его женой с 1902 г. была художница-портретистка Сабина Граф (15 января 1864–29 ноября 1942), дочь художника. У них было четверо детей.

Особо следует сказать здесь о старшем сыне. Рихард Георг Лепсиус (19 сентября 1851–20 октября 1915) был профессором геологии Высшей технической школы и директором Гессенского государственного института в Дармштадте. Главный труд его жизни – геологическая карта Германии на 27 листах (масштаб 1:500 000), составленная в 1894–1897 гг.

Его женой, как указывалось выше, была Дора Курциус . Супруги имели троих детей и шестерых внуков[17] . Но вряд ли Дора Курциус-Лепсиус, дожившая до 1931 г., догадывалась, что человек, возглавивший в 1917 г. революцию в России, находится в кровном родстве с ее семьей.

2. Из родословной Вайцзеккеров

В работе А. Брауэра называется еще одна всемирно известная ветвь немецких родственников В. И. Ульянова – семья Вайцзеккеров[18] . Ее генеалогии посвящено глубокое исследование М. Вайна «Вайцзеккеры. История одного немецкого рода»[19] . Самые ранние представители рода, о ком упоминает М. Вайн, – городской учитель богословия Готлиб Якоб Вайцзеккер (1736–1798) и его жены – первая (с 1769 г.), Елизавета Кристина Маргарита Шейермон (1739–1779), и вторая (с 1783 г.). Доротея Каролина Грейс (1758 – после 1816).

Прежде всего, нас будут интересовать потомки Г. Я. Вайцзеккера и Д. К. Грейс. Их сын Христиан Людвиг Фридрих (1785–1831) был проповедником в приюте. В 1816 г. он женился на Софии Рёссле (1796–1864). В семье было трое сыновей – рано умерший Гуго (1820–1834), а также Карл Генрих (11 декабря 1822 – 13 августа 1899) и Юлиус Людвиг Фридрих (1828–1889).

М. Вайн называет братьев Вайцзеккеров гордостью немецкой науки. Юлиус Людвиг Фридрих стал известным историком-медиевистом, профессором Боннского университета. Карл Генрих, ученик известного богослова и проповедника Г. Бауэра, – профессором церковной истории. Он перевел на немецкий язык Новый Завет. Статьи К. Г. Вайцзеккера печатались в основанном и издаваемом при его участии «Ежегоднике немецкой теологии».

Выпущенные К. Г. Вайцзеккером работы «Исследование евангелистской теологии» (1864, 1901), «Христианская церковь в апостольское время» (1886, 1902) создали ему имя в научных кругах. В 1890 г. он был назначен канцлером одного из старейших не только в Германии, но и в мире, Тюбингенского университета (основан в 1447 г.). Канцлер по своему статусу являлся уполномоченным правительства Вюртемберга при ректоре университета. Заняв этот пост, Карл Вайцзеккер получил, в соответствии с законом, личное дворянство и первым в роду стал депутатом Вюртембергского сейма. Он был сторонником сильной Германии и приветствовал политику объединения немецких государств, которую проводил канцлер Пруссии О. фон Бисмарк.

К. Г. Вайцзеккер был женат на Софии Августе Кристине Дамм (с 1848 г.). У них было две дочери – София Августа (1850–1931), Мария Августа (1857–1939) и сын Карл Гуго (1853–1926), в 1916 г. возведенный в баронское достоинство за заслуги перед Вюртембергским королевством.

Отправная и заключительная ступени карьеры К. Г. Вайцзеккера совпадают с карьерой В. И. Ульянова. Получив юридическое образование, он достиг впоследствии поста премьер-министра. Правда, не социалистической республики, а королевства. В отличие от Ульянова, первый профессиональный политик в роду Вайцзеккеров был беспредельно предан своему монарху – вюртембергскому королю Вильгельму II вплоть до падения монархии в результате ноябрьской революции в Германии 1918 г.

В 1879 г. К. Г. Вайцзеккер женился на Виктории Вильгельмине Софии Паулине фон Мейбом (1857–1947). От этого брака было трое сыновей – Карл Виктор (1880–1914), ставший советником посольства; Эрнст Генрих (12 мая 1882 – 4 августа 1951), фрегаттен-капитан (капитан 3-го ранга) кайзеровского военно-морского флота, дипломат Веймарской республики и Третьего Рейха; Виктор Фридрих (21 апреля 1886 – 9 января 1957) – врач-невропатолог, профессор Гейдельбергского и Бреславского университетов, а также дочь Паула (1893–1933), агроном по образованию.

Наибольшую известность из потомков К. Г. Вайцзеккера получили два его сына Эрнст Генрих, видный дипломат, вступивший в 1911 г. в брак с Марианной фон Гравеницц (1889–1983), и Виктор Фридрих, ученый с мировым именем. Для нашего исследования именно Виктор Фридрих представляет наибольший интерес, так как это он в 1920 г. женился на Олимпии Курциус (1887–1979), что и связало род Вайцзеккеров с родом Ульяновых. Однако мы продолжим рассказ об этой ветви, начиная со старшего брата Э. Г. фон Вайцзеккера и его детей – Карла Фридриха (род. 28 июня 1912 г.), всемирно известного физика, и Рихарда Карла (род. 15 апреля 1920 г.), президента Федеративной Республики Германии.

3. Дипломат Третьего Рейха

Как уже указывалось, Э. Г. фон Вайцзеккер во время Первой мировой войны был офицером кайзеровского военно-морского флота. Он тяжело пережил поражение Германии и крах монархии. После установления Веймарской республики в 1920 г. стал профессиональным дипломатом. Работал в представительствах Германии в Копенгагене, Осло, Берне. По воспоминаниям его сына, президента ФРГ Рихарда К. фон Вайцзеккера, он был человеком сильной воли, незаурядного интеллекта, больших эмоций.

Среди друзей Э. Г. фон Вайцзеккера были видные военные и политические деятели Веймарской республики и Третьего Рейха: генерал-полковник Л. Бек, генерал-полковник Ф. Гальдер, сменивший Л. Бека на посту начальника Генерального штаба армии; руководитель Абвера адмирал Ф. В. Канарис; политик и дипломат Ф. фон Папен.

Э. Г. фон Вайцзеккер являлся членом элитарного консервативного «Клуба немецких господ», объединившего виднейших представителей делового мира Германии, а также крупнейших помещиков, политиков, ученых.

После прихода Гитлера к власти Э. Г. Фон Вайцзеккер хотел покинуть дипломатическое поприще и эмигрировать. Такая возможность у него была. Но под воздействием своих близких друзей Бека и Канариса, считавших, что им удастся воздействовать на гитлеровский режим в сторону его смягчения, он остался на своем посту. Находясь за границей, он устанавливает тайные связи с английскими дипломатами и с одним из виднейших лидеров консервативной партии У. Черчиллем. Но в 1939 г. прерывает всякие контакты с ними. Этот свой шаг Э. Г. фон Вайцзеккер впоследствии назовет позорным[20].

Между тем его служебная карьера в гитлеровской Германии развивалась вполне нормально. В 1936–1938 гг. барон Э. Г. фон Вайцзеккер был руководителем политического отдела Министерства иностранных дел, а в 1938–1943 гг. – статс-секретарем МИДа (заместителем министра). Став статс-секретарем, Э. Г. фон Вайцзеккер фактически оказался первым лицом в МИДе. Но при этом он являлся не политическим деятелем, а чиновником и, следовательно, не обладал реальной исполнительной властью. Все важнейшие решения по внешнеполитическим вопросам принимал Гитлер при активном участии И. Риббентропа. Гитлеровская дипломатия любыми путями стремилась доказать неизбежность войны с Чехословакией, если ее правительство не выполнит требований руководства судетских немцев. 3 августа 1938 г. Риббентроп послал в Лондон поверенному в делах Германии Теодору Кордту указание о необходимости во время переговоров с английскими политическими деятелями отрицать возможность

согласия Германии на проведение плебисцита в Судетской области Чехословакии и ее безусловного присоединения к Германии.

Кордт, выполнив указание Риббентропа, 23 августа 1938 г. написал Вайцзеккеру: «Согласно данным мне указаниям я не упоминал о плебисците в Судетско-Немецкой области, как о возможном выходе. Но по ходу всей беседы у Вильсона не могло остаться ни малейшего сомнения, что мы никогда не согласимся с таким решением вопроса, при котором это государство сохранило бы без изменений свою нынешнюю форму... Они, несомненно, готовы также сделать все от них зависящее, чтобы удовлетворить наши желания, но, конечно, за плату...»[21]

Причем премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен и его советник Г. Вильсон были готовы договориться с Гитлером, игнорируя при этом точку зрения чехословацкого и французского правительств. И это несмотря на то, что ряд видных немецких генералов и дипломатов, включая Э. Г. фон Вайцзеккера, активно противодействовали политике Гитлера–Риббентропа. Но это закончилось безрезультатно.

Наглядным подтверждением бесплодности их усилий являются воспоминания офицера английской разведки и публициста Я. Колвина, вышедшие в Нью-Йорке в 1952 г. В них он рассказывает о провале попыток видных деятелей германского генералитета в 1938 г. добиться от английского правительства твердости в отношении требований Гитлера по судетскому вопросу. В середине августа 1938 г. в Лондон по поручению начальника генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковника Л. Бека прибыл Э. фон Кляйст-Шменцин. Между 17 и 24 августа 1938 г. он беседовал с лордом Д. Ллойдом, постоянным заместителем министра иностранных дел сэром Р. Ванситтартом и сэром У. Черчиллем.

В ходе встреч Э. фон Кляйст-Шменцин сообщил своим собеседникам о «недостаточном уровне вооружения» вермахта, который будет ликвидирован только в 1943 г. В ответ он привез письмо У. Черчилля начальнику Управления разведки и контрразведки Верховного командования вооруженных сил Германии (Абвера) адмиралу Канарису.

Во время визита Кляйста-Шменцина в Лондоне Бек за свое выступление 30 мая 1938 г. против намеченного Гитлером нападения на Чехословакию, мотивированное неготовностью вермахта к ведению крупномасштабных боевых действий, был уволен 18 августа 1938 г. в отставку. Сменивший его на посту начальника генштаба генерал Гальдер (с 19 июля 1940 г. генерал-полковник), также считавший, что Германия не готова к войне, в первых числах сентября 1938 г. послал в Лондон своего представителя подполковника Г. Бема-Теттельбаха. Вспоминая о поставленной перед ним задаче, Г. Бем-Теттельбах писал 10 июля 1948 г. в дюссельдорфской газете «Die Reinische Post»: «Мое за-

дание состояло в том, чтобы просить самый узкий круг руководящих деятелей английского министерства иностранных дел проявлять твердость в отношении требований Гитлера. Люди, давшие мне это задание, рассчитывали не на что иное, как на категорическое "нет" английского правительства»[22].

В это же время, наряду с военными, активно действовал и Вайцзеккер. Это подтверждают имеющиеся в распоряжении исследователей документы. В настоящее время опубликовано телеграфное донесение посланника Великобритании в Швейцарии сэра Дж. Уорнера от 5 сентября 1936 г. в британское Министерство иностранных дел. В нем он сообщает о содержании своей беседы с председателем швейцарского Красного Креста и одновременно Верховного комиссара Лиги Наций по Данцигу К. Буркхардтом, опубликованной в сборнике документов британского МИДа[23]. К. Буркхардт одновременно отразил ее содержание в своем дневнике. Именно эту запись цитировали на 11-м американском военном трибунале в Нюрнберге («Процесс Вильгельмштрассе»). Буркхардт указал, что во время беседы Вайцзеккер сказал ему: «Англичане должны как можно скорее послать кого-нибудь с кем можно говорить, но не слишком высокопоставленную персону, не премьер-министра, не чересчур вежливого англичанина старой школы. Если приедет Чемберлен, эти типы будут торжествовать. Приговаривая: "Да этот англичанин совсем ручной, ведь он перед нами пресмыкался!" Чемберлен для этих людей слишком хорош. Вы должны послать энергичного военного, который, если надо, может накричать и стукнуть по столу стеком...»[24]

Подтвердил правильность записи в дневнике Буркхардта и Вайцзеккер в вышедшем в 1950 г. втором томе своих воспоминаний. В них, говоря о своей позиции в этот период, он пишет, что ее можно охарактеризовать как обструкцию руководству Германии и заговором «с потенциальным противником»[25]. Но активный сторонник умиротворения фашистских агрессоров министр иностранных дел Англии лорд Э. Галифакс делал вид, что ему ничего неизвестно и никто не говорит о необходимости «сделать совместное и Францией и Россией заявление о солидарности»[26].

Заявление Галифакса свидетельствовало о том, что руководители английского правительства были заинтересованы в поощрении агрессивных замыслов Гитлера и игнорировании мнения лиц, стремящихся к сохранению мира и ведущей роли Англии в мировой политике. И как итог, подписание позорных Мюнхенских соглашений, приведших к срыву попыток участников заговора против Гитлера осенью 1938 г. и развязыванию Второй мировой войны[27].

Реакция Советского Союза на эти соглашения дала возможность советнику посольства Германии в СССР В. фон Топпельскирху написать в Министерство иностранных дел Германии уже

3 октября 1938 г.: «Обращаясь к области политического прогноза, нельзя отказываться от мысли, что Советский Союз пересмотрит свою внешнюю политику. В этой связи надо иметь в виду прежде всего отношения с Германией, Францией и Японией... Я не считаю невероятной гипотезу, что современное положение открывает благоприятные возможности для нового и более широкого экономического соглашения Германии с СССР»[28].

Вскоре, в том же октябре посол Германии в Советском Союзе граф Ф. фон дер Шуленбург и народный комиссар по иностранным делам М. М. Литвинов достигли соглашения о прекращении в печати и на радио обеих стран прямых нападок на Сталина и Гитлера[29].

В декабре 1938 г. в Москве возобновились советско-германские торговые переговоры, которые от имени Германии вел Шуленбург. Однако в связи с возникшими разногласиями они были прерваны. Они возобновились только 22 июля 1939 г. и 19 августа этого же года успешно завершились заключением торгово-кредитного соглашения. В соответствии с ним Советский Союз получал кредит в сумме 200 млн марок[30].

12 января 1939 г. на дипломатическом приеме в Берлине Гитлер, впервые после прихода к власти, в течение нескольких минут беседовал с полномочным представителем СССР в Германии А. Ф. Мерекаловым, на что обратили внимание присутствующие дипломаты и журналисты. Вскоре, 30 января, а затем 28 апреля 1939 г., в своих выступлениях Гитлер, в отличие от прежнего времени, не допустил никаких нападок на СССР. Правда, в последней речи Гитлер никак не отреагировал на слова Сталина из Отчетного доклада ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии. В них не только характеризовалась политика невмешательства с точки зрения советского руководства в целом, но конкретно говорилось о взаимоотношениях между СССР и Германией. Сталин сказал: «В политике невмешательства сквозит стремление, желание – не мешать... Германии... впутаться в войну с Советским Союзом, дать... участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, – выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно в "интересах мира", и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия»[31].

В качестве конкретных примеров действий сторонников сталкивания СССР и Германии Сталин приводит лживую информацию евро-американской прессы $$$«о слабости русской армии", о "разложении русской авиации", о "беспорядках" в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо...

Характерен шум, который подняла англо-французская и североамериканская пресса по поводу Советской Украины. Дея-

тели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, в так называемой Карпатской Украине. Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований»[32].

Однако руководство Германии никак не отреагировало на предложения Сталина об улучшении отношений между двумя странами. В связи с этим Председатель Совнаркома, нарком по иностранным делам В. М. Молотов дал указание полпреду А. Ф. Мерекалову встретиться с одним из руководителей Министерства иностранных дел Германии. 17 апреля 1939 г. состоялась встреча А. Ф. Мерекалова с Э. Г. фон Вайцзеккером. Во время встречи полпред сказал: «Идеологические расхождения вряд ли влияли на отношения с Италией и не должны стать камнем преткновения в отношениях с Германией. С точки зрения Советского Союза, нет причин, могущих помешать нормальным взаимоотношениям. А начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше»[33]. Со своей стороны Вайцзеккер по поводу этой встречи написал в своем служебном дневнике: «Визит стал хорошим предзнаменованием в советско-германских отношениях»[34].

Но только 4 мая 1939 г., после снятия с поста наркома по иностранным делам Литвинова, сторонника коллективной безопасности, и что особенно было важно для Гитлера, еврея по национальности, и назначения на этот пост В. М. Молотова, Гитлер обратил внимание на события в Советском Союзе. Подогрела этот интерес и шифротелеграмма советника посольства Германии в Москве Типпельскирха, в которой говорилось: «Это решение, видимо, связано с тем, что в Кремле появились разногласия относительно проводимых Литвиновым переговоров. Причина разногласий предположительно лежит в глубокой подозрительности Сталина, питающего недоверие и злобу ко всему окружающему его капиталистическому миру... Молотов (не еврей) считается наиболее близким другом и ближайшим соратником Сталина»[35].

Гитлер потребовал от Риббентропа немедленно вызвать к нему крупнейшего специалиста по Советскому Союзу советника германского посольства в Москве Г. Хильгера. Во время встречи в резиденции Гитлера в Бергхофе фюрер задал Г. Хильгеру два вопроса: почему был снят Литвинов и готов ли Сталин к установлению добрососедских отношений с Германией?

В своих воспоминаниях «Wir und der Kreml. Deutsch-sowietische Beziehungen. 1918–1941» («Мы и Кремль. Немецко-советские отношения. 1918–1941») Г. Хильгер пишет, что он был

удивлен незнанием Гитлера и Риббентропа о том, что говорил Сталин о взаимоотношениях СССР и Германии на XVIII съезде ВПК(б). Он дважды зачитал им слова Сталина[36]. (Риббентроп вспоминает о том, что он знал речь Сталина, довел ее содержание до сведения Гитлера, но тот «занял выжидательную позицию и колебался»[37].)

Начались длительные дипломатические переговоры, в которых МИД Германии медлил с инициативами. Это вынудило посла Шуленбурга написать в первых числах июня 1939 г. Вайцзеккеру: «Мне показалось, что в Берлине создалось впечатление, что господин Молотов в беседе со мной отклонил германо-советское урегулирование. Я не могу понять, что привело Берлин к подобному выводу. На самом деле фактом является то, что господин Молотов почти что призывал нас к политическому диалогу»[38].

Но только в начале августа 1939 г. Гитлер понял, что прежде, чем напасть на Польшу, необходимо договориться с Советским Союзом. Он отдавал себе отчет в том, что Англия и Франция могут оказать Польше военную поддержку. Поэтому Германии как минимум необходим был нейтралитет Советского Союза, а еще лучше тесное сотрудничество с ним. Поэтому послу Шуленбургу было дано указание начать активную деятельность для достижения соглашения. Утром 15 августа он получил указание срочно сообщить Молотову о готовности Риббентропа немедленно прибыть в Москву для изложения «Сталину взглядов фюрера»[39]. Вечером того же дня состоялась встреча Шуленбурга с Молотовым. 17 августа Шуленбург уже давал ответ Молотову на поставленные им вопросы. Между ними состоялась еще одна встреча 19 августа[40]. Дальнейшее хорошо известно.

Когда стало очевидным, что переговоры о заключении советско-германского пакта подходят к успешному завершению, Э. Г. фон Вайцзеккер поручил своим сторонникам братьям Кордтам – Эриху, начальнику бюро министра иностранных дел Риббентропа, и Теодору, советнику германского посольства в Лондоне – поставить об этом в известность английское правительство. Как пишет в своих воспоминаниях Вайцзеккер: «Они намекнули нашим английским друзьям, что Гитлер намеревается обойти их в Москве. В качестве ответа они получили такое же конфиденциальное заверение, что этого не случится: британское правительство никогда не даст Гитлеру шанс опередить его. Это звучало успокаивающе»[41].

Но в действительности, как вспоминал в своей книге Э. Кордт, «к нашему ужасу, в противоположность сообщениям Ванситтарта, договоренность между Гитлером и Сталиным возникла»[42]. Она получила конкретное воплощение в Договоре о ненападении между Советским Союзом и Германией 23 августа 1939 г. Вайцзеккер был в числе лиц, сопровождавших Риббентропа. О чем он думал в момент подписания договора, а также 24 сентября 1939 г., когда обменивался в Берлине с полпредом

СССР в Германии А. А. Шкварцевым ратификационными грамотами, можно предположить, вспоминая его попытки побудить английское правительство активно противостоять внешнеполитической линии Гитлера. Но об этом Вайцзеккер и братья Кордты открыто сказали только после краха Третьего Рейха, чем несказанно поразили Риббентропа[43].

Не следует забывать, что Вайцзеккер был сторонником взглядов выдающегося политического деятеля Германии Бисмарка. Он, как широко известно, завещал Германии и немецкому народу: «Никогда не воевать с Россией и, тем более, не воевать на два фронта». Поэтому вполне искренне звучат слова Вайцзеккера об уровне советско-германских отношений на начало 1940 г.: «...безопасный тыл на Востоке означает для нас в настоящее время очень много»[44]. В это время в Европе уже шла Вторая мировая война, накануне которой 31 августа 1939 г. в 9 час 15 мин утра именно Вайцзеккер официально сообщил английскому и французскому послам в Германии Н. Гендерсону и Кулондру переданное накануне в 7 часов вечера провокационное сообщение немецкого правительства. Сообщение было о том, что в связи с двухдневным ожиданием польского уполномоченного в германском МИДе правительство Германии считает, что его предложения правительством Польши отклонены.

В действительности посол Польши в Германии Ю. Липский посетил Риббентропа 30 августа после полудня. Риббентроп сообщил послу, что тот не имеет полномочий уполномоченного польского правительства, поэтому переговоры вести с ним бесполезно. Вернувшись в здание посольства Ю. Липский неожиданно узнал о том, что Риббентроп скрыл от него об отключении телефонной связи посольства с Варшавой, чтобы не вести с Польшей переговоры.

В начале 1940 г. правительство Румынии попросило Германию помочь ей построить оборонительное сооружение вдоль Днестра в связи с ожиданием нападения со стороны Советского Союза. Подобное обращение было вызвано выступлением на VI сессии Верховного Совета Председателя Совнаркома по иностранным делам В. М. Молотова 29 марта 1940 г. В нем глава Советского правительства сказал: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем»[45].

На следующий день премьер-министр Румынии Г. Татареску во время беседы с немецким посланником В. Фабрициусом и особым уполномоченным Германии К. Клодиусом высказал пожелание, чтобы правительство Германии попросило Советское правительство не претендовать на Бессарабию.

Через несколько дней с такой же просьбой обратился к Вайцзеккеру посланник Румынии в Германии Р. Круцеску. Но тот

дипломатично ответил, что, по его мнению, бессарабская проблема для Советского Союза будет существовать, но он ее не будет решать ни сегодня, ни в ближайшее время. Этой линии, в соответствии с указаниями Министерства иностранных дел, немецкие дипломаты все время придерживались в беседах с румынскими государственными деятелями[46].

Аналогичную линию проводил Вайцзеккер, отвечая представителям Прибалтийских республик по поводу требований к ним Советского Союза.

В июне 1940 г., когда Латвия, Литва и Эстония обратились к правительству Германии с просьбой о помощи в связи с политикой Советского Союза, им был дан совет подчиниться его требованиям. 18 июня 1940 г. Вайцзеккер послал всем дипломатическим представительствам Германии письмо, в котором указал, что отношения СССР и Прибалтийских государств – это их личное дело. В связи с этим Вайцзеккер писал: «Ввиду наших неизменно дружеских отношений с Советским Союзом у нас нет никаких причин для волнений, каковое нам открыто приписывается некоторой частью зарубежной прессы. Избегайте пространных высказываний»[47].

6 апреля 1941 г. в Вене, как утверждал Риббентроп, Гитлер впервые сказал ему, «что принял окончательное решение о нападении на Советский Союз»[48]. В это трудно поверить, зная положение Риббентропа в иерархии гитлеровского рейха. Тем более, что сотрудница советской военной разведки Ильзе Штебе, с 1931 г. работавшая в Информационном отделе МИДа Германии, узнала об утверждении Гитлером 18 декабря 1940 г. Директивы № 21 (Операция «Барбаросса») от своего помощники легационного советника МИДа Рудольфа фон Шелиа на следующий день после ее подписания, 19 декабря[49].

Но именно встреча фюрера с Риббентропом побудила последнего порекомендовать Гитлеру принять посла Германии в Советском Союзе графа фон дер Шуленбурга. 13 апреля 1941 г. Шуленбург прибыл в Берлин из Москвы. 28 апреля Гитлер принял его в Вене. Из разговора с Гитлером Шуленбург сделал вывод о том, что тот окончательно решил для себя вопрос о необходимости начать в самое ближайшее время войну с Советским Союзом.

Трудно сказать, произошло простое совпадение или это был заранее подготовленный ответ на беседу Гитлера с Шуленбургом, но 28 апреля 1941 г. Вайцзеккер направил на имя Риббентропа письмо следующего содержания:

«Я могу выразить одной фразой свои взгляды на русско-германский конфликт. Если бы каждый русский город, обращенный в пепел, имел для нас такую же ценность, как потопленный английский военный корабль, я предложил бы начать германо-русскую войну этим летом. Но я считаю, что мы победили бы Россию лишь в военном отношении и, с другой стороны, проиграли бы в экономическом отношении.

Может быть, и соблазнительно нанести коммунистической системе смертельный удар, и можно также сказать, что логика вещей требует, чтобы Евразийский континент был противопоставлен англосаксам и их сторонникам. Но единственное решающее соображение заключается в том, ускорит ли это падение Англии.

Мы должны различать две возможности:

а) Англия близка к краху. Если мы примем эту посылку, то, создав себе нового противника, мы лишь ободрим Англию. Россия не является потенциальным союзником англичан. Англия не может ожидать от России ничего хорошего. В России не связывают никаких надежд с отсрочкой краха Англии так же, как вместе с Россией мы не уничтожаем никаких надежд Англии.

б) Если мы не верим в близкий крах Англии, тогда напрашивается мысль, что, применив силу, мы должны будем снабжать себя за счет советской территории. Я считаю само собой разумеющимся, что мы успешно продвинемся до Москвы и дальше. Однако я весьма сомневаюсь, будем ли мы в состоянии воспользоваться завоеванным ввиду известного пассивного сопротивления славян. Я не вижу в русском государстве какой-либо действенной оппозиции, способной заменить коммунистическую систему, войти в союз с нами и быть нам полезной. Поэтому нам, вероятно, пришлось бы считаться с сохранением сталинской системы в Восточной России и в Сибири и с возобновлением военных действий весной 1942 г. Окно в Тихий океан осталось бы закрытым.

Нападение Германии на Россию послужило бы лишь источником моральной силы для англичан. Оно было бы истолковано ими как неуверенность Германии в успехе ее борьбы против Англии. Тем самым мы не только признали бы, что война продлится еще долго, но и могли бы действительно затянуть ее вместо того, чтобы сократить»[50].

Давая оценку этому документу, Черчилль писал: «Официальный глава германского министерства иностранных дел Вайцзеккер, несомненно, дал своему начальству хороший совет, и мы можем только радоваться, что оно не последовало этому совету»[51]. Через четыре года руководство фашистской Германии убедилось в правоте слов Вайцзеккера.

В апреле 1941 г. Риббентроп посчитал письмо Вайцзеккера ничего не значащим документом. Вайцзеккеру он доверял.

Именно Вайцзеккер 21 июня 1941 г. в 21 час 30 мин принял посла СССР в Германии В. Г. Деканозова по просьбе последнего. Советским правительством Деканозову было поручено обсудить ноту Наркомата иностранных дел СССР. Одновременно он должен был в беседе с Риббентропом или Вайцзеккером затронуть всю совокупность советско-германских отношений, с учетом материалов, содержавшихся в «Сообщении ТАСС» от 14 июня 1941 г. Но, выполняя указания своего руководства, Вайцзеккер уклонился от обсуждения советской ноты[52].

Материалы об этой встрече Вайцзеккера с Деканозовым, опубликованные на основании документов Архива внешней политики МИДа СССР, не совпадают с воспоминаниями В. М. Бережкова, работавшего в то время первым секретарем посольства СССР в Германии и являвшегося переводчиком посла Деканозова. Бережков пишет о том, что указание советского правительства поступило утром 21 июня, и он безуспешно пытался осуществить такую встречу посла с Риббентропом или Вайцзеккером. Чиновник Министерства иностранных дел неизменно отвечал ему, что их нет на месте. Только в три часа ночи такая встреча состоялась по инициативе Риббентропа, и он объявил о начале войны между Германией и СССР[53].

Обязанности статс-секретаря МИДа Вайцзеккер выполнял до апреля 1943 г. С этого поста он был направлен послом Германии в Ватикан, где проработал до конца войны. Это была инициатива Риббентропа, так как в Министерстве ему нужен был статс-секретарь, имеющий хорошие контакты с аппаратом национал-социалистской партии. Прежде всего с внешнеполитическим отделом, возглавляемом А. Розенбергом, соперником Риббентропа в борьбе за руководство внешней политикой, и, одновременно, с июля 1941 по апрель 1945 гг. имперским министром по делам оккупированных территорий.

Не смог Вайцзеккер установить на посту статс-секретаря и контакты с Гитлером. Об этом писал Риббентроп в своих воспоминаниях: «...я делал все для того, чтобы приблизить Вайцзеккера к фюреру, но тот его допускать к себе не желал, и тут я ничего поделать не мог»[54].

Оказавшись послом в Риме, Вайцзеккер продолжал поддерживать связи со своими друзьями в Берлине. Многие из них впоследствии оказались участниками заговора против Гитлера. После провала заговора Вайцзеккер предпринимает попытки установить контакты с западными державами. В этом ему активно помогает Ватикан. 12 августа 1944 г. на ватиканском немецком кладбище Кампо Санто Тевтонико, которое непосредственно примыкало к собору Святого Петра, Вайцзеккер «случайно» встречается с бывшим послом США в Германии (с марта 1938 по декабрь 1941 гг.) Х. Р. Вильсоном. Перед встречей с Вайцзеккером Вильсон побывал у Папы Римского Пия XII. Собеседникам было о чем поговорить.

Еще через восемь дней, 20 августа, на том же кладбище произошла очередная «случайная» встреча Вайцзеккера с начальником Управления стратегических служб США генералом У. Донованом. Они были знакомы с лета 1939 г., когда Донован побывал в Берлине с целью установления контактов с адмиралом Канарисом, графом фон Х. Мольтке, активным противником нацистского режима, и Вайцзеккером. К моменту встречи на Ватиканском кладбище Донован хорошо знал, что его собеседник симпатизирует англосаксам, негативно относится к коммунис-

тической идеологии и нацизму. Вайцзеккер по итогам беседы с Донованом сделал следующую запись в своем дневнике: «Он приехал из Неаполя и интересовался вопросом: с кем в Германии можно сотрудничать? Я ответил, что не знаю кто там остался. Мои тамошние связи оборвались. У меня сложилось впечатление, что из-за ошибок американской политики теперь все уже поздно. Когда русские дойдут до Эльбы, дело западных держав будет проиграно»[55].

Примерно в то же время, когда у Вайцзеккеро состоялись тайные встречи со своими единомышленниками (если таковыми можно считать Вильсона и Донована), он, по поручению Риббентропа, несколько раз встречается с личными представителями президента США Ф. Рузвельта архиепископом (впоследствии кардиналом) Ф. Спелманом и послом США в Ватикане М. Тейлором. Но благодаря успешной деятельности советского разведчика И. А. Ахмерова об этих переговорах стало известно советскому правительству. Видимо это помешало достижению успешной договоренности по данному вопросу. Переговоры прекратились[56].

Возможно, пребывание в Ватикане спасло Вайцзеккера от расправы, которая ожидала участников покушения на Гитлера и связанных с ним лиц. В их числе мог оказаться и Вайцзеккер, который был в тесных дружеских отношениях со многими из руководителей заговора. Поэтому он сам и члены его семьи попали под подозрение, но на служебной карьере Вайцзеккера это не отразилось.

В 1945 г., когда война была закончена, в Нюрнберге начался суд над главными военными преступниками. А вслед за ним, там же в Нюрнберге, – серия процессов над преступниками рангом ниже, занимавшими ответственные посты в гитлеровских министерствах. В 1948 г. состоялся суд над сотрудниками Министерства иностранных дел. Среди подсудимых на этом процессе был арестованный в 1945 г. Э. Г. фон Вайцзеккер. Его вина в развязывании Второй мировой войны была признана доказанной. Вайцзеккера осудили на семь лет тюремного заключения.

На его защиту встали люди, считавшие, что Вайцзеккер являлся только исполнителем воли Гитлера и Риббентропа. Среди его защитников был и У. Черчилль. Он не забыл попыток Вайцзеккера наладить отношения между Германией и Англией, взгляды, которые тот высказывал во время бесед с английскими политическими деятелями. Американский суд прислушался к мнению одного из руководителей антигитлеровской коалиции, и, спустя полтора года, в октябре 1950 г., Э. Г. фон Вайцзеккер был амнистирован. Большую помощь адвокату, ведшему это дело, оказывал сын обвиняемого Р. К. фон Вайцзеккер, о котором речь пойдет отдельно. Заметим только, что благодаря участию в этом процессе Р. К. Вайцзеккер стал одним из первых жителей Германии, который смог в полном объеме изучить материалы о преступлениях нацизма перед человечеством.

4. Физик и философ Карл Фридрих фон Вайцзеккер

Карл Фридрих фон Вайцзеккер (род. 28 июня 1912) с юношеских лет увлекался философией. Но встречи и беседы с добрым знакомым семьи лауреатом Нобелевской премии (1932 г.), одним из создателей квантовой механики и ядерной физики В. Гейзенбергом, убедившим юношу, что теоретическая физика тесно связана с философией, привели к тому, что юноша стал студентом физического факультета Лейпцигского университета. Среди своих учителей в области физики К. Ф. фон Вайцзеккер называет прежде всего В. Гейзенберга, Н. Бора, а философии – Н. Гартмана, основоположника критической онтологии.

После окончания в 1933 г. университета Вайцзеккера оставляют работать преподавателем. Но через три года он становится научным сотрудником Института физики кайзера Вильгельма в Берлине. Занимаясь исследованиями в области ядерной физики, Вайцзеккер внес существенный вклад в изучение энергетических процессов в атомном ядре. В 1936 г. он дал теоретическое объяснение явлений изомерии. В 1938–1939 гг. Вайцзеккер, благодаря применению ядерной физики в области астрофизики, открыл источник энергии, излучаемой солнцем и звездами. Это было сделано независимо от физика-теоретика Г. А. Бете, эмигрировавшего из Германии в 1933 г., а с 1935 г. жившего и работающего в США, впоследствии одного из создателей первой американской атомной бомбы, лауреата Нобелевской премии (1967 г.). Открытие дало возможность К. Ф. фон Вайцзеккеру дополнить космогоническую гипотезу Канта-Лапласа о происхождении солнечной системы из первоначальной туманности своей гипотезой о том, что решающую роль в эволюции первоначальной туманности сыграла турбулентность.

С этого момента Вайцзеккер неоднократно касается в своих работах космогонической проблемы, а также вопроса о бесконечности мира. По его мнению, космология с древнейших времен является пограничной областью между религией, философией и естествознанием.

Для обоснования правильности своей точки зрения он проводит исследования необратимости времени с точки зрения второго начала термодинамики. Вайцзеккер высказывает несогласие с одним из основателей статистической физики и физики кинетики австрийским физиком Л. Больцманом, давшим в 1872 г. статистическое обоснование второго начала термодинамики, суть которого состоит в том, что природные процессы стремятся привести термодинамическую систему в равновесное состояние. Иными словами, необходимость течения времени ограничивается конечной галактикой, входящей в систему Млечного Пути. В то же время физическая Вселенная, рассматриваемая как бесконечная, не знает различия между прошлым и будущим. В отличие от Больцмана, Вайцзеккер считал, что не-

обратимость процессов должна объясняться не статическо-кинематическими представлениями, а универсальным, независимым от положения человека в мире, законом природы. В этой точке зрения Вайцзеккера явно просматривалось его философское видение мира не только с физической, но и общественной точек зрения.

Говоря о роли и значении К. Ф. фон Вайцзеккера в развитии физической науки, не следует забывать, что именно он вместе с А. Эйнштейном, Н. Бором, лауреатом Нобелевской премии (1944 г.) О. Ганом, В. Гейзенбергом, Ф. Штрассманом и др. стоял у истоков современной ядерной физики.

В 1939 г. в Германии вплотную приступили к созданию атомной бомбы. Но руководство нацистской Германии допустило серьезную ошибку. Второй после Гитлера военный и экономический руководитель Третьего рейха, председатель Имперского совета по обороне Г. Геринг подписал приказ о назначении профессора А. Эзау руководителем всего немецкого «уранового проекта»[57]. Но имевший много личных врагов А. Эзау не смог сплотить ученых. И дело вовсе не в том, что он был специалистом по высокочастотной технике, а не физиком-ядерщиком. Просто Эзау считал, что проект необходимо прикрыть. Сохранились воспоминания о том, что когда профессор Хаксель заговорил с ним об «урановой бомбе», Эзау отреагировал следующей фразой: «Вы, что, не понимаете?! Если фюрер заинтересуется ей, мы все до конца войны будем сидеть за колючей проволокой и делать эту чертову бомбу! Не надо больше о ней говорить, пусть все считают, что “урановая машина” и есть подлинная цель нашего проекта, а там как получится...»[58].

Но если А. Эзау, не будучи физиком-ядерщиком, интуитивно был противником создания атомной бомбы несмотря на то, что он как истинный ариец, враг «сынов Авраама» и настоящий национал-социалист, неоднократно демонстрировавший своими выступлениями верность нацистскому режиму, то Гейзенберг и Вайцзеккер отчетливо понимали, что создать бомбу можно, но тогда погибнут тысячи людей. И многие немецкие физики разделяли эту точку зрения. Но вслух об этом никто не говорил. Можно было оказаться в концлагере. Подобная участь постигла генерального директора норвежской фирмы «Norsk-Hudro» Б. Эриксена, рекомендовавшего в 1943 г. совету директоров фирмы прекратить выпуск тяжелой воды, так как ее производство сделает завод-изготовитель мишенью для авиации союзников. Совет директоров согласился с предложением Эриксена и немецкие физики на короткое время остались без тяжелой воды. Но после возобновления производства тяжелой воды 16 ноября 1943 г. союзная авиация разрушила завод. Кроме того, наносились бомбовые удары и по объектам, связанным с созданием атомной бомбы в самой Германии.

Мешали работам над созданием атомной бомбы внутри Германии и массированные налеты авиации союзников на лаборатории, где велись разработки. И кроме того, фактический саботаж отдельных ученых. Гейзенберг и Вайцзеккер предпочитали тратить значительную часть выделяемых им средств на проверку собственных научных идей, чем на создание бомбы. Подобное оказалось возможным потому, что работами над урановым проектом руководили 21 министр «средней степени образованности» и «ноль целых, ноль десятых» профессоров[59]. Кроме того, в это время Гитлер считал необходимым тратить средства прежде всего на создание Фау-1 и Фау-2, с помощью которых рассчитывал уничтожить Лондон. Проблема создания атомной бомбы его в тот момент не интересовала. Этим воспользовались некоторые крупные немецкие физики. И прежде всего Гейзенберг. После окончания войны в одном из писем Бете в США он напишет о позиции своих коллег-физиков: «Они не имели желания изготавливать атомную бомбу и были лишь рады тому, что внешне обстоятельства избавили их от необходимости работать над атомной бомбой»[60].

В другом письме 1948 г., говоря о своей роли в предотвращении создания немецкой атомной бомбы, Гейзенберг писал: «Я счастлив, что парализовал нашу решимость: да и тогдашние приказы фюрера мешали по-настоящему сосредоточить все усилия на создании атомной бомбы»[61].

Косвенно слова Гейзенберга подтверждает министр вооружения и боеприпасов гитлеровской Германии А. Шпеер во время допросов американскими следователями. Он, в частности, заявил: «Точно так же, как и у вас в Америке, у нас давно изучали расщепление атома. Вы в Америке далеко продвинулись. У вас имеются огромные циклотроны. Только когда я стал руководить работами, у нас стали строить несколько небольших циклотронов; один из них стоит в Гейдельберге. На мой взгляд, мы далеко отстали от того, что достигли вы в Америке. Мы не шагнули дальше примитивных лабораторных опытов, и даже они мало заслуживают того, чтобы о них говорили»[62].

Шпеер был твердо убежден (и в этом заслуга Гейдельберга), что для изготовления атомного оружия Германии потребуется еще десять лет[63]. Впрочем не следует забывать и заслуг профессоров Эриха Шумана (потомка знаменитого композитора) и Эзау, которые советовали своим коллегам ни в коем случае не говорить о возможности создать атомную бомбу в кратчайший срок. По мнению этих ученых, если руководство Германии узнает об этом, то оно отдаст ученым приказ срочно ее изготовить. В случае невыполнения этого приказа ученых ждет суровое наказание как врагов[64].

Это хорошо понял К. Ф. фон Вайцзеккер. Один из выдающихся физиков страны, которому было поручено изготовление реактора, предпочитал заниматься дипломатической научной ра-

ботой. По поручению правительства он разъезжает по оккупированным и неоккупированным странам Европы. После каждой поездки Вайцзеккер писал отчеты. В них он, в частности, подчеркивал, какой интерес в Испании и Португалии проявляют к немецкой философии по сравнению с другими, посещенными им странами. Но как только ведомство Риббентропа попросило Вайцзеккера выступить в радиопередаче, проводимой на США, он отказался, сославшись на плохое знание английского языка. Вайцзеккер настолько умело скрывал свои антинацистские взгляды, что смог остудить пыл пронацистски настроенных физиков, стремящихся запретить новейшую физику и теорию относительности из-за их «неарийского» происхождения, не вызывая подозрительности у властей. Этой работе он посвятил достаточно много времени[65].

Впрочем главное, чем в это время занимался Вайцзеккер, была разработка космогонической теории. Об успехах его в этой области было написано выше.

В 1945 г. вместе с войсками союзников в Германию пришла специальная группа людей, перед которым была поставлена задача задержать крупнейших немецких ученых, а также конфисковать обнаруженные научные документы, представляющие интерес для ученых их стран. Представителями США, научным руководителем которых был профессор Мичиганского университета С. Гоудсмит, были задержаны известные немецкие физики-ядерщики. Среди них были О. Ган, В. Гейзенберг, К. Ф. фон Вайцзеккер. В руки американцев попали документально оформленные результаты научных исследований немецких физиков-ядерщиков, представлявших интерес для американцев своей новизной.

В 1946 г. арестованные немецкие ученые, в частности Вайцзеккер, оказались на свободе и вернулись к научной деятельности. С момента освобождения по 1957 г. Вайцзеккер работает в Институте физики М. Планка в Геттингене, далее по 1957 г. занимает должность профессора философии в Гамбургском университете. Посвятив двенадцать лет преподавательской деятельности, Вайцзеккер в 1969 г. становится директором института Макса Планка, занимающегося изучением условий научно-технической жизни в мире. В послевоенный период Вайцзеккер активно работает над проблемами, дающими возможность объединить науку и совесть, объединить в единое целое распадающийся на части человеческий дух.

Об этой своей работе он хорошо сказал при получении премии мира немецкой книжной торговли: «Сегодня речь идет не о четких разграничениях, которые успокаивают нашу совесть и позволяют продолжать дальше, как и раньше, соблюдать необходимое почитание установленных границ. Для исследователя речь идет скорее о том, чтобы понять, что он в каждом мельчайшем своем действии, как и каждый человек, несет ответствен-

ность за целое, и подобно этому мельчайшие причины влекут за собой крупные последствия, от которых мы все страдаем. До тех пор, пока исследователь не будет в каждом своем эксперименте как нечто само собой разумеющееся учитывать требования человечности, подобно тому как он заботится о чистоте эксперимента в техническом отношении, от науки невозможно ожидать блага. Речь идет об изменении самого смысла научной деятельности»[66].

В это же время Вайцзеккер большое внимание уделяет вопросам теологии. Из-под его пера выходит книга «Die Tragweite der Wissenschaft» («Значение науки») (Stuttgardt, 1990). Книга написана на основе курса лекций, прочитанных Вайцзеккером в 1959–1966 гг. в университете города Глазго (Швейцария). В них он обратил внимание студентов на процесс освобождения общественного и индивидуального сознания от влияния религии, его сущность и последствия для христианства, ссылаясь на притчу о плевелах и зерне (Матф. 13, 24–30). По его мнению, секуляризация является неоднозначным процессом, «в котором происходит превращение христианского радикализма в радикализм реальности»[67]. Он считает, что экспериментальное естествознание и социальные революции необходимо рассматривать как примеры для объяснения событий в современном мире. По его мнению, они имеют христианские источники – веру в сотворение и хилиазм (учение о тысячелетнем царствовании Христа, которое должно наступить перед концом света). Вайцзеккер рассматривает проблему отношения науки и религии в соединении проблем науки и современного мира. Он справедливо считает современную эпоху как эпоху науки, а современный мир как мир техники и убежден, что наука, точнее вера в науку, заняла в жизни человека то место, которое раньше занимала религия. Вера же означает доверие. Доверие охватывает всю личность, а это свидетельствует, что то, чему доверяется человек, является действительным и истинным.

Очень важно сравнение науки и религии в историческом аспекте как проводит его Вайцзеккер. Это дает возможность понять роль науки в условиях сегодняшнего дня и осознать, что наука никогда не заменит человеку религии. Не следует забывать, что достижения науки, ликвидируя одни проблемы, порождают другие. Достижения в области развития науки могут принести горе человечеству, если окажутся в преступных руках. Поэтому Вайцзеккер считает, что наука должна обязательно быть увязана с христианскими убеждениями, высокой политической ответственностью и моральными устоями. Это необходимо сделать потому, что существует внутренняя связь между наукой и религией.

Вайцзеккер полагает, что религия требуется там, где физика доходит до своих пределов. Но при этом, по моему мнению, необходимо помнить, что благодаря ежедневному продвижению

вперед ученых-физиков и других отраслей знаний достигнутые пределы отодвигаются все дальше и дальше, и этот процесс остановить невозможно. Все достижения науки, считает Вайцзеккер, были подготовлены религией. Он говорит: «Чувственный мир является природным миром в христианском смысле слова. Для христианина все создал Бог. Поэтому и человек, сотворенный по его образу и подобию, может постичь сотворенные вещи, материальный мир в целом»[68]. И далее Вайцзеккер утверждает, что основной задачей науки является выявление Божьего величия, так как необходимо верить там, где человеческий разум неспособен дать подлинные знания. И, следовательно, нужно признать существование высшей сущности познаваемой человеком в состоянии глубокой сосредоточенности. Иными словами – наличие Бога.

Семейная жизнь Вайцзеккера сложилась удачно. Его женой с 1937 г. является Гундалина Инец Элиза Ида Вилле (род. 1908 г.), историк по образованию. У супругов четверо детей.

Сын К. Ф. фон Вайцзеккера Карл Христиан (род. 28 января 1938 г.) профессор, доктор наук в области физики. Его женой с 1962 г. является Элизабет фон Корф (род. 1928 г.). У супругов один сын и две дочери.

Президентом Вуппертальского института климата, окружающей среды и энергии в Научном центре земли Северный Рейн-Вестфалия является второй сын Эрнст Ульрих Михаэль (род. 1939 г.), биолог и физик по образованию, специалист по охране окружающей среды. Ранее он был директором Института европейской политики по охране окружающей среды в Бонне. В1996 г. Э. У. фон Вайцзеккер стал первым лауреатом Золотой медали Герцога Эдинбургского. С 1998 г. он является депутатом бундестага от Штутгардта.

Из многочисленных работ Э. У. фон Вайцзеккера на русский язык переведена книга «Фактор четыре. Удвоение богатства, двукратная экономия ресурсов», получившая в русском переводе подзаголовок: «Затрат – половина, отдача – двойная». Она создана совместно с известными американскими учеными, лауреатами премий Ниссан, Митака и Альтернативной Нобелевской премии Л. Хинтер и Эймори Блок Ловинсами.

Это третий по счету доклад групп ученых международной неправительственной организации «Римский клуб», созданной в 1968 г. В опубликованном в 1995 г. докладе (первые два сделаны в 1972 и 1992 гг.) также рассматривались проблемы, связанные с увеличением продуктивности ресурсов земли. По мнению авторов доклада, полезные ископаемые, воду, электроэнергию, топливо, материалы, плодородные земли и т. п. можно использовать более эффективно, без всяких дополнительных затрат и с выгодой для страны. Претворение в жизнь идей доклада дает возможность достижения процветания за достаточно короткий промежуток времени. Поэтому страны Европейского сообщества

приняли к исполнению содержащиеся в докладе идеи. Книга переведена на десять языков, в том числе и на русский. И это особенно радует авторов, один из которых, Э. Б. Ловинс[69], потомок украинских эмигрантов в США.

Но отмечая вклад супругов Ловинсов в создание доклада, не следует забывать о том, что инициатором его был Эрнст Ульрих Михаэль фон Вайцзеккер.

Супруга Э. Вайцзеккера Кристина Радке (род. 1944 г.) является как и муж биологом по образованию. У супругов трое сыновей и две дочери.

Третий сын К. Ф. фон Вайцзеккера Генрих Вольфганг (род. 1947 г.) по специальности математик. В 1969 г. он женился на Доротее Грассман (род. 1944 г.). Она по профессии врач. У супругов два сына и две дочери.

Единственная дочь К. и Г. Вайцзеккеров Берта Элизабета (род. 1940 г.) является историком по образованию. В 1967 г. она вышла замуж за теолога Конрада Райзера (род. 1938 г.).

5. Президент новой Германии

1 июля 1984 г. президентом ФРГ стал избранный на этот пост в мае бывший капитан вермахта, наступавший в 1941 г. на Москву. Через год после своего избрания он скажет: «У нас есть все основания считать 8 мая 1945 года концом ошибочного пути немецкой истории и связывать с этим днем наши надежды на лучшее будущее...». И еще: «Бедствия, выпавшие на долю немецкого народа... явились прямым следствием установления в Германии тоталитарного режима»[70].

Имя шестого президента ФРГ – барон Рихард Карл фон Вайцзеккер. До этого выступления, где нашлось место и покаянию, и осуждению диктатуры, и надежде, президент прошел сложный путь. В его биографии гимназия имени Бисмарка в Берлине, которую он окончил в 1938 г. Ему приходилось сидеть за школьной партой в Копенгагене, Осло и Берне, куда направляли отца с дипломатической миссией. Семь лет, с 1938 по 1945 гг., Р. К. фон Вайцзеккер прослужил в «самом прусском» из всех прусских полков – 9-м пехотном Потсдамском, пройдя путь от рядового до капитана, а в конце войны он стал адъютантом командира полка. Наступление на Москву в 1941-м, бои в Карелии в 1944-м...

Вместе со своими однополчанами Р. К. фон Вайцзеккер попадает в немилость к Гитлеру после неудавшегося покушения 20 июля 1944 г., так как за участие в заговоре было казнено 19 офицеров полка. Личный друг Вайцзеккера барон Аксель фон дем Буше хотел пожертвовать собой, но убить Гитлера. Еще раз напомним, что другом семьи Вайцзеккеров был один из руководителей заговора генерал-полковник Л. Бек, а сам юный Р. К. фон Вайцзеккер хорошо знал легендарного полковника

графа К. фон Штауффенберга, который и подложил бомбу в «Волчьем логове» – ставке Гитлера. Частым собеседником Рихарда был и другой герой сопротивления, участник заговора против Гитлера в 1938 и 1944 гг. – теолог Дитрих Бонхоффер, казненный 9 апреля 1945 г. в Флоссенбюрге..

Сам Вайцзеккер в рядах заговорщиков не был, хотя в кругу семьи и друзей неоднократно, в достаточно суровых выражениях, критиковал существовавшие в Германии порядки и желал поражения Гитлеру во Второй мировой войне. В своей речи, посвященной 20 июля 1944 г., Вайцзеккер объясняет свое отсутствие в рядах заговорщиков двумя причинами. Во-первых, тем, что в июле 1944 г. находился вместе со своим полком на карельском участке Восточного фронта. Во-вторых, боязнью за судьбу отца, родных и близких. И это привело к возникновению у него чувства вины перед погибшими друзьями, которое выражалось в его выступлениях по вопросам, связанным со временами национал-социализма в Германии.

Это видно из речи Р. Вайцзеккера «20 июля 1944 г. – покушение по приказу совести», произнесенной летом 1964 г. в восточно-берлинской Евангелической академии. В ней он скажет: Цели, которые преследовали деятели 20 июля 1944 г., были и остаются поныне путеводной звездой для моего поколения и людей моего круга»[71] . И далее, рассматривая вопрос о том, кто и как сопротивлялся в Германии власти Гитлера и идеологии национал-социализма Вайцзеккер обращал внимание слушателей на то, что это были отдельные люди, а не политические партии, общественные и церковные организации. Поскольку, используя современную терминологию, при любом антидемократическом, тоталитарном режиме иного быть не может. Только при демократическом строе могут свободно действовать политические партии и общественные организации, церковь, высказывать свою точку зрения по любым вопросам могут отдельные люди.

Вторая речь «Открытый ответ истории на диктатуру, мировую войну и раздел» была произнесена Вайцзеккером в 50-ю годовщину прихода Гитлера к власти 30 января 1983 г. в Западном Берлине. В ней он, говоря о причинах прихода Гитлера и его сторонников к власти, подчеркнул следующую мысль: «Гитлеровское движение было господином улицы и это определило ход событий... Веймарская республика была сметена не потому, что имелось слишком много нацистов, а потому что было слишком мало убежденных демократов»[72] .

После окончания Второй мировой войны в течение пяти лет (1945–1950 гг.) Р. Вайцзеккер изучает историю и право в университетах Геттингена, Гренобля и Оксфорда. В 1950 г. он заканчивает обучение и сдает экзамен на референдария. После этого шестнадцать лет своей жизни он посвящает экономическим проблемам. В 1950–1958 гг. он заведующий отделом экономической политики дюссельдорфской фирмы «Маннесманн

АГ», уделяющий большое внимание проблемам угольной и сталелитейной промышленности – двум основным отраслям Рура. Затем, в течение четырех лет, Вайцзеккер работает управляющим банкирским домом «Вальдхаузен унд K^0» в Эссене и Дюссельдорфе. С 1963 по 1966 гг. он является членом правления фармацевтического предприятия «К. Х. Берингер зон» (Ингельсхайм). Далее он решает заняться большой политикой. Однако, став политическим деятелем, окончательно с экономикой не расстается. Вайцзеккер продолжает оставаться членом правления ряда фирм, причем не только немецких, но и голландской «Робеко А. Г.»[73].

Но занимаясь экономическими проблемами, Р. Вайцзеккер не забывает и право. В 1954 г. он успешно защищает диссертацию и становится доктором права, а спустя год начинает заниматься адвокатской практикой.

В 1956 г. Р. Вайцзеккер четко определяет свои политические позиции – он становится членом Христианско-демократического союза. Однако в большую политику окунается лишь спустя несколько лет, в 1962 г. В этом году происходят два знаменательных события в его жизни.

Р. Вайцзеккер публикует свою первую статью. Она посвящена проблемам восточной и германской политики и критикует провозглашенную в декабре 1955 г. «доктрину Хальштейна». В соответствии с этой доктриной, получившей свое название по имени автора – статс-секретаря МИДа ФРГ Вальтера Хальштейна , только правительство ФРГ является единственным представителем всего немецкого народа и имеет право выступать от имени всей Германии, не устанавливая или разрывая дипломатические отношения с теми странами, которые признавали Германскую Демократическую Республику. Р. Вайцзеккер предлагал исходить из существующих реалий и проводить гибкую внешнюю политику, так как объединения Германии можно достигнуть только в весьма далекой перспективе. Зато плохие отношения с Советским Союзом и странами Восточной Европы сделают эту мечту неосуществимой.

В 1962 г. Р. Вайцзеккера избирают членом президиума «Собрания немецкой евангелической церкви». Благодаря этому в течение 60-х гг. он становится одним из руководителей евангелической церкви Германии и занимает видные посты. С 1964 по 1970 гг. – президент «Собраний немецкой евангелической церкви», которые проводились раз в два года и являлись местом встречи руководителей протестантской церкви и активистов-прихожан. Р. Вайцзеккер входит в состав главных органов управления евангелической церкви ФРГ Синод и Совет. В конце 60-х гг. его избирают заместителем председателя политического консультационного органа при Совете церкви – Палаты по социальному служению евангелической церкви. На этом посту Р. Вайцзеккер совместно с видным деятелем СДПГ Э. Эпплером

разрабатывает памятную записку «Задачи немцев по поддержанию мира».

В том же, 1969, году, когда Р. Вайцзеккер был избран членом Совета церквей, он становится членом Центрального Комитета и Исполнительной комиссии Всемирного совета церквей.

Помимо деятельности в евангелической церкви, Р. Вайцзеккер начитает принимать участие в работе различных фондов, общественных организаций и институтов. В 1962 г. он становится одним из основателей, а затем членом Совета Фонда науки и политики, который занимался связями между Востоком и Западом, прогнозами международных отношений и научными вопросами в сфере экономики, технологии и политической жизни. С 1972 г. Р. Вайцзеккер заместитель председателя Общества по изучению мира и конфликтов и член «Эттлингенского кружка», занимавшегося проблемами образования. С 1975 г. – член попечительских советов «Дома Риссен», который являлся одним из органов системы политического образования в ФРГ и занимался повышением руководящих кадров в северных районах страны, а также Академии Г. Элерса, созданной специально для просвещения граждан и содействию талантам. И, наконец, с 1978 г. Р. Вайцзеккер становится руководителем группы по изучению отношений между Востоком и Западом Немецкого общества внешней политики, членом президиума он стал в 1979 г.

Проживая с осени 1978 г. в Западном Берлине, Р. Вайцзеккер становится членом единственного за пределами США филиала колорадского «Аспен института гуманитарных исследований» в Западном Берлине, призванного налаживать контакты с учеными социалистических стран. Кроме того, под его руководством в ноябре 1983 г. было проведено 74-е заседание кружка «Бергердорфские беседы по вопросам свободного индустриального общества», который занимается поиском альтернативных путей развития индустриального общества и новых форм развития стран с различным социальным строем[74].

Благодаря своей деятельности на посту одного из руководителей евангелической церкви ФРГ, участию в перечисленных выше общественных организациях, фондах, институтах Р. Вайцзеккер получил известность не только внутри страны, но и за рубежом. У него установились деловые связи с политическими, церковными и общественными деятелями, представителями науки, образования, культуры, бизнеса. Р. Вайцзеккер был в курсе многих современных научных разработок. Он научился выступать перед большими аудиториями и увлекать слушателей за собой.

Руководство ХДС обратило внимание на высокий интеллектуальный уровень Р. Вайцзеккера, его энергию, и в 1966 г. он был избран членом федерального правления ХДС. При активной поддержке своего старого друга лидера христианских демократов и премьер-министра земли Рейнланд-Пфальц Гельмута Коля

в 1969 г. он становится депутатом бундестага и членом президиума фракции ХДС/ХСС. В 1973 г. новое продвижение – Р. Вайцзеккер в течение шести лет работает заместителем председателя фракции ХДС/ХСС. К этому времени он уже два года возглавляет комиссию по разработке Принципиальной программы ХДС, которую примет 26-й съезд ХДС, состоявшийся в октябре 1976 г. в Людвигсхафене.

1979 г. является для Р. Вайцзеккера определенным образом знаковым. В июне его избирают вице-президентом бундестага. В этом же году, после девятилетнего перерыва, он возвращается на пост президента «Собрания немецкой евангелической церкви». Но через два года он покинет оба этих поста, так как ранней весной 1981 г. со второй попытки избирается обер-бургомистром Западного Берлина. На этом посту он уделяет большое внимание безработице и модернизации ведущих отраслей промышленности. Кроме того, за всю послевоенную историю Р. Вайцзеккер стал первым обер-бургомистром, которого в октябре 1983 г. принял тогдашний Председатель Государственного совета ГДР, Генеральный секретарь ЦК Социалистической Единой партии Германии Э. Хоннекер. Р. Вайцзеккеру удалось добиться снятия некоторых ограничений для жителей Восточного Берлина на посещение Западного Берлина. Это снискало ему уважение как у своих сограждан, так и у жителей Восточного Берлина.

23 мая 1984 г. – звездный час в жизни барона Рихарда Карла фон Вайцзеккера. Со второй баллотировки (первая была в 1974 г.) подавляющим большинством голосов членов бундестага и бундесрата на альтернативной основе он избирается Президентом Федеративной Республики Германии. Ровно через пять лет, 23 мая 1989 г., он переизбирается на этот же пост большинством голосов (881 против 108) на безальтернативной основе.

Став президентом страны, Р. Вайцзеккер добился, наконец, своей цели и смог оказать влияние на политический курс страны, особенно в международных отношениях. Прежний курс он считал недостаточно гибким и трезвым. По мнению Р. Вайцзеккера, у Германии должны быть хорошие отношения с США и западноевропейскими странами, особенно с Францией. Но в то же время политике мирного сосуществования нет альтернативы. «Когда мы вспомним о том, какие переживания выпали на долю наших восточных соседей во время войны, – говорил Р. Вайцзеккер, – мы лучше поймем, что примирение и добрые мирные отношения с этими странами являются центральной задачей немецкой внешней политики»[75]. Поэтому в октябре 1984 г., выступая против мнения ряда видных деятелей ХДС о том, что объединенная Германия должна включить в себя Силезию и иметь границы 1937 г., Р. Вайцзеккер заявил об отсутствии у его страны каких-либо территориальных претензий к другим государствам, о незыблемости границ, сложившихся

после Второй мировой войны и о признании ФРГ границ по Одеру – Нейсе.

Пожалуй, с наибольшей полнотой его программа отражена в речи «примирение невозможно, если забыть о прошлом», произнесенной им в бундестаге 8 мая 1985 г. и посвященной 40-летию окончания войны в Европе. Речь эта стала широко известна во всем мире.

Ни в одной центральной газете Советского Союза, ни в еженедельнике «За рубежом», журналах «Новое время», «Международная жизнь», «Новая и новейшая история», ни в закрытых изданиях, которые давали расширенную информацию руководящим партийным и советским работникам, а также лекторам-международникам, эта речь, однако, не была даже упомянута. Партийное руководство не было заинтересовано в том, чтобы речь президента ФРГ, в которой он не только извинился перед народами мира за страдания, причиненные им гитлеровской Германией, но и поставил ряд глубоких нравственно-философских проблем, стала достоянием советских людей.

Причина, по которой с выступлением Р. Вайцзеккера было нежелательно знакомить советских людей, видна из следующих слов: «23 августа 1939 г. был заключен германо-советский пакт о ненападении. Дополнительным секретным протоколом предусматривался раздел Польши. Этот договор был заключен с тем, чтобы позволить Гитлеру вторгнуться в Польшу. Руководство Советского Союза в то время полностью осознавало это. Каждому политически мыслящему человеку того времени должно было быть ясно, что германо-советский пакт Гитлера означал вторжение в Польшу, т. е. начало Второй мировой войны. Это не умаляет вины Германии, что касается начала Второй мировой войны. Советский Союз был согласен с войной между другими народами, чтобы поживиться частью ее плодов. Но инициатива войны исходила от Германии, а не от Советского Союза»[76].

Только в 1986 г. значительные отрывки из этой речи были опубликованы в уже цитировавшейся книге Ю. С. Пивоварова. В своей речи Р. Вайцзеккер также сказал: «8 мая 1945 г. было днем освобождения. Мы все были освобождены от человеконенавистнической системы – диктатуры национал-социализма... Нельзя отделить 8 мая 1945 г. от 30 января 1933 г. ...Мы должны сами, без чьей либо помощи, дать оценку прошлому. И мы должны это сделать беспощадно по отношению к самим себе. Нам необходимы для этого силы и мы их имеем – силы посмотреть правде в глаза, не пытаясь найти оправдания и стремясь, по возможности, быть объективными».

В связи с этим президент призвал немцев не забывать трагического прошлого своей страны, так как «тот, кто закрывает глаза на прошедшее, ничего не разглядит и в настоящем». И далее он продолжал: «В глубокой печали вспоминаем мы сегодня всех убитых во время войны и господства режима насилия. В особен-

ности мы вспоминаем 6 миллионов евреев, которые были уничтожены в немецких концлагерях. Мы вспоминаем все народы, которые пострадали в годы войны и прежде всего... народы Советского Союза и Польши... Мы, немцы, вспоминаем миллионы погибших сограждан... Мы вспоминаем тех, кто не принимал активного участия в Сопротивлении, но не продал своей совести и предпочел умереть...»

Р. Вайцзеккер сумел сформулировать главную идею речи – ответственность и вина каждого отдельного человека и народа в целом. По его мнению, «целый народ не может быть виновным или невиновным. Виновность или невиновность – понятия не коллективного характера, а личностного. Есть открытая или оставшаяся под спудом вина человека. Есть вина, которую люди признают или не признают. Каждый, кто был в это время уже в сознательном возрасте, пусть сегодня в одиночестве и тиши спросит себя, виновен он или нет. Многие из живущих сегодня немцев в те времена были или детьми, или еще вовсе не родились. И они, конечно, не должны носить покаянной рубахи. Но они обязаны помнить о том, что произошло. Им непозволительно забывать, какое тяжелое наследие оставили им старшие поколения. Пожилые и молодые могут и должны помогать друг другу в жизненно важном деле – сохранить память... Тот, кто не хочет помнить о бесчеловечности прошлого, весьма уязвим перед лицом опасностей будущего»[77].

Говоря о будущем, Р. Вайцзеккер, несомненно, думал и о своих детях и внуках. Семейная жизнь его сложилась счастливо. В 33 года он женился на Марианне фон Крегманн (род. 1932 г.). У них четверо детей. старший Клаус Роберт, родившийся в 1954 г., по образованию экономист. В 1983 г. его супругой стала Габриэлла Мария фон Меер (род. 1956 г.), родившая двух дочерей. Средний сын Андреас (род. 1956 г.) – скульптор. Младшие дети – Марианна Беатриче (род. 1958 г.) – юрист и Фриц Эккарт (род. 1960 г.) – врач-терапевт.

Для Рихарда Карла фон Вайцзеккера как человека и политика было огромным счастьем объединение двух германских государств. И именно ему суждено было стать первым президентом объединенной Германии.

В 1994 г. Р. Вайцзеккер покинул свой пост, но оставил о себе память как о лучшем президенте Германии за всю ее послевоенную историю.

6. Врач и философ

Следуя по лабиринтам генеалогии, вернемся назад, к дяде президента, Виктору Фридриху фон Вайцзеккеру (21 апреля 1886 – 9 января 1957). Как уже говорилось, его женой стала Олимпия Курциус, связавшая род Вайцзеккеров с родом Ульяновых.

В. Вайцзеккер был интересным и многогранным человеком, крупным ученым, достижения которого признаны в медицинском мире. Еще в гимназические годы он увлекался философией, серьезно изучал И. Канта и Р. Декарта, но потом, возможно не без влияния отца, отдал предпочтение медицине.

Годы, посвященные изучению медицины, были для него очень насыщенными. Он учился в нескольких университетах, слушал лекции знаменитого физиолога Иоханнеса фон Криса, глубоко изучал невропатологию, в итоге ставшую его профессией. Вскоре он пришел к выводу, что человеческое поведение и природа неразделимы, более того, они едины в своем становлении. Поэтому в искусстве врачевания необходимо исходить из психологического подхода к больному. Это явилось существенной новацией в практической медицине.

В. Вайцзеккер не разделял шовинистического угара, охватившего Германию перед началом Первой мировой войны, и критически высказывался, когда она уже была развязана. Однако он был призван в армию и провел все годы войны в качестве врача на Восточном фронте, не переставая мечтать о том времени, когда сможет вновь заниматься научной работой.

Вернувшись с фронта, он в течение довольно короткого периода (до 1920 г.) публикует 14 объемных научных работ.

В это же время в доме своего друга философа Ганса Фриша он знакомится с Олимпией Курциус, сестрой коллеги и будущего профессора Фридриха Курциуса, главного врача в Любеке. Свадьба состоялась в узком семейном кругу в Гамбурге 14 августа 1920 г. Создав свою клинику, В. Вайцзеккер собрал в ней талантливых специалистов. Здесь глубоко изучались вопросы неврологии. 1 августа 1923 г. В. Вайцзеккер становится штатным профессором. В этом же году участвует в конгрессе неврологов в Данциге. На следующем конгрессе в 1924 г. делает доклады об изменении функций организма, а год спустя в Висбадене делает сообщение о психологии мышления больного и развивает новые направления исследований у постели больного. По его мнению, ничто не окажет такого влияния на излечение человека, как фактор влияния врача на душу больного. Большое значение для Вайцзеккера как врача сыграла встреча 2 ноября 1926 г. с Зигмундом Фрейдом, основателем теории психоанализа. Именно в трудах Фрейда, с которыми Вайцзеккер познакомился еще в 1910 г., он увидел связующее звено между наукой о лечении и философией.

Вайцзеккер называл Фрейда Пифагором в науке. В течение семи лет после этой встречи они переписывались, обсуждая интересовавшие их проблемы. К сожалению, время не донесло до нас многого из их переписки.

Со своим другом Романом Гвардини Вайцзеккер обсуждал вопросы Библии, бессмертия души. Хотя он считал себя атеистом, однако мечтал о христианизации всех наук.

Вместе с теологами иудаистом Мартином Бубером и католиком Йозефом Витихом Вайцзеккер в 1926 г. начал выпускать журнал «Креатур» («Творение»). В нем проповедовалась идея ликвидации разных конфессий и создания единой религии. На его страницах рассматривались не только религиозные, но и философские, литературные, театральные, медицинские проблемы. В этом журнале Вайцзеккер опубликовал свои статьи «Врач и больной», «История больного» и др. Осенью 1930 г. «Креатур» прекратил свое существование, так как в редакцию перестали поступать рукописи.

В течение 46 лет продолжалась творческая деятельность этого выдающегося врача и философа, которого по праву называют основоположником антропологической медицины, утверждающей, что симптомы любой болезни проявляются через характер и историю жизни человека.

У В. Ф. фон Вайцзеккера и его жены было четверо детей: Роберт Карл Эрнст (род. в 1921 г. – пропал без вести на фронте в 1942 г.) – студент-химик, Ульрика Греда (1923–1948), Эккарт (1925–1945) – лейтенант, Кора (род. 1929 г.) – физик. В 1957 г. Кора фон Вайцзеккер вышла замуж за физика Зигфрида Пенселина (род. 1927 г.).

Олимпия и Виктор Фридрих фон Вайцзеккеры имеют трех внуков и одну внучку.

7. Мастера обороны и отступления

В завершение разговора о родственниках Ульяновых в Германии скажем, что координатор международного проекта составления генеалогии предков В. И. Ульянова к 100-летию со дня его рождения федеральный архивариус в Берне (Швейцария) профессор Л. Хаас называет в качестве одного из них генерал-фельдмаршала гитлеровского вермахта В. Моделя[78].

Бывший ленинградский, а ныне израильский журналист М. Р. Хейфиц в апрельском номере 1992 г. израильской русскоязычной газеты «Вести» добавляет к этому ряду генерала танковых войск Х. Мантейфеля. Оба эти родственника Ульяновых, чьи имена связаны с историей Второй мировой и Великой Отечественной войны, к сожалению, слишком хорошо известны в нашей стране. Рассмотрим жизненный путь каждого из них.

Генерал-фельдмаршал Вальтер Модель

Отто Мориц Вальтер Модель – таково полное имя одного из талантливейших полководцев гитлеровского Рейха. «Он... был, несомненно, очень способным штабным офицером». Модель «обладал ясным умом и способностью быстро оценивать обстановку. Среднего роста, скорее хрупкого, чем сильного телосложения, с густыми черными волосами и живыми глазами, взгляд которых иногда становился пронизывающим, он производил

впечатление человека молодого и бодрого, упорного и усидчивого в работе. Его особым качеством была необычайная энергия, иногда даже чрезмерная. Это качество сочеталось у него с уверенностью и способностью твердо выражать свое мнение. По своему характеру он был оптимистом, не признававшим трудностей»[79]. Модель был человеком, которому Гитлер доверял выполнение самых сложных операций, учитывая присущий Моделю высочайший профессионализм, блистательные способности и верность воинскому долгу. В самых сложных фронтовых ситуациях Модель всегда находил правильное решение для выполнения стоящей перед ним задачи. Гитлер ему верил и посылал спасать положение на те участки Восточного и Западного фронтов, где складывались критические ситуации. И Модель доверие Гитлера оправдывал. Когда же он проиграл битву за Рур, то, не желая оказаться в плену, добровольно ушел из жизни.

Отто Мориц Вальтер Модель родился в лютеранской семье 24 января 1891 г. в городе Гентине (Кентине) недалеко от Магдебурга. Хотя американский исследователь Карло Д'Эсте утверждает, что родиной Моделя является город Гейнхем, также расположенный недалеко от Магдебурга[80].

В связи с тем, что в конце Второй мировой войны по указанию Моделя были уничтожены все документы личного архива, исследователи его жизни вынуждены вести дискуссии о его происхождении, о детских годах. По утверждению Карло Д'Эсте, предки матери Моделя были крестьянами-торговцами и содержателями постоялых домов, а отец преподавал логику в женской гимназии и одновременно являлся регентом церковного хора[81]. С. Митчем (мл.) утверждает, что отец Моделя был учителем музыки[82]. Он считает, что В. Модель рос в совершенной бедности[83]. Во что довольно трудно поверить. Скорее прав Д'Эсте, который относит Моделя к среднему классу[84]. Именно профессия отца и предков матери давали возможность говорить лицам, враждебно относившимся к Моделю, что он происходил из незнатного рода и принадлежность к дворянству присвоил себе, не имея на то никаких оснований. С другой стороны, неясно, на основании чего некоторые авторы утверждают, что «Модель был потомком довольно древней аристократической фамилии»[85].

Родители В. Моделя готовили его к тому, чтобы он пошел по стопам отца. И сын вначале оправдывал их надежды. С особой любовью В. Модель изучал в эрфуртской гимназии гуманитарные предметы: древнегреческий и латинский языки, историю, литературу. Последний предмет был особенно любим, что наглядно видно из его активного участия в литературном гимназическом кружке. Но 1906 г. стал переломным. Учась в Наумбургской церковной гимназии, он впервые в жизни встретился с военными. Эта встреча произвела на него большое впечатление. Судьба была решена. 27 февраля 1909 г., благодаря помощи дядибанкира, Моделя приняли вольноопределяющимся в 52-й пе-

хотный полк. Спустя полтора года, 22 августа 1910 г., после блестящего окончания военного училища в Нейсе Моделю было присвоено офицерское звание – лейтенант.

С первых дней службы Модель проявил себя добросовестным офицером, откровенно высказывающим свои взгляды по тем проблемам, с которыми ему приходилось сталкиваться в течение 35-летней последующей службы.

Свою службу В. Модель начал с должности адъютанта 1-го батальона 52-го полка. Когда началась Первая мировая война, Модель вместе со своей частью оказался на Западном фронте. В мае 1915 г. под Седаном он был ранен и провел месяц в госпитале. За участие в этом сражении и проявленную храбрость В. Модель получил свою первую награду «Железный крест» первого класса. Своим поведением в боях Модель обратил внимание командира дивизии полковника А. фон Пруссена, четвертого ребенка в семье императора Вильгельма II и наследника германского престола, являвшегося с 1929 г. членом нацистской партии и с 1943 г. – обергруппенфюрером СС (генерал). Пруссен предложил Моделю место в своем штабе. Модель согласился, но вскоре вновь вернулся на фронт в качестве командира роты. Новое ранение и награждение за храбрость «Рыцарским крестом». После выздоровления В. Модель был направлен для дальнейшего прохождения службы в Генеральный штаб, несмотря на то, что за его плечами не было оконченной военной академии, что было обязательным условием работы в Генеральном штабе. Так были оценены заслуги Моделя в Первой мировой войне. В 1917 г. Моделя по заданию Генштаба направляют в Турцию, которая была союзницей Германии. Но вскоре война заканчивается, и Модель собирается покинуть армию и целиком посвятить себя гражданской жизни. Не исключено, что Модель хотел заняться научной или литературной деятельностью. Этот вывод можно сделать на основании талантливо написанной им книги, посвященной фельдмаршалу А. Гнейзенау. Но Моделю повезло. В 1919 г. он был зачислен в состав рейхсвера и стал служить во 2-м пехотном полку в Алленштайне в Восточной Пруссии. Это было довольно сложное время. Германия периодически содрогалась от революционных потрясений. Модель, который держался в стороне от политики, решительно подавлял любые солдатские выступления. Но, видимо, текст Версальского мирного договора, который представители Германии подписали 28 июня 1919 г., привел Моделя к мысли стать гражданским человеком. Основания для добровольного ухода из армии у Моделя были. Версальский договор отменял в Германии всеобщую воинскую повинность. Ее армия должна была состоять только из добровольцев, численность которых с июля 1920 г. ограничивалась 100 тыс. человек, включая 4 тыс. офицеров. Генеральный штаб распускался. Версальский договор вступал в действие 10 января 1920 г.

Однако дядя, когда-то оказавший Моделю содействие в избрании военной профессии, убедил племянника не торопиться покидать вооруженные силы. Модель прислушался к его совету и остался в рядах рейхсвера. В это время генералитет и офицерский корпус рейхсвера бурлил. Выражая взгляды той части офицеров и генералов, которые считали, что Германия должна иметь правительство, разделяющее их взгляды о недопустимости сокращения рейхсвера, начальник штаба военного округа Берлин-Бранденбург генерал Вальтер Лютвиц 10 марта 1920 г. во время беседы с президентом страны Фридрихом Эбертом предъявил ему ультиматум. В нем содержалось требование роспуска Национального собрания, перевыборов президента, отказа от сокращения личного состава рейхсвера с 400 тыс. до 100 тыс. человек, предусмотренного Версальским договором, прекращения выдачи снаряжения и вооружения Антанты, увольнения из армии ряда неугодных Лютвицу генералов[86].

Эберт отверг эти требования, но Лютвица из армии не уволил. Это привело к попытке некоторых военных 13 марта свергнуть законное правительство. Но она закончилась полным провалом благодаря всеобщей забастовке в Германии, охватившей 12 млн человек[87]. Путчисты вынуждены были бежать. Забастовка прекратилась за исключением района Рура. Для наведения порядка правительство отправило туда войска. В составе одного из подразделений был Вальтер Модель. Пребывание в Руре сыграло большую роль в его жизни. Здесь он познакомился с Гердой Хуссен, ставшей в 1921 г. его женой. От этого брака родилось трое детей. Их крестным отцом стал добрый знакомый семьи, участник Первой мировой войны, кавалер медали «За заслуги», командир подводной лодки капитан-лейтенант Мартин Нимёллер. Это была далеко неординарная личность, прошедшая путь от рядового священника (1924 г.) до одного из президентов Всемирного Совета церквей (1961–1968 гг.). От рядового национал-социалиста и активного сторонника Гитлера до его противника и узника Заксенхаузена и Дахау, признавшего в 1946 г. на конференции в Женеве вину Германии за военные преступления перед человечеством, возглавившего Немецкое общество мира (Объединение противников войны) и вошедшего в состав Президиума Всемирного совета мира. Именно эта деятельность Нимёллера была удостоена в 1965 г. Золотой медали мира имени Фредерика Жолио-Кюри, а в 1967 г. Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Такова судьба крестного отца детей Вальтера Моделя.

Другим человеком, с которым Модель поддерживал хорошие отношения, был один из талантливейших немецких военных теоретиков, фактический руководитель германского Генерального штаба (дело не в его разных названиях в то время), с 1 октября 1933 г. генерал (с 19 августа 1938 г. генерал-полковник) Л. Бек. Он был сторонником руководства вермахта генералами и про-

тивником нападения на Чехословакию, так как считал, что Германия не готова к войне, за что и был отправлен в отставку. Именно Л. Бека участники заговора против Гитлера, в котором он принимал участие, считали возможным кандидатом на пост главы государства. Но знал ли об этом Модель, сказать трудно, так как он сохранил верность Гитлеру до конца.

Несмотря на длительное общение с таким крупным военным теоретиком, как Бек, учителем Моделя в области военного искусства считают признанного военными профессионалами гением оборонительной стратегии немецкой военной науки генерал-лейтенанта Ф. фон Лоссберга.

Непосредственные руководители Моделя высоко ценили своего подчиненного за безупречное несение службы и исключительно высокую требовательность к себе и подчиненным. Правда, последние считали его грубым человеком, учитывая несдержанность в выражениях и беспощадность в оценке их действий, которые Модель себе позволял. В случае несогласия со своими начальниками на критику в их адрес он не скупился. В итоге это привело к медленному продвижению Моделя по службе несмотря на то, что он считался специалистом по техническим вопросам. В 1931 г. Модель был только майором. В этом звании в 1931 г. он по линии рейхсвера посетил впервые Советский Союз, где в течение двух недель знакомился с постановкой технических аспектов перевооружения в 9-й стрелковой дивизии Красной Армии, расположенной в Ростове-на-Дону[88]. Модель был не единственным немецким полководцем времен Второй мировой войны, приезжавшим в нашу страну в порядке обмена опытом и для учебы в соответствии с соглашением между рейхсвером и Красной Армией. В этот период Советский Союз посетили полковник В. фон Браух, подполковник В. Кейтель, племянник президента Германии, генерала-фельдмаршала П. Бенекендорфа унд фон Гинденбурга подполковник Ф. фон Левински, названный фон Манштейн[89].

Соглашение, о котором шла речь выше, было заключено еще в начале 20-х гг. и активно поддержано высшими руководителями СССР и Германии[90] еще при жизни В. И. Ульянова, который негативно относился к Версальскому мирному договору. В своем выступлении 15 октября 1920 г. на совещании председателей уездных волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии В. И. Ульянов подчеркнул, что в соответствии с Версальским договором Германия была вынуждена только в Европе расстаться с 67,3 тыс. километров своей территории, не говоря уже о потерянных колониях в Африке и на Дальнем Востоке. «Германии был навязан мир, – говорил В. И. Ульянов, – но мир этот был ростовщический, мир душительный, мир мясников, потому что они разбили и раздробили Германию и Австрию. Они лишили их всех средств жизни, оставили детей голодать и умирать с голоду, это мир неслыханный, грабительский... Это не

мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве. У Германии отняты этими противниками по Версальскому договору все ее колонии»[91]. В. И. Ульянов, правда, не упоминает, что Версальский договор предусматривал запрет для Германии иметь собственную военную авиацию, подводный флот и крупные военные корабли. Германия не имела права создавать самолеты и дирижабли, броневики и танки, химическое оружие.

Именно все это, по мнению В. И. Ульянова, «сделало Германию потенциальным союзником Советской России, в случае конфликта в Польшей, на которой Версальский мир держится»[92]. О сотрудничестве в военной сфере против Польши, а также против других своих возможных потенциальных противников, и договорились представители СССР и Германии в обход Версальского мирного договора при активной поддержке таких видных деятелей двух государств, как В. И. Ульянов, И. В. Сталин, Л. Д.Троцкий и других представителей органов ВЧК-ОГПУ, наркоминдела, а со стороны Германии бывший министр иностранных дел, посол Германии в СССР в 1922–1928 гг. граф У. Брокдорф-Ранцау, рейхсканцлер Германии с мая 1921 по ноябрь 1922 гг. К. Вирт, начальник отдела боевой подготовки Министерства рейхсвера, а затем начальник войскового управления (замаскированный Генштаб) генерал-лейтенант В. фон Бломберг, министр иностранных дел Германии с февраля по 24 июня 1922 г. В. Ратенау, создатель и руководитель рейхсвера генерал пехоты Г. фон Сект и другие[93].

В условиях абсолютной секретности в Советском Союзе были построены совместные советско-германские предприятия по производству военной техники, создавались полигоны для испытания новых видов вооружения, включая химическое оружие. В Казани и Липецке были организованы танковые и авиационные училища, готовившие для Германии танкистов и летчиков. Среди выпускников Казанской танковой школы «Кама» был будущий генерал-полковник, генерал-инспектор бронетанковых войск, начальник Генерального штаба сухопутных войск, видный военный теоретик Г. Гудериан[94], в Липецкой авиационной школе учились будущие немецкие асы Второй мировой войны[95].

Объективности ради отметим, что в Германии учились многие высшие командиры Красной Армии. Среди них были будущие маршалы Советского Союза: А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский; командармы 1-го ранга И. П.Уборевич, И. Э. Якир, начальник Оперативного управления и заместитель начальника Штаба РККА В. К. Триандафиллов, начальник Разведывательного управления РККА С. П. Урицкий, а также под псевдонимом «Леонид Александрович Котов» будущий руководитель нелегальной разведки, организатор убийства Л. Д. Троцкого, Н. И. Эйтингон[96].

Однако практически почти все советские военачальники, учившиеся в Германии или ездившие туда по обмену опытом, погибли в результате репрессий конца 30-х гг.

Судьба Моделя была намного удачней. Он выполняет различные поручения Генерального штаба: командует батальоном, расположенным в Восточной Пруссии. 1 ноября 1932 г. Моделю присваивают звание подполковника[97]. Через три месяца к власти пришел Гитлер, Модель стал его активным сторонником. Не исключено, что в связи с этим 1 октября 1934 г. он получает звание полковника[98] и становится командиром 2-го пехотного полка. Период командования полком был очень кратким. Уже в 1935 г. он назначен начальником отдела подготовки Военного министерства, а затем начальником технического отдела, ведающего состоянием технического оснащения и разработкой армейской доктрины. Модель поддерживал создание моторизованных подразделений, развитие авиации и танковых войск.

В этот период Модель знакомится с министром народного просвещения и пропаганды Й. Геббельсом, на которого он произвел очень хорошее впечатление. Геббельс организовал его встречу с Гитлером. Модель Гитлеру понравился. Видимо, это привело к тому, что в марте 1938 г. Модель получает звание генерал-майора. В связи с подготовкой к нападению на Чехословакию было проведено штабное учебное занятие. Модель проводил его в присутствии Гитлера. Он блестяще разработал на макете наступление на чешские укрепления. Гитлер был восхищен разработанной операцией и решил назначить его начальником штаба армии, которой было поручено оккупировать Чехословакию. Но Мюнхенские соглашения сделали это назначение ненужным. В октябре 1938 г. Модель назначается начальником штаба 4-го армейского корпуса под командованием генерала пехоты В. фон Шведлера. В составе корпуса Модель участвует в осуществлении операции «Вайс» – захвате Польши. 29 сентября 1939 г., после ее разгрома, 4-й корпус был передан в состав 16-й армии, которая должна была вести военные действия против Франции. Генерал-лейтенант Модель был назначен на пост начальника штаба армии. Под командованием генерала пехоты (с 1 февраля 1943 г. генерал-фельдмаршала) Э. фон Буша он участвует в разгроме Франции. Успешное осуществление военных операций против Польши и Франции привело к назначению Моделя командиром 3-й танковой дивизии, включенной в состав 24-го танкового корпуса, которым командовал генерал танковых войск барон Г. фон Швеппенбург. С началом войны против Советского Союза корпус вошел в состав 2-й танковой группы генерал-полковника Гудериана.

В начальный период войны дивизия под командованием Моделя форсировала Буг, Березину, Днепр, сражалась у Белостока, Минска, захватила Бобруйск, принимала участие в окружении советских войск под Смоленском и Киевом. Успехи Моделя были

высоко оценены менее чем через три недели после начала войны. 9 июля 1941 г. он был награжден Рыцарским крестом. Солдаты любили его за личное мужество и умение руководить боем. Штабные работники относились к Моделю исключительно неприязненно за высокую требовательность. Поэтому, когда генерал танковых войск Модель был назначен в октябре 1941 г. командиром 41-го танкового корпуса, работники его штаба обратились с просьбой о переводе их на службу в другие части. Штабистов не устраивало отношение Моделя к службе – желание добиться любой ценой поставленной задачи, неприемлемость оправдания бездействия ссылками на обстоятельства. Насколько были удовлетворены их просьбы, сказать трудно. Но хорошо известно, что корпус под командованием Моделя почти вплотную подошел к Москве. В битве за Москву корпус Моделя вместе со всей немецкой армией вынужден был отступить.

С 16 января 1942 г. по ноябрь 1943 г. Модель является командующим 9-й армией. Он принял командование, когда армии, находившейся под Ржевом, грозило окружение. 20 января 1942 г. Модель срочно вылетел на встречу с Гитлером. Получив подкрепление, он отклонил советы, как выйти из сложившейся ситуации. Это было первое, но далеко не последнее возражение Моделя Гитлеру по вопросам ведения военных действий. Как писал позже генерал танковых войск Мантейфель: «Модель часто спорил с Гитлером и позволял себе при этом такое, на что мало кто другой осмелился бы»[99].

В своем предвидении места, где советские войска нанесут удар, Модель оказался прав. Ему не только удалось отразить продолжавшиеся в течение месяца, с 22 января по 24 февраля 1942 г., атаки советских войск, но нанести им значительный ущерб. За это сражение Моделю было присвоено звание генерал-полковника и вручен Рыцарский крест с дубовыми листьями.

Только в марте 1943 г. под напором набиравших силу советских войск Модель вынужден был отступить. Вскоре 9-ю армию перебросили в район Курской дуги для участия в операции «Цитадель», которая была разработана начальником Генерального штаба сухопутных войск генералом пехоты Куртом Цейтлером. Он же предложил реорганизовать управление войсками на Восточном фронте, введя должность главнокомандующего с широкими полномочиями, на которую он предложил назначить генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна. С этим были согласны большинство немецких генералов, воевавших на Восточном фронте, так как, по их мнению, Манштейн был лучшим стратегом Третьего рейха. Но с предложениями Цейтлера и мнением генералов не был согласен Гитлер и отклонил их. Неоднократно переносил он и начало операции «Цитадель» – 3, 5, 15 мая, 20 июня, середина июня, 3 июля и, наконец, 5 июля[100]. Причина переноса начала операции – доклад Моделя на совещании у Гитлера в Мюнхене 4 мая 1943 г., в котором генерал сообщил,

что позиции Красной Армии на Курской дуге трудно будет прорвать ввиду нехватки и слабости танков. Гитлер решил удвоить число танков и укрепить их броневую защиту[101].

Против отсрочки операции «Цитадель» на совещании выступили: командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге, Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Манштейн, главный инспектор танковых войск генерал-полковник Гудериан, начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал пехоты Цейтлер и начальник Генерального штаба военно-воздушных сил генерал-полковник Г. Ешоннек. Их аргументация заключалась в том, что командование Красной Армии в июне месяце будет готово не только к обороне, но и к наступлению. Кроме того, немецкая армия терпела крах в Тунисе (13 мая последние немецкие части сдались англо-американскому экспедиционному корпусу) и нависла угроза высадки англо-американских войск в Италии и ведения войны на два фронта. Но Гитлер возражения генералов игнорировал. В итоге 9-я армия Моделя, насчитывавшая шесть танковых, две моторизованных и две пехотных дивизии, и 4-я танковая армия Г. Гота, состоящая из девяти дивизий, начали наступление с северного и южного фасов выступа. Оно оказалось неудачным, так как советские войска выдержали силу первоначального удара, нейтрализовали его и перешли в наступление. 23 августа 1943 г. Курская битва была завершена освобождением Харькова и катастрофическим поражением немецких войск. Подчиненные называли Моделя «мастером отступления». Во время отступления Модель применял тактику «выжженной земли». По его приказу сжигали поля, отбирали скот, который шел на нужды немецкой армии, уничтожали дома и хозяйственные постройки, население увозили в Германию. Модель оказывал большую помощь карательным отрядам СС в выполнении программы «еврейского вопроса»[102].

В подобном поведении Моделя нет ничего удивительного. Он стремился иметь хорошие личные отношения с нацистскими лидерами. Был единственным из генералов, попросившим себе у рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера адъютанта из СС, что вызывало негативное отношение офицерского корпуса[103]. По мнению Манштейна, Модель был убежденным сторонником идей национал-социализма и предан Гитлеру. Тем не менее, он относился к числу тех немногих генералов, которые были послушны Гитлеру и твердо отстаивали свое мнение перед ним. Модель был храбр, не жалел своей жизни и того же требовал от своих подчиненных, не сдерживаясь при этом в выражениях. Он появлялся на самых опасных участках сражения его частей и личным примером воодушевлял солдат и офицеров. Модель являлся образцом солдата в духе Гитлера[104]. Гитлер это ценил.

В январе 1944 г. части Ленинградского фронта разгромили войска группы армий «Север» и освободили Ленинград от бло-

кады. 1 февраля 1944 г. Гитлер освободил от командования группой армий «Север» генерал-фельдмаршала Г. фон Кюхлера и на это место назначил Моделя. К 1 марта 1944 г. Модель отвел две свои армии на рубеж от Нарвы по западному берегу Чудского озера и реки Великая, вошедший в военную историю под названием «линия Пантеры». На короткое время ему удалось стабилизировать положение на этом участке фронта. 1 марта 1944 г. Модель становится одним из самых молодых фельдмаршалов Третьего рейха. 30 марта сменяет Манштейна на посту командующего группой армий «Юг», которая 5 апреля 1944 г. была переименована в группу армий «Северная Украина». Несмотря на это положение на фронте не улучшилось. Гитлеру не откуда было взять дополнительные силы. Красная Армия с каждым днем наращивала мощь своих ударов. 22 июня 1944 г. она начала громить группу армий «Центр». Через неделю 28 из 37 немецких дивизий были или уничтожены, или окружены. 28 июля 1944 г. Модель сменяет генерал-фельдмаршала Э. фон Буша на посту командующего группы армий «Центр» с сохранением за ним руководства группой армий «Северная Украина». За всю войну Гитлер не предоставлял ни одному из своих генералов столь широких полномочий. Он ближе всего подошел к идее, выдвинутой еще в 1943 г. Цейтлером, иметь главнокомандующего армиями всего Восточного фронта. Модель начал срочное отступление. Но избежать встречи на полях сражения за Барановичи с маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым ему не удалось. Битву выиграл Жуков. На некоторое время положение на фронте стабилизировалось. Но этом было вызвано тем, что Красной Армии нужна была временная передышка. До Берлина оставалось около 6000 км.

17 августа 1944 г., вручая Моделю рыцарский крест, Гитлер сказал: «Если бы не Ваши героические усилия и не Ваше мудрое руководство храбрыми войсками, то уже сегодня русские могли бы оказаться в Восточной Пруссии, а может быть, даже и у самых ворот Берлина»[105]. В этот же день Модель сменил Клюге на посту командующего группой армий «Б» и немецких войск на Западном фронте. Модель считал, что, в отличие от Клюге, он сможет стабилизировать ситуацию. Но чуда не произошло. Пожалуй, впервые в жизни Модель признался офицерам своего штаба, что не знает как выйти из создавшегося положения. Английские и американские войска быстро продвигались на восток, освобождая все новые территории. 4 сентября Гитлер принял решение вновь назначить генерал-фельдмаршала Г. фон Рундштедта командующим Западным фронтом и одновременно командующим группой армий «Г». Модель остался на посту командующего группой армий «Б». В этот момент положение на фронте стабилизировалось. У американцев и англичан кончилось топливо. Они не рассчитывали, что немецкая армия так быстро потеряет способность к сопротивлению.

Решив проблемы материально-технического снабжения, английская армия решила разгромить войска Моделя в районе голландского города Арнема и, вступив в Германию, завершить войну в 1944 г. Но Моделю удалось организовать оборону. Битва за Арнем (17–27 сентября 1944 г.) стала его последней победой, отодвинувшей гибель нацистской Германии еще на семь месяцев.

Вдохновленный победой Моделя, Гитлер решил нанести удар по союзникам в Арденнах, вспомнив об успешном прорыве немецких танков 10 мая 1940 г. Подготовка к операции велась в строжайшей тайне. Модель и Рундштедт считали, что в сложившейся на фронте ситуации выполнение этой операции нереально. Захватить Антверпен невозможно. Но Гитлер не слушал их аргументов. В начале декабря 1944 г. он провел в своей ставке совещание участников Арденнской операции. На нем Модель и Рундштедт, поддержанные командующими: 6-й танковой армией СС оберстгруппенфюрером СС Й. Дитрихом и 5-й танковой армией генералом танковых войск Мантейфелем, вновь выступили против плана Гитлера. В соответствии с планом предлагалось форсировать реку Маас, захватить Антверпен и Льеж, где находились склады англо-американских войск, и отрезать эти войска на севере от центральной Франции.

Модель и Рундштедт предложили свой план наступления, получивший название «Kleine Losung» («Малое решение»). В соответствии с ним необходимо было уничтожить выступ американских войск у Аахена. В случае удачного выполнения этого плана было бы окружено пятнадцать англо-американских дивизий. Немецкое командование в этом случае смогло бы перебросить значительные силы на Восточный фронт. Гитлер назвал это предложение «малодушием» и приказал выполнять свой план.

В 5 час 30 мин утра 16 декабря 1944 г. Модель начал наступление силами двадцати дивизий. Удар оказался внезапным для англо-американских войск. Их разведка не смогла обеспечить свое командование нужной информацией. (Посвященные в тайну наступления несколько высших немецких офицеров дали подписку, что предупреждены о том, что ее разглашение грозит им расстрелом.) Фронт был прорван на ширину в 160 км. Англо-американские войска были почти стерты с лица земли. Но через неделю после начала наступления немецких войск изменились погодные условия, и авиация американцев заработала на полную мощь. Потери немецких войск были огромными, а резервов для их возмещения Гитлер не имел. Рундштедт еще 22 декабря предложил ему остановить наступление. Модель придерживался того же мнения. Но Гитлер отклонил это предложение. Только через неделю он согласился прекратить наступление, но запретил отступать.

В целях оказания помощи союзникам Сталин по просьбе Черчилля дал указание начать наступление советских войск на восемь дней раньше намеченного срока – 12 января 1945 г. 28 ян-

варя Арденнское сражение окончилось полным поражением немецкой армии и потерей убитыми, ранеными и пленными 120 тыс. человек[106]. Модель получил указание отойти на западный берег Рейна и закрепиться на «линии Зигфрида».

8 февраля началось последнее наступление союзников на Западном фронте. 23 февраля они атаковали позиции армии Моделя. Сил для сопротивления у него не было, но он выполнял приказ «рассматривать Рур как крепость и не отступать». В итоге 1 апреля 1945 г., благодаря совместным активным боевым действиям 21-й английской группы армий под командованием фельдмаршала Б. Монтгомери Аламейского и 12-й американской группы армии под командованием генерала О. Бредли, армия Моделя оказалась окруженной в Рурском бассейне. Ее сопротивление длилось еще три недели. Модель не стал выполнять приказ Гитлера об уничтожении всех предприятий Рурского бассейна и превращения его в «зону пустыни».

15 апреля Модель отдал приказ о создании небольших групп под командованием специально выделенных офицеров, которые должны были попытаться выйти из окружения. Солдатам, не имевшим оружия, предоставлялось право самим решать свою судьбу. 17 апреля он объявил о демобилизации самых младших и старших возрастов и о прекращении сопротивления. От предложения командующего 18-м американским воздушно-десантным корпусом генерал-лейтенанта М. Риджуэя о сдаче в плен, сделанного через парламентера, Модель отказался.

Днем, 21 апреля, когда американские войска находились от него на расстоянии 2–3-х километров, Модель попрощался со своими офицерами, оставшимися с ним в городке Линторф близ Дуйсбурга. В сопровождении полковника Тиллинга он въехал на своем штабном автомобиле «Мерседес-Бенц» (впоследствии подаренном Риджуэем Бредли)[107] в глубь близлежащего леса. Здесь он застрелился. Моделя похоронили согласно его просьбе там, где упало его тело.

После образования Федеративной Республики Германии, когда, по мнению родственников, исчезла опасность надругательства над останками Моделя, Тиллинг по их просьбе отыскал могилу генерал-фельдмаршала. Сын Моделя, майор Ганс-Георг Модель, провел перезахоронение останков отца на солдатском кладбище в лесу Хюртлен, где покоятся его подчиненные солдаты и офицеры[108].

Генерал танковых войск барон Хассо Эккарт фон Мантейфель (Мантойфель)

Хассо Эккарт фон Мантейфель (14 января 1897 – 24 сентября 1978) является представителем одного из древнейших немецких дворянских родов Померании, первое упоминание о котором относится к 1787 г. В XIV в. произошло ответвление рода в Швецию, а затем они появились в России. Мантейфели вошли

в историю Германии как политики и военные[109]. Причем некоторые из них удачно сочетали в себе обе стороны деятельности. Это хорошо видно на судьбе генерал-фельдмаршала барона Эдвина Ганса Карла фон Мантейфеля (24 февраля 1809 – 17 июня 1885) предка Э. Мантейфеля. Его военная служба началась в 1827 г. За двадцать лет, с 1828 по 1848 гг., он прошел путь от рядового лейтенанта до адъютанта прусского короля Фридриха-Вильгельма IV. Пройдет два года и положение Э. фон Мантейфеля укрепится благодаря тому, что его двоюродный брат барон Отто Теодор фон Мантейфель (13 марта 1805 – 26 ноября 1881) стал в ноябре 1850 г. премьер-министром и министром иностранных дел Пруссии. На этом посту он пробыл восемь лет до добровольной передачи Фридрихом-Вильгельмом IV по состоянию здоровья власти брату Вильгельму, будущему прусскому королю и первому германскому императору. Регент организовал так называемый «военный кабинет», который возглавил генерал Э. фон Мантейфель. Он подготовил реформу в армии. Но Мантейфель не обладал способностью ладить с людьми. В итоге в сентябре 1862 г. премьером Пруссии становится Бисмарк. Э. фон Мантейфель в это время находился в отпуске.

Только через два с половиной года Бисмарку удалось сместить Мантейфеля с его привилегированного поста, но восстановить против него Вильгельма I Бисмарку не удалось. В итоге Мантейфель остался для Бисмарка самым опасным представителем военной элиты. Тем не менее они ладили. В 1866 г., в период сложной международной обстановки для Пруссии, Бисмарк посылает Э. фон Мантейфеля со специальной миссией в Петербург. Мантейфель заверил русского императора в том, что Пруссия будет содействовать России в отмене тех статей Парижского договора 1856 г., которые запрещали России иметь флот на Черном море. Это был первый, но не последний, визит Э. фон Мантейфеля в Россию.

Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. Э. фон Мантейфель успешно командовал Южной армией. После подписания перемирия его назначили главнокомандующим оккупационной армией[110]. В 1873 г. Вильгельм I производит Мантейфеля в генерал-фельдмаршалы.

Службу в армии Э. фон Мантейфель сочетал с дипломатической деятельностью. 3 сентября 1876 г. он приветствует в Варшаве Александра II, приехавшего на маневры, от имени Вильгельма I и вручает русскому императору письмо его родного дяди германского императора. Спустя три года Э. фон Мантейфель вновь приезжает к Александру II по поручению Вильгельма I. Результатом этого визита была встреча двух императоров в местечке Александрово Ковенской губернии недалеко от русско-немецкой границы.

Э. фон Мантейфель ушел из жизни в возрасте 76 лет. Он стал кумиром для своего внука Хассо. Х. фон Мантейфель родился в

Потсдаме близ Берлина в семье сына фельдмаршала капитана германской армии Экхарда фон Мантейфеля. С детства он впитал любовь к армии и ему доставляло огромное удовольствие смотреть ежегодные военные парады, сопровождаемые музыкой духовых оркестров в честь дня рождения кайзера.

Сразу после окончания школы, в 1908 г., Мантейфель поступает учиться в кадетский корпус Наумбурга. Проучившись там три года, в 1911 г. он переводится в кадетскую академию Лихтерфельсе, находящуюся в Берлине. В соответствии с учебным планом в академии преподавали гимназические предметы и военную подготовку. Большое внимание уделялось нравственному воспитанию будущих офицеров. Их приучали к терпимому отношению друг к другу, соблюдению субординации, хорошим манерам, послушанию, чувству товарищества. Для Мантейфеля это было очень важно. При построении кадетов Мантейфель всегда стоял крайним на левом фланге своей 7-й роты. Его рост был 1 м 40 см. Это, благодаря воспитанности кадетов, не вызывало их негативных шуток.

Начало Первой мировой войны Мантейфель встретил в стенах кадетской академии, которую успешно окончил в 1916 г. Его зачислили в 3-й Бранденбургский фон Циттена гусарский полк, где в том же году присвоили звание лейтенанта. Вскоре молодой лейтенант был переведен в 6-ю Прусскую пехотную дивизию, воевавшую во Франции. В ее составе он участвовал в двух крупных сражениях на Западном фронте – под Верденом и на реке Сомме. Во время боя на Сомме 10 октября 1916 г. Мантейфеля ранило шрапнелью в правое бедро. Рана была достаточно серьезной. Его отправили в военный госпиталь г. Мюнстера (Вестфалия). Как только Мантейфель почувствовал себя хорошо, он сбежал на фронт. В связи с отсутствием документов об излечении командование вынуждено было подвергнуть Мантейфеля трехдневному аресту. Отбыв наказание, он воюет на Западном и Восточном фронтах.

После заключения перемирия в ноябре 1918 г. он в составе дивизии охраняет мосты через Рейн, недалеко от Кельна, для обеспечения безопасности частей, возвращавшихся в Германию, и затем, возвратившись в Ракенау (Шлезвиг-Гольштейн), где стоял его эскадрон, обнаруживает, что его часть подпала под влияние революционеров.

Мантейфель, собиравшийся посвятить всю свою жизнь службе в армии, демобилизуется. Он решает заняться предпринимательской деятельностью в промышленности. С ним подписала договор одна из фирм. Но его дядя, член коммерческого совета Берлина, считал, что Хассо фон Мантейфель обязан быть военным – это его призвание. Племянник послушался дядю, вернулся в армию и начинает служить в Добровольческом корпусе фон Овена младшим адъютантом. Этот корпус был направлен на подавление революционного движения в Мюнхене и Лейпциге.

В мае 1919 г. комитет по отбору офицеров в создаваемый, в соответствии с решениями Версальского договора, 100-тысячный рейхсвер назначает Мантейфеля командиром эскадрона 3-го кавалерийского полка, как стал называться полк 25 «А».

В 1921 г. в возрасте 24 лет Мантейфель женится на Армгард фон Клейст, племяннице капитана Эвальда Пауля Людвига фон Клейста (8 августа 1881 – 15 октября 1954), ставшего 1 февраля 1943 г. генерал-фельдмаршалом.

В званиях Мантейфель не растет, меняются только должности. С 1925 по 1930 гг. – он полковой адъютант. С февраля 1930 г. – командир технического эскадрона, что фактически означало засекреченное танковое подразделение. Это была его первая встреча с фактически новым родом войск в немецкой армии. Но с лошадьми в этот период Мантейфель не расстается. Он становится победителем многих конных соревнований. Но высшей награды Мантейфель удостаивается 2 января 1931 г. – золотой медали за высокие достижения в конном спорте. Возможно, его успехи в конном спорте способствовали тому, что командование 1 октября 1932 г. назначило Мантейфеля командиром эскадрона 17-го кавалерийского полка в Бамберге (Бавария). Через четыре месяца к власти в Германии пришел Гитлер. Началась активная реорганизация и перевооружение армии.

В декабре 1933 г. начальник Управления личного состава Руководства сухопутных сил генерал-лейтенант В. Шведлер предложил Мантейфелю перейти служить в танковые войска. Предложение, круто изменившее жизнь Мантейфеля, было принято. 1 октября 1934 г. он становится командиром эскадрона 2-го мотоциклетного стрелкового батальона в Айзенахе (Тюрингия). Здесь Мантейфель знакомится с начальником штаба Управления бронетанковых войск полковником Гудерианом, по рекомендации которого стал обучать офицеров-кадетов своей дивизии.

15 октября 1935 г. Гудериан становится командиром 2-й танковой дивизии в Вюрцбурге (Бавария) и предлагает Мантейфелю перевестись в его дивизию на должность командира роты. Мантейфель принимает предложение. Наряду с командованием ротой, он с 1936 г. продолжает заниматься педагогической деятельностью. В течение нескольких лет это становится основным занятием Мантейфеля. Он преподает офицерам в Вюнсдорфской танковой школе. К концу февраля 1937 г. Мантейфель обучил около 5000 офицеров-танкистов[111]. В течение одиннадцати месяцев (с 1 марта 1937 по 31 января 1938 гг.) под руководством Гудериана он работает советником Инспекции танковых войск Верховного командования сухопутных войск (ОКХ). В задачу Мантейфеля входило наблюдение за переформированием четырех пехотных дивизий в моторизованные. Выполнив данную задачу, он становится начальником танковой учебной школы в Берлине, где готовятся танковые экипажи. Через год его

переводят комендантом 2-го офицерского училища в Потсдаме.

Вторую мировую войну полковник Мантейфель начал во Франции командиром 2-го батальона 6-го стрелкового полка 7-й танковой дивизии под командованием генерал-майора (с 22 июня 1942 г. генерал-фельдмаршал) Э. Роммеля. В момент нападения на Советский Союз 7-я танковая дивизия была включена в состав 39-го танкового корпуса под командованием генерала танковых войск Р. Шмидта. Корпус входил в состав группы «3» генерал-полковника Г. Гота, составной части группы армий «Центр».

Начальный период войны, как известно, был очень удачным для немецкой армии. Отличился в этих боях и Мантейфель. Его батальон часто был в авангарде. Он обеспечил переход дивизии через Березину. 15 июля 1941 г. вышел к шоссе Минск – Смоленск – Вязьма. 2 августа, после гибели командира 6-го стрелкового полка полковника Унгера, Мантейфель возглавил полк. Под его командованием полк первым преодолел «линию Сталина» (бывшую границу СССР). 2 октября полк Мантейфеля подошел к Днепру, форсировал его и создал плацдарм. Во время второго штурма Москвы 23 ноября полк под командованием Мантейфеля захватывает Клин, а 28 ноября, захватив мост, форсировал канал Москва – Волга под Яхмой. За удачно проведенную операцию 31 декабря 1941 г. Мантейфель был награжден Рыцарским крестом.

В момент форсирования Мантейфель находился в 35 км от Москвы. Он просил подкрепления, рассчитывая первым ворваться в столицу. Но подкрепления не было. Советские войска оказывали ожесточенное сопротивление. 5 декабря они перешли в контрнаступление, завершившееся серьезным поражением немецких войск. В результате немецкие войска были вынуждены отступить от Москвы на 200–400 км.

6 мая 1942 г. дивизия, в которой служил Мантейфель, была переброшена во Францию для переформирования. 15 июля он был назначен командиром 7-й стрелковой бригады и в начале 1943 г. отправляется вместе с ней на африканский континент в Тунис. Главнокомандующий немецкой армией в Северной Африке генерал-полковник Ю. фон Арним приказал Мантейфелю создать из немецких и итальянских частей дивизию, названную «Мантейфель». Сражения дивизии «Мантейфель» проходили с переменным успехом. 30 апреля 1943 г. во время боя в результате нервного истощения ее командир потерял сознание и оказался в госпитале в Берлине, где жила его семья. 1 мая 1943 г. Мантейфелю было присвоено звание генерал-майора. Вскоре после излечения, 16 июня, он вновь оказался на Восточном фронте во главе 7-й танковой дивизии. Она успешно воюет в районе Ахтырки и под Киевом, оказывая серьезное сопротивление советским войскам. Контрнаступление дивизии Мантейфеля в районе Житомира было успешным. Оно дало

возможность вновь временно оккупировать город 19 ноября 1943 г., 31 декабря того же года Житомир был окончательно освобожден Красной Армией.

Необходимо отметить, что ведя бои на советской территории, Мантейфель отличался особой жестокостью, проводил тактику «выжженной земли». За успешное руководство боевыми действиями против советских войск под Киевом и Житомиром 23 ноября 1943 г. Мантейфель становится тридцать третьим обладателем «Дубовых листьев к Рыцарскому кресту». 31 января 1944 г. Гитлер назначает его командиром элитной танково-гренадерской дивизии «Великая Германия», составленной исключительно из добровольцев. Под командованием Мантейфеля дивизия успешно сражается в Румынии и с малыми потерями выходит из окружения в марте 1944 г. 22 февраля 1944 г. за эту операцию он был награжден «Мечами» к «Рыцарскому кресту с Дубовыми листьями» и получает звание генерал-лейтенанта. В августе 1944 г. дивизия была переброшена в г. Тракенен (Восточная Пруссия) с целью предотвращения прорыва советских войск в Восточную Пруссию. Выполняя приказ Гитлера, переданный начальником Верховного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршалом Кейтелем, Мантейфель без всякой подготовки атаковал Волковыск (Гродненская обл.), где были сосредоточены советские войска для наступления на Восточную Пруссию. В результате упорных боев, ценой больших потерь Мантейфелю удалось на короткое время вновь захватить Волковыск. 30 августа 1944 г. Мантейфель назначается командующим 5-й танковой армией на Западном фронте. Ему присваивается звание генерала танковых войск. Он становится одним из самых молодых генералов танковых войск и командующих армиями.

5-я танковая армия Мантейфеля входила в состав группы армий «Г», которой по совместительству командовал генерал-фельдмаршал Рундштедт. Он предложил Мантейфелю нанести контрудар по южному флангу 3-й американской армии генерала Д. Паттона. Мантейфель выполнил приказ, хотя и не был согласен с ним. Его контрудар успеха не имел, привел не только к большим человеческим жертвам, но и окончательной потере г. Люневиля (Франция). После неудачной операции армию Мантейфеля перебросили в распоряжение генерал-фельдмаршала Моделя для отражения американского наступления на первый немецкий город Ахен.

Мантейфель принял активное участие в разработке Арденской операции, получившей кодовое название «Осенний дым» (Herbstnebeb). Он поддерживал «малый план» Моделя. Но когда Гитлер потребовал выполнения своего плана, Мантейфель действовал с присущей ему энергией. Его армия, в отличие от 6-й армии Дитриха, достигла значительных успехов. Но нехватка живой силы, боеприпасов, горючего, господство авиации в воздухе, отказ Гитлера в оказании помощи, сильнейшее контрнас-

тупление войск союзников 3 января 1945 г. заставили Мантейфеля отдать приказ об общем отступлении 5-й армии на берега Рейна. Тем не менее, 28 февраля 1945 г. Мантейфель был награжден «Бриллиантами» к «Рыцарскому кресту с Дубовыми листьями и Мечами». Одновременно Гитлер хотел передать ему через своего адъютанта 200 000 рейхсмарок, но генерал отказался их принять[112].

10 марта 1945 г. Мантейфель вновь был направлен на советско-германский фронт. Здесь он командовал 3-й танковой армией, сражаясь на Одере. Полтора месяца боев убеждают Мантейфеля в неминуемом крахе Германии. 26 апреля 1945 г., несмотря на яростное сопротивление Кейтеля, Мантейфель отдает приказ 3-й танковой армии пробиваться в сторону наступающих с Запада англо-американских войск. Вместе с ними отступало большое количество гражданского населения. 3 мая 1945 г. части 3-й армии достигли позиций английских войск в районе города Хагена и капитулировали. Мантейфеля арестовали и поместили в лагерь для военнопленных. Конец 1945 и начало 1946 гг. он провел в различных английских тюрьмах. В марте 1946 г. Мантейфеля вернули в Германию и он выступал в качестве свидетеля на международном процессе в Нюрнберге. В декабре того же года его освободили. С 1947 г. он работает в Кельнском банке Оппенгейма и становится доверенным лицом фабрики металлоизделий в Нейсе и членом его магистрата. В 1949 г. вступает в Немецкую демократическую партию. В течение 1953–1957 гг. был депутатом бундестага от Немецкой демократической партии, впоследствии Немецкой народной партии и Немецкой партии. Он является членом ряда обществ и союзов ветеранов войны. Мантейфель неоднократно выступал с лекциями в военно-учебных заведениях, в том числе и в США, его перу принадлежит ряд военно-теоретических и военно-исторических исследований. Хассо Эккарт фон Мантейфель умер в Диссене на Аммерзее в Баварии в возрасте 81 года.

Глава VIII

УЛЬЯНИНЫ – УЛЬЯНИНОВЫ – УЛЬЯНОВЫ

1. Крепостные из села Андросово

Мы уже знаем, как руководство КПСС скрывало сведения о еврейских корнях В. И. Ульянова (Ленина) со стороны матери, заставляя молчать и исследователей, и членов семьи Ульяновых, изымая и пряча архивные документы. В полной мере это относится к калмыцким предкам вождя революции со стороны отца, И. Н. Ульянова.

Еще в 30-е гг. XX в. с этим пришлось столкнуться и неутомимой М. С. Шагинян. Как уже говорилось выше, во время работы в астраханских архивах ей удалось выявить ряд интересных материалов о Николае Васильевиче Ульянове, членах его семьи, тесте. В связи с этим непонятно утверждение О. А. Абрамовой, Г. А. Бородулиной и Т. А. Колосковой по поводу рассказа М. С. Шагинян о работе в астраханских архивах. Вот что они пишут в своей книге: «Важно отметить, что Мариэтта Сергеевна сама не занималась поисками документов по родословию Ульяновых»[1]. А чем же она занималась в астраханских архивах? Ее работу там не ставили под сомнение ни Сталин, ни члены семьи Ульяновых, ни работники астраханских архивов, ни автор книги «Ульяновы в Астрахани» астраханский писатель А. С. Марков, написавший книгу на материалах астраханских архивов.

То, что М. С. Шагинян в статье о «Предках Ленина» отдала должное исследованиям П. И. Усачева, делает ей честь. Единственное, за что ее можно покритиковать, это за ошибочный вывод о том, что Усачев добросовестно исследовал все хранящиеся в астраханском архиве документы, касающиеся семьи Ульяновых и их родственников. В добросовестности проведенных П. И. Усачевым и М. С. Шагинян исследований сомневаться не приходится. Но такова участь исследователя – приходит его коллега и выявляет неизвестные ранее материалы. Так произошло в астраханском архиве в конце 60-х гг. XX в.

В семье Ульяновых многого не знали о своих предках. В том числе и об астраханских. Это в письменном виде подтвердил В. И. Ульянов. Участвуя во всероссийской переписи членов РКП(б), проводившейся 13 февраля 1922 г., заполняя таблицу «Социальное и национальное положение», в графе «основная профессия или занятие, должность, чин родителей» он указывает: 1) Дед (отцовск. стор.) – не знаю; 2) Отец – директор народных училищ (чин – действительный статский советник, он не указывает. – *М. Ш.*); 3) Мать – прочерк, а графа «националь-

ность» – вообще никак не заполнена[2]. Думается. это не случайно. В. И. Ульянов, безусловно, хорошо знал о смешанном национальном происхождении своих родителей, но ни его, ни членов семьи оно никогда не волновало. Ульяновы, как было принято в российских интеллигентных семьях, не придавали этому значения. Правда, несколько ранее, 14 декабря 1921 г., отвечая на вопросы анкеты делегатов XI Всероссийской конференции РКП(б), В. И. Ульянов указывает свою национальность – великоросс[3]. В анкете для делегатов X Всероссийского съезда РКП(б) он пишет: русский[4], ибо русским он считал себя по воспитанию, по культуре, по духу.

Происхождение отца В. И. Ульянова И. Н. Ульянова интересовало не только его родных и ученых, но и высшие партийные инстанции. Однако никакой целенаправленной работы по выявлению новых документов в этом направлении не велось, Интенсивные исследования по данному вопросу начали вести в Астрахани после обнаружения в ленинградских архивах документов о еврейском происхождении деда В. И. Ульянова по материнской линии – А. Д. Бланка. В 1968 г. научный сотрудник Государственного архива Астраханской области Р. М. Мостовая обнаружила в делах Астраханского нижнего суда за 1797–1798 гг. «Списки именные ожидаемых к причислению зашедших (беглых) из разных губерний помещичьих крестьян».

В них под номером 223 значится «Николая Васильев сын Ульянин (так писалась первоначально фамилия деда В. И. Ульянова. – *Авт.*), 25 лет. Нижегородской губернии Сергачевской округи села Андросова[5], помещика Степана Михайловича Брехова[6]. Отлучился [1]791 году»[7]. Данная архивная запись дала толчок поискам в Государственном архиве Горьковской (ныне Нижегородской) области. И здесь архивистов ждал успех. Сотрудница архива Н. И. Привалова, при участии тогдашнего директора Т. А. Житовой и заведующей областным архивным отделом М. П. Третьяковой, обнаружила документы, свидетельствующие о том, что прадеда В. И. Ульянова звали Никита Григорьев сын Ульянин и жил он с 1711 по 1779 гг. Семья его, что типично для крепостных той поры, была разлучена. Сам Никита Григорьевич и его младший сын Феофан (род. 1743) были дворовыми людьми жены капитана Федота Сидоровича Мякинина, помещицы Марфы Семеновны Мякининой, урожденной Пановой и родственницы Бреховых. Ей, после смерти деда, отставного прапорщика Казанского драгунского полка Михаила Семеновича Панова, умершего в 1759 г., принадлежала часть села Андросово[8]. По мнению генеалога рода Ульяновых В. А. Могильникова, название села происходит от имени Андроса Нечаева, первого, по моему мнению, владельца села[9]. Другая часть села принадлежала нескольким владельцам, связанным между собой родственными узами и дружескими отношениями. Вот их имена: Михаил Степанович

Брехов и секунд-майор Болтин, родной брат жены М. С. Брехова[10].

Выпускник ленинградского училища связи, кадровый офицер В. А. Могильников провел выявление документов о предках семьи Ульяновых, помещиках Пановых, владевших селом Андросово с середины XVII в., купивших у них село помещиках Бреховых, а также некоторых их родственниках. Интересовался Могильников и историей землевладений этих помещиков. После выхода своей книги он продолжил исследования и обнаружил новые материалы о предках семьи Ульяновых.

Первым выявленным В. А. Могильниковым представителем рода Ульяновых был Андрей (Ульянин), видимо, принадлежавший поочередно двум помещикам: арзамасскому губному старосте Ульяну Ивановичу Панову и его сыну Луке Ульяновичу Панову.

Если об Андрее (Ульянине) практически ничего неизвестно, то сведений о жизни его сына Григория гораздо больше. До 1646 г. он являлся крепостным крестьянином внука У. И. Панова – жильца (так в документе) Андрея Лукича Панова и проживал в сохранившейся до наших дней деревне Еропкино, относящейся по тогдашнему административному делению к Залесскому стану (за Собакинскими воротами) Арзамасского уезда[11]. Деревня Еропкино до 1627 г. принадлежала тестю А. Л. Панова помещику Леонтию Андросовичу Нечаеву. В 1627 г. она была пожалована «жильцу» А. Л. Панову[12]. В 1646 г. ее отдали «на прожиток» вдове Л. А. Нечаева Пелагее Назарьевне[13]. После смерти П. Н. Нечаевой деревня вместе с крепостными перешла второй жене А. Л. Панова Анисье Александровне, вышедшей после смерти мужа вторично замуж за жильца Ивана Григорьевича Протопопова, вероятнее всего, не ранее 1654 г.[14] К этому времени Г. А. (Ульянин), имевший, кроме пасынка Куземки Васильева, сына Алексея, в 1646 г. бежал вместе с ними в Свияжский уезд. Здесь они жили у помещика И. С. Колодничева[15].

Архивные документы не дают нам возможности ответить на вопрос: когда родился и сколько лет прожил второй сын Г. А. (Ульянина) Андрей, предок по прямой линии семьи Ульяновых. Нам известно только, что у него был сын Григорий, живший в 1677 г., как и его дедушка и полный тезка, в деревне Еропкино в качестве крестьянина помещика И. Г. Протопопова, владевшего частью деревни[16]. В результате сделок между сыном И. Г. Протопопова стольником и подполковником М. И. Протопоповым и внуками А. Л. Панова Михаилом и Андреем Семеновичами Пановыми Г. А. (Ульянин) остался дворовым М. С. Панова. Об этом говорят документы 1705 г.[17] Г. А. (Ульянин) жил в селе, принадлежавшем М. С. Панову, Андросово. Это село было дано в качестве приданого его бабушке Марье Леонтьевне Нечаевой, когда она выходила замуж за Андрея Лукича Панова. Как звали жену Г. А. (Ульянина) мы не знаем. Знаем

только, что у него было два сына: Алексей, крепостной крестьянин братьев А. С. и М. С. Пановых, и Никита, являвшийся крепостным крестьянином М. С. Панова, а после его смерти стал собственностью наследницы и внучки Марфы Семеновны Мякининой.

Никита Григорьев(ич) (1711–1779) был первым представителем рода, которого именовали сын Ульянин. Появление у него фамилии явление не случайное. Понятие «фамилия» в России в официальном производстве появилось во времена Петра I. Оно отвечало на вопрос: чей сын?, чья дочь? В основном фамилии образовывались от фамилий помещиков, названий населенных пунктов, имени отца или матери, прозвища. В отношении происхождения фамилии рода Ульяновых необходимо сказать следующее. Не исключено, что основатель рода Андрей (Ульянин) был жителем села Ульяново (названо по имени первого владельца Ульяна Панова) Шатковского стана Арзамасского уезда[18]. В связи с этим можно предположить два варианта появления фамилии Ульянин. По имени первого владельца крепостного Андрея Ульянина – помещика Ульяна Ивановича Панова. Второй вариант связан с названием села Ульяново, в котором, не исключено, родился и прожил всю свою жизнь Андрей (Ульянин).

Конечно, нельзя отрицать того факта, что его отца могли звать Иулиан-Ульян, и это имя стало основой фамилии. Но следует заметить, что обычно имена в роду повторяются. Имя Ульян у потомков Андрея Ульянина ни раз не встречается. Так же маловероятно, что в основе фамилии лежит женское имя Иулиана-Ульяна[19], хотя не следует забывать, что у первых трех поколений рода имена жен не выявлены.

В. А. Могильникову удалось установить, что жена Н. Г. Ульянина (имя ее неизвестно) умерла до 1762 г.[20] От этого брака у Никиты Григорьевича было трое сыновей. Наличие дочерей не выявлено. О судьбе второго сына, Мирона, родившегося в 1735 г. в селе Андросово и ставшего в 1755 г. рекрутом, трудно что-либо сказать[21]. В то же время фонды Государственного архива Горьковской (ныне Нижегородской) области сохранили документы о двух сыновьях Н. Г. Ульянина: младшем Феофане (род. 1743) и старшем Василии (1733–1770), также уроженцев села Андросово.

Феофан Никитич был женат на крепостной крестьянке своего села Авдотье Андреевне (род. 1742, девичья фамилия неизвестна). У них было четверо сыновей: Июда, Митрофан, Мирон, Корнила и две дочери, чьи имена неизвестны. Феофан Никитич неоднократно упоминается в исповедных росписях и метрических книгах как крестный отец детей своих племянников[22].

О Василии Никитиче Ульянине в архиве сохранилось очень мало сведений. Нам известно только имя его жены, уроженки села Андросово, крепостной крестьянки, Анна Семеновна (род.

1735, девичья фамилия неизвестна). В. Н. Ульянин с рождения и примерно до 1762 г. был крепостным крестьянином правнука, владевшего Г. А. и Н. Г. Ульяниными М. С. Панова, капрала Льва Яковлевича Панова. После 1762 г. В. Н. Ульянин вместе с другими крепостными и имением был продан поручику Карабинного полка, участнику похода в Польшу 1764 г., Степану Михайловичу Брехову[23].

2. «Сын Ульянин» становится Ульяновым

Жизнь В. Н. Ульянина была короткой. После его смерти на руках молодой вдовы осталось четверо детей: дочь Екатерина (род. 1750), которая вышла замуж за своего односельчанина, и сыновья Самойла (род. 1762), Порфирий (род. ок. 1765) и Николай (род. 1769)[24]. Братья были способными людьми и обучились, по всей видимости от отца и деда, грамоте. Можно с уверенностью утверждать, что дед Н. Г. Ульянин владел грамотой. Он служил у М. С. Пановой и М. С. Мякишиной и был поверенным человеком М. С. Панова. Сохранились подписанные им документы[25].

Братья, Самойла и Порфирий, стали делопроизводителями помещиков Бреховых, составляя различные документы, часть из которых сохранилась в нижегородских архивах. Среди них брачный обыск Корнилы Феофановича Ульянина, составленный Порфирием Васильевичем Ульяниным, имеет следующие слова: «К сей сказке вместо писанных дружки и поежан по их прошению дому гвардии фурьера Михаила Степановича Брехова служитель Порфирий Ульянин руку приложил»[26].

В 1791 г. Николай Васильевич Ульянин был отпущен помещиком С. М. Бреховым на оброк, а не получил вольную, как утверждает А. А. Арутюнов[27]. Спустя семь лет в своей новой книге он говорит о том, что «надо разобраться, был ли на самом деле такой помещик (Брехов. – *М. Ш.*)»[28]. Таким образом А. А. Арутюнов отрицает подлинность документов, выявленных в конце 60-х гг. XX в. в астраханском и горьковском архивах, и демонстрирует незнание «Списка дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии», вышедшую в Нижнем Новгороде в 1902 г., в которой на странице 51 указана фамилия «Бреховы». Но лучше всего А. А. Арутюнова опровергает следующая публикация о запрещении на имение: «7165. Коллежского асессора Михайлы Степанова Брехова за выдачу майя 12 дня свидетельства Нижегородской губернии, Сергачской округи в селе Андросове 122 души»[29].

Н. В. Ульянин поселился в Астраханской губернии, проживая так, как показывают документы, «без письменного вида, в работах по разным людям»[30]. Н. В. Ульянину повезло. Астраханские власти добились высочайшего указа от 19 (30) июля 1797 г. о том, что помещичьи крестьяне, поселившиеся в Астраханской губернии до момента его издания, не будут возвращаться своим

помещикам, а поступят в распоряжение Нижнего земского суда, который и выдаст им билет на право свободного проживания в губернии. Однако сразу такого билета Ульянин не получил. Помешала эпидемия, по всей видимости, холера, свирепствовавшая в Астраханской губернии в 1796–1798 гг. Только в декабре 1799 г. такая бумага была получена, и Ульянин причислен к казенным крестьянам села Новопавловского в 47 верстах от Астрахани. В приказе Астраханского земского Нижнего суда старосте старозашедшего общества (к нему относился, согласно указа 19 июля 1797 г., Ульянин) Ивану Блинову указываются и приметы Николая Васильевича: «...ростом 2 аршина 5 вершков (164,5 см. – *М. Ш.*), волосы на голове, усы и борода светло-русые, глаза карие, лицом бел, чист...»[31]. Можем ли мы определить его национальность? В перечне лиц мужского пола г. Астрахани для рекрутского набора 1837 г. указано, что Н. В. Ульянин «коренного российского происхождения»[32]. Но на мой взгляд, эти слова означают лишь то, что человек родился в России. Неважно, кто он по национальности – вепс, удмурт, татарин, черемис, чуваш, мордвин и т. д. Он – россиянин. Слово же «русский» означает конкретную национальность.

Хорошо известно, что коренным населением Нижегородской губернии является мордовский народ. Кроме мордвы здесь жили также черемисы, волжские булгары, а с XII в. упоминаются русские. В XIII в., во время завоевания Восточной Европы татаро-монгольскими племенами, на нижегородскую землю пришли представители татарского народа. В XIX в. представители мордовского народа проживали в 166 селениях Нижегородской губернии. В основном это были представители племени мордва-эрзя. Они проживали в уездах: Ардатовском, Арзамасском, Княгининском, Лукояновском и Сергачевском, сохранили свой язык, национальные обычаи, одежду, образ жизни. Тем не менее в XIX в. большая часть мордовского народа обрусела. Только по преданиям представители мордовского народа, проживавшие в этих уездах, относили себя к нему.

Необходимо помнить, что «физический тип мордвы не отличается от русского. Мордва-эрзя – белокуры и сероглазы. Мордва охотно занимается земледелием. В домашнем быту не отличается от русских и вступает с ними в супружество»[33].

Говоря о Сергачевском уезде, целесообразно отметить, что большинство представителей народа мордва-эрзя проживали на территории 1-го стана уезда, особенно в южной его части. Село Андросово располагалось именно там.

Профессор Казанского университета, доктор исторических наук И. Н. Смирнов в своей книге «Мордва. Историко-этнографический очерк», вышедшей в 1895 г. и переизданной в 2000 г., рассматривает историко-этнографические проблемы мордовского народа. Он обращает внимание на то, что большая часть названий селений или утратили свою старую форму,

или в официальных документах названы не на языке мордовского народа. Деревни и села, имеющие в первой части своего названия личное имя, на картах и в списках населенных пунктов обозначены по-русски с окончанием на «ово». И. Н. Смирнов подчеркивает, что определить принадлежность этих населенных пунктов мордовскому народу можно, имея лишь список языческих мордовских имен. В качестве примера он приводит название «Ардатово»[34], по аналогии можно продолжить – «Андросово».

Но если опираться на «Список населенных мест Нижегородской губернии», село Андросово, где проживали Ульянины-Ульяновы, не относится к населенным пунктам, заселенным представителями мордовского народа. Но утверждать, что Андросово не было населено обрусевшими представителями мордовского народа, исповедующего православие, нельзя. В селе была православная церковь.

Поэтому, учитывая этнический состав Сергачской округи, трудно утверждать, кем по национальности был Н. В. Ульянин. Бесспорно лишь, что по вероисповеданию он был православным.

Не исключено, что в жилах В. И. Ульянова смешалась кровь разных народов, населявших Поволжье. Еще одни интересный факт. Среди депутатов Первой государственной думы был уроженец Саратовской губернии Григорий Карпович Ульянов (р. 1864), мордвин по национальности. Если положить рядом портреты Г. К. Ульянова и И. Н. Ульянова, то, на мой взгляд, в них есть немалое сходство. Может быть, они родственники? Это нуждается в дополнительном исследовании.

Итак, Н. В. Ульянин, став свободным человеком, поселился в селе Новопавловском, где жило много его земляков, и занялся портняжным ремеслом. Правда, в ноябре 1802 г. Михаил Степанович Брехов, сын С. М. Брехова, попытался отдать Ульянина в рекруты.

В доношении «В собрание господ губернского дворянства предводителей Нижегородской губернии вотчины капитана Михайлы Степановича Брехова от служителя Никифора Никифорова», написанном по поручению М. С. Брехова, говорится, что в связи с императорским указом от 9 (21) сентября 1802 г. о наборе в армию с 500 душ двух рекрутов М. С. Брехов прилагает к данному доношению квитанцию Нижегородской казенной палаты от 31 октября (12 ноября) 1802 г. за № 7773 «на зашедшего в Астраханскую губернию и причисленного к платежу государственных податей по Астраханскому уезду крестьянина Николая Васильева»[35] и просит призвать его в качестве рекрута от поместья. Но был уже поздно. В соответствии с указом от 19 (30) июля 1797 г. Н. В. Ульянин больше не считался крепостным. Видимо, чтобы сбить нижегородские власти с толку, Н. Никифоров пишет не так, как было тогда принято: «Николай Васильев сын Ульянин», а просто «Николай Васильев».

В это время Н. В. Ульянин, как сказано выше, проживал в селе Новопавловском. Но из его заявления на имя астраханского губернатора Д. В. Тенишева от 27 января (8 февраля) 1803 г. можно сделать вывод, что он давно уже проживает в Астрахани, где занимается портняжным мастерством, и поэтому просит прописать его в Астраханский посад. 26 июля (7 августа) 1803 г. губернское правление удовлетворило эту просьбу. В 1808 г. Ульянин был приписан к сословию астраханских мещан и вступил в цех портных. Правда, почти в течение 30 лет он так и не смог внести в кассу ремесленной управы десятирублевый взнос из-за отсутствия денег[36].

Женился Н. В. Ульянов, по всей вероятности, в конце 1811 г. на Анне Алексеевне Смирновой (1788 – 26 октября 1871)[37], которая, судя по ревизской сказке 1816 г., была моложе мужа на 19 лет. В 1812 г. у них родился первенец Александр, умерший в возрасте 4-х месяцев. Так что М. С. Шагинян не права, утверждая в своем романе, что Н. В. Ульянин женился на шестом десятке лет[38].

Неясно, на основе каких публикаций по поводу этой свадьбы, искажая при этом разницу в возрасте супругов, А. А. Арутюнов пишет, что «при загадочных обстоятельствах Алексей Смирнов выдает в 1811 году свою двадцатитрехлетнюю дочь Анну замуж за пятидесятитрехлетнего крестьянина Ново-Павловской слободы, с 1808 года приписанного к сословию мещан Астрахани. Очевидно, у дочери богатого и знатного мещанина были какие-то внешние или иные недостатки, не позволившие ей претендовать на более достойного жениха»[39].

В семье Ульяновых, не считая сына-первенца Александра (род. 1812), которого А. А. Арутюнов по непонятным причинам превратил в дочь[40], было еще четверо детей: Василий (2 (14) марта 1818–12 (24) апреля 1878)[41], Мария (1821–1877), Феодосья (1823–1908) и Илья (19 (31) июля 1831 – 12 (24) января 1886). Всех своих детей Ульяновы крестили в церкви Св. Николая Чудотворца – покровителя моряков. Но так как она находилась рядом с Гостиным двором, то за ней закрепилось бытовое название Гостино-Николаевская или просто Николаевская[42]. Историки обнаружили в метрических книгах церкви сведения о восприемниках Василия и Ильи Ульяновых. Ими были: Василия – сосед по Казачьей улице, где стоял дом Ульяновых, коллежский асессор П. С. Богомолов и родная сестра матери Т. А. Смирнова[43], а Ильи – иерей (впоследствии протоиерей) церкви Св. Николая Чудотворца Н. А. Ливанов[44], в которой он прослужил 56 лет, и вновь Т. А. Смирнова.

Непонятно, почему А. А. Арутюнов считает крестных отцов братьев Ульяновых знатными людьми Астрахани[45]. 8-й класс, который имел П. С. Богомолов, о знатности не говорит. Чиновников такого уровня в любом губернском городе было достаточное количество. Другое дело Н. А. Ливанов. Но

точнее его нужно называть не знатным, а известным астраханцем.

Всю свою жизнь он посвятил астраханцам. Не только как духовный пастырь своих прихожан, но и как член Астраханской консистории, был гласным астраханской Думы, членом оспенного комитета. Н. А. Ливанов преподавал в астраханских духовном и уездном училищах, церковно-приходской школе и астраханском женском училище для дочерей священнослужителей, инициатором открытия которого он был.

В результате его миссионерской деятельности более двухсот калмыков, татар, молокан и вообще раскольников были крещены в православие[46]. В день пятидесятилетия церковного служения Н. А. Ливанов был награжден высшей для провинциального духовенства государственной наградой – орденом Св. Владимира 3-й степени[47]. Среди многочисленных приветствий была зачитана телеграмма от его крестного сына и ученика, директора народных училищ, статского советника И. Н. Ульянова[48].

До конца своих дней Илья Николаевич помнил о добром отношении к нему и его близким Н. А. Ливанова, выполнившего обещание, данное умирающему Н. В. Ульянову. Он же будет исповедовать и причащать мать И. Н. Ульянова Анну Алексеевну и брата Василия Николаевича, который в детстве также был его учеником.

Возвращаясь к семье Ульяновых, следует отметить, что жила она в собственном двухэтажном доме (низ каменный, верх деревянный), расположенном на знаменитой косе в 1-й части 1-го квартала (Казачья, ныне Степана Разина ул., 9) и имевшем № 227[49]. Вероятно, поэтому в «Ведомостях об астраханских мещанах, состоящих неплательщиками за 1822 год подушной подати и прочих повинностей» значится уже не портной Н. В. Ульянин, а домовладелец Н. В. Ульянов. С тех пор он всюду в основном фигурирует под фамилией Ульянов. Правда, незадолго до смерти в настольном календаре Астраханской ремесленной управы он назван Ульяниновым. Этой же фамилией подписался в этом документе и его сын Василий Николаевич[50], но это единственный известный нам случай. После этого члены семьи Николая Васильевича называются только Ульяновыми. Под этой фамилией Николай Васильевич значится в документе, выявленном М. С. Шагинян в астраханском архиве, «о переписи домовладений в городе Астрахани», составленном 29 января (10 февраля) 1835 г. Приведена оценка дома Н. В. Ульянова – 260 руб. Повытчик Гусев, руководствуясь табелем 1831 г., утвержденным министром внутренних дел, оценил его в 700 руб.[51]

Семье Ульяновых жилось тяжело. Кроме самого Ульянова, его жены и четверых детей, в нее входила еще и свояченица (сестра жены) Т. А. Смирнова, которая занималась воспитанием всех детей А. А. и Н. В. Ульяновых. Чтобы улучшить свое материальное

положение, Ульяновы вынуждены были жить на первом этаже, а второй этаж сдавать жильцам. Но это помогало мало.

Поставить на ноги детей Н. В. Ульянов не успел. Он скончался после 5 июня 1836 г. Точная дата смерти не установлена. А. С. Марков ссылается на два документа, в которых 1836 г. указан как год его смерти[52]. Эта дата, казалось бы, противоречит «Перечню лиц мужского пола г. Астрахани для рекрутского набора 1837 года», в котором упоминаются «Николай Васильевич Ульянов и его дети Василий и Илья коренного российского происхождения»[53]. Но если «Перечень» был составлен в 1836 г. еще до смерти Н. В. Ульянова, то противоречие исчезает. Возможным было и недобросовестное отношение к служебным обязанностям чиновника, составившего «Перечень» без предварительной проверки проживавших в Астрахани рекрутов. Вероятно, именно на основании «Перечня» А. А. Арутюнов считает, что Н. В. Ульянов скончался в 1837 г.[54] Труднее объяснить, почему Т. А. Житова называет годом смерти Н. В. Ульянова 1838 г.[55]

3. Калмыцкая кровь

В произведениях М. С. Шагинян, объединенных в «Лениниану», достаточно полно и объективно представлена родословная В. И. Ульянова с отцовской стороны. В романе «Семья Ульяновых» она пишет, что мать И. Н. Ульянова А. А. Смирнова «вышла из уважаемого в астраханском мещанстве крещеного калмыцкого рода»[56]. А в очерке «Предки Ленина (Наброски к биографии)», опубликованном впервые в журнале «Новый мир» в 1937 г. (№ 11), Шагинян прямо говорит: «есть документ о том, что отец Анны Алексеевны был крещеный калмык». Остается сожалеть, что она не сочла нужным включить документ о калмыцком происхождении астраханского мещанина Алексея Лукьяновича Смирнова в последующие издания своего очерка. Тогда нельзя было бы заявлять, как это сделал А. С. Марков в первом издании своей книги «Ульяновы в Астрахани»: «...утверждение Мариэтты Шагинян, что Алексей Лукьянович Смирнов родом из крещеных калмыков, документально не доказано»[57].

Во втором издании книги А. С. Марков обосновывает, почему, по его мнению, А. Л. Смирнов не мог быть крещеным калмыком. Он пишет: «Мещанских старост выбирали из людей, хорошо известных в городе, имеющих значительную недвижимую собственность и хорошо знающих грамоту.

Алексей Лукьянович имел большой дом около Казанской церкви, два каменных выхода с ледниками. По сохранившимся рапортам в Астраханский магистрат, написанным собственноручно Алексеем Смирновым, видно, что он имел завидный опыт составлять деловые письма. Не исключено, что Алексей Лукьянович помог своему будущему зятю Николаю Ульянову вступить в сословие мещан»[58].

Последнее вполне вероятно. Но где убедительные доказательства того, что А. Л. Смирнов не является крещеным калмыком? А. С. Марков делает вид, будто не знает о том, что Шагинян имела копию документа, о котором упоминала. Сами же документы, о которых она говорила, были, вероятно, изъяты по указанию партийных органов без следов этого изъятия и хранятся теперь в каком-либо из специальных архивов (таких архивов может быть два: РГА СПИ и Архив Президента России). Из архива Шагинян после ее смерти копия документа о крещении А. Л. Смирнова также могла быть изъята. В ее фонде, переданном для хранения в Центральный государственный архив литературы и искусства, документ по этой же причине отсутствует.

Напомним также, что по законам Российской империи инородец, ставший православным, считался русским и пользовался равными правами. При этом вновь обращенному представителю народов Поволжья давались православное имя, отчество и фамилия. Полученные при рождении имя и фамилия последний раз фиксировались в соответствующих церковных книгах. И именно там можно найти имя А. Л. Смирнова, полученное им от родителей. И если А. Л. Смирнов, по утверждению А. С. Маркова, был известным человеком в Астрахани, хорошо владел грамотой и т. д., то это ничего не говорит о его национальности.

Непонятно, почему, будучи грамотным, А. Л. Смирнов так и не научил расписываться свою дочь, Анну Алексеевну, жену Н. В. Ульянова? В выписке из настольного регистра Астраханской ремесленной управы о выплате 100-руб. мещанину Н. В. Ульянинову, в частности, говорится, что «вместо нее (А. А. Ульяновой. – *М. Ш.*) неграмотной по приказанию ее родной сын Василий Николаевич Ульянинов расписался»[59].

Далеко не все ясно и по поводу материального положения А. Л. Смирнова и размеров его дома. Во втором издании своей книги А. С. Марков называет его бедным астраханским мещанином, имевшим деревянный дом в четыре квадратных сажени (18,2 кв. м. – *М. Ш.*)[60] на Луковской улице, где селилась астраханская беднота. В первом издании он был назван богатым человеком. Тогда было непонятно, зачем ему выдавать свою дочь замуж за бедняка Н. В. Ульянова?

Но как мы знаем, для В. И. Ульянова годились только бедные предки. Как же в действительности обстояло дело, в богатстве или в бедности пребывали Смирновы, при противоречивых сведениях, сообщенных А. С. Марковым в двух изданиях его книги, – ответить сегодня трудно.

Говоря о семье Смирновых, А. А. Арутюнов утверждает, что она упоминается в документах XIX в., хранящихся в Астраханском областном историческом архиве. Из них видно, что Алексей Лукьянович Смирнов был состоятельным человеком: имел солидный дом «со службами, свой выезд, множество дворовых

слуг. Все это подтверждается документами Архива Астраханской области»[61]. Однако документов по этому вопросу Арутюнов вновь не приводит.

4. Судьба Александры Ульяновой

Кроме вопросов, связанных с принадлежностью Смирновых к калмыкам, перед М. С. Шагинян неожиданно встала проблема калмыцкого происхождения Н. В. Ульянова. В Астраханском областном архиве она обнаружила, а затем и опубликовала приказ Астраханской казенной палаты № 698 от 21 февраля (5 марта) 1825 г., хранившийся в то время в этом архиве и затем переданный в архив Астраханского обкома КПСС. Приказ этот касается судьбы некоей Александры Ульяновой. В нем, в частности, говорится: «отсужденную от работы от рабства, проживавшую у астраханского купца Михайлы Моисеева[62] дворовую девку Александру Ульянову причислить по ее желанию в астраханское мещанство и для щету взнесть в окладную книгу на 1825 год, ...с прописанием оного указа тебе, старосте Смирнову (тестю Н. В. Ульянова. – *Авт.*) дать сей приказ и велеть помянутую девку Ульянову причислить в здешнее мещанство на основании оного указа оной палаты»[63]. Шагинян считала, что этот документ позволяет сделать вывод о социальном положении А. Ульяновой. Тем более, что в другом приказе за № 902 от 14 (26) мая 1825 г. еще раз подчеркивается: «Указом Астраханское губернское правление от 10-го минувшего марта под № 3891-м о причислении в здешнее мещанство отсужденную от рабства дворовую девку Александру Ульянову приказали означенную девку Ульянову отдать ее тебе, старосте Смирнову, при приказе, которая при сем и посылается, и велеть написать о ней в двойном числе ревизскую сказку, представить в сей Магистрат при рапорте»[64].

По мнению Шагинян, А. Ульянова была крепостной, которую выкупил А. Л. Смирнов. По какой причине, неизвестно. Однако Шагинян намекает на родство А. Ульяновой и Н. В. Ульянова: «Если найдутся документы, подтверждающие родство Александры Ульяновой с дедом Ленина, то очевидно, что и Николай Васильевич происходил из крепостных»[65].

Документов об этом родстве Шагинян так и не обнаружила. Насколько мне известно, не обнаружили их и другие исследователи.

После опубликования очерка Шагинян в «Новом мире» иркутский историк М. А. Гудошников обратил внимание писательницы на тот факт, что слова «отсужденная от рабства» не тождественны словам «отпущенная на волю», относящимся к крепостным. И он прав. Действительно, в России купцы не могли приобретать крепостных, но имели право покупать рабов из киргиз-кайсаков (казахов) и калмыков[66]. Вопрос о подобном раб-

стве глубоко освещен С. С. Шашковым, отметившим, что оно процветало в России во второй половине XVIII в.[67] Только 23 мая (4 июня) 1808 г. правительство начало вводить определенные ограничения. Был издан указ, согласно которому все купленные или выменянные в рабство дети «...б) по достижении 25-летнего возраста, все без изъятия должны быть свободными... г) каждый купленный или выменянный невольник, по истечении 25-летнего возраста, как свободный, должен избрать состояние по способности и произволению»[68]. Правда, пока этот указ касался лишь детей киргиз-кайсаков.

Спустя 17 лет, 8 (20) октября 1825 г., было высочайше утверждено мнение Государственного совета «О времени служения киргиз-кайсаков, калмыков и других азиатцев, приобретенных людей сего рода меною или куплею»[69], которое и дало возможность таким, как Александра Ульянова, получить свободу. Но она была освобождена уже в марте 1825 г., т. е. на 7 месяцев раньше, чем был издан этот закон. На мой взгляд, это объясняется тем, что она подпала под действие указа от 13 (25) февраля 1819 г., по которому киргизы и калмыки, купленные после издания указа от 23 мая (4 июня) 1808 г., становились свободными после достижения 25-летнего возраста[70].

Необходимо подчеркнуть в связи с этим, что мы не знаем точной даты рождения А. Ульяновой.

Напомню, что свободной А. Ульянова стала благодаря ходатайству А. Л. Смирнова. «Трудно предположить, – пишет в новой редакции своего очерка Шагинян, – что Александра Ульянова и Николай Васильевич Ульянов не только однофамильцы, но и одинаково тесно связанные с семьей старосты Алексея Смирнова, были чужими друг другу людьми. В Астрахани коренных русских фамилий было мало. Очень многие произошли в ней от пришельцев, от крещеных калмыков и татар и от выкупивших себя на волю оброчных крестьян»[71]. Таким образом, И. Н. Ульянов не только со стороны матери – А. А. Смирновой – уходит корнями в калмыцкий народ. Со стороны его отца – Н. В. Ульянова, – также могла быть и калмыцкая кровь, если, конечно, Александра Ульянова была его родственницей. Но не будем забывать, что первоначальная фамилия Ульянова была Ульянин.

В первом издании своей книги «Ульяновы в Астрахани» А. С. Марков возражает М. Шагинян. По его мнению, русская девушка Александра Ульянова могла оказаться в плену, попала в руки работорговцев и была продана в рабство в каком-нибудь степном улусе или на рынках Хивы и Бухары[72]. Кажется все логично. Только возникает вопрос – где в то время русская девушка могла попасть в плен?

По другой версии, предлагаемой А. С. Марковым, купец Михаил Моисеев «купил степнячку-несмышленыша, окрестил ее в русскую веру и трудилась она день-деньской, от зари до зари на

подворье астраханского купца»[73]. И здесь не все стыкуется. Почему купец Михаил Моисеев дал своей рабыне фамилию Ульянова? Совпадение получилось бы слишком невероятное.

Нет сомнения в том, что если бы Шагинян хоть немного сомневалась в правильности первоначальных выводов о национальном происхождении А. Ульяновой, она отразила это при переиздании очерка «Предки Ленина (Наброски к биографии)». Ведь именно так она и поступила, когда открылись новые документы о происхождении и национальности деда В. И. Ульянова с материнской стороны – А. Д. Бланка.

При этом не следует забывать, что слово «рабство» в официальных органах печати заменяло слова «крепостное право», а освобождение от него называлось словом «вольность». Страницы «Санкт-Петербургских сенатских объявлений» наглядно это отражают. При этом упоминаются не только дворяне, но и купцы. что же касается временного диапазона, то 1825 г. не является предельной датой применения в печати слова «рабство» по отношению к крепостным[74].

В то же время А. С. Марков во втором издании своей книги «Ульяновы в Астрахани» так же, как и Ж. А. Трофимов, выпустивший несколько книг о семье Ульяновых[75], вообще не касается вопроса о калмыцких родственниках И. Н. Ульянова. В выдержавшей восемь изданий официальной биографии В. И. Ульянова, созданной в ИМЛ при ЦК КПСС, о калмыцком происхождении Смирновых также умалчивается.

В. А. Солоухин в своей книге «При свете дня» пытается запутать достаточно легкий вопрос о нижегородских и астраханских предках В. И. Ульянова. С этой целью он совмещает роман «Рождение сына» с очерком «Предки Ленина» и утверждает, что не случайно М. С. Шагинян в главе пятнадцатой «У астраханской бабушки» не называет эту бабушку по имени. По мнению В. А. Солоухина, бабушку звали не Анна Алексеевна Смирнова, а Александра Ульянова. Он считает, что М. С. Шагинян во время работы в астраханском архиве докопалась до истины или догадалась, что жена Н. В. Ульянова А. А. Смирнова и «отчужденная» от рабства Александра Ульянова – одно и то же лицо. Сказать правду читателю М. С. Шагинян в то время не имела права. И В. А. Солоухин берет на себя смелость сказать правду. По его мнению, имел место инцест, т. е. близкородственный брак. «Степень инцеста в браке Ульянова с Ульяновой, – пишет В. А. Солоухин, – нам не известна»[76]. Никаких доказательств в пользу этого никогда не существовавшего брака В. А. Солоухин, естественно, привести не может, но его это не смущает. Инцест необходим ему, чтобы объяснить в В. И. Ульянове «признаки вырождения: облысение в 23 года, периодические приступы нервной (мозговой, как окажется впоследствии) болезни, патологическая агрессивность»[77].

5. Судьба В. Н. Ульянова и его сестер

После смерти Н. В. Ульянова, которого хоронили на средства коллег по портняжному цеху, так как семья не имела даже средств для оплаты похорон, все тяготы по содержанию семьи легли на плечи старшего сына, семнадцатилетнего Василия. Он достойно выполнял эти обязанности, пожертвовав, ради блага родных, созданием собственной семьи.

Еще тринадцатилетним мальчиком в 1832 г. Василий Ульянов, хорошо окончивший уездное училище, помогал семье. Он составлял всевозможные прошения, челобитные, ставил подписи за неграмотных астраханцев, которые обращались к нему с такой просьбой. Деньги были небольшими, но это была определенная помощь семье. Найти постоянную работу В. Н. Ульянову удалось достаточно быстро. Он стал соляным объездчиком. Оклад, который ему установили, неизвестен.

Однако А. С. Марков выявил объявление, помещенное в «Астраханских губернских ведомостях» за 1841 г. Но он не указал дату публикации. Вот текст «О вызове на службу», приведенный А. С. Марковым: «Астраханское соляное правление вызывает желающих, знающих грамоту, к занятию должности вахтеров и соляных объездчиков. Жалование таковым назначается в год 57 рублей серебром»[78].

Этот текст отличается от обнаруженного автором этих строк в субботнем номере «Астраханских губернских ведомостей» от 11 (23) января 1841 г. И достаточно существенно. Это видно из содержания документа, приведенного ниже: «Астраханское соляное правление вызывает желающих из отставных нижних воинских чинов, знающих грамоту, к занятию должностей вахтеров при соляных пристанях и заставах. Жалования таковым назначается в год 57 руб. 14 и 2 седьмых коп. серебром и помещение от казны в казармах.

Желающие занять должность вахтеров, могут являться в канцелярию соляного правления с надлежащими документами о своем звании, где предъявлены будут обязанности их звания». Из объявления видно, что требуются вахтеры, а не соляные объездчики. У них совершенно разные служебные обязанности, а следовательно, и оклады.

В. Н. Ульянов стал соляным объездчиком. В его должностные обязанности входил контроль за тем, чтобы не велась незаконная добыча соли и она не сбывалась подрядчиками по более низким, чем официально установленным ценам, а также складирование соли в бугры определенного размера.

Вскоре владельцы фирмы братья Сапожниковы обратили внимание на его добросовестное отношение к своим обязанностям и грамотность. Он был назначен приказчиком. В новые служебные обязанности В. Н. Ульянова входило обязательное посещение всех промыслов фирмы, наблюдение за работой рыбо-

ловецких артелей, наем рабочей силы, обеспечение контролируемых им артелей солью и осмотр баркасов, в которых она перевозилась, заключение договоров с судовладельцами на транспортировку рыбы потребителям, ведение приходо-расходных книг, представление, по указанию Сапожниковых, копий ведущихся им записей в акцизное управление.

В. Н. Ульянов был исключительно честным и не мог позволить себе воспользоваться преимуществом, в отличие от других, безотчетного управителя определенной части фирмы. Он содержал мать, тетку, сестру Феклу и брата Илью на свою зарплату. Единственное, на что он позволял себе тратить деньги, были книги. Это было его серьезным увлечением. Любовь к книгам он привил и своему брату Илье. «Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца, – напишет в своих воспоминаниях А. И. Ульянове-Елизарова, – и нам, детям своим, говорил, как он обязан брату. Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому очень хотелось учиться, но умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем семьи, состоявшей из матери, двух сестер и маленького брата. Ему пришлось поступить на службу в какую-то частную контору и оставить мечты об образовании. Но он решил, что, если ему самому учиться не пришлось, он даст образование брату, и по окончании последним гимназии отправил его в Казань в университет и помогал ему и там, пока Илья Николаевич, с детства приученный к труду, не стал сам себя содержать уроками»[79].

Во время учебы в Казани, а затем службы в Пензе, Нижнем Новгороде и Симбирске, И. Н. Ульянов навещал своих астраханских родных. В 1868 или 1869 г. его жена, Мария Александровна, с детьми Анной и Александром также побывала в Астрахани у родственников. Это была первая и последняя встреча Василия Николаевича и Анны Алексеевны с племянниками и внуками. Через два года после этой встречи Анна Алексеевна умерла в возрасте 83 лет. Согласно записи в метрической книге Гостино-Николаевской церкви г. Астрахани это произошло 26 октября 1871 г. Однако на ее могильном камне выбиты другие даты – день смерти – 28 октября 1871 г. и возраст 87 лет[80]. Чему же верить? На мой взгляд, метрическая книга – более надежный источник.

Напряженный труд не прошел бесследно для Василия Николаевича. Здоровьем он и раньше не блистал. Так, специальная медицинская комиссия городской думы по проверке здоровья рекрутов зафиксировала не только рост В. Н. Ульянова – 2 аршина и 2,75 вершка (1 м 46 см), но и то, что тяжелая физическая работа ему не под силу[81]. И поэтому нет ничего удивительного, что тридцать лет напряженного труда в фирме братьев Сапожниковых способствовали ухудшению здоровья. С 1867 г. он стал часто болеть. У него обнаружили туберкулез. При этом заболевании работа с солью была противопоказана. Сил объез-

жать зимой бертюльские соляные магазины и склады соли в Басах и Дарме у В. Н. Ульянова не было. В знак признания его заслуг Сапожниковы установили ему небольшую пенсию.

В связи с тем, что В. Н. Ульянову не нужно было больше разъезжать по губернии, он поместил в «Астраханском справочном листке» от 28, 29 и 31 января 1867 г. следующее объявление: «Продается зимний деревянный возок; видеть его и цену узнать возможно в доме Василия Николаевича Ульянова в 1-й части, близ весов, на Косе».

Но пенсии В. Н. Ульянову не хватало, так как на его иждивении была сестра Феодосия. поэтому он вынужден был подрабатывать. Впрочем и раньше он прибегал к побочным заработкам, о чем свидетельствует запись о нем в списке мещан города Астрахани: «Вероисповедания православного. Грамоту знает. Находится в услужении у разных лиц. Под судом и следствием не был»[82].

Последними работодателями В. Н. Ульянова были братья Алабовы, армяне по происхождению, которые вели крупную торговлю с Персией и Грузией.

Однако, когда 12 (24) апреля 1878 г. В. Н. Ульянов умер от туберкулеза, то памятник на его могиле на Духосошественском кладбище Астрахани, как установил первый биограф семьи Ульяновых в Астрахани П. И. Усачев, поставила фирма братьев Сапожниковых[83]. Но в тексте на могильном камне была допущена ошибка. На момент смерти В. Н. Ульянову исполнилось 59 лет, а не 60, как было указано на могильном камне. Правда, уточнено время смерти – 4 часа пополудни[84]. Это несоответствие можно объяснить незнанием точных дат теми, кто устанавливал надгробие по поручению фирмы братьев Сапожниковых, где В. Н. Ульянов работал многие годы.

М. И. Ульянова в своей книге об отце, Илье Николаевиче Ульянове, ошибочно пишет, что памятник установлен сослуживцами[85].

На этом же кладбище находился и семейный склеп Смирновых. Рода, к которому относилась жена Николая Васильевича Анна Алексеевна. В этом склепе кроме А. Л. Смирнова были похоронены: его сын, Алексей Алексеевич (ум. 1866 г.), невестка Евдокия Платоновна и внуки, двоюродные братья В. Н., И. Н.; М. Н. и Ф. Н. Ульяновых: Николай (ум. 1860 г.) и Василий (ум. 1870 г.)[86].

Незадолго до смерти отца Мария Николаевна Ульянова вышла замуж за вдовца, астраханского мещанина Николая Захаровича Горшкова (1814–1853), у которого от первого брака было двое сыновей: Константин и Александр. Н. З. Горшков был членом достаточно состоятельной семьи. Его отец, Захар Гаврилович, имевший четырех сыновей: Николая, Михаила, Андрея и Дмитрия, в 1828 г., когда встал вопрос об отдаче одного из сыновей в рекруты, нанял бедного молодого парня Илью Полякова, который и пошел служить в армию вместо сына[87].

В свое время З. Г. Горшков был государственным крестьянином в селе Николаевском. Став состоятельным человеком, он решил позаботиться о своих сыновьях и внуках. В 1844 г. З. Г. Горшков переходит из общества астраханских мещан в купцы 3-й гильдии. К этому времени он имел капитал на сумму две тысячи рублей в «Эмбенской рыбопромышленности» (рыболовные суда и снасти).

Однако Марию Николаевну ожидало большое горе. Во время одного из выходов в море осенью 1853 г. Николай Захарович сильно простудился, спасти его не удалось. На руках 32-летней Марии Николаевны осталось четверо детей – двое пасынков и двое своих: Иван и Степан (1849–27 мая 1920). Но рядом был брат – Василий Николаевич, который не мог оставить сестру и племянников в беде.

Сын Марии Николаевны Степан (сведениями о судьбе пасынков – Константина и Александра, а также сына Ивана я не располагаю) закончил четырехклассное городское училище и пошел работать. Работал он в различных государственных учреждениях Астрахани. В годы Первой мировой войны Степан был конторщиком (кассиром) астраханского курорта «Тинаки».

В начале 1919 г. С. Н. Горшков работал в Комитете государственных сооружений и общественных работ при Астраханском городском совете народного хозяйства, а затем перешел на работу в политотдел Волжско-Каспийской флотилии. К этому времени он был уже тяжело болен. Видимо это побудило его поехать в Москву к двоюродному брату В. И. Ульянову (Н. Ленину), с которым С. Н. Горшков никогда не встречался, и двоюродным сестрам А. И. Ульяновой-Елизаровой и М. И. Ульяновой, приезжавшим в гости к Горшковым в Астрахань.

Но в это время В. И. Ульянов был болен и братьям увидеться не удалось. Несмотря на то, что двоюродные сестры, радушно его встречавшие, уговаривали подождать, С. Н. Горшков уехал домой. Вероятно, во время этой встречи 70-летний Степан Николаевич, живший в тяжелых материальных и бытовых условиях, попросил двоюродных сестер помочь ему и его жене Агриппине Ильиничне. А. И. Ульянова-Елизарова послала письмо в Астраханский губернский отдел социального обеспечения. Обследование, проведенное астраханским собесом, показало, что супруги Горшковы живут в очень сложных условиях, так как вынуждены снимать квартиру в доме № 114, принадлежащем мещанину Петрунину по Армяно-Петропавловской улице, 5-й участок[88].

В соответствии с просьбой Анны Ильиничны С. Н. Горшкову дали до назначения пенсии более легкую работу. Но к новому месту службы он не прибыл. По дороге заболел и 27 апреля 1921 г. умер[89]. Его похоронили, не дожидаясь приезда вдовы. Все находившиеся при нем вещи, включая бумаги, в соответствии с медицинскими правилами того времени, как принадлежавшие ти-

фозному больному, были сожжены. Среди них были документы, касающиеся семьи Ульяновых и Горшковых.

Весьма своеобразно трактует причину смерти С. Н. Горшкова А. А. Арутюнов. Он пишет: «В 1921 году двоюродный брат Ленина по отцу, Степан Николаевич Горшков, поехал в Москву, чтобы повстречаться с родственником. Не одну неделю он пробыл в Москве, тщетно пытаясь свидеться с братом. Ссылаясь на болезнь, Ленин не принимал Степана Горшкова.

Исчерпав терпение, Горшков уехал домой. Но до Астрахани не доехал: якобы в дороге заболел (неизвестно чем и умер)[90].

Очень жаль, что для А. А. Арутюнова, утверждающего о своей работе в Астраханском архиве, остался неизвестным документ, подписанный начальником управления военных сообщений 11-й армии, впервые опубликованный А. С. Марковым еще в 1983 г. в книге «Ульяновы в Астрахани». Вот его текст, полностью опровергающий слова А. А. Арутюнова: «...Настоящее удостоверение выдано Агриппине Ильиничне Горшковой в том, что муж ее Степан Николаевич Горшков был назначен казначеем этапа № 25 с. Тундутово и по дороге к месту службы заболел и умер от сыпного тифа в с. Безродном»[91] (недалеко от Царицина, ныне Волгограда. – *М. Ш.*). Впрочем А. С. Марков в своей первой книге об Ульяновых, на которую в своих работах ссылается А. А. Арутюнов, пишет, что С. Н. Горшков скончался от тифа.

В семье Горшковых было трое сыновей: Борис, Евгений, Вячеслав и дочь Юлия.

Подпоручик Невского 1-го полка Евгений Степанович Горшков во время Первой мировой войне воевал на австрийском фронте под Перемышлем (Галиция). Он погиб в бою 17 (30) марта 1915 г. Об этом сообщил 5 (17) апреля 1915 г. жителям Астрахани «Астраханский листок».

После окончания Гражданской войны А. И. Горшкова вместе с сыном Вячеславом, офицером русской армии в Первую мировую войну и командиром батальона Красной Армии в годы Гражданской войны, переехали в Москву. Вероятно, в этом им помогли двоюродные братья и сестры Ульяновы. В свое время они так же помогли другому двоюродному брату А. А. Ардашеву. Здесь В. С. Горшков окончил Высшую военную школу связи. В 1937 г., тяжелейшем году для советских вооруженных сил, ушел в запас. Он стал работать на Московской ГЭС, позднее начал преподавать в «Трансэнергокадрах».

У. В. С. Горшкова было двое детей: сын Альберт и дочь. Когда началась Великая Отечественная война отец и сын Горшковы ушли на фронт. Полковник В. С. Горшков и его сын погибли в боях за родину.

Заканчивая рассказ о С. Н. Горшкове, хотелось бы отметить следующее. После смерти Ильи Николаевича и гибели Александра Ульяновых Степан Николаевич довольно часто посылал в Симбирск посылки с рыбой, чтобы таким образом доставить хоть

несколько минут радости пережившей тяжелые события тете, Марии Александровне, двоюродным братьям и сестрам.

Что же касается Феодосии Николаевны Ульяновой, то она до смерти брата, Василия Николаевича, проживала вместе с ним в родовом доме. Феодосия Николаевна была единственной из астраханских Ульяновых, приезжавшей в гости к своем брату, И. Н. Ульянову. Она была знакома со всеми членами его семьи. После смерти В. Н. Ульянова Илья Николаевич отказался от своей доли наследства в пользу сестры. Он посоветовал Феодосии Николаевне продать дом и жить на вырученные деньги. Тем не менее, зная бедственное положение сестры, сам поддерживал ее материально. После смерти Ильи Николаевича это делала его вдова, Мария Александровна Ульянова[92].

Феодосия Николаевна продала дом только в 1881 г. за 200 руб. купцу 1-й гильдии А. А. Фокину, у которого вскоре его перекупил владелец трехэтажной каменной гостиницы, директор Астраханского общественного банка, купец В. И. Смирнов. Он и его наследники сохранили дом до революции.

После продажи дома Феодосия Николаевна переехала жить в семью сестры. После кончины Марии Николаевны она до самой смерти жила в семье своего племянника Степана Николаевича Горшкова. Такова история нижегородско-астраханской ветви предков и родственников В. И. Ульянова.

Достоверность этой ветви ставит под сомнение в своих работах А. А. Арутюнов[93]. При этом он игнорирует наличие серьезных научных работ по этой теме, либо просто не знаком с ними. Книгу А. С. Маркова «Ульяновы в Астрахани» он упоминает в связи с тем, чтобы только сообщить, что «Василий Николаевич, дядя Ленина, служил управляющим у Алабова», а также назвать отцов Василия и Ильи Ульяновых[94]. А. А. Арутюнов не считает нужным упомянуть и статью Т. А. Житовой «К истории семьи Ульяновых», где она еще в 1972 г. подробно рассказала о том, как была установлена родственная связь между жившими в селе Андросово Ульяниными и Ульяновым, проживавшим в Астрахани. В этих работах достоверно освещены практически все вопросы, которые Арутюнов считает нерешенными или спорными. Не выдерживают критики, в частности, замечания Арутюнова о том, что неизвестна судьба сестер И. Н. Ульянова – Марии и Феодосии.

Можно уверенно говорить о некорректном подходе А. А. Арутюнова и в связи с другими аспектами родословной В. И. Ульянова. Чего стоит, к примеру, такая фраза: «В семье Бланк дети говорили на немецком языке. А поскольку в Симбирске не было немецких школ, то, естественно, они вынуждены были обучаться в русских учебных заведениях»[95].

Семья А. Д. Бланка в Симбирске не жила (как, впрочем, и какие-либо другие Бланки). Дети его, кроме сына Дмитрия, учились дома, а не в учебных заведениях.

6. Директор народных училищ Илья Николаевич Ульянов

Начало пути

В 1840 г. В. Н. Ульянов с согласия матери отдает 9-летнего младшего брата Илью в расположенное недалеко от дома училище, которое в свое время окончил сам. Оно готовило своих учеников к поступлению в гимназию и поэтому проводило при их зачислении тщательный отбор. В соответствии с Уставом уездных училищ, утвержденным 8 (20) декабря 1828 г., в училище принимали в первую очередь детей дворян, обер-офицеров, купцов, а также лиц, служивших в Астраханском и Уральском казачьем войске. И. Ульянов был сыном мещанина. Но ему поступить в училище помог крестный отец, протоиерей Н. А. Ливанов, работавший там преподавателем.

Все годы учебы И. Ульянов был первым учеником по всем предметам. Но при зачислении в единственную в Астрахани мужскую гимназию было обращено внимание на мещанское происхождение. Вновь на помощь пришел Н. А. Ливанов. По его просьбе директор гимназии М. С. Рыбушкин дал согласие на зачисление И. Ульянова в гимназию с условием, если не будет медицинских противопоказаний.

3 (15) сентября 1843 г. оператор Астраханской врачебной управы штаб-лекарь М. Н. Залебедский выдал И. Ульянову справку о том, что он здоров и сделал все необходимые прививки. 7 (19) сентября 1843 г. его зачисляют в гимназию.

С учителями И. Н. Ульянову повезло. Многие преподаватели, включая директора, занимались научно-исследовательской работой. Два издания выдержали написанные М. С. Рыбушкиным книги «Записки об Астрахани» (1841 и 1912 гг.), «Краткая история города Казани» в 2-х частях (1834 и 1848–1849 гг.). Писал он пьесы. Статьи М. С. Рыбушкина систематически печатались в газетах «Северная пчела» (Петербург) и «Астраханские губернские ведомости».

Очень плодотворно работал учитель литературы, поэт и ученый А. В. Тимофеев. Его работы «О различных руководствах к словесности», «О различных направлениях в русской литературе» (1843 г.), «Краткая риторика» (1844 г.), «О преподавании русской словесности в гимназиях», «Очерки русской литературы древней и новой» (1851 г.) получили высокую оценку руководства Казанского учебного округа и специалистов.

Интересную статью учителя математики Н. М. Степанова «О метеоре, виденном в Астрахани в 1848 году», опубликовали в том же году «Астраханские губернские ведомости», а затем перепечатал ряд журналов.

Судьба распорядится так, что эти два учителя будут сопровождать И. Ульянова на протяжении всего профессионального жизненного пути и оказывать ему поддержку.

В течение всех семи лет обучения в 1-й мужской гимназии И. Н. Ульянов был в числе лучших учеников. Руководство гимназии дважды (в 1848 и 1849 гг.) награждало его денежной премией в размере 25 руб. Сумма по тем временам немалая.

В 1850 г. И. Н. Ульянов заканчивает гимназию и становится первым за всю ее историю гимназистом, удостоенным серебряной медали.

Директор 1-й мужской гимназии и одновременно директор училищ Астраханской губернии А. П. Аристов, зная тяжелое материальное положение семьи Ульяновых, 31 мая (12 июня) 1850 г. обратился к попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову с письмом. В нем он просил поместить лучшего выпускника гимназии, сына астраханского мещанина Илью Ульянова на одну из стипендий Астраханской при гимназии пансиона в Казанский университет для продолжения образования, обосновывая это тем, что «он совершенно беден и круглый сирота»[96].

Но просьбу А. П. Аристова В. П. Молоствов проигнорировал. В своем достаточно жестком ответе он напомнил директору гимназии, что главной целью стипендий является возможность облегчить «лишь чиновникам способы к воспитанию детей, но для приема Ульянова, принадлежащего к мещанскому сословию, в число стипендиатов нет достаточного основания»[97].

Получив такой ответ, А. П. Аристов не отступает. 10 (22) июня 1850 г., за девять дней до выдачи трем выпускникам свидетельств об окончании гимназии, он вновь обращается с письмом к Молоствову, в котором просит разрешения о награждении И. Ульянова серебряной медалью и званием личного почетного гражданина и снова рекомендует его как человека отлично-нравственного образования[98].

Серебряная медаль была вручена И. Н. Ульянову 19 (31) июля 1850 г., но звания личного почетного гражданина он удостоен не был. Присвоение этого звания давало И. Н. Ульянову право обучаться в любом высшем учебном заведении страны за счет средств астраханской городской думы. Именно этого не допустил В. П. Молоствов. В соответствии с действующими инструкциями А. П. Аристов, А. В. Тимофеев, Н. М. Степанов и некоторые другие педагоги вынуждены были записать, что «ему, Ульянову, как происходящему из податного состояния не представляется тем никаких прав для вступления в гражданскую службу»[99].

Но гражданская служба И. Н. Ульянова не интересовала. Он, посоветовавшись с братом, который мечтал видеть его образованным человеком, решает поступить учиться по специальности камерального разряда юридического факультета Казанского университета. Приехав в университет, И. Н. Ульянов узнает, что

наиболее крупные научные силы сосредоточены на физико-математическом факультете, и меняет свое решение.

5 (17) августа 1850 г. И. Н. Ульянов подает прошение на имя ректора Казанского университета И. М. Симонова, в котором пишет: «Желая для окончательного своего образования выслушать полный курс наук в Императорском Казанском университете по математическому факультету, осмеливаюсь утруждать Ваше превосходительство покорнейшей просьбою о принятии меня в число своекоштных студентов, по выдержанию мною установленного для поступления в университет экзамена»[100].

Вступительные экзамены были блестяще сданы и 30 сентября (12 октября) 1850 г. И. Н. Ульянов был условно зачислен студентом университета, а 3 (15) февраля 1851 г. он стал полноценным студентом. Необходимо отметить, что, еще до зачисления И. Н. Ульянова студентом, 15 (27) сентября 1850 г. В. П. Молоствов освободил его от платы за слушание лекций, составлявшей 40 руб. в год, однако на казенный кошт (содержание) он принят не был[101].

В связи с тяжелым материальным положением И. Н. Ульянова в течение всех лет учебы в Казанском университете поддержку ему оказывал брат В. Н. Ульянов. Он не только регулярно высылал И. Н. Ульянову деньги и посылки, но также платил за него подати до того момента, когда в связи с окончанием университета И. Н. Ульянов был исключен из податного состояния.

В течение четырех лет учебы И. Н. Ульянов много и напряженно работал. Во время учебы он стал давать частные уроки, подрабатывая себе на жизнь.

В 1854 г., успешно сдав все экзамены, И. Н. Ульянов представил Ученому совету физико-математического факультета выпускную письменную работу на тему «О способе Ольберса и его применение к определению кометы Klinkerf es'a 1853...». Работа получила высокую оценку профессора М. А. Ковальского-Войтеховича. Отзыв заканчивался следующими словами: «г-н Ульянов постиг сущность астрономических наблюдений, которые, как известно, весьма часто требуют особых соображений и приемов. Это сочинение я считаю вполне соответствующим степени кандидата математических наук»[102].

Но болезнь прерывает экзаменационную сессию И. Н. Ульянова. После выхода из больницы он 16 (28) сентября 1854 г. успешно защищает на заседании Ученого совета физико-математического факультета диссертацию на соискание ученой степени кандидата математических наук. Это решение было подтверждено 28 сентября (10 октября) 1854 г. на заседании Ученого совета Казанского университета. На этом же заседании было вынесено определение о том, чтобы просить попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова обратиться в Астраханскую казенную палату с просьбой исключить И. Н. Ульянова из податного сословия как выпускника университета[103]. Такое от-

ношение было послано Молоствовым 5 (17) ноября 1854 г. Астраханская казенная палата удовлетворила это ходатайство и с января 1855 г. исключило И. Н. Ульянова из астраханских мещан[104]. 18 (30) ноября В. П. Молоствов доводит до сведения Ученого совета университета и одновременно утверждает И. Н. Ульянова в ученой степени кандидата математических наук со всеми правами и преимуществами, предусмотренными соответствующими узаконениями, о чем гласит выданный ему 13 (25) декабря диплом кандидата математических наук.

Высшее образование получено. Теперь необходимо найти работу. Но здесь возникает главная трудность. И. Н. Ульянов хочет работать учителем физики или математики в среднем учебном заведении, а свободных вакансий на момент получения И. Н. Ульяновым диплома в Казанском учебном круге нет. В конце 1854 г. вакансия появилась в Пензенском дворянском институте. Но чтобы занять ее, И. Н. Ульянов должен был обязательно пройти испытание в Комитете для испытаний кандидатов учительства. 30 декабря 1854 г. (11 января 1855 г.) он подает прошение на имя В. П. Молоствова с просьбой подвергнуть его «узаконенному испытанию для получения вакантного места старшего учителя математики в Пензенском дворянском институте»[105].

В. П. Молостов предложил испытательному комитету допустить И. Н. Ульянова к пробной лекции[106]. 21–26 февраля (5–10 марта) 1855 г. «производимо было испытание ищущему места старшего учителя математики и физики кандидату Ульянову, который читал в присутствии Комитета пробную лекцию: 1) из математики... – ясно и основательно; 2) из физики... – удовлетворительно, и затем написал рассуждение на заданную от Комитета тему; 1) из математики... – удовлетворительно; 2) из физики... – достаточно.

Вследствие того Комитет, признавая со своей стороны просителя кандидата Ульянова способным преподавать математику, но не физику в гимназии»[107].

Спустя немногим более месяца, 7 (19) апреля, И. Н. Ульянов обращается к помощнику (так тогда назывался заместитель) попечителя Казанского учебного округа Н. И. Лобачевскому с просьбой разрешить ему вторично пройти испытание на должность старшего учителя физики. 13 (25) апреля разрешение было получено[108]. 21 апреля (3 мая) И. Н. Ульянов вновь держал экзамен. На этот раз Комитет признал, что И. Н. Ульянов достоин звания старшего учителя физики[109].

Но только 21 сентября (3 октября) 1857 г. управляющий Казанским учебным округом, ректор Казанского университета И. М. Ковалевский подписывает свидетельство о присвоении И. Н. Ульянову звания старшего учителя математики и физики[110].

Еще 12 (24) апреля 1855 г. Н. И. Лобачевский попросил экстраординарного профессора Казанского университета А. С. Са-

вельева сообщить свое мнение о том, может ли он рекомендовать кандидата математических наук И. Н. Ульянова на должность второго учителя математики в Пензенском дворянском институте для того, чтобы поручить ему вести одновременно метеорологические наблюдения, так как ведущий их старший учитель математики Н. Н. Панов не обладает достаточными знаниями. Также Н. И. Лобачевский спрашивал А. С. Савельева о том, что если он не согласен с кандидатурой И. Н. Ульянова, то есть ли у него другая кандидатура на вакантную должность.

А. С. Савельев был о И. Н. Ульянове очень высокого мнения и сообщил об этом Н. И. Лобачевскому 5 (17) мая 1855 г.[111] Но ответ поступил адресату 7 (19) мая, о чем свидетельствует резолюция Н. И. Лобачевского на письме. 7 (19) мая он определяет И. Н. Ульянова старшим учителем математики в Пензенский дворянский институт и поручает ему вести метеорологические наблюдения[112]. Одновременно Н. И. Лобачевский поставил в известность об этом своем решении министра народного просвещения А. С. Норова[113].

Спустя месяц, 8 (20) июня 1855 г. А. С. Норов и директор Департамента народного просвещения П. И. Гаевский ответили Лобачевскому, что не могут удовлетворить его ходатайство «об определении кандидата Казанского университета Ульянова старшим учителем математики в Пензенский дворянский институт, так как должность эта по предстоящему выпуску студентов из Главного Педагогического института... должна быть предоставлена одному из студентов сего института.

Впрочем, я предоставляю Вашему превосходительству, – пишет далее А. С. Норов, – возобновить об Ульянове представление по размещению на службу студентов Главного Педагогического института, если означенная должность окажется вакантной или будет иметься в виду для сего кандидата другое свободное место»[114].

На это письмо Н. И. Лобачевский вынужден был наложить резолюцию: «Оставить до получения распоряжения и размещении студентов Педагогического института»[115].

Спустя некоторое время на этом же письме появилась вторая резолюция, на этот раз В. П. Молоствова: «Как при распределении студентов Главного Педагогического, изложенном в предложении г. министра 17 августа..., должность старшего учителя математики в Пензенском институте не замещена, то следует утвердить Ульянова, на основании настоящего предложения; возобновить ходатайство»[116].

3 (15) сентября 1855 г. В. П. Молоствов делает новое представление на имя А. С. Норова по поводу утверждения кандидатуры И. Н. Ульянова на должность старшего учителя математики Пензенского дворянского института[117].

24 ноября С. А. Норов и П. И. Гаевский сообщают В. П. Молоствову, что «Высочайшим приказом по Гражданскому ведом-

ству 11 текущего ноября (3 217) кандидат Казанского университета Ульянов определен в службу старшим учителем Пензенского дворянского института»[118].

Но к этому времени И. Н. Ульянов уже (с 1 июня 1855 г.) работал в Пензенском дворянском институте и занимался метеорологическими наблюдениями. Свои отчеты он отсылал руководителю Обсерватории Казанского университета, адъюнкту кафедры физики и физической географии И. А. Больцани и в Петербург в Главную императорскую физическую обсерваторию (ныне Главную геофизическую обсерваторию им. А. И. Воейкова). Эти данные использовали в своей работе академики А. Я. Купфер и Г. И. Вильд, директора обсерватории[119].

Высоко оценили работу И. Н. Ульянова как метеоролога офицеры Генерального штаба Н. Е. Сталь и А. Д. Рябинин. В своем труде они писали, что выводы сделаны на основании «наблюдений, произведенных старшим учителем И. Ульяновым»[120]. Использование материалов метеорологических наблюдений, проведенных И. Н. Ульяновым, в обобщающих трудах ученых свидетельствует о том, что он внес серьезный вклад в науку.

На основании проведенных наблюдений И. Н. Ульянов пишет доклад «О пользе метеорологических наблюдений и некоторые выводы из них для Пензы». Отзыв И. А. Больцани был достаточно жестким, но поощрительным: «Хотя эта речь не отличается ни изящностью изложения, ни содержанием, однако может быть произнесена на торжественном акте института»[121]. В июне 1857 г. И. Н. Ульянов сделал свой доклад в Пензенском дворянском институте. Это был его первый опыт подобного рода. Следующий доклад «О грозе и громоотводах» И. Н. Ульянов подготовил только через четыре года. Положительный отзыв теперь уже профессора И. А. Больцани, одобренный физико-математическим факультетом Казанского университета, был получен[122]. 23 ноября (5 декабря) 1861 г. И. Н. Ульянов читает его на торжественном акте института.

Не исключено, что именно после окончания торжественного акта друг И. Н. Ульянова инспектор Пензенского дворянского института Иван Дмитриевич Веретенников представил его свояченице, Марии Александровне Бланк, приехавшей в гости в семью Веретенниковых. Знакомство было сделано «с прицелом» создания семьи. Но вряд ли Иван Дмитриевич предполагал, что этот его доброжелательный жест со временем в корне изменит судьбу России.

Заключая разговор о метеорологических наблюдениях И. Н. Ульянова, следует отметить, что их результаты регулярно посылались и на имя президента Общества сельского хозяйства Юго-Восточной России П. Т. Морозова, проживавшего в селе Панцировке Городищенского уезда Пензенской губернии[123]. За все время проведения И. Н. Ульяновым метеорологических наблюдений только один раз канцелярия Дворянского института

не вовремя отослала документы. Это задержало работу П. Т. Морозова, который в своем селе вел метеорологические и фенологические наблюдения. Он сопоставлял их со сведениями, присылаемыми ему из других мест, делал выводы, давал рекомендации и советы.

Это видно из письма П. Т. Морозова от 22 января (3 февраля) 1856 г. на имя директора Пензенского дворянского института Н. А. Панютина[124].

Документы РГИА не дают возможности дать точный ответ на вопрос: являлся ли И. Н. Ульянов членом Общества сельского хозяйства Юго-Восточной России? Но, зная его работы, можно с большой уверенностью сказать, что в числе его 17 безымянно упомянутых членов в отчете общества за десять лет был и И. Н. Ульянов[125].

Этот вывод вытекает из следующих субъективных факторов: секретарем Общества был коллега по работе старший учитель естественной истории, А. П. Горизонтов[126], ставший впоследствии крупным ученым. Одну из своих книг – учебник «Естественная история для женских учебных заведений», выдержавший девять изданий, – А. П. Горизонтов, с 1867 г. работавший управляющим Симбирской контрольной палатой, подарил И. Н. Ульянову.

Действительным членом этого общества был также второй преподаватель естественной истории в институте, большой друг И. Н. Ульянова и его коллега, работавший вместе не только в Пензе, но и в Нижнем Новгороде и Симбирске, Владимир Иванович Ауновский[127]. Именно его мать, Наталья Ивановна, станет восприемницей Владимира Ульянова, а Владимир Иванович будет восприемником Ольги Ульяновой.

Педагогическая деятельность

Пензенский дворянский институт, где И. Н. Ульянов проработал восемь лет, являлся закрытым сословным учебным заведением, в которое принимали сыновей потомственных дворян в возрасте от 10 до 12 лет, но после сдачи вступительных экзаменов по священной истории, чтению, письму и первым четырем правилам арифметики. Плата за обучение была высокой – «114 рублей 28 копеек серебром в год и на первоначальное обзаведение по 28 рублей 57 копеек серебром»[128].

Несмотря на то, что учебное заведение именовалось институтом, в нем так же, как и в гимназиях, воспитанники учились только семь лет и получили свидетельство о среднем образовании. Правда, в отличие от гимназии, по желанию родителей воспитанники института дополнительно изучали агротехнику, землемерно-таксаторские работы, танцы, пение, игру на музыкальных инструментах. Большое место в учебном плане занимали такие предметы, как гимнастика и строевая подготовка, так как многие родители мечтали увидеть своих детей офицерами.

Воспитанники института жили на казарменном положении. Подъем в 6 часов 30 минут утра, отбой в 10 часов вечера. Встреча с родителями в определенные дни и часы. Наказание, вплоть до карцера, лишение обеда или ужина за любое отклонение от уставного порядка следовало незамедлительно.

Подобное отношение к ученикам вызывало вполне естественный протест у прогрессивно настроенных учителей, среди которых был И. Н. Ульянов.

С первых дней своей работы в институте в качестве преподавателя он показал себя с наилучшей стороны. Глубокое знание предмета и методики его преподавания, квалифицированно составленные планы уроков, необычайное трудолюбие позволили ему превратить такие сухие предметы (для неинтересующихся ими), как математику и физику, в увлекательнейшие для всех учеников. Вскоре не только ученики, но и коллеги по работе увидели, что Илья Николаевич стал одним из лучших учителей института.

Пройдет 50 лет и один из его бывших учеников, отец знаменитого офтальмолога, земский врач П. Ф. Филатов напишет в своих воспоминаниях: «Я любил одно время математику, пока ее преподавал Ульянов..., но вот новый учитель Мерцалов, человек болезненный, черствый, желчный, своим нетерпеливым отношением и вечным неудовольствием во время своего урока вселил во мне полное отвращение не только к чистой математике, но даже к физике; я бросил заниматься этими предметами и с ненавистью глядел на этого учителя, когда он входил в класс»[129].

В институтских отчетах неоднократно отмечался высокий уровень преподавания И. Н. Ульянова, его занятия научной работой. И. Н. Ульянов был награжден денежной премией[130].

Среди учителей института были и такие, кто, будучи уверенным в своей безнаказанности, считали возможным издеваться над учениками. В этом отношении особенно выделялся сын берлинского купца младший учитель немецкого языка Рудольф Федорович Рейнах, проработавший в институте шестнадцать лет. Вот что писал о Р. Ф. Рейнахе в своих воспоминаниях П. Ф. Филатов: «За незнание урока или шалости он брал виновного за ухо, складывая хрящ пополам у корня и растирал это сложенное ухо своими крепкими пальцами, приговаривая разные грубые прибаутки.

...Раз попался ему и я в чем-то. Он схватил меня за ухо, хотел сложить по своему обычному методу, но я был сильно в помаде, ухо соскользнуло, тогда он плюнул на пальцы, крепко схватил меня за вихор и приказал повертываться кругом. Волосы скручивались, и я освободился лишь тогда, когда прядь волос осталась у него в пальцах. Тогда он стал против света и, осторожной разжимая пальцы, выдувал эти вырванные волосы»[131].

В отличие от учеников младших классов, вынужденных терпеть подобные действия Рейнаха, старшеклассники были воз-

мущены и физическими, и моральными издевательствами преподавателя. Двумя подобными случаями, происшедшими в сентябре 1860 г., по поручению педагогического коллектива пришлось заниматься И. Н. Ульянову и четырем его коллегам. Результаты этого расследования были доложены на заседании педагогического совета 9 (21) января 1861 г. Они предложили осудить Р. Ф. Рейнаха и были поддержаны членами совета.

Несмотря на то, что И. Н. Ульянов преподавал математику и физику, его неоднократно приглашали оценить сочинения учеников на французском и русском языках[132]. Его отзывы, зачитывавшиеся на заседаниях педагогического совета, были написаны в доброжелательном духе, поощряющем учеников к творчеству.

Еще 30 мая (11 июня) 1859 г. И. Н. Ульянов делает попытку перевестись с нового года на работу учителем в Саратовскую гимназию. Но директор училищ Саратовской губернии А. А. Мейер отклонил его просьбу. С ноября 1860 г. по июнь 1862 г. И. Н. Ульянов преподает в Пензенской воскресной школе.

Во время работы в Пензенском дворянском институте И. Н. Ульянов начинает продвижение по службе. Первый шаг был сделан спустя шесть лет с начала работы в институте. 31 августа (12 сентября) 1861 г. указом Правительствующего сената И. Н. Ульянов был удостоен чином титулярного советника со старшинством с 11 (23) ноября 1855 г.[133] В соответствии с действующим законодательством, это давало ему, сыну бывшего крепостного крестьянина, право на причисление к личному дворянству[134]. Спустя семь месяцев, 20 февраля (4 марта) 1862 г. И. Н. Ульянов был произведен в коллежские асессоры со старшинством с 11 (23) ноября 1858 г.[135]

Постепенно Дворянский институт начал приходить в упадок. «Крайняя необеспеченность Института, происходившая от неуплаты взносов дворянством Пензенской губернии, расшатало учебное дело. В 1862 году половина учеников осталась на второй год. Среди них сильно развилось пьянство. Оставление на второй год, исключение, порка розгами – стали единственными методами воспитания»[136].

Именно такая обстановка, на мой взгляд, послужила причиной того, что в декабре 1862 г. И. Н. Ульянов обратился к своему бывшему астраханскому учителю А. В. Тимофееву, занимавшему в это время пост директора училищ Нижегородской губернии и директора Нижегородской мужской гимназии, с просьбой о переводе в Нижний Новгород. 12 (24) января 1863 г. А. В. Тимофеев делает представление попечителю Казанского учебного округа Ф. Ф. Стендеру. В нем он просит перевести хорошо знакомого ему лично «г. Ульянова как преподавателя опытного и вполне добросовестного... во вверенную мне гимназию на открывшуюся вакансию старшего учителя математики»[137].

Довольно быстро, 30 января (11 февраля) 1863 г., Ф. Ф. Стендер ответил согласием, но при условии, что перевод произойдет после окончания академического года[138]. Получив согласие попечителя округа, А. В. Тимофеев 6 (18) февраля 1863 г. сообщил директору Пензенского дворянского института А. С. Савину о переводе И. Н. Ульянова в Нижегородскую мужскую гимназию. В письме содержалась просьба выслать к июню 1863 г. на его имя послужной формулярный список И. Н. Ульянова для оформления его перевода на работу в Нижегородскую мужскую гимназию в качестве старшего преподавателя математики. Этот список был выслан 5 (17) июня 1863 г.[139] В сопроводительном письме А. С. Савин сообщал А. В. Тимофееву, что «Ульянов за выслугу лет уже представлен к чину надворного советника... 31 декабря 1862 за № 499»[140].

22 июня (4 июля) 1863 г. приказом попечителя Казанского округа И. Н. Ульянов был переведен старшим учителем математики и физики в Нижегородскую мужскую гимназию, где проработал до 31 августа (12 сентября) 1869 г.

Спустя месяц после перевода, 26 июля (7 августа) 1863 г., он, в соответствии с действующим положением, подает на имя А. В. Тимофеева прошение с просьбой разрешить вступить в брак с Марией Александровной Бланк[141]. Разрешение было получено.

Еще раньше, весной 1863 г., И. Н. Ульянов сообщил о своей помолвке в Астрахань брату и сестрам. Ко дню свадьбы он получил подарки для себя и невесты, а также балыки и черную икру.

25 августа (6 сентября) 1863 г. в Богородицкой церкви села Черемышева Лаишевского уезда Казанской губернии иерей Алексей Соколов, дьячок Николай Люминарский и пономарь Иван Неверов обвенчали первым браком И. Н. Ульянова и М. А. Бланк. Поручителями по жениху и невесте были коллежский советник Николай Михайлович Степанов, лекарь Павел Николаев, коллежский асессор Надеждин[142].

Свадьбу отпраздновали в Кокушкино и через несколько дней молодые уехали в Нижний Новгород. Здесь И. Н. Ульянов работал учителем мужской гимназии, преподавал физику в Нижегородском Мариинском женском училище 1-го разряда, был воспитателем Нижегородского Александровского дворянского института и вел занятия на землемерно-таксаторских курсах при Нижегородской мужской гимназии. В последних трех учебных заведениях он проработал недолго.

Как и в Пензе, его уроки пользовались большой популярностью у учеников. Он, по их мнению, входил в четверку лучших учителей гимназии. «Илью Николаевича мы – гимназисты, глубоко уважали и любили, – писал его ученик, профессор М. А. Карякин. – Уважали за прекрасное знание им своего предмета и за талантливое, толковое изложение его, и любили его за неизреченную доброту и снисходительность к нашим проступкам в поведении и промахах в математике. Насколько я

помню, не было случая, чтобы Илья Николаевич пожаловался на ученика директору за дерзость или на упорную леность. Сора из своего класса он не выносил, покрывая все своим удивительным незлобием и добродушием. По наружности это был небольшого роста худощавый человек с лысиной, с очень ласковыми карими глазами. Недаром, видно, сказано, что глаза – это «зеркало души». Это была действительно добрая, всепрощающая и любящая душа. Двойки за плохие ответы наши, а тем более единицы ставить он просто стеснялся, взамен их он ставил.... точки, т. е. отметки совершенно безобидные и только для нас с ним понятные...

Объяснял он хорошо.., толково излагая предмет не книжным языком учебника, а в простых доступных каждому, даже малоспособному ученику, выражениях. К чести учеников надо сказать, что те из них ответы которых были обозначены в журнале точкой, редко злоупотребляли удивительной добротой Ильи Николаевича и, хотя не особенно бойко, но отвечали ему на следующем уроке и, как-никак, замазывали свои прорехи и дело шло сносно. И волки были сыты и овцы целы. Если проходились трудные статьи... Илья Николаевич, заметив, что не все ученики хорошо поняли объяснение, заявлял, что он будет в воскресенье в гимназии и объяснит все снова для желающих, и он терпеливо, не раздражаясь, не досадуя на нашу непонятливость, снова объяснял нам непонятное. Конечно, и на экзаменах, неизменная доброта Ильи Николаевича выручала нас из беды и мы очень боялись попасть для ответа к другому математику, ассистенту И[вану] С[тепановичу]. Тот был неумолим и "резал" беспощадно.

На педагогических советах Илья Николаевич, при обсуждении серьезных проступков учеников, всегда подавал голос за более мягкую меру взыскания, хотя бы это было и не согласно с мнением директора. Тут иногда он выходил даже из обычных рамок добродушия и горячо защищал ученика от нападок кого-либо из сослуживцев. Обаяние личности Ильи Николаевича оказывало на нас благотворное влияние: некоторые из нас полюбили математику настолько, что впоследствии, в Университете избирали ее своей специальностью, в том числе и я»[143].

Во время работы в Нижегородской гимназии, 19 ноября (1 декабря) 1865 г., И. Н. Ульянов был награжден своим первым орденом – Св. Анны 3-й степени, а 4 (16) июня 1867 г. произведен в коллежские советники со старшинством с 11 (23) ноября 1866 г.[144]

Во главе народных училищ Симбирской губернии

Пройдет год с небольшим и Илья Николаевич вместе с женой и двумя детьми (Анной и Александром) на пароходе уедет в Симбирск. 25 октября (6 ноября) 1869 г. читатели «Симбирских губернских ведомостей» узнают, что «приказом г. управляюще-

го Министерством народного просвещения от 6 сентября с. г. за № 19 учитель Нижегородской гимназии коллежский советник Ульянов утвержден инспектором народных училищ Симбирской губернии»[145].

С первого дня пребывания на новом посту И. Н. Ульянов столкнулся с жизненными реалиями. Они означали, что из числящихся 462 школ только 89 школ отвечали своему назначению. «Все же прочие школы или числились только на бумаге, или, если существовали, то в самом жалком виде»[146]. Помещения, в которых находились школы, не отвечали элементарным требованиям.

Сложным было положение в Симбирской губернии с учителями. В официальных сведениях Симбирского земства сказано: «Число лиц, занимающихся преподаванием в начальных народных училищах – 578; отдельных законоучителей – 140; законоучителей, занимающих вместе с тем и должности учителей – 159; учителей – 226; учительниц – 51; помощниц учительниц – 2.

Из 226 учителей 33 кончили курс в духовной семинарии, 48 вышли из семинарии до окончания курса, 6 – обучались в гимназии, 25 – кончили курс в уездных училищах, 30 обучались в духовных училищах, 1 кончил курс в училище торгового мореплавания, 10 в главных земледельческих училищах, бывших удельных, 31 в сельских училищах, 12 обучались в военных школах, остальные 41 получили домашнее образование.

Из 51 учительницы и 2 помощниц их: 1 окончила курс в Симбирской Мариинской гимназии, 3 – в бывшем Симбирском Елизаветинском училище, 10 – в женских училищах 2 разряда, 7 обучались в женском училище при монастыре, 4 – в бывшем хозяйственном удельном училище, остальные же обучались дома»[147].

Министерство народного просвещения считало, что народный учитель обязан сдать экзамен за курс уездного училища. Но большая часть работавших учителей не в состоянии была сдать подобный экзамен. И это не случайно. Во всей России, а не только в Симбирской губернии, никто всерьез образованием народных учителей не занимался. Даже в 1878 г. только 70 из 321 учителей окончили педагогические курсы[148].

Незадолго до приезда И. Н. Ульянова в Симбирск, 22 августа (3 сентября) 1869 г., здесь при городском уездном училище были открыты двухгодичные педагогические курсы. И. Н. Ульянов уделил им большое внимание, занимался подбором преподавателей, сам проводил для учащихся курсов показательные уроки по физике, математике, обучению детей чтению и письму, рассказывал слушателям о достижениях российских ученых в области педагогики и методики преподавания, знакомил с действующими программами, учебниками и пособиями.

Знания, которые получали учащиеся курсов, были равны тому объему знаний, который давался в учительской семинарии.

Пройдет почти полвека. И выпускник курсов, первый учитель Анны, Александра и Владимира Ульяновых, В. А. Калашников напишет о своем учителе: «Его необыкновенная живость, подвижность, простота в обращении и вместе с тем прямой и весьма энергичный подход к делу приятно нас расшевелили и возбудили... Мы стали с нетерпением ожидать чего-то нового, интересного в нашем обучении, и мы не ошиблись... И[лья] Н[иколаевич] картавил, по его произношению некоторые звуки в словах трудно было различить один от другого, но живость и ясность изложения, наглядность преподавания настолько были необычно удачными, что его уроки нами легко усваивались тут же в классе. Он умел заинтересовать и увлечь нас своими уроками. Мы ждали их как праздника»[149].

И. Н. Ульянов считал своим долгом посещать занятия, которые проводили учащиеся курсов, участвовал в их обсуждении, подводил итоги дискуссии, поощрял своих молодых коллег к поиску.

В декабре 1871 г. Губернское земское собрание поручило Комиссии по народному образованию проверить работу курсов. В результате проверки был сделан следующий вывод: «Личное наблюдение некоторых гласных как над устройством этих курсов, так и над преподаванием тех из стипендиатов, которые уже занимают должности учителей, убеждают комиссию в том, что деньги земства в этом случае не пропадут даром. Нахождение этих курсов в самом Симбирске имеет еще и ту выгоду, что земству будет всегда возможно следить за ходом этого необходимого, но полезного учреждения, обязанного своим происхождением личной инициативе инспектора народных училищ и находящегося под его непосредственным и ревностным наблюдением»[150].

Через двенадцать лет после смерти И. Н. Ульянова известный земский деятель и писатель В. Н. Назарьев напишет о его учениках следующее: «Одним из украшений того времени, несомненно, были учителя нового типа, выпущенные из педагогических курсов И. Н. Ульянова. Мы и теперь имеем хороших учителей и учительниц, но уже нет и не может быть того увлечения, поднимающего тружеников школы выше назойливых вопросов о том, как и чем жить»[151].

Но несмотря на высокую оценку профессиональных качеств выпускников, курсы закрыли в 1873 г. Предлогом для такого решения послужило открытие 19 ноября (1 декабря) 1872 г. в расположенном в 150 километрах от Симбирска селе Порецком Алатырского уезда трехгодичной учительской семинарии. Ее директором, по инициативе И. Н. Ульянова, был назначен его коллега по Пензенскому дворянскому институту, Нижегородской мужской гимназии, инспектор Симбирской мужской гимназии и секретарь губернского статистического комитета В. И. Ауновский.

В семинарии в первую очередь большое внимание уделялось обучению учащихся самостоятельной работе. Давались знания с учетом достижений передовой педагогической мысли, необходимые для преподавания выпускниками семинарии предметов, включенных в программу гимназии. Кроме того, семинаристов обучали различным специальностям: столяра, слесаря, переплетчика, а также преподавались основы садоводства, пчеловодства и домоводства. В задачи сельского учителя входила обязательная помощь крестьянам советами в тех или иных практических вопросах.

Все свои усилия И. Н. Ульянов прикладывал к тому, чтобы обеспечить народные школы Симбирской губернии большим количеством квалифицированных учителей. Это была одна из важнейших проблем, так как земские деятели поддержали идею введения всеобщего начального образования в России.

В докладе по народному образованию, составленном от имени губернской земской управы, И. Н. Ульянов подчеркивает, что «число учащихся мальчиков и девочек должно быть не 10 296, а 13 417», что «потребность в учителях соответственная нуждам губернии, равнялась бы числу не менее 4414 человек вместо теперешних 525, так что если бы Симбирское земство устроило каждогодний выпуск в 50 учителей, то, оставляя на местах всех настоящих учителей, потребовалось бы 78 лет на подготовление остального нужного количества их. Здесь, разумеется, ставится условием, что все должны быть грамотны, что в этом отношении не должно быть различия между мальчиком и девочкой, между русским и инородцем, иначе нет никакого положительного критерия, чтобы определить действительную нужду в учителях»[152].

Тем не менее, губернское земство отказалось повысить зарплату учителям, закончившим курсы, а с 1884 г. были отменены все земские стипендии для семинаристов. «Губернское земство прекратило содержание в Порецкой семинарии своих стипендиатов только потому, что направление учителей-семинаристов показалось неудобным местным землевладельцам»[153].

Но если не удалось спасти стипендиатов, то благодаря энергии И. Н. Ульянова зарплата учителей народных училищ Симбирской губернии все же росла. С 1869 по 1879 гг. средняя зарплата учителя в год повысилась с 67 руб. до 180 руб.[154] Учителя стали получать денежные премии, о чем своих читателей информировали «Симбирские губернские ведомости»[155].

И. Н. Ульянов добивается обеспечения учителей квартирами. Причем эти квартиры должны были иметь во дворе все хозяйственные постройки, быть теплыми и т. д. Именно благодаря И. Н. Ульянову было принято решение о бесплатном лечении учителей в земских больницах и создании учительской эмиритальной (пенсионной) кассы. Это было особенно важно потому, что по действовавшему в России законодательству учителей на-

родных школ не считали государственными служащими. В связи с этим они не имели право на пенсию.

И еще одно благо для учителей сделал И. Н. Ульянов. Он организовал в каждом уезде Симбирской губернии библиотеки, в которых были книги и журналы по педагогике, учебные пособия, необходимые для проведения уроков на высоком научном уровне. Учителя народных школ пользовались библиотеками бесплатно.

Бесспорно, И. Н. Ульянов был бессилен в решении вопросов, связанных с благосостоянием учителей. Не были они решены и многие годы спустя. У его сына будут все основания написать по этому поводу в 1913 г.: «Россия бедна, когда речь идет о жаловании народным учителям. Им платят жалкие гроши»[156].

Большое внимание И. Н. Ульянов уделял вопросам привлечения женщин к педагогической работе. Он считал, что в ряде случаев женщина-учительница лучше справляется со своими обязанностями, чем педагог-мужчина. Эта его позиция опиралась на ситуацию в Симбирской губернии, на поступавшие к нему ходатайства сельских сходов. Вот что писал он в своем отчете за 1874 г.: «Согласно заявления некоторых сельских обществ, назначены вместо учителей учительницы из окончивших средние учебные заведения»[157].

Именно гимназии, по его мнению, могли дать учительниц начальных классов, а прогимназии и уездные училища – помощниц учительниц. Илья Николаевич всегда защищал учительниц от произвола местных деятелей любого уровня. И поэтому их миновала судьба учительницы Губиной[158]. Но зато они были счастливы своим делом, преображающим личность ребенка, уважением и любовью своих учеников.

Подготовка учителей и, таким образом, улучшение их состава – одно из двух основных направлений, по которому вел свою работу сначала инспектор, а с 1874 г. директор народных училищ Симбирской губернии. Нужно отдать ему должное, с этой задачей он справился прекрасно.

Второе направление, в котором он работал, это улучшение качества работы школы. Только это могло убедить крестьян и тех жителей городов, которые отдавали своих детей в городские училища, в пользе школы.

Улучшение преподавания и организации школ в Симбирской губернии способствовали изменению отношения людей к школе. На крестьянских сходах, даже в самых отдаленных местах губернии, стали обсуждать вопросы устройства школ, «выносить приговоры» об их открытии, собирать деньги на их содержание.

Под руководством И. Н. Ульянова уездные училища, в соответствии с положением 1872 г., стали преобразовываться в городские. Окончившие их имели право поступать на гражданскую службу. Одновременно с организацией мужских городских

училищ И. Н. Ульянов добился преобразования четырех женских одноклассных трехгодичных школ в женские двухклассные училища с пятилетним сроком обучения (три года в 1-м классе и два года во 2-м). Для того чтобы доказать, какое значение он придает этим училищам, И. Н. Ульянов отдает учиться в 1-е Симбирское училище свою дочь Ольгу[159].

Большое внимание он уделял также сельским двухклассным училищам (в 1-м классе – три отделения, во 2-м – два), где дети местных жителей учились бесплатно пять лет, получая очень нужные для дальнейшей жизни знания.

Но особое внимание И. Н. Ульянов уделял образованию детей нерусской национальности. Представители мордовского, чувашского и татарского народов составляли около 31 % жителей Симбирской губернии. До начала работы И. Н. Ульянова инспектором народных училищ Симбирской губернии светских школ для детей этих народов практически не существовало. В основном работали только мусульманские духовные школы. Придерживаясь принципа, что дети любой национальности имеют право на образование, он неоднократно подчеркивал талантливость этих детей. В итоге созданные при его активном участии школы для детей нерусских национальностей становятся лучшими учебными заведениями Симбирской губернии. Некоторые из этих школ были интернациональными.

Энергичная работа И. Н. Ульянова по развитию образования в Симбирской губернии была высоко оценена. 25 ноября (7 декабря) 1871 г. он был произведен в статские советники со старшинством с 11 (23) ноября 1870 г., а 26 декабря 1877 (7 января 1878 г.) за усердную отличную службу награжден чином действительного статского советника[160]. Это давало ему и его детям в соответствии с именным указом от 9 (21) декабря 1856 г. право быть причисленными к потомственному дворянству[161]. Кроме того, за отличие по службе 22 декабря 1872 г. (3 января 1873 г.) он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени, 21 декабря 1874 г. (2 января 1875 г.) – орденом Св. Анны 2-й степени, 1 (13) января 1884 г. – орденом Св. Владимира 3-й степени, 1 (13) января 1886 г. – орденом Св. Станислава 1-й степени[162].

Несмотря на то, что И. Н. Ульянов имел право на причисление к потомственному дворянству, он до конца своих дней его так и не оформил. В практике это встречалось часто. Обычно этим занимались наследники. Так было и в семье Ульяновых. Вдова И. Н. Ульянова, Мария Александровна, обратилась в Симбирское дворянское собрание с просьбой о причислении семьи Ульяновых к дворянству. Указом Правительствующего сената от 6 (18) ноября 1886 г. за № 4562 члены семьи Ульяновых были утверждены в дворянском достоинстве – Мария Александровна и дети Александр, Владимир, Дмитрий, Ольга и Мария[163]. (Анна, достигшая к этому моменту совершеннолетия, в соответствии с действующим законодательством, к потомственному дворянству

причислена не была. Она должна была сама подать об этом заявление, но так этого и не сделала.)

В связи с тем, что в 1880 г. исполнилось 25 лет педагогической деятельности И. Н. Ульянова, он был оставлен на службе на один год, а затем еще на четыре года[164]. Далее срок был продлен еще на один год. Одновременно с 11 (23) ноября 1880 г. «предложением г. товарища министра народного просвещения от 27 апреля 1881 г. назначена ему за выслугу 25-ти лет в пенсию полный оклад жалования одну тысячу р(ублей) со дня выслуги 25-ти летнего срока, сверх содержания на службе»[165].

Смерть настигла И. Н. Ульянова внезапно. Во время работы над годовым отчетом за 1885 г. он заболел и 12 (24) января 1886 г., после кратковременной болезни, скончался. Сотни жителей Симбирска проводили его в последний путь на кладбище при Покровском монастыре, по очереди неся гроб на руках. Они высоко ценили этого человека. За 16 лет работы в Симбирской губернии И. Н. Ульянов к 89 действовавшим школам открыл еще 434 на 20 000 учащихся. С благодарностью вспоминали его и через многие годы: «Искренне преданный делу народного образования, он вложил в него всю душу, посвятил ему все свои силы... Много сделал И. Н. Ульянов для подготовки учителей, руководя педагогическими курсами и устраивая учительские съезды. Его же заботам и хлопотам обязана наша губерния многими вновь выстроенными школьными зданиями и увеличением денежных средств на школьное дело. Своей исключительной преданностью школе И. Н. Ульянов заражал других»[166].

7. Александр Ульянов: жизнь и судьба

Детство и юность

Старший сын М. А. и И. Н. Ульяновых, Александр Ильич, вошел в историю России не только как один из руководителей неудавшегося покушения на жизнь Александра III, но и как подающий надежды молодой ученый, рано ушедший из жизни.

Александр Ульянов родился 31 марта (12 апреля) 1866 г. в Нижнем Новгороде. Будучи от рождения очень талантливым, в возрасте трех лет, находясь всегда рядом со старшей сестрой Анной, которую мать, Мария Александровна, начала учить, когда ей исполнилось пять лет, самостоятельно овладел чтением, письмом, игрой на фортепьяно, пением, сделал первые шаги в изучении немецкого, французского и английского языков.

В семье было принято следить за новинками литературы и поэтому для детей выписывались детские журналы: «Детское чтение», «Семья и школы», «Родник», где печатали произведения крупных писателей XIX в. Помимо большой домашней библиотеки, родители брали детям книги в городской Карамзинской библиотеке.

В августе 1874 г. Александр Ульянов, блестяще сдав вступительные экзамены, был принят в подготовительный класс Симбирской мужской классической гимназии. Все годы среди учеников гимназии он занимал особое место. Его товарищ по гимназии, а затем по волжскому землячеству в Петербурге, М. М. Драницын вспоминал впоследствии: «Мое первое знакомство с Александром Ильичем относится к школьной скамье к 1879 г., когда он догнал меня в третьем классе Симбирской гимназии[167], где я засел на второй год. Уже тогда этот судьбой отмеченный маленький человек являлся центром, около которого группировались все элементы класса, осаждая его и перед уроками – с утра и во время перемен – с разного рода просьбами, и на дому, в особенности перед экзаменами: то перевести из классиков или немецкого и французского языка, то показать задачку, то исправить или написать сочинение и т. п. и т. д., и никто из нас никогда не уходил от него неудовлетворенным; будучи выше всех нас по познаниям и развитию, он оказывал помощь всем и каждому... А любители шахмат с удовольствием играли с ним в эту древнюю игру. Тем более, что Александр Ульянов мог сражаться одновременно с 3–4 партнерами без шахматной доски.

Выдающиеся способности Александра Ульянова, его огромное трудолюбие отметил педагогический совет Симбирской гимназии, наградив при ее окончании золотой медалью. Гимназический же выпуск 1883 года стали называть “классом Ульянова”, а его одноклассники, отвечая на вопрос: Когда окончил курс? – говорили: Я с Сашей Ульяновым»[168].

В гимназические годы Александр Ульянов глубоко изучил не только произведения русских писателей, поэтов, критиков, но и историков. Он выписывал журнал «Исторический вестник». Все это давало пищу для пытливого ума. По заданию учителя литературы и древних языков, директора гимназии Ф. М. Керенского он написал сочинение на тему «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». В своем сочинении А. Ульянов писал: «Для полезной деятельности человеку нужны: 1) честность, 2) любовь к труду, 3) твердость характера, 4) ум и 5) знание»[169]. Далее подробнейшим образом на высоком уровне он развивает каждое выдвинутое им положение. И совершенно не понятно, почему Ф. М. Керенский, не сделав ни одного письменного замечания, поставил ему «4».

В последние гимназические годы А. Ульянов увлекся предметами естественного цикла. Особенно химией. Интерес к естественным наукам возник у него при знакомстве с книгами Д. И. Менделеева «Основы химии» и немецкого физиолога и философа Я. Молешотта «Круговорот жизни» и «Физиологические эскизы». Увлекшись изучением данных работ, А. Ульянов устроил в помещении кухни во флигеле дома, где проживала семья Ульяновых, химическую лабораторию, в которой проводил каж-

дую свободную минуту. К этому же времени относится и начало его серьезных занятий зоологией.

Блестяще сдав выпускные экзамены, А. Ульянов 1 (13) июня 1883 г. получил аттестат зрелости с золотой медалью.

Студент Санкт-Петербургского университета

Родители хотели, чтобы А. Ульянов поступил учиться в Казанский университет, но он избрал С.-Петербургский университет. 25 июля (6 августа) 1883 г. А. Ульянов посылает на имя ректора Петербургского университета заявление с просьбой о зачислении его студентом естественного отделения физико-математического факультета. Просьба была удовлетворена. В соответствии с Положением в университет принимались без экзаменов не только медалисты, но и все выпускники гимназии.

В это время в Петербургском университете, крупнейшем научном центре страны, на всех четырех факультетах (историко-филологическом, восточном, юридическом и физико-математическом) занималось 2240 студентов, в том числе на физико-математическом факультете – 1102 студента. Из них на естественном отделении было 568 человек: на 1-м курсе – 273, на 2-м – 139, на 3-м – 64, на 4-м – 84[170]. Такое большое количество студентов на естественном отделении объясняется тем, что на нем преподавали ученые, чьи имена были известны далеко за пределами России. Достаточно назвать А. Н. Бекетова, А. М. Бутлерова, Н. П. Вагнера, П. Ф. Лесгафта, Д. И. Менделеева, И. М. Сеченова и т. д.

В течение первых двух лет в университете А. Ульянов занимался только учебой и научными исследованиями, помня и выполняя желание родителей, посвятить себя научной деятельности. Первый курс он закончил блестяще. По всем предметам экзаменационной сессии получил оценку «весьма удовлетворительно», что соответствовало нынешней «пятерке». Результатом такого успеха была работа А. Ульянова по 16 часов в сутки, на большее не хватало сил[171]. Это несмотря на то, что в первый год проживания в Петербурге он перенес возвратный тиф.

Блестящие успехи в учебе тесно связаны с работой А. Ульянова в читальных залах Императорской Публичной (ныне Российской национальной) библиотеки[172], куда он записался в конце августа 1883 г., сразу по прибытии в Петербург, и университетской библиотеки. Читателем библиотеки университета он стал 23 сентября (5 октября) 1883 г.[173] Пользовался он и библиотекой Научного литературного общества университета, которая в 1886 г. насчитывала 5 тысяч томов[174]. Был ли А. Ульянов читателем Библиотеки Академии наук выяснить не удалось.

Два года напряженной работы на кафедрах двух крупнейших ученых: зоолога Н. П. Вагнера и химика А. М. Бутлерова, помогли А. Ульянову сделать выбор в направлении первого научного исследования. Физико-математический факультет, точнее руко-

водство естественного отделения, приняло решение предложить студентам тему по зоологии: «Исследование строения сегментарных органов пресноводных Annulata (кольчатых червей)». В рецензии на работы говорилось, что инициаторы конкурса рассчитывали, что студенты в своих работах рассмотрят вопросы, связанные с физиологической стороной вопроса. Авторы исследований обратили внимание на его морфологическую сторону, совершенно игнорировав задачи, разрешения которых не достает науке. В рецензии было отмечено, что с этой точки зрения данные исследовательские работы должны быть признаны неудовлетворительными[175], но тем не менее при большой затрате труда в достаточно исследованную тему было внесено новое. Рецензенту, профессору Н. П. Вагнеру, особенно понравилась работа под № XXII, девиз которой был «Was wirklich, dass geschichtlich» (Что действительно, то исторично), где автором была внесена поправка в исследования членов-корреспондентов Петербургской Академии наук Ф. Лейдига и Ф. Э. Шультце, а также Ф. Вейдоского и А. Г. Берне. Все это, по мнению рецензента, свидетельствует о том, что студент имеет «довольно значительную долю опытности и прилежания»[176]. Именно за это физико-математический факультет нашел возможным наградить автора работы студента 6 семестра А. Ульянова золотой медалью. А автор второй работы под № 1 и девизом «Нет пруда и нет канавки, где бы не было пиявки», окончивший курс К. И. Хворостанского, за исключительно подробное анатомическое исследование половых органов Hirudo и Aulostonia был награжден серебряной медалью[177].

17 февраля (1 марта) 1886 г. А. Ульянову было вручено свидетельство о том, что «Совет Императорского С.-Петербургского университета 3 февраля 1886 года удостоил сочинение студента 6 семестра Естественного разряда Александра Ульянова на тему: “Об органах сегментарных и половых пресноводных Annulata” награды золотой медалью; в удостоверение чего выдано студенту А. Ульянову сие свидетельство с приложением университетской печати»[178].

О своей первой научной победе А. Ульянов сообщил матери 2 (14) марта 1887 г. одной фразой: «За мою зоологическую работу о кольчатых червях (я еще летом начал работать) получил золотую медаль»[179].

Именно в этот период у А. Ульянова начинает проявляться интерес к общественным наукам. Он читает много книг по этим вопросам не только на русском, но и на немецком, французском и английском языках, которыми свободно владел.

С осени 1886 г. он начинает посещать созданный университетскими студентами братьями Алексеем (юридический факультет) и Сергеем (физико-математический факультет) Никоновыми, Иваном Чеботаревым (физико-математический факультет) и Виктором Бартеневым (историко-филологический факультет)

кружок, в котором изучались работы ученых-экономистов Европы и России. Большое впечатление произвел на него 1-й том «Капитала» К. Маркса, что побудило заняться А. Ульянова изучением других его работ. Одну из работ К. Маркса «К критике гегелевской философии» он перевел на русский язык и хотел издать ее в «Социально-революционной библиотеке»[180]. Но по независящим от А. Ульянова причинам этот перевод опубликован не был.

А. Ульянов внимательно изучает произведения представителей отечественной экономической мысли: Н. И. Зибера, Г. В. Плеханова, В. П. Воронцова и других. Особое внимание он уделяет исследованию положения русской общины. Его результаты он обобщил в сделанном на заседании кружка докладе. В этот период А. Ульянов выступает инициатором создания при Симбирском землячестве кружка по изучению экономического положения крестьянства[181]. К созданию кружка А. Ульянова подтолкнули интереснейшие лекции по истории российского крестьянства XVIII в., посещавшиеся многими студентами университета. Курс лекций читал приват-доцент В. И. Семевский, один из создателей и член ЦК Трудовой народно-социалистической партии (ноябрь 1906 г.), основатель и редактор журнала «Голос минувшего». В своих лекциях В. И. Семевский касался истории крестьянских восстаний, что вызывало неудовольствие властей. Лекции были признаны политически опасными и запрещены, а В. И. Семевский был уволен из университета. Это вызвало протест студентов. Они обратились к В. И. Семевскому с «Адресом», в котором выразили уволенному из университета преподавателю свое искреннее сочувствие. Среди подписавших были члены студенческого Научно-литературного общества О. М. Говорухин, В. Д. Генералов, И. Д. Лукашевич, П. Я. Шевырев, А. И. Ульянов, вступивший в общество 20 марта (1 апреля) 1886 г.[182] В знак благодарности за поддержку В. И. Семевский обещал студентам дочитать курс лекций у себя дома (Васильевский остров, 2-я линия, 11)[183].

Как всякий талантливый человек, А. Ульянов достаточно успешно сочетал увлечение совершенно противоположными науками – зоологией, экономикой и социологией. Его организаторские способности позволили ему руководить Симбирским землячеством и одновременно стать видным деятелем Поволжского землячества. После объединения студенческих землячеств в Союз землячеств С.-Петербурга А. Ульянов был избран членом совета Союза землячеств.

Задачей землячеств было оказание помощи студентам в поисках работы, создание студенческих столовых, кружков, библиотек, в которых наряду с легальной имелась и нелегальная литература. Библиотеку нелегальной литературы Симбирского землячества А. Ульянов хранил в одной из комнат квартиры № 2 на Александровском (ныне Добролюбова) проспекте, 21, которую он снимал[184].

К лету 1886 г. А. Ульянов имел твердые политические убеждения и не мог себе представить, как можно не интересоваться общественной жизнью. Вместе со старшей сестрой Анной он удивлялся тому, что их брат «Володя может по нескольку раз перечитывать Тургенева, – лежит, бывало, на своей койке и читает и перечитывает снова, – и это в те месяцы, когда он жил в одной комнате с Сашей, усердно сидевшим за Марксом и другой политико-экономической литературой, которой была тесно заставлена книжная полка над его столом»[185].

Вернувшись после каникул в университет, А. Ульянов активно включился в работу популярного среди студентов Научно-литературного общества. В его рядах были студенты университета, ставшие в скором времени гордостью отечественной науки и литературы: В. И. Вернадский, И. М. Гревс, М. А. Дьяконов, А. А. Кауфман, Н. М. Книпович, А. А. Корнилов, А. Н. Краснов, А. С. Лаппо-Данилевский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Д. С. Мережковский братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги, М. И. Туган-Барановский, М. А. Шателен[186].

2 (14) октября 1886 г. А. Ульянов был избран членом совета Научно-литературного общества, а через неделю, 9 (21) октября он стал секретарем совета[187].

В. И. Вернадский вспоминал, что заседания Научно-литературного общества были очень интересными. Большую роль в этом играл секретарь общества А. Ульянов, «умный, привлекательный человек с большими интересами»[188]. С А. Ульяновым В. И. Вернадский работал не только в научном обществе, но и в совете Союза объединенных землячеств, собиравшемся у него дома. «Я был дружен с Лукашевичем, Шевыревым и Ульяновым... Я знал их всех, но не подозревал долго (об их тайной деятельности), однако потом Шевырев проговорился, и я спорил с ним против террора...»[189] В. И. Вернадский в этом споре не смог доказать своей правоты. Через три месяца после избрания секретарем совета Научно-литературного общества А. Ульянов неожиданно для своих коллег ушел со своего поста.

В журнале заседаний Общества за 8 (20) января 1887 г. имеется следующая запись: «Читано заявление Ульянова о выходе из Научного отдела»[190]. Секретарем совета, вместо А. Ульянова, был избран А. С. Лаппо-Данилевский.

Уход А. Ульянова был тесно связан с тем, что среди членов общества велась активная подготовка покушения на жизнь императора Александра III. 12 (24) июня 1887 г. директор Департамента народного образования Н. М. Аничков направил ректору С.-Петербургского университета письмо, в котором писал, что среди членов студенческого Научно-литературного общества «состояли все главные участники преступления 1-го марта сего года, а один из самых деятельных руководителей заговора Ульянов исполнял обязанности секретаря общества.

Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение о немедленном закрытии упомянутого общества и о последующем донести министерству». Ответ был дан 21 сентября (3 октября) 1887 г.[191]

Следствие

История создания террористической фракции партии «Народная воля», подготовка покушения на жизнь Александра III, арест заговорщиков, следствие, суд над ними и приговор многократно и достаточно подробно описаны в литературе. Остановимся лишь на отдельных моментах, которые, по моему мнению, были освещены недостаточно полно или с искажением фактов.

Как только 2 (14) марта 1887 г. двоюродная сестра и коллега А. И. Ульяновой по Бестужевским курсам Е. И. Песковская узнала об аресте Анны и Александра Ульяновых, она немедленно отправила письмо в Симбирск своей старой знакомой В. В. Кашкадамовой, которая была близка с семьей Ульяновых. В нем она сообщила ей об аресте и выдвинутых обвинениях против Анны и Александра Ульяновых и попросила поставить в известность об этом свою тетю, М. А. Ульянову.

Муж Е. И. Песковской, известный писатель и журналист М. Л. Песковский, не зная причины ареста и предъявленных обвинений, попытался освободить родственников из-под ареста. 3 (15) марта он посетил Департамент полиции (наб. р. Фонтанки, 16) и передал письмо на имя директора Департамента полиции П. Н. Дурново. В нем он писал: «В ночь с 1 на 2 марта нынешнего года арестованы: студент IV курса физико-математического факультета С.-Петербургского университета Александр Ильич Ульянов и родная сестра его, слушательница IV курса С.-Петербургских Высших женских курсов Анна Ульянова.

Мать Ульяновых – родная тетушка моей жены. Как ближайший родственник арестованных молодых людей осмеливаюсь обратиться к Вашему превосходительству с ходатайством за них. Думаю, что я знаю воззрения Ульяновых или иначе – то, что называется направлением. Как человек взрослый, установившийся, свидетельствую, что в этом направлении нет ничего предосудительного и тем более преступного. Ульянов – очень дельный, чисто кабинетный (рядом с этими словами Дурново оставляет пометку» «для приготовления динамита!!» – *М. Ш.*), до угрюмости нелюдимый молодой человек, зарекомендовавший себя блестящими успехами в науке: он имеет по золотой медали – из гимназии и университета. Ульянова – барышня в лучшем смысле этого слова, совершенно чуждая всего того, что может шокировать девушку. Быть может, со стороны Ульяновых есть какое-либо компрометирующее знакомство, так свойственное не умудренной житейскими заботами молодежи.

Но если бы даже и так, то насколько человек может поручиться за другого человека – ручаюсь, что чего-либо предосудительного в этом положительно невозможно допустить.

В семейном положении Ульяновых также есть обстоятельство, заслуживающее особенного внимания. Эта достойная семья, где связь между родителями и детьми образцово крепка. Год тому назад потеряла отца – заслуженного директора народных училищ Симбирской губернии. Если мать Ульяновых, – на руках которой имеется еще четверо малолетних детей, – узнает об аресте старшего сына и дочери – этой единственной опоры семьи, – такая весть буквально убьет ее как человека с надломленными силами. Наконец, здоровье слушательницы Ульяновой чрезвычайно слабо. Во время пребывания в Петербурге (т. е. 3-х лет уже) она, можно сказать, беспрерывно лечилась.

В силу изложенных обстоятельств смею ходатайствовать перед Вашим превосходительством об освобождении Александра и Анны Ульяновых под мое личное поручительство. Пусть за Ульяновыми будет учрежден самый строгий надзор, но пусть надзор этот не мешает окончить курсы учения, что тоже не вносит катастрофы не только в личную их жизнь, но жизнь целой семьи.

Кандидат университета Матвей Песковский.

3 марта 1887 года

С.-Петербург. Васил(ьевский) остров, Средний проспект (между 11–12 лин(иями), дом 52)»[192].

Текст письма М. Л. Песковского свидетельствует о том, что оно написано опытным юристом. По моему мнению, письмо составил один из лучших адвокатов Петербурга, занимавшихся политическими делами, А. Я. Пассовер, согласившийся защищать А. Ульянова.

Видимо, не позднее 4 (16) марта М. Л. Песковского известили о том, что его просьба отклонена. Вскоре в Петербург приехала М. А. Ульянова. 14 (26) марта она подала заявление с просьбой разрешить свидание с детьми. Разрешение на свидание с Анной было получено. Свидание с сыном не разрешили.

На мой взгляд, это можно объяснить следующим. А. И. Ульянова, по мнению Департамента полиции, не входила непосредственно в террористическую группу. Поэтому в отношении нее можно было допустить некоторые послабления. А. Ульянов, наоборот, считался одним из активных участников террористической группы и в данном случае никаких отступлений от действующих инструкций сделано не было.

Александр III внимательно следил за ходом следствия, знакомясь со всеми материалами дела. Сохранились собственноручные пометки императора на показаниях обвиняемых, в том числе и А. Ульянова. Все материалы следствия доставлялись в Гатчинский дворец, где Александр III жил с семьей. Раздраженный показаниями А. Ульянова император 13 (25) марта 1887 г.

написал на протоколе его допроса от 11 (23) марта: «От него, я думаю, больше ничего не добьешься»[193].

В период между четвертым (от 11 (23) марта) и пятым (от 19 (31) марта 1887 г.) допросами А. Ульянов восстановил по памяти текст «Программы террористической фракции партии “Народная воля”». После внимательного изучения текста Программы Александр III сделал на полях замечание, относящееся ко всему документы: «Это записка даже не сумасшедшего, а идиота»[194]. Отдельно он написал свое мнение на те положения Программы, которые свидетельствовали о стремлении участников заговора изменить государственный, общественный и экономический строй в России. По их мнению, необходимо было установить в России:

«1) Постоянное народное представительство, выбранное свободно, прямой и всеобщей подачей голосов, без различия пола, вероисповедания и национальности, и имеющее полную власть во всех вопросах общественной жизни;

2) Широкое местное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей;

3) Самостоятельность мира как экономической и административной единицы;

4) Полная свобода совести слова, печати, сходок ассоциаций и передвижений;

5) Национализация земли;

6) Национализация фабрик, заводов и всех вообще орудий производства;

7) Замена постоянной армии земским ополчением;

8) Даровое начальное обучение»[195].

Мнение Александра III по этим пунктам было выражено всего двумя словами: «Чистейшая коммуна»[196]. Но эти слова показывали одновременно и знание императором получающих все большее распространение, в том числе и в России, социалистических идей.

Во время шестого (последнего) допроса, который продолжался два дня (20–21 марта (1–2 апреля)), говоря о своей роли в заговоре, А. Ульянов сказал: «Если в одном из прежних показаний я выразился, что я не был инициатором и организатором этого дела, то только потому, что в этом деле не было одного определенного инициатора и руководителя; но мне, одному из первых, принадлежит мысль образовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации, в смысле доставания денег, подыскивания людей, квартир и пр.

Что же касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, т. е. все то, которое доставляли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений»[197].

Внимательно ознакомившись с протоколом допроса, Александр III подчеркнул эти слова А. Ульянова и иронично написал: «Эта откровенность даже трогательна»[198].

Через несколько дней после знакомства Александра III с материалами последнего допроса А. Ульянова на имя императора поступило письмо М. А. Ульяновой от 28 марта (9 апреля), в котором она просила разрешить ей свидание с сыном. Письмо было следующего содержания:

«Милосерднейший монарх!

Горе и отчаяние матери дают мне смелость прибегнуть к Вашему Величеству как к единственной защите и помощи.

Милости, государь, прошу! Пощады и милости для детей моих!

Старший сын, Александр, окончивший гимназию с золотой медалью, получил золотую медаль и в университете. Дочь моя, Анна, успешно училась на Петербургских Высших женских курсах. И вот, когда осталось всего лишь месяца два до окончания ими полного курса учения – у меня вдруг не стало старшего сына и дочери: оба они заключены по обвинению в прикосновенности к злодейскому делу первого марта.

Слез нет, чтобы выплакать горе. Слов нет, чтобы описать весь ужас моего положения.

Я видела дочь, говорила с нею. Я слишком хорошо знаю детей своих и из личных свиданий с дочерью убедилась в полной ее невиновности. Да, наконец, и директор Департамента полиции еще 16 марта объявил мне, что дочь моя не скомпрометирована, так что тогда же предполагалось полное освобождение ее. Но затем мне объявили, что для более полного следствия дочь моя не может быть освобождена и отдана мне на поруки, о чем я просила в виду крайне слабого ее здоровья и убийственно вредного влияния на нее заключения в физическом и моральном отношении.

О сыне я ничего не знаю. Мне объявили, что он содержится в крепости, отказали в свидании с ним и сказали, что я должна считать его совершенно погибшим для себя.

О, Государь! Если б я хоть на один миг могла представить своего сына злодеем, – у меня хватило бы мужества отречься от него, и благоговейное уважение к Вашему Величеству не позволило бы мне просить за него. Но все, что я знаю о сыне, не дает мне возможности представить его таким, – и я милости прошу к Вас, великодушнейший Государь! Сын мой был всегда убежденным и искренним ненавистником терроризма в какой бы то ни было форме. Таким я знаю его до последних каникул (в 1886 г.), проведенных им дома у меня в Симбирске. (Здесь Александр III сделал пометку – «Хорошо она знает сына». – *М. Ш.*)

Он был всегда религиозен, глубоко предан интересам семьи и часто писал мне. Около года тому назад умер мой муж, бывший директором народных училищ Симбирской губернии. На моих руках осталось шесть человек детей, в том числе четверо малолетних. Это несчастие, совершенно неожиданно обрушившееся на мою седую голову, могло бы окончательно сразить

меня, если бы не та нравственная поддержка, которую я нашла в старшем сыне, обещавшем мне всяческую помощь и понимавшем критическое положение семьи без поддержки с его стороны.

Он был увлечен наукой до такой степени, что ради кабинетных занятий пренебрегал всякими развлечениями. В университете он был на лучшем счету. Золотая медаль открывала ему дорогу на профессорскую кафедру, – и нынешний учебный год он усиленно работал в зоологическом кабинете университета, подготовляя магистерскую диссертацию, чтобы скорее выйти на самостоятельный путь и быть опорой семьи. Зная это, могу ли я представить сына моего злодеем? А между тем, он так тяжко обвиняется и, без сомнения, у обвинительной власти должны быть веские доказательства для обвинения.

Я не знаю ни сущности обвинения, ни данных, на которых оно основано. Но, сопоставляя самый факт обвинения в тягчайшем государственном преступлении с фактами относительно воззрений моего сына в самом недавнем прошлом, преданности его науке и интересам семьи, – я вижу непримиримую несообразность, представляющуюся чем-то совершенно необъяснимым. Здесь возможно допустить лишь – или роковую случайность, или помрачение рассудка, но ни в каком случае не злодейство, проистекающее из убежденно преступной натуры. Он был всегда слишком религиозен, гуманен и честен, чтобы, будучи в здравом уме, идти на злодейское дело и заслужить проклятие миллионов людей. Он был слишком развит, чтобы не понимать позорного бесчестия этого дела. Он слишком любил сестру, чтобы губить ее. Он слишком был предан семье, чтобы пятнать ее позором, слишком уважал свой дворянский род, чтобы клеймить его.

О, Государь! Умоляю – пощадите детей моих! Нет сил перенести этого горя и нет на свете горя такого лютого и жестокого, как мое горе! Сжальтесь над моей несчастной старостью! Возвратите мне детей моих!

Если у сына моего случайно отуманился рассудок и чувство, если в душу его закрались преступные замыслы – Государь, я исправлю его: я вновь воскрешу в душе его те лучшие человеческие чувства и побуждения, которыми он так недавно еще жил. (Александр III отмечает последнюю фразу и пишет рядом с ней на полях: «А что же до сих пор она смотрела!» – *М. Ш.*)

Я свято верю в силу материнской моей любви и сыновней его преданности – и ни минуты не сомневаюсь, что я в состоянии сделать из моего несовершеннолетнего еще сына честного члена русской семьи, верного слугу престола и Отечества, – не сомневаюсь, что он употребит всю последующую жизнь свою на то, чтобы загладить павшую на него вину. И если б я увидела в сыне хоть малейшие задатки злой воли, хоть малейшее упорство относительно исправления, – клянусь, Государь, не нужно ка-

рателя и обвинителя беспощаднее меня: я сама передам его в руки правосудия и буду свидетельствовать против него.

Милости, Государь, прошу милости. В таком отчаянном несчастии, как мое, может быть только помощь Всевышнего да милость Царская.

Умилосердитесь, Государь, надо мной и дайте мне возможность доказать, что обрекаемый на гибель сын может быть вернейшим из слуг Вашего Величества!

28 марта 1887 года.

Мария Ульянова

С.-Петербург (Васильевский остров, Средний пр., 32, кв. 5) (Допущена опечатка. Номер дома 52. Ныне Средний пр., 46, кв. 5. – *М. Ш.*).

Вдова действительного статского советника и кавалера Станислава 1-й степени Мария Александровна Ульянова. Постоянное место жительства в Симбирске»[199].

30 марта (11 апреля) 1887 г., ознакомившись с прошением М. А. Ульяновой, Александр III, наложил следующую резолюцию: «Мне кажется желательным дать ей свидание, чтобы она убедилась, что за личность ее милейший сынок и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений»[200].

Получив резолюцию Александра III, министр внутренних дел Д. А. Толстой сделал следующее: во-первых, поручил заведующему полицией, товарищу министра внутренних дел П. В. Оржевскому переслать прошение М. А. Ульяновой министру юстиции Н. А. Манасеину. 1 (13) апреля 1887 г. Оржевский выполнил это указание. В своем письме на имя Манасеина он просит «приложить это прошение к делу для рассмотрения его при постановлении приговора»[201]. Со своей стороны Н. А. Манасеин дал указание переслать «всеподданейшее прошение вдовы действительного статского советника Марии Ульяновой, ходатайствующей о помиловании сына ее Александра и дочери Анны Ульяновых»[202], обер-прокурору Общего собрания кассационных департаментов Правительствующего сената Н. А. Неклюдову, которому было поручено исполнять обязанности прокурора при Особом присутствии Правительствующего сената для суждения о государственных преступлениях. В сопроводительном письме на имя Н. А. Неклюдова сказано, что прошение необходимо приобщить «к делу об обнаруженном 1 марта злоумышлении на жизнь священной особы Государя императора»[203]. Эту просьбу Н. А. Неклюдов незамедлительно выполнил.

Во-вторых, Н. А. Манасеин направил письмо П. Н. Дурново следующего содержания: «Нельзя ли воспользоваться разрешенным Государем Ульяновой свиданием ее с сыном, чтобы она уговорила его дать откровенные показания, в особенности о том, кто, кроме студентов, устроил все это дело. Мне кажется, это могло бы удаться, если бы подействовать поискуснее на мать»[204].

О содержании беседы П. Н. Дурново с М. А. Ульяновой, состоявшейся в его кабинете 31 марта (12 апреля) в 12 часов дня, нам неизвестно. Но в нашем распоряжении имеется секретное письмо П. Н. Дурново на имя коменданта Санкт-Петербургской крепости (так официально называлась Петропавловская крепость. – *М. Ш.*) И. С. Ганецкого. Содержание письма свидетельствует о выполнении П. Н. Дурново распоряжения Александра III. «Милостивый государь, Иван Степанович. Согласно последовавшего 30-го сего марта Высочайшего соизволения на свидание вдовы действительного статского советника Марии Александровой Ульяновой с содержащимся в С.-Петербургской крепости сыном ее, студентом Александром Ульяновым, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство сделать распоряжение о дозволении г-же Ульяновой иметь в среду, 1-го апреля, свидание с сыном, в течение двух часов, от 10 до 12-ти дня.

К сему имею честь присовокупить, что свидание это разрешено не за решеткой, а в отдельном помещении, но в присутствии лица, заведывающего тюремными помещениями.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном почтении и преданности.

П. Дурново. 31 марта 1887 г.».

Сбоку резолюция И. С. Ганецкого: «Согласно сему письму дать свидание Александру Ульянову с матерью»[205].

Свидание состоялось. О его содержании нам известно из воспоминаний В. В. Кашкадамовой и А. И. Ульяновой-Елизаровой. Власти желаемого результата не получили. А. Ульянов был тверд в своем решении не вымаливать себе пощады.

Через два часа после окончания свидания с матерью П. А. Дейер, первоприсутствующий Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях, которого А. Ф. Кони назвал «бездушный и злобный холоп»[206], лично вручил А. Ульянову обвинительное заключение, подписанное исполняющим обязанности прокурора при Особом присутствии Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях Н. А. Неклюдовым.

Суд над «вторыми первомартовцами»

1 (13) марта 1887 г. на донесении министра внутренних дел графа Д. А. Толстого о задержании заговорщиков Александр III собственноручно написал: «...желательно не придавать слишком большого значения этим арестам. По-моему, лучше было бы узнавать от них все, что только возможно, не предавать их суду и просто без всякого шума отправить в Шлиссельбургскую крепость. Это самое сильное и неприятное наказание»[207]. Больше ни на одном листе следственного дела нет указаний Александра III о том, как поступить с участниками заговора. Судя по всему, они были устными. В связи с этим трудно сказать, когда

Александр III принял решение провести над народовольцами процесс.

Судебный процесс начался в здании Петербургского окружного суда (Литейный пр., 4) 15 (27) апреля 1887 г. Накануне начала процесса, 13 и 14 (25 и 26) апреля 1887 г., все подсудимые, содержавшиеся в одиночных камерах Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, были доставлены в закрытых каретах в камеры первого этажа Дома предварительного заключения (Шпалерная ул., 25)[208]. После перевода, как это ни странно звучит, они почувствовали себя лучше[209]. Дело в том, что условия содержания заключенных в одиночных камерах Трубецкого бастиона были рассчитаны на подавление их воли и получение моральной покорности на суде. Это желание властей сбылось далеко не полностью.

Председательствовал на суде П. А. Дейер, прослывший в 70–80-е гг. своими жестокими приговорами в отношении политических противников власти. А. Ф. Кони, обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената в дальнейшем писал, что П. А. Дейер «проявил такое черствое инквизиторство, что все порядочные люди в Сенате радовались, когда подобные дела, по тем или другим соображениям, передавались в военный суд, вообще гораздо более гуманный, чем суд господ сенаторов»[210].

Подсудимых обвиняли в принадлежности «к преступному сообществу, стремящемуся к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя и намерении посягнуть на жизнь священной особы Его Императорского Величества»[211]. Обвинение поддерживали: обер-прокурор Общего собрания кассационных департаментов Правительствующего сената Н. А. Неклюдов и товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената А. Д. Смирнов. Экспертом в судебном заседании выступал заведующий химической лабораторией, генерал-майор, профессор Михайловской артиллерийской академии Н. П. Федоров.

Одиннадцать из пятнадцати подсудимых имели защитников. Отказались от услуг адвокатов четверо подсудимых: Пахомий Иванович Андреюшкин, Василий Денисович Генералов, Михаил Васильевич Новорусский и Александр Ильич Ульянов.

По поводу отсутствия защитника у А. Ульянова необходимо отметить, что еще 10 (22) апреля 1887 г. на имя «Его превосходительства господина Первоприсутствующего Сената» поступило «Прошение кандидата Университета Матвея Леонтьевича Песковского». В нем говорилось: «Мать подсудимого по делу 1-го марта, Александра Ульянова, уезжая из Петербурга 1-го апреля по болезни, поручила мне, как близкому и единственному в Петербурге родственнику ее, помочь Ульянову в приискании защитника. Ввиду того, что Александром Ульяновым до сих пор не заявлено просьбы о защите, покорнейше прошу Ваше пре-

восходительство назначить защитником Ульянову присяжного поверенного Александра Яковлевича Пассовера. Матвей Песковский. 1887 года, 10 апреля. С.Петербург. Васильевский остр., Средний пр., 52, кв. 5».

На это заявление в тот же день, 10 (22) апреля, П. А. Дейер наложил следующую резолюцию: «На осн[овании] 565 и 566 ст. У[головного] У[ложения] С[удопроизводства] оставить без последствий, как поданное не от подсудимого»[212].

Узнав об отказе П. А. Дейера о назначении А. Ульянову защитника, М. Л.Песковский немедленно, 11 (23) апреля, обращается к министру юстиции Н. А. Манасеину. В письме говорилось: «Мать Александра Ульянова, одного из подсудимых по делу 1-го марта нынешнего года, уезжая из Петербурга по причине крайнего расстройства здоровья в Симбирск, т. е. домой к себе, поручила мне, как ближайшему и единственному в Петербурге родственнику, помочь сыну ее в отношении защитника.

Письмом на имя Ульянова (от 3-го апреля через жандармское управление) я рекомендовал ему воспользоваться услугами присяжного г. Пассовера Александра Яковлевича (Гагаринская (ныне Кутузова. – *М.Ш.*) набережная, 30). Между тем от Ульянова не поступило до сих пор просьбы о назначении защиты. Причины этого неизвестны, так как не только не разрешены свидания с Ульяновым (матери его было дано лишь одно свидание, с Высочайшего соизволения), но даже неизвестно почему и письма не доходят до него.

10 апреля я подал прошение господину Первоприсутствующему Особого присутствия Правительствующего Сената о назначении А. Я. Пассовера защитником Ульянова. На просьбу мою последовал отказ, мотивированный совершеннолетием Ульянова (оно исполнилось лишь на днях, 31 марта). Хотя отказ этот совершенно согласен с буквою закона, но есть обстоятельство, ввиду которого я смею почтительнейше просить Ваше высокопревосходительство о назначении Александру Ульянову защитником А. Я. Пассовера.

Мать Ульянова, из личного свидания с сыном в крепости, вынесла убеждение в психическом его расстройстве, о чем и заявила господину директору Департамента полиции. Назначение защитника, являющегося, между прочим, в данном случае и единственно возможным посредником между подсудимым и его родными, должны рассеять убеждение, запавшее в душу матери, или оформить его легальным путем.

Действительно, зная прошлое Ульянова, трудно не заподозрить нормальность умственных его способностей, – так резка несообразность в том, чем был Ульянов и чем он оказался по делу 1-го марта. Человек может скрытничать, притворяться, но быть окончательно не самим собою – это уже слишком непонятно.

Не в интересах правосудия оставлять мать и других близких родственников Ульянова в тягостном убеждении относительно

душевной болезни подсудимого. Исходя из этого обстоятельства, осмеливаюсь ходатайствовать перед вашим Высокопревосходительством о назначении указанного выше защитника Ульянову.

Закон не будет обойден или нарушен в данном случае, потому что Ульянов, после личного свидания с защитником, будет иметь полную возможность сам отстранить защиту, если он действительно не желает ее и если есть результат душевного расстройства.

Вопрос о защитнике для Ульянова представляется очень спешным, так как, насколько известно, дело должно начаться слушанием 15-го апреля»[213].

Ознакомившись с прошением М. Л. Песковского, Н. А. Манасеин написал резолюцию следующего содержания: «Препроводить на расп[оряжение] господина Первоприсутствующего Особым прис[утствием] Пр[авительствующего] с[ената] для суж[дения] д[ел] о Госуд[арственных] пр[еступлениях]»[214].

Сотрудники аппарата Н. А. Манасеина подготовили сопроводительное письмо на имя П. А. Дейера, ушедшее 13 апреля 1887 г. с грифом «Арестантское. Секретное». Вот его содержание: «Министр юстиции, свидетельствуя совершенное почтение Его превосходительству Петру Антоновичу, имеет честь препроводить при сем, на его распоряжение, прошение кандидата университета Матвея Песковского, ходатайствующего о назначении присяжного поверенного Пассовера защитником Александра Ульянова, преданного суду Особого присутствия Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях»[215].

Только после получения письма Н. А. Манасеина П. А. Дейер счел возможным ответить М. Л. Песковскому. 14 (26) апреля 1887 г. письмом следующего содержания: «Кандидату университета Матвею Леонтьевичу Песковскому.

Вследствие приказания Его превосходительства г. Первоприсутствующего Особого присутствия Правительствующего сената, канцелярия оного имеет честь уведомить Вас, милостивый государь, что ходатайство Ваше на имя г. министра юстиции, переданное последним на распоряжение Первоприсутствующему о назначении подсудимому Александру Ульянову защитника присяжного поверенного Пассовера на основании 565 и 566 ст. Устава уголовного судопроизводства оставлено без последствий»[216].

У читающего переписку М. Л. Песковского с Н. А. Манасеиным и П. А. Дейером возникает несколько вопросов. Первый из них – было ли вручено А. Ульянову письмо от 3 апреля, в котором М. Л. Песковский предлагал избрать в качестве защитника А. Я. Пассовера. Можно уверенно говорить, что нет. Это подтверждается отсутствием ответного письма А. Ульянова на имя М. Л. Песковского. Между ними были тесные, не только родственные, но и дружеские отношения. А. Ульянов очень лю-

бил семью Песковских. Часто бывал у них вместе с сестрой Анной, начиная с 1883 г., когда они приехали в Петербург для продолжения учебы. Он хорошо знал, что его мать, прибыв в марте в Петербург, останавливалась у Песковских. В дальнейшем в семье Песковских будут часто бывать Ольга и Владимир Ульяновы, но это будет уже после гибели А. Ульянова.

Нет сомнения в том, что А. Ульянов согласился бы с кандидатурой А. Я. Пассовера в качестве своего защитника. Тем более, что, видимо, в письме Песковского, бесспорно, говорилось, что именно на А. Я. Пассовере, как адвокате, остановилась М. А. Ульянова. А. Ульянов не мог не знать, по крайней мере от М. Л. Песковского, что А. Я. Пассовер был одним из лучших судебных ораторов своего времени, который был известен не только в России, но и за ее пределами. Он умел разбираться в самых сложных делах (политических, уголовных, гражданских), проявляя при этом удивительную глубину и тонкость анализа, неотразимую силу логики в сочетании с остроумием, красотой и изяществом речи. С ним советовались известные адвокаты Петербурга и России, судьи, сенаторы. В основу многих руководящих решений Кассационного сената были положены идеи, высказываемые А. Я. Пассовером.

Многие правительственные учреждения, земства, города России считали за честь, если А. Я. Пассовер соглашался защищать их интересы. Его речи в суде были обращены к уму и сердцу присяжных заседателей и судей. В этом заключался секрет А. Я. Пассовера-защитника.

Скорее всего это было причиной, по которой кандидатура А. Я. Пассовера в качестве защитника не устраивала П. А. Дейера. Нельзя исключать и тот факт, что до сведения П. А. Дейера было доведено содержание письма М. Л. Песковского А. Ульянову и он порекомендовал жандармам не передавать его адресату. Тем более, что именно 3 (15) апреля П. А. Дейер предоставил право подсудимым в том числе и А. Ульянову назвать фамилии своих адвокатов. Положение А. Ульянова было сложным. Он не знал ни одного адвоката в Петербурге. Кроме того, А. Ульянов был, видимо, уверен в том, что адвокат будет убеждать его о необходимости хотя бы сделать вид искреннего раскаяния в содеянном ради спасения своей жизни и умолять о пощаде. Это А. Ульянова не устраивало. О том, что А. Я. Пассовер, избранный близкими людьми в качестве адвоката, не заставит его поступаться своей совестью, А. Ульянов не знал, так как письма М. Л. Песковского не получил.

Именно поэтому А. Ульянов решил защищать себя сам. В своей речи в суде он намеревался рассказать о цели, которую ставили перед собой заговорщики, вступая на путь революционной борьбы. Самозащита А. Ульянова на процессе полностью устраивала П. А. Дейера, так как он сделал все от него зависящее, чтобы публично не состязаться с А. Я. Пассовером в ходе судебного

заседания. П. А. Дейер боялся потерпеть моральное поражение на глазах членов Государственного совета, сенаторов, министров и их заместителей, высших чинов полиции и жандармерии, присутствовавших на процессе в качестве приглашенных[217]. Это могло привести к концу его карьеры. Поэтому он шел на нарушение этических норм. М. Л. Песковский на свою просьбу о назначении А. Я. Пассовера защитником А. Ульянова получил устный отказ. Письменный отказ последовал только на обращение его к министру юстиции Н. А. Манасеину, так как вступать в конфликт с министром П. А. Дейеру было не выгодно. Он от него определенным образом зависел. Но и здесь П. А. Дейер поступил некорректно. Отказ П. А. Дейера поступил М. Л. Песковскому за день до начала судебного процесса, когда практически ничего нельзя было изменить. Но П. А. Дейер знал, что по закону А. Ульянов имеет право в ходе процесса потребовать себе защитника. Поэтому он попросил присяжного поверенного В. И. Леонтьева быть готовым, если такая просьба поступит от А. Ульянова, стать его защитником[218]. В. И. Леонтьев, судя по всему, согласился.

Как писала в статье «Апрельский процесс» выходившая в Женеве газета русских эмигрантов «Общее дело», он «происходил в центре столицы, но с соблюдением такой тайны, что не только русское, но даже петербургское общество ничего не знало ни о ходе процесса, ни о числе и фамилиях подсудимых, – и только впоследствии до него стали доходить контрабандным путем самые сбивчивые известия, когда все дело давно было покончено. Иностранцы были гораздо счастливее, особенно благодаря корреспонденту «Daily News», которому удалось проникнуть через густую завесу, скрывавшую инквизиторский суд и сообщить своевременно европейской публике много ценных данных о процессе»[219].

В центре зала, где заседал суд, стоял большой стол. На нем лежали три метательные снаряда, изготовленные Лукашевичем и Ульяновым. Каждый из этих снарядов имел различную мощность. В первом из них было 5 фунтов (примерно 2 кг) динамита и 25 свинцовых кусочков в виде пуль, покрытых крепким раствором стрихнина. Во втором было 7 фунтов (около 2,9 кг) динамита и 207 пуль. В третьем 3 фунта (около 1,2 кг) динамита и 86 пуль. Если бы произошел взрыв, то все в окружности 18 футов (3,048 м) было бы разрушено, а пули разлетелись бы во все стороны на расстояние 150 футов (45,72 м). Кроме снарядов на столе лежали и другие вещественные доказательства[220].

Как пишет корреспондент «Daily News», введенные под усиленной охраной полиции подсудимые произвели на сидевших в зале зрителей очень приятное впечатление своими интеллигентными лицами и внешним видом. При входе в зал они вели себя спокойно и сдержанно, вежливо поклонились судьям и, улыбнувшись друг другу, сели на отведенные им места. «Боль-

шое внимание и сочувствие возбуждал к себе Ульянов, юноша несомненно даровитый и силой ума имевший громадное влияние на остальных подсудимых, а также Сердюкова как своей симпатичностью, так и тем, что виновность ее в покушении ни мало не доказана. На вопрос председателя большинство не отрицало своего намерения убить царя»[221].

Во время судебных заседаний председательствующий Дейер позволял себе некорректное поведение в отношении подсудимых. Он старался унизить и оскорбить человеческое и национальное достоинство подсудимых. Об этом писал в своих воспоминаниях А. Ф. Кони. Это подтверждают и материалы процесса[222].

Из обвинительного заключения, напечатанного на 23 страницах, обвиняемые узнали о том, кто и как вел себя во время следствия и кто из них оказался предателем. О поведении и показаниях каждого из обвиняемых на суде во время судебного следствия они знать не могли, так как для дачи показаний в зал суда их вызывали по одному.

Опубликованные и архивные материалы процесса дают возможность исследователям восполнить этот пробел. Остановимся только на поведении главных обвиняемых. Метальщики П. И. Андреюшкин, В. Д. Говорухин и В. С. Осипанов ни на шаг не отступили от своих взглядов на необходимость изменения существующего положения в России. Даже вынесенный смертный приговор не заставил их склонить голову перед властями и подать прошение о помиловании. Они первыми взошли на эшафот.

В полном соответствии со своими убеждениями и нравственными принципами вел себя на следствии и суде А. Ульянов. В своих показаниях он подтверждал лишь известные факты, активно выводил из-под удара своих товарищей, умышленно преуменьшая их роль в организации. Многое брал на себя. Это отметил в своей обвинительной речи, произнесенной 18 (30) апреля 1887 г., прокурор Н. А. Неклюдов: «Я даю полную веру показаниям подсудимого Ульянова, сознание которого, если и грешит, то разве в том отношении, что он принимает на себя даже то, что он не делал в действительности»[223]. Но в то же время прокурор подчеркивал, что А. Ульянов принимал активное участие в «приобретении средств для выделки снарядов..., в изготовлении материалов для метательных снарядов и составных частей самих снарядов»[224].

Вместе с тем Н. А. Неклюдов напомнил суду, что А. Ульянов оказывал помощь в отъезде за границу своим товарищам по организации и естественному отделению Университета О. М. Говорухину и Н. А. Рудевичу, принимал участие в совещании 25 февраля (9 марта) 1887 г. на квартире М. Н. Канчера и П. С. Горкуна, расположенной на Васильевской острове, Тучков пер. 20, кв. 48. На этом совещании обсуждались вопросы, связанные с

покушением. Говоря об этом совещании, Н. А. Неклюдов сказал: «Если припомнить, что в это время не было уже в Петербурге ни Шевырева, ни Говорухина, то невольно приходишь к заключению, что Ульянов заменил собою на сходке обоих этих подсудимых – зачинщиков – руководителей»[225]. Причем не просто заменил, а был интеллектуалом, благодаря которому была создана «Программа террористической фракции партии "Народная воля"», укрепившая «решимость других на злоумышление»[226]. Именно для достижения этой цели, по мнению Н. А. Неклюдова, А. Ульянов вложил «все свои силы и всю свою душу»[227].

Последние слова Н. А. Неклюдова можно отнести к защитительной речи А. Ульянова, которая, по мнению присутствующих на процессе лиц, поразила всех своей логикой и доказательностью. Как человек высокой эрудиции, А. Ульянов понимал, что политическая обстановка, сложившаяся в России в конце 80-х гг., не давала возможности существования политической оппозиции. Он объяснил в своей защитительной речи причину, почему вместе со своими товарищами прибегнул к террору. Вот его слова: «Наша интеллигенция настолько слаба физически и не организована, что в настоящее время не может вступать в открытую борьбу, и только в террористической форме может защищать свое право на мысль и на интеллектуальное участие в общественной жизни... среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь... террор есть естественный продукт существующего строя»[228].

Но если А. Ульянов своими показаниями и защитительной речью открыто продемонстрировал свои взгляды, свою позицию, то подлинные организаторы «вторых первомартовцев» – П. Я. Шевырев и И. Д. Лукашевич вели себя совершенно иначе.

Еще задолго до ареста П. Я. Шевырев в разговоре с И. Д. Лукашевичем говорил о том, что «когда мне придется предстать перед судом, я не намерен излагать своих воззрений... Это тем более излишне, что суд негласный: и судят тайком, и вешают тайком. Если б на суд допускалась посторонняя публика, то им можно было бы воспользоваться как средством пропаганды своих идей. Но говорить перед сыщиками и жандармами о своих целях и стремлениях излишне. Как бы ни были явны улики, практичнее всего отрицать свое участие в деле. Этим, с одной стороны, избегается опасность сказать что-нибудь лишнее, что может повредить кому-либо из товарищей, а с другой – чем значительнее мы будем казаться нашим врагам, тем легче будет борьба с ними, тем меньше опасность для наших друзей, знакомых, даже родных подвергнуться мщению и преследованиям со стороны правительства. А чем меньше требует жертв дело освобождения, тем лучше»[229].

Во время этого разговора П. Я. Шевырев хорошо знал о состоянии своего здоровья. Еще 6 (16) апреля 1886 г. врач С.-Петербургского университета статский советник К. А. Чербишевич выдал П. Я. Шевыреву свидетельство о том, «что он страдает воспалением легких, сопровождающимся кровохарканьем, истощением и нервной раздражительностью. Болезнь эта весьма тяжелая, требующая, чтобы он немедленно уехал в Самару для лечения кумысом»[230]. Таковы были тогда методы лечения туберкулеза. П. Я. Шевырев последовал рекомендациям врача. Получил отпуск на лечение и материальную помощь в размере 30 руб.[231]

Вернувшись после лечения на юге, он не стал переводиться в Харьковский университет, как того требовало состояние его здоровья, а продолжил учебу в Петербургском университете. Именно в это время он активно начал заниматься революционной деятельностью, создав террористическую фракцию партии «Народная воля».

Отчетливо понимая, что из-за стремительно развивающейся болезни жить ему осталось не очень долго, П. Я. Шевырев стремился осуществить покушение на Александра III как можно скорее. В этом его активно поддерживал О. М. Говорухин. А. И. Ульянов, наоборот, считал, что покушение должно быть тщательно подготовлено. На этой почве между П. Я. Шевыревым и А. И. Ульяновым были споры. Большинство членов группы поддержали Шевырева и Говорухина. А. И. Ульянов подчинился большинству.

Казалось, доверие товарищей должно было стимулировать Шевырева и Говорухина приложить максимум усилий для успешного осуществления покушения в намеченный срок – 1 марта. Но когда до этой даты оставались считанные дни, оба срочно покинули Петербург. О. М. Говорухин – через Вильно в Европу. Причем уехал он на деньги, полученные от А. И. Ульянова, заложившего в ломбард свою университетскую золотую медаль ради его отъезда. П. Я. Шевырев же вновь получил от университетского врача К. А. Чербышевича справку о том, что он «страдает воспалением легких, сопровождающимся болью в груди, кашлем, лихорадочным состоянием, малокровием, общею слабостью и нервною раздражительностью. Для излечения от болезни ему необходимо уехать из Петербурга на юг России для пользования кумысом и виноградом в Оренбург и в Крым... 10 февраля 1887 года...»[232].

Ректор университета И. Е. Андреевский, ознакомившись с документом, немедленно откликнулся. П. Я. Шевырев получил отпуск по болезни до 1 (13) сентября 1887 г.[233] Через неделю, за одиннадцать дней до намеченного покушения, П. Я. Шевырев, сказав товарищам, что родственники требуют его немедленного отъезда на лечение, уехал из Петербурга, создав таким образом себе алиби.

Показания П. С. Горкуна, С. А. Волохова и М. Н. Канчера дали основание властям 7 (19) марта 1887 г. арестовать П. Я. Шевырева в Ялте, где он жил.

В ходе следствия и в зале суда П. Я. Шевырев строго придерживался принципов поведения революционера, о которых он говорил И. Д. Лукашевичу. Он отрицал все обвинения, предъявленные ему. Это вызвало резко негативную реакцию Александра III, внимательно следившего за ходом следствия. 14 (26) марта, ознакомившись с материалами допроса П. А. Шевырева, он назвал его «негодяем», а на протоколе допроса 20 марта (1 апреля) собственноручно написал слово: «подлец»[234].

Во время суда П. Я. Шевырев отрицал свою принадлежность к заговору. Единственное, о чем он заявил на суде, было: «Признаю себя виновным в том, что исполнял некоторые поручения Говорухина, которым не придавал никакого значения, и только в обвинительном акте я увидел, какие мои поручения имели последствия»[235]. Большего суду добиться от него не удалось. В последнем слове подсудимого П. Я. Шевырев продолжал также отрицать свою роль в организации заговора[236]. Здесь целесообразно отметить, что манера поведения П. Я. Шевырева на суде вызвала негативную реакцию А. И. Ульянова[237].

Иную тактику на стадии следствия избрал И. Д. Лукашевич, являвшийся, как и П. Я. Шевырев, одним из организаторов террористической фракции партии «Народная воля». Во время первого допроса он категорически отрицал свое участие в заговоре. На втором допросе 6 (18) марта начал давать показания. Начиная с 7 (19) марта показания И. Д. Лукашевича дали возможность следователям придти к выводу, что руководящую роль в заговоре играли П. Я. Шевырев и А. И. Ульянов[238]. И. Д. Лукашевич «забывает» сказать, что после отъезда П. Я. Шевырева в Крым 17 февраля (1 марта) именно он стал его официальным преемником на посту руководителя группы, а А. И. Ульянов – лишь одним из руководителей заговора[239].

И. Д. Лукашевич подробно рассказывает следователям, что «приблизительно 18 февраля он с Ульяновым наполнял динамитом два снаряда цилиндрической формы; о существовании же третьего снаряда, в форме книги, ничего не знает»[240]. Последняя фраза означала, что ответственность за изготовление книги-бомбы несет А. И. Ульянов. И. Д. Лукашевич умышленно умалчивал о том, что именно он являлся главным конструктором, пиротехником и химиком террористической группы. За такового он выдал А. И. Ульянова – не прямо, а косвенно. И. Д. Лукашевич скрыл от следователей, что у себя на квартире (Ковенский пер., 13, кв. 14) он изготовил четыре килограмма динамита, от приготовления еще одного килограмма он под благовидным предлогом отказался, хотя особых трудностей это для него не

представляло. После получения подробных указаний и рекомендаций по изготовлению динамита от И. Д. Лукашевича этим пришлось заняться А. И. Ульянову.

Не забыл И. Д. Лукашевич рассказать следователям о том, что в течение двух дней, 28 февраля (12 марта) и 1 (13) марта, А. И. Ульянов печатал на квартире университетского товарища Б. И. Пилсудского (В. О., 1-я линия, 4, кв. 7) «Программу террористической фракции партии "Народная воля"».

Трудно сказать, что думали о показаниях И. Д. Лукашевича участники процесса, читая обвинительное заключение. Воспоминаний по этому поводу нет. Остался лишь рассказ И. Д. Лукашевича о том, что, оказавшись в первом ряду на скамье подсудимых рядом с А. И. Ульяновым, во время рукопожатия он услышал от него фразу: «Если Вам что-нибудь будет нужно, говорите на меня»[241].

Можно ли верить И. Д. Лукашевичу? Думается – нет, вспоминая реакцию А. Ульянова на позицию П. Я. Шевырева. Спасая свою жизнь, И. Д. Лукашевич давал показания, в которых возлагал всю ответственность за деятельность террористической группы на А. И. Ульянова и подводил, таким образом, А. И. Ульянова под смертный приговор. Позиция И. Д. Лукашевича оказалась выигрышной. Прокурор Н. А. Неклюдов, говоря о нем, отметил: «Обращаясь к роли Лукашевича, я должен сказать, что роль его – роль пособника, хотя значительно менее деятельного, чем подсудимый Ульянов, но тем не менее все-таки пособника необходимого»[242].

В своем последнем слове, обращаясь к суду, И. Д. Лукашевич в унисон Н. А. Неклюдову сказал: «Если подвести итог всей моей деятельности, если сложить все то время, которое было употреблено на пособничество мое этому делу, то соберется каких-нибудь два часа, которые уничтожили все мои планы, мои намерения и искренние желания. Я чувствовал много сил в себе и не могу не пожалеть, что все мои силы, все мои ближайшие намерения послужить для народа погибают без всякой пользы»[243].

В пятом часу вечера 19 апреля (1 мая) 1887 г. всем подсудимым был объявлен смертный приговор. Его текст свидетельствует, что он был заранее согласован во всех инстанциях, включая императора. Подобный вывод можно сделать из содержания приговора, в котором имелось ходатайство перед Александром III о замене смертной казни М. Н. Канчеру, П. С. Горкуну, С. А. Волохову и М. А. Ананьиной каторжными работами сроком на 20 лет; Б. И. Пилсудскому – каторжными работами на 15 лет; Т. И. Пашковскому, Р. А. Шмидовой[244] – ссылкою на поселение в отдаленные места Сибири с лишением всех их прав состояния, а А. А. Сердюковой – заключением в тюрьме на два года[245].

Распорядительное заседание Особого присутствия. Шлиссельбургский эпилог

Вынесенный приговор совсем не означал, что те из осужденных, кому суд просил Александра III изменить меру наказания, не должны были писать прошения о помиловании.

Впоследствии министр юстиции Н. А. Манасеин говорил А. Ф. Кони, что он добивался от осужденных прошения о помиловании. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев советовал Александру III, своему воспитаннику, не допускать вынесения судом смертного приговора. Эта мягкость К. П. Победоносцева была вызвана не столько тем, что среди подсудимых был кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии М. В. Новорусский, которого он считал очень способным человеком и возлагал на него большие надежды[246], сколько взглядами на смертную казнь самого Победоносцева.

Но в окружении императора нашлись люди, которые считали необходимым вынесение смертного приговора. Их точка зрения победила. Александр III с ними согласился.

Оказавшись в камере после вынесения приговора, четверо осужденных (П. И. Андреюшкин, В. Д. Генералов, В. С. Осипанов и Т. И. Пашковский) категорически отказались подавать прошение о помиловании. Это же хотел сделать А. И. Ульянов. Но у него несколько изменились обстоятельства. Об этом чуть позже. Пока же отметим, что М. А. Ульяновой, отсутствовавшей в момент оглашения приговора в зале суда, было отказано в свидании с сыном.

М. Л. Песковский и А. Я. Пассовер, по всей видимости, рекомендовали ей обратиться за помощью к старому знакомому Ильи Николаевича по Пензе (с 1857 г.) и бывавшему у них дома в Нижнем Новгороде, известному юристу, учителю уголовного права вел. кн. Сергея Александровича, доктору правоведения, профессору Петербургского университета Н. С. Таганцеву. Они же сообщили его домашний адрес – Кирочная ул., 3.

М. А. Ульянова пришла к нему домой. В ходе беседы Н. С. Таганцев понял, что она ничего не знает о смертном приговоре, вынесенном ее сыну. Он не решился ей сказать об этом. Но сразу написал записку с просьбой оказать помощь М. А. Ульяновой в свидании с сыном прокурору Э. Я. Фуксу, своему доброму знакомому, от которого зависело решение данного вопроса. Э. Я. Фукс просьбу Н. С. Таганцева выполнил[247].

Благодаря помощи Э. Я. Фукса в период с 20 по 23 апреля (со 2 по 5 мая) 1887 г. в одной из 367 одиночных камер Дома предварительного заключения, где во время суда и после него находился А. Ульянов, состоялись два его свидания с матерью.

Узнав о смертном приговоре, М. А. Ульянова во время первого свидания умоляла сына подать прошение о помиловании. На что А. Ульянов возразил: «Не могу я сделать этого после всего, что я признал на суде, ведь это было бы неискренне»[248].

А. И. Ульянова-Елизарова, рассказывая об этом эпизоде, указала, что на этом свидании по долгу службы присутствовал товарищ прокурора прокурорского надзора С.-Петербургской судебной палаты Л. М. Князев[249]. В 1927 г. он дополнил ее рассказ следующими словами: «Прошло около сорока лет с тех пор, но не померкла в глазах моих тяжелая картина этого свидания подавленной, несчастной, любящей матери и приговоренного к смерти сына, мужеством и трогательной нежностью старавшегося успокоить мать. Она умоляла его подать прошение о помиловании, выражая надежду и почти уверенность, что такая просьба осужденного будет уважена. Но, видимо, с большой душевной болью отказывая матери, Ульянов привел, между прочим, как хорошо помнится такой довод, несомненно свидетельствующий о благородстве его натуры:

– Представь себе, мама, что двое стоят друг против друга на поединке. В то время, как один уже выстрелил в своего противника, он обращается к нему с просьбой не пользоваться в свою очередь оружием. Нет, я не могу, – закончил он, – поступить так.

Видя невозможность настаивать больше на своей просьбе, Ульянова, в конце продолжавшегося около часа свидания, спросила сына, не нужно ли ему что-нибудь? Он ответил отрицательно, но, подумав немного, сказал, что ему очень хотелось бы почитать Гейне. Старушка (в это время М. А. Ульяновой было 52 года. – *М. Ш.*) очень обеспокоилась, как исполнить эту просьбу, так как приобретение сочинений Гейне было обставлено какими-то цензурными формальностями. Глубоко сочувствуя ей и желая облегчить ее чем-нибудь, я сказал, что доставлю просимую книгу, поехал прямо из Дома заключения в книжный магазин “Меллье” (Невский пр., 20. – *М. Ш.*), где мне продали немецкое издание Гейне, которое я в тот же вечер передал Ульянову»[250].

Во время второго свидания М. А. Ульянова вновь обратилась к сыну с просьбой подать прошение о помиловании, но он снова отказался это сделать. Это свидание проходило в присутствии начальника Дома предварительного заключения полковника В. С. Ерофеева, которого А. И. Ульянова-Елизарова в своих воспоминаниях характеризовала как человека добродушного и располагающего к себе. Видя неутешное горе матери и желая поддержать ее, он обратился к А. Ульянову со следующими словами: «Вы молоды и Ваши взгляды могут измениться»[251]. И снова А. Ульянов ответил отказом.

М. Л. Песковский, узнав об отказе А. И. Ульянова подать прошение о помиловании, попросил разрешения у М. А. Ульяновой переговорить с ним. Согласие было получено. 24 апреля (6 мая) М. Л. Песковский, получив от А. Я. Пассовера проект прошения о помиловании[252], встретился с А. И. Ульяновым и уговорил его написать прошение. Но А. Ульянов не

воспользовался предложенным ему проектом, а написал собственный текст. Он в корне отличался от принятых канонов такого документа. Это видно из его содержания, приводимого ниже:

«Я вполне сознаю, что характер и свойства совершенного мною деяния и мое отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к Вашему Величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи. Но у меня есть мать, здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни и исполнение надо мною смертного приговора подвергнет ее жизнь самой серьезной опасности. Во имя моей матери и малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить Ваше Величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием.

Это снисхождение возвратит силы и здоровье моей матери и вернет ее семье, для которой ее жизнь так драгоценна, а меня избавит от мучительного сознания, что я буду причиной смерти моей матери и несчастья всей моей семьи.

Александр Ульянов»[253].

В совершенно ином ключе написали прошения о помиловании остальные осужденные. Это хорошо видно из протокола распорядительного заседания Особого присутствия Правительствующего сената от 25 апреля (7 мая) 1887 г. Заключение по делу давал исполняющий обязанности прокурора А. Д. Смирнов.

Это произошло потому, что сразу после окончания процесса «обер-прокурор Неклюдов опасно заболел»[254]. Не выдержали его нервная система и его психика. Как вспоминал А. Ф. Кони, Н. А. Неклюдов «был совсем раздавлен данным ему поручением» обвинять «вторых первомартовцев»[255]. Вряд ли Н. А. Неклюдов, активный сторонник Н. Г. Чернышевского и университетский товарищ Н. И. Утина, впоследствии члена ЦК «Земли и воли» и организатора русской секции I Интернационала, с которым они вместе сидели за участие в студенческих волнениях 26 сентября (8 октября) 1861 г. в 7-м каземате Никольской куртины Петропавловской крепости[256], мог предположить, что именно ему придется требовать смертной казни сыну его любимого учителя – И. Н. Ульянова.

На распорядительном заседании, в соответствии с указом Александра III, слушались «всеподданнейшие просьбы о помиловании 1. государственных преступников: Михаила Канчера, Петра Горкуна, Михаила Новорусского, Петра Шевырева, Марии Ананьиной, Иосифа Лукашевича, Бронислава Пилсудского, Анны Сердюковой, Александра Ульянова, Раисы (Ревекки) Шмидовой и совместное прошение Михаила Канчера, Петра Горкуна и Степана Волохова и 2. вдовы действительного статского советника Марии Ульяновой – матери государственного

преступника Александра Ульянова, купца Якова Шевырева, коллежского секретаря Дементия Лукашевича и Осипа Пилсудского – отцов государственных преступников, Петра Шевырева, Иосифа Лукашевича и Бронислава Пилсудского.

Во всеподданнейших прошениях государственные преступники, ходатайствуя пред Его Императорским Величеством о помиловании или облегчении их участи, объявляют:...

в) Новорусский, – что он, как питомец Духовной школы, с самого раннего возраста пропитан любовию к храму Божию и влечению к научным отвлеченным занятиям, которые отразились на его религиозно-нравственном направлении; что ничего не знал о том ужасном замысле, в котором он обвинен; что признает себя виновным лишь в том, что был в сношении с подозрительными лицами, предоставил им квартиру для занятий, оказавшихся впоследствии преступными; не предусмотрел их замыслов и не довел о том до сведения властей и тем оказал им содействие к совершению преступления.

г) Шевырев, что признает себя виновным в том, что впал под влиянием злоумышленников в ослепление и заблуждение, ввел по непростительной небрежности в преступное дело товарищей и, уезжая в феврале из Петербурга для излечения болезни, не предотвратил дальнейшего развития преступного замысла и не предупредил о нем установленных властей...

е) Лукашевич, – вполне раскаиваясь в своем преступлении, объясняет, что его участие в преступлении было совершено неестественным отклонением от пути его жизни, доказательством чего служит непричастность его к каким-либо политическим кружкам до половины января нынешнего года; что к несчастью ему пришлось познакомиться с Говорухиным, разговоры с которым о революционном движении показались ему, Лукашевичу, настолько убедительными и настолько его ослепили, что на дознании он выдал их за свои. Разные поручения, даваемые ему Говорухиным, Шевыревым и Ульяновым, шли столь быстро, одни за другими, что он, Лукашевич, по необдуманности и недостатку жизненного опыта не заметил, как был вовлечен в преступный замысел и только сам исполнял некоторые их поручения, но и обращаясь несколько раз с просьбами об исполнении их к Пилсудскому, сделал его неумышленно соучастником в преступлении. Кроме того, во втором всеподданнейшем прошении Лукашевич заявляет, что хотя в приговоре Особого присутствия Правительствующего Сената ему поставлено в вину между прочим то, что он на суде выразил сожаление о том, что жертвы деньгами и людьми потрачены напрасно, без достижения цели террористической фракции, но в действительности он, Лукашевич, этого не говорил и выразил сожаление о том, что своим участием в преступлении напрасно потратил свои силы и познания, которые он намеревался поставить на благо народа...

к) Ульянов, просит о даровании ему жизни ради его матери и малолетних братьев...»[257]

Приведенное выше прошение о помиловании М. В. Новорусского свидетельствует о том, с какой тщательностью он выбирал слова при его написании. В нем М. В. Новорусский выдает себя за человека, которого ввели в заблуждение. В связи с этим он очень страдает и глубоко раскаивается в своем проступке. Аналогичным образом написал свое прошение П. Я. Шевырев. Что же касается А. И. Ульянова, то он, с присущей ему принципиальностью, не стал себя оправдывать даже в малой степени.

Иное впечатление производит прошение И. Д. Лукашевича. Правда, в своих воспоминаниях он пишет о том, что его составил его адвокат Г. Г. Пинтц. И. Д. Лукашевич же просто поставил подпись, о чем впоследствии заявил, что очень сожалеет[258]. Тяжелое моральное состояние И. Д. Лукашевича в момент подписания прошения можно легко понять, учитывая приговор суда и его возраст.

Рассмотрев все обращения о помиловании, распорядительное заседание Особого присутствия пришло к выводу: «1. что просьбы Шмидовой и Сердюковой, как содержащие в себе ходатайства о принятии во внимание изложенного в приговоре Особого присутствия ходатайства о смягчении наказания, не требуют заключения со стороны Особого присутствия; 2. что просьба Ульянова, как не содержащая в себе никаких указаний на новые обстоятельства, не бывшие в виду Особого присутствия, не заслуживает уважения; приводимое же в этой просьбе указание на болезнь и семейное положение матери его, Ульянова, служит предметом самостоятельной просьбы сей последней, на имя Его Императорского Величества принесенной. 3. что просьбы Шевырева, Новорусского, Ананьиной и Пилсудского, по изложенным в них обстоятельствам, не содержит в себе достаточных оснований для оставления по ним благоприятного заключения; 4. что просьбы Лукашевича, Канчера, Горкуна и Волохова заслуживают уважения, в отношении первого – в виду приносимого им ныне чистосердечного раскаяния, а в отношении последних в виду обстоятельств, изложенных уже в приговоре Особого присутствия и, наконец, 5. что просьбы коллежского секретаря Лукашевича, харьковского купца Шевырева, дворянина Пилсудского и вышепоименованной вдовы действительного статского советника Ульяновой... не подлежат рассмотрению Особого присутствия. Вследствие сего Особое присутствие Правительствующего сената, по выслушании заключения исп(олняющего) об(язанности) прокурора, определяет: всеподданнейшие просьбы осужденных государственных преступников: Михаила Канчера, Петра Горкуна, Михаила Новорусского, Петра Шевырева, Марии Ананьиной, Иосифа Лукашевича, Бронислава Пилсудского, Анны Сердю-

ковой, Степана Волохова, Александра Ульянова и Раисы Шмидовой..., а всеподданнейшие просьбы о помиловании: вдовы действительного статского советника Марии Ульяновой, купца Якова Шевырева, коллежского секретаря Дементия Лукашевича и Иосифа Пилсудского... сообщить, вместе с копиею сего определения, г. министру юстиции, для представления такового на Высочайшее усмотрение»[259].

Н. А. Манасеин выполнил это решение Особого присутствия в 11 часов в четверг, 30 апреля (12 мая) 1887 г., когда был принят с докладом вместе с министром внутренних дел Д. А. Толстым в Гатчинском дворце Александром III[260]. Н. А. Манасеин подробнейшим образом доложил императору о решении распорядительного заседания Особого присутствия Правительствующего сената. Докладывая о прошении А. И. Ульянова он сказал: «Ульянов, заявляя, что характер и свойство совершенного им деяния и его отношение к таковому не дают ему, Ульянову, ни права, ни нравственного основания обращаться с просьбою о снисхождении, просит о дарении ему жизни ради его матери и малолетних братьев»[261]. Во время доклада императору Н. А. Манасеин ни словом не обмолвился о том, что трое подсудимых на момент покушения (В. Генералов, Б. Пилсудский и А. Ульянов) не достигли совершеннолетия, а двое (В. Генералов и Б. Пилсудский) были несовершеннолетними на момент вынесения приговора. Это не случайно. Н. А. Манасеину было хорошо известно мнение Александра III о судьбе каждого подсудимого.

Заслушав доклад, Александр III, несмотря на мнение распорядительного заседания Особого присутствия Правительствующего сената, принял решение заменить М. В. Новорусскому смертную казнь на бессрочные каторжные работы, от которых он был освобожден революционными событиями 1905 г. Аналогичное решение было принято и по поводу И. Д. Лукашевича[262], но здесь было учтено мнение распорядительного заседания.

Александр III снизил срок каторги с 20 до 10 лет М. Н. Канчеру, П. С. Горкуну и С. М. Волохову[263], которую они отбывали на Сахалине, а также поддержал мнение Особого присутствия Правительствующего сената о смягчении наказания М. А. Ананьиной, Б. И. Пилсудскому, Р. А. Шмидовой и А. А. Сердюковой[264]. Однако оставил в силе смертную казнь П. И. Андреюшкину, В. Д. Генералову, В. С. Осипанову, А. И. Ульянову и П. Я. Шевыреву. Причем за отмену смертного приговора последнему ходатайствовал К. П. Победоносцев[265].

В безымянной статье «Судопроизводство», включенной в сборник «Александр Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», о тексте прошения А. И. Ульянова сказано: «Документ этот менее всего может быть назван обычным прошением. Так расценили его, очевидно, и царские слуги, которые не доложили его даже Алек-

сандру III, как было сказано в Департаменте полиции родственнику Песковскому. Во всяком случае на нем или по поводу него не было положено никакой резолюции, и оно не упомянуто в правительственном сообщении на другой день после казни, где говорится о прошениях о помиловании с стороны 11 осужденных из 15»[266].

Это не соответствует истине. В «Правительственном сообщении о деле 1-го марта 1887 года», опубликованном 9 (21) мая 1887 г., было сказано, «что министр юстиции всеподданнейше представил на Всемилостивейшее воззрение Его Величества поданные сужденными просьбы о помиловании или облегчении их участи, с заключением по оным Особого присутствия Правительствующего Сената»[267]. Негативная реакция Александра III на прошение А. И. Ульянова известна.

Необходимо отметить, что уже в отдельном издании книги «Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове» А. И. Ульянова-Елизарова убрала эту фразу. Но для всех авторов, писавших об А. Ульянове, она стала канонической, несмотря на то, что все они были знакомы с текстом «Правительственного сообщения» и материалами по данному процессу, хранящимися в ГАРФ и РГИА[268]. По крайней мере «Лист исследователя», помещенный в «Дело Департамента министерства юстиции Второго уголовного отделения о Пахомии Андреюшкине, Василии Генералове и др.», свидетельствует, что с ним ознакомились 83 человека, включая автора этих строк.

Что же касается откликов на приговор суда, то лучше всего об этом сказано в статье «Апрельский процесс»: «Что же ждет наконец Россию впереди, когда все здоровые всходы ее безжалостно скашиваются не дозревши, а всякая дрянь и сорная трава поощряется к произрастанию? Когда Ульяновы всходят на виселицу, а священные дружинники продолжают плодиться и множиться и укреплять свое владычество, стараясь молодую, полную жизни страну связать с издыхающим самодержавием и тем оскверняя ее на каждом шагу казнями и произволом»[269].

В связи с вступлением в силу приговора 25 апреля (7 мая) 1887 г. все осужденные мужчины, за исключением заболевшего М. В. Новорусского, по распоряжению Департамента полиции были переведены из Дома предварительного заключения в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости[270]. Здесь они ждали окончательного решения Александра III по поводу своей судьбы. За это время с разрешения Дурново М. А. Ульянова трижды (28 апреля (10 мая), 2 (14) мая и 4 (16) мая 1887 г. виделась с сыном[271].

Во время их последнего свидания, рассчитывая на лучшее, она сказала А. Ульянову: «Мужайся!». Именно в этот день поздним вечером А. Ульянова и четырех его товарищей, заковав в ручные и ножные кандалы, увезли вместе с помилованными к

пожизненной каторге И. Лукашевичем и М. Новорусским в Шлиссельбургскую крепость. Здесь 8 (20) мая 1887 г. в отношении А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и П. Шевырева приговор был приведен в исполнение. Об этом 9 (21) мая сообщил «Правительственный вестник», а затем 25 мая (4 июня)1887 г. это сообщение перепечатали «Симбирские губернские ведомости» и газеты других губерний. Французская газета «Cri du Peuple» («Глас народа») написала следующее: «В происходившей 20 (8) мая казни жестокость была доведена до самой зверской утонченности... для пяти казненных было поставлено только три виселицы, и, таким образом, Шевырев и Ульянов вынуждены были присутствовать при муках своих товарищей: в продолжении получаса у них перед глазами было потрясающее зрелище троих повешенных, извивавшихся на концах веревок в мучительных конвульсиях, и лишь по истечении этого времени палач накинул смазанную салом петлю, еще теплую, и на их шею.

Говорят, что присутствовавшие при этой зверской сцене не могли ее выдержать и отвернулись; у многих на глазах выступили слезы.

Поведение Ульянова и Шевырева представляло контраст с поведением остальных свидетелей казни. Оставаясь все время спокойными, они ни на минуту не обнаружили слабости и оказались достойными того великого дела, за которое умирали»[272].

Сообщение французской газеты несколько отличается от донесения министра внутренних дел Д. А. Толстого на имя Александра III. В нем говорится, что Ульянова и Шевырева вывели во двор тюрьмы только после снятия тел Андреюшкина, Генералова и Осипанова с виселицы[273]. Но не будем забывать, что сохранился рапорт одного из свидетелей казни с резолюцией начальства: «Зачем нам это донесение?»[274]

Важнее было компенсировать потери Комендантского управления Петропавловской крепости. Как написал коменданту крепости В. Н. Веревкину заведующий арестантским помещением и наблюдающий комендант подполковник М. М. Лесник: «У нас взято с последними арестантами, отправ(ленными) в Шлиссельбург, 5 кандалов ножных с ремнями, 5 кандалов ручных с замками и ключами».

Для восполнения утраченного имущества В. Н. Веревкин конфиденциально обратился 27 мая (8 июня) 1887 г. к петербургскому губернатору И. В. Лутковскому со следующим письмом: «В виду встречающейся иногда надобности вверенной мне крепости в употреблении ручных и ножных оков, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать в распоряжении об отпуске в Комендантское управление Петербургской крепости пяти пар ручных и пяти пар ножных оков со всеми к ним принадлежностями в постоянное ведение сего Управления»[275].

Но если решение вопроса о возмещении имущества Комендантскому управлению Петропавловской крепости было начато через две с половиной недели, то вопрос о материальном поощрении П. А. Дейера был поставлен уже через день после приведения приговора в исполнение.

10 (22) мая 1887 г. началась переписка между министром юстиции Н. А. Манасеиным и министром финансов И. А. Вышнеградским о выдаче П. А. Дейеру пособия на лечение заграницей в сумме 1500 руб.[276], так как никакими иными средствами, кроме получаемого по службе денежного содержания, он не располагал[277].

И. А. Вышнеградский упорно сопротивлялся, ссылаясь на то, что в 1886 г. П. А. Дейеру уже выделялось 1500 руб. на лечение. Но все было напрасно. 22 мая (3 июня) И. А. Вышнеградский получает указание Александра III «отпустить из Государственного казначейства 1500 р(ублей) в единовременное пособие сенатору, тайному советнику Дейеру на лечение болезни»[278]. Еще через три недели по докладу министра государственных имуществ М. Н. Островского, сославшегося на ходатайство Н. А. Манасеина, император разрешил назначить П. А. Дейеру арендное производство в размере 2000 руб. в год сроком на шесть лет[279]. Спустя ровно полгода, 14 (26) декабря 1887 г. Александр III вынес следующее решение: «Производить сенатору, тайному советнику Дейеру, вместо аренды, из Государственного казначейства с 1-го января 1888 г. в продолжении шести лет по две тысячи руб(лей) ежегодно»[280]. Это была благодарность Александра III П. А. Дейеру за проведение процесса над «вторыми первомартовцами», о которой знал очень узкий круг лиц.

20 августа (1 сентября) 1887 г. вся Россия узнала о том, что санкт-петербургский столичный мировой судья 12 участка вызывал к себе наследников к оформлению наследства семи «политических преступников, лишенных всех прав состояния: 1) Александра Ульянова, 2) Иосифа Лукашевича, 3) Василия Генералова, 4) Пахомия Андреюшкина, 5) Михаила Новорусского, 6) Василия Осипанова и 7) Петра Шевырева, умерших 8 мая 1887 года»[281].

Сегодня трудно сказать, какое наследство осталось после казни народовольцев. В данном случае интерес представляет окаменелость чиновников, готовивших эту публикацию, которые не нашли времени уточнить список казненных. Они включили в него двух человек, приговоренных к пожизненному заключению: И. Д. Лукашевича и М. Н. Новорусского.

Ссылка Анны Ульяновой

1 (13) марта 1887 г. слушательница 4-го курса филологического отделения Высших женских Бестужевских курсов (В. О., 10-я линия, 33) Анна Ильинична Ульянова, придя домой к брату, была

арестована и доставлена полицией по месту жительства на Петербургской стороне (Съезжинская ул., 4, кв. 10), где был произведен обыск. Полиция забрала с собой ящики с инфузорной землей, которую А. Ульянов привез из Кокушкина для проведения опытов. А. И. Ульянову отвезли в арестное отделение Управления с.-петербургского градоначальника (Гороховая ул., 2). Спустя сутки ее перевели в одиночную камеру Дома предварительного заключения (Шпалерная ул., 25), где она пробыла до 11 (24) мая 1887 г. А. И. Ульянову обвинили в совершении государственного преступления[282]. По мнению Департамента полиции, оно состояло в том, что на имя А. Ульяновой Т. И. Пашковский, по просьбе М. Н. Канчера, послал телеграмму следующего содержания: «Сестра больна. Петров»[283]. Эту телеграмму, будучи заранее предупрежденной, она передала брату. Текст телеграммы означал, что необходимо встретить на Варшавском вокзале выехавшего из Вильно М. Н. Канчера, который вез азотную кислоту и стрихнин, необходимые для изготовления бомбы, и пистолет[284].

Во время допроса А. Ульянов заявил, что сестра была предупреждена о телеграмме, «но не знала о действительном ее значении и не была посвящена в замысел»[285]. Но это заявление А. Ульянова противоречило зафиксированным в деле словам: «Телеграмму за подписью "Петров" действительно получила, но считая, что таковая доставлена к ней по ошибке, уничтожила ее и брату не передавала и равно не была предупреждена им о получении таковой телеграммы»[286].

Одновременно А. И. Ульяновой инкриминировалось то, что она разрешила Анне Лейбович, которая была знакома с некоторыми участниками заговора, переночевать у нее.

За оказание содействия участникам покушения пять человек: Л. И. Ананьина, впоследствии посвятившая себя журналистике и в течение нескольких лет работавшая под фамилией Бороздич редактором журнала «Русское богатство», К. В. Гамонецкий, Э. И. Гордон, принявшая в ссылке православие и после замужества ставшая Зоей Осиповной Хлусевич, И. И. Пилсудский, будущий руководитель польской социалистической партии и независимой Польши, ее первый маршал и А. И. Ульянова по предложению министров внутренних дел и юстиции были приговорены административным порядком к высылке под надзор полиции. И. И. Пилсудский и А. И. Ульянова подлежали высылке в Восточную Сибирь, К. В. Гамонецкий и Л. И. Ананьина – в Западную Сибирь сроком на пять лет каждый. Э. И. Гордон была сослана в Архангельскую губернию на три года. 8 (20) апреля 1887 г. по докладу Н. А. Манасеина это предложение было утверждено Александром III[287].

Место ссылки А. И. Ульяновой был избран город Киренск Иркутской губернии, но она туда не поехала. А. И. Ульянова-Елизарова дала два совершенно разных объяснения этому фак-

ту. В первом случае она писала: «Я была освобождена 11 мая (1887 г. – *М. Ш.*) стараниями М. Л. Песковского, который подал в Департамент полиции просьбу об освобождении меня ради матери, мотивируя это тем, что иначе он боится за ее рассудок»[288].

В автобиографии А. И. Ульянова-Елизарова уже не упоминает М. Л. Песковского, а решение властей по ее делу излагает следующим образом: «Мне была назначена административная высылка в Сибирь на пять лет, которая была заменена по просьбе матери высылкой на пять лет в деревню Кокушкино Казанской губернии. Оттуда я была переведена весной 89 года для лечения на хутор при деревне Алакаевка Самарской губернии, а к зиме – в Самару. И после моего выхода замуж за М. Т. Елизарова гласный надзор полиции был переведен туда. Там я закончила свой гласный надзор и осенью 93 года перебралась в Москву»[289].

Именно такая трактовка событий апреля – мая 1887 г., данная А. И. Ульяновой-Елизаровой, была размножена миллионными тиражами в десятках книг, посвященных семье Ульяновых, и многое скрыла от читателей. В этом была заинтересована партийная и государственная пропаганда. Поэтому исследователи, читавшие в 1930–1980-е гг. нижеприводимые материалы, молчали. А документы говорят о следующем. Сразу после утверждения Александром III решения государственных органов о высылке А. И. Ульяновой в Восточную Сибирь, она «принесла всеподданнейшее прошение, в коем, ходатайствуя о помиловании, просит не разлучать ее с матерью, для которой она может служить единственною опорою»[290].

Сразу после казни А. Ульянова Мария Александровна подает «на имя Ее Императорского Величества Государыни Императрицы всеподданнейшее прошение о помиловании дочери ее Анны Ульяновой» и заявляет в нем, «что постигнутая горем от потери старшего сына и дочери, она остается с четырьмя малолетними детьми без всякой опоры и что освобождение дочери ее Анны от ссылки поддержит разбитую жизнь ее, просительницы, необходимую для остальных малолетних детей»[291].

Одновременно М. А. Ульянова обратилась с прошением к министру юстиции Н. А. Манасеину, в котором просила разрешить ее дочери Анны остаться на жительстве в Казани, куда она намерена переехать для продолжения образования своего сына. При этом М. А. Ульянова писала, что если власти сочтут неудобным проживание Анны Ильиничны в Казани, то в этом случае местом ссылки может быть Нижний Новгород[292].

Из переписки Н. А. Манасеина с товарищем министра внутренних дел Н. И. Шебеко по поводу прошений М. А. и А. И. Ульяновых видно, что оба сочли возможным, ввиду бедственного положения М. А. Ульяновой после гибели сына, удов-

летворить ее просьбу. При этом Н. И. Шебеко высказал мнение, что А. И. Ульянову необходимо сослать в одну из внутренних губерний в более благоприятную местность. Казань, по его мнению, отпадает как университетский город, а Нижний Новгород не устраивает МВД по той причине, что он лежит на пути следования политических ссыльных в Сибирь. Со своей стороны, Министерство юстиции предложило поселить А. И. Ульянову под надзор полиции в собственном доме в Симбирске[293]. Но так как М. А. Ульянова собиралась переехать со своей семьей на постоянное место жительство в Казань, разрешить А. И. Ульяновой проживать в течение пяти лет под надзором полиции в родовом имении семьи Бланков в селе Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии у одной из своих теток: Веретенниковой или Пономаревой при условии, что они сами окажутся благонадежными в политическом отношении. При этом необходимо было получить от них поручительство за Анну Ульянову.

14 (26) мая 1887 г., находясь на приеме у Александра III в Гатчине, министр внутренних дел Д. А. Толстой доложил свои предложения об облегчении участи А. И. Ульяновой. Император согласился с ними[294]. 20 мая (1 июня) министр юстиции Н. А. Манасеин высказал Александру III ту же точку зрения по этому вопросу. И «Государь Император соизволил собственноручно написать: “Согласен”»[295].

Как только Александр III дал свое согласие, Министерство внутренних дел запросило казанского губернатора сведения о А. А. Веретенниковой и Л. А. Пономаревой. Ответ был дан достаточно оперативно. Уже 22 мая (3 июня) Н. И. Шебеко сообщил Н. А. Манасеину, «что в виду полученных ныне от казанского губернатора сведений о том, что проживающие в дер. Кокушкиной Черемышской волости Лаишевского уезда Казанской губернии землевладелицы Веретенникова и Пономарева ни в чем предосудительном в политическом отношении не замечены, мною... сделано распоряжение о водворении в их имение дочери действительного статского советника Анны Ульяновой с установлением за нею гласного надзора полиции на срок, определенный высочайшим повелением»[296]. Так А. И. Ульянова оказалась в Кокушкино, а Л. А. Пономарева стала ее поручительницей. А спустя восемь месяцев взяла на поруки В. И. Ульянова, когда он, в соответствии с поданным заявлением в знак протеста против политики руководства Казанского университета в отношении студентов, был исключен из него в декабре 1887 г.

За участие В. И. Ульянова в студенческой сходке Казанского университета 4 (16) декабря 1887 г., организованной студентом 4-го курса юридического факультета Е. Н. Чириковым, впоследствии известным писателем, выслали его в Кокушкино, так как Л. А. Пономарева взяла племянника на поруки.

Александр Дмитриевич Бланк

Екатерина Ивановна фон Эссен (урожд. Гроссшопф), гражданская жена А. Д. Бланка

Граф Александр Иванович Апраксин, крестный отец А. Д. Бланка

Сенатор Дмитрий Осипович Баранов, крестный отец Д. Д. Бланка

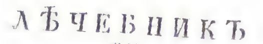
Сампсониевский собор, в котором в 1820 г. крестились братья Александр и Дмитрий Бланки

Здание Медико-хирургической академии. На переднем плане памятник Я. В. Виллие

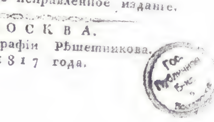
Президент Медико-хирургической академии баронет Яков Васильевич Виллие

ЛѢЧЕБНИКЪ
или
Практическая карманная книга для врачей, особенно полковыхъ, расположенная по новѣйшей системѣ:
СОЧИНЕНІЕ
Августа Фридерика Гекера:
Кор: Прусскаго и Гоген. Сигмар: Надворнаго совѣтника, Доктора и Профессора Паѳологія, Терапіи при Берлинской Медико-Хирургической Коллегіи;
Съ примѣчаніями взятыми изъ Французскаго перевода, изданнаго главными Медиками бывшей большой Французской арміи Брасье и Рамнономъ, приспособленными къ Россійской военной Медицинѣ.
ПЕРЕВЕДЕНО
Мартыномъ Брунеромъ.
Надворнымъ Совѣтникомъ Штабъ-Лѣкаремъ и Общества Соревнованія Физико-Медицинскаго при Московскомъ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ, Членомъ.
Второе вновь исправленное изданіе.

МОСКВА.
Въ Типографіи Рѣшетникова.
1817 года.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ
ТЕРАПІИ,
въ пользу
ПРАКТИЧЕСКИХЪ ВРАЧЕЙ
изданныя
Г. В. КОНСБРУХОМЪ.
Королевско-Прусск. Надв. Совѣтникомъ, Практическимъ Врачемъ въ Билефельдѣ, что въ Вестфаліи, Майнцкой Академіи Наукъ, Сиденгамова и Регенсбургскаго Ботаническихъ обществъ Членомъ.

Переводъ съ Нѣмецкаго.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Корысти славы — не ищу,
Но лишь полезнымъ быть хочу.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Медицинской типографіи.
1819.

Книги, которыми был награжден А. Д. Бланк за хорошую учебу на 2-м курсе Медико-хирургической академии

Фотокопия дела по обвинению помещика Платона Дейнатовича в нанесении побоев беременной женщине Прасковии Алексеевой, крепостной крестьянки помещика Евгения Каховского

Английская набережная. Литография А. Руднева, 1867 г. Дом баронета Я. В. Виллие – угловой справа (ныне № 74). В этом доме семья Бланков жила в 1833–1836 гг.
Здесь родилась М. А. Бланк, мать В. И. Ульянова (Н. Ленина)

Больница Св. Марии Магдалины
(1-я линия Васильевского острова, 58)

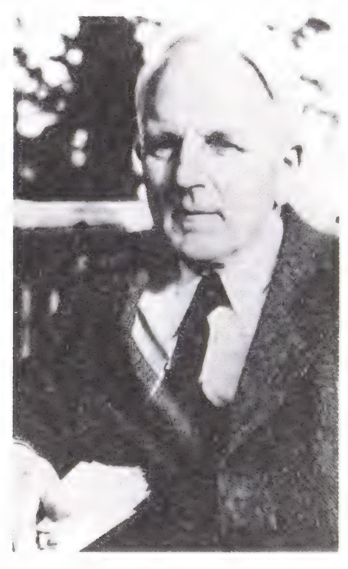
Дом 1/41 по 18-й линии Васильевского острова, которым владела семья Гроссшопфов с 1808 по 1879 гг.

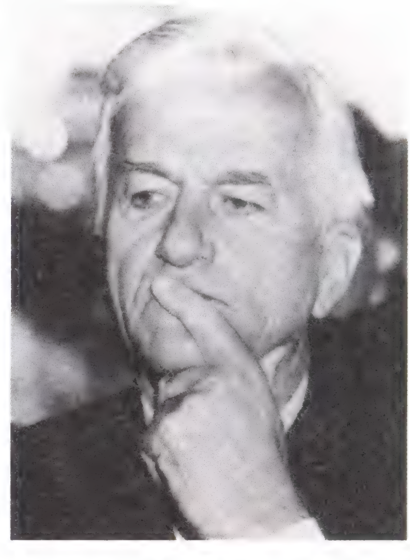
Художник Рейнгольд Лепсиус

Эрнст Курциус

Дипломат Эрнст Генрих фон Вайцзеккер

Рихард Карл фон Вайцзеккер, первый президент объединенной Германии

Фельдмаршал Вальтер Модель

Генерал Хассо фон Мантейфель

Профессор Виктор Фридрих фон Вайцзеккер

Виктор Фридрих фон Вайцзеккер и Олимпия Курциус

Иоанн Кронштадтский (И. И. Сергиев), протоирей Андреевского собора в Кронштадте

Дом Ульяновых в 1-й части 1-го квартала, № 227 (Казачья (ныне Степана Разина), 9) в Астрахани. Владельцы жили на 1-м этаже. 1830-е гг.

Илья Николаевич Ульянов.
Пенза, 1860-е гг.

Мария Александровна Бланк.
Пенза, 1863 г.

Александр Ульянов.
Петербург, 1887 г.

Анна Ульянова.
Петербург, 1880-е гг.

Владимир Ульянов
(пока еще не Н. Ленин).
Москва, 1900 г.

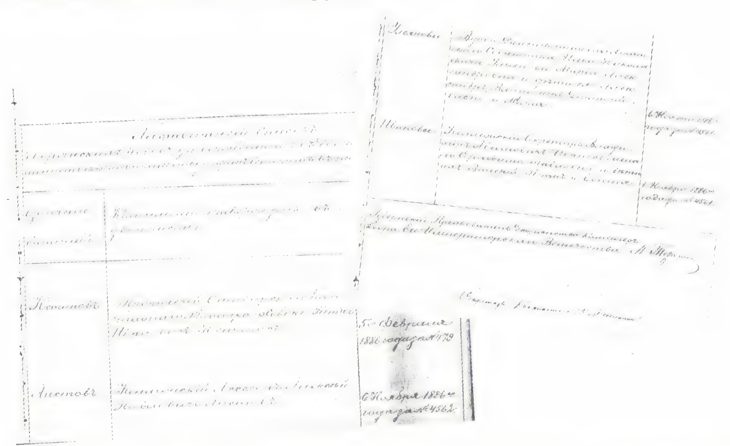

Дмитрий и Мария Ульяновы, М. Т. Елизаров

Надежда Константиновна Крупская

5го Февраля 1886 года за № 479

6 Ноября 1886 года за № 4562

Страницы «Алфавитного списка дворянских родов Симбирской губернии», утвержденных в дворянском достоинстве правительствующим Сенатом в течение 1886 г.

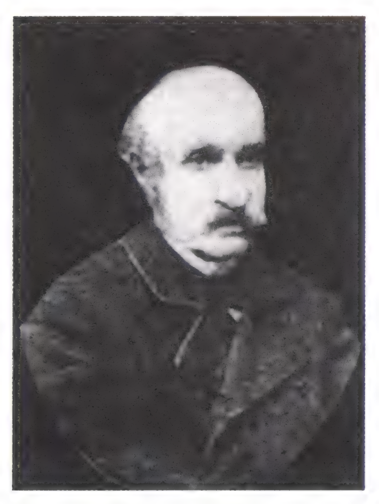
Профессор Н. В. Первушин, правнук А. Д. Бланка, руководитель группы переводчиков ООН

Инесса – Елизавета Федоровна Арманд, 1890-е гг.

Портрет Алексея Никифоровича Ленина с калмыком (Русский музей, Санкт-Петербург)

Николай Егорович Ленин
(1827–1902)

Сергей Николаевич Ленин

Николай Николаевич Ленин

Инна Васильевна Ленина (Филиппова)

Ольга Николаевна Ленина

Кадет Морского корпуса Анатолий Ленин. Фото начала 1890-х гг.

Леонид Александрович Ленин с дочкой Тамарой

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ

СТАТИКИ.

сочиненіе

Л. Пуансо,

[illegible]

СОЧИНЕНІЕ ПРИНЯТОЕ ДЛЯ ПУБЛИЧНАГО ПРЕПОДАВАНІЯ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

РАЗСМОТРѢННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОПОЛНЕННОЕ.

Переводъ съ Французскаго

М. ЛЕНИНЪ,

[illegible]

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.
1831.

Титульный лист книги, переведенной Михаилом Лениным

Директор Государственного архива Житомирской области Д. В. Шмин и ст. научный сотрудник архива Е. З. Шехтман

Но вернемся к делу А. И. Ульяновой. После того, как в декабре 1888 г. М. А. Ульянова купила в Богдановской волости Самарского уезда Самарской губернии у К. М. Сибирякова, золотопромышленника, создателя общин (коммун) в Саратовской губернии, народника по убеждениям, за 7500 руб. хутор Алакаевку с $83^1/_2$ десятинами (91,015 га) пахотной земли, выгоном, деревянным одноэтажным домом и мельницей, вся семья Ульяновых, включая А. И. Ульянову, переехала 4 (16) мая 1889 г. туда жить постоянно[297]. Согласие министра внутренних дел на переезд А. И. Ульяновой из Кокушкино в Алакаевку было получено достаточно быстро. 28 февраля (12 марта) 1889 г. М. А. Ульянова подала ходатайство, в котором просила разрешить ее дочери Анне ввиду расстроенного здоровья провести лето с семьей в Алакаевке, где она сможет лечиться кумысом. Уже 11 (23) марта просьба М. А. Ульяновой была удовлетворена.

Вскоре после переезда в Алакаевку, в соответствии с законом, как лицо, находящееся под гласным надзором полиции, А. И. Ульянова 23 июля (4 августа) 1889 г. подала через исправника уездной полицейской управы И. Д. Попова ходатайство на имя Самарского губернатора А. Д. Свербеева о разрешении ей выйти замуж за Марка Тимофеевича Елизарова (22 марта (3 апреля) 1863 – 10 марта 1919). Ответ был оперативным и положительным. 28 июля (9августа) 1998 г. в церкви села Тростянка состоялось венчание[298].

Но в сентябре наступили неприятности. Активность проявила уездная полицейская управа. И это несмотря на то, что ей было известно о письме М. Т. Елизарова министру внутренних дел И. Н. Дурново с просьбой разрешить А. И. Ульяновой проживать вместе с ним в Самаре и снять с нее гласный надзор. 20 сентября (2 октября) 1889 г. самарский губернатор А. Д. Сарбеев поставил в известность самарского полицмейстера А. Г. Праведникова о том, что А. И. Елизаровой разрешается проживать в Самаре под гласным надзором полиции. Таковы реальные факты о ссылке А. И. Ульяновой.

Дальнейшая ее судьба хорошо известна. Она была верной помощницей В. И. Ульянова, занималась журналистской деятельностью. В годы Советской власти писала воспоминания о братьях, издавала и редактировала книги, воспоминания и статьи, посвященные им.

Глава IX

УХОД ИЗ ЖИЗНИ. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ В. И. УЛЬЯНОВА

1. Полемика о причинах болезни В. И. Ульянова

Причиной, по которой в настоящей главе рассматриваются вопросы, связанные с болезнью и смертью В. И. Ульянова, является то, что данная тема мало исследована. Огромное количество книг и статей, вышедших в советское время, посвящено в основном жизни и деятельности В. И. Ульянова. Тема болезни и смерти В. И. Ульянова была практически закрыта для исследователей.

Со дня смерти В. И. Ульянова прошло более восьмидесяти лет. За это время были опубликованы результаты (далеко не все) медицинских исследований как во время болезни, так и в ходе патологоанатомического вскрытия и исследований головного мозга. В советской и российской прессе периодически печатались воспоминания врачей, лечивших В. И. Ульянова. Воспоминания же иностранных специалистов, привлекавшихся для лечения, в нашей печати не издавались, но их можно было прочитать как на языке оригинала, так и в русскоязычных изданиях за рубежом.

Болезнь подкрадывалась незаметно и обрушилась внезапно не только для самого В. И. Ульянова и его близких, но и для врачей. Долгое время ничего, кроме сильного переутомления, они не находили. Сомнений не было в том, что перегрузки, вызывавшие недомогание, головные боли, нервозность, были чрезмерными.

В конце марта 1922 г. в Москву для консультаций были приглашены известный немецкий терапевт Георг Клемперер и бреславский невролог профессор Огрид Ферстер. Они установили небольшую неврастению вследствие переутомления. При этом Г. Клемперер высказал предположение, что недомогание В. И. Ульянова связано с токсическим воздействием на его здоровье свинцовых пуль, оставшихся в организме после покушения 30 августа 1918 г. 23 апреля 1922 г. специально приглашенный немецкий хирург Юлиус Борхарт в Солдатенковской (Боткинской) больнице при ассистировании В. Н. Розанова, в присутствии главного врача больницы В. И. Соколова, наркома здравоохранения Н. А. Семашко, докторов Е. Д. Рамонова и Я. Р. Гольденберга успешно удалил одну пулю[1].

Но через месяц болезнь наносит первый удар. 25 мая 1922 г. во время отдыха в Горках у В. И. Ульянова внезапно начался первый острый приступ болезни. В результате этого приступа наступило ограничение в движениях правой руки и ноги, а также произошло расстройство речи. Болезнь продолжалась четыре месяца. В течение всего этого времени О. Ферстер, срочно вызван-

ный из Германии, возглавлял группу врачей, лечивших В. И. Ульянова. С июня 1922 г., с небольшими перерывами, О. Ферстер был главным лечащим врачом В. И. Ульянова до его смерти.

13 декабря 1922 г. легкий приступ болезни повторяется, а в ночь с 15 на 16 декабря 1922 г. наступает резкое ухудшение состояния здоровья. Великолепно понимая, что нарушение и потеря речи может произойти в любую минуту, В. И. Ульянов буквально в ультимативной форме добивается права диктовать материалы, которые, по его мнению, должны помочь партии решить ряд насущных проблем в ходе строительства социализма, а также обратить внимание на некоторые кадровые вопросы, в частности, на необходимость смещения И. В. Сталина с поста Генерального секретаря ЦК РКП(б) в связи с негативными чертами характера. Сегодня мы знаем «Политическое завещание», продиктованное в те дни В. И. Ульяновым.

10 марта 1923 г. новый приступ болезни вызывает паралич всей правой половины тела и полную потерю речи.

11 марта 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение о расширении состава консилиума и о привлечении лучших врачей всех специальностей, включая и зарубежных (Германия, Швеция), которые смогут помочь уточнить диагноз и определить пути лечения.

А пока выдвигаются разные причины болезни. Об этом, спустя 33 года, в письме Б. И. Николаевского Н. В. Валентинову от 17 августа 1956 г. говорится следующее: «Идею сифилиса у Ленина Политбюро совсем не отбрасывало. Рыков мне в июне 1923 г. рассказывал, что они приняли все меры для проверки, брали жидкость у него из спинного мозга – там спирохет не оказалось, но врачи не считали это абсолютной гарантией от возможности наследственного сифилиса; отправили целую экспедицию на родину (Астрахань. – *М. Ш.*), поиски дедов и т. д. Если бы ты знал, какую грязь там раскопали, – говорил Рыков, – но по вопросу о сифилисе ничего определенного...»[2]

Пройдет несколько десятков лет, и эмигрировавшая в Израиль вдова одного из виднейших советских дипломатов А. А. Иоффе М. Иоффе вспомнит беседу своего мужа с одним из лечивших В. И. Ульянова в 1922–1923 гг. врачей Л. Г. Левиным. В ходе беседы Л. Г. Левин рассказал, что В. И. Ульянов «страдал наследственным сифилисом, доставшимся ему через поколение – от бабушки калмычки»[3].

28 апреля 1976 г. Ф. И. Чуев в беседе с В. М. Молотовым также затронул вопрос о сифилисе В. И. Ульянова. Отвечая ему, В. М. Молотов, человек хорошо осведомленный, но осторожный, сказал: «Я думаю, что это наследственный»[4]. В. М. Молотов, к сожалению, не добавил, что никто из членов семьи Ульяновых ни врожденным, ни приобретенным сифилисом не болел. Проведенные специальные анализы этот диагноз также не подтвердили, что также опровергает диагноз, поставленный Л. Г. Левиным.

Вероятно, более точен правнук А. Д. Бланка и двоюродный племянник В. И. Ульянова профессор Н. В. Первушин. В своей статье «Кто был Александр Бланк?», опубликованной перед статьей В. Флерова «Болезнь и смерть Ленина» в том же номере журнала «Грани», он ссылается на циркулировавшие в эмигрантских кругах слухи и сообщает, что комиссия, работавшая в Астрахани, опрашивала «старожилов, помнивших астраханских проституток и завсегдатаев разных злачных мест». «Вероятно, – добавляет Первушин, – именно к этим "материалам" и относилось замечание Рыкова»[5]. Мнения В. М. Молотова Н. В. Первушин не знал.

Трудно не согласиться с профессором Н. В. Первушиным, поставившим слово «материалы» в кавычки. Комиссия опрашивала людей, которые не могли знать А. А., Н. В. и И. Н. Ульяновых, ибо те давно умерли: в 1871, 1836 и 1886 гг. При этом необходимо отметить, что И. Н. Ульянов последний раз приезжал в Астрахань повидать родственников в 1853 г. Данные факты комиссию и Политбюро ЦК РКП(б) не интересовали. Более важным для них был вопрос: истоки заболевания. Именно поэтому «идея сифилиса», приобретенного или полученного по наследству, «витала в воздухе». И не случайно. В наше время, когда врачи затрудняются поставить диагноз, они подозревают рак, в 1920-е гг. подозревали сифилис. Академик Российской академии медицинских наук Ю. М. Лопухин пишет по этому поводу: «Для врачей России, воспитанных на трудах С. П. Боткина, который говорил, что "в каждом из нас есть немного татарина и сифилиса" и что в сложных и непонятных случаях болезней следует непременно исключать специфическую (т. е. сифилитическую) этиологию заболевания, такая версия была вполне естественна. Тем более, что в России сифилис в конце прошлого – начале текущего века в разных формах, включая наследственную и бытовую, был широко распространен»[6].

Консультантом Лечсанупра Кремля был заведующий хирургическим отделением Солдатенковской (Боткинской) больницы В. Н. Розанов, к которому с большим уважением и доверием относился В. И. Ульянов. Именно к нему 25 мая 1922 г. обратилась М. И. Ульянова с просьбой принять участие в осмотре больного вместе с Ф. А. Гетье, Л. Г. Левиным, Н. А. Семашко, Д. И. Ульяновым. Вспоминая этот визит, Розанов писал впоследствии: «Итак, в этот день грозный призрак тяжкой болезни впервые выявился, впервые смерть определенно погрозила своим пальцем. Все это, конечно, поняли: близкие почувствовали, а мы, врачи, осознали. Одно дело разобраться в точной диагностике, поставить топическую диагностику, определить природу, причину страдания, другое дело – сразу схватить, что дело грозное, и вряд ли одолимое – это всегда тяжело врачу. Я не невропатолог, но опыт в мозговой хирургии большой; невольно мысль заработала в определенном, хирургическом направлении, все-

таки порой наиболее верном при терапии некоторых мозговых страданий. Но какие диагностики я ни прикидывал, хирургии не было места для вмешательства, а это было грустно, не потому, конечно, что я хирург, а от того, что я знал: борьба у невропатологов будет успешна только в том случае, если имеется специфическое заболевание. Рассчитывать же на это не было никаких оснований. У меня давнишняя привычка спрашивать каждого больного про то, были ли у него какие-либо специфические заболевания или нет. Леча Влад.[имира] Ил.[ьича], я, конечно, его тоже об этом спрашивал. Влад.[имир] Ил.[ьич] всегда относился ко мне с полным доверием, тем более, у него не могло быть мысли, что я нарушу это доверие. Болезнь могла длиться недели, дни, годы, но грядущее рисовалось далеко не радостное. Конечно, могло быть что-либо наследственное, или перенесенное незаметно, но это было мало вероятно»[7].

В. Н. Розанов пытался найти следы «специфического заболевания» (сифилиса), что давало бы надежду на успех лечения, но ему это не удалось, о чем он пишет с сожалением.

Об этой же болезни, судя по мемуарам, спрашивал В. И. Ульянова и офтальмолог М. И. Авербах. Выступая на собрании в городской больнице им. Г. Гельмгольца, он, в частности, говорил: «...в первый раз встретился я с Владимиром Ильичем 1 апреля 1922 года. Это было еще в первом периоде его роковой болезни, когда он еще работал, выступал, но жаловался на головные боли, плохой сон, быструю утомляемость и невозможность работать так, как хочется, и столько, сколько нужно...

В этот, как и в другие разы, я приглашался для исследования глаз Владимира Ильича не по его инициативе (своими глазами он был вполне доволен), а по указаниям лечивших врачей, которые ожидали от моего исследования одного из двух результатов: либо в глазах случайно окажутся изменения, которые могут давать какой-либо повод для головных болей, либо глаза, являющиеся, так сказать, окошечком, чрез которое до известной степени можно заглянуть в мозг, дадут какой-нибудь ключ для объяснения мозгового процесса, бывшего в начале у Владимира Ильича еще совершенно таинственным.

...С точки зрения неврологии, глаза были совершенно нормальны и не давали никакого ключа для разгадки мозгового процесса, как и сами не служили основанием для головных болей и других нервных расстройств»[8].

Вероятно, с такой же целью был вызван к В. И. Ульянову консультант Лечсанупра Кремля отоларинголог Л. И. Свержевский. Здесь речь могла идти об изменениях в миндалинах, носовой части полости и т. п. Но никаких изменений, которые могли заинтересовать невролога, также не было обнаружено.

Продолжая делиться со слушателями воспоминаниями, М. И. Авербах говорил: «К характеристике Владимира Ильича добавлю еще одну чрезвычайно красивую черту. Врачу трудно

обойтись без разных мелких житейских вопросов чисто личного характера. И вот этот человек огромного, живого ума, при таких вопросах обнаруживал какую-то чисто детскую наивность, страшную застенчивость и своеобразную неориентированность»[9].

Последняя фраза, на мой взгляд, еще раз свидетельствует, что приобретенного сифилиса у В. И. Ульянова не было. Что же касается наследственного сифилиса, то ответ на этот вопрос мог дать только анализ крови и пункция спинного мозга. Но о результатах этих анализов чуть ниже. По мнению специалистов, признаком позднего врожденного сифилиса, который проявляется через несколько лет после рождения ребенка (вариант, что В. И. Ульянов родился с явными признаками сифилиса, полностью отпадает), являются деформированные зубы – полулунные выемки верхних резцов. Однако зубной врач, лечивший В. И. Ульянова с 1918 г., В. С. Юделевич, которого также привлекли к определению диагноза, говорил 18 февраля 1924 г. на вечере памяти В. И. Ульянова в Московском одонтологическом обществе: «...Если, в частности, говорить о зубах Владимира Ильича, то его зубы, крепкие по конструкции, желтого цвета... в общем правильные по форме, расположению и смыканию. Верхние резцы – широкие (ширина режущего края почти равна длине коронки зуба) с сильно развитым режущим краем, загнутым (к небу), – и зубы его, без сомнения, прекрасно гармонировали с общим впечатлением прямоты, твердости и силы характера»[10].

Итак, врачи-специалисты каких-либо изменений в организме В. И. Ульянова по своему профилю не находят. Но это не успокаивает отечественных неврологов и невропатологов.

Тем временем в Москву прибывают крупнейшие медицинские светила, которых рекомендовал О. Ферстер. Первым приехал уже знакомый нам Г. Клемперер. Вслед за ним – известный терапевт, невролог, невропатолог, специалист по сифилису нервной системы А. фон Штрюмпелль (который возглавил на консилиуме группу иностранных врачей); невропатолог, специалист по сифилису головного мозга М. Нонне, невропатолог и психиатр О. Бумке, терапевт О. Минковский. Из Швеции прибыли специалист по локализации нервных центров в мозгу, в частности центров, поражение которых вызывает афазию, то есть потерю речи, невропатолог С. Хеншен и его сын невропатолог Ф. Хеншен.

Лечением В. И. Ульянова в этот период, помимо упомянутых выше отечественных врачей, занимались терапевты Л. Г. Левин и В. А. Обух, невропатологи А. М. Кожевников, В. В. Крамер и М. Б. Кроль и психиатр, специалист в области лечения прогрессивного паралича и других сифилитических заболеваний нервной системы В. П. Осипов.

Видимо, до проведения консилиума врачей, в порядке подготовки к нему, В. И. Ульянову был сделан анализ крови на ре-

акцию Вассермана и взята пункция спинного мозга. Результаты исследования показали, что ни приобретенного, ни врожденного сифилиса у него нет.

В пятницу, 23 марта 1923 г., в газете «Известия» был опубликован очередной «Бюллетень о состоянии здоровья В. И. Ульянова-Ленина». В нем говорилось: «21 марта 1923 года, в 2 часа дня, состоялась консультация с прибывшими из-за границы профессорами, причем после подробного обсуждения истории болезни и всестороннего обследования Владимира Ильича все нижеподписавшиеся пришли к следующему единогласному заключению:

Болезнь Владимира Ильича, поведшая к расстройству речи и ослаблению правой руки и правой ноги, имеет в своей основе заболевание соответственных кровеносных сосудов. Признавая правильным применявшееся до сих пор лечение, консилиум находит, что болезнь эта, судя по течению и данным объективного обследования, принадлежит к числу тех, при которых возможно почти полное восстановление здоровья. В настоящее время проявление болезни постепенно уменьшается. Однако процесс этот имеет неизбежно длительное течение. Ввиду этого бюллетени будут издаваться с сего числа только по мере надобности. Москва 22 марта 1923 г. 2 часа дня.

Проф. Хеншен, проф. Ад. Штрюмпелль, проф. Минковский, проф. Нонне, проф. Ферстер, проф. Бумке, проф. Крамер, д-р А. Кожевников. Наркомздрав Н. Семашко».

Итак, диагноз был поставлен. Но спустя пятьдесят лет после смерти В. И. Ульянова на страницах газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг» вновь возникла дискуссия на эту тему. 5 апреля 1974 г. газета опубликовала записи А. Штрюмпелля, носившие тезисный, отрывочный характер и посвященные консилиуму врачей 21 марта 1923 г. Эти записи сохранились у дочерей А. Штрюмпелля – докторов Регины фон Штрюмпелль и Анны Клафен. Вот лишь один фрагмент: «После обеда дома врачебная конференция. Постановка диагноза: эндатериитие люстика (сифилитическое воспаление сосудов. – *М. Ш.*) с вторичными очагами размягчения вероятнее всего. Но люес (сифилис. – *М. Ш.*) не несомненен. (Вассерман в крови и спиномозговой жидкости негативный. Спинномозговая жидкость нормальна.) Лечение, если вообще возможно, должно быть специфическим»[11]. С диагнозом, высказанным А. Штрюпеллем, не согласился С. Хеншен. По его мнению, В. И. Ульянов страдал атеросклерозом мозга. Об этом С. Хеншен рассказал 26 февраля 1924 г., выступая перед членами Шведского врачебного общества[12]. Его позицию подтвердил читателям газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг» в письме от 13 мая 1974 г. профессор Ф. Хеншен. «Поскольку я, вероятно, единственный оставшийся в живых из врачей, собравшихся в марте 1923 года у постели больного Ленина в Москве, мне хочется обратить внимание на некоторые факты,

обойденные, неправильно интерпретированные или недооцененные в письмах, поступивших в редакцию, – пишет Ф. Хеншен. – Я исхожу из моих собственных заметок и воспоминаний того времени, а также из подобного доклада моего отца, прочитанного в Шведском врачебном обществе 26 февраля 1924 года... когда мой отец вместе со своим другом, знаменитым интернистом (специалистом по внутренним болезням. – *М. Ш.*) и неврологом, профессором А. Штрюмпеллем исследовали Ленина. Последний лежал в кровати, но был в полном сознании и производил впечатление человека с вполне сохранившимся интеллектом. Он понимал все обращенные к нему вопросы, но из-за афазии мог отвечать только отдельными русскими или немецкими словами... Ко времени второго визита через несколько дней положение больного резко ухудшилось. Он лежал совершенно апатично и не реагировал на вопросы, что очень обеспокоило врачей...

Так прошло четыре дня при постоянных врачебных визитах и консультациях. На четвертый день состоялась встреча лечащих врачей с несколькими народными комиссарами (членами Политбюро ЦК РКП(б) – *М. Ш.*), в том числе Семашко, под председательством Троцкого. Встреча произошла в простой комнате в Кремле, недалеко от квартиры Ленина. Моему отцу очень понравилась сила и ясность, с которой Троцкий ставил вопросы и делал выводы.

Сначала выступил Штрюмпелль как представитель немецких врачей. Мой отец высказал несколько иное мнение. По поводу глубокой сущности болезни, сказал он, я думаю иначе и утверждаю, что причина ее простого не специфического характера (имеется в виду сифилис. – *М. Ш.*), так как реакция Вассермана была негативной... что касается лечения, то все врачи были одного мнения. Прогноз на будущее был плохой...»[13]

Через три месяца, в конце апреля 1923 г., у постели больного собираются О. Ферстер, М. Нонне, О. Бумке, В. А. Обух, В. В. Крамер, А. М. Кожевников, Ф. А. Гетье и П. И. Елистратов[14].

Об этом консилиуме нет даже упоминания в «Биохронике». Можно предположить, что именно на нем было решено пригласить В. М. Бехтерева осмотреть больного.

В. М. Бехтерев осматривает В. И. Ульянова 4 и 5 мая. 5 мая проводится новый консилиум, в котором участвуют М. Нонне, В. М. Бехтерев, В. П. Осипов, В. В. Крамер, А. М. Кожевников, Ф. А. Гетье, П. И. Елистратов, В. А. Обух и Z[15]. Общее состояние В. И. Ульянова удовлетворительное, и ему разрешают находиться на веранде кремлевской квартиры. 15 мая он переезжает в сопровождении ряда врачей в Горки. Здесь 17 мая 1923 г. проходит консультация лечащих его врачей О. Ферстера, М. Нонне и Z[16]. Можно предположить, что состояние здоровья В. И. Ульянова в этот период не внушало опасений. Он, под руководством Н. К. Крупской и врача-логопеда С. М. Доброгаева, ежедневно

с 19 мая по 24 июня в течение 15–30 минут в день делает упражнения для восстановления речи. Но, будучи недовольным тем, что на это отведено мало времени, выполняет упражнения самостоятельно[17]. Однако занятия приходится прервать, так как, вероятно, с 23 июня состояние вновь ухудшилось[18]. И именно в это время, 6 и 7 июля 1923 г., ЦИК СССР и ВЦИК по рекомендации Политбюро ЦК РКП(б) избирают В. И. Ульянова Председателем Совнаркомов СССР и РСФСР. 17 июля 1923 г., также по рекомендации Политбюро ЦК РКП(б), Совнарком СССР назначает В. И. Ульянова Председателем Совета труда и обороны[19]. Так впервые в истории Советского государства во главе его оказался абсолютно больной человек.

Во второй половине июля состояние здоровья В. И. Ульянова улучшается, и он с начала августа 1923 г. и до 20 января 1924 г. работает в библиотечной комнате[20]. В этот промежуток, 28 ноября 1923 г., у постели больного вновь собираются В. М. Бехтерев, О. Ферстер, В. П. Осипов, В. В. Крамер, Ф. А. Гетье, В. А. Обух[21]. Трудно сказать, к каким выводам пришли врачи. Но не позднее 4 января 1924 г. Н. К. Крупская в письме А. М. Калмыковой, которая была знакома с ней и с В. И. Ульяновым еще со времен Смоленской вечерней школы для рабочих и неоднократно оказывала партии материальную помощь, сообщает, что больной «почти совершенно поправился, физически чувствует себя неплохо, внимательно следит за газетами и вновь выходящей литературой, нашей и белогвардейской, но работать еще не может»[22].

Видимо, удовлетворительное состояние В. И. Ульянова было подтверждено и последним консилиумом, который состоялся 15 января 1924 г. В нем приняли участие О. Ферстер, В. П. Осипов, В. В. Крамер, Ф. А. Гетье, В. А. Обух и Д. В. Фельдберг[23]. С разрешения врачей В. И. Ульянов с 17 по 20 января 1924 г. знакомится с опубликованным в «Правде» отчетом о ходе XIII конференции РКП(б) и ее резолюциями, которые читает ему Н. К. Крупская[24]. Он внимательно слушает, задает вопросы и начинает волноваться. Чтобы успокоить его, Крупская говорит, что резолюции приняты единогласно[25].

В. И. Ульянов великолепно понимал, что в партии идет жестокая борьба за лидерство и в этой борьбе партия может расколоться, о чем предупреждал в своем «Письме к съезду»[26]. В этой борьбе он был на стороне Л. Д. Троцкого, что косвенно подтверждает письмо Н. К. Крупской Троцкому, написанное через несколько дней после смерти В. И. Ульянова. «Дорогой Лев Давидович, – писала Крупская. – Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам.

И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у Владимира Ильича к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю Вам, Лев Давидович, сил и здоровья и крепко обнимаю. Н. Крупская»[27].

Давая пояснения к этому письму, Л. Д. Троцкий пишет: «В книжке, которую Владимир Ильич просматривал[28] за месяц до смерти, я сопоставлял Ленина с Марксом. Я слишком хорошо знал отношение Ленина к Марксу, полное благодарной любви ученика и – пафоса дистанции. Отношение учителя к ученику стало ходом истории отношением теоретического предтечи к первому свершителю. Я нарушал в своей статье традиционный пафос дистанции. Маркс и Ленин, исторически столь тесно связанные и в то же время столь разные, были для меня двумя предельными вершинами духовного могущества человека. И мне было отрадно, что Ленин, незадолго до кончины, со вниманием и, может быть, с волнением читал мои строки о нем, ибо масштаб Маркса был и в его глазах самым титаническим масштабом для измерения человеческой личности»[29].

Но вернемся к влиянию резолюций партконференции на В. И. Ульянова. Оно было ужасным. 21 января 1924 г. в 6 часов вечера у В. И. Ульянова начался сильнейший приступ, окончившийся смертью в 6 часов 50 минут вечера «вследствие паралича дыхания при явлениях гипертермии (перегревание тела) до 42,3°. Смертельный исход был установлен присутствовавшими во время припадка и оказывавшими больному помощь профессорами Ферстером, Осиповым и доктором Елистратовым»[30].

2. Диагноз – атеросклероз

22 января 1924 г. с 11 часов 10 минут утра до 3 часов 50 минут дня патологоанатом профессор А. И. Абрикосов в присутствии профессоров О. Ферстера, В. П. Осипова, А. А. Дешина, Б. С. Вейсброда, В. В. Бунака, докторов Ф. А. Гетье, П. И. Елистратова, В. Н. Розанова, В. А. Обуха и народного комиссара здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко произвел патологоанатомическое вскрытие тела В. И. Ульянова[31]. В подписанном 22 января 1924 г. акте вскрытия сказано, что «основой болезни умершего является распространенный артериосклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания»[32].

К этому акту Н. А. Семашко приложил пояснение, в котором указывает, что все разъяснения на отсутствие сифилиса врачи считают необходимым дать в протоколе проводящегося микроскопического исследования[33]. Такое исследование было проведено и составлено следующее краткое заключение, подписанное профессорами В. П. Осиповым, Д. В. Фельдбергом, О. Ферстером, В. В. Крамером и докторами А. М. Кожевниковым и Ф. П. Гетье: «Ввиду циркулировавших слухов в России и за гра-

ницей о специфическом характере заболевания покойного В. И. Ульянова (Ленина) врачи, пользовавшие покойного, заявляют, что никаких указаний на lues нет ни в его анамнезе, ни в результатах исследования крови и черепно-мозговой жидкости, ни в данных произведенного вскрытия тела»[34].

Одновременно эти же врачи подписали и более подробный документ. Он гласил: «Все врачи, исследовавшие Владимира Ильича во время его болезни, предполагали, что основой его заболевания является поражение сосудов головного мозга. Никаких положительных указаний на специфическую природу заболевания не было ни со стороны анамнестических данных, ни со стороны исследования крови и черепно-мозговой жидкости. Однако при каждом органическом поражении мозга эту возможность необходимо иметь в виду, а в данном случае на эту мысль наводили некоторые особенности клинического течения, как значительные колебания в состоянии больного, явления коркового раздражения и паралитические явления, от которых больной легко оправлялся, также сильные головные боли. Поэтому было применено уже в начале болезни лечение аргенобензолом, после которого наступило весьма значительное улучшение. Вторая попытка в марте 1923 г. применить ртутное лечение и Bismugenal не удалась, так как у Владимира Ильича обнаружилась идиосикразия на ртуть. В дальнейшем попыток уже не делалось, как вследствие противопоказаний по состоянию больного, так и вследствие того, что картина болезни настолько выяснилась, что полезность специфической терапии была исключена. Данные вскрытия подтвердили артериосклеротическую основу болезни»[35].

24 января 1924 г. врачи, лечившие В. И. Ульянова и производившие вскрытие, сделали для печати сообщение, которое было опубликовано на следующий день. В нем, в частности, говорилось: «Мозг Ленина, как следовало ожидать, под влиянием тяжелого недуга претерпел значительные изменения, в сильной степени повлиявшие на внешний вид мозга и уменьшившие его вес, возможно, на несколько сот граммов. Тем не менее и в настоящем виде мозг Ленина весит 1340 граммов; извилины мозга в тех случаях, где они сохранились, выражены очень хорошо, как это обычно соответствует индивидууму с крупным интеллектом.

Изучением строения мозга Ленина тщательно займутся крупнейшие специалисты медицины. В ближайшее время под их руководством будут изданы все материалы о болезни и все данные вскрытия покойного»[36].

Материалы о болезни и вскрытии, однако, опубликованы не были (они увидели свет только в 1992 г.), и это подпитывало разговоры о том, что причиной смерти В. И. Ульянова был сифилис. Так, А. Г. Авторханов, уже в 30-е гг. оказавшийся в сталинской тюрьме, слышал, как один из заключенных утверждал, что «Ленин был хронический сифилитик»[37].

«Подлили масла в огонь» и журналисты «Огонька» (редактор М. Е. Кольцов). Правда, не умышленно, а второпях. Когда номер уже был в печати, они, узнав печальную новость, заменили «обложку и часть номера фотоматериалом, относящимся к кончине В. И. Ленина, полученным в последнюю минуту»[38]. Но при этом не все учли. Дело в том, что в 1924 г. в «Огоньке» в № 1–13 печаталась реклама Центральной лечебницы врачей-специалистов. Среди рекламируемых отделений были кожное, венерологическое и мочеполовое. Рядом с этим объявлением или под ним помещалась реклама венерологического кабинета доктора Вайнштейна на Малой Дмитровке, д. 8, кв. 20 – прием мужчин и женщин «по сифилису, венерическим, мочеполовым болезням во всякое время».

В траурном номере журнала указанная реклама была помещена в правом верхнем углу второй страницы обложки. А на первой странице журнала разместили две фотографии. Текст под верхней гласил: «Начало траурного шествия. Впереди (слева) т. Лашевич, А. И. Рыков, М. И. Калинин, Н. И. Бухарин, т. Беленький, Э. М. Склянский». Глядя на вторую страницу обложки и эту фотографию, не лишенный юмора человек мог сказать, что процессия идет от рекламируемых медицинских учреждений.

Под нижней фотографией была подпись: «Траурное шествие проходит по Кузнецкой улице (Замоскворечье). Впереди т. Лашевич и Н. И. Муралов». Здесь же можно было, наоборот, предположить, что процессия направляется в упомянутые заведения.

К тому же с седьмой страницы не был убран материал под названием «Изучение сифилиса на животных» с двумя фотографиями: «1) 2 гуммы (опухоли) кожные в области крестца (симметрия); 2) громадные сифилитические опухоли (гуммы) на морде у кролика». Так что было о чем поразмышлять, читая этот номер «Огонька».

Чтобы прекратились разговоры о сифилисе, Н. А. Семашко официально заявил: «Основой болезни В. И. считали... артериосклероз. Вскрытие подтвердило, что это была основная причина болезни и смерти В.И. ... Этим констатированием протокол кладет конец всем предположениям (да и болтовне), которые делались при жизни Владимира Ильича и у нас и за границей относительно характера заболевания»[39].

К высказываниям Н. А. Семашко присоединился Г. Е. Зиновьев. Выступая 7 февраля 1924 г. на заседании Ленинградского совета рабочих и крестьянских депутатов, он заявил: «Вы знаете, товарищи, гнуснейшие легенды, которые наши враги пытались пустить в ход, чтобы “объяснить” причину болезни Ильича. Лучшие представители науки не оставили камня на камне от этих сплетен, лучшие светила науки сказали: этот человек сгорел, он свой мозг, свою кровь отдал рабочему классу без остатка»[40].

Был и еще один эпизод, связанный с распространением слухов о сифилисе у В. И. Ульянова. В 1923 г. один из лечивших его

врачей, профессор В. П. Осипов, опубликовал работу «Частное учение о душевных болезнях». В ней он рассматривал прогрессивный паралич в качестве позднего сифилитического психоза. Осипов был одним из крупнейших специалистов в области психиатрии, его заслуги в лечении прогрессивного паралича хорошо известны. Наводит на размышление другое.

14 марта 1924 г. В. П. Осипов выступил в Доме просвещения им. Г. В. Плеханова с лекцией «Болезнь и смерть Владимира Ильича Ульянова-Ленина (по личным воспоминаниям)»[41] . Картина болезни, как ее представлял докладчик, должна была подвести слушателей к мысли, что у него был прогрессивный паралич сифилитического происхождения (подробно описанный в недавно вышедшей книге Осипова)[42] . Понимал ли это Осипов? Безусловно. Но ведь оба цитированных выше документа о результатах микроскопического исследования, отрицающих сифилис, написаны его рукой! Очевидно, распространение слухов было кому-то выгодно. Кому же? Л. Д. Троцкий указывает на И. В. Сталина. В 1935 г. он писал: «уже при жизни Ленина Сталин вел через своих агентов слух, что Ленин умственный инвалид, не разбирается в положении и проч. ...»[43]

Версия о вине Сталина в распространении ложных слухов о болезни В. И. Ульянова подтверждается и тем, что эти слухи не пресекались им даже в аппарате ЦК партии. Достаточно вспомнить воспоминания секретаря Сталина Б. Бажанова. По поводу состояния здоровья Владимира Ильича он писал: «Врачи были правы: улучшение было кратковременным. Не леченный в свое время сифилис был в последней стадии...»[44]

Дополнительные сведения о причинах смерти В. И. Ульянова дают исследования О. и С. Фогтов. Супруги Фогт были специалистами в области архитектоники, анатомии и физиологии мозга. О. Фогт был основателем (в 1919 г.) и первым директором (до 1930 г.) берлинского Нейробиологического института, а затем до 1937 г. там же, в Берлине, возглавлял Институт имени кайзера Вильгельма по изучению мозга. Однако это не помешало О. и С. Фогтам приехать в Советский Союз по приглашению советского правительства (их рекомендовал известный невропатолог Л. С. Минор) для работы в созданной в 1925 г. по решению Политбюро ЦК РКП(б) Лаборатории по изучению мозга В. И. Ульянова, преобразованной в 1927 г., благодаря стараниям О. Фогта, в Институт мозга. Политически Фогтам советское правительство полностью доверяло. Еще бы! Один из руководителей Коммунистической партии Германии Клара Цеткин сказала об О. Фогте, что это «человек с мировым именем и коммунист по своим убеждениям»[45] .

Супруги Фогт подошли исключительно серьезно к возложенной на них задаче. Они понимали, что нельзя допустить ни малейшей ошибки. Ведь кора головного мозга, имея толщину в три миллиметра, состоит из семи различных слоев, которые как бы

лежат друг на друге. И каждый из этих слоев состоит из клеток различной формы и величины. Кроме того, в коре головного мозга имеется не менее двухсот участков и полей, каждый из которых отвечает за свой круг деятельности – движение того или иного органа тела, суждение о предметах, о жизненных явлениях, радость и горе, гениальные замыслы, послания и т. д. Размеры коры головного мозга зависят от количества извилин.

Сложность работы исследователя с корой головного мозга состоит в том, что она железобразна, и если ее не залить парафином, то она расползется под ножом. При этом температура не должна превышать 20,5° С, иначе при работе срезы начнут колоться.

В течение 1925, 1926 и первой половины 1927 гг. супруги Фогт сецировали мозг В. И. Ульянова и фиксировали его парафином. Во второй половине 1927 г. провели микроскопическое исследование 30 963 срезов мозга, каждый из которых был в одну двухсотую миллиметра.

Следует отметить, что мозг каждого человека имеет свое неповторимое строение. Не составлял исключение и мозг В. И. Ульянова. 12 ноября 1927 г., докладывая о своих исследованиях в узком кругу членов правительства, О. Фогт отмечал, что в третьем слое коры головного мозга В. И. Ульянова им и его женой были обнаружены необычайно большие пирамидальные клетки и в необыкновенно большом количестве, что говорит, по мнению Фогта, об особенной способности к ассоциации[46]. По выражению О. Фогта, В. И. Ульянов был «ассоциационным атлетом».

Добавим, что академик Ю. М. Лопухин уже в наше время, после ознакомления с результатами исследований мозга В. И. Ульянова, пишет о необычайном развитии клеток так называемого пятого слоя Беца, что является признаком гениальности. И далее: «по мнению сегодняшних исследователей, вполне возможно, что поразительные интеллектуальные способности В. И. Ленина были связаны с особыми свойствами его компенсаторно увеличенных нервных клеток». Это, по его словам, в немалой степени объясняет, что «даже в самые критические периоды болезни Ленин сохранял высочайший интеллект...»[47].

В заключение доклада О. Фогт сделал следующие выводы: «Общее строение мозговой коры в целом обладает в мозгу Ленина отличиями от мозга людей со средним уровнем и указывающих на принадлежность мозга Ленина к высшему типу строения. Одаренность Ленина отнюдь не была односторонней. Многогранность его гения подтвердилась и при микроскопических исследованиях его мозга»[48].

Касаясь причин смерти В. И. Ульянова, О. Фогт отметил сильнейший атеросклероз сосудов головного мозга. Ни о каких следах врожденного (а тем более приобретенного) сифилиса он не говорил. Следы атеросклероза головного мозга обнаружили и осмотревшие мозг В. И. Ульянова немецкие профессора-патологи Гервиг и Людвиг. Следов сифилиса они также не нашли[49].

3. Зарубежные врачи о причинах болезни и смерти В. И. Ульянова

В 1928 г. О. Фогт был снят с должности директора Института мозга, вместо него был назначен С. А. Саркисов. В 1930 г. Фогты навсегда покинули СССР.

Спустя шесть лет, после отъезда Фогтов, в мае 1936 г., председатель Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР В. П. Милютин, которому был подчинен Институт мозга, с гордостью доложил в ЦК ВКП(б), что «закончена основная величайшей важности задача», для каковой «и был создан институт – изучение мозга Ленина». Процесс и результаты исследования были изложены на 153 страницах машинописного текста, в 15 альбомах с 750 микрофотографиями, таблицами и диаграммами[50].

В том же месяце записку с грифом «секретно» на имя И. В. Сталина послал директор Института мозга С. А. Саркисов. В ней он говорит об «исключительно высокой организации мозга В. И. Ленина» по целому ряду признаков (качество борозд и извилин и т. д.). Саркисов сообщает, что в ходе работы по изучению мозга В. И. Ульянова его сравнивали не только с десятью полушариями обыкновенных людей, но и с мозгом людей, известных по своей политической, научной или литературной деятельности, полученным после их смерти. Среди них редактор «Известий» и переводчик «Капитала» И. И. Скворцов-Степанов, поэт В. В. Маяковский, известный философ и врач А. А. Богданов, член политбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совнаркома и председатель Госплана В. В. Куйбышев, первый нарком просвещения А. В. Луначарский, председатель ВЧК ОГПУ В. Р. Менжинский, лауреат Нобелевской премии, физиолог, академик И. П. Павлов, один из лидеров германской компартии К. Цеткин, основоположник теоретической космонавтики К. Э. Циолковский[51].

Бесспорно, учеными была проделана большая работа. До сих пор результаты ее не опубликованы, хотя, несомненно, представляют научный интерес. Но все же необходимо заметить, что мозг математика отличается от мозга врача, мозг политика – от мозга поэта и т. д. Полагаем, что для науки было бы интересно и сравнение мозга В. И. Ульянова с мозгом И. В. Сталина.

Обсуждение причин болезни и смерти В. И. Ульянова прекратилось, и интерес к проблеме в Советском Союзе пропал. Но долго не утихал он за рубежом. Благо были живы два врача, лечившие В. И. Ульянова, и исследователь его мозга О. Фогт.

После войны О. Фогт, М. Нонне и О. Бумке в ответ на заявления о том, что В. И. Ульянов страдал сифилисом, не сговариваясь, это отрицали. К тому времени из всех лечивших В. И. Ульянова немецких специалистов были живы только они[52].

Несмотря на то, что четверым из лечивших В. И. Ульянова врачей пришлось жить в гитлеровской Германии, они никогда не говорили о его болезни. Хотя, если бы они заявили, что вождь коммунистической России был сифилитиком, это, вероятно, было бы встречено с одобрением. О. Фогт в 1937 г. был уволен с поста директора берлинского Института имени кайзера Вильгельма по изучению мозга и подвергнут критике в эсэсовской газете «Черный корпус» за восхваление Ленина[53]. В. Флеров обвиняет О. Фогта в отсутствии политической щепетильности и огромном честолюбии, доходившем до саморекламы. После войны О. Фогт много рассказывал в различных печатных (медицинских и не медицинских) органах о работе в Москве, об исследовании мозга В. И. Ульянова. Но во всех своих выступлениях он отрицал наличие у В. И. Ульянова сифилиса. Как утверждает его дочь Магда Фогт, об этом же он говорил в кругу семьи[54].

М. Нонне еще во второй половине 1930-х гг. написал воспоминания, выпущенные двумя изданиями (1971 и 1972 гг.) в Гамбурге спустя двенадцать лет после его смерти. В них, касаясь болезни В. И. Ульянова, он пишет: «Не было никаких данных о сифилисе. Несмотря на это, в литературе, посвященной Ленину или последствиям сифилиса для нервной системы, иногда можно встретить, что у Ленина был сифилис головного мозга или "паралич"...»[55]

Не менее решительно высказывался по этому вопросу и О. Бумке. В своих воспоминаниях, созданных в 1946 г., он пишет о болезни В. И. Ульянова: «Мало что могу сказать... Не потому, что профессиональная врачебная тайна обязывает еще молчать (Ленин страдал тяжелым атеросклерозом), но потому что Ленин уже был слишком болен, чтобы я мог составить собственное суждение»[56].

После таких авторитетных заявлений на Западе эту тему также практически перестали обсуждать. Всплеск интереса был лишь в 1974 г., в связи с публикацией записей А. Штрюмпелля, о чем было сказано выше.

В СССР этой проблемы не касались до 1970 г., когда главному идеологу страны секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову было доложено, что в связи с подготовкой к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ульянова-Ленина некоторые антисоветские круги за рубежом хотят опубликовать фальшивку, доказывающую, что В. И. Ульянов болел сифилисом и это явилось причиной его инвалидности и смерти. М. А. Суслов предложил академику Е. И. Чазову внимательно исследовать материалы о болезни и смерти В. И. Ульянова и опубликовать их.

Е. И. Чазов добросовестно их изучил, включая гистологические препараты кровеносных сосудов, сделанные после смерти В. И. Ульянова. Именно по ним он смог оценить характер патологического процесса, приведшего к смерти основателя и вождя коммунистической партии и советского государства.

Как настоящий врач, Е. И. Чазов обратил внимание не только на симптомы болезни, но и на психическое состояние больного. «...Потерявший речь, не способный жить без посторонней помощи, с часто меняющимся настроением вплоть до рыданий, он, конечно, по-человечески был труден для окружающих. Я представляют – пишет Е. И. Чазов, – сколько выдержала Крупская в этот период. Четко прослеживается трагедия Ленина в тот период и в том, что он чувствовал свою оторванность от жизни, от решения политических вопросов, пытался что-то сделать, но ничего не мог»[57].

Е. И. Чазов передал клинические материалы, гистологические препараты и заключения специалистов академикам АМН СССР невропатологу Е. В. Шмидту и патологоанатому А. И. Струкову. Свои соображения представил и директор Института мозга академик АМН СССР С. А. Саркисов. Все они полностью подтвердили вывод врачей, лечивших В. И. Ульянова, о том, что причиной его смерти в результате повторных инсультов был атеросклероз сонных артерий, а не сифилис. Кардиологический центр сделал вывод, что ранний характер поражений одной из сонных артерий был связан со сдавливанием ее гематомой, образовавшейся после ранения 30 августа 1918 г. и вовремя не удаленной.

Современные врачи так же, как и их предшественники, были поражены тем, что, несмотря на обширное поражение мозговых тканей, В. И. Ульянов сохранил интеллект, мышление, самокритику. По мнению Е. И. Чазова и его коллег, это связано с тем, что мозг В. И. Ульянова имел большие компенсаторные свойства. Заключение о причинах болезни и смерти В. И. Ульянова подписал министр здравоохранения академик Б. В. Петровский.

Но это заключение медиков вызвало негативную реакцию М. А. Суслова. Он раздраженно заявил Е. И. Чазову: «Вы утверждаете, что последние работы Ленина были созданы им с тяжело разрушенным мозгом. Но ведь этого не может быть. Не вызовет ли это ненужных разговоров и дискуссий. Мои возражения и доказательства колоссальных возможностей мозговой ткани, – пишет в своих воспоминаниях Е. И. Чазов, – он просто не принял и приказал подальше упрятать наше заключение»[58].

Как вспоминает Е. И. Чазов, восемь-девять лет спустя, после появления очередной пьесы М. А. Шатрова (вероятно, имеется в виду поставленная в 1981 г. пьеса «Так победим!», действующими лицами которой были лидеры большевиков), ему позвонил председатель КГБ Ю. В. Андропов и попросил передать все имеющиеся материалы о болезни и смерти В. И. Ульянова в ЦК КПСС. Ю. В. Андропов был очень удивлен, когда Е. И. Чазов ответил, что в 4-м Главном управлении (которое занималось лечением партийной верхушки) нет материалов о болезни и смерти ни В. И. Ульянова, ни И. В. Сталина.

Вновь к этой теме печать вернулась в 1990–1991 гг. В условиях наступившей свободы были опубликованы вышедшие ра-

нее за рубежом статьи Н. Петренко и В. Флерова, статьи Б. В. Петровского, Ю. М. Лопухина и Е. И. Чазова. В журналах «Вопросы истории КПСС» и «Кентавр» появились засекреченные ранее документы о болезни и смерти В. И. Ульянова[59]. Казалось бы, все встало на свои места, но на бытовом уровне, включая, к сожалению, телевидение, слухи продолжают существовать.

Впрочем, в этом отношении В. И. Ульянов не исключение. Почти на 200 лет раньше него скончался другой крупный преобразователь России император Петр I. По мнению врачей, он умер или от хронической почечной недостаточности, вызвавшей нарушение функции почек, или от аденомы предстательной железы, или стриктуры уретры, развившейся вследствие воспалительного процесса[60]. Здесь, казалось бы, тоже все ясно, но до сих пор бытует мнение, что причиной его смерти был также сифилис, хотя специалисты-медики убедительно опровергают эту версию в печати уже более 175 лет[61].

Вызывает удивление упорство некоторых людей в условиях доступности на сегодняшний день медицинских заключений, свидетельств лечащих врачей и специалистов, проводивших обследования, в продолжении отстаивания ничем не подтвержденные слухов.

Еще долгие годы исследователи будут заниматься изучением жизни и деятельности Владимира Ильича Ульянова, его предков, родных и близких. Только скрупулезное исследование может дать объективный ответ на вопрос о личности В. И. Ульянова и как могла появиться такая личность, оказавшая огромное влияние на всю историю человечества в XX в.

4. Надежда умирает последней

26 марта 1939 г. газета «Известия» сообщила, что вчера Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. М. И, Калинин вручил ордена работникам больницы № 1 при Наркомздраве СССР награжденным за выдающиеся заслуги в области хирургии и лечебной помощи больным. Орден Ленина получили профессора С. И. Спасокукоцкий и А. Д. Очкин, орден Трудового Красного Знамени – врачи В. Н. Соколов и А. А. Бусалов, орден Знак Почета – врач Г. А. Кантор, медицинские сестры Е. М. Моисеева, Е. Н. Александрова и А. Н. Винокурова. Награды по тем временам очень высокие. Правда, среди отмеченных ими и люди известные. Но все же – за что?

Обращаемся в Государственный архив Российской Федерации с вопросом: какая формулировка содержится в ходатайстве о награждении врачей и медсестер Кремлевской больницы (а ведь она и именуется в официальных документах больницей № 1 Наркомздрава СССР. – *М. Ш.*) и кто подписал это ходатайство? Ответ Госархива был предельно краток: «интересующего вас хо-

датайства на хранении в ГАРФ не имеется», в архиве находится только «подлинник Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении указанных выше лиц».

После ознакомления с этим ответом невольно возникает вопрос: почему отсутствует текст ходатайства? Что за этим скрывается? Причем сомнения усиливаются при чтении книги «Жизнь и деятельность С. И. Спасокукоцкого. 1870–1943», написанной его родственницей и вышедшей в 1960 г. В ней перечислены все премии и награды профессора, за исключением одной – высшей награды страны – ордена Ленина. Остается только предположить, что профессор осознавал неэтичность «особых обстоятельств», приведших к получению этого ордена и просил своих близких никогда об этом отличии не упоминать. В те времена награждение орденом без всякого письменного обоснования, могло состояться по указанию лишь одного человека – самого Сталина. Тем более если отличалась целая группа людей.

Так что же все-таки произошло?

В начале 1989 г. я рассказал корреспонденту «Гудка» Виктору Михайловичу Юрасову о том, что мне известны воспоминания медсестры Кремлевской больницы Лидии Владимировны Лысяк (урожденной Закржевской) о последних часах жизни Н. К. Крупской, которые определенным образом опровергают официальную версию о ходе ее лечения во время последней болезни. Юрасов попросил рассказать читателям «Гудка» о моей находке.

Так появилась статья «При внезапных обстоятельствах». Но более года «Гудок» ее не печатал. Мало того, в конце 1989 года В. М. Юрасов, с сожалением, вернул ее мне, обронив «глухую» фразу о том, что в статье имеются факты, заставляющие редакцию воздержаться от публикации. И я понял: редакция обратилась в Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС (тогда существовал такой порядок) для получения разрешения напечатать статью. Но такого разрешения дано не было. А позднее мне стало известно, что представитель Центрального партийного архива (ЦПА ИМЛ) приезжал в Дом Плеханова (филиал ГПБ им. Салтыкова-Щедрина). Под предлогом, будто воспоминания медсестры Кремлевки имеют отношение к В. И. Ленину (а с 15 февраля 1924 г. действовало постановление ВЦИК – все материалы, имеющие к нему отношение. сосредоточивать в ЦПА), он намеревался изъять их, даже не оставив в Ленинграде ксерокопии. Это позволило бы засекретить документ и на долгие годы исключить его из научного обихода. Но были уже другие времена. Представителю ИМЛ сказали, что Н. К. Крупская это не В. И. Ленин, и по поводу документов, относящихся к ней, указания ЦК КПСС нет. Поэтому Дом Плеханова может представить ИМЛ ксерокс, а подлинник воспоминаний Л. В. Лысяк оставит у себя.Представителю ИМЛ пришлось удовлетвориться

предложенным, но зато ИМЛ отказал мне в разрешении опубликовать эти материалы, подставив вместо себя редакцию «Гудка», ибо первым печатать новые документы о жизни и деятельности Ленина, членов семьи Ульяновых, их предков в то время мог только ИМЛ при ЦК КПСС, а сегодня РГА СПИ.

Однако буквально дней через десять после возвращения мне статьи из «Гудка», 5 января 1990 года в «Правде» появляется статья старшего научного сотрудника ИМЛ И. С. Куликовой и члена-корреспондента АМ СССР В. А. Куманева «Умела вести борьбу». Ее завершала следующая фраза: «Н. К. Крупская скончалась внезапно 27 февраля 1939 г., на следующий день после своего 70-летия. Обстоятельства ее кончины требуют дополнительного и объективного изучения».

Прочитав это, я позвонил В. М. Юрасову и рассказал о публикации, в «Правде». Он видимо, связался с редакцией и через некоторое время моя статья вновь пошла в Москву. 21 и 22 марта 1990 г., она, наконец, была напечатана. В ней я писал о трагическом положении, в котором оказалась жена Ленина после его смерти. Сталин ненавидел ее еще с 1923 г., когда по требованию Ленина вынужден был перед пей извиниться. В противном случае Ленин прервал бы с ним отношения. Сталин не забыл и не простил ей этот эпизод. Даже после ее смерти. «Сталин в узком кругу объяснял нам, – писал Н. С. Хрущев в своих воспоминаниях, – что она (Крупская. – *М. Ш.*) вовсе не была женой Ленина. Он другой раз выражался о ней довольно вольно. (По имеющимся сведениям, Сталин говорил: «Спать с вождем – еще не значит знать вождя». – *М. Ш.*). Уже после смерти Крупской, когда он вспоминал об этом периоде, он говорил, что если бы дальше так продолжалось, то мы могли бы поставить под сомнение, что она являлась женой Ленина».

Но об этих высказываниях И. В. Сталина знали только члены Политбюро ЦК ВКП (б). Для всех остальных граждан страны Н. К. Крупская была – нет, не вдовой – а другом и соратником В. И. Ленина, членом Президиума Верховного Совета СССР, заместителем наркома просвещения, почетным членом Академии наук СССР, автором многочисленных статей по педагогике и о Владимире Ильиче (правда, ее «Воспоминания о Ленине» были фактически запрещены, так как в них она, по существу, ни слова не говорила о И. В. Сталине).

Все печатные органы страны отмечали 26 февраля 1939 года ее 70-летие. Было приветствие ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР. В редакционной статье «Известий» на третьей странице Надежда Константиновна была названа «верной дочерью народа». Вместе с тем, обращает на себя внимание такой факт (на нем почему-то никто не концентрировал внимание): в день своего юбилея Надежда Константиновна не была, как это практиковалось в то время, отмечена какой-либо правительственной наградой.

Роковой юбилей

24 февраля 1939 г., в пансионате «Архангельское» – месте своего отдыха последних лет. Крупская отмечала юбилей. В гости к ней приехали те немногие из друзей, которых не коснулась сталинская секира и время. День прошел весело. Однако в половине восьмого вечера Надежда Константиновна вдруг почувствовала недомогание и ушла к себе в комнату. Вскоре у нее начались сильные боли в области живота. Был срочно вызван ее лечащий врач М. Б. Коган, объявленный в январе 1953 г. (спустя год после своей смерти) «врачом-отравителем» и агентом сионистской организации «Джойнт». Несмотря на все предпринятые им усилия, боли не утихали. В час ночи М. Б. Коган срочно вызвал для консультации профессоров П. П. Кончаловского (терапевт) и А. Д. Очкина (хирург). Осмотрев больную, они высказали предположение, что причина болей – острый аппендицит. Так как уверенности в этом не было, а в случае подтверждения диагноза все равно необходима срочная операция, было принято решение немедленно отправить Надежду Константиновну в Кремлевскую больницу. В три часа ночи, в сопровождении всех врачей и своего личного секретаря В. С. Дридзо, Надежда Константиновна отправилась в больницу. По дороге из Архангельского в Москву у нее стало отказывать сердце. Врачам пришлось прибегать к самым решительным мерам.

В Кремлевской больнице состоялось несколько консилиумов. Среди тех, кто в них участвовал, был и известный хирург, много лет работавший до революции земским врачом – С. И. Спасокукоцкий, славившийся как блестящий диагност. Видимо, именно он и поставил диагноз – воспаление брюшины в результате тромба кишечника («тромбоз сосудов брыжейки», как сказал впоследствии А. Д. Очкин своему коллеге хирургу П. Чебуркину. Добавим, даже сегодня точно поставить этот диагноз чрезвычайно трудно). Он и был зафиксирован в официальном «Сообщении о болезни тов. Н. К. Крупской», опубликованном в «Правде» и других газетах 28 февраля 1939 г. и подписанном профессором С. И. Спасокукоцким, В. Н. Виноградовым (лечащим врачом И. В. Сталина, экспертом на процессе Н. И. Бухарина и других, будущим «врачом-отравителем и английским шпионом»), А. Д. Очкиным (анестезиолог во время операции М. В. Фрунзе в 1925 г., с 1922 г. работавший хирургом в «Кремлевке»), доцентом М. Б. Коганом и начальником Лечсанупра Кремля (будущее 4-е Главное управление Минздрава СССР) А. А. Бусаловым.

В «Сообщении» также говорилось: «...Болезнь развивалась бурно и с самого начала сопровождалась резким упадком сердечной деятельности и потерей сознания. В связи с этим отпала возможность помочь больной оперативным путем. Болезнь быстро прогрессировала, и 27 февраля в 6 час 15 мин утра последовала смерть».

В истинность того, что говорилось в официальном сообщении, я верил многие годы. Однако в начале 70-х гг. эту веру развеял ныне покойный сотрудник ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Исаак Самойлович Беленький.

Он рассказал, что получил от члена партии с 1907 г. А. Г. Кравченко, соратницы Н. К. Крупской с дореволюционных времен и ее заместительницы по Главполитпросвету, для хранения в рукописном отделе ГПБ ее архив. В этом архиве имеются записанные в 1962 г. воспоминания медсестры Кремлевской больницы Л. В. Лысяк, где говорилось о том, что Н. К. Крупской была все же сделана операция, о которой в официальных документах не упоминается[62]. Но в то время надеяться на публикацию этих фактов было невозможно. Попытка опубликовать воспоминания Лысяк была сделана в 1989 г., но закончилась неудачей.

Свидетельство медсестры

Так что же такого поведала Л. В. Лысяк в своих «Воспоминаниях о последних часах жизни Н. К. Крупской»? Привожу ее свидетельства с некоторыми не имеющими отношения к делу сокращениями.

«В феврале в одно из моих ночных дежурств в отделение поступила Н. К. Крупская. Ей была отведена большая двухместная палата. Я не знаю, когда Н. К. была доставлена а больницу, что привело ее в больницу. Узнала я о ее пребывании в больнице и увидела ее только тогда, когда мне ее спустили из четвертого этажа (из операционной) *уже оперированной* (курсив мой. – *М. Ш.*), Крупская была без сознания.

У меня, как дежурной по отделению, было под наблюдением около 10 палат (точно не помню, сколько). По установившимся правилам Кремлевской больницы, особо тяжело больным или оперированным больным предоставлялась индивидуальная медсестра. *На этот раз такой сестры не было, и мне пришлось наблюдать за Н. К. Крупской среди моей общей работы* (курсив мой. – *М. Ш.*).

Помню, как сейчас, что в палате она лежала справа у окна, на прикроватном столике горела нагнутая книзу электрическая лампочка, которая давала в палате слабый свет.

Надежда Константиновна лежала очень тихо навзничь, изредка приоткрывая глаза, ничего не говоря.

Операцию Н. К. Крупской делал профессор Очкин, дежурным хирургом был Владимир Николаевич Соколов. Когда я его (Соколова) спросила, какая операция была сделана, он промямлил что-то совершенно неопределенное.

В ту же ночь (между 26 и 27 февраля) Н. К. Крупская, не приходя в сознание, скончалась».

«Верный ученик» дает добро?..

Думаю, нет нужды подробно комментировать этот короткий, но очень важный документ. Н. К. Крупскую оперировал А. Д. Очкин, считавшийся специалистом по хирургии печени и желчных путей. И в то же время к ней не был приглашен С. С. Юдин – самый крупный специалист по хирургии желудка и пищевода. Он в то время работал главным хирургом в институте им. Склифосовского и был в своей области врачом с мировым именем. Тем не менее к проведению операции Н. К. Крупской его не привлекли. Думаю, это не случайно. Так же как не случайно, что в официальном документе о болезни Н. К. Крупской о сделанной ей операции вообще не сообщили. Почему? На мой взгляд, врачи выполняли указание Сталина. Может, поэтому-то и нет под «Сообщением» подписи главного патологоанатома Кремлевской больницы академика А. И. Абрикосова. Он лишь упомянут в тексте как проводивший патологоанатомическое вскрытие, чего, по положению, быть не должно. Однако – было. Ведь А. И. Абрикосову, по должности, не следовало знать указаний И. В. Сталина по поводу операции Н. К. Крупской. Тем более что контроль за ходом ее болезни со стороны Сталина осуществлялся лично. Именно со Сталиным в первую очередь согласовывали врачи вопрос: делать ли Н. К. Крупской операцию или нет. На это ушло полтора дня. Операция началась только поздним вечером 26 февраля, хотя диагноз был поставлен самое позднее днем 25-го. При указанном в «Сообщении» диагнозе операцию необходимо было делать немедленно. Только в этом случае был шанс спасти жизнь Надежде Константиновне.

Высказанное мной предположение о вине И. В. Сталина разделяет и кандидат медицинских наук В. Д. Тополянский в статье «Как умирала Крупская» («Демократическая Россия», № 18, 1991 г.). Хирурги Кремлевской больницы попали в очень сложную ситуацию. Бесспорно, по некоторым моментам (скажем, из контекста статьи П. Н. Поспелова «К воспоминаниям о Ленине» в «Правде» от 9 мая 1934 г., где он, по заданию Сталина, камня на камне не оставил от «Воспоминаний о Ленине» Н. К. Крупской) врачи понимали, что Сталин Крупскую недолюбливает. Но с другой стороны, не оперировать ее – значит нарушить клятву Гиппократа (правда, с этим в то время уже мало кто считался, но все же...). А оперировать страшно, ибо Надежда Константиновна могла погибнуть прямо на операционном столе. Как оправдаться тогда перед И. В. Сталиным в отсутствии злого умысла, если он сочтет, что умысел был. И врачи, в этом я убежден, решили посоветоваться с «верным учеником, соратником и лучшим другом В. И. Ленина». Иосиф Виссарионович согласие на операцию дал. Она оказалась неудачной, а может, и запоздалой.

Хорошо зная реакцию мировой общественности на московские процессы, с помощью которых были уничтожены ближайшие соратники В. И. Ульянова (Ленина), а также понимая,

что историю со смертью М. В. Фрунзе, погибшего в результате ненужной операции (здесь вновь звучит фамилия – А. Д. Очкин) на Западе не забыли, Иосиф Виссарионович дал команду в официальном «Сообщении» о смерти Н. К. Крупской не упоминать об операции. Что ж, и И. В. Сталин не хотел ненужных разговоров об умышленной насильственной смерти Надежды Константиновны.

Она хотела пойти на съезд...

Шел февраль 1939 г. На 10 марта было намечено открытие XVIII съезда ВКП(б). Его делегатом была избрана и Н. К. Крупская, стоявшая в свое время у истоков зарождения партии. Ожидалось ее выступление на съезде. О чем же могла она говорить?

В журнале «Вопросы истории» (№ 12 за 1988 г.) есть любопытное выступление члена-корреспондента АН СССР В. А. Куманева. Ссылаясь на свою беседу в 1971 г. с А. Г. Кравченко, он пишет: «По воспоминаниям А. Г. Кравченко, Крупская очень хотела пойти на съезд и сказать о губительном воздействии сталинского режима на завоевания революции. Ее нетрудно понять – даже ближайших соратников Ленина репрессировали. Легендарную семью Емельяновых, скрывавшую в июльско-августовские дни 1917 г. Ленина и Зиновьева от ареста Временного правительства, сослали, обвинив в содействии «врагу народа» Зиновьеву.

Даже М. И. Ульянова, – и это прекрасно понимала Н. К. Крупская, умерла не собственной смертью. Ее, судя по намеку ближайшего соратника Сталина и руководителя его секретариата А. Н. Поскребышева, который он сделал писателю М. Р. Шкерину, просто отравили. А спустя несколько месяцев после ее смерти, в конце 1937 – начале 1938 гг. комендатура Кремля очень настойчиво пыталась вручить Надежде Константиновне молоко, присланное якобы из Горок. Однако, как выяснила тут же секретарь Н. К. Крупской В. С. Дридзо, молоко никто не посылал. От «дара» немедленно отказались, но как рассказывала Вера Соломоновна, комендатура, с упорством, достойным лучшего применения, продолжала настаивать на вручении молока. Знала Надежда Константиновна также, что все ее разговоры прослушиваются и содержание их доводится до И. В. Сталина. У нее даже сняли городской телефон сразу после смерти В. И. Ленина. И она должна была разговаривать через кремлевский коммутатор.

Однажды, когда Кравченко навестила ее, Крупская грустно заметила, что если даже она пойдет на съезд, то выступать не будет. «С трибуны снимут, если даже мельком скажу о безобразиях. Ведь однажды так было». Н. К. Крупская имела в виду свое выступление на XIV съезде партии.

В лучшем случае Н. К. Крупскую объявили бы просто сумасшедшей. Но Сталин, безусловно, боялся ее выступления и поэтому ее неожиданная болезнь (всевозможные разговоры об

отравленном торте и прочие не выдерживают критики) была для него подарком судьбы. А задержка операции давала почти стопроцентную гарантию нужного финала, который и наступил. Затем скорбное стояние у гроба и вынос урны с прахом 2 марта 1939 г. А далее последовал Указ о награждении врачей, а вскоре и избрание А. Д. Очкина и С. М. Спасокукоцкого депутатами Моссовета.

...Пройдет ровно 13 лет, как говорится, практически день в день... 1 марта 1953 г. примерно между 11 и 12 часами дня у И. В. Сталина произошел инсульт, но об этом примерно до 22 часов, пока ему, как было заведено, не понесли почту, никто не знал. О случившемся немедленно сообщили правящей четверке – Г. М. Маленкову, Л. П. Берия, Н. С. Хрущеву и Н. А. Булганину. Но только утром 2 марта к Сталину были вызваны врачи, время было уже окончательно упущено.

А потом, как и в случае с Крупской, – скорбные лица и речи. История повторяется.

Спустя 23 дня после вручения правительственных наград, 17 апреля 1939 г. свыше двухсот лучших представителей советской медицины со всех концов страны собрались в конференц-зале Наркомздрава СССР. Заместитель наркома Н. И. Грищенков (нарком Г. Н. Каминский был сравнительно недавно репрессирован, а нового еще не успели назначить) вручил значки отличившимся медикам. Затем были выступления. Профессор-орденоносец А. Д. Очкин говорил от имени всего коллектива лечебно-санитарного управления Кремля:

«Работа, которую мы ведем в наших лечебных учреждениях, – заявил он, – требует большой спаянности, слаженности всего коллектива. *Мы несем огромную ответственность перед страной, нам доверены драгоценные жизни лучших людей* (курсив мой. – *М. Ш.*).

Закончивший недавно свою работу XVIII съезд ВКП(б) нарисовал грандиозную программу действий. Все мы отчетливо понимаем задачи, стоящие перед нами. Я счастлив сегодня заявить, что все наши помыслы всегда с партией, с народом, с любимым вождем трудящихся великим Сталиным».

Пройдет еще девять месяцев. И 14 декабря 1939 г. газета «Медицинский работник» опубликует список врачей, удостоенных высокой чести стать кандидатами в депутаты сталинского блока коммунистов и беспартийных. И здесь мы тоже находим имя доктора медицинских наук, профессора А. Д. Очкина. Это был заключительный аккорд в серии его наград 1939 г...

Глава X

ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ О СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ

В течение последних лет в средствах массовой информации появилось много материалов о семье Ульяновых, материалов, не имеющих ничего общего с реальной историй этой семьи. Приводимые в этих публикациях факты настолько искажают действительность, что являются оскорбительными не только по отношению к давно ушедшим из жизни членам семьи Ульяновых, но и их, ныне живущим, потомкам. Трудно сказать, знают ли представители рода все эти инсинуации, но молчание потомков по поводу данных публикаций или телевизионных передач подобной же направленности дает возможность лицам, их распространяющим, уверенно заявлять: «представители рода Ульяновых нас не опровергают потому, что знают – мы говорим правду». При этом, тщательно скрывается название архива, где якобы были выявлены документы, под предлогом того, что была дана подписка о неразглашении местонахождения документов, составлявших в свое время партийную и государственную тайну.

Пальму первенства в распространении сведений о семье Ульяновых, не отвечающих исторической истине, делят двое москвичей. Это – Кимик Арменакович (псевдоним – Аким Александрович) Арутюнов, утверждающий, что его научной руководительницей с весны 1971 г. и до своей смерти была хозяйка последней подпольной квартиры В. И. Ульянова, в которой он был 6 июля 1917 г. и жил с 30 сентября по 24 октября того же года, Маргарита Васильевна Фофанова (Кириллова). Второй автор – известная писательница и поэтесса Лариса Николаевна Васильева. К ним присоединились петербуржцы: А. П. Кутенев, Е. В. Гильбо и Н. Н. Матвеева. О них пойдет речь ниже.

1. Родословные так не пишут, или о том, что рассказывает Аким Арутюнов

Одним из наиболее часто печатающихся сегодня на ленинскую тематику авторов является А. А. Арутюнов. За последние десять лет он выпустил три книги и большое количество статей[1].

В аннотации к последней книге А. А. Арутюнов назван известным ученым-историком и публицистом, чьи работы носят сенсационный характер, привлекшие внимание как в России, так и за рубежом. В последнюю книгу «Ленин. Личностная и политическая биография. В 2-х т.» А. А. Арутюнов ввел новые архивные документы и обобщил проведенные им исследования. Если верить автору, свои исследования он проводил в крайне сложных

условиях. Тем более, что за тридцатилетний период изучения ленинской биографии во время приездов в Ленинград-Петербург А. А. Арутюнов не счел нужным оформиться в качестве исследователя в петербургские архивы РГИА, РГА ВМФ и ЦГИА СПб, где хранятся многие документы о родственниках Ульяновых. Но знакомство с этими документами его не интересовало. Он предпочитает другой путь исследований, который научным назвать нельзя. В ходе создания своих трудов А. А. Арутюнов широко использует исследования других авторов, но не считает нужным ссылаться на них. Таким образом, он выдает чужие достижения в науке за свои собственные.

Впервые этот метод он использовал в книге «Феномен Владимира Ульянова (Ленина)». В ее десятой главе «Штрихи к портрету» А. А. Арутюнов достаточно кратко касается проблем родословной семьи Ульяновых. Он указывает, что в своем романе М. С. Шагинян «отмечала, что в роду Ульяновых были не только русские, что, например, дед Ленина – Александр Дмитриевич Бланк, еврей, крещеный в 1820 г.», был женат «на немке Анне Ивановне Гросшопф». «Что же касается прадеда Ленина – чистокровного немца, то он был женат на шведке», «...что же касается отца, – Ильи Николаевича, – пишет М. С. Шагинян, – то существует его собственное признание, что он отчасти калмык»[2].

Уже эти цитаты свидетельствуют о том, что А. А. Арутюнов достаточно вольно обращается с фактами. Во-первых, М. С. Шагинян никогда не писала в романе «Семья Ульяновых», что А. Д. Бланк был евреем, крестившимся в 1820 г. Сведения об этом были опубликованы мною только в 1990 г.[3] Во-вторых, в своем романе, называя фамилию матери М. А. Ульяновой, М. С. Шагинян пишет – Грошопф, так, как она писалась в официальных документах[4]. В то время, как в соответствии с написанием фамилии по-немецки – Gro schopf, на русский язык она переводится – Гроссшопф, что и сделано мною в статье «Генеалогия рода Ульяновых...»[5]. В-третьих, приводимого А. А. Арутюновым признания И. Н. Ульянова о его национальной принадлежности на 81 странице романа – нет. Об этом и другими словами сказано в другом месте ее произведения. Все остальные страницы родословной крепостных Ульяновых А. А. Арутюнов освещает, опираясь на официальную биографию В. И. Ленина, роман М. С. Шагинян, статьи Д. Новополянского, В. Шеткевича, С. Шуртакова[6]. В итоге он упоминает только имена А. Д. Бланка, А. И. Гроссшопф, Н. Г., В. Н., Н. В. Ульяниных, А. А. и А. Л. Смирновых. Правда, А. А. Арутюнов считает, что «настоящей биографии астраханских Ульяновых мы пока не знаем. К тому же весьма сомнительна родственная связь между Ильей Николаевичем и «нежегородским» (так у А. А. Арутюнова. – *М. Ш.*) родом Ульяновых-Григорьевых»[7]. Не считает нужным А. А. Арутюнов указать хотя бы инициалы, если уже не имя и отчество немецкого прадедушки (И. Ф. Гроссшопфа. – *М. Ш.*) и шведской прабабушки

(А. К. Эстедт. – *М. Ш.*) Ульяновых. Поэтому читателю может быть непонятно, на основании каких источников А. А. Арутюнов разработал генеалогию В. И. Ульянова. Правда ветвь Ульяновых отделена от других точками и к ней сделана приписка: «ветвь Ульяновых – версия».

Генеалогическая таблица помещена А. А. Арутюновым уже после оглавления и издательско-типографских сведений на 144 странице книги «Феномен Владимира Ильича Ульянова (Ленина)». Эта таблица полностью совпадает с составленной мною генеалогической таблицей рода Ульяновых и впервые опубликованной на страницах «Литератора» (Ленинград) 15 октября 1990 г., а затем перепечатанной во втором номере журнала «Слово» за 1991 г. под названием «Род вождя», а также на внутренней странице обложки сборника «Вождь Ленин, которого мы не знали», в который вошла моя статья «Род вождя».

Своей книгой А. А. Арутюнов продемонстрировал незнание выходивших в 60–70-е гг. подробнейших материалов о родословной астраханско-нижегородских Ульяновых и их немецко-шведских предков[8].

Через семь лет, в 1999 г., А. А. Арутюнов выпустил книгу «Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства», а спустя еще три года, в 2002 г., новый двухтомный труд «Ленин. Личностная и политическая биография (Документы, факты, свидетельства)». Свой интерес к родословной Ульяновых А. А. Арутюнов объясняет тем, «что в целом эта тема освещена недостаточно. Более того, в опубликованных работах... отмечаются серьезные ошибки, неточности, искажения фактов исторической действительности и даже вымыслы...

Многолетний поиск источников, их критический анализ и систематизация позволили мне внести некоторые дополнения в имеющуюся информацию о родственниках Ленина и, насколько было возможно, воссоздать родовое древо этой большой, окутанной тайной фамилии... автор... надеется, что представленный материал вполне достаточен для того, чтобы у читателя сложилось более или менее правильное представление о предках большевистского вождя»[9].

Подобное заявление свидетельствует о том, что А. А. Арутюнов открыл много новых, ранее неизвестных, документов, дающих возможность по-новому осветить проблему родословной Ульяновых. Новизна прежде всего заключалась в еврейской ветви, о которой знали, по А. А. Арутюнову, далеко не все руководители КПСС, но были осведомлены ближайшие родственники В. И. Ульянова. Затем А. А. Арутюнов говорит об утечке информации, не раскрывая как и когда это произошло. Власти, заявляет он, приняли меры. Во всех архивах начались подлоги, фальсификация и прямое сокрытие документов[10]. Но А. А. Арутюнову повезло. Много лет тому назад (дата не называется) он узнал от студентов-заочников, работавших в ленинградско-пе-

тербургских областных архивных учреждениях, что в Государственном историческом архиве С.-Петербурга были «подменены несколько страниц из досье А. Д. Бланка»[11]. Но «эти честные молодые люди, – рассказывает дальше А. А. Арутюнов, – любезно, с большим риском для себя, предоставили мне возможность ознакомиться с подлинными документами»[12]. Они, по словам А. А. Арутюнова, находились в ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 17, д. 632. Но прочитанных листов дела он не указал. Этот детективный рассказ – сплошной вымысел. Дело «О присоединении к нашей Церкви Житомирского поветового училища студентов Дмитрия и Александра Бланков из еврейского закона. 1820, октября 25»[13], на которое ссылается А. А. Арутюнов, было изъято из ЦГИА СПб начальником архивного управления Леноблгорисполкомов П. В. Виноградовым в марте 1965 г. и передано в Главархив СССР, где вместе с другими изъятыми из разных архивов документами, касающимися жизни и деятельности А. Д. Бланка, хранилось в сейфе начальника Главархива СССР Г. А. Белова. 28 апреля 1972 г. все документы были переданы в ЦК КПСС[14].

Обо всем этом мною было впервые подробно рассказано в очерке «Генеалогия рода Ульяновых...», опубликованном в газете «Литератор». Этот эпизод включен и в книгу «Ульяновы и Ленины...». Именно оттуда и взял его А. А. Арутюнов, трансформировав в соответствии с нужным ему ракурсом. То, что А. А. Арутюнов достаточно часто использовал текст моей книги в своих интересах без ссылок на нее, подтверждается просто. В книге есть неточности: свадьба А. И. Гроссшопф и А. Д. Бланка состоялась в 1829 г.[15] В действительности это произошло 26 августа (7 сентября) 1828 г.[16] Статья Л. Хааза «Предки Ленина» была опубликована не в газете «Neue Z richer Zeitung»[17], а в «Neue Z rcher Zeitung». А. А. Арутюнов все мои неточности повторил[18].

В двух своих последних трудах А. А. Арутюнов приписывает себе выявление в архивах (по всей видимости в Житомирском историческом архиве) документов о еврейских предках Ульяновых-Бланках. Но о существовании этих документов историкам хорошо было известно с 1965 г. Впервые документы были опубликованы 15 октября 1990 г. С тех пор они публиковались и цитировались неоднократно[19]. Это относится и к письмам А. И. Ульяновой-Елизаровой И. В. Сталину от 28 декабря 1932 г. и 1934 г. по вопросу о еврейском происхождении А. Д. Бланка. Правда по поводу автора этих строк и первого письма А. И. Ульяновой-Елизаровой А. А. Арутюнов в книге «Ленин...» утверждает: «М. Г. Штейн из журнала "Отечественные архивы" (1992, № 4) доверчиво цитирует в своей книге письмо А. И. Ульяновой-Елизаровой Сталину от 28 декабря 1932 года[20], не подозревая, что архивисты, опубликовавшие это письмо, допустили подтасовку фактов и некоторые неточности. Это еще раз говорит о том, что исследователю, занимающемуся родословной Ленина

да и любой серьезной и даже малозначимой темой, надо прежде всего работать с первоисточниками»[21].

С последним высказыванием А. А. Арутюнова можно полностью согласиться. Но в связи с обвинениями в адрес Е. Е. Кирилловой и В. Н. Шепелева хотелось бы задать А. А. Арутюнову вопрос: в чем конкретно состоит нарушение ими этических норм архивистов и ради чего это сделано? Имеющийся в нашем распоряжении ксерокс письма А. И. Ульяновой-Елизаровой И. В. Сталину полностью соответствует опубликованному в журнале «Отечественные архивы», № 4, 1992 г. тексту[22].

Некорректно поступает А. А. Арутюнов, освещая жизнь староконстантиновско-житомирских предков Ульяновых. Читая его две последние книги, невольно возникает вопрос: на основании каких документов прапрадед Ульяновых Ицык Бланк (у А. А. Арутюнова он назван прадедом) объявлен жителем г. Староконстантинова, владельцем собственного дома и земли[23]. Ссылки А. А. Арутюнова на документы, хранящиеся в Государственном архиве Житомирской области, возникают лишь при рассмотрении вопросов, связанных с Мойшей Ицыковичем Бланком. А. А. Арутюнов пишет о том, что в семье Марьям и Мойши Бланков в 1809 г. было два сына Абель и Сруль (Израиль) и три дочери Анна, Екатерина и Мария[24]. Но это не соответствовало действительности, так как в семье Бланков не было трех вышеназванных дочерей. Состав семьи М. И. Бланка перечислен в протоколе присутствия Новоград-Волынского магистрата 19 апреля (1 мая) 1809 г., а затем повторен в ревизиях 1816 и 1834 гг. Об этом подробно рассказал в своей статье «О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире» В. В. Цаплин, первый публикатор этих документов[25]. Но в сообщенном им списке дочери не упоминаются. Тем более, что В. В. Цаплин не мог не обратить внимания на то, что в 1809 г. имена дочерей должны были быть еврейскими и только в 1834 г. – христианскими. Это утверждение косвенно подтверждается делом, рассмотренным Волынским главным судом «по обвинению староконстантиновского мещанина М. И. Бланка в поджоге в 1809 г. города». Материалы дела свидетельствуют о том, что «у Мойши Бланка в 1809 г. был малолетний сын Абель, а по данным за 1826 г. у него был и сын Дмитрий – лекарь»[26].

Но у М. И. Бланка была дочь Любовь, в замужестве Тридрих. Это подтверждают документы о крещении Екатерины Бланк и сообщения «Волынских губернских ведомостей». Именно она была крестной матерью Екатерины Бланк[27]. Проживая в Житомире, Л. Д. Тридрих вместе с отцом неоднократно судилась с должниками[28].

Таким образом, делая выводы из заявления А. А. Арутюнова, можно говорить о том, что о составе семьи М. И. Бланка он пишет вещи, не соответствующие действительности. Кроме того, сопоставляя работу В. В. Цаплина и главу о родословной Улья-

новых в двух последних книгах А. А. Арутюнова, видишь, что он исключительно точно пересказывает статью В. В. Цаплина, полностью повторяет его ссылки на архивные документы. Фамилию В. В. Цаплина А. А. Арутюнов в список лиц, чьи работы он использовал при написании своих книг, не включает. А. А. Арутюнов сообщает читателям: «Сенсационные материалы Житомирского областного архива дают основание предположить, что прадед Ленина, Мойша Ицкович Бланк был психически больным человеком»[29]. Но из каких источников он почерпнул эти сведения А. А. Арутюнов не указывает. Это дает основание считать, что его утверждение по поводу болезненного состояния М. И. Бланка не соответствует действительности. Мой вывод опирается на тот факт, что А. А. Арутюнов в своей книге утверждает, что Е. И. Эссен и А. Д. Бланк поженились, после чего «ему (А. Д. Бланку. – *М. Ш.*) удается устроиться инспектором Пермской врачебной управы»[30]. Но на эту должность А. Д. Бланк был направлен министром внутренних дел[31]. Е. И. Эссен и А. Д. Бланк в церковный брак не вступали.

Весьма своеобразно А. А. Арутюнов трактует историю обвинения М. И. Бланка в поджоге г. Староконстантинова и причину его освобождения из-под стражи Сенатом. Он считает, что «Бланк был уличен в поджоге 23 домов в Староконстантинове 29 сентября 1808 года. Чтобы отвести от себя подозрения, он немного подпалил свой дом»[32]. Это обвинение А. А. Арутюнова противоречит фактам, приведенным В. В. Цаплиным. В своей статье В. В. Цаплин пишет о том, что во время пожара дом М. И. Бланка сгорел и это стало одной из причин переезда его семьи в г. Житомир[33]. Документально не подтверждено и высказывание А. А. Арутюнова о том, что М. И. Бланку «удалось откупиться, и он был освобожден из-под стражи» Сенатом 3 июля 1809 г.[34] М. И. Бланк был освобожден из тюрьмы оправданным.

Отметим, что совпадение цитируемых источников у В. В. Цаплина и А. А. Арутюнова не случайно. Начальник Отдела информационного использования Национального архивного фонда и внешних связей Государственного комитета архивов Украины Г. В. Папакин 11 декабря 2002 г. сообщил нам, «что согласно информации, которая содержится в письме Государственного архива Житомирской области от 21.11.2002 № 28 Шз гр. Арутюнов А. А. в читальном зале архива в течение 1965–2001 годов не работал, однако по его поручению с документами могли работать другие исследователи».

Но другие исследователи не могли работать по поручению А. А. Арутюнова по одной простой причине. До 1965 г. этими документами никто не интересовался, а после их выявления они были засекречены. Но не в 1972 г., как пишет А. А. Арутюнов[35], а в 1965 г.[36] В 90-е гг. произошло рассекречивание документов, но уже по месту нового хранения.

Впрочем документы, даже опубликованные, А. А. Арутюнова интересуют мало. Для него главным источником информации является упомянутая выше статья Л. Хааза, который, по словам А. А. Арутюнова, «своими исследованиями значительно расширил наши знания о предках Ленина»[37]. Эти знания А. А. Арутюнов углубил, как и в случае с петербургскими студентами, во время посещения Германии, где немецкие коллеги рассказали ему, что в годы Великой Отечественной войны против нашей страны воевали многие родственники В. И. Ульянова: В. Модель, Х. фон Мантейфель, Р. фон Вайцзеккер, Г. Спайдель (видимо, правильнее Г. Шпайдель. – *М. Ш.*) и другие[38].

По поводу Г. Спайделя и других сказать что-либо трудно, так как А. А. Арутюнов о них ничего не пишет. Скорее всего, Г. Спайдель – персонаж вымышленный. Специалисты по немецкой родословной Ульяновых А. Брауэр и Г. фон Раух его не упоминают. Говоря же о В. Моделе, Х. фон Мантейфеле и Р. фон Вайцзеккере, А. А. Арутюнов пересказывает текст из моей книги «Ульяновы и Ленины...».

Повторив вслед за мною неверную дату смерти И. Г. Гроссшопфа – 1822 г.[39] (в действительности он умер в 1817 г.)[40], А. А. Арутюнов пишет, что «И. Г. Гроссшопф занимал солидную должность в бюрократической иерархии российского государства. Он... дослужился до должности консультанта государственной юстиц-коллегии по делам Лифляндии, Эстляндии и Финляндии»[41]. Документы же свидетельствуют о том, что И. Г. Гроссшопф служил в Государственной юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел. (Таково ее правильное название.) Не консультантом (такой должности не было), а сначала публичным нотариусом, потом консулентом, удостоившись за свою службу чина губернского секретаря (12 класса)[42], что является довольно низким классом чиновника.

Вызывает удивление, что А. А. Арутюнов, работавший в читальном зале РГА СПИ с 1992 г. над темой «Общественно-политическая деятельность В. И. Ленина»[43], не воспользовался работами крупнейших немецких специалистов по родословной В. И. Ульянова, хранящимися в фондах архива: Адальберта Брауэра и Георга фон Рауха как на немецком, так и в переводе на русский языках[44]. Эти статьи есть и в Российской Государственной библиотеке и ряде других библиотек Москвы.

Видимо, А. А. Арутюнову не известно, что эти статьи широко использовали О. А. Абрамова, Г. А. Бородулина и Т. Г. Колоскова при написании своей книги «Между правдой и истиной...», вышедшей в 1998 г. Впрочем эту работу, как и статью В. В. Цаплина, А. А. Арутюнов не считает нужным даже упомянуть.

«Интересные сведения, – пишет А. А. Арутюнов, – содержатся в статье Хааза и по шведской ветви, хотя некоторые из них требуют уточнения.

Шведские родственники Ленина берут свое начало от семьи его прадеда богатого предпринимателя, занимавшегося производством шляп в городе Упсале Симона Новелиуса, а не Карла Фредерикса Эстедта, как об этом пишет Леонард Хааз»[45].

По поводу замечаний А. А. Арутюнова необходимо сказать следующее. Оно свидетельствует о его незнании исследования К. Бакман. Еще в 1995 г. она опубликовала статью «Шведские предки Ленина», напечатанную в 1997 г. в сокращенном варианте на русском языке, а в 2000 г. полностью[46]. В ней К. Бакман называет первым известным предком В. И. Ульянова не Симона Новелиуса, а Бертила Енссона, дедушку жены Симона Новелиуса – Катарины Арнберг. Что же касается Симона Новелиуса, то он, будучи шляпником в маленьком городке Торшелла, разорился. В 1706 г. переехал в Упсалу, мог содержать семью, но больших успехов в своем деле он не достиг[47].

Весьма своеобразно объясняет А. А. Арутюнов происхождение астраханских предков Ульяновых – Смирновых. По его мнению, прадед (правильно прапрадед. – *М. Ш.*) Лукьян Смирнов был потомком ойратов-кочевников[48], которые являются западной ветвью монгольских народов (дербетов, баитов, тургутов, олетов, захчинов и др.), обитавших в степях Центральной Азии к западу от Джунгарского ханства, где они жили с XIII в. Спустя 400 лет, в начале XVII в., они переселились в Россию – в междуречье Урала, Волги и Дона.

А. А. Арутюнов утверждает, что Лукьян Смирнов исповедовал ламаизм, тибетско-монголистскую форму буддизма, которая распространена среди калмыков. «Судя по всему, он принадлежал к богатым слоям феодальной знати», – пишет А. А. Арутюнов[49].

При этом отмечу, что ни на один архивный источник для обоснования своей точки зрения А. А. Арутюнов не ссылается. По русским источникам XVII в. известно, что ойратов называли по-татарски – калмыки. В связи с этим неясно следующее утверждение А. А. Арутюнова: «В публикациях бытовало мнение, что сын его (Л. Смирнова. – *М. Ш.*), Алексей Лукьянович Смирнов, был якобы крещеным калмыком, но это не находит документального подтверждения»[50]. Но без всякого «документального подтверждения» А. А. Арутюнов считает А. Л. Смирнова состоятельным человеком, который вел широкую предпринимательскую и общественную деятельность. А. А. Арутюнов пишет, что А. Л. Смирнов «имел солидный дом со службами, свой выезд, множество дворовых людей. Все это подтверждается архивами Астраханской области»[51]. Но ссылок на архивные фонды не делает, ибо таких документов нет. Так же как нет документальных материалов о признании И. Н. Ульянова в том, «что в нем течет и калмыцкая кровь»[52].

А. А. Арутюнов считает, что Ульяновы имеют и часть чувашской крови. Но биографы В. И. Ульянова об этом молчали, так как подобная информация была закрытой[53].

В подтверждение своих слов А. А. Арутюнов заявляет, что в ходе проведенного исследования он установил, что «1) Сергачевский округ (уезд) на протяжении веков, вплоть до его присоединения... к Нижегородской губернии принадлежал чувашам и был заселен исключительно тюркоязычными племенами, большей частью чувашами»[54]. Но заявляя о принадлежности семьи Ульяниных-Ульяновых к чувашскому народу, А. А. Арутюнов никакого открытия не делает. Еще в 1964 г. об этом писал Р. Пейн в своей книге «Ленин. Жизнь и смерть». Впрочем Р. Пейн относит к представителям чувашского народа и прадеда Ульяновых А. Л. Смирнова[55]. Свой вывод о национальной принадлежности Ульяновых и Смирновых Р. Пейн сделал на основании того, что эти фамилии «были широко распространены среди поволжских чувашей, чьи предки с незапамятных времен кочевали вдоль Волги»[56]. При этом Р. Пейн поясняет, что фамилии Ульянов и Смирнов происходили от рода занятий (например, «улей») – Ульянов, или черт характера (смирный, смиренный, послушный, покорный) – Смирнов[57].

Не возражая против версии Р. Пейна о происхождении фамилий, вряд ли можно согласиться с его утверждением, что чуваши стали окончательно закрепощенными во времена Екатерины II и тогда же их заставили принять православие. Все это произошло значительно раньше. Если говорить об Ульяновых, то их предки стали крепостными и исповедовали православие уже в первой половине XVII в.

Необходимо отметить, что А. А. Арутюнов, хорошо знакомый с книгой Р. Пейна, опубликованной еще в 1964 г., не считает нужным упомянуть, что впервые именно Р. Пейн в своей книге говорит о чувашской ветви семьи Ульяновых-Смирновых. Для лиц, не знакомых с книгой Р. Пейна, но читавших книги А. А. Арутюнова, первооткрывателем чувашской ветви рода Ульяновых выступает именно А. А. Арутюнов[58].

Позицию Р. Пейна и А. А. Арутюнова о наличии чувашской ветви в роде Ульяновых разделяет кинорежиссер С. С. Говорухин. Об этом он написал в главе «Владимир Ульянов» литературного сценария «Россия, которую мы потеряли»[59]. Это звучит в тексте его одноименного фильма. Об источнике получения данных сведений С. С. Говорухин не упоминает.

Если данную точку зрения Р. Пейна и С. С. Говорухина можно считать ошибочной, то утверждения А. А. Арутюнова умышленно вводят читателей в заблуждение.

В двух последних своих работах о В. И. Ульянове-Ленине, используя в качестве источника статистическое исследование «XXV. Нижегородская. Список населенных мест по сведениям 1859 года», А. А. Арутюнов дает произвольное название этой работы. Главы этой работы «Историческое значение Нижегородской губернии» и «Сведения о заселении Нижегородской губернии» посвящены истории народов Мордвы (эрзя, мокша, терюхане), проживавших

с X в. на территории Нижнего Новгорода и Нижегородского края. Данный факт подтвержден тем, что в месте проживания народа эрзя (эрзя-маас) был построен город Арзамас.

После бездоказательного утверждения о том, что Ульяновы являются чувашами по национальности, А. А. Арутюнов продолжает:

«2) Начиная с XVII века и по настоящее время в Сергачском округе Нижегородской губернии (области) **село Андросово не существовало и не существует** (выделено А. А. Арутюновым. – *М. Ш.*).

3) В Сергачском округе в рассматриваемый период (конец XVIII века) в списке населенных пунктов Российской империи указаны два одноименных села: Малое Андосово и Большое Андосово (здесь А. А. Арутюнов делает ссылку на книгу «Списки населенных мест», т. XXV, Нижегородская губерния, СПб., 1862. – *М. Ш.*)... Село Андосово указано и в современных почтовых справочниках... Так из какого же села отлучился так называемый дед Ленина, крепостной крестьянин Николай Васильевич сын Ульянин? (Правильно Николай Васильев сын Ульянин. – *М. Ш.*) И как могут объяснить биографы Ленина тот факт, что **село Андросово в Сергачском округе Нижегородской губернии никогда не существовало**? (Выделено А. А. Арутюновым. – *М. Ш.*) Если хоть один из них провел бы источниковедческий анализ найденных в архиве документов, то на поверхность давно уже всплыли бы фальшивки.

Мало того, что они настоящей наукой не занимаются, но и своими публикациями еще больше запутывают исследуемую тему. К сожалению, у многих авторов нет опыта источниковедческого анализа документов и иных исторических материалов. Поэтому они, работая с источниками, допускают серьезные промахи и ошибки, нередко проявляют и верхоглядство»[60].

Эти обвинения А. А. Арутюнова вызывают в лучшем случае недоумение. Он делает вид, что совершенно незнаком со статьями журналистов С. Шуртакова и В. Шуткевича, на которые опирается, говоря о предках Ульяновых в своей первой книге[61]. В своих очерках авторы рассказывают о своих неоднократных поездках в село Андросово, встречах с потомками Ульяновых, братьев Н. В. Ульянина-Ульянова[62].

А. А. Арутюнов ставит под вопрос реальность существования помещика Степана Михайловича Брехова и отпуск на волю в 1791 г. Николая Ульянина-Ульянова[63]. Отпуска на волю действительно не было. Н. В. Ульянин-Ульянов был отпущен на оброк и в село Андросово не вернулся.

Что же касается помещиков Бреховых, то о них написано достаточно много. Имя же их надолго вошло в историю топонимики села Андросово. В своем очерке С. Шуртаков отметил: «...вся та часть села, что за мостиком по пригорку, – это Бреховская барщина. И барина Брехова давным-давно нет, и о барщи-

не только в книжках читаем, а название осталось». И далее: «Было тут много Ульяновых. До войны целый порядок – вот этот – так и звался "Ульянов порядок". Теперь мало этой фамилии осталось: да и то больше старики»[64].

Далее необходимо отметить, что книга, на которую А. А. Арутюнов ссылается в подтверждение своих обвинений, имеет иное название и исходные данные, а именно: «XXV. Нижегородская. Список населенных мест по сведениям 1859 года...» СПб., 1863. В этой книге на 161-й странице упомянуты села Большое и Малое Андосово, а ниже село Андросово. Причем на странице 153, где перечислены населенные пункты 1 Стана Сергачского уезда, упомянуто село Андросово со сведениями, которые его характеризуют. В связи с этим возникает вопрос: ради чего А. А. Арутюнов умышленно скрывает истину? Ведь и в современном справочнике об истории административно-территориального деления Нижегородской губернии за 1917–1929 гг. среди существующих сел названо и Андросово[65].

На топографической карте Нижегородской области, выпущенной в 1998 г., село Андросово также отмечено. По данным карты, видно, что в селе (деревне) Андросово проживает от 100 до 500 человек. Село соединено с автомобильным шоссе, ведущим к центру, где расположен сельсовет, – селу Ветошкино, и районному центру Гатино, грунтовой дорогой[66].

О наличии селя Андросово и его административном подчинении в XVIII–XX вв. писали в своих работах И. А. Богданов, Т. А. Житова, А. С. Марков, В. А. Могильников, С. Шуртаков, В. Шуткевич[67]. Работы трех последних авторов А. А. Арутюнов использует в своих книгах[68].

Сомнения А. А. Арутюнова по поводу существования села Андросово и утверждение о принадлежности Ульяновых к чувашскому народу выглядят, на фоне дальнейшего его рассказа о семье Ульяновых, неудачными высказываниями. По мнению А. А. Арутюнова, В. Шуткевич (Арутюнов ошибочно пишет В. Шеткевич[69]. – *М. Ш.*) «приводит сведения о так называемом прапраде Ленина.., пишет, что им якобы был крепостной крестьянин Никита Григорьев (1711–1779).., приводит сведения и о так называемом прадеде Ленина Василии Никитиче, умершем в 1770 году, и его сыновьях: Самойле, Порфирии и Николае»[70].

В своей книге «Феномен Владимира Ульянова (Ленина)» А. А. Арутюнов говорит о некоем Никите Григорьеве и при этом отмечает, что об Ульянове, Ульянине или Ульянинове речи не идет[71]. Рассуждения более чем странные. Статьи С. Шуртакова, В. Шуткевича, Д. Новополянского, основанные на открытых в 60-е – начале 70-х гг. астраханскими и нижегородскими архивистами документах о нижегородских предках Ульяновых, крепостных помещика С. М. Брехова, не могли быть неизвестны А. А. Арутюнову. Об этом с конца 60-х гг. неоднократно писали и говорили все средства массовой информации. Он также обхо-

дит стороной серьезное исследование астраханского писателя-краеведа А. С. Маркова «Ульяновы в Астрахани», вышедшее впервые в 1969 г. в журнале «Волга», № 4 и двумя отдельными изданиями в 1970 и 1983 г., где автор подробно рассматривает нижегородскую ветвь рода Ульяновых. Правда, в двух своих последних книгах А. А. Арутюнов упоминает и работу А. С. Маркова, и исследование В. А. Могильникова «Предки В. И. Ульянова-Ленина». Это наглядно подтверждает генеалогическая таблица чувашской ветви (версии) Ульяновых[72]. Не обращая внимания на даты рождения ряда представителей рода Ульяновых, подтвержденные документами РГАДА, А. А. Арутюнов выстраивает их так, как наиболее удобно для его концепции. Так, например, Екатерина Васильевна Ульянина, родная сестра Н. В. Ульянина-Ульянова, по сведениям В. А. Могильникова, родилась в 1759 г., а А. А. Арутюнова – в 1748 г.; Н. В. Ульянин-Ульянов, по данным В. А. Могильникова, родился в 1768 г., А.А. Арутюнова – в 1758 г. В ряде случаев А. А. Арутюнов опускает годы рождения некоторых членов рода Ульяновых по непонятным причинам. Так, дату рождения Феофана Ульянина он не указывает, по сведениям В. А. Могильникова, он родился в 1743 г. Игнорирует А. А. Арутюнов и проблему появления фамилий у крепостных крестьян в XVII–XIX вв. Фамилии возникали от принятого в те времена неполного отчества – Ульянин сын, имени матери, если отец был тяжело больным человеком или отсутствовал по каким-то причинам; от названия деревни, где родился крепостной (деревня Ульяново Шатковского стана Арзамасского уезда), которое произошло от имени первого владельца Ульяна Ивановича Панова или имени помещика, а иногда и его фамилии[73]. Так, предки некоторых петербуржцев, носящих фамилию Ленин, были, в свое время, крепостными помещиков Ярославской губернии Лениных. Нельзя исключать того факта, что крепостные Ульянины были приобретены владельцами деревни Андросово помещиками Пановыми у помещиков Ульяниных, также имевших земли в Нижегородской губернии.

Рассказ А. А. Арутюнова о Николае Васильевиче Ульянове и его сыне Илье Николаевиче также полон необъяснимых подробностей. Своим читателям он сообщает следующее: «Очень старый, тяжело больной волжский рабочий-кочегар Харитон Митрофанович Рыбаков, которого я случайно встретил в лесу в предместье города Вольска летом 1956 года, рассказал мне весьма любопытную историю. Оказывается, его отец, Митрофан Рыбаков, работал у Василия Николаевича Ульянова соляным объездчиком, и тот вместе с армянскими купцами Алабовыми владел соляными копями и судами на Каспии. Митрофан Рыбаков хорошо знал всю семью Ульяновых. Ссылаясь на рассказы отца и матери, Харитон Митрофанович говорил, что в народе ходили слухи, будто настоящий отец Ильи – Николай Ливанов; многие находили между ними большое внешнее сходство. По свидетель-

ству Харитона Митрофановича, его отец, как “буржуй”, 15 марта 1919 года был схвачен чекистами Астраханского коменданта Чугунова, прозванного в народе “красным людоедом”, и в тот же день расстрелян вместе со многими другими буржуями – домовладельцами, владельцами мелких торговых лавок, рабочими и рыбаками города Астрахани»[74].

А. А. Арутюнов никак не комментирует рассказ Х. М. Рыбакова, не дает пояснений о том, что в этот момент происходило в Астрахани. И поэтому непонятно, почему так трагично оборвалась жизнь Митрофана Рыбакова и его товарищей по несчастью.

Для начала отметим, что Петр Петрович Чугунов в описываемое время был не комендантом, а начальником гарнизона Астрахани, краевым и губернским военным комиссаром[75]. Астраханские чекисты ему не подчинялись. Председателем Астраханской ЧК с 28 февраля 1919 г. был начальник Особого отдела Каспийско-Каванского фронта, а затем XI Армии Г. А. Атарбеков (наст. Атарбекян)[76]. По характеру он был очень жестоким человеком. Именно по его вине к началу апреля 1919 г. погибло около 4000 человек[77]. Но был ли среди них Митрофан Рыбаков? С этим вопросом автор этих строк обратился в Управление Федеральной службы безопасности Астраханской области. Ответ был следующим: архивы ФСБ и Информационный центр УВД Астраханской области «сведениями о привлечении к уголовной ответственности по политическим мотивам Рыбакова Митрофана не располагают»[78].

Ответ достаточно красноречив. В связи с этим необходимо ответить на вопрос: были ли реальными личностями Рыбаковы, имеющие даже весьма отдаленное отношение к семье Ульяновых? Попытки по справочникам Астрахани и Астраханской губернии конца XIX – начала XX в. обнаружить Митрофана Рыбакова не увенчались успехом. Также не удалось обнаружить следов работы А. А. Арутюнова в архивах, на которые он ссылается. В Государственных архивах Астраханской и Нижегородской областей не сохранилось сведений о работе А. А. Арутюнова в читальных залах архивов[79].

Между тем в двух своих последних книгах, говоря о происхождении Ульяновых, А. А. Арутюнов настроен агрессивно. С упорством, достойным лучшего применения, он пытается внушить читателю мысль, что подлинным отцом И. Н. Ульянова является не Н. В. Ульянов, а Н. А. Ливанов. И эти слухи родились не на пустом месте. «Поэтому, учитывая все факты и разночтения (Ульянин, Ульянинов, Ульянов), противоречивые и сомнительные архивные записи, тенденциозные, не выдерживающие научной критики публикации (примеры, к сожалению не приводятся. – *М. Ш.*), а также явную мистификацию, пишет А. А. Арутюнов, – можно доверительно отнестись к рассказу моего давнишнего собеседника из города Вольска Харитона Митрофановича Рыбакова...»[80] Далее он решительно расправ-

ляется с работниками архивов Астрахани и Нижнего Новгорода. А. А. Арутюнов пишет: «Вся неразбериха в генеалогии Ульяновых и неожиданное появление в Астраханском и Нижегородском архивах документов по их роду наводит на мысль: не являются ли они плодом подлога и фабрикации, с опозданием на полвека осуществленными большевистскими идеологами? Не секрет, что они создавали кумира планетарного масштаба...

В документальных материалах Ульяновых имеют место не только неточности, но и подлоги. А в опубликованной литературе – сплошь противоречивые и неправдоподобные сведения. Обобщить столь сомнительные факты весьма сложно. Вывод здесь такой: настоящей биографии астраханских Ульяновых пока мы не знаем. Весьма сомнительна родственная связь между Ильей Николаевичем и родом Ульяновых из загадочного села Андросово Нижегородской губернии; сомнительна официальная версия о том, что предки Ленина по отцовской линии были крепостные крестьяне, относились к податному сословию. Есть все основания считать, что предки Ленина были из привилегированного сословия.

Я уже было завершил изучение родового древа Ульяновых, но случайно обнаружил в Российской Государственной библиотеке небольшую книжечку под названием "Предки В. И. Ульянова (Ленина)". Ее автор, В. И. Могильников (правильно В. А. – *М. Ш.*), избрав новый путь поиска источников, выявил в материалах Российского Государственного архива древних актов (РГАДА) документы, относящиеся к крепостному крестьянину деревни Еропкино Андрею Ульянину. Как выяснилось, деревни Андросово и Еропкино принадлежали одному и тому же владельцу.

Подчеркивая родственную связь Андрея Ульянина и Григория Ульянина, исследователь включает Андрея в поколенную роспись рода Ульяновых, считая последнего отцом Григория. Думается, автор выдвигает вполне плодотворную гипотезу»[81].

Последняя фраза является фактическим признанием А. А. Арутюнова ошибочности своей концепции по поводу родственных связей между Ульяновыми астраханскими и Ульяновыми андросовскими. Ведь В. А. Могильников написал свою работу на основании изучения фондов РГАДА в 90-е гг., когда говорить об умышленной подделке документов, касающихся крестьянских предков рода Ульяновых, было уже неинтересно. Необходимо отметить, что В. А. Могильников обнаружил сведения о еще двух лицах – Андрее Григорьеве (третье поколение) и Григории Андрееве (четвертое поколение)[82] – отце Никиты Григорьевича Ульянина, прапрадеде В. И. Ульянова. Так что утверждать, как это делает А. А. Арутюнов, о том, что по линии Ульяновых В. И. Ульянов происходит из привилегированного сословия, неверно.

В приведенных выше воспоминаниях Х. М. Рыбакова А. А. Арутюнов аккуратно обходит тот факт, что в газетах 1917–1919 гг. не

было помещено ни одной биографии В. И. Ульянова, а те две небольшие брошюрки-биографии: Г. Е. Зиновьева «Н. Ленин – Владимир Ильич Ульянов (очерки жизни и деятельности)» и А. Х. Митрофанова «Вождь деревенской бедноты В. И. Ульянов-Ленин (биографический очерк)», вышедшие в 1918 г., вряд ли дошли до Астрахани. Сведений о предках В. И. Ульянова они не содержали. Так что представляется весьма сомнительным, что Митрофан Рыбаков мог в 1918–1919 гг. соединить В. И. Ульянова, которого в это время в печати (если М. Рыбаков ее читал) именовали Лениным, с астраханцем Василием Николаевичем Ульяновым, скончавшимся в 1878 г.

К сожалению, А. А. Арутюнов не указывает хотя бы приблизительного возраста отца и сына Рыбаковых. Некоторые выводы можно сделать, если исходить из сведений об арестованных в это время Особым отделом XI Армии и ЧК Астрахани. Среди них было много семейных людей в возрасте от 25 до 42 лет[83], относившихся к наиболее активной и трудоспособной части астраханского населения. Митрофан Рыбаков принадлежал именно к этой группе лиц. Его сын Харитон, судя по всему, в это время еще не достиг трудоспособного возраста. В связи с этим можно говорить о том, что М. Рыбаков в год смерти В. Н. Ульянова был слишком юн, поэтому не мог работать под его руководством. Тем более он не мог заниматься проблемами отцовства Н. В. Ульянова, скончавшегося за сорок лет до его рождения.

21 декабря 2002 г. в «Независимой газете» А. А. Арутюнов опубликовал статью «Кто был настоящим отцом Ленина. Тайна семьи Ульяновых раскрыта?» В ней А. А. Арутюнов, опираясь на письма В. И. Ульянова, утверждает, что тот не любил и не признавал отца, И. Н. Ульянова, так как в письмах своих мать, М. А. Ульянову, упоминал более 200 раз, а И. Н. Ульянова ни разу.

Заявление более чем странное. Первое письмо В. И. Ульянова написано только 5 (17) октября 1893 г.[84], спустя семь лет после смерти отца. Далее А. А. Арутюнов пытается по-своему объяснить опечатку в дипломе В. И. Ульянова об окончании юридического факультета С.-Петербургского университета. Как известно, его отчество было напечатано «Иванович», затем исправлено на «Ильич». Акцентировав внимание читателей на этой опечатке, А. А. Арутюнов сообщает, что отцом В. И. Ульянова был семейный врач Ульяновых Иван Сидорович Покровский, «самодовольный и властный субъект», виновник преждевременной смерти И. Н. Ульянова. Обо всем этом А. А. Арутюнову рассказал в 1957 г. коренной житель Ульяновска, 82-летний врач-дерматолог Леонид Евграфович (фамилия не указана. – *М. Ш.*), родители которого хорошо знали семью Ульяновых и И. С. Покровского. (Не много ли совпадений с мифическими Рыбаковыми. Тем более, что А. А. Арутюнов фактически сообщает читателям дату рождения Леонида Евграфовича –1885 г. Ульяновы, как известно, уехали из Симбирска в 1887 г. Вряд ли память Леонида

Евграфовича могла сохранить какие-то воспоминания об Ульяновых, а его родителей – обо всей семье. В близкий круг знакомых они не входили.)

По утверждению А. А. Арутюнова, И. С. Покровский постоянно жил в доме Ульяновых и никогда не был женат. Это противоречит тому, о чем свидетельствуют документы Государственного архива Ульяновской области, воспоминания жителей Симбирска, включая Ульяновых, о И. С. Покровском. Об этом подробно рассказали читателям П. П. Евдокимов и Ж. А. Трофимов[85], получившие в виде ответа на свои работы письмо от внука И. С. Покровского, Алексея Федоровича Покровского.

Далее у А. А. Арутюнова следует аккуратный пересказ, со своими выводами, очерка Л. Н. Васильевой «Тайны детей Марии Бланк», который вошел в ее книгу «Дети Кремля», вышедшую в 1996 г. Ссылок на очерк Л. Н. Васильевой так же, как и на работы других авторов, А. А. Арутюнов, разумеется, не делает.

2. Вспоминает Лариса Васильева

Вторым крупным распространителем легенд о семье Ульяновых была автор нашумевших бестселлеров «Кремлевские жены» и «Дети Кремля» Л. Н. Васильева. В двух изданиях своей книги «Кремлевские жены» она рассказывает о семье Ульяновых, но, правда, с некоторыми различиями. Во второе издание внесены уточняющие правки, поэтому проанализируем материалы Л. Н. Васильевой по второму, дополненному, изданию ее книги.

В ней Л. Н. Васильева рассказывает о том, что весной 1991 г. она оказалась в большой интеллектуальной компании, где обсуждалась острая на тот момент проблема: как от социализма вернуться к капитализму. В ходе этой дискуссии коснулись и вопроса: почему Ленин мстил Романовым. Один из участников дискуссии – врач по профессии – неожиданно для окружающих сказал, что мать Ленина была фрейлиной императрицы, но какой – он не помнит, то ли жены Александра II Марии Александровны, то ли жены Александра III Марии Федоровны. Ему, естественно, возразили, что дочь еврея не могла быть фрейлиной. Но это не смутило молодого врача, и он уверенно продолжил свою речь: «...Мария Бланк завела роман с Великим князем, забеременела, ее отправили к родителям. И срочно выдали замуж за скромного учителя Илью Ульянова, пообещав ему рост по службе, что он регулярно получал в течение всей своей жизни. Она благополучно родила сына. Заметьте, старший сын Ульяновых назван Александром. Царское имя. Илья Ульянов оказался очень хорошим человеком – ни разу не упрекнул Марию Александровну и ко всем детям относился одинаково.

Присмотритесь к портретам. Александр Ульянов не похож ни на кого в семье. Он узнал тайну матери и поклялся отомстить за ее честь. Будучи студентом в Петербурге, примкнул к террорис-

там и взялся бросить бомбу в царя. И вот он сидит в тюрьме, его должны казнить. Мария Александровна приезжает в Петербург и на следующий день получает возможность увидеться с ним. На следующий день! Невероятно! При свидании она просит Александра – это написано во всех книгах о Ленине, – чтобы он покаялся, и его простят.

Александр Ульянов отказался каяться и был казнен. Подумайте, разве могла обыкновенная мать преступника сразу же добиться свидания? Интересно знать, кто сказал Марии Александровне, чтобы она предложила сыну покаяться? Кто, кроме того, на кого он покушался, мог его простить? Она, приехав в Петербург, сразу же получила свидание с царем. Сразу! Какой тогда царь был у власти? Ах, да, Александр Третий. Может , он и был когда-то ее любовником – отцом Александра Ульянова? Царь согласился простить своего сына, если он покается. Ленин мстил Романовым не только за брата, но и за мать»[86]. Л. Н. Васильева далее справедливо отмечает, что можно было возразить врачу и сказать, что первым ребенком в семье Ульяновых была дочь Анна. Но она не сделала этого, а сообщила об этом читателю со ссылкой на автора популярной в свое время пьесы «Семья», написанной в 1949 г. и шедшей на многих театральных сценах Советского Союза И. Ф. Попова. И. Ф. Попов в свою очередь неоднократно говорил Л. Н. Васильевой, что все это он слышал от своей коллеги по ссылке в городе Мезени (Архангельской области), а затем по совместной работе за рубежом Инессы Федоровны Арманд[87] . И. Ф. Арманд, как говорил Л. Н. Васильевой И. Ф. Попов, в своих рассказах о семье Ульяновых ссылалась на одного из членов семьи Арманд, не называя при этом его имени[88] . А слышал И. Ф. Попов от И. Ф. Арманд, что «Анна у Марии Александровны прижитая. Она – дочь одного из Великих князей, нагулянная Марией Александровной, когда та была при Дворе». «Не может быть!» – удивилась Л. Н. Васильева, обращаясь к Попову.

Безоговорочно веря компетентности И. Ф. Попова, считавшегося крупным специалистом по истории семьи Ульяновых, Л. Н. Васильева в 1953 г. более подробно заниматься этим вопросом не стала. В 50-е гг. она бы не смогла получить ответ на вопрос, имеется ли хоть один документ или воспоминания, подтверждающие знакомство семей Арманд и Ульяновых. В ЦПА при ИМЛ при ЦК КПСС ей бы ответили, что таких материалов нет. Но уже в 90-е гг. у нее была возможность познакомиться в РГА СПИ с письмом В. И. Ульянова Инессе Арманд от 23 февраля (8 марта) 1914 г. (оно было опубликовано в «Российской газете» 18 января 1994 г.), в котором он очень резко отзывался по поводу того, что И. Ф. Попов не выполнил его поручения о передаче Секретарю Международного социалистического бюро II Интернационала Камилю Гюисмансу доклада ЦК РСДРП Брюссельскому объединительному совещанию, которое было созвано Ис-

полкомом Международного социалистического бюро. В.И. Ульянов дал И. Ф. Попову негативную характеристику: «Послал бешеное заказное с обратной распиской письмо этому мерзавцу Попову: занимайся, дьявол тебя бери, какими хочешь любвями и болезнями, но, если взял партийное обязательство, то выполняй или вовремя передай другому... Сволочь Попов – выставил меня обманщиком перед Гюисмансом...»[89]

Скорее всего письмо В. И. Ульянова И. Ф. Попову было очень резким и, наверняка, содержало расшифровку того, что В. И. Ульянов имел в виду под словами: «любвями и болезнями». Возможно, между И. Арманд и И. Ф. Поповым состоялась беседа, где она высказала свое отношение по этому поводу. О том, что И. Ф. Попов помнил об этом, свидетельствует примечание публикаторов ленинского письма к И. Арманд – «не разыскано»[90].

В 1991 г. письма В. И. Ульянова к И. Арманд были еще засекречены, поэтому Л. Н. Васильева о них просто не знала. Тем не менее тема ее заинтересовала и она решила подробно ознакомиться с исторической литературой и документами по ней[91].

Судя по содержанию книги, в архивах она не работала. О том, какую литературу Л. Н. Васильева использовала в своей работе, она нигде не упоминает. В основном ее книга построена на рассказах и слухах. В очередном рассказе И. Ф. Попова, где он снова ссылался на И. Арманд, речь шла о том, что Александр Ульянов, разбирая после смерти Ильи Николаевича отцовские бумаги, «натолкнулся на документ, касающийся пребывания при императорском дворе девицы Марии Бланк – то ли пожалование материального характера на новорожденного, то ли письмо, раскрывающее тайну.

Александр поделился открытием с Анной, которой эта бумага лично касалась. И оба поклялись отомстить. Жажда мести привела их к народовольцам, чьи идеи совпали с их намерениями. Но Александр не хотел впутывать сестру и в решающий момент отстранил ее от задуманного акта. Против Анны улик не было, ее отпустили.

Инессе Арманд не было известно, знал ли обо всем этом Ленин. Она не считала возможным заговаривать с ним на эту тему. Так, во всяком случае, она говорила Попову.

Как бы то ни было, две беды, безусловно, перевернули в 80-е гг. (XIX в. – *М. Ш.*) жизнь семьи Ульяновых: смерть отца, сделавшая детей сиротами, и казнь Александра, сделавшая детей революционерами.

Что же касается легенды...

Этот стог сена пока еще слишком велик, чтобы сразу найти в нем иголку»[92].

Л. Н. Васильева ошибается. В «стоге сена», сложенном благодаря И. Ф. Попову, «иголку» отыскать довольно просто, изучив ежегодный «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в импе-

рии и по главным управлениям в Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском» за весь XIX в. и первые 17 лет XX в. В подпункте II «Придворный штат Их Императорских величеств государынь императриц с указанием статс-дам; камер-фрейлин и фрейлин; девиц, помещенных жительством с фрейлинами; состоящих при комнатах государынь императриц; камер-фрау, камер-юнгфер, камер-медхен» первого раздела среди упомянутых лиц имени Бланк Марии Александровны не встречается, так же как и лиц по фамилии Бланк вообще. Кроме того, в РГИА СПб есть фонд № 469 «Придворная Его Императорского величества контора Министерства Императорского Двора», где в описях 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 14 содержатся сведения о личном составе, пожаловании в придворные звания и т. д. и т. п. И здесь материалов о Марии Александровне Бланк не обнаружено.

Обратимся к истории замужества М. А. Бланк и времени рождения двух ее первых детей. Бесспорно, все это давно и хорошо известно. Тем не менее стоит напомнить Л. Н. Васильевой и тем, кто придерживается высказанных ею теорий, о необходимости ознакомиться со сборником «Говорят документы», посвященным жизни и деятельности И. Н. Ульянова, книгами А. И. Иванского «Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам» и Ж. А. Трофимова и Ж. Б. Миндубаева «Илья Николаевич Ульянов»[93]. В них указаны даты: знакомства Ильи Николаевича Ульянова и Марии Александровны Бланк (ноябрь 1861 г.), день их свадьбы (25 августа (6 сентября) 1863 г.) и дни рождения детей: Анны (14 (26) августа 1864 г.) и Александра (31 марта (12 апреля) 1866 г.). Впрочем, даты их рождения указаны не только в 3-м издании Большой советской энциклопедии, Советской исторической энциклопедии, но и в многочисленных книгах о них.

Завершая рассмотрение вымыслов Л. Н. Васильевой о М. А. Ульяновой и членах ее семьи в книге «Дети Кремля», возникает вопрос: почему она обошла стороной тему «Ленин и женщины»? Ответ прост. В книге «Кремлевские жены» Л. Н. Васильева посвящает ей в разделе «Надежная Надежда» главу «Любовница Ленина?» Но в ней она отказывается от взгляда, «Что слухи являются важным источником информации»[94]. Нет у нее и ссылок на статьи по рассматриваемой теме, содержащие некорректные высказывания авторов по вопросу взаимоотношений В. И. Ульянова и И. Ф. Арманд. Но в то же время не пошла по пути В. Мельниченко, автора книги «Я тебя очень любила... Правда о Ленине и Арманд», написанной на документах, опубликованных до начала 1990-х гг., и архивных материалах, открытых для исследователей в 1990-е гг. правительством новой России.

Л. Н. Васильева рассматривает этот вопрос с помощью И. Ф. Попова. Но в данном случае он очень осторожен в выражениях. Позиция И. Ф. Попова: «...жизнь значительно сложнее, чем может показаться, а слово – страшная сила. Неточное сло-

во – опасно для писателя. И вообще, для человека. Инессу Арманд никак нельзя назвать любовницей Ленина. Это все гораздо, гораздо сложнее»[95]. И только спустя время, когда Л. Н. Васильева повторила свой вопрос в несколько иной форме, ответил: «Я свечу не держал»[96].

В конце книги Л. Н. Васильева поместила краткую библиографию. Из нее видно, что автор воспользовалась только ленинскими биографиями, написанными Л. Фишеров и Д. Штурман. Она проигнорировала рекомендованные Д. Шубом «Три биографии Ленина», рассмотренные им в «Новом журнале», № 77 за 1964 г. Если бы Л. Н. Васильева воспользовалась советом Д. Н. Шуба и ознакомилась с рекомендованными им для чтения ленинскими биографиями, то ее, безусловно, заинтересовала бы работа Р. Пейна. В ней автор в главе «Елизавета де К.» подробно рассказывает о романе В. И. Ульянова с аристократкой по происхождению, посещавшей светские салоны Петербурга, обеспеченной женщиной – Елизаветой К. Ее красота и ум привлекли В. И. Ульянова. Елизавета К. хорошо разбиралась в литературе и искусстве, была знакома с писателями и журналистами, придерживалась либеральных взглядов, и в тот момент была свободной.

Впервые об этом романе В. И. Ульянова рассказала в нескольких статьях читателям в 1933 г. парижская еженедельная газета «Intransigeant» («Независимая»)[97].

Спустя два года в Париж по поручению ЦК ВКП(б) приехал Г. А. Тихомирнов, заведующий Центральным партийным архивом Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). (Писатель-историк Б. В. Соколов 2 ноября 1999 г. в своем интервью «Комсомольской правде» назвал его «неким Тихомировым», исказив фамилию.) Его задачей было выявить и приобрести рукописи и письма В. И. Ульянова. В ходе работы Г. А. Тихомирнов встретился с бывшим руководителем фракции РСДРП во 2-й Госдуме, эмигрантом Г. А. Алексинским. Он был одним из авторов, упомянутых выше статей. Во время встречи Г. А. Алексинский показал Г. А. Тихомирнову письма В. И. Ульянова Елизавете К., но, видимо, ознакомиться с ними не дал. Он рассказал о том, что Елизавета К. является писательницей. Она не хочет передавать письма В. И. Ульянова в Советский Союз пока жива Н. К. Крупская. При этом Г. А. Алексинский сказал, как утверждает Б. В. Соколов, что Елизавета К., человек материально обеспеченный, так как получала деньги из СССР через Ф. Э. Дзержинского или В. Р. Менжинского. «Когда в России начались репрессии, – говорит в своем интервью Б. В. Соколов, – платить Елизавете К. за молчание перестали. Она, боясь физического устранения, решила подстраховаться и опубликовала свои мемуары и любовную переписку Ильича»[98].

Через два года после встречи с Г. А. Тихомирновым А. Бёклер (его фамилия на обложке книги стоит первой) и Г. А. Алексинский выпустили книгу «Les Amoirs secretes de Lenine d'apres

les memoires de Lise K.» (Секретная любовь Ленина по мемуарам Лизы К.). Книга пользовалась определенным успехом у читателей, так как интерес к интимной жизни основателя Советского государства и Коминтерна был постоянным.

Внимательно изучивший книгу, хорошо знавший В. И. Ульянова, Н. Валентинов сделал вывод: Даже самый поверхностный анализ названного произведения немедленно обнаруживает, что оно плод тенденциозной и очень неловкой выдумки»[99].

Но критикуя книгу А. Бёклера и Г. А. Алексинского, Н. Валентинов в работе «Встречи с Лениным» опускает фамилии авторов. А. Бёклер у него становится «французом» (вероятно, он был переводчиком), а Г. А. Алексинский – просто «русским»[100]. Название книги он также сокращает наполовину. поэтому оно читается как «Les Amoirs secretes de Lenine» (Секретная (можно перевести как «тайная») любовь Ленина)[101]. Составители примечаний к книге Н. Валентинова «Недорисованный портрет» не обратили на это внимание. В нее составной частью вошла его работа «Встречи с Лениным». Авторы примечаний написали: «23. Книгу «Тайные любовные истории Ленина» (изд. Бандинер) в отечественных библиотеках разыскать не удалось»[102]. В этом ничего удивительного нет. Книги подобного содержания не могли появиться даже в спецхранах главных библиотек страны, включая библиотеку ИМЛ при ЦК КПСС. Исключение могло коснуться только личной библиотеки И. В. Сталина, но он не владел французским языком.

Все книги, посвященные жизни и деятельности В. И. Ульянова, изданные за рубежом на иностранных и русском языках, сразу же направлялись в спецхраны библиотек. Так, в спецхран Библиотеки Академии наук в Ленинграде поступил «Новый журнал» с опубликованной статьей Н. Валентинова о родословной В. И. Ульянова, в котором страницы со статьей были вырезаны, в чем лично убедился автор этих строк.

Но вернемся к основной теме. Вслед за авторами примечаний вносят свою лепту в название книги Б. В. Соколов и В. Е. Мельниченко. Первый выпустил ее в свет в 1933 г. под названием «Любовные тайны Ленина», второй озаглавил ее «Тайные любовные увлечения Ленина»[103].

В отличие от Б. В. Соколова, который полностью доверяет А. Бёклеру и Г. А. Алексинскому, последний директор Центрального музея В. И. Ленина В. Е. Мельниченко, вслед за Н. Валентиновым, негативно относится к их книге. Ленинские письма, помещенные в ней, он называет «грубой и явной фальшивкой»[104]. В. Е. Мельниченко прав, когда пишет, что Б. В. Соколов не имел права, вслед за Елизаветой К., утверждать, что В. И. Ульянов не имел понятия, кто такая Мона Лиза Леонардо да Винчи[105]. Если бы это было так, то вряд ли И. Арманд в своем письме от 23 февраля (8 марта) 1914 г. В. И. Ульянову написала, что ее называют «исчезнувшей Джокондой»[106].

Но вернемся к книге, о которой пишут авторы примечаний, а также Б. В. Соколов и В. Е. Мельниченко. Ее нет не только в библиотеках нашей страны, но и во французских библиотеках и библиотеке Конгресса США. В каталогах этих библиотек удалось обнаружить только книгу А. Бёклера и Г. А. Алексинского «Секретная любовь Ленина по мемуарам Лизы К.»[107].

Опираясь на эту книгу Р. Пейн и Б. В. Соколов по-разному описывают знакомство В. И. Ульянова с Елизаветой К. По Р. Пейну, это произошло ноябрьским вечером 1905 г. в татарском ресторане (татарским в обиходе петербуржцы называли ресторан, где официантами были татары), куда В. И. Ульянов и его приятель Михаил Румянцев (Р. Пейн ошибся. Румянцева звали Петром Петровичем) зашли поужинать. Вскоре в ресторан пришла Елизавета К. и села за свободный столик. П. П. Румянцев обратил внимание, что его сосед бросает на нее заинтересованные взгляды. П. П. Румянцев, хорошо знакомый с Елизаветой К., подошел к ней и предложил пересесть за свой столик, пообещав познакомить ее с интересным человеком. Она согласилась. За столом завязалась интересная светская беседа, продолжавшаяся около часа. Елизавета К. в ходе ее так и не догадалась, что ее собеседником был автор заинтересовавших ее в «Новой жизни» статей за подписью «Н. Ленин».

Через неделю она пришла в редакцию «Новой жизни», встретиться со знакомым журналистом. Неожиданно для себя она встретила здесь «Ульяма Фрея», как представил ей своего знакомого П. П. Румянцев. (Это довольно странно, так как псевдонимом «Фрей» В. И. Ульянов пользовался в 1901–1902 и 1914 гг.)[108] «Фрей» радостно ее приветствовал, спросил, почему она больше не ходит в татарский ресторан. Елизавета К. поняла это как скрытое приглашение вместе поужинать. Посоветовалась с П. П. Румянцевым. Он сказал, что «Фрей» спрашивал: «Можно ли ей доверять». Румянцев рассказал ему, что из себя представляет Елизавета К. Сообщил, что ее квартира, находившаяся в фешенебельном районе Петербурга, может быть использована для конспиративных встреч. Так Елизавета К. узнала, что «Фрей» революционер. Спустя несколько дней П. П. Румянцев пригласил ее на ужин, который он устроил для друзей. Вскоре в ее квартире дважды в неделю под руководством В. И. Ульянова проводились нелегальные встречи большевиков. С этого времени между Елизаветой К. и В. И. Ульяновым установились, если верить А. Бёклеру и Г. А. Алексинскому, любовные отношения, продолжавшиеся девять лет. Она ездила вслед за В. И. Ульяновым в Стокгольм, когда там проходил IV (Объединительный) съезд РСДРП. Затем они расстались более чем на два года. Потом виделись в Париже. Последняя встреча произошла в 1914 г. в Поронино (Галиция) в обстановке строгой секретности. Это очень не понравилось Елизавете К. Больше они никогда не встречались.

Несколько иначе описывает историю этого знакомства Б. В. Соколов. Он также опирается на работу А. Бёклера и Г. А. Алексинского. Если верить Б. В. Соколовоу, то знакомство произошло следующим образом: «1905 год. Зима, – вспоминает Елизавета К., – сильный мороз. Невский проспект покрыт снегом. В качестве эмансипированной и свободной женщины я иду обедать одна в небольшой кабачок – подвал близ Невского, который посещается писателями, журналистами, артистами». Отметим, что в число памятных литературных мест Петербурга ни один кабачок не включен. Названы два ресторана, расположенные «вблизи Невского проспекта: первый из них «Вена» (ул. Малая Морская, 13/8), где собирались представители творческой интеллигенции. Здесь бывал В. И. Ульянов[109]. Но этот ресторан располагался в бельэтаже дома. Б. В. Соколов говорит о кабачке-подвале. Что очень сомнительно. вряд ли аристократка пошла бы обедать в кабачок. В. И. Ульянов в подобные заведения также не ходил. Ближе всего описанию Б. В. Соколова отвечает местонахождение второго любимого писателями ресторана «Капернаум» (Владимирский пр., 7), именовавшийся в быту «У Давыдки» в честь его владельца И. Б. Давыдова[110], но не «татарским».

В списке официальных ленинских мест ресторан «Капернаум» не значится. Но не будем забывать, что по дороге домой из редакции «Новой жизни» (ул. Троицкая, ныне Рубинштейна, 38, кв. 3) он и П. П. Румянцев могли ежедневно проходить мимо этого ресторана и регулярно ужинать в нем. Здесь могло произойти знакомство В. И. Ульянова и Елизаветы К. И не обязательно в присутствии П. П. Рямянцева. По крайней мере, если верить Б. В. Соколову, Елизавета К. его не вспоминает. Все остальное близко к рассказу Р. Пейна. Только не упомянуты Стокгольм, Париж и встреча в Поронино. Ничего не говорится о продолжительности отношений В. И. Ульянова и Елизаветы К. Может быть, по этой причине Л. Н. Васильева не коснулась этой темы, остановившись только на взаимоотношениях В. И. Ульянова и И. Ф. Арманд.

К сожалению, существует еще ряд авторов, подобно А. А. Арутюнову и Л. Н. Васильевой, которые допускают серьезные ошибки в своих работах и интервью, посвященных жизни и деятельности В. И. Ульянова. Среди них два петербуржца: Е. В. Гильбо и А. П. Кутенев.

В своих интервью 1997 г. в программе петербургского телевидения «Черный кот» (режиссер А. Габнис), посвященных членам семьи Ульяновых, Е. В. Гильбо допустил ряд серьезных отклонений от исторической истины.

Аналогично поступил в своих интервью «Санкт-Петербургским ведомостям» и «Новому Петербургу» А. П. Кутенев. В связи с этим важно сопоставить точки зрения оппонентов и аргументы, которые каждый из них приводит в подтверждение сво-

ей позиции. К сожалению, печатного текста телеинтервью Е. В. Гильбо не существует. Поэтому рассмотрим только интервью А. П. Кутенева.

3. Мифы Александра Кутенева

Интервью А. П. Кутенева было опубликовано 7 октября 1995 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» под многозначительным заголовком «Мифы Садового кольца». По мнению автора, Октябрьская революция – это результат борьбы между разведкой Генерального штаба, взявшего под контроль партию большевиков, и III Отделением, проникшим в ряды масонов, а в первые годы Советской власти взявшим под контроль органы ВЧК. На архивные документы А. П. Кутенев не ссылается и не сообщает о том, что III Отделение прекратило свое существование 6 августа 1880 г. и был создан Департамент полиции, который взял на себя функции Третьего отделения и Департамента полиции исполнительной[111]. Не стоит останавливаться на других новациях А. П. Кутенева, за исключением двух последних, где автор утверждает, что члены семьи Николая II, включая его самого, были вывезены в Москву и умерли своей смертью. Американские эксперты, исследовавшие генетический код, получили останки, принадлежавшие каким-то Романовым или кому-то из многочисленных внебрачных детей Александра III.

27 октября 1995 г. интервью А. П. Кутенева под названием «Сенсационные документы о семье Ульяновых. О чем молчала Мариэтта Шагинян?» появилось на страницах «Нового Петербурга», в котором корреспондент газеты Е. Крылова попросила его рассказать читателям о своих открытиях в этом направлении.

В своем интервью он повторил рассказы Л. Н. Васильевой. Сообщил о том, что Мария Александровна Ульянова до замужества была фрейлиной при Дворе Александра II, где у нее был роман с будущим императором Александром III, от которого она родила сына. Потом, спустя некоторое время, неизвестно от кого – дочь. Документы, приведенные выше, доказывают, что это вымысел. Необходимо добавить: разница в возрасте М. А. Бланк и Александра III составляет десять лет. К дворянству она была причислена только 4 августа 1859 г.[112] Следовательно, фрейлиной Двора она не могла стать ранее этого срока. И. Н. Ульянов сделал ей предложение не позднее апреля 1863 г. О времени рождения первых детей Ульяновых было рассказано выше. В связи с этим заявление А. П. Кутенева о том, что «историки никогда не удивлялись... такому факту, что даты рождения двух первых детей Ульяновых предшествуют свадьбе Ильи и Марии Ульяновых»[113] непонятно. Август 1863 г. – свадьба, август 1864 г. – рождение первой дочери. Игнорируя все вышеприведенные факты, далее А. П. Кутенев рассказывает о том, чтобы замять рождение

фрейлиной двух детей от разных отцов Марию Александровну, по требованию Двора, срочно выдали замуж за «находящегося на крючке у охранки» Петербурга «гомосексуалиста Илью Ульянова», дали ему в приданое дворянский титул и «хлебное место в Симбирске»[114]. Снова факты, не соответствующие действительности. И. Н. Ульянов никогда не был жителем Петербурга. По «Адрес-календарям...», начиная с 1856 г., можно проследить всю служебную карьеру И. Н. Ульянова: Пенза – Нижний Новгород – Симбирск, а также ознакомиться с его формулярными списками, хранящимися в РГА СПИ и РГИА[115].

Потомственное дворянство И. Н. Ульянов заслужил благодаря своей успешной карьере. 26 декабря 1877 (7 января 1888 г.) он был «Всемилостивейше награжден за отлично-усердную службу чином действительного статского советника»[116]. В соответствии с действовавшим с 9 декабря 1856 г. указом И. Н. Ульянов получил право на причисление себя и членов своей семьи к потомственному дворянству как лицо, по происхождению не принадлежавшее к дворянству[117]. 1 (13) января 1882 г. И. Н. Ульянов был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени[118], (ордена Св. Владимира и Св. Георгия, независимо от степени, давали право на потомственное дворянство)[119], а 1 (13) января 1886 г. – орденом Св. Станислава 1-й степени[120], что также давало право на потомственное дворянство. Ранее полученные И. Н. Ульяновым ордена: Св. Анны 3-й степени (19 ноября (1 декабря) 1865 г.)[121], 2-й степени (21 декабря 1874 г. (2 января) 1875 г.)[122] и Св. Станислава 2-й степени (22 декабря 1872 г. (3 января 1873 г.)[123] право на потомственное дворянство не давали[124]. Но, как упоминалось выше, И. Н. Ульянов при жизни так и не оформил причисление себя и членов своей семьи к потомственному дворянству. Это сделала после его смерти М. А. Ульянова. Решением Правительствующего Сената семья Ульяновых была внесена в 3-ю книгу потомственных дворян Симбирской губернии. Это дело хранится в РГА СПИ. Впрочем, следы этого имеются и в РГИА в Петербурге[125].

И наконец, если бы А. П. Кутенев, демонстрировавший в своем интервью глубокое изучение проблем интимной жизни И. Н. Ульянова, ознакомился с книгой Брониславы Орса-Койдановской «Интимная жизнь Ленина», то узнал, что, по мнению немецкого историка Генриха Вельскопфа, Илье Николаевичу «скорее подходил бы образ Дон-Жуана»[126].

Здесь названо имя Веры Васильевны Кашкадамовой, одной из учениц И. Н. Ульянова, которой, по мнению Г. Вельскопфа, он был увлечен. В. В. Кашкадамова была большим другом семьи Ульяновых и Е. И. Песковской. Впоследствии она стала известным деятелем просвещения Симбирска (Ульяновска), и в октябре 1925 г. была удостоена звания Героя Труда за свою многолетнюю педагогическую деятельность. С тем же успехом можно было назвать учительницу села Везводовка Сенгилеевского уез-

да, участницу Учительского съезда 1874 г. в Симбирске, Софью Сергеевну Романовскую. Ее И. Н. Ульянов знал еще ребенком. С. С. Романовская была младшей дочерью его коллеги по Пензенскому дворянскому институту, коллежского советника С. И. Романовского. Софья Сергеевна была неординарной личностью, получившей высокую оценку своего педагогического мастерства. Она была частым гостем в доме Ульяновых в Симбирске, где ей всегда были рады. Имя С. С. Романовскойя не упоминается по одной простой причине – они не знакомы с исследованиями ульяновского ученого Ж. А. Трофимова[127] и не изучали «Адрес-календари...» и документы архивов, содержащих материалы о школах, подчиненных Дирекции народных училищ Симбирской губернии, где, следовательно, названо много имен женщин-учительниц.

Что легло в основу исследования Г. Вельскопфа и на каком основании Б. Орса-Койдановская подробно описывает его версию – объяснить невозможно. Можно предположить, что фамилия В. В. Кашкадамовой названа потому, что это был очень близкий семье Ульяновых человек. Авторам легенды, по-видимому, не известно, что И. Н. Ульянов и уездный врач В. И. Кашкадамов давно и плодотворно вместе работали по укреплению здоровья учащихся подведомственных Дирекции народных училищ школ и стали друзьями. Дружили семьями. Поэтому И. Н. Ульянов знал В. В. Кашкадамову еще ребенком[128].

К сожалению, Г. Вельскопф и Б. Орса-Койдановская незнакомы были и с некрологами, посвященными И. Н. Ульянову. В одном из них говорилось: «Покойный был образцовым семьянином, полагавшим в семье всю свою отраду и счастье, и утешение. В свою очередь, и семья по своему... высоконравственному строю вполне оправдывала нежную любовь родителя. Всем известна в Симбирске прекрасная семья Ильи Николаевича...»[129].

Необходимо отметить один интересный факт. 29 апреля (11 мая) 1886 г. на имя министра народного просвещения И. Д. Делянова поступило анонимное письмо за подписью: «Преданный Вам и Вашему делу слуга»[130]. В нем аноним писал о попечителе Казанского учебного округа тайном советнике П. Н. Масленникове, «клубничные грехи молодости» которого превратили его в тяжело больного человека[131]. В письме упоминалось о том, что П. Н. Масленников, распространяя предосудительные сведения, выставил в неблаговидном свете многих жителей Симбирска, среди которых был и И. Н. Ульянов. Об И. Н. Ульянове аноним писал следующее: «С директором Народных училищ Ульяновым, глубоко чтимым в Симбирской губ(ернии), сделался удар при известии, что он оставлен на один год, – удар, безвременно оторвавший отца у многочисленного семейства и усердного работника у службы»[132]. Это еще одно доказательство тому, что авторов, подобных А. П. Кутеневу, совершенно не интересуют ни сведения, содержащиеся в архивных до-

кументах, ни исследования авторов, занимающихся серьезно данной темой, ни литература, посвященная родословной Ульяновых.

Придерживаясь своей версии в отношении М. А. Ульяновой, А. П. Кутенев говорит о том, что в Симбирске она «не отличалась строгим поведением, и хотя сексуальная жизнь с Ильей Николаевичем у нее сложиться никак не могла, она родила еще четырех детей, неизвестно от каких отцов»[133]. Подобное заявление должно иметь под собой документальное медицинское основание, которого не существует и существовать не может. Это очередные домыслы А. П. Кутенева. Достаточно взглянуть на фотографии детей М. А. и И. Н. Ульяновых. Они (за исключением Дмитрия, похожего и внешне, и характером на деда – А. Д. Бланка) были очень похожи на отца – Илью Николаевича Ульянова. Из тех, кто знал семью Ульяновых, этого никто не отрицал. Впрочем, и здесь А. П. Кутенев показывает полную некомпетентность в данном вопросе. Он говорит о четырех детях Ульяновых – Владимире, Ольге, Дмитрии и Марии. В семье было еще двое детей, о которых А. П. Кутенев, видимо, не знал. Ольга, родившаяся в июле 1868 г. и скончавшаяся в июле 1869 г. (известная всем Ольга Ильинична родилась 4(16) ноября 1871 г.) и Николай, родившийся и скончавшийся в сентябре 1873 г.[134]

Об Александре Ульянове А. П. Кутенев рассказывает, что он был озлобленным человеком. Воспоминания современников А. И. Ульянова свидетельствуют о другом. Академики В. И. Вернадкий и С. Ф. Ольденбург, народник В. В. Водовозов, знавшие А. И. Ульянова по студенческим годам в Петербурге, дают ему как личности высокую оценку[135].

По моему мнению, одна из главных идей А. П. Кутенева заключается в следующих строках, посвященных А. И. Ульянову. «Охранка, – рассказывает А. П. Кутенев, – помогла Александру Ульянову войти в народовольческую революционную организацию и принять участие в покушении на царя», так же «как в наше время спецслужбы организовали Народный фронт и другие демократические организации»[136]. Объяснений этому А. П. Кутенев не дает. Он также не обозначает источники, из которых он получил сведения о приеме М. А. Ульяновой Александром III и об их совместной поездке на свидание с А. Ульяновым в Петропавловскую крепость. Камер-фурьерские журналы за март – май 1887 г., в которых отражены все ежедневные встречи Александра III с разными лицами, не подтверждают этих сведений. Ни с одним из заключенных, участников покушения 1 марта 1887 г., Александр III не встречался[137]. С делом он знакомился по показаниям обвиняемых.

Утверждение А. П. Кутенева о том, что А. Ульянову была сохранена жизнь и он умер в психиатрической больнице в 1901 г., также не имеет никаких подтверждений[138]. А. Ульянов был казнен вместе со своими товарищами 8 мая 1887 г. Об этом есть донесение министра внутренних дел Д. А. Толстого[139]. Кроме того,

в газетах было опубликовано сообщение о том, что «приговор Особого присутствия Правительствующего сената о смертной казни, чрез повешение, над осужденными Генераловым, Андреюшкиным, Осипановым, Шевыревым и Ульяновым приведен в исполнение 8-го сего мая 1887 года»[140]. В связи с этим фраза А. П. Кутенева «историки не сходятся на способах казни»[141] совершенно непонятна. Споров на эту тему между историками не возникает.

Рассказ А. П. Кутенева о В. И. Ульянове полон ложных слухов. Он говорит о том, что В. И. Ульянов был жертвой гомосексуальных наклонностей своего отца и, благодаря этому, сам стал гомосексуалистом, что существует литература, подтверждающая эту информацию. Но к сожалению, А. П. Кутенев в своем интервью не называет ни одной книги, где рассматривалась бы данная тематика. Автору этих строк удалось выявить только одну работу, где об этом было сказано, но на уровне слухов. Б. Орса-Койдановская вспоминает: «...мне хочется вернуться к своему разговору с немецким историком Генрихом Вельскопфом... Так вот, Генрих тогда сказал мне, пожав плечами:

– Между прочим, Ленин характером весь в отца вышел. Может быть, и за женщинами так же гонялся, если бы так не увлекался книгами. Впрочем, знаешь, говорят, что Ленин был гомосексуалистом. Доказать это, конечно, никто не доказал, но причин для таких слухов тоже хватает»[142].

Документированных доказательств, как видим, никаких. Но А. П. Кутенева это не останавливает. В своем интервью он говорит, что В. И. Ульянов «оставался до конца своих дней гомосексуалистом». Кстати, это известно во всем мире, только советские люди ничего не знали... У Антониони снят фильм о великих гомосексуалистах, и Ленину в нем отведена особая глава»[143].

Последняя фраза заставила автора этих строк обратиться во Всероссийский государственный институт кинематографии (ВГИК). На мой запрос заведующая кабинетом зарубежного кино ВГИК Н. А. Старовская 16 апреля 1997 г. сообщила следующее: «Приведенная в статье А. П. Кутенева информация не соответствует действительности. Выдающийся итальянский кинематографист Микеланджело Антониони не создавал фильмов на означенную вами тему»[144]. Разумеется, и книг на означенную тему в главных библиотеках страны нет. Не нашло это отражения и в биографиях В. И. Ульянова, написанных Н. Валентиновым, Р. Пейном, Р. Сервисом, Л. Фишером и опубликованных в нашей стране, а также ленинских биографиях, вышедших за рубежом[145].

Этот проведенный нами поиск может быть ответом на вопрос, поставленный А. П. Кутеневым, женщины в жизни В. И. Ульянова. Тем не менее, делая свой вывод, А. П. Кутенев утверждает, что в связи с нетрадиционной сексуальной ориентацией В. И. Ульянов вырос озлобленным. «В гимназии он вы-

мещал зло на сверстниках, дрался, бил своих супостатов. При всем при том, он, конечно, был очень талантливым человеком». С этим можно согласиться. В течение всех лет обучения одноклассники называли его «Ульяшей» и «лучшим из сорока пяти»[146]. Но вот насчет озлобленности? Интересно, из чьих воспоминаний взял подобные сведения А. П. Кутенев? Мы же воспользуемся воспоминаниями поэта А. А. Коринфского, учившегося вначале с В. И. Ульяновым в одном классе, а потом сохранившего с ним товарищеские отношения до отъезда Ульяновых из Казани в Самару. Вероятно, ему первому В. И. Ульянов рассказал о казни старшего брата Александра[147].

Они дают высокую оценку способностям В. И. Ульянова. Отмечают, что он был в товарищеских отношениях со всеми одноклассниками, помогал любому, кто обращался к нему за помощью, но не жаловал лодырей, хотя открыто этого не высказывал, не мог оторваться от интересной книги или от шахматной партии, любил театр, спорт, на гимназических вечерах любил бывать распорядителем, так как не любил танцевать и быть просто зрителем. Правда, как вспоминает Д. А. Андреев, один раз, учась еще в одном из младших классов, побил одноклассника за то, что тот умышленно портил его хорошо заточенные карандаши. Его характер стал портиться в седьмом классе, он мог резко ответить однокласснику, но тут же заступиться за него, если считал, что одноклассника незаслуженно обидели. В восьмом классе Владимир Ульянов стал особенно резким, и одноклассники связывали это со смертью отца и гибелью брата.

И наконец, на вопрос корреспондента «Нового Петербурга» Е. Крыловой, откуда такая информация, А. П. Кутенев ответил, что это тоже особая и интересная история, у истоков которой стоит Мариэтта Шагинян. По утверждению А. П. Кутенева, в 70-е гг., когда М. С. Шагинян писала книгу о Ленине, она работала в архивах. И именно там обнаружила все сведения, сообщенные читателям «Нового Петербурга» А. П. Кутеневым. Потрясенная М. С. Шагинян написала докладную записку на имя Генерального Секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Л. И. Брежнев ознакомил с ее содержанием свое ближайшее окружение – членов Политбюро ЦК КПСС. В частности, Секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро М. А. Суслова, который, по словам А. П. Кутенева, потом «три дня лежал с давлением и требовал расстрелять Шагинян за клевету».

Читая интервью А. П. Кутенева, невольно возникает вопрос: «Неужели его допустили в Архив Президента России, где хранятся материалы, связанные с деятельностью Генеральных Секретарей ЦК КПСС и Политбюро ЦК КПСС?» Допуск исследователей к материалам этого архива очень ограничен. Предположим, докладная записка М. С. Шагинян существовала, но откуда известно, что М. А. Суслов после ознакомления с ней заболел? А. П. Кутенев, видимо, «забыл», что, согласно «Положению об

архивах», сведения о болезни не разглашаются в течение 75 лет[148]. Это положение действует и в зарубежных архивах.

После докладной записки, сообщает далее А. П. Кутенев, М. С. Шагинян осталась жива, благодаря либерализму Л. И. Брежнева, который «в обмен на молчание (М. С. Шагинян. – *М. Ш.*) предложил ей премию за книгу о Ленине, квартиру и т. д. ...Она получила Ленинскую премию за книгу “Четыре урока у Ленина”. А записку засекретили, и она лежала в архиве Центрального Комитета партии». Здесь снова умышленное, иначе не назовешь, введение читателя в заблуждение. Документы, касающиеся В. И. Ульянова, были выявлены в ленинградских и житомирских архивах в конце 1964 – начале 1965 гг., а не в 70-е гг. XX в. Они были о еврейском происхождении деда В. И. Ульянова – А. Д. Бланка и перехода его в православие. За допуск исследователей к этим документам и выявление их, как уже говорилось выше, были наказаны работники архивов. К проблемам нравственности М. А. Ульяновой или сексуальной ориентации И. Н. Ульянова, его сына Владимира и т. д. они никакого отношения не имели. В дальнейшем документы оказались в сейфе начальника Главного архивного управления Совета Министров СССР Г. А. Белова и в 1972 г. были переданы в ЦК КПСС. Об этом подробно написано в подборке: «Изъятие... произвести без оставления... копий» (где хранились и куда переданы документы о предках Ленина)», опубликованной в четвертом номере журнала «Отечественные архивы» за 1992 г. Статья к. и. н. И. И. Ивановой «История одной находки» посвящена роли М. С. Шагинян в сохранении этих документов. Письма М. С. Шагинян автору этих строк, опубликованные в сборнике «Из глубины времен», № 1 за 1992 г., также подробно освещают эту тему. Вероятно, дело в том, что сегодня вопрос о еврейской крови В. И. Ульянова уже не актуален.

Касаясь присуждения М. С. Шагинян Ленинской премии, отметим, что Ленинскую премию она получила в 1972 г. не за книгу «Четыре урока у Ленина», а за тетралогию: «Рождение сына», «Первая Всероссийская», «Билет по истории», «Четыре урока у Ленина».

Заявление А. П. Кутенева о полученной М. С. Шагинян новой квартире не объяснимо. Данные «Справочника Союза писателей СССР» за 1964, 1966, 1970, 1976, 1981 гг. свидетельствуют о том, что почтовый индекс домашнего адреса М. С. Шагинян А-319 не менялся[149]. Номер телефона изменился – вместо шестизначного появился семизначный номер. Дом, в котором проживала М. С. Шагинян, был отнесен к месторасположению на другой улице. В связи с этим изменилось название улицы, номер дома и квартиры. Совершенно непонятно, почему, не проверив факты, приведенные А. П. Кутеневым в своем интервью, еженедельник «24 часа» перепечатал эту статью 9 ноября 1995 г. Видимо, желая снять с себя всякую ответственность за подоб-

ную информацию, редакция поместила следующее примечание: «Мы отдаем себе отчет, сколь неоднозначной будет реакция читателей на эту публикацию. Но времена замалчиваний и недосказанностей миновали, надеемся, навсегда. И точка зрения историка, исследовавшего эту "острую ситуацию", имеет полное право быть услышанной».

В своем интервью А. П. Кутенев не раз ссылается на копии документов, полученных из Архива Президента России и Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (ныне Российский государственный архив социально-политической истории). На наш запрос о работе А. П. Кутенева в этих архивах поступили следующие ответы: «На Ваше письмо от 17.02.97 г. сообщаю, что документов по интересующей Вас теме в Архиве Президента Российской Федерации не имеется. Материалы о жизни и деятельности семьи Ульяновых сосредоточены в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории – бывшем ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС.

В Архиве Президента Российской Федерации исследователь А. П. Кутенев не работал. Директор Архива А. Коротков»[150].

«В ответ на Ваше письмо сообщаем следующее:

1) Ни один факт, изложенный в статье "О чем молчала Мариэтта Шагинян" А. П. Кутенева, касающийся В. И. Ленина и его ближайших родственников, архив не может подтвердить, т. к. такими документами не располагает;

2) что касается обращений граждан, в том числе и М. Шагинян, в адрес Генеральных секретарей ЦК КПСС, то такие документы находятся на хранении в Архиве Президента РФ;

3) за период 1980–1996 гг. Кутенев А. П. в нашем архиве не работал.

Директор РЦХИДНИ К. М. Андерсон»[151].

Кроме этих двух архивов, мною были запрошены ГАРФ, где хранятся материалы Министерства внутренних дел России, III Отделения Его Императорского величества канцелярии и полиции, а также РГИА и ЦГИА С.-Петербурга, в которых находятся некоторые документы, касающиеся членов семьи Ульяновых, с просьбой ответить, работали ли в их читальных залах А. П. Кутенев и Е. В. Гильбо. Ответ ГАРФ был следующим: «Сообщаем Вам, что в 1987–1997 гг. Кутенев А. П. и Гильбо Е. В. в читальном зале архива не работали. Зам. директора архива О. В. Маринин»[152]. Ответы РГИА и ЦГИА СПб были даны в устной форме и соответствовали по своему содержанию письмам из московских архивов.

4. Наталья Матвеева пишет и рассказывает

После выхода в свет первого издания книги Л. Н. Васильевой «Кремлевские жены» она получила большое количество откликов. Среди них было письмо Натальи Николаевны Матвее-

вой. В нем, а затем в телевизионной передаче «Арена для сенсаций. Семейство У.» (ведущий журналист В. С. Правдюк), Н. Н. Матвеева, развивая тему происхождения детей в семье Ульяновых, утверждала, что все дети М. А. Ульяновой имели разных отцов по той простой причине, что Мария Александровна проповедовала свободную любовь. Итог ее взглядов – Александр Ульянов – сын Д. В. Каракозова, совершившего покушение на жизнь Александра II.

Л. Н. Васильева в своей книге пишет: «Накануне покушения Каракозова нигде не могли найти». Н. Н. Матвеева по этому поводу высказала предположение, что он присутствовал при рождении сына, а затем вернулся в Петербург[153]. Но по сведениям «Стенографического отчета по делу Каракозова...», вышедшего в Москве в 1928 г., можно проследить все поездки и действия Д. В. Каракозова в эти дни. Следствие убедительно доказало, что в течение марта 1866 г., после возвращения из Петербурга, Д. В. Каракозов был в Москве. 28 марта 1866 г. он принимал участие в работе кружка, которым руководил его брат Н. А. Ишутин. Вечером, 30 марта, Д. В. Каракозов прибыл в Петербург и в течение нескольких дней жил под именем Владимирова в доме Шиля, во втором квартале Выборгской стороны, в квартире дворника П. С. Цеткина. Затем под тем же именем он проживал в гостинице «Знаменская» (ныне «Октябрьская») в 65 номере[154].

В августе 1999 г. в личной беседе Н. Н. Матвеева пыталась убедить автора этих строк, сравнивая фотографии, что А. Ульянов внешне очень похож на Д. В. Каракозова. На мой взгляд, никакого сходства нет. Существуют воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой о том, на кого похож ее брат: «Александр Ильич как лицом, так и характером походил больше на мать, особенно в детстве. Позднее рисунок губ и бровей стал напоминать отца. Но в общем можно было сказать, что он был в мать. То же редкое соединение чрезвычайной твердости и ровности характера с изумительной чуткостью, нежностью и справедливостью. Но более строгий и сосредоточенный, еще более мужественный характер»[155].

Далее Н. Н. Матвеева пишет Л. Н. Васильевой: «Мария Александровна очень боялась последствий поступка Каракозова для своей семьи и столкнула годовалого Александра с самого высокого нижегородского откоса... после чего у ребенка был переломан позвоночник. Александр Ульянов на всю жизнь остался горбатым. У него на правой руке было шесть пальцев, что считается дьявольской метой...»[156].

Здесь также искажены факты о событии, которые достаточно подробно описаны в воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой. По этому поводу она пишет: «Помню нижегородский откос – аллеи, разведенные по крутому склону к Волге, – с которого Саша упал раз и покатился, напугав мать. Очень ясно перед глазами картина: мать, закрывшая от страха глаза рукой, быстро катящийся по крутому зеленому склону маленький ко-

мочек, а там, на нижней дорожке, некий благодетель, поднявший и поставивший на ноги брата, воспрепятствовав ему тем совершить еще один или два рейса до следующих узеньких дорожек»[157].

«Кроме всем известных шестерых детей, – писала Н. Н. Матвеева, – у Марии Александровны было еще трое, которые умерли вскоре после рождения. Известно имя одного: Николай. Была также одна Ольга... Долгие годы в семье Ульяновых был врач Иван Сидорович Покровский, друг дома, о котором весь Симбирск знал как о любовнике Марии Александровны. В аттестате Владимира Ульянова вместо "Ильич" даже написано было "Иванович", потом исправлено...

Третий сын Ульяновых, Дмитрий, рожден от Покровского – Дмитрий тоже стал врачом...

Друг семьи Ульяновых, провинциальный драматург Валериан Назарьев написал пьесу "Золотые сердца", где были черты истории семьи Ульяновых. Пьеса шла в 80-е годы прошлого века на сцене Малого театра...»[158]

Все эти факты, как утверждает Н. Н. Матвеева, она почерпнула из воспоминаний своего покойного деда, священника и народовольца В. И. Павлинова, друга А. И. Ульянова. Якобы ему, а не своей матери, на сороковой день после казни старшего брата юный Владимир Ульянов сказал: «Мы пойдем другим путем». И добавил: «Путем Нечаева»[159].

Прежде чем приступить к разбору цитаты письма Н. Н. Матвеевой к Л. Н. Васильевой необходимо пояснить, что, как рассказывала во время нашей встречи Н. Н. Матвеева, ее дед, В. И. Павлинов, окончивший в 1884 г. Киевскую духовную академию, был не просто хорошо знаком с народовольцами и социал-демократами и оказывал им в разные годы содействие, но и являлся родственником семьи Лавровых. Сестра М. А. Ульяновой – Софья Александровна, была замужем за одним из представителей этой семьи, Иосифом Кондратьевичем.

Теперь перейдем к анализу самого текста. Как уже говорилось выше, в семье Ульяновых было, кроме известных шести детей, двое, а не трое детей, как пишет Н. Н. Матвеева, которые умерли в раннем детстве. Их действительно звали Ольга и Николай.

Здесь необходимо вновь вернуться к вопросу о взаимоотношениях семьи Ульяновых и их домашнего врача И. С. Покровского. Л. Н. Васильева в своей книге «Дети Кремля» подробно рассказывает о том, как она перепроверяла письмо Н. Н. Матвеевой по всем изложенным в нем фактам. Л. Н. Васильева пишет, что в воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой она ни разу не встретила упоминания фамилии Покровский. И. С. Покровский проходит в них под словами: «знакомый врач», «домашний доктор»[160]. Л. Н. Васильева дает этому свое объяснение: «Не домашний ли революционно настроенный врач посоветовал Марии Александровне назвать Александру имя его настоящего отца, чем повлиял на него?

Похоже, Анне Ильиничне неприятно сознание, что кто-то, встретив имя Покровского на страницах ее воспоминаний, вспомнит тайну, и она прилагает все силы, чтобы тайна не всплыла»[161].

Читая книгу Л. Н. Васильевой, складывается ощущение, что она многое не договаривает. Видимо, незнание автором широкого круга литературы на эту тему создает подобное впечатление. В книге воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой «О В. И. Ленине и семье Ульяновых» есть «Указатель имен», где имя И. С. Покровского, внебрачного сына члена литературно-театрального общества «Зеленая лампа» А. Д. Улыбышева и рано скончавшейся крепостной крестьянки, получившего свое отчество и фамилию от крестного отца, упоминается в примечаниях на страницах 49 и 189.

Ульяновский исследователь Ж. А. Трофимов в своей книге «Ульяновы. Поиски, находки, исследования» приводит цитату из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой: «Писарева Александр Ильич доставал у доктора Покровского, брал один том за другим и прочел все сочинения»[162].

Далее по поводу отчества «Иванович» вместо «Ильич» в аттестате В. И. Ульянова, о чем писали Л. Н. Васильева и Н. Н. Матвеева. В книге «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1 (1870–1905)» между страницами 52 и 53 помещены различные фотоматериалы, в частности фотокопия диплома первой степени, выданного В. И. Ульянову по окончании Петербургского университета в 1891 г. Именно в нем, а не в аттестате, отчество В. И. Ульянова было напечатано неправильно. Ошибка была исправлена рукой. Вариантов по поводу того, как могла возникнуть ошибка в написании отчества, может быть много и не стоит строить различные предположения. Необходимо опираться на достоверные факты.

В последние годы на страницах нашей печати и телевидении появилось много легенд об одном из крупнейших политических деятелей за всю историю России и членах его семьи. А серьезную аргументированную критику взглядов человека, его трудов подменяем, из-за отсутствия способностей и знаний, чтобы его критиковать, вымыслом со ссылками и без них на несуществующие источники.

Глава XI

РОД ЛЕНИНЫХ, ИЛИ О ТОМ, ЧЬЕ ИМЯ НОСИЛ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ПОЧТИ СЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

1. Загадка псевдонима

Между 22 мая и 1 июня 1901 г. в типографию нелегальной газеты российских социал-демократов «Искра» поступило местное письмо, в котором говорилось о материалах, частично опубликованных впоследствии (в № 5). Под письмом стояла никому тогда не известная (за исключением сотрудников типографии, редакции и близких соратников, которые были об этом, разумеется, предварительно оповещены) фамилия – Ленин. Так впервые появился новый псевдоним В. И. Ульянова. Вслед за этим письмом он подписал новым псевдонимом 24 мая 1901 г. письмо Г. Д. Лейтейзену и два письма (21 октября и 11 ноября 1901 г.) Г. В. Плеханову[1].

Но настоящая известность наступила для псевдонима тогда, когда в № 2–3 журнала «Заря» (первого научно-политического и теоретического журнала российских социал-демократов), вышедшем 8 и 9 декабря 1901 г. в Штутгарте, были опубликованы три статьи В. И. Ульянова («Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Внутреннее обозрение» и «Г.г. критики в аграрном вопросе. Очерк первый»), вошедшие затем как первые четыре главы в работу «Аграрный вопрос и “критики” Маркса»[2]. Первые две работы были подписаны криптонимами «Т. П.» и «Т. Х.», а третья – новым псевдонимом «Н. Ленин». Сотни раз повторялся затем этот псевдоним как в первоначальном виде, так и в различных вариациях, включая криптонимы: В. Л.; В. Ленин; Вл. Ленин; В. Ульянов (Ленин); Вл. Ульянов (Ленин); Вл. Ульянов (Н. Ленин); Владимир Ульянов (Н. Ленин); Владимир Ильич Ульянов (Ленин); Владимир Ильич Ульянов (Н. Ленин); Л.; Л-н; Ленин, Ленин (В. Ульянов); Ленин (Ульянов); Н. Л.; Н. Л-н; Н.-Л-ъ; Н. Ленин; Н. Ленин (В. Ульянов); Н. Ленин (Вл. Ульянов); Н. Ленин (В. И. Ульянов); Н. Ленин (Вл. Ульянов); Ульянов (Ленин); Ульянов-Ленин; Lenin; N. Lenin; N. Lenine; N. Lenine (Wl. Oulianoff); Wl. Oulianoff (Lenine); W. Lenin; W. Lenine[3].

Попытки выяснить происхождение псевдонима «Н. Ленин» предпринимались многократно, но успехом не увенчались. Автор этих строк убежден, что близкие В. И. Ульянова знали истину, но молчали, делая вид, что сами лишь догадываются и строят предположения. С учетом того, что нам уже известно о существовавшей системе запретов, это кажется вполне вероятным.

После смерти В. И. Ульянова Н. К. Крупская по просьбе редакции московской газеты «Комячейка» в письме «Почему Владимир Ильич выбрал псевдоним “Ленин”» отмечала: «Я не знаю, почему Владимир Ильич взял себе псевдоним “Ленин”, никогда его об этом не спрашивала. Мать его звали Мария Александровна. Умершую сестру звали Ольгой. Ленские события были уже после того, как он взял себе этот псевдоним. На Лене в ссылке он не был. Вероятно, псевдоним выбран случайно, вроде того, как Плеханов писал однажды под псевдонимом “Волгин”...»[4].

Спустя шестнадцать лет Д. И. Ульянов также высказал предложение, что псевдоним связан с названием сибирской реки Лены, так прекрасно описанной В. Г. Короленко[5] (которого, добавим, В. И. Ульянов не любил).

Продолжая топонимическую линию, считаем нужным обратить внимание читателя на интересный факт. Примерно в 25 километрах от Потсдама, близ Берлина, расположено небольшое местечко Ленин, славящееся живописными развалинами монастыря Гиммельпфорт, основанного в 1180 г. В историю литературы местечко Ленин вошло благодаря широко известному и неоднократно издававшемуся в Германии стихотворению «Ленинское пророчество», посвященное прекращению графского рода Асканиев (которым некогда принадлежало селение Ленин) и воцарению Гогенцоллернов. Авторство стихотворения приписывается жившему в XIII в. монаху Генриху.

Не исключено, что в 1900 г. В. И. Ульянов, находившийся в это время в Германии, слышал об этом местечке, а может быть, и побывал в нем или проезжал мимо. Название запомнилось, понравилось и было использовано в качестве псевдонима. В указателе географических названий, встречающихся в произведениях В. И. Ульянова, местечко Ленин не упоминается[6], но это, разумеется, не значит, что он о нем не знал.

Не только в далекой Германии было селение Ленин. в XVII в. селение с таким же названием возникло на территории Белоруссии на правом берегу реки Случь во владениях одной из богатейших и наиболее влиятельных семей Речи Посполитой и Литвы, занимавших высшие государственные должности, князей Радзивиллов. В 1897 г. местечко Ленин (ныне Ленино) территориально находилось в Мозырском уезде Минской губернии (сегодня оно расположено в Житковецком районе Гомельской области) и насчитывало 1173 жителя, из которых 753 человека являлись евреями. В связи с этим в местечке были православная церковь и еврейский молельный дом. В годы Советской власти деревня Ленино была центром сельсовета и совхоза «Ленинский». В настоящее время в нем насчитывается около 900 жителей. Тяжело пострадало Ленино в годы Великой Отечественной войны. В июле 1942 г. оккупанты убили 940 человек, а в феврале 1943 г. спалили деревню и уничтожили еще 120 человек[7].

Возникает вопрос: почему появилось название «Ленин» в двух странах? Думается, что эти населенные пункты вначале были земельными владениями – леном (Lehn), которые их владельцы выделили своим вассалам, несущим военную службу.

Известный петербургский журналист Б. Г. Метлицкий рассказывал автору этих строк, что, изучая псевдонимы русских социал-демократов, он обратил внимание на любопытный факт: многие из них имели псевдонимы, произведенные от женских имен. Что ж, псевдоним «Ленин» вписывается и в эту версию. Тем более, что Н. Валентинов (Н. В. Вольский) в своей книге «Встречи с Лениным», вспоминая пение С. И. Гусева (наст. Я. Д. Драбкин) на раутах, еженедельно происходивших у В. И. Ульянова с целью укрепления связи между большевиками Женевы, особо обратил внимание читателя на реакцию В. И. Ульянова при исполнении элегического романса П. И. Чайковского на стихи К. Р. (вел. князя Константина Константиновича) «Растворил я окно...».

По мнению Н. Валентинова, с этим романсом у В. И. Ульянова были связаны какие-то глубокие переживания. «Он, конечно, никому бы от этом не сказал, – пишет Н. Валентинов. – Романс Чайковского, очевидно, ему говорил что-то многое. Он бледнел, слушал, не двигался, точно прикованный, смотря куда-то поверх головы Гусева, и постоянно просил Гусева повторить. Однажды Гусев, принимаясь за вторичное исполнение, захотел немного подурачиться и, дойдя до слов “опустился пред ним на колени”, действительно стал на колени и в таком положении, повернувшись к окну, продолжал петь. Все присутствующие рассмеялись. Ленин же сердито цыкнул на нас: “Тсс! Не мешайте!”. После одного такого раута я сказал Гусеву: “Заметили ли вы, какое впечатление производит на Ленина ваш романс! Он уходит в какое-то далекое воспоминание. Уверен – “chercher la femme”. Гусев засмеялся: “Я тоже предполагаю. Думали ли вы когда-нибудь, откуда происходит псевдоним Ленина? Нет ли тут какой-то Лены, Елены?” Я спросил Ильича,– почему он выбрал этот псевдоним, что он означает? Ильич посмотрел на меня и насмешливо ответил: “Многое будете знать – скоро состаритесь”»[8].

Руководитель Всероссийского фото-киноотдела (ВФКО), одного из предшественников Министерства кинематографии, П. И. Воеводин вспоминал, что в конце ноября 1921 г. снимался документальный фильм о В. И. Ульянове «В вихре революции». Во время съемок П. И. Воеводин задал ему вопрос о происхождении псевдонима «Ленин». В. И. Ульянов ничего не ответил П. И. Воеводину, но зато в ходе дальнейшего разговора очень тонко и деловито отвлекал его внимание на другие темы[9].

Московская газета «Радикал» опубликовала статью Б. Зюкова из Гомеля, где предлагается еще одна разгадка псевдонима. Автор пишет, что в деревне Литвиновичи Кормянского района Гомельской области есть музей соратника В. И. Ульянова

П. Н. Лепешинского. В экспозиции музея имеются книги, изданные еще при жизни В. И. Ульянова. В одной из них, написанной, как утверждает Б. Зюков, самим П. Н. Лепешинским, говорится, что в сибирской ссылке с ним были две дочери – Оля и Лена. Ульяновы так детьми и не обзавелись, но Владимир Ильич любил возиться с малышами. И младшая дочь Лена даже называла его папой. Такой вот детский каприз.

И тогда (по словам Зюкова), уверяет П. Н. Лепешинский, они с Ильичом договорились, что первые работы, которые издадут после ссылки, подпишут псевдонимами «Олин» и «Ленин» – то есть Олин папа и Ленин папа. Что они и сделали, вырвавшись за границу из рук царского самодержавия.

«Как видите, очень прозаическое объяснение, не имеющее никакого отношения ни к революционной борьбе, ни ко всяким историческим событиям», завершает свое объяснение Б. Зюков[10]. Выдерживает ли оно проверку?

Для начала обратимся к полному собранию сочинений В. И. Ленина. Из именного указателя в 8-му тому узнаем, что после бегства в 1903 г. в Швейцарию П. Н. Лепешинский действительно пользовался псевдонимом Олин[11]. Итак, частично сообщение Б. Зюкова находит подтверждение. Ну а вторая часть, главная для нас? Берем известные воспоминания П. Н. Лепешинского «На повороте»[12], где он говорит о своей сибирской ссылке и знакомстве с В. И. Ульяновым. Оказывается, они познакомились в Минусинске, куда ссыльные социал-демократы съехались, чтобы вместе встретить новый, 1899-й, год. К этому времени старшей дочери П. Н. Лепешинского было немногим более полугода. Так что о двух дочерях речи быть не могло. Не мог с ними играть В. И. Ульянов, покинувший Шушенское 29 января 1900 г.[13], хотя бы потому, что к этому моменту у Лепешинских второй дочери еще не было. Не упоминается она при описании женевского периода жизни Лепешинских. Более того, касаясь своей жизни и встреч с В. И. Ульяновым, П. Н. Лепешинский пишет, что тот «не очень-то долюбливал маленьких детей», оговариваясь, что это личное впечатление, быть может, не соответствующее действительности. «Он всегда любил эту сумму загадочных потенциальных возможностей грядущего уклада человеческой жизни, – пишет П. Н. Лепешинский, – но конкретные Митьки, Вальки и Машки не вызывали в нем положительной реакции. Мне кажется, если бы его привели в школу, где резвятся восьмилетние малыши, он не знал бы, что с ними делать и стал бы искать жадными глазами свою шапку. Поскольку его всегда тянуло поиграть с красивым пушистым котенком (кошки это его слабость), постольку у него не было ни малейшего аппетита на возню с двуногим "сопляком" (извините за не совсем изящное выражение)»[14]. Далее мемуарист описывает «муки» В. И. Ульянова, когда ему в Женеве на некоторое время оставили дочь Лепешинских. Мы просмотрели все издания воспоми-

наний П. Н. Лепешинского о встречах с В. И. Ульяновым и всюду было повторение одного текста. Что мог иметь в виду Б. Зюков, непонятно.

Правда, воспоминания П. Н. Лепешинского об отношении В. И. Ульянова к детям вступают в противоречие с другими свидетельствами.

В небольшой книжке «Ленин как человек» З. И. Лилина (жена Г. Е. Зиновьева) писала, что когда В. И. Ульянов работал за письменным столом, то не только взрослые, но и его любимец Степан (маленький сын Г. Е. Зиновьева и З. И. Лилиной, после гибели отца в 1936 г. трагически погиб вместе со своей женой от рук НКВД) также затихал. Но когда В. И. Ульянов заканчивал работу, в доме «стоял дым коромыслом». Владимир Ильич играл со Степой довольно активно.

«Он никогда не уставал лазить под кровать и диван за мячом для Степы. Он носил Степу на плечах, бегал с ним взапуски и исполнял все его повеления. Иногда Владимир Ильич и Степа переворачивали все вверх дном в комнате. Когда становилось особенно уж шумно, я пыталась их останавливать, но Ильич неизменно заявлял – не мешайте, мы играем. Однажды мы шли с Владимиром Ильичом по дороге к ним домой. Степа бежал впереди нас. Вдруг Владимир Ильич произнес: “Эх, жаль, что у нас нет такого Степы”»[15].

Да, В. И. Ульянов и Н. К. Крупская всю жизнь очень жалели, что у них не было детей. Подтверждением этому служат воспоминания Н. К. Крупской о пребывании в Шушенском. Их соседом оказался поселенец-латыш П. И. Кудум, горький пьяница. Из его 14 детей к этому времени в живых остался только Миня (З. И. Лилина называет его в своих воспоминаниях Мишей), которому в это время было шесть лет. «Было у него прозрачное бледное личико, ясные глазки и серьезный разговор. Стал он бывать у нас каждый день – не успеешь встать, а уж хлопает дверь, появляется маленькая фигурка в большой шапке, материнской теплой кофте, закутанная шарфом, и радостно заявляет: “А вот и я”, – пишет Н. К. Крупская и продолжает. – Знает, что души в нем не чаяла моя мама (Е. В. Крупская. – *М. Ш.*), что всегда пошутит и повозится с ним Владимир Ильич»[16].

Когда настало время уезжать из ссылки, В. И. Ульянов обратился с просьбой к П. И. Кудуму и его жене отдать ему и Надежде Константиновне мальчика на воспитание. Но Кудумы отказали. Им казалось, что Миняю с ними будет лучше. После отъезда В. И. Ульянова и Н. К. Крупской из Шушенского Миняй захворал и умер. Дату его смерти Н. К. Крупская не называет. Огромная человеческая боль чувствуется, когда читаешь эти строки воспоминаний.

История не терпит сослагательного наклонения. Так никогда и не было у супругов Ульяновых детей, хотя они, как вспоминает хорошо их знавший социал-демократ Г. А. Соломон, «очень,

но тщетно, хотели иметь ребенка»[17], и искренне завидовали тем, у кого были дети. Более того, В. И. Ульянов делал все от него зависящее, чтобы помочь товарищу по партии, у которого должен был родиться ребенок[18].

Но вернемся к имени Лена. С этим милым женским именем, со слов М. А. Сильвина, связывает появление псевдонима «Ленин» и петербургский журналист Я. Л. Сухотин[19]. В своем интервью газете «Совесть» он утверждает, что псевдоним «Ленин» появился как память любви В. И. Ульянова и артистки хора Мариинского театра Лены Зарецкой (Зарицкой). При этом Я. Л. Сухотин опирается на беседы, которые были у него в 50-е гг. с соратником В. И. Ульянова по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» М. А. Сильвиным, и на его воспоминания «Телега моей жизни», хранящиеся в Архиве историко-политических исследований (бывший Ленинградский партийных архив).

По воспоминаниям М. А. Сильвина, как пишет Я. Л. Сухотин, в 1893 г. он снимал комнату на Мещанской (ныне Гражданской) улице (д. 10, кв. 10). В этой же квартире жила только что закончившая петербургское училище хористка Мариинского театра двадцатилетняя Елена Зарецкая. Внешне довольно строго выглядевшая, в неизменно белой блузке с всегда приколотым букетиком фиалок, Елена была исключительно артистичной натурой, жизнерадостной, обаятельной девушкой, обладавшей необычной внешностью «русской польки» (ее отец был поляк) и прекрасным голосом. В. И. Ульянов влюбился в нее и просил М. А. Сильвина покупать билеты на все спектакли Мариинского театра, в которых участвовал хор и пела Елена.

Летом 1894 г. Е. Зарецкая и В. И. Ульянов вместе приезжали к М. А. Сильвину в Царское Село, где тот снимал комнату. После знакомства с Н. К. Крупской, пишет Я. Л. Сухотин, В. И. Ульянов рассказывал ей о Зарецкой. Далее он утверждает: «Сильвин считал, и я с ним согласился, что во многом выбор Владимиром Ильичем своего псевдонима был связан с событиями личной жизни. Повторяю, это – только версия»[20].

Против версии Я. Л. Сухотина выступила О. Д. Ульянова, племянница В. И. Ульянова[21]. Ее возражения сводятся к следующему.

Во-первых, маловероятно, чтобы В. И. Ульянов стал говорить с Сильвиным о своей любви к Е. Зарецкой, так как близких дружеских отношений между ними не было. На это можно возразить, что если В. И. Ульянов бывал в гостях у Е. Зарецкой и М. А. Сильвин видел его с ней, то особых объяснений в этом случае и не требовалось.

Во-вторых, пишет О. Д. Ульянова, В. И. Ульянов и Н. К. Крупская познакомились в феврале 1894 г., с этого времени началась их любовь, которую они пронесли через всю жизнь. Дата знакомства названа правильно. Что же касается остального, вряд ли следует судить о чужих чувствах. Можно любить одну, а по-

том другую. Можно любить одну, а жениться на другой. Вспомним хотя бы об отношениях В. И. Ульянова и И. Ф. Арманд много лет спустя.

С моей стороны здесь также имеются некоторые возражения. Во-первых, в книге «Ленин в Петербурге-Петрограде» не упомянут ни один театр, который В. И. Ульянов посетил бы в качестве зрителя. У М. А. Сильвина на Мещанской ул. он был только в октябре 1894 г. (дважды). По крайней мере, в книге воспоминаний М. А. Сильвина «Ленин в период зарождения партии», а также в воспоминаниях других авторов о каких-либо еще посещениях ничего не говорится[22].

Во-вторых, В. И. Ульянов был у М. А. Сильвина в Царском Селе не летом 1894 г., как пишет Я. Л. Сухотин, а 2 апреля 1895 г., чтобы провести совещание группы членов петербургских социал-демократов. О других посещениях М. А. Сильвина в Царском Селе ни в опубликованных, ни в неопубликованных материалах не говорится[23].

Конечно, нельзя исключить возможность того, что участники революционного движения в своих воспоминаниях писали о «серьезном» – революционной деятельности В. И. Ульянова, а о «несерьезном» – личной жизни – не считали нужным упоминать. Однако, это представляется маловероятным.

Но главный аргумент против гипотезы Я. Л. Сухотина, точнее М. А. Сильвина, в другом. В фондах Мариинского театра, хранящихся в РГИА, нет упоминаний об артистке хора Елене Зарецкой[24]. В справочнике «Весь Петербург» и в «Адресной книге города Санкт-Петербурга» за 1893–1896 гг. Е. Зарицкой также не обнаруживается. Может быть, за давностью лет М. А. Сильвин, рассказывая Я. Л. Сухотину о любви молодого В. И. Ульянова, перепутал фамилию девушки?

Связывает историю появления знаменитого псевдонима с женским именем и польская писательница Б. Орса-Койдановская. В своей работе «Интимная жизнь Ленина» (где нет ссылки ни на один документальный источник) она пишет: «...есть версия, что ему (В. И. Ульянову. – *М. Ш.*) очень нравилась казанская красавица Елена Ленина, которая обещала поехать за ним в Сибирь. Но то ли она не была готова на такие жертвы, то ли тогда просто пошутила (над «чудаком» Ульяновым, кажется, всю жизнь подшучивали, посмеивались за глаза), но в Сибирь она не поехала»[25].

Вряд ли надо специально оспаривать слова Б. Орсы-Койдановской о том, что над В. И. Ульяновым «всю жизнь подшучивали и посмеивались за глаза». Ни в одной мемуарной работе подобного не встречается. Даже злейшие враги относились к нему как к личности, с огромным уважением. Это проходит красной нитью через все опубликованные воспоминания.

Л. Н. Васильева в своей книге «Кремлевские жены», со слов И. Ф. Попова со ссылкой на И. Ф. Арманд, также говорит о

казанской красавице Елене Лениной, пообещавшей В. И. Ульянову поехать вместе с ним в Сибирь, но передумавшей в последнюю минуту, не связывает ее имя с псевдонимом «Ленин»[26].

Добавим только, что по всем справочникам города Казани того периода люди, носившие фамилии «Ленин» или «Ленина», в числе жителей этого города не значатся. В связи с этим данные версии отпадают. Откуда взяли их Б. Орса-Койдановская, И. Ф. Арманд и И. Ф. Попов, сказать трудно.

А. Абрашкин в статье «Тайна псевдонима вождя», опубликованной в «Литературной России», вновь вернулся к идее происхождения псевдонима «Ленин» от названия реки Лены, но попытался обосновать ее теоретически, опираясь, в частности, на труды П. А. Флоренского. А. Абрашкин считает, что выбор псевдонима в символической форме выразил жизненные планы и амбиции В. И. Ульянова. Он напоминает, что Н. Г. Чернышевский дал автобиографическому герою романа «Пролог» фамилию Волгин, а Г. В. Плеханов пользовался псевдонимом «Бельтов» (по мнению А. Абрашкина, также «водным» по происхождению – от залива Бельт, расположенного на севере Европы).

Затем, анализируя цепочку «Волгин-Бельтов-Ленин», он приходит к далеко идущим выводам.

«Река Лена, – пишет А. Абрашкин, – по протяженности превосходит Волгу, и потому в начале века псевдоним Ленин сулил своему обладателю взлет, не снившийся Волгину-Чернышевскому. Тот же “закон сравнения» предсказывал Ленину восхождение куда более крутое, нежели Бельтов-Плеханову. Предсказания псевдонима завораживали. Превзойти Плеханова – значит стать первым теоретиком партии, безусловным лидером российской социал-демократии. Затмить же Чернышевского можно было только осуществив главную мечту его жизни – мечту о социалистической революции. Таким образом имя Ленин соединялось с идеей грядущей революции.

Новый псевдоним был подарком судьбы, но явился неожиданно кстати – в тот момент, когда подспудно зрел план определяющей книги жизни “Что делать?”. Издавая эту работу, Владимир Ильич подписал ее «Н. Ленин», как бы освящая этим символическим именем свой шаг к организации революции. Публикация книги – особая веха в жизни вождя. В это время Ленин решается открыто проповедовать абсурдную для всех остальных идею о скором пришествии социализма...

Ленин был скрытный человек... Никому не доверил Ильич и тайну своего псевдонима, ибо с ней было связано... самое важное и сокровенное... – вера в свою избранность и предназначенность. Это островок религиозности, прятавшийся в ленинской душе, не удалось заточить никакими штормами воинствующего атеизма. Если мы правы, то вождь непосредственно ощущал иррациональное влияние имени на свою жизнь»[27].

Эта специально приведенная пространная цитата из статьи А. Абрашкина полнее раскрывает интересную, но ошибочную, на мой взгляд, гипотезу.

Псевдоним Г. В. Плеханова «Бельтов» был взят не в связи с географическим названием Бельт (кстати говоря, это не «залив на севере Европы», как пишет А. Абрашкин, а проливы Большой и Малый Бельт на территории Дании, соединяющие Балтийское море с проливом Каттегат и Северным морем), но в честь героя романа А. И. Герцена «Кто виноват?» Об этом А. Абрашкин, видимо, не знает. Таким образом, вся сложная теоретическая конструкция, основанная на цепочке псевдонимов – производных от гидронимов, повисает в воздухе.

Не станем останавливаться на других спорных моментах статьи А. Абрашкина. Замечу лишь, что в ней автор, в частности, выражает несогласие с гипотезой, высказанной мной в очерке «Его именем назван наш город» в газете «Литератор» (о ней речь пойдет ниже). А. Абрашкин пишет, что рассказанную там историю появления псевдонима он оставляет на совести автора. Это, разумеется, его право. Удивляет, однако, что А. Абрашкин не сообщает, где опубликована версия оппонента, лишая таким образом читателя возможности самостоятельно разобраться, кто прав.

В психологии людей фамилия «Ленин» тесно связана с именем Владимира Ильича Ульянова. Трудно было себе представить, что в стране живут люди, носящие эту фамилию с рождения. Первое упоминание в документах фамилии Ленин относится к 1500 г., когда во время переписи населения Васильевского острова нынешнего С.-Петербурга у устья Невы, точнее, практически на берегу Финского залива, среди шести непашенных (то есть торговцев или ремесленников) людей был назван и Куземка Ленин[28].

Впрочем жили Ленины не только на территории будущего Петербурга. В третьей книге Бежецкой пятины за 1551 г. на 165-м листе записано: «Да у монастыря ж на церковной земле на монастырской Ивана Богослова торговые люди изставили лавки... А в другом рядку стоят житницы (склад для запасов зернового хлеба. – *М. Ш.*) позади тех же лавок торговых же людей, а в них сыплют привозячи хлеб и всякий мелкий товар да из них торгуют же. Житница Фомки Захарина, ... Васюка Онукова сына с ряду с котлована, ...житница Ленина Селиванова сына из деревни с. Петрова Ондреева крестьянина Паюсова, да Ленина – житница другая...»[29].

Впоследствии носители фамилии Ленин, как россияне, так и иностранцы, встречаются в официальных бумагах неоднократно. К примеру, в 1721–1726 гг. в Архангельске торговал шелковыми тканями голландский купец Тимофей ван Ленин (van Lienen)[30].

Пройдет почти 200 лет и жители России узнают, что 4 (17) марта 1915 г. на фронтах Первой мировой войны будет ранен, а 18 сен-

тября (1 октября) 1915 г. отдаст жизнь за Родину житель деревни Салинов Петровской волости Холмогорского уезда архангельской губернии В. А. Ленин[31].

Весьма оригинальная история связана с двумя самыми знаменитыми фамилиями России – Романовы и Ленины. Произошла она в 20-е гг. XX в. в Екатеринбургской губернии Верхнетурского уезда селе Романово. В этом селе многие крестьяне носили неблагозвучную для того времени фамилию Романов. Чтобы избавиться от нее, В. П. Романов, у которого хотели экспроприировать просторный двухэтажный дом, отправил В. И. Ульянову (Н. Ленину) письмо, где просил сменить ему и его родным фамилию Романов на фамилию Ленин. Просьбу удовлетворили. Дом оставили... В условиях сегодняшнего дня некоторые из Лениных вновь вернули себе фамилию предков Романов. А односельчане с улыбкой смотрят на двух закадычных друзей – Колю Романова и Володю Ленина[32].

Среди жителей Москвы 20-х гг. XX в. также были обладатели фамилии Ленин. Из справочников «Вся Москва» за 1928 и 1929 гг. видно, что домашний адрес секретаря правления Мострикотажа А. И. Ленина – Покровка, 2/1, кв. 20, а И. М. и Е. А. Лениных – Моховая ул., 10, кв. 7. Членом Общества писателей и композиторов был писатель Л. М. Ленин-Менделеев[33].

Псевдоним весьма оригинальный. Его появление трудно объяснить. Дело в том, что первая часть фамилии родовая. Вторая, по моему мнению, в честь Д. И. Менделеева. Видимо, он был взят Л. М. Лениным, чтобы чем-то отличаться от отца, М. В. Ленина, печатавшего свои статьи под криптонимом М. - В. Л.[34] Но о нем речь пойдет ниже.

В это же время на Украине играла на театральных подмостках Е. Л. Ленина, переехавшая в 1934 г. в Ташкент, где стала актрисой Ташкентского русского театра им. М. Горького. В 1950 г. ей было присвоено звание Народной артистки Узбекской ССР[35].

Выше речь шла о людях, имевших фамилию Ленин в качестве родовой. Несколько ниже мы вернемся к рассказу о целой семье, носящей эту фамилию. Но сначала о тех, кто носил ее в качестве псевдонима. Среди них были: Д. В. Виндинг, выступавший на сцене императорских театров под псевдонимом Гарин. Именно Д. В. Виндинг первым в России поднял вопрос о создании инвалидного дома для артистов и с этой целью выпустил литературный сборник «Призыв», от продажи которого было получено более 3000 руб. Кроме того, он собрал и внес в русское театральное общество для призрения престарелых артистов 65 000 руб. Он состоял почетным членом Императорского театрального общества, членом правления Московского отдела и т. д.

С 1882 г. Д. В. Виндинг начинает печататься в периодических изданиях «Русские ведомости», «Русское слово», журналах «Артист и «Театр и жизнь», активно сотрудничать в сборниках издаваемых с благотворительными целями, «Красный цветок в

память В. М. Гаршина, «Отклики» в пользу голодающим, «Дело» в пользу Петербургского женского медицинского института. Он является автором пьес «Я играю большую роль» и «Самоубийцы», а также книги «Театральные ошибки» и т. д. Среди его 19-ти литературных псевдонимов был и Д. Ленин[36].

Среди литераторов, носивших псевдоним В. Ленин, был и сын известного издателя И. Д. Сытина В. И. Сытин. Этот псевдоним он использовал при указании фамилии составителя сборников: «Избранные сочинения А. С. Пушкина» в 1912 г. и сборник стихотворений М. Ю. Лермонтова в 1914 г. Буква «В» означала имя Василий, а псевдоним «Ленин» был образован от имени любимой дочери В. И. Сытина Лены.

Носила псевдоним «А. Ленина» журналистка ежемесячного иллюстрированного журнала всех видов спорта «Сила и здоровье» А. О. Эйс, публиковавшая в нем с 5 (18) сентября 1912 г. по 9 (22) февраля 1913 г. свои статьи.

Еще один интересный факт, связанный с псевдонимом «Ленин». Спустя немногим более года, после того, как В. И. Ульянов впервые так подписался, 30 октября 1902 г. в Москве в знаменитом Малом театре в спектакле «Кориолана» также прозвучала фамилия «Ленин». Такой псевдоним взял М. Ф. Игнатюк, впоследствии народный артист СССР, ранее хорошо знакомый московским зрителям под сценической фамилией Михайлов.

М. Ф. Игнатюк сменил псевдоним по совету своего учителя известного режиссера А. П. Ленского. Таким образом, это производное от фамилии Ленский[37]. Но фамилия Ленский это тоже псевдоним. Настоящая фамилия режиссера Вервициотти[38]. Это пример уникального случая, когда псевдоним одного человека образован от псевдонима другого человека. К псевдониму В. И. Ульянова артист и режиссер Ленский никакого отношения не имеет.

Зато в Москве можно услышать рассказ о том, что в результате революционных событий в городе осенью и в декабре 1905 г. в адрес М. Ф. Ленина стали поступать письма, в которых содержались угрозы, как одному из виновников всего происшедшего в Москве. М. Ф. Ленин не на шутку испугался. И как выяснил бывший заведующий отделом техники журнала «Наука и жизнь» инженер, журналист, историк С. Е. Кипнис, М. Ф. Ленин направил в одну из московских газет письмо следующего содержания: «Я, артист Императорского Малого театра Михаил Ленин, прошу не путать меня с политическим авантюристом В. Лениным»[39].

Пройдет более десяти лет. Чекисты поинтересуются у В. И. Ульянова, как поступить с М. Ф. Лениным за его письмо в московскую газету. Он им ответит: «Оставьте этого дурака в покое»[40]. Чекисты это указание выполнили. М. Ф. Ленин прожил 71 год и гордился тем, что к своему 70-летию был награжден орденом Ленина.

Но если М. Ф. Ленин в 1906 г. хотел отмежеваться от В. Л. Ленина, то агент охранных отделений Волынской и Екатеринос-

лавской губерний, а также заграничной агентуры, житель Житомира Б. М. Мошков-Долин взял себе псевдоним «Ленин» с явно провокационной целью. Обладая, судя по всему, высоким интеллектом, Долин довольно легко проник в революционные круги интеллигенции Житомира, Екатеринослава, а затем, с сентября 1908 г. революционеров, скрывавшихся от царского правительства в Швейцарии. О революционной деятельности заграницей он докладывал руководителю Заграничного охранного отделения А. М. Гартингу. Благодаря деятельности Долина в тюрьмах и ссылках оказалось довольно значительное количество революционеров, уничтожались нелегальные библиотеки. Оплату он получал не только в твердо установленном окладе, но и «с головы», о чем свидетельствует письмо начальника Екатеринославского охранного отделения жандармского ротмистра Прутенского в Департамент полиции с просьбой выделить ему 500 руб., так как у Екатеринославского отделения нет свободных денег оплатить Долину по выдаче охранному отделению известной анархистки Таратуты. В архивах Департамента полиции хранится расписка Долина в получении им 25 марта 1908 г. 500 руб. Эта расписка была впервые подписана Долиным новым псевдонимом «Ленин». До этого он пользовался псевдонимами «Александров» и «Шарль».

В годы Первой мировой войны Долин, находясь за границей сотрудничал с российской военной разведкой. Причины его самоубийства в 1915 г. неизвестны[41].

Выбор Долиным этого псевдонима не случаен (а может быть по распоряжению Охранного отделения был выбран этот псевдоним). Замысел, возможно, состоял в том, чтобы скомпрометировать В. И. Ульянова, если в революционных кругах станет известно, что в Департаменте полиции работает агент под псевдонимом «Ленин».

Такова вкратце история известных псевдонимов «Ленин». Но говоря конкретно о псевдониме В. И. Ульянова, необходимо было бы ответить еще на один очень существенный вопрос – как быть с буквой «Н» перед фамилией. Может быть, это первая буква женского имени: Например, Нина, Наталья, Надежда, Настасья, Наина. Не будем гадать.

Незадолго до смерти В. И. Ульянова тайна его знаменитого псевдонима, казалось, была близка к раскрытию. 15 марта 1923 г. в иллюстрированном литературно-художественном и сатирическом журнале «Прожектор», редакторами которого были Н. И. Бухарин и А. К. Воронский, появился следующий интригующий материал.

«История РКП в освещении “Прожектора”.

Конкурс на тему:

Почему Владимир Ильич называется Ленин?

Условия конкурса:

1) Срок для представления решений – один месяц.

2) Вл[адимир] Ильич обязуется никому не открывать разгадки в течение указанного срока.

"Да здравствует РКП!"»[42]

Это не редакционная шутка, а свидетельство того, что В. И. Ульянов, наконец, действительно согласился рассказать, как и почему появился псевдоним «Ленин». Однако в следующих номерах журнала ни версий читателей, ни ответа редакции напечатано не было. Объясняется это, видимо, тем, что журнал с объявлением конкурса вышел в свет практически одновременно с резким ухудшением состояния здоровья В. И. Ульянова. продолжать конкурс в такой ситуации было бы бестактно.

Думается, что в редакции журнала знали ответ на интересующий нас вопрос. Подтверждение этому, возможно, когда-нибудь найдется в архивах «Прожектора» или личных фондах Н. И. Бухарина и А. К. Воронского.

2. Путь к разгадке

В 1965 г. (вскоре после того, как нами была обнаружена публикация в журнале «Прожектор») в книжные магазины Ленинграда поступила небольшая книга доцента Ленинградского института советской торговли И. Н. Вольпера (наст. Менахимовича) «Псевдонимы Ленина». В ней автор сделал первую в нашей литературе попытку объяснить появление ряда псевдонимов В. И. Ульянова. Многие объяснения автора мне были уже известны по литературе. Но одна догадка И. Н. Вольпера, касающаяся появления самого знаменитого псевдонима, меня заинтересовала. Он писал: «Можно также допустить, что толчком к выбору псевдонима "Ленин" послужило знакомство с трудами ответственного сотрудника Министерства земледелия России С. Н. Ленина. В работе "Развитие капитализма в России" (1899 г.) В. И. Ульянов (подписывавший в то время свои работы псевдонимом Владимир Ильин) использует три статьи этого автора»[43].

Опуская детали, отметим, что псевдоним В. И. Ульянова был не «С. Ленин», а «Н. Ленин». В главке под названием «Что означает буква "Н"» И. Н. Вольпер предлагает этому свое объяснение. По его мнению, букву «Н» В. И. Ульянов мог взять от подпольного имени «Николай Петрович», которым пользовался во время посещения и руководства рабочими кружками в Петербурге в 1893–1895 гг. Возможно, что он воспользовался именем умершего в младенчестве брата Николая или именем деда, Н. В. Ульянова.

За рубежом псевдоним «Н. Ленин» расшифровывали всегда как «Николай Ленин». Бесспорно, это происходило потому, что Николай наиболее распространенное русское имя на букву «Н». Впервые В. И. Ульянова Николаем называет директор Русского информационного бюро США А. Дж. Сак в своей книге «Рождение русской демократии», вышедшей в 1918 г.[44]

Вслед за ним именем «Николай» его называет американская газета «Чикаго дейли ньюс» 27 октября 1919 г. В. И. Ульянов ответил на пять вопросов ее корреспондента И. Левина и подписал ответы следующим образом: Wl. Oulianoff (N. Lenin). Редакция газеты вместо «N. Lenin» указала «Nikolai Lenin»[45].

Спустя год, 13 октября 1920 г., В. И. Ульянов дает интервью американской журналистке Луизе Брайан, жене Джона Рида. В сокращенном виде оно было опубликовано на следующий день в «Вашингтон пост»[46]. А 23 октября того же года газета югославских рабочих «Знание», выходившая в Чикаго, опубликовала под заголовком «Советская власть сильнее, чем когдалибо» полный текст интервью с В. И. Ульяновым (на сербскохорватском языке).

Давая вступительный текст к интервью, редакция газеты написала: «13 октября (ночью) Николай Ленин дал исключительное интервью "Интернейшнл ньюс сервис"»[47].

В 1920–1921 гг. в Мадрасе вышла в свет двумя изданиями книга Г. В. Кришна Рао «Николай Ленин. Его жизнь и деятельность», а 31 января 1924 г. в редактируемой М. Сингаравелу Четгиаром газете «Лейбор Кисен газетт» был опубликован некролог «Товарищ Николай Ленин»[48].

16 июня 1921 г. Б. Шоу послал В. И. Ульянову в подарок свою книгу «Назад к Мафусаилу». На титульном листе великий англичанин сделал надпись: «Николаю Ленину, единственному государственному деятелю Европы, который обладает талантом, характером и знаниями, соответствующими его ответственному положению»[49].

Имя «Николай» было поставлено перед фимилией «Ленин» американскими издателями в предисловии, которое В. И. Ульянов написал 20 января 1920 г. для четвертого американского издания книги Дж. Рида «10 дней, которые потрясли мир», вышедшего в свет в 1926 г. в Нью-Йорке (первые три издания книги Дж. Рида вышли в США в 1919 г.)[50].

В 1922 г. в эмигрантском журнале «Воля России» появилась рецензия на роман Д. Л. Давида, главными действующими лицами которого были Л. Д. Троцкий и В. И. Ульянов. Из пересказа содержания следует, что героя романа зовут «Николай Ленин»[51].

Чешский поэт В. Незвал написал стихотворение «Прокламация Николая Ленина»[52].

«Николаем Лениным» назвал В. И. Ульянова руководитель районного муниципалитета Гаваны в траурные дни 1924 г., призывая своих сограждан скорбеть о великом гражданине[53].

Последний раз расшифровку буквы «Н» как «Николай» мы встречаем у Анри Костона, составителя «Словаря псевдонимов», вышедшего в Париже в 1965 г. В своем пояснении к псевдониму «Николай Ленин» он пишет: «Государственный деятель и ученый. Владимир Ильич Ульянов»[54].

Отметим, что сам В. И. Ульянов ни одну свою работу не подписывал «Николай Ленин». Он использовал псевдоним «Н. Ленин» или его криптонимы, о которых упомянуто выше.

В 1970 г., просматривая справочник «Весь Петербург» за 1906 г., автор этих строк обнаружил фамилию С. Н. Ленина. Оказалось, что Сергей Николаевич Ленин (так звали незнакомца) жил на 2-й линии Васильевского острова (д. 1/3) и служил в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Он был действительным статским советником, занимал должности члена совета Главного управления землеустройства и земледелия и члена Кустарного комитета[55].

При этом выяснилось, что в Петербурге, но по другому адресу (Невский пр., 104), проживал также коллежский советник, старший делопроизводитель 2-го департамента Министерства юстиции Николай Николаевич Ленин[56]. Возник вопрос: не мог ли он быть тем человеком, который повлиял на появление псевдонима «Н. Ленин»? Изучив «Адресную книгу С.-Петребурга» за 1892–1896 гг. и «Весь Петербург» за 1892–1917 гг., стало понятно, что Н. Н. и С. Н. Ленины были родными братьями и проживали в интересующий нас период (1893–1895 гг.) сначала на Надеждинской (ныне Маяковского) ул., 24, а затем на Большой Подъяческой, 37 (сын Н. Н. Ленина, Николай Николаевич Ленин-младший, рассказал, что братья жили в этом доме на втором этаже)[57]. Н. Н. и С. Н. Ленины были активными членами Вольного экономического общества (ВЭО).

Анализируя все известные данные, можно сделать вывод, что В. И. Ульянов и братья Ленины были знакомы.

В период с 1893 по 1895 гг. начинающий адвокат В. И. Ульянов и сотрудник Министерства юстиции Н. Н. Ленин могли встречаться по профессиональным делам в канцелярии Съезда мировых судей (Мещанская, ныне Гражданская, ул., 26), где довольно часть в это время бывал помощник присяжного поверенного В. И. Ульянов.

Другое место, где они наверняка встречались – ВЭО. В 1893–1895 гг. В. И. Ульянов часто посещал и участвовал в заседаниях Вольного экономического общества. В богатой библиотеке Общества, насчитывавшей к концу XIX в. более 200 тысяч книг, он изучал материалы земской статистики, литературу о положении промышленности и сельского хозяйства России, брал под залог книги на дом. Даже после ареста, находясь в Доме предварительного заключения и работая там над книгой «Развитие капитализма в России», В. И. Ульянов, с помощью А. И. Ульяновой-Елизаровой и А. К. Чеботаревой, продолжал пользоваться книгами из библиотеки ВЭО. Не переставал он интересоваться изданиями ВЭО и находясь в ссылке в Шушенском.

Н. Н. Ленин, хотя и занимал ответственное положение в ВЭО, в отличие от брата, печатных трудов не имел. Как выяснилось из справочников «Весь Петербург», интересы его не огра-

ничивались только служебными или общественными обязанностями. Он увлекался театром (как потом стало известно, под псевдонимом «Нелин» играл на сцене вместе с будущей народной артисткой РСФСР Е. М. Грановской), был членом правления Василеостровского общества народных развлечений, директором Петербургского Гоголевского драматического кружка. Нельзя было исключать того, что, может быть, о нем, Николае Ленине, вспомнил, находясь в 1901 г. в Германии, В. И. Ульянов, когда размышлял над тем, каким псевдонимом подписать письмо в «Искру».

Тут возникает очень серьезный вопрос – не ставил ли при этом В. И. Ульянов под удар властей Н. Н. Ленина? На мой взгляд, нет. Благонадежность Н. Н. Ленина была вне всяких сомнений. Появление подписи «Н. Ленин» под статьей в нелегальном издании должно было заставить «власть предержащих», прежде всего чинов заграничного отделения российской охранки, заняться усиленными и длительными поисками истинного автора.

Оппоненты, в частности Я. Л. Сухотин, считают, что В. И. Ульянов не пошел бы на то, чтобы поставить под удар ни в чем невиновного человека[58]. Не встанем вдаваться в обсуждение нравственных качеств В. И. Ульянова, была ли для него важней мораль или революционная целесообразность. Подчеркну лишь еще раз, что в данном случае Н. Н. Ленин пострадать не мог.

Охранка активно принялась за поиски, которые длились довольно долго. Так, уже 11 января 1906 г. исполняющий дела прокурора Петербургской судебной палаты П. К. Камышанский (он, кстати, на два года раньше Н. Н. Ленина окончил Петербургский университет[59], а это означает, что они наверняка были знакомы) в письме директору Департамента полиции Э. И. Вуичу сообщал, что предложил следователю по важнейшим делам Н. В. Зайцову войти в сношение с охранным отделением для обнаружения лица, скрывающегося под псевдонимом «Ленин»[60].

Несколько позже следователь Н. Н. Косович предлагал владельцу типографии «Дело» социал-демократу И. Я. Львову за раскрытие псевдонима «Ленин» снять с него штраф в 500 руб. и освободить от полуторамесячного тюремного заключения[61]. Но и это не помогло. Лишь в мае 1907 г. появился документ о розыске Ульянова (Ленина)[62].

Наконец, 18 июня 1907 г. исполняющий дела вице-директора Департамента полиции А. Т. Васильев направил предписание начальнику Петербургского охранного отделения полковнику А. В. Герасимову, в котором предлагал «в возможно непродолжительном времени сообщить все имеющиеся во вверенном Вам отделении данные о Владимире Ильиче Ульянове (Ленине)... для возбуждения о нем формального дознания, причем ген.-майору Клыкову надлежит, по привлечении Ульянова в качестве обвиняемого, возбудить вопрос о выдаче его из Финляндии»[63].

Но далеко не все жандармы знали подлинную биографию и настоящее имя В. И. Ульянова. Например, подполковник корпуса жандармов Ф. С. Рожанов в учебнике по истории революционного движения в России, предназначенном для чинов охранного отделения, в разделе «Российская социал-демократическая партия (глава «Большевики») писал: «Ульянов (Ленин Николай Ильич: первоначально вместе с братом своим Александром принимал участие в террористических предприятиях последних народовольческих групп, например, в покушении на жизнь государя императора Александра III (1 марта 1887), устроив у себя динамитную лабораторию; по задержании был выслан в Восточную Сибирь; по возвращении оттуда, примкнул к марксистскому течению, а затем стал видным деятелем в Российской социал-демократической рабочей партии, сделавшись лидером «Большевиков»; в настоящее время находится за границей, пользуясь большим влиянием в партии»[64].

В 1971 г. автор этих строк изложил гипотезу о происхождении псевдонима «Ленин» в статье «Знаменитый псевдоним» и, получив необходимые визы, сдал ее в редакцию журнала «Нева». После получения сведений о том, кем были братья Н. Н. и С. Н. Ленины в 1917 г. статья была запрещена к печати цензурой.

3. Сибирский первопроходец Иван Посник и его потомки

Через 17 лет, 5 ноября 1988 г., статья «Знаменитый псевдоним» была напечатана в «Ленинградской правде» под заголовком «Еще о знаменитом псевдониме». 21 января 1990 г. ее перепечатал «Гудок» под заголовком «Еще одна версия».

После этих публикаций последовало много звонков читателей, высказывавших свои соображения. Но среди них оказался звонок жены внука С. Н. Ленина – Ларисы Дмитриевны Лениной, который не только подтвердил данную версию, но и подтолкнул к новому поиску.

Члены семьи Лениных назвали имя основателя рода – Ивана Посника. Именно так он назван в документах «Дела о дворянстве рода Лениных», имеющегося в фондах Департамента герольдии. Иван Посник упоминается только в схеме[65]. В научной же литературе, посвященной вопросам освоения Восточной Сибири, речь идет не о Иване Поснике, а о Поснике Иванове по прозвищу Губарь[66], но это, бесспорно, одно лицо. Енисейский казак, а по некоторым сведениям даже сотник[67] (что соответствовало чину поручика в регулярных войсках), Посник Иванов не имел в то время твердо установившейся фамилии. Скорее всего, Иван было имя его отца. Говорили же на Руси до революции: Владимир Ильин сын Ульянов. В те далекие времена, о которых идет речь, постоянная фамилия присваивалась в виде награды. наличие фамилии свидетельствовало о том, что человек не был

простолюдином. После основания в 1632 г. Якутского острога встал вопрос о дальнейшем освоении Сибири, подчинении русскому царю местных племен и сборе с них ясака (натурального налога).

В 1633 г. к низовьям Лены отправился отряд енисейских казаков численностью в 15 человек во главе с Посником Ивановым и Михаилом Стадухиным. Эта экспедиция была ответом на просьбу Посника Иванова, Михаила Стадухина и Ивана Казанца царю Михаилу Федоровичу отпустить их на Вилюй, за это они обещали привезти 100 соболей[68]. Обещание, судя по всему, было выполнено. В среднем течении Вилюя построено зимовье, приведены к присяге на верность русскому царю местные тунгусские племена и собран с них ясак.

После чего казаки отправились в землю долган и построили в низовьях Лены, на левом берегу, там, где в нее впадает река Стрекаловка, на расстоянии 1071 версты от Якутского острога Жиганское зимовье, впоследствии город Жиганск. Жиганск стал опорным пунктом русских землепроходцев на пути к Северному Ледовитому океану. Жившие вокруг Жиганского зимовья племена эвенков также были приведены в подданство русскому царю и с них был взят ясак.

Об этом походе Ивана Посника и его товарищей говорит следующая запись в «Книге ясачного сбора Енисейского острога Ивана Галкина»: «Да в прошлом 142 году (счет в "Книге" ведется от сотворения мира по Библии, и правильно было бы писать 6142 год, но для удобства писарь цифру 6 опускает; по современному исчислению это 1634 г. – *М. Ш.*) по Государеву Цареву и Великою Князя Михаила Федоровича всеа Руски указу посыланы енисейские служилые люди Посничко Иванов, Оничка Микитин с товарыщи 13 человек по их челобитью в новую землю вверх по Вилюе реке на стороннюю реку на Туню к новым к тунгуским людям. И Посничко да Оничка с товарыщи в 143 году (1635 г. – *М. Ш.*) взяли в аманаты (заложники. – *М. Ш.*) у влакирсово, у тунгусково у летчево князца Гориулы сына иво Гориулева Киятюга. А государева ясаку новые прибыли под того аманата взяли они Посничко да Оничка с товарыщи с того князца Гориуля и его роду 8011 соболей с хвостами.

Да они ж Посничка да Оничка с товарыщи новые и прибыли Государева ясаку, взяли с шологонсково с тунгусково князца Подоя и с его роду 11 соболей с хвостами ж.

Да с колтагирского мужика с тунгуса Бияга, да з брата его Товдончана взяли шубу соболью тунгускую»[69].

Вслед за этим отряд казаков совершил в 1635–1636 гг. поход на Индигирку. Это был сложный поход по неизведанным местам. Пришлось пройти через Алданские горы, и в 1636 г., наконец, с помощью нанятых местных проводников отряд Посника Иванова вышел к верховьям реки Яны. И вновь приведено в подданство России юкагирское население среднего и нижнего те-

чения реки. Во время этого похода Посник Иванов не только уговорил пришедших в гости к сородичам колымских юкагирских князцев Нечокия, Щенгокия и Чугая принять русское подданство, но и выяснил подробности о реке Колыме и о землях, расположенных там. С богатой добычей отряд вернулся в Якутск. Но пробыл в Якутске Посник Иванов сравнительно недолго. 25 апреля 1638 г. он во главе большого объединенного отряда енисейских и красноярских казаков, снарядившихся за свой счет, вновь отправился в теперь уже знакомый путь[70].

Как сообщает нам «отписка» ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова, с распросными речами енисейских служивых людей Посника Иванова и Петра Лазарева, бывших на реках Индигирке и Янге для ясачного сбора и открытия новых земель, «пошел он Посничко служивыми людьми из Якуцкого острогу на Янгу реку, с 30 человеки, конми, и шол Камень де через Камень до Янги реки и по Янге реке вниз до Якутских людей четыре недели, а на вершине, государь (царь Михаил Федорович. – *М. Ш.*), Янги реки живут Тунгуси именем Ламутки, а ясаку тебе, государь, не дают; а на низ де, государь, по Янге реке и по Онге реке живут многие Якутцкие люди, князец Кутурга, да Тунгусы, и с те де он Посничко Якутив взял тебе государю ясак, на 147 год (1639 г. – *М. Ш.*), 6 сороков соболей, и выслал он те соболи того ж году в Якутцкой острог с шестью человеки, и впредь де, государь, для того государева ясаку доведеце на Янгу и Онгю реку посылать к Якутом по 6 человек; а Ясак де твой государев сбирать на Янге без аманатов держать на Янге, государь, не уметь, для того что кормить нечем, река безрыбна. И в прошлом де, государь, во 147 году, он Посничко с 27 человеки пошел конми с Янги реки вверх по Толстаку реке на Индигерскую реку в Юкагирскую землицу, и шел де, государь, он по Толстаку и через хребты до Индигерские вершины, многими неясачными Тунгусами Ламутками и по Индигерской реке вниз до Юкагирской землицы, четыре недели; а на Индигерской де, государь, реке в Юкагирской землице взяли аманата, и под тех де, государь, аманатов взял ясаку четыре сорока три соболя, на прошлый на 148 год (1640 г. – *М. Ш.*); и с тем же, государь, ясаком из Юкагирской землицы пошел он Посничко в Якуцской острог, с служилыми людми с 15 человеки, а в Юкагирской де, государь, землице оставил с аманаты товарищей своих 16 человек, и идучи де, государь, он назад из Юкагирской землицы в Якутской острог, на Янге реке оставил для твоего государева ясачного сбору трех человек; а Юкагирская де, государь, землица людна, и Индигирская де река рыбна, а больше про те землицы росказать не умеет»[71].

Таким образом, поход Посника Иванова продолжался без малого два года и четыре месяца. В результате этого похода население, жившее в долинах рек Яны и Индигирки и, соответственно, принадлежавшие им земли, вошли в состав России. Кроме

того, достигнув берегов реки Яны, Посник Иванов вместе со своими товарищами 23 мая 1638 г. основывает Янское Верхнее зимовье, будущий Верхоянск. Здесь Посник Иванов и его отряд перезимовали.

«Книги ясачного сбора и десятой пошлины» гласят: «Взято государево ясаку с индегерского кнезца з Чими да з брата ево з Бучи и с роду его 49 соболей с хвостами... с индегерсково ж кнесца з Ыван ды да з брата его з Монмуиды 39 соболей с хвостами» и т. д.[72] Из материалов ясачной книги видно, что Посник Иванов времени зря не терял и обогащал царскую казну соболями.

Весной 1639 г. Посник Иванов вновь отправляется на Индигирку, прихватив с собой в качестве провожатых пленных юкагиров. На конях перешел верховье Индигирки, спустился вниз до Юкагирской земли, воюя по дороге с местными, юкагирскими племенами. Достигнув Индигирских порогов («шиверов») построил зимовье, названное Зашиверским (т. е. зимовьем за порогами), впоследствии ставшее городом Зашиверском. Место нового зимовья было выбрано очень удачно. Оно находилось в центре «Юкагирской землицы» недалеко от северной границы лесотундры. В итоге с юкагиров, живущих на берегах рек Яны и Олья, в 1639 г. Посник Иванов собрал 240 соболей[73].

Необходимо также отметить, что после постройки Зашиверского зимовья казаки под руководством Посника Иванова вынуждены были отбиваться от нападавших на них юкагиров. Схватку они выиграли и захватили пленных. После победы над юкагирами казаки во главе с Посником Ивановым предприняли несколько походов вверх по Индигирке и привели к присяге русскому царю кочевавшие там племена. Это обеспечило дополнительное поступление в русскую казну соболей в качестве ясака. С богатой добычей Посник Иванов возвращается в Якутск. Но вскоре вновь, в третий раз, отправляется на Индигирку заниматься хорошо знакомым делом – осваивать новые земли, возводить новые зимовья, приводить к присяге русскому царю новые племена и собирать с них ясак.

Последний раз мы встречаем упоминание Посника Иванова в «Мирской челобитной царю Михаилу Федоровичу торговых и промышленных людей о насилиях якутского воеводы Петра Головина», написанной не ранее 21 ноября 1645 г.[74], которую подписали 58 человек не только за себя лично, но и за других лиц.

Имя основателя рода Лениных вошло в историю. Путь, проложенный Посником Ивановым на Индигирку, являлся в течение XVII в. единственным сухопутным путем, связывавшим Якутский острог с северо-востоком страны и дававшим возможность освоения новых земель.

За заслуги в создании зимовий на реке Лене и освоении Сибири Посник Иванов получил различные награды, в том числе поместье, перешедшее по наследству его потомкам. Первым таким потомком, владевшим землей, документы называют нам

внука Ивана Посника Никифора Александровича Ленина (годы жизни неизвестны), владевшего имением в Вологодском уезде в 1659–1688 гг.[75]

Много лет спустя М. Г. Спиридов в своих «Записках», посвященных «старинным службам русских благородных родов», под номером 1983 назовет дворянский род Лениных, числившихся в смоленских дворянах и сражавшихся под Смоленском против поляков. В этом списке мы видим внука Посника Иванова дворянина г. Белый Леонтия Петровича Ленина, а далее перечисляются Иван Матвеевич, Андрей Александрович, Дементий Кириллович, Евдоким Александрович Ленины. О последнем говорится, что он в 1634 г. умер на службе под Смоленском против поляков. В заключение М. Г. Спиридов называет нам еще двух Лениных – стряпчего Алексея Никифоровича Ленина, участника азовского похода Петра I в 1696 г., чей портрет, написанный неизвестным художником в начале XVIII в., хранится в запасниках Русского музея, и Ивана Яковлевича Ленина, который значится четыреста седьмым в списке отставных дворян 1703 г.[76]

Исследователь истории науки Г. К. Цверава обратил мое внимание на тот факт, что человек, спасший Кунсткамеру от огня 5 декабря 1747 г., носил фамилию Ленин, высказав предположение, что он относится к роду Лениных. История такова. Стоявший на посту в здании Кунсткамеры, где тогда размещалась также Императорская библиотека (ныне библиотека Российской Академии наук), караульный солдат кабардинского полка Евсевий (Евсей) Ленин увидел огонь под кровлею и немедленно «побежал вверх и закричал: пожар! Также и караульным тот час о том сказал»[77]. Но, видимо, пожар начался намного раньше, чем был замечен, так как довольно быстро загорелись башня Кунсткамеры и западное крыло здания, где располагались музейные этнографические коллекции, равных которым не было ни в одном из музеев Европы того времени.

На тушение пожара были брошены солдаты гарнизонного и лейб-гвардейского полков, воспитанники Шляхетского кадетского корпуса. По собственной инициативе явились служащие Академии наук, жившие на Васильевском острове, и просто горожане. В течение всей ночи шло спасение драгоценных материалов. Их выносили из окон и дверей первого этажа, спускали на веревках с верхних этажей, если это были бьющиеся предметы, а также выбрасывали прямо в глубокий снег перед зданием. Благодаря принятым энергичным мерам большая часть библиотеки и экспозиции, находившиеся на не охваченных пожаром этажах, были спасены. Однако музею все же был нанесен значительный урон. Так, в огне погибла галерея и размещенные в ней этнографические коллекции народов, населяющих Сибирь (платье, фигуры божеств и т. д., коллекция китайских вещей, обсерватория «ос всеми находившимися в оной машинами, часами, моделями, небесными картами, зрительными трубами, компа-

сами и прочими... инструментами», готторпский большой глобус, оптическая камера со всеми инструментами, а также значительное число книг, анатомических и других экспонатов[78].

Но потери могли быть гораздо больше, если бы не бдительность солдата Евсея Ленина. Ознакомившись с этим случаем, у меня возникла версия, что он, возможно, потомок Ивана Посника (Посника Иванова). Но среди показаний по поводу пожара есть следующая фраза: «К сей сказке, вместо вышеописанного солдата Евсея Ленина, по его прошению Академии наук писчик Андрей Кочергин руку приложил»[79]. Значит, Евсей Ленин был неграмотен, и поэтому, скорее всего, не был дворянином.

Дворянского звания не имел и первый моряк русского гребного флота, носивший фамилию Ленин. Яков Ленин (род. 1729) поступил на службу в русский гребной флот рядовым матросом, как гласит его послужной список, в феврале 1752 г., а закончил ее после октября 1791 г. в чине боцмана, приняв участие за годы службы в морских сражениях Семилетней войны 1756–1763 гг. и русско-шведской войны 1788–1790 гг.[80]

Помещики Ленины упоминаются в материалах, хранившихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции[81]. Встречаем мы документы о Лениных и в петербургских архивах. Все Ленины честно служили России как на военной, так и на гражданской службе. Наглядным примером тому является сын Матрены Федоровны и Ивана Ильича Лениных, Федор Иванович. С 1 января 1754 г. он служил в Первом гренадерском пехотном полку. Был активным участником Семилетней войны. В составе полка участвовал в сражении при Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 г., а также в других боях Семилетней войны.

В 1766 г. Ф. И. Ленин становится подпоручиком и выходит в отставку. В 1783–1784 гг. является дворянским заседателем уездного суда. В 1790 г. служит в Вологодском уездном суде[82]. Именно Ф. И. Ленин «в доказательство на дворянство представил жалованную от Великого Государя царя и Великого князя Петра Алексеевича предку его Илье Никифорову сыну Ленину в 1707 году февраля в 1-й день на поместье, состоящее в вологодском и Кинешемском уездах в разных волостях, отказную грамоту...»[83].

Поместья Ленины имели не только в Вологодской, но и в Ярославской губернии. Здесь, в сельце Высоком Ярославской губернии, жил герой Отечественной войны 1812 г. штабс-капитан Егор Федорович Ленин (февраль 1790–1872)[84], вышедший в отставку 14 сентября 1814 г. вследствие ранения, полученного в сражении при Монмирале (Франция) «в правую руку выше локтя пулею навылет с повреждением жил». Ранее за взятие Полоцка он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, за взятие Борисова «награжден поручиком», а за бои при Кульме (ныне Хлумец в Чехии) «получил Его императорского величества благоволение»[85]. Здесь у Е. Ф. Ленина и его жены Любови Яковлевны

3 февраля 1827 г. родился сын Николай[86]. Восприемником новорожденного стал его дальний родственник, помещик пошехонского уезда, лейтенант флота Василий Михайлович Ленин, женившийся в 1809 г. на сестре будущего декабриста Н. П. Окулова – Елене Павловне[87].

Прежде чем продолжить повествование о потомках Е. Ф. Ленина, скажем несколько слов о другой ветви рода – потомках упомянутых Е. П. и В. М. Лениных. У них было трое сыновей – Сергей (род. 1810), Михаил (род. 1811) Дмитрий (род. 1824) и четыре дочери – Екатерина (род. 1812), Софья (род. 1817), Варвара (род. 1828) и Мария (род. 1823). О судьбе большинства из них ничего не известно. Однако удалось найти ряд интересных архивных документов, касающихся Сергея и Михаила Лениных.

Сергей Ленин 30 апреля 1824 г. поступил в Морской кадетский корпус, стал гардемарином 5 июня 1825 г. С 25 апреля 1828 г. служил в 5-м флотском экипаже, участвовал в морских походах. В 1838 г. был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. 3 марта 1843 г. вышел в отставку по болезни в чине капитан-лейтенанта.

После ухода в отставку С. В. Ленин поступил в Департамент корабельных лесов Министерства государственных имуществ[88]. Трудно сказать, сколько он здесь прослужил, так как его формулярного списка обнаружить не удалось. Известно только, что в 1872 г. он был мировым судьей 3-го участка Пошехонского уезда Ярославской губернии[89].

Жену Сергея Васильевича звали Александра Николаевна. У А. Н. и С. В. Лениных было трое сыновей: Николай (род. 6 июня 1847), Василий (род. 12 июля 1852) и Сергей (род. 20 марта 1854).

О судьбе детей С. В. Ленина известно мало. Н. С. Ленин в 1894 г. был гласным земского собрания Пошехонского уезда Ярославской губернии, а в 1906 г. – попечителем Давыдковской начальной школы Пошехонского уезда. Жил он в селе Хмельники Давыдковской волости и владел 394 десятинами (429,46 га) земли[90].

Трудно сказать, где и при каких обстоятельствах Н. С. Ленин познакомился с братьями Петром Ильичом и Модестом Ильичом Чайковскими. Но судя по всему, отношения его с ними, по крайней мере с М. И. Чайковским, были очень хорошие. Это видно из того, что в своем завещании от 30 ноября (13 декабря) 1915 г. М. И. Чайковский в число своих наследников включил дворянина Н. С. Ленина. В соответствии с завещанием он получал 5 % пожизненно от «трех пятых долей поступлений за публичное исполнение в России и воспроизведение на механических инструментах в России и за границей сочинений» П. И. и М. И. Чайковских[91].

Брат Н. С. Ленина, Василий Сергеевич, в 1870 г., в восемнадцатилетнем возрасте, вступил в службу унтер-офицеров в 7-й гусарский Белорусский полк. Через два года он окончил по перво-

му разряду Елизаветградское кавалерийское училище и был произведен в корнеты. День выпуска для В. С. Ленина и его товарищей по училищу был вдвойне радостным. Император Александр II, находившийся в это время в Елизаветграде (ныне Кировоград, Украина) лично поздравил выпускников училища с присвоением офицерского звания.

В течение года В. С. Ленин вновь служил в 7-м гусарском Белорусском полку и неожиданно подал прошение об отставке на высочайшее имя «по расстроенным семейным обстоятельствам». 28 марта (9 апреля) 1873 г. его прошение было удовлетворено. В. С. Ленин перешел на службу по гражданскому ведомству и ему был присвоен самый низший чин – коллежского регистратора. Карьерный рост В. С. Ленина был неудачен. Его последний чин – губернский секретарь[92]. В 1876 г. В. С. Ленин служил старшим чиновником по особым поручениям при нижегородском губернаторе[93].

Судя по архивным материалам, у В. С. Ленина был сын Анатолий (род. 13 (25) марта 1877). В соответствии с традициями семьи мать Анатолия Ленина, Вера Васильевна Ленина, подала прошение в канцелярию Морского училища с просьбой «определить на воспитание в младший приготовительный класс Морского училища»[94]. К прошению она приложила грамоту о производстве деда своего сына в мичманы, указав адрес для ответа: Нижний Новгород, дом Булычева. Адрес означает, и это подтверждает личное дело А. В. Ленина, что его дедом был известный нижегородский купец 1-й гильдии (на момент свадьбы родителей – 2-й гильдии) Василий Васильевич Булычев, послуживший прообразом главного героя пьесы А. М. Горького «Егор Булычев и другие» (1932 г.).

Эта версия принадлежит В. Лобицыну и В. Дядичеву, авторам статей о А. В. Ленине и Лениных-моряках[95]. Она имеет право на существование, так как ряд фактов биографии реального В. В. Булычева совпадают с некоторыми биографическими сведениями горьковского героя, которые, несомненно, были известны автору-нижегородцу. В статье «О материале фактическом», ставшей первой частью «Бесед о ремесле», опубликованной в июньском номере «Литературной учебы» за 1930 г., А. М. Горький писал: «Я хорошо знал жизнь почти всех крупнейших купеческих семей города»[96]. Не будем забывать, что имена и фамилии многих горьковских героев также нижегородские (Артамоновы, Богомоловы, Вяловы, Самгины). Именно они были их прототипами[97], а не точной копией. Об этом А. М. Горький писал в своем письме 17 (30) августа 1911 г. В. С. Миролюбову: «Я – портретов с живых людей не пишу...»[98].

Продолжая рассказ о А. В. Ленине, необходимо отметить, что его действительная служба на флоте считается с 15 (27) сентября 1895 г., а с 15 (27) мая 1896 г. он младший гардемарин, 15 (27) сентября 1898 г. – мичман. В этом же году он закончил

Морской кадетский корпус[99] и начал службу в 33-м флотском экипаже[100]. 28 ноября (10 декабря) 1898 г. он был назначен помощником заведующего обучением новобранцев. Только 21 марта (2 апреля) 1899 г. А. В. Ленин был назначен вахтенным начальником на миноносец № 265. С этого времени до июня 1903 г. он служит на разных кораблях Черноморского флота. 6 (19) апреля 1903 г. он был произведен в лейтенанты. 19 мая (1 июня) 1903 г. за успешный заграничный поход в мае 1902 г. в качестве вахтенного начальника на канонерской лодке «Донец» в учебно-артиллерийском отряде А. В. Ленин был награжден турецким орденом Османие IV степени[101]. Высочайшим приказом лейтенант А. В. Ленин был зачислен в запас[102]. Но в связи с начавшейся русско-японской войной А. В. Ленин, состоявший в запасе и числящийся на учете по Петербургскому уезду, Высочайшим приказом по Морскому ведомству от 1 (14) марта 1904 г. за № 530 был вновь определен на действительную военную службу в 13-й экипаж Балтийского флота, расположенного в Ревеле (ныне Таллинн)[103].

Вскоре, в связи с усилением военно-морских сил на Тихоокеанском театре военных действий была сформирована 2-я Тихоокеанская эскадра. Ее личный состав был набран из моряков Балтийского флота. Среди офицеров, присланных служить в эскадре, был лейтенант 13-го флотского экипажа А. В. Ленин. 31 августа (13 сентября) 1904 г. вахтенный начальник броненосца «Сисой Великий» лейтенант А. В. Ленин сошел на берег и возвратился на корабль только 5 (18) сентября 1904 г. Можно предположить, что столь долгое отсутствие на корабле он согласовал со своим непосредственным начальством, но под свою ответственность. Это значит, что командование флота запретило комулибо из личного состава кораблей отлучаться по личным вопросом. Но командованию кораблей нужна была полная самоотдача и оно шло на определенные послабления. Мое мнение подтверждается тем, что в деле «Об увольнении без прошений от службы лейтенанта Ленина...» нет ни одного подписанного командиром броненосца капитаном I-го ранга М. В. Озеровым документа, касающегося этого инцидента[104]. Нет такого документа, подписанного кем-либо из членов экипажа броненосца. Ясно, что контр-адмирал З. П. Рожественский, узнав о проступке лейтенанта А. В. Ленина по неофициальным каналам, решил устроить показательное наказание.

Началась активная переписка с Морским министерством, в ходе которой делались умышленные заявления о бегстве с корабля лейтенанта А. В. Ленина, скрывался день его возвращения на корабль. Это происходило с одной целью, привлечь А. В. Ленина к ответственности по 128-й статье «Военно-морского устава о наказаниях», по которой «самовольное отсутствие состоящего в военно-морской службе от команды или от места своего служения... долее трех дней» в военное время признавалось побегом[105]. В случае суда А. В. Ленину была бы обязательно

предъявлена статья 130 того же устава, гласящая: «За означенные в 128 статье преступные деяния офицеры... подвергаются... в военное время исключению из службы с лишением чинов»[106].

В ответ на письмо от 6 (19) сентября 1904 г. на имя управляющего Морским министерством вице-адмирала Ф. К. Авелана контр-адмирал З. П. Рожественский получил письмо от старшего адъютанта начальника Главного морского штаба капитана 2-го ранга С. И. Зилотти, в котором сообщалось, «что лейтенант Ленин выманил обещанием жениться у киевской мещанки Богуславской 1600 рублей», а командир броненосца заявил в Главный морской штаб, «что лейтенант Ленин – алкоголик»[107].

Со своей стороны, считая А. В. Ленина недостойным быть моряком, вице-адмирал З. П. Рожественский 8 (21) сентября 1904 г. направил рапорт на имя Главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского флота вице-адмирала А. А. Бирилева. В нем он писал о бегстве лейтенанта А. В. Ленина с корабля, о сведениях, полученных от С. И. Зилотти и просил представления вице-адмирала А. А. Бирилева «об исключении из службы лейтенанта Ленина, поведением своим позорящего офицерский состав флота»[108].

Но вице-адмирал А. А. Бирилев решил отстраниться от участия в этом деле. На письмо З. П. Рожественского он наложил 10 (23) сентября 1904 г. резолюцию: «Представляю на благоусмотрение Его превосходительства управляющего Морским министерством». Но тут же добавляет, что со своей стороны считает «безусловно необходимым исключить Ленина из службы. Добросердечным отношением мы погубили много слабых и не спасли ни одного негодяя»[109].

Узнав о резолюции А. А. Бирилева, З. П. Рожественский 12 сентября 1904 г. послал секретное письмо управляющему Морским министерством, в котором очень подробно рассказал о своей борьбе за дисциплину на вверенной ему эскадре и потребовал наказания А. В. Ленина. В письме, в частности, имеются следующие слова: «Мне приходится принимать суровые меры для пресечения преступлений, совершаемых нижними чинами, обыкновенно в пьяном виде, с целью попасть в тюрьму или в дисциплинарные батальоны и тем освободиться от службы на эскадре, предназначенной участвовать в военных действиях.

Несмотря на эти меры еженедельно отдаются приказы о назначении особых комиссий для разбора судных дел о нарушениях дисциплины и преимущественно о нанесении побоев начальникам.

К глубокому сожалению, должен признать, что оздоровление духа в командах ожидать нельзя, пока в среде офицеров не искоренятся таковые же стремления.

Команда хорошо примечает уродов в офицерском составе, и дурные элементы команды поощряются примерами таких начальников к совершению преступлений.

Поэтому необходимо прежде всего воздействовать на офицерский состав, и по моему крайнему убеждению способов воздействия есть только два:

1) Поселить в офицерах уверенность, что, не совершив преступления, уйти с эскадры нельзя.

2) Дать резкие доказательства серьезного отношения высшего начальства к провинностям, путем которых иные офицеры желали бы добиться списания с эскадры.

Необходимо таким образом:... с) Уклоняющихся явно и грубо наказывать немедленно, беспримерно строго и на виду у всей эскадры, не осложняя дел затяжными формальностями.

Я ходатайствовал ... об исключении из службы лейтенанта Ленина...

Я ужасаюсь, что... для лейтенанта Ленина найдется в Своде законов статья, в силу которой он может быть помилован и останется на службе к явному вреду оной.

Во всяком случае наказание не будет применено на глазах всей эскадры...

Ввиду вышеизложенного почтительнейше прошу разрешения Вашего превосходительства держать на эскадре.. лейтенанта Ленина под надлежащим надзором до тех пор, пока приказом по эскадре не будут объявлены повеления... об исключении его от службы»[110].

Как мы видим, контр-адмирал З. П. Рожественский был непреклонен. Тем не менее лейтенанту А. В. Ленину повезло. 18 (30) сентября 1904 г. содержание дела А. В. Ленина было доложено прокурором флота генерал-лейтенантом Н. Н. Извековым вел. князю генерал-адмиралу Алексею Александровичу, который принял решение: «признать возможным ограничиться в отношении... лейтенанта (Ленина) увольнением... от службы без прошения»[111]. Одновременно вел. князь Алексей Александрович «изволил обратить внимание – будет ли таким решением удовлетворен адмирал Рождественский, так как лейтенант Ленин был представлен к исключению из службы»[112]. Контр-адмирал З. П. Рожественский состоял в свите Его Величества и хорошо знал, как необходимо вести себя в подобных случаях.

Но еще раньше официального решения об увольнении от службы, 16 (29) сентября 1904 г., на имя императора Николая II Александровича по команде пошел следующий документ: «Просит лейтенант 13-го флотского экипажа Анатолий Васильев Ленин о нижеследующем:

Расстроенное здоровье лишает меня возможности продолжать службу Вашего Императорского Величества, а потому представляя присем установленный законом реверс, всеподданнейше прошу: к сему:

Дабы повелено было уволить меня от службы»[113].

Далее следует текст реверса (письменного обязательства): «Я, нижеподписавшийся даю реверс в том, что в случае уволь-

нения меня от службы, никаких денежных пособий просить не буду.

Сентября 16 дня 1904 года. Лейтенант Ленин»[114].

20 сентября (3 октября) 1904 г. А. В. Ленин увольняется в отставку. Через два месяца после отставки, проживая в Ревеле, А. В. Ленин сделал предложение дочери купца Киршгофа. Отец невесты, желая выяснить причины отставки А. В. Ленина, обратился к директору маяков и командиру Ревельского порта П. Н. Вульфу. Контр-адмирал П. Н. Вульф переадресовал вопрос помощнику начальника Главного морского штаба контр-адмиралу А. Г. фон Нидермиллеру. 20 ноября (3 декабря) 1904 г. был получен подробный ответ. Свадьба не состоялась.

Через год и пять месяцев А. В. Ленин оказался в Риме, где обратился к российскому консулу Г. П. Забелло с просьбой предоставить ему работу в консульстве. Одновременно А. В. Ленин написал в Морское министерство, прося дать о нем благоприятный отзыв на запрос консульства, «дабы, – как он писал, – не лишать меня надежды и возможности работать, что в настоящее время является вопросом моего существования, ввиду стесненности моего положения. В октябре (правильно в сентябре. – *М. Ш.*) я, по предложению вице-адмирала Рожественского подал прошение об отставке по болезни.

Смею надеяться, что Вы уважите мою просьбу, чем дадите возможность честно трудиться»[115].

Однако Морское министерство сообщило Г. П. Забелло, «что отставной лейтенант Ленин был уволен от службы Высочайшим приказом от 20 сентября 1904 г. в дисциплинарном порядке по предложению начальства за неодобрительное поведение его как на берегу, так и в плавании»[116]. Ответ Морского министерства перечеркнул желание А. В. Ленина стать дипломатом.

Только 29 сентября (12 октября) 1914 г. А. В. Ленина вновь призвали служить на флот. Он был зачислен во 2-й Балтийский экипаж в звании лейтенанта. В связи с тем, что А. В. Ленин долго находился в отставке, его чин стал отсчитываться с 16 (29) декабря 1913 г.[117] Этот период его службы подробно осветили В. Лобицын и В. Дядичев.

Еще одним радостным событием в жизни А. В. Ленина было вручение учрежденного в 1910 г. золотого Знака об окончании курса Морского кадетского корпуса, который, наравне с орденами и медалями, включался в список наград[118].

Вскоре после призыва лейтенанта А. В. Ленина направляют в созданную в августе 1914 г. для транспортировки военных грузов по Дунаю в Сербию экспедицию особого назначения под командованием капитана I-го ранга М. М. Веселкина. Его назначили на пароход «Граф Игнатьев» комендантом, в обязанности которого входило решать все военные вопросы, так как корабль не был переведен в подчинение Морского министерства.

А. В. Ленин хорошо проявил себя в боевых условиях. Поэтому, наряду с юбилейной светло-бронзовой медалью памяти 200-летия Гангутской победы 27 июля 1714 г. (медаль вручена в 1915 г.), 18 (30) апреля 1915 г. он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, а немного ранее, 19 (31) января 1915 г., – сербским орденом Св. Савы 4-й степени и Косовской медалью[119].

Кроме того, командир отряда капитан I-го ранга И. П. Семенов представил его к очередному воинскому званию. В своем ходатайстве он писал: «Состоя комендантом вооруженного парохода "Граф Игнатьев" в течение 1914 и 1915 гг., успешно конвоировал транспорты в Сербию и обратно, причем благодаря своей энергии, бдительности и знанию дела провел их 45 раз, неоднократно предупреждая попытки взрыва караванов и отражая атаки неприятельских аэропланов.

Кроме того, бдительно охранял устье Дуная, что дало возможность выполнить землечерпательные работы по углублению Потаповского канала, благодаря чему транспорты, подымаясь вверх по Дунаю, имели возможность миновать нейтральные воды Румынии, где зачастую появлялись неприятельские подводные лодки».

На представлении И. П. Семенова начальник экспедиции, теперь уже контр-адмирал, М. М. Веселкин наложил резолюцию: «Усердно ходатайствую о награждении чином этого блестящего офицера». 7 (20) июля 1916 г. положительную резолюцию на данное представление наложил начальник Морского штаба Верховного главнокомандующего адмирал А. И. Русин[120]. 30 июля (12 августа) 1916 г. А. В. Ленину было присвоено звание старшего лейтенанта «за отличие по службе»[121].

В ноябре 1916 г. А. В. Ленин был назначен командиром бывшего румынского товарно-пассажирского парохода «Романия», переданного России, где он получил название «Румыния» и был превращен в гидрокрейсер в составе воздушной дивизии Черноморского флота.

Трудно сказать, что успела сделать «Румыния» в оставшийся период Первой мировой войны. Но Советскую власть А. В. Ленин не принял и в конце декабря 1917 г. подал рапорт об увольнении в отставку, уцелев во время кровавых расправ с офицерами 15–16 декабря 1917 г. в Севастополе. Судовой комитет «Румынии» и штаб начальника Черноморской воздушной дивизии согласились удовлетворить просьбу командира «Румынии» старшего лейтенанта А. В. Ленина. 7 (19) января 1918 г. приказом № 24 Центрофлота его отставка была принята[122].

В. Лобицын и В. Дядичев высказывают предположение, что А. В. Ленин, являясь двухсотым по старшинству старшим лейтенантом на 25 октября (6 ноября) 1917 г., вернулся служить на пароход «Граф Игнатьев», который входил в состав Кинбурнского отряда белого Черноморского флота. На службе белому дви-

жению А. В. Ленин получил чин капитана 2-го ранга (следовавший в то время за чином старшего лейтенанта)[123].

После поражения белого флота на Черном море А. В. Ленин оказался в Константинополе, затем в Париже, где торговал конфетами[124]. Здесь в Париже он скончался в 1947 г. и был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де Буа. Могильный памятник украшен эмалевым развевающимся андреевским флагом и барельефом из красной меди головы Иисуса Христа в терновом венке. Надпись на надгробии сделана на французском языке. Указана дата рождения – 1878 год, который покойный считал правильным[125].

Брат С. В. Ленина Михаил также стал моряком. В Морской кадетский корпус он поступил раньше Сергея – 5 января 1824 г., но в один день с ним, 25 апреля 1828 г., был произведен в мичманы. В 1833 г. директор Морского кадетского корпуса вице-адмирал И. Ф. Крузенштерн поручил мичману Офицерского класса (преобразованного позднее в Морскую академию) М. В. Ленину, известному ему, как человек, страстно увлекающийся математическими науками, перевод 5-го издания учебника французского ученого Луи Поенсо «Начальные основания статики». Выполненный М. В. Лениным перевод получил высокую оценку видного математика и механика профессора Офицерских классов, одного из создателей петербургской математической школы, академика М. В. Остроградского.

На основании заключения М. В. Остроградского И. А. Крузенштерн дал указание напечатать учебник Л. Поенсо в переводе М. В. Ленина и обратился к начальнику Главного морского штаба вице-адмиралу А. С. Меншикову с просьбой наградить мичмана М. В. Ленина подарком. А. С. Меншиков довел просьбу И. Ф. Крузенштерна до сведения Николая I. Император распорядился наградить М. В. Ленина за сделанный перевод бриллиантовым перстнем[126].

Братья С. В. и М. В. Ленины свято соблюдали морские традиции. Когда в сентябре 1830 г. скончался прапорщик корпуса штурманов Афанасьев, они пожертвовали из своей зарплаты по 10 руб. каждый[127].

М. В. Ленин много плавал. 27 апреля (8 мая) 1838 г. он был переведен капитаном в Корпус корабельных инженеров, в через два года, 10 (22) апреля 1840 г., ушел в отставку в чине подполковника[128].

В период службы на флоте М. В. Ленин под псевдонимом М. В. Л. (о чем писалось выше) активно сотрудничал в издававшемся в 1835–1841 гг. А. А. Плюшаром «Энциклопедическом лексиконе».

Спустя некоторое время М. В. Ленин поступил на службу в фирму «Мозлей (Мозли) и сын» в Лондоне на три года без оплаты с целью повысить свои знания. Об этом написал Николаю I генеральный консул России в Лондоне Е. К. Бенгаузен.

Николай I повелел управляющему Морским ведомством адмиралу А. С. Меншикову сообщить министру иностранных дел К. В. Нессельроде, «что Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы гг. Мозлей объявлено было, что Его Величество изволил с особенным удовольствием узнать о таком внимании их к русскому подданному»[129]. К. В. Нессельроде выполнил указание императора[130].

28 июня (10 июля) 1844 г. М. В. Ленин вернулся в Россию и поселился в Царском Селе. Во время одной из прогулок Николая I в Царском Селе он пытался обратиться к императору с личной просьбой, что вызвало неудовольствие Николая I. В связи с этим начальник III Отделения граф А. Ф. Орлов сообщил министру внутренних дел Л. А. Перовскому, что М. В. Ленин «обратил на себя внимание странностью своих поступков, наводящих сомнение, не подвержен ли он расстройству ума. Хотя подполковник Ленин, по собранным справкам, оказался человеком совершенно безвредным, тихого нрава и занятым преимущественно религиозными мыслями, но тем не менее Его Императорское Величество высочайше повелеть соизволил учредить за Лениным надзор, в предупреждении, чтобы он не дозволял себе каких-либо неуместных поступков»[131].

Началась переписка между различными полицейскими органами, он они так и не смогли установить, где М. В. Ленин проживал в Царском Селе. 21 сентября (3 октября) 1844 г. граф А. Ф. Орлов сообщает Л. А. Перовскому о том, что уволенный из Корпуса корабельных инженеров подполковник М. В. Ленин, оставаясь в Петербурге, «беспрерывно утруждает разных лиц своими просьбами и даже представлял оные на Высочайшее имя их Императорских Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы равно и на имя Государя Наследника Цесаревича. Как прошения они состоят только из темных запутанных выражений, то я приказывал объявить Ленину, со взятием от него подписки, дабы он не осмеливался обременять своими просьбами особ августейшей фамилии, но он не соглашался дать таковую подписку. Принимая во внимание, что хотя подполковник Ленин собственно безвреден и не обнаруживает явного помешательства ума, но тем не менее, не обладая здравым рассудком, дозволяет себе поступки неуместные, от коих трудно удержать его в столице, я всеподданнейше докладывая о сем Государю Императору, полагая мнением моим: выслать Ленина в принадлежащее родителям его сельцо Хмельники Ярославской губернии Пошехонского уезда, поручив его надзору родителей, и на сие последовало высочайшее Его Императорского Величества соизволение.

Сообщив таковую монаршую волю г. С.-Петербургскому военному генерал-губернатору, прося его сделать распоряжение относительно отправления подполковника Ленина в упомянутое имение его родителей, долгом считаю уведомить о сем Ваше Вы-

сокопревосходительство, для зависящего и с Вашей стороны распоряжения»[132].

Указание императора было выполнено в сентябре 1844 г. Но М. В. Ленин самовольно вновь вернулся в Петербург и пытался обращаться с просьбами к властям. Последовало новое указание Николая I и 6 (18) апреля 1845 г. его вновь выслали в имение родителей, отобрали указ об отставке и взяли подписку о невыезде из Ярославской губернии. Видимо, М. В. Ленина поселили в Ярославле.

В 1858 г., во время пребывания Александра II в Ярославле, М. В. Ленин обратился к нему с письмом, в котором просил разрешить «ему выезжать из Ярославля в его имение, для поправления здоровья и устройства дел по имению»[133]. Император разрешил ему временные выезды туда, куда ему будет необходимо, о чем М. В. Ленину сообщили 9 (21) января 1859 г. с условием сообщать губернскому руководству о каждой такой поездке.

В июле 1863 г. М. В. Ленин написал письмо приехавшему в Ярославль наследнику престола Николаю Александровичу. В нем он просил великого князя о выдаче ему указа об отставке и об отмене подписки о невыезде, данной в 1845 г. Письмо М. В. Ленина пошло по инстанциям. В итоге ярославский военный губернатор, контр-адмирал И. С. Унковский 23 сентября (5 октября) 1863 г. в письме министру внутренних дел П. А. Валуеву изложил историю поселения М. В. Ленина по распоряжению Николая I в Ярославской губернии. Он сообщил также, что за неуплату за квартиру у протоирея Вознесенской церкви Ярославля Гурия Владимирского, мещанина Кожухова (в доме чиновника Мурашова) и за проживание в гостинице «Берлин» ярославский уездный суд описал вещи, принадлежавшие М. В. Ленину, для продажи. М. В. Ленин «к описи не явился и даже против претензии никакого сведения по упорству не дал, о чем составлен на месте акт, который и отослан в Уездный суд на его распоряжение».

«В заключение, – пишет далее И. С. Унковский, – имею честь донести, что г. Ленин известен в Ярославской губернии за помешанного, что подтверждается прошением его Государю наследнику и многими другими прошениями, подаваемыми мне и моим предшественникам, из коих одно при сем представляется, как несомненное доказательство помешательства Ленина. Запрещение же ему выезда из Ярославской губернии и удержание указа об отставке, по-видимому, усиливает его болезнь и я бы полагал возможным возвратить Ленину этот документ и разрешить ему свободный выезд из Ярославской губернии, ибо поступками своими Ленин не причиняет никому никакого вреда»[134].

Это был последний документ, в котором мы встречаем упоминание о М. В. Ленине.

Справочники того времени сообщают также, что сестра С. В. и М. В. Лениных Софья окончила в 1834 г. Московское училище ордена Св. Екатерины[135], а другая сестра, Мария, в 1853 г.

была классной дамой в Павловском женском институте в Петербурге[136].

На православном Волковском кладбище в Петербурге похоронены умерший 11 октября 1881 г. майор флота Александр Васильевич Ленин и его жена Ольга Игнатьевна, скончавшаяся 25 марта 1888 г.[137] А. В. Ленин не является сыном лейтенанта флота В. М. Ленина, так как происходит из обер-офицерских детей, а его дети, Мария и Петр, владевшие в 1915 г. домом по Садовой ул, 19, внуками Василия Михайловича.

В заключение хочется сказать, что в том же справочнике «Весь Петербург» на 1915 г., где названы Мария и Петр Ленины, наряду с А. М., И. В., Н. Н. и С. Н. Лениными, о которых речь пойдет ниже, упоминаются жена генерал-майора Н. В. Ленина Мария Николаевна, инженер-электрик Николай Афанасьевич Ленин и его жена Наталья Григорьевна[138]. Н. А. и Н. Г. Ленины были выходцами из крестьян. Видимо, это сыграло свою роль в том, что несмотря на окончание 31 марта (12 апреля) 1912 г. Электротехнического института имп. Александра III со званием инженера-электрика I разряда, Н. А. Ленин, прошедший за пять лет путь от должности младшего механика до главного механика Управления городских телефонов в Петрограде, так и не был удостоен чина[139].

Теперь вновь вернемся к интересующей нас ветви Лениных – потомкам Е. Ф. Ленина. Кроме сына Николая, у Л. Я. и Е. Ф. Лениных было еще трое сыновей: Всеволод (род. 7 (19) января 1831), Александр (15 мая (27 мая) 1832–1879) и Владимир (род. 13 (25) июня 1834) и две дочери: Лидия (род. 20 марта (1 апреля) 1836) и Фаина (род. 20 апреля (2 мая) 1842)[140]. О судьбе их говорить довольно сложно.

Из «Адрес-календаря» с 1864 по 1869 гг. узнаем, что Всеволод был сначала заседателем в уездном суде Пошехонья и имел чин губернского секретаря, а в 1869 г. был секретарем уездного полицейского управления.

У Всеволода Егоровича и его жены Анны Антоновны был сын Николай (род. 13 (24) декабря 1861) (были ли еще дети, неизвестно)[141]. Н. В. Ленин посвятил свою жизнь службе в армии. 8 (20) августа 1873 г. он поступил в Нижегородскую графа Аракчеева военную гимназию, переименованную в 1882 г. в Кадетский корпус, которую он окончил в 1879 г.[142] После окончания гимназии Н. В. Ленин для продолжения своего военного образования был направлен учиться в 1-е Павловское военное училище в Петербурге (Большая Спасская (ныне Красного курсанта) наб., 21). Во время обучения в Павловском военном училище Н. В. Ленин стал свидетелем события, навсегда оставшегося в его памяти, – убийства Александра II, о котором написал воспоминания 17 (30) ноября 1908 г.

В воскресенье, 1 (13) марта 1881 г., он, правофланговый унтер-офицер взвода юнкеров 2-й роты 1-го военного Павловско-

го училища, под командованием поручика Кинареева в 11 часов утра вместе со своими, построенными в десять рядов, товарищами занял свое место в Михайловском манеже для участия в еженедельном разводе. В час дня развод окончился и юнкера, переодевшись в инженерных казармах во второсрочное обмундирование, около 2-х часов дня отправились обратно в училище.

Когда они вышли из-за сквера на Михайловской площади, «то увидели карету государя, быстро следовавшую от дворца великой княгини Екатерины Михайловны к Екатерининскому каналу и отдали честь, – вспоминал Н. В. Ленин. – Через несколько мгновений после этого (в 2 ч. 15 мин.) мы услышали в стороне канала звук сильного взрыва... Сомнений быть не могло,– с государем произошло несчастье, и мы без команды бегом бросились к каналу и вдоль него по направлению к Конюшенному мостику. когда мы поравнялись с Инженерной улицей, то увидели следующее: государь стоял среди улицы... перед ним какой-то военный (полицмейстер, полковник, впоследствии генерал-майор А. И. Дворжицкий. – *М. Ш.*) держал за ворот молодого человека в пальто и без шапки. По-видимому, государь обращался к этому человеку с вопросами. Карета с разбитой задней стенкой стояла в стороне, ближе к саду дворца, за нею сани Дворжицкого и лошади конвоя; убитые мальчик-разносчик и казачья лошадь... Вдали (за государем) виднелся взвод 8-го флотского экипажа, случайно проходивший в это время по набережной канала.

Видя, что государь невредим, наш офицер остановил наш бег словами: "Стоять, господа, стоять". Мы быстро выстроились, взяли по команде "на плечо" и уже шагом в полном порядке подходили к государю. Когда мы были от него в 12–15 шагах и поручик Кинареев готовился подать команду "стой ", последовал второй взрыв. Он был совершенной неожиданностью и потому действие его было ошеломляющее... В первую минуту трудно было отдать себе отчет, что произошло. Я ясно видел, что непосредственно перед взрывом над кучкой людей, стоявших между государем и набережной, мелькнуло что-то белое; я, как и многие мои товарищи, полагал, что это условный знак для взрыва мины, заложенной под улицей. На самом деле это был брошенный вторым злодеем снаряд. Отброшенные силой взрыва назад, мы несколько попятились, но тотчас же бросились на помощь упавшему государю. Все это было делом нескольких мгновений и я, выбежав вперед, увидел государя уже на руках четырех наших юнкеров, бывших к нему ближе других, – (Николая) Пахомова, (Михаила) Нечая, (Цезаря) Окушко, четвертого позабыл. Раны государя были ужасны: обе ноги оторваны, – одна до колена, другая несколько ниже; кости обнажены и около них растерзанное тело; кровь лилась ручьями; кожи не было и на верхней части ног... В это время подъехал великий князь Михаил Николаевич и приказал положить государя в сани Дворжицкого

и вести в Зимний дворец. Ноги государя завернули в чью-то офицерскую шинель. Он был без сознания. Нам приказано было (если не ошибаюсь, великим князем Михаилом Николаевичем) конвоировать государя, но сани с места тронулись крупной рысью, и мы отстали. Прибыв бегом к Зимнему дворцу, мы были остановлены у его главных ворот. Весьма быстро вся площадь перед дворцом покрылась толпой народа, которая стояла без шапок, безмолвная, подавленная, в ожидании известий из дворца о состоянии здоровья государя...

Около 3 часов дня нам приказано было идти домой, и горестное известие о кончине государя, последовавшей в 3 часа 15 минут, мы узнали уже в училище от рыдающего батальонного командира»[143].

Моральное состояние Н. В. Ленина и его товарищей было такое же. Воспитанные с детства на любви к монарху и монархии, они были потрясены случившимся. Их преданность монархии еще больше возросла после того, как 14 (26) мая 1881 г. в Гатчинском дворце примерно около 1 часа дня новому императору Александру III и его жене Марии Федоровне «имели счастие представляться юнкера Павловского училища и взвод от 3 роты 8-го флотского экипажа, бывшие свидетели горестного события 1-го марта. Его величество милостиво обращался к ним с вопросами и изволил собственноручно раздавать в память 1-го марта медали»[144]. Они были серебряными и предназначались для ношения на груди. На одной стороне медали имелся вензель императора Александра II, а на другой была надпись «1 марта 1881 года». Лента к медали была двойная – Андреевская и Александровская[145].

Это была первая награда Н. В. Ленина. Всего же за свою долгую военную службу он был награжден орденами: Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, Св. Анны 2-й и 3-й степеней и Св. Станислава 2-й и 3-й степеней и медалями[146].

8 (20) августа 1881 г. Н. В. Ленин был выпущен из училища, 15 (27) августа молодых офицеров принял в Большом Петергофском дворце Александр III[147]. Свою службу он начал в должности командира роты в 34-й артиллерийской бригаде, расположенной в Уральской области. Следует достаточно быстрое продвижение по службе. В 1888 г. Н. В. Ленин начинает учиться в Николаевской академии Генерального штаба, которую заканчивает по 2-му разряду в 1891 г. Далее следует служба на Кавказе: старший адъютант Кавказской казачьей дивизии, старший офицер для поручений при штабе Кавказского военного округа, начальник штаба Михайловской крепости (ныне г. Хашури, Грузия). В 1901 г. Н. В. Ленин переводится в Батум начальником военного госпиталя. В 1904 г. он становится инспектором классов Тифлисского юнкерского училища. На этой должности он пробыл пять лет, а затем последовал новый перевод – на этот раз в Киев. Здесь 6 (19) декабря 1909 г. ему было присвоено звание ге-

нерал-майора и он служил инспектором классов Владимирского Киевского кадетского корпуса. Последнее упоминание о нем мы встречаем в 1914 г.[148]

Семейная жизнь Н. В. Ленина сложилась неудачно. Его конфликт с женой, Марией Николаевной, урожденной Пиотровской, возник еще во время его службы в Грузии. 10 (23) августа 1909 г. Грузино-имеретинская синодальная контора вынесла решение – брак расторгнуть в связи с неверностью жены. Однако М. Н. Ленина опротестовала это решение в Синоде, предъявив мужу аналогичное встречное обвинение. Синод отменил решение о разводе, но Грузино-имеретинская синодальная контора 15 (28) января 1911 г. вторично вынесла решение о разводе. Дело затянулось, хотя Н. В. Ленин и М. Н. Ленина жили давно отдельно – он по месту службы, а она в Петербурге по Казачьему пер., 13, кв. 27. Архивные документы свидетельствуют о том, что несмотря на неоднократные обращения в Синод и к императору в 1914 г. Н. В. Ленин разведен не был[149]. В начале 1917 г., на момент выхода в свет справочника «Весь Петроград», М. Н. Ленина продолжала указываться как жена генерал-майора[150].

В мае 1917 г. была проведена реформа бракоразводного процесса. В соответствии с новым положением бракоразводные дела переставали поступать на утверждение Синода, если не было апелляций. Бракоразводные дела стали разрешаться духовной консисторией. В данном случае этот орган был на стороне Н. В. Ленина[151]. С приходом Советской власти система бракоразводных процессов была в корне изменена.

Последнее, что известно об М. Н. Лениной. В 1923 г. она работала библиотекарем в Петрограде и проживала по 5-й Роте, д. 1[152].

В течение нескольких лет в «Адрес-календаре за 1861–1864 гг.» упоминается сначала губернский секретарь, а потом коллежский секретарь Владимир Егорович Ленин. Он служил в комиссии Народного продовольствия Вологодской губернии.

Вот то, что удалось узнать о судьбах братьев нашего главного героя Н. Е. Ленина и их детей.

Что же касается самого Н. Е. Ленина, то вскоре, после достижения им двадцатидвухлетнего возраста, его родители сделали ему подарок. 23 марта (4 апреля) 1849 г. была оформлена дарственная на село Красное с 31 крепостными лицами мужского пола и членами их семей и 162 десятинами (206,58 га) земли. Кроме того 558 десятин (608,22 га) в пустошах Михалева, Воронке, сельце Непеине и деревне Долматове. Общая стоимость дарственной на сумму 4500 руб. серебром[153].

Н. Е. Ленин, как и все его родственники, всю жизнь состоял на службе. Первый раз его имя упоминается в «Справочной книжке для Вологодской губернии на 1853 г.». Из нее мы узнаем, что губернский секретарь Н. Е. Ленин является секретарем Дворянского депутатского собрания в Вологде[154]. Затем он упоминается в «Адрес-календарях» на 1855–1857 гг. в должности

заседателя уездного суда в Вологде. По данным «Адрес-календаря» на 1856 г. можно сделать вывод, что Н. Е. Ленин в 1855 г. получил чин коллежского секретаря. С 1857 по 1870 гг. он в «Адрес-календаре» не упоминается. Видимо, это результат небрежности чиновников, отвечавших за подачу сведений в этот справочник, так как все эти года Н. Е. Ленин продолжал служить.

В 1870–1871 гг. Н. Е. Ленин занимал должность акцизного надзирателя 8-го участка Акцизного управления городка Келецка Люблинской губернии Царства Польского, и это последнее упоминание о нем в «Адрес-календаре», хотя он продолжал находиться на государственной службе еще 23 года. Человеком он был не бедным. В 1879 г. в Вологодской губернии Н. Е. Ленин владел 750 десятинами земли (819,4 га), в Рыбинском уезде Ярославской губернии – 115 (125,6 га), в Ярославском уезде – 780 (852,15 га) и в Кирилловском уезде Новгородской губернии – 28 (36,6 га)[155].

По своим взглядам Н. Е. Ленин был закоренелым крепостником. Его внук, Н. Н. Ленин-младший, рассказал следующую историю. Однажды крепостная крестьянка обратилась к Николаю Егоровичу за разрешением выйти замуж. Просьба возмутила его и Николай Егорович решил умерить пыл крепостной. С этой целью он приказал слугам опустить ее на несколько часов в колодец. Когда время, установленное для наказания крестьянки за «дерзкое желание» истекло, ее вытащили из колодца. Стоявший тут же Николай Егорович задал ей вопрос: «Ну что, не остыла? Замуж по-прежнему хочешь?» И на утвердительный ответ крестьянки милостиво разрешил свадьбу.

В служебной карьере Н. Е. Ленин многого не достиг. Возможно, это объяснялось его плохим характером. Судя по имеющимся у меня сведениям, он дослужился до чина статского советника и вышел в отставку с должности участкового мирового судьи в Могилевской губернии[156], после чего поселился в Ярославской губернии, где в 1898 г. владел в Пошехонском уезде 550,5 десятинами земли (601,4 га), а его сыну Николаю принадлежало 23 десятины (25,1 га)[157].

Н. Е. Ленин женился в 26-летнем возрасте 28 ноября (10 декабря) 1853 г. Его женой стала дочь коллежского асессора Антипа Яковлевна Евдерапова – Софья[158]. От этого брака было шестеро детей: Ольга (8 (20) января 1857 – май (июнь) 1919), Петр (род. 20 апреля (2 мая) 1858), Сергей (10 (22) июня 1860 – июль 1919), Александр (род. 18 (30) мая 1862), Николай (20 января (1 февраля) 1865 – апрель 1919) и еще одна дочь – Любовь (1871–1943).

С детьми Н. Е. Ленин обращался сурово, а под конец жизни проклял, но не оставил документа о лишении их наследства. Через пять месяцев после его смерти было опубликовано объявление о вызове наследников: «Уездный член Ярославского окружного суда, по Пошехонскому уезду, на основании 1401 и 1402 ст.

уст. гражд. суда вызывает наследников к разному движимому и недвижимому имуществу, оставшемуся после умершего 6-го апреля 1902 года дворянина Николая Егорова Ленина для предъявления прав своих на наследство в установленный 1241 ст. X т. ч. 1 Св[ода] зак[онов] срок»[159]. В соответствии с законом объявление было повторено дважды.

4. Паспорт крепостника

Н. Е. Ленин, как рассказывает об этом его внук Н. Н. Ленин-младший, был ярым противником женского образования. Тем не менее, его дочь Ольга поступила в Мариинско-Ермоловское женское училище попечительства о бедных в Москве, состоявшего в ведомстве дворянского депутатского собрания, и успешно окончила его со званием домашней учительницы в 1873 г.[160]

Обучение в этом заведении было на очень высоком уровне, главное внимание уделялось изучению русского языка и литературы, русской истории, естественных дисциплин. В училище была специально учреждена должность инспектора музыки. Здесь преподавали виднейшие профессора Московской консерватории. Достаточно назвать А. А. Доора, впоследствии директора Дрезденской консерватории, К. Э. Вебера и др. В 90-е гг. здесь преподавал С. В. Рахманинов. Впрочем, основные дисциплины велись профессорами и преподавателями учебных заведений Москвы. Среди них были: крупнейший специалист по русскому языку, профессор Московского университета Ф. И. Буслаев, профессор естествознания А. А. Тихомиров и др. За здоровьем воспитанниц следили также крупные ученые-медики Москвы[161]. После окончания Мариинского училища О. Н. Ленина поступила на историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге, которые окончила в 1883 г.[162] Н. Е. Ленин был категорически против этого шага дочери. Он не только отказался ей помогать в какой-либо форме, но и лишил ее наследства. Только после смерти отца Н. Н. Ленин выделил сестре долю из своего наследства: дом и усадьбу Сосенки в Соколовской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии (официально считалось, что она бесплатно живет в доме брата)[163].

В Сосенках О. Н. Ленина провела последние семнадцать лет своей жизни. Она была тяжело больна и не могла работать. После смерти Н. Е. Ленина ей, как нетрудоспособной, была назначена пенсия за службу отца в размере 400 руб. в год[164].

16 (29) августа 1912 г., в связи с празднованием в России 100-летия со дня начала Отечественной войны 1812 г., О. Н. Ленина обратилась с письмом на имя Николая II, где просила увеличить ей пенсию, учитывая заслуги в Отечественной войне ее деда штабс-капитана Е. Ф. Ленина. Она писала, что вынуждена просить об увеличении пенсии, потому что пенсия, «являясь

единственным источником для существования, а в настоящее время, при вздорожании всех предметов жизненного обихода, не может обеспечить самых необходимых потребностей»[165]. К личному труду же она по болезни неспособна.

Обращение О. Н. Лениной поддержал товарищ министра юстиции А. Н. Веревкин. В письме на имя главноуправляющего канцелярией по принятию прошений барона А. А. Будберга он сообщал: «1) что статский советник Ленин прослужил с правом на пенсию около 36 лет), в том числе в последней должности участкового мирового судьи более 21 г(ода), и 15-го июня 1894 г. вынужден оставить службу вследствие болезни... причем ему... была назначена усиленная пенсия из казны по 1000 р(ублей) в год; 2) что после смерти названного лица, последовавшей 6 апреля 1902 г., оставшейся в круглом сиротстве совершеннолетней, неизлечимо больной дочери его девице Ольге... была назначена усиленная пенсия из казны по 400 р(ублей) в год и 3) что во внимание к боевым заслугам деда просительницы, штабс-капитана Егора Ленина, участника Отечественной войны 1812 г., а также стесненному материальному положению и болезненному состоянию названной девицы, я, со своей стороны, признавал бы всеподданнейшее прошение последней об увеличении, в путях монаршего милосердия производящейся ей ныне пенсии (400 р.) заслуживающим полное внимание, тем более, что в свое время Министерство юстиции предполагало испросить ей пенсию из казны в большем размере, на что, однако, не последовало согласия со стороны Министерства финансов»[166]. Однако на данное обращение в ответе сообщалось, что Министерство финансов «затрудняется изъявить согласие на удовлетворение... ходатайства дочери с[татского] с[оветника] Ленина».

Составитель ответа опирался при этом на справку, подготовленную начальником 3-го пенсионного отделения Департамента государственного казначейства Н. С. Смирновым, в которой говорилось, что «дед просительницы, согласно сообщенным сведениям, не имеет быть отнесен к числу лиц, особо отличившихся и известных своим участием в Отечественной войне»[167].

Но вернемся к тому времени, когда О. Н. Ленина, полная сил и здоровья, мечтала стать учительницей. Эта мечта сбылась. После окончания Бестужевских курсов в 1883 г. она работала в Смоленской вечерней школе для рабочих[168], где познакомилась с Н. К. Крупской и поддерживала с ней хорошие отношения. Н. Н. Ленин-младший рассказывал о том, что именно к О. Н. Лениной обратилась за помощью Н. К. Крупская, когда возникло подозрение, что власти откажут в выдаче паспорта В. И. Ульянову для поездки за границу.

Чтобы помочь В. И. Ульянову, О. Н. Ленина попросила своего брата Сергея взять паспорт отца, так как он был смертельно болен и как помещика его могли похоронить без паспорта. Когда Н. Е. Ленин умер (6 (19) апреля 1902), его хоронили в селе

Перевесы Вологодского уезда Вологодской губернии. Отпевал его священник местной церкви – старый приятель Н. Е. Ленина, – поэтому никаких документов не потребовалось. Со священником своего прихода, в селе Воскресенском Пошехонского уезда Ярославской губернии, Н. Е. Ленин был в давней ссоре.

С. Н. Ленин выполнил просьбу сестры. Вскоре по служебным делам он поехал в Псков, где, по поручению Министерства земледелия, принимал прибывшие в Россию из Германии сакковские плуги и другие сельскохозяйственные машины. В одной из псковских гостиниц С. Н. Ленин передал паспорт своего отца с исправленной датой рождения В. И. Ульянову, проживавшему тогда в Пскове. Но в тот момент паспорт на имя Н. Е. Ленина В. И. Ульянову не понадобился. 5 (17) мая 1900 г. он получил в канцелярии псковского губернатора К. И. Пащенко заграничный паспорт для поездки в Германию на свое имя[169]. Однако, как рассказала Лариса Дмитриевна Ленина, по данным директора Музея Ленина в Кремле А. Н. Шефова, В. И. Ульянов в ответ на просьбу владельца типографии, печатавшего журнал «Заря», доказать, что он (В. И. Ульянов) действительно является Лениным, предъявил паспорт на имя Н. Е. Ленина.

В семье Лениных существует еще одна версия этого эпизода, о которой рассказали внук С. Н. Ленина Андрей Сергеевич и его жена Лариса Дмитриевна, часто беседовавшая на эту тему со своим свекром Сергеем Сергеевичем Лениным. По этой версии, с просьбой помочь достать В. И. Ульянову паспорт к С. Н. Ленину обратился его старый знакомый А. Д. Цюрупа, проживавший в это время в Уфе. Он познакомился с В. И. Ульяновым, когда тот приехал в Уфу, сопровождая Н. К. Крупскую в уфимскую ссылку. В свое время С. Н. Ленин помог А. Д. Цюрупе, вернувшемуся из ссылки, устроиться на работу в Уфе. В. И. Ульянова С. Н. Ленин и его брат Николай хорошо знали по Вольному экономическому обществу. Поэтому-то С. Н. Ленин откликнулся на просьбу А. Д. Цюрупы. Совершенно незнакомому человеку, как говорил Ленин-младший, помощь такого рода братья Ленины бы не оказали.

5. Братья Ленины

Так кто же они – братья Ленины, один из которых в трудный момент протянул руку помощи будущему вождю революции.

С. Н. Ленин родился 10 (22) июня 1860 г. в селе Красном Пошехонского уезда Ярославской губернии. После окончания 1-й Варшавской классической гимназии (в Варшаве в это время служил его отец) в 1879 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который успешно окончил. 28 апреля (10 мая) 1886 г. Сергею Ленину после защиты диссертации на тему «Предвычисление солнечных затмений» была

присвоена ученая степень кандидата математических наук. Один из крупнейших русских астрономов профессор С.-Петербургского университета С. П. Глазенап в своем отзыве писал: «Признаю достойной для получения степени кандидата математических наук»[170].

В период учебы ни С. Н. Ленин, ни его брат никакой помощи от отца не получали.

16 (28) февраля 1888 г. С. Н. Ленин «определен, согласно прошению, в число чиновников, причисленных к Департаменту земледелия и сельской промышленности»[171]. Его появление в числе сотрудников Министерства государственных имуществ, а после преобразования – Министерстве земледелия и государственных имуществ, было неслучайным. С. Н. Ленину помог поступить сюда университетский товарищ, ставший в дальнейшем коллегой по работе, П. А. Столыпин, служивший к этому времени помощником столоначальника Департамента земледелия и сельской промышленности[172].

С самого начала службы в министерстве С. Н. Ленин активно продолжал заниматься научной деятельностью, сотрудничал в журнале «Хозяин». Его статьи «Сельскохозяйственные машины и орудия» и «Сельскохозяйственное машиностроение» были напечатаны в журналах «Вестник финансов, промышленности и торговли», № 51 за 1896 г. и № 21 за 1897 г. В 1898 г. вышел в свет первый выпуск книги С. Н. Ленина «Выбор земледельческих орудий и машин».

В 1899 г. В. И. Ульянов под псевдонимом «Владимир Ильин» выпустил книгу «Развитие капитализма в России», в которой ссылался на статьи С. Н. Ленина.

Деятельность С. Н. Ленина в Вольном экономическом обществе была также успешной. В 1897–1898 гг. он был товарищем председателя II отделения, но ушел с этого поста в связи с занятостью в министерстве, где служебная карьера его складывалась удачно. К моменту Февральской революции С. Н. Ленин достиг высокого служебного положения: он был членом Совета министра земледелия и Ученого комитета Министерства земледелия, временного совета при главнонаблюдающем за физическим развитием народонаселения Российской империи, товарищем председателя Комитета по делам кожевенной промышленности Министерства торговли и промышленности, Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию. Впрочем С. Н. Ленин активно содействовал сельскохозяйственному образованию в целом[173].

В годы Первой мировой войны в течение двух лет (до 8 (21) июня 1916 г.) он был главноуполномоченным по закупкам для действующих армий мяса, масла, сена и овощей. С 12 (25) января 1915 г. ему были предоставлены права товарища министра[174].

С. Н. Ленин, как писал министр земледелия А. Н. Наумов, был освобожден от своих обязанностей в связи с крайним пере-

утомлением. Проделанная им работа не поддается цифровому учету. Она была высоко ценена руководством армией и императором.

«Эта беззаветная деятельность С. Н. Ленина, – писал А. Н. Наумов 10 (23) июня 1916 г. министру внутренних дел А. А. Хвостову, – побуждает меня просить Ваше высокопревосходительство, в дополнение к личным переговорам, не признаете ли Вы возможным повергнуть на всемилостивейшее Государя Императора благовоззрение ходатайство мое об удостоении Ленина, в воздаяние его трудов на нужды армии, высоким званием сенатора»[175].

Спустя короткое время, 21 июня (4 июля) 1916 г., А. Н. Наумов обращается с письмом к товарищу министра финансов А. И. Николаенко, в котором ставит его в известность, что «По согласовавшемуся министром юстиции соглашению, член Совета министра земледелия тайный советник Ленин представлен в занимаемой должности». И в связи с этим просит «определить размер содержания его не ниже 10 000 руб. в год»[176].

Со стороны Министерства финансов возражений не последовало, о чем были извещены министры земледелия и внутренних дел[177]. Но сенатором С. Н. Ленин не стал. Не исключено, что это произошло потому, что А. Н. Наумов 27 июля 1916 г. перестал быть министром земледелия, а его преемники: граф А. А. Бобринский и А. А. Риттих не были заинтересованы в уходе С. Н. Ленина из министерства. А. Н. Наумов и С. Н. Ленин работали вместе восемь с половиной месяцев. Но выпускник Симбирской гимназии 1887 г., единственный из окончивших ее, достигший министерского поста и членства в Государственном совете, до конца своих дней так и не узнал, какое отношение друг к другу имели его одноклассник В. И. Ульянов и С. Н. Ленин.

В своих воспоминаниях, написанных через тридцать лет, А. Н. Наумов дал высокую характеристику своему однокласснику, с которым у него были разные политические взгляды. Она заслуживает того, чтобы быть приведенной. «Центральной фигурой во всей товарищеской среде моих одноклассников был несомненно Владимир Ульянов, с которым мы учились бок о бок, видя рядом на парте в продолжение всех шести лет, и в 1887 г., окончили вместе курс. В течение всего периода совместного нашего с ним учения мы шли с Ульяновым в первой паре: он – первым, я – вторым учеником, а при получении аттестатов зрелости он был награжден золотой, я же серебряной медалью...

При беседах с ним вся невзрачная его внешность как бы стушевалась при виде его небольших, но удивительных глаз, сверкавших недюжинным умом и энергией...

Ульянов в гимназическом быту довольно резко отличался от всех нас – его товарищей. Начать с того, что он ни в младших, ни тем более в старших классах, никогда не принимал участия в общих детских и юношеских забавах и шалостях, держась по-

стоянно в стороне от всего этого и будучи беспрерывно занят или учением или какой-либо письменной работой. Гуляя даже во время перемен, Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно вдоль окон, весь уткнувшись в свое чтение. Единственно, что он признавал и любил, как развлечение, – это игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при единовременной борьбе с несколькими противниками. Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью. Повторяю, я все шесть лет прожил с ним в гимназии бок о бок, и я не знаю случая, когда Володя Ульянов не смог бы найти точного и исчерпывающего ответа на какой-либо вопрос по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей...

По характеру своему Ульянов был ровного и скорее веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден: он ни с кем не дружил, со всеми был на «вы» и я не помню, чтоб когда-нибудь он хоть немного позволил себе со мной быть интимно откровенным. Его "душа" воистину была "чужая", и как таковая, для всех нас, знавших его, оставалась, согласно известному изречению, всегда лишь "потемками".

В общем, в классе он пользовался среди всех его товарищей большим уважением и деловым авторитетом, скорее – его ценили. Помимо этого, в классе ощущалось его умственное и трудовое превосходство над всеми нами, хотя надо отдать ему справедливость,– сам Ульянов никогда его не высказывал и не подчеркивал.

Еще в те отдаленные времена Ульянов казался всем окружавшим его каким-то особенным... Предчувствия наши нас не обманули. Прошло много лет и судьба в самом деле исключительным образом отметила моего тихого и скромного школьного товарища, превративши его в мировую известность, в знаменитую отныне историческую личность – Владимира Ильича Ульянова-Ленина, сумевшего в 1917 году выхватить из рук безвольного Временного правительства власть, в несколько лет путем беспрерывного кровавого террора стереть старую Россию, превратив ее в СССР-ию, и произвести над ней небывалый в истории человечества опыт – насаждения коммунистического строя на началах III Интернационала...

Наследство оставил Ульянов после себя столь беспримерно сложное и тяжкое, что разобраться в нем в целях оздоровления исковерканной сверху до низу России сможет лишь такой же недюжинный ум и талант, каким обладал, отошедший ныне в историю, гениальный разрушитель Ленин»[178].

Совершенно иную характеристику дал А. Н. Наумов С. Н. Ленину. Она в корне отличается от того, что он писал о

С. Н. Ленине в официальных документах. Из воспоминаний А. Н. Наумова видно, что к С. Н. Ленину, в действительности, он относился крайне негативно. С. Н. Ленин, писал А. Н. Наумов, «был человек неприветливый. Улыбки, тем более радостной, я на его лице никогда не видел. Голос у Ленина был глухой и грубый. Говорил он то как бы нехотя, то с большим пафосом. Выражения употреблял чрезвычайно резкие, производившие в собрании довольно внушительное впечатление. Ленин был преисполнен необычайной самоуверенности, чем резко отличался от вечно сомневающегося в самом себе Глинки. (Г. В. Глинка руководил отделом Особого совещания по продовольствию, отвечающим за зерновые, мучные продукты и сахар, в то время как С. Н. Ленин – отделом, отвечавшим за снабжение мясом, рыбой, овощами, маслами и фуражом. Менее чем через два года политические пути С. Н. Ленина и Г. В. Глинки резко разойдутся. С. Н. Ленин признает советскую власть, а Г. В. Глинка станет во главе Управления землеустройства правительства П. Н. Врангеля в Крыму. – *М. Ш.*) Самоуверенность эта не всегда приносила пользу его сотрудникам и делу, так как была основана не на фактах, а на пылком воображении и самомнении. Даже когда Ленин, по моему распоряжению, был отстранен от продовольственной должности, он, с обычным своим апломбом заявил, что среди моих подчиненных являлся единственным верным и преданным мне человеком, который не боялся мне говорить правду.

Своими докладами Ленин нередко ставил меня, как главное ответственное лицо по продовольствию, в исключительно тяжелые условия. Прогремевшая по всей стране история с мясным кризисом окончательно убедила меня в зловредности ленинских самоуверенных и недостоверных докладов. Это положило предел моему долготерпению.

Я назначил на его место обстоятельного, скромного земского работника Николая Александровича Мельникова, долго состоявшего председателем Казанской губернской земской управы. Я воспользовался этим назначением, чтобы изменить и взаимоотношения главных служащих в продовольственном управлении. То, чем заведовал Ленин, было передано Мельникову, которого я подчинил Глинке, как товарищу министра, благодаря чему получилось единство управления и ответственности. Получалась согласованность и возможность некоторой планомерности и общей их работе»[179].

Такая резко отрицательная характеристика, на мой взгляд, объясняется тем, что в конфликте между С. Н. Лениным и Г. В. Глинкой, доходившем до того, что они не разговаривали друг с другом, А. Н. Наумов был на стороне Г. В. Глинки.

Н. Н. Ленин-младший, со слов матери и тетки, рассказывал, что С. Н. Ленин был очень умным человеком, прекрасным оратором, большим любителем творчества М. Е. Салты-

кова-Щедрина. Ростом он был 190 см и имел очень импозантный вид. Его любили крестьяне села Красного, его родины. Об этом писал почетный академик граф И. И. Толстой в своих дневниковых записях от 20 сентября (2 октября) 1906 г.: «Ленин только что вернулся из деревни (Ярославской губ.). У него все тихо и отношение к крестьянам идеальное. Как смута проникает в деревню и что из этого выходит – он мне рассказал об этом случай, которого он был свидетелем. Одна его соседка решилась продать крестьянам "по божеской цене" 108 десятин земли, в которой они действительно нуждались. Цену она назначила в 60 руб. за десятину, и крестьяне дали задаток, когда к ним пришел казенный лесник, раздал им "Выборгское воззвание" и посоветовал не торопиться покупкой, так как "они получают землю даром". Крестьяне сдуру послушались и потребовали возвращения им задатка. Помещица, по доброте, исполнила просьбу их и, считая себя ничем не связанною, продала землю купцу, который выплатил ей всю сумму, считая по 60 руб. за десятину, тотчас наличными. Крестьяне были поражены этим фактом и решились купить землю у купца, который, однако, заломил цену в 100 руб. за десятину. Крестьяне обратились к Ленину за помощью, и ему удалось уговорить купца уступить землю за 75 руб., и крестьяне были счастливы купить ее, переплативши за свое доверие к "Выборгскому воззванию" 1600 руб. Ленин, однако, сторонник принудительного отчуждения частновладельческой земли, но в строго определенных случаях»[180]. В характере Сергея Николаевича, по словам родных, были «твердость, спокойствие, уравновешенность»[181].

В 1899 г. С. Н. Ленин женился на дочери директора Физической обсерватории академика М. А. Рыкачева Александре Михайловне (29 мая 1874–10 октября 1971). Род Рыкачевых через князей Сонцевых-Засекиных (мать М. А. Рыкачева была урожденная княжна Аскитрия (Александра) Николаевна Сонцева-Засекина) происходил от Рюрика. Точнее от его потомка Ростислава (Михаила) Мстиславовича Набожного, родоначальника князей смоленских, ярославских и многих знаменитых фамилий России, таких как князья Вяземские, Горчаковы, Дашковы, дворяне Еропкины, князья Кропоткины, Курбские, Львовы, Прозоровские (а через них Суворовы-Рымникские), Романовы, Ржевские (в через них Пушкины), Шаховские.

М. А. Рыкачев был пионером во многих направлениях метеорологической науки. Его труды по исследованию и завоеванию воздушного океана имели огромное значение. Дважды в 1868 г. и дважды в 1873 г. он поднимался на воздушном шаре, проводя серьезные исследования в атмосфере. Эти полеты привели его к мысли о создании геликоптера и разработке так называемой вихревой теории, получившей развитие в трудах К. Э. Циолковского, Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина.

Идеи, выдвинутые М. А. Рыкачевым, на 40 лет опередили труды французского ученого и инженера А. Г. Эйлера. Но продолжать свою работу по созданию геликоптера он не смог, так как не получил правительственной поддержки. Единственное, что удалось ему сделать, это, находясь в 1880–1884 гг. на посту председателя созданного по его инициативе Воздухоплавательного отдела Русского технического общества, оказывать поддержку всем, кто был заинтересован в развитии отечественного воздухоплавания.

Еще в 1876 г. по инициативе тогдашнего директора Главной физической обсерватории академика Г. И. Вильде и его помощника (с января 1867 г.) М. А. Рыкачева было заложено здание Магнито-метеорологической обсерватории в Павловске, которое было построено в 1878 г. Исследования, проводимые сотрудниками обсерватории под непосредственным руководством М. А. Рыкачева, были высоко оценены мировой научной общественностью.

Роль М. А. Рыкачева в развитии метеорологической науки была отмечена назначением его в 1896 г. директором Главной физической (ныне Геофизической) обсерватории Академии наук, которой он посвятил в общей сложности 50 лет жизни. М. А. Рыкачев по праву являлся главой исследователей верхних слоев атмосферы и многое сделал для успешной работы, что привело Россию к одному из первых мест в этом направлении в конце XIX–начале XX в. В августе 1904 г. в Петербурге проходил IV съезд Международной комиссии по научному воздухоплаванию, председателем которого был М. А. Рыкачев (с 1896 по 1912 гг. он был бессменным участником всех семи съездов).

Много времени М. А. Рыкачев уделял преподавательской деятельности, являясь профессором Морской академии. Кроме того, он являлся членом Комитета помощи поморам Русского севера. Этот комитет прекратил свое существование в годы Советской власти. В 1913 г. М. А. Рыкачев покинул пост директора Главной физической обсерватории, но продолжал научную работу. 21 января (3 февраля) 1915 г. вместе с крупнейшими российскими ученым он вошел в состав Комиссии по изучению естественных производительных сил России, созданной при Отделении физико-математических наук Академии наук. Царское правительство не было заинтересовано в работе этой комиссии. Только после установления Советской власти, при активнейшей поддержке В. И. Ульянова комиссия начала работать. Одновременно М. А. Рыкачев был почетным председателем Бюро по организации Государственного гидрологического института (ГГИ). Все заседания этой организации проходили на квартире М. А. Рыкачева (Университетская наб., 5). Проект создания ГГИ вскоре был утвержден. Но до основания института, 7 октября 1919 г., академик М. А. Рыкачев не дожил. Он скончался 1 апреля 1919 г. и был похоронен на Смоленском православном кладбище.

По материнской линии Александра Михайловна была внучкой Андрея Михайловича Достоевского, младшего брата великого писателя. 20 мая 1891 г. она окончила с серебряной медалью Василеостровскую женскую гимназию (9-я линия, 6)[182]. Свое образование А. М. Ленина (Рыкачева) продолжила на историко-филологическом отделении Женских педагогических курсов (Гороховая ул., 20), которые закончила в 1894 г. С 1896 по 1899 гг. преподавала русский язык в гимназии, принадлежавшей Е. М. Гедда (Крюков канал, 14), пользовавшейся правами учебного заведения[183]. Свободно владея немецким, французским, английским языками и немного итальянским и испанским, сначала помогала отцу, затем мужу в их работе. В конце 1899 г. вместе с мужем уехала в Париж, где в 1900 г. открылась сельскохозяйственная выставка. Год изучала в Сорбоннском университете французскую литературу и язык. Вернувшись на родину в 1901 г., А. М. Ленина беседы по природоведению в народных детских садах на Васильевском острове. С созданием в 1903 г. Василеостровского общества народных развлечений, одним из руководителей которого был брат мужа Н. Н. Ленин, она работала там в детском и библиотечном отделах, уделяя особое внимание Гаванской библиотеке-читальне.

С 1901 по 1914 гг. А. М. Ленина была связана с Лигой образования. Она преподавала в школе, расположенной на 22-й линии, 7 (угол Большого пр., 69) Васильевского острова. Ее учениками были как дети, так и взрослые. Одновременно с педагогикой А. М. Ленина занялась медициной. Оказавшись в имении мужа в Пошехонском уезде Ярославской губернии, где она ежегодно вместе с детьми жила 5-6 месяцев, А. М. Ленина воспользовалась правами, которые ей давал диплом сестры милосердия (она окончила трехлетние курсы сестер милосердия Георгиевской общины) и открыла медпункт с амбулаторией и аптекой в селе Красном, где лечились все окрестные крестьяне. В 1914–1915 гг. А. М. Ленина работала в 1-м городском лазарете.

Не менее колоритной фигурой, чем С. Н. Ленин, был и его брат Николай. Он родился в селе Воскресенском Пошехонского уезда Ярославской губернии 20 января (1 февраля) 1865 г.[184] В 1886 г. окончил Вологодскую классическую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета. За отличную учебу Н. Н. Ленин был удостоен стипендии имени Дроздовой. Среди тех, кто поступил одновременно с ним на 1-й курс юридического факультета, был В. Д. Генералов, казненный вместе с А. И. Ульяновым за подготовку покушения на жизнь Александра III. Все четыре года Н. Н. Ленин проучился вместе с братом А. В. Луначарского Яковом и будущим издателем социал-демократической литературы И. Я. Лурье, которого хорошо знал и бывал по издательским делам в его типографии в 1906 г. (Гороховая ул., 48) В. И. Ульянов. Именно И. Я. Лурье, как уже упоминалось, следователь за раскрытие псевдонима «Ленин»

обещал некоторое снисхождение. Среди однокурсников Н. Н. Ленина был и В. Л. Нагурский, ставший известным петербургским нотариусом. В 1906 г. он спас от суда руководителей большевистского издательства «Вперед» и 22 большевистских литератора, включая В. И. Ульянова, обвиненных в выпуске революционной литературы, заверив фиктивный договор с вымышленным владельцем издательства.

В 1890 г. Н. Н. Ленин окончил юридический факультет и затем сделал успешную карьеру в Министерстве юстиции. Начав с должности помощника столоначальника и чина губернского секретаря, он к 1917 г. стал управляющим делами эмеритальной кассы Министерства юстиции и имел чин действительного статского советника.

Н. Н. Ленин, как и брат, имел незаурядную внешность, рост 180 см, очень стройную фигуру, благодаря чему великолепно выглядел на сцене или на трибуне. Его любили за блестящую эрудицию все, кто хоть раз с ним встречался.

Женился он в зрелом возрасте в 1908 г. Его жена Инна Васильевна была дочерью сподвижника генерала М. Д. Скобелева полковника Василия Фомича Филиппова, происходившего, как утверждает его правнук Александр Евгеньевич Ронис, из кантонистов. Инна Васильевна обладала прекрасным голосом (у нее было лирическое сопрано) и успешно окончила в 1907 г. Петербургскую консерваторию по классу профессора К. Л. Ферни Джиральдони. Она начала петь в Русской опере (так называлась оперная труппа Мариинского театра), исполняла партии Татьяны в «Евгении Онегине», Маргариты в «Фаусте» и ряд других. Доводилось ей выступать и с Ф. И. Шаляпиным. После рождения дочери Татьяны (1909 г.) и сына Николая (1910 г.) оставила сцену, но участвовала во многих концертах, которые организовывал добрый знакомый семьи, один из руководителей боевой организации большевиков, Н. Е. Буренин. О том, что он революционер и что деньги, собранные от концертов, идут на революцию, она даже не догадывалась.

В доме Лениных часто бывала сестра Инны Васильевны член РСДРП с 1916 г. Евгения Васильевна Пузыревская. До 1925–1926 гг. она работала в секретариате И. В. Сталина, но была уволена за то, что высказала свое недовольство его линией. Санкций за этот ее поступок не последовало. Обменяв свою московскую квартиру на ленинградскую, она поселилась на Широкой ул., 48 (ныне 52), этажом выше квартиры 24, где с 4 апреля по 5 июля 1917 г. жил В. И. Ульянов[185].

Н. Н. Ленин-младший, со слов матери, рассказал эпизод, когда в конце 1915 г. к ним на 10-ю Рождественскую (ныне Советскую) ул., 18, кв. 30 приходили полицейские, чтобы выяснить: не тот ли здесь проживает «Н. Ленин», которого они разыскивают. Но узнав, что Н. Н. Ленин действительный статский советник и крупный чиновник в Министерстве юстиции, взяли под козы-

рек и откланялись. Николай Николаевич только рассмеялся. Но узнав о том, что В. И. Ульянов пользуется их фамилией в качестве псевдонима, как рассказывал Н. Н. Ленин-младший, был очень недоволен.

6. Трагический 1919 год

В конце 1917 г., спасаясь от подступившего к Петрограду голода, семьи обоих братьев Лениных оказались в родовом имении. Крестьяне села Красного отнеслись к своим помещикам доброжелательно и выделили им по трудовой норме землю. Братья занялись хлебопашеством. Два дома из трех, принадлежавших им, были конфискованы. В одном разместился сельсовет, в другом – школа. В третьем, выстроенном когда-то Сергеем Николаевичем, жили все Ленины.

1919 г. стал для Лениных трагическим. По каким-то причинам Николай Николаевич не смог выполнить достаточно высокую норму продразверстки и за это был посажен в пошехонскую тюрьму, где заболел сыпным тифом и умер в апреле 1919 г. Его разрешили похоронить на кладбище в селе Воскресенском, где хоронили Лениных начиная с XVII в.

Вскоре умерла и О. Н. Ленина. После смерти брата она поехала хлопотать о похоронах, заразилась черной оспой и умерла примерно через месяц-полтора после него. Одно время Ольга Николаевна разделяла взгляды анархиста князя П. А. Кропоткина и состояла с ним в переписке, но в конце жизни стала эсеркой. Она жила отдельно от братьев, в усадьбе Сосенки, недалеко от села Красного.

В июне 1919 г. в Пошехонско-Володарском уезде (так он стал называться) вспыхнуло восстание «зеленых», которым руководили, по данным Череповецкой ЧК, бывший генерал-майор Майер, князь Долгоруков и полковник из армии Колчака (фамилию которого чекистам установить не удалось). Благодаря проведенной в Давыдковской, Югской и смежных с ними волостях мобилизации мужчин в возрасте от 18 до 45 лет, руководителям восстания удалось сформировать отряд численностью до 4000 человек. Восставшие были вооружены винтовками, револьверами, дробовыми ружьями, вилами, топорами[186].

Как рассказывал Н. Н. Ленин-младший, к С. Н. Ленину пришел один из участников восстания некто Ловцов и предложил присоединиться к восставшим. Но Сергей Николаевич лишь рассмеялся: «Вы идете против всей России, – сказал он Ловцову. – Как только против вас применят пушки, вы разбежитесь». В ночь с 7 на 8 июля 1919 г. в бою под селом Давыдково, продолжавшемся два с половиной часа, отряд Губчрезвычкома численностью 575 штыков с помощью 12 пулеметов и 2 орудий отбил семь атак «зеленых» и наголову разбил их. В бою погибло около 300 восставших. Этот бой, по словам Н. Н. Ленина-

младшего, вызвал к жизни следующую частушку, которую распевали местные девушки:

Пойдем милая товарка,
Под Давыдково гулять.
Под Давыдковом убили
Всех хорошеньких ребят.

Во время следующей стычки у села Владычино такого жестокого боя не было. Достаточно было произвести всего один оружейный выстрел, и «зеленые» разбежались. Окончательно восстание было подавлено 15 июля 1919 г.[187]

После подавления восстания в Пошехонском уезде был расстрелян 41 человек, в том числе руководитель восстания генерал-майор Майер, начальник штаба «зеленых» Введенский, организатор-командир Ершов, организатор-командир взвода Кочетов, организатор Бурлов, а также активные участники восстания из кулаков и духовенства. Среди расстрелянных были председатель Софроновского волостного совета, товарищ председателя и член волостного продовольственного отдела (фамилии не названы), которые присоединились к восставшим. 22 человека было приговорено к условному расстрелу[188], князю Долгорукову и полковнику из армии Колчака удалось бежать. Но на этом расправы властей в Пошехонском уезде не закончились. Вскоре в село Красное, где жили Ленины, прибыл красный карательный отряд. Были произведены аресты по «классовому принципу» – взяты под стражу кулак А. П. Смирнов, священник отец Владимир (Романский) и помещик С. Н. Ленин.

События развивались следующим образом. Весь день с самого утра (это была середина июля) Сергей Николаевич косил со старшей дочерью Ольгой. Вечером вся семья расположилась на веранде, выходившей в сад. Неожиданно появилась жена местного милиционера Спиридона (сейчас трудно установить, было ли это имя или фамилия милиционера Спиридонов). Женщина рассказала, что красноармейцы собираются убить Сергея Николаевича, а подбивает их на это ее муж. Дело в том, что рядом с домом Лениных находился амбар, куда окрестные крестьяне свозили зерно, сдаваемое по продразверстке. Милиционер Спиридон брал из этого амбара зерно и варил самогон. Сергей Николаевич, узнав об этом, предупредил его, что сообщит властям, если тот не прекратит разворовывать зерно. Милиционер затаил злобу, ожидая возможности отомстить. Такой случай представился.

Услышав сообщение жены милиционера об угрозе, Сергей Николаевич мог спокойно скрыться в лесу, но не сделал этого. К этому времени у него было приглашение от наркомпрода А. Д. Цюрупы на работу в Москве в Народном комиссариате продовольствия, одном из важнейших наркоматов в годы Гражданской войны. Сергей Николаевич рассчитывал на спасительную

силу этого документа, но ошибся. Появившиеся вскоре два бойца карательного отряда (одного из них, по словам Н. Н. Ленина-младшего, звали Григорием) не стали вдаваться в тонкости содержания предъявленного Лениным документа. Главным для них являлось то, что С. Н. Ленин значился бывшим помещиком, значит, классовым врагом. Он был арестован. В отличие от других арестантов, посаженных на телегу, его заставили идти пешком. Устав после сенокоса, идти ему было тяжело и около деревни Дар, недалеко от Владычино, он попросил конвоиров посадить его на телегу. Такая просьба со стороны помещика возмутила конвоиров, они решили проблему просто. По инициативе того же Спиридона С. Н. Ленин был расстрелян. На его груди насчитали пять ран.

Как рассказывали дочь С. Н. Ленина, Ирина Сергеевна, и ее двоюродный брат, Н. Н. Ленин-младший, когда об убийстве Сергея Николаевича стало известно В. И. Ульянову, он был страшно возмущен и сказал: «Если мы будем расстреливать просто так каждого дворянина, то нам придется расстрелять пол-России». Он потребовал от ярославских руководителей сурово наказать виновников гибели С. Н. Ленина. Вскоре после этих указаний Спиридон исчез в неизвестном направлении. С этого момента никаких сведений о нем нет.

Необходимо заметить, что еще два источника подтвердили реакцию В. И. Ульянова на происшедшее в Пошехонье. Рассказы доктора географических наук Е. С. Селезневой, знавшей А. М. Ленину, и доктора исторических наук С. В. Белова, специалиста по творчеству Ф. М. Достоевского. Как рассказывал С. В. Белов, он слышал об этом в Ярославле, где был в служебной командировке.

Несчастья продолжали преследовать семью Лениных. Не дожив двух месяцев до своего шестнадцатилетия, умерла от нервного расстройства, вызванного смертью отца, старшая дочь А. М. и С. Н. Лениных Ольга (23 ноября 1919). Это было тяжелым испытанием для Александры Михайловны.

В семье Рыкачевых, к которой она принадлежала, одно горе также следовало за другим. В октябре 1914 г. погиб на австрийском фронте брат, Андрей Михайлович Рыкачев, талантливый ученый-экономист. Его работа «Деньги и денежная власть. Опыт теоретического истолкования и оправдания капитализма», вышедшая в Петербурге в 1910 г., представляет определенный интерес и сегодня, как и вышедшая в 1911 г. книга «Цены на хлеб и на труд в С.-Петербурге за 8 лет»[189].

1 апреля 1919 г. после перенесенного инсульта и сильного сердечного приступа скончался отец Александры Михайловны академик М. А. Рыкачев. Спустя восемь месяцев, 22 ноября 1919 г., в Петрограде умерла от воспаления легких ее мать, Е. А. Рыкачева (урожденная Достоевская). В следующем, 1920 г., в возрасте 39 лет умер брат, талантливый математик и автор ряда трудов

по метеорологии, Михаил Михайлович Рыкачев, работавший помощником заведующего Аэрологической обсерватории. Она была основана в 1913 г. по предложению академика М. А. Рыкачева и получила название Романовской в честь 300-летия дома Романовых в Октолове близ Павловска под Петербургом.

7. Ленины в советское время

Перемена власти в стране ставила трудные проблемы перед оставшимися в живых. Самой главной проблемой семьи А. М. и И. В. Лениных была вырастить детей. В семье А. М. Лениной их было пятеро: Вера (2 декабря 1907–август 1941; погибла в Сиверской в начале войны), Нина (1909–1974), Ирина (1911–1 марта 2002); Марианна (1913–1991) и Сергей (9 (22) июня 1915–15 января 1974). До 1922 г. А. М. Ленина работала в селе Красном, заведуя фельдшерским пунктом, который сама создала еще до революции и содержала тогда на свои средства. После революции Александра Михайловна передала его в ведение Пошехонского уездного здравотдела, а сама стала заведующей и фельдшером, получая заработную плату.

В июле 1922 г. А. М. Ленина вернулась с детьми в Петроград. Ее дворянское происхождение мешало при поступлении на работу. Поэтому все попытки устроиться самостоятельно оканчивались неудачей. На помощь пришли исполняющий обязанности директора Главной физической обсерватории В. И. Попов и исполняющий обязанности Ученого секретаря профессор Е. И. Тихомиров. Они не могли оставить в беде дочь академика М. А. Рыкачева. По их указанию А. М. Ленина написала заявление следующего содержания: «Заведующему физической обсерватории.

Обращаюсь к Вам с просьбой. В память отца моего М. А. Рыкачева дать мне какую-нибудь должность в Обсерватории или по Библиотеке, или по одному из отделений. А. Ленина»[190]. На заявлении есть две резолюции: «В правление» и «К делу». В приказе о зачислении А. М. Лениной на работу со 2 сентября 1922 г. указано, что она назначается помощником библиотекаря с окладом 29 руб. 75 коп.[191] Для того периода это была мизерная зарплата. Материальное положение семьи А. М. Лениной, имевшей пятерых детей, было настолько тяжелым, что В. И. Попов обратился с письмом в Комиссию по улучшению быта ученых с просьбой ей помочь. В письме он подчеркивал, что «в настоящее время она (А. М. Ленина. – *М. Ш.*) с детьми живет буквально впроголодь»[192]. А. М. Ленина была вынуждена подрабатывать частными уроками. В память о добром отношении семьи Лениных и зная ее бедственное положение, крестьяне из села Красное, приезжая в Петроград-Ленинград, привозили для них продукты.

В Петрограде жили племянники Александры Михайловны со стороны С. Н. Ленина (дети его сестры Любови) – братья

Владимир и Иннокентий Гомелло (Л. Н. Ленина была замужем за следователем Иннокентием Васильевичем Гомелло, ставшим к 1917 г. статским советником и действительным членом Петроградского археологического института). Братья Гомелло окончили театральную студию, которой руководил Л. С. Вивьен (впоследствии народный артист СССР и главный режиссер Академического театра драмы им. А. С. Пушкина), но профессиональными актерами не стали. Иннокентий работал на Ленфильме, впоследствии был директором картины «Кортик», а Владимир занимался административной работой в Петроградском государственном академическом театре драмы (бывший Александринский, а с 1937 г. АТД им. А. С. Пушкина, сегодня вновь Александринский) и одновременно был актером этого театра. Именно он порекомендовал А. М. Лениной обратиться к Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой с просьбой о назначении детям С. Н. Ленина пенсии за погибшего отца, а также оставить за семьей дом в селе Красном. Со своей стороны, В. И. Гомелло во время командировки в Москву беседовал с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой о назначении племянникам пенсии.

Как вспоминала И. С. Ленина, М. И. Ульянова выступила ходатаем перед М. И. Калининым за семью Лениных. Пенсия детям была назначена. Одновременно М. И. Калинин дал указание в Ярославский губисполком о том, чтобы за заслуги Лениных перед родиной им был оставлен дом в селе Красном (письмо М. И. Калинина хранилось у А. М. Лениной, но во время войны было утрачено). До 1928 г. семья Лениных летом ежегодно выезжала в село Красное, где с удовольствием занималось огородничеством. В 1928 г., когда Ленины в очередной раз приехали в Красное, то неожиданно для себя увидели, что в их доме разместился сельскохозяйственный техникум. Пришлось разместиться в доме священника отца Владимира (Романского), который был свидетелем трагической гибели С. Н. Ленина. Это был последний приезд Лениных в село Красное. Дети выросли, и дача стала не нужна. Перестали бывать здесь и дети Н. Н. Ленина Татьяна и Николай.

В 1930 г. во время выдачи паспортов А. М. Лениной и ее совершеннолетним детям в получении паспортов было отказано из-за их социального происхождения. Но была выдана справка, в которой было написано, что они не имеют права проживать в Ленинграде. А. М. Ленина вновь обратилась за помощью к Н. К. Крупской, но та ответила, что, к сожалению, ничем не может помочь, ее вмешательство только усугубит положение Лениных. Помощь оказал президент Академии наук СССР А. П. Карпинский. Он позвонил С. М. Кирову и попросил за дочь академика М. А. Рыкачева и ее детей. Не известно, рассказал ли А. П. Карпинский С. М. Кирову историю о том, как В. И. Ульянов стал Н. Лениным. Но, как рассказала автору этих

строк одна из старейших сотрудниц Главной геофизической обсерватории, доктор географических наук Е. С. Селезнева, в обсерватории об этом было хорошо известно. Семью Лениных оставили в покое. В этом же 1930 г. А. М. Ленина перешла на работу в библиотеку Геологоразведочного геофизического института (будущий ВИРГ), где проработала 27 лет и ушла на пенсию с должности старшего научного сотрудника-библиографа. Ее высоко ценили в институте. А. М. Ленина составила 20 томов систематизированных библиографических справочников и бюллетеней геофизической литературы объемом в 250 печатных листов.

Благодаря ее неутомимой энергии еще в 1940 г. была составлена первая сводная карта геофизической изученности СССР. Она была автором 39 напечатанных работ, две из которых «Информационно-библиографический указатель новейшей литературы разведки», Л., 1950 и «Радиоактивность земной коры. Библиографический справочник» (включает литературу по 1958 г.) (в соавторстве с И. П. Сабанеевой), Л., 1960, имеются в фондах крупнейших библиотек С.-Петербурга. Все это дало право руководству института обратиться в ВАК с просьбой о присуждении А. М. Лениной ученой степени кандидата наук без защиты диссертации, учитывая ее преклонный возраст. Но ходатайство было отклонено по формальным соображениям. Министерство геологии СССР присвоило А. М. Лениной звание Директора административной геологической службы III ранга (приравнивалось воинскому званию майор). В день своего восьмидесятилетия А. М. Ленина была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а ранее ее отметили медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За трудовую доблесть»[193]. Умерла А. М. Ленина в возрасте 97 лет и была похоронена на Красненьком кладбище.

Верность геофизической науке сохранили ее дети (кроме Веры Сергеевны, ставшей педагогом) и внуки, за исключением детей Сергея Сергеевича – Андрея и его сестры Натальи, окончивших физико-математический факультет Ленинградского университета, а также детей Веры Сергеевны – Флавия Борисовича и Натальи Борисовны.

21 октября 1964 г. сын А. М. Лениной, Сергей Сергеевич, стал кандидатом технических наук. Это был прекрасный человек и крупный ученый. Участник Великой Отечественной войны он после демобилизации в 1945 г. поступил в ВИРГ и проработал в нем до самой смерти. Его очень любили все, кто с ним когда-либо встречался. По рассказам Е. Е. Сазанской, старшего научного сотрудника и коллеги, проработавшей долгое время в институте, С. С. Ленин был человеком ироничным. Но это не носило навязчивой и неприятной формы. Ироничным он был прежде всего к себе. С. С. Ленин не терпел

глупость в любом ее проявлении и имел собственное мнение по каждому вопросу. Талантливый ученый и изобретатель, С. С. Ленин работал старшим научным сотрудником, написал 38 печатных работ и сделал пять изобретений[194]. Особую ценность представляет созданный под руководством С. С. Ленина и И. В. Серикова аппарат «АРФ» (рентгено-спектральный флюоресцентный анализатор высокой чувствительности). Это была первая рентгеновская установка, позволяющая производить определение элементарного состава порошковых образцов горных пород путем анализа рентгено-флюоресцентного спектра излучения этих образцов. Этот прибор был разработан за два года, хотя по существующим нормативам на эту работу отпускалось десять лет. Прибор был разработан в 1967–1968 гг. совместно с Ленинградским научно-производительным объединением «Буревестник» и назван установкой. Она получила заводскую марку «ФРА-4». Эта установка экспонировалась на международной промышленной выставке в Лейпциге и была удостоена диплома.

В 1972 г. С. С. Ленина и И. В. Серикова, участников разработки установки, руководство ВИРГа и Министерство геологии решили представить на Ленинскую премию. Руководство НПО «Буревестник», на базе которого создавалась установка, не имея никакого отношения к авторству данной разработки, в состав списка лиц, представленных на Ленинскую премию, включено не было. В связи с тем, что все попытки добиться включения в этот список не увенчались успехом, руководство НПО начало оказывать пассивное сопротивление. Ради ликвидации конфликта Министерство геологии приняло решение снять работу из списка соискателей на Ленинскую премию, но авторы «АРФ» были отмечены крупной министерской премией. По решению министерства, эта денежная премия выдавалась в течение трех лет. Каждый год из этих трех учитывалась экономическая эффективность от применения установки «АРФ». Необходимо отметить следующее. Согласно положению о министерской премии ее получили только С. С. Ленин и И. В. Сериков. Техник-лаборант Л. И. Леонтьева, участвовавшая в создании установки, не имела права быть включенной в авторский коллектив. Возмущенные подобной несправедливостью, С. С. Ленин и И. В. Сериков при каждом получении денежной премии часть ее передавали Л. И. Леонтьевой.

С момента создания установки «АРФ» прошло 35 лет, но и сегодня, претерпев небольшие технические изменения, она продолжает служить народному хозяйству.

Но установка «АРФ» являлась лишь составной частью целой серии геофизической аппаратуры с применением кристаллических счетчиков радиоактивных излучений. В связи с большой ценностью этой аппаратуры Министерство геологии СССР выдвинуло ее создателей на Ленинскую премию. Среди канди-

датов было четыре сотрудника ВИРГа, включая С. С. Ленина, и трое соавторов из Московского всесоюзного института минерального сырья. К этому списку Министерство геологии «не забыло» добавить четырех своих руководящих работников. Но согласно положению о Ленинских премиях, число выдвигаемых соискателей не должно было превышать десяти человек. Но так как руководство министерства не могло решить, кого из своих ответственных работников исключить из списка соискателей, а тронуть авторов оно не рискнуло, то, опасаясь серьезных неприятностей, оно пошло по проторенному пути – отозвало работу из списка представленных на Ленинскую премию.

Об этих двух печальных и в то же время, на мой взгляд, неприятных историях рассказала Е. Е. Сазанская.

Сестры С. С. Ленина – Нина Сергеевна и Марианна Сергеевна, не смогли, к сожалению, получить высшего образования. На их судьбах отразилась история с выселением семьи Лениных из Ленинграда в начале 1930-х гг. Больше повезло двум другим сестрам. Ирина Сергеевна окончила Ленинградский горный институт и стала инженером-геофизиком. Вера Сергеевна закончила Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, преподавала русский язык и литературу. Она очень любила поэзию, писала стихи. Пять ее стихотворений, написанных в 1925–1926 гг. опубликовал в 1933 г. М. В. Волоцкий в книге о роде Ф. М. Достоевского[195]. Больше при жизни Веры Сергеевны ее стихи не публиковались. Спустя почти пятьдесят лет после ее трагической гибели в газете ленинградских писателей «Литератор» (1991, № 21 (75)) появилась еще одна подборка стихов В. С. Лениной, предоставленных редакции ее мужем Борисом Ивановичем Еропкиным. Б. Е. Еропкин – инженер-судостроитель, лауреат Государственной премии. Он является внуком декабриста Д. И. Завалишина и прямым потомком Воина Михайловича Еропкина, родного брата архитектора Петра Михайловича Еропкина – руководителя работ по составлению первого Генерального плана Петербурга (закрепившего систему трехлучевых проспектов), казненного по делу А. П. Волынского.

Успехов в жизни добились многочисленные внуки и внучки А. М. и С. Н. Лениных. Продолжатель рода, Андрей Сергеевич Ленин (род. 9 января 1941), окончил физический факультет Ленинградского государственного университета в 1963 г. После окончания университета он в течение восемнадцати лет работал в Физико-математическом институте им. А. Ф. Иоффе, где успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук. С 1981 г. А. С. Ленин работает научным сотрудником Государственного оптического института им. С. И. Вавилова. Он имеет большое количество печатных работ.

Его жена, Лариса Дмитриевна (урожд. Дмитриева, род. 10 марта 1947), является не только радиоинженером (первый диплом), но и переводчиком, а также учителем немецкого языка.

У супругов трое детей. Дочь Алла (род. 10 февраля 1971), окончив Педиатрический институт, посвятила себя науке. Она кандидат медицинских наук, работает в Институте детских инфекций. Дочь Татьяна (род. 16 января 1975) после окончания экономического факультета Лесотехнической академии работает по специальности. Она является заместителем главного врача генетического центра. Сын Александр (род. 4 октября 1987), названный в честь прабабушки, Александры Михайловны Лениной, учится. У супругов Л. Д. и А. С. Лениных трое внуков.

Что же касается И. В. Лениной, то она, так же как и А. М. Ленина, вернулась с детьми в Петроград в 1922 г. О сцене И. В. Ленина уже не думала и устроилась рядовым конторским служащим с низкой зарплатой, сначала на строительстве понижающих подстанций от Волховской ГЭС, затем в ЦНИИ Геологоразведки. Последние годы жила с сыном Николаем. Умерла от голода во время блокады в январе 1942 г.

Инне Васильевне, как и Александре Михайловне, было тяжело одной поднимать детей. Дочь Татьяну (1909–1976) она определила на учебу в педагогическое училище. Потом, уже став взрослой, та окончила Педагогический институт и стала преподавателем русского языка и литературы.

Татьяна Николаевна Ленина вышла замуж за Николая Моисеевича Пашкина. У них было двое дочерей: Ия (род. 1930), ставшая учительницей географии, и Татьяна (род. 29 июля 1935). Татьяна окончила в 1958 г. юридический факультет Ленинградского университета. Последняя ее должность перед уходом на пенсию – заместитель прокурора г. Серпухова Московской области. Ее муж Евгений Александрович Ронис (род. 31 октября 1931) – военный моряк, ныне капитан I-го ранга в отставке. Сын Александр Евгеньевич Ронис (род. 13 января 1961) окончил Бугурусланское училище гражданской авиации. В настоящее время военный летчик, капитан. Служил военным летчиком. Демобилизовался в звании капитана.

Сына И. В. Лениной Николая Ленина-младшего (9 ноября 1910 – 6 июня 1996) пришлось отдать в детский дом, где он находился шесть лет. Н. Н. Ленин-младший безуспешно пытался поступить в институт – мешало дворянское происхождение. С 1928 г. он трудился на производстве. Практически вся жизнь Н. Н. Ленина-младшего связана с паротурбинным цехом Металлического завода, где он работал диспетчером. У Николая Николаевича был хороший голос. В свободное от работы время он пел в самодеятельности, и здесь встретил свою судьбу – Зинаиду Николаевну. Но сегодня они оба уже ушли из жизни.

8. Усть-Сысольская ветвь

Трагическая судьба была и у ленинской ветви, идущей от брата Н. Е. Ленина – Александра Егоровича. Правда, не все ее страницы удалось раскрыть из-за отсутствия ряда документальных материалов.

Но сначала несколько слов о А. Е. Ленине. Губернский секретарь Александр Егорович Ленин (15 июня 1832–1872) честно и скромно прожил свою жизнь. После окончания в 1850 г. с похвальной грамотой вологодской гимназии (которую впоследствии окончил его племянник Н. Н. Ленин) он поступил в Демидовский лицей в Ярославле и год проучился там. Но тяга к военной службе оказалась сильнее (его предки были военными). А. Е. Ленин поступил в ополчение, где прослужил примерно с 1852 по 1857 (1859) гг. Точные даты назвать трудно. Сохранился его портрет в военной форме. А. Е. Ленин был участником Крымской войны. Женился он в 33-летнем возрасте в 1865 г. на дочери дьячка Кирилловской Большеольминской церкви Вологодского уезда – Екатерине Николаевне Денякиной. У них было пятеро детей: Эмилия (1866–1928(31)), Людмила (род. 1867), Леонид (19 октября 1868 – 24 сентября 1918), Рахиль (род. 1871) и Елизавета (род. 1873). Об их судье почти ничего не известно. Эмилия вышла замуж за Ивана Силина и имела двух детей – Нину и Леонида. Людмила вышла замуж за Перцева (неизвестно даже его имя). Только о Леониде Александровиче можно рассказать достаточно подробно, благодаря интересному поиску, который провела корреспондент газеты «Молодежь Севера» А. Сивкова. В 1990 г. под рубрикой «Восемнадцатый год. Полемика вокруг революционных событий в Коми крае». была опубликована ее статья «Лес рубят – щепки летят?»[196].

Прежде чем рассмотреть исследование А. Сивковой хотелось сказать следующее. Л. А. Ленин обучался в Вологодском Александровском реальном училище, но курс не закончил. Его служебная карьера началась 15 (27) июля 1895 г. в должности канцелярского служащего в Канцелярии Вологодского губернского предводителя дворянства. Далее он медленно продвигался по служебной лестнице, о чем свидетельствуют материалы паспортной книжки, выданной Л. А. Ленину Вологодским губернским правлением 5 (18) июля 1904 г. на основании личного заявления и его формулярных списков[197].

Когда в 1906 г. Л. А. Ленина назначили земским начальником, то было подчеркнуто, что «принимая во внимание проявленные Лениным в течение десятилетней правительственной и за последнее время земской службы способности и деятельности при безупречной нравственности»[198], именно его кандидатура оказалась наиболее подходящей для назначения на данный пост. Работа была достаточно сложной: он проводил ревизии волостных правлений и судов, общественных крестьянских уч-

реждений, собирал всевозможные сборы и недоимки, вел делопроизводство и т. д.

Как свидетельствуют сохранившиеся документы, а также «Адрес-календари» за 1905–1916 гг., все эти годы Л. А. Ленин служил в земстве на различных должностях в Сольвычегодске, Никольске, селе Устье (г. Кадиков), Усть-Сысольске (с 1930 г. г. Сыктывкар). В 1916 г. Л. А. Ленин становится председателем съезда мировых судей. На этом посту он встретил 1917 г. Но если Февральскую революцию Л. А. Ленин приветствовал (как рассказывал его внук Леонид Александрович Колосов, дед по своим политическим взглядам был кадетом), то к Октябрьской революции отнесся более чем скептически. Многое из того, что делал исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Усть-Сысольска и его председатель А. М. Мартюшев, стремившийся ликвидировать съезд мировых судей и создать вместо него волостной народный суд, не встречало одобрения Л. А. Ленина.

Попытки съезда мировых судей и его председателя Л. А. Ленина отстоять свое право на существование хорошо видны из «Дела по обвинению гр. Ленина Л. А. в контрреволюционных действиях»[199], копия которого имеется у внука Леонида Александровича, Леонида Львовича Колосова.

В материалах дела говорится, что 31 января (13 февраля) 1918 г. исполком Усть-Сысольского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил: «ввиду явно выраженного непризнания судебной организацией установленной в уезде верховной власти совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, сделать немедленное распоряжение усть-сысольскому казначейству о прекращении выдачи денег по ассигновкам Мирового съезда и других должностных лиц Судебного ведомства»[200].

Однако судебная организация Усть-Сысольского уезда под председательством Л. А. Ленина заявила: «Принимая во внимание, что мировые судьи избраны земским собранием, т. е. представителями населения всего уезда, и они, равно как и прочие лица судебного ведомства, состоящие на службе по назначению, действуют в строго определенных законом границах, то постановление Судебной организации о преждевременности обсуждения, предложенного Исполнительным комитетом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Усть-Сысольска вопроса о реорганизации местной судебной власти и судебных установлений на местах, – без изъявления на то согласия и желания самого народа через его представителей – земских гласных, – не может быть истолкованы как непризнание власти Совета, тем более, если таковая признана самим земским собранием». Далее судебная организация Усть-Сысольска подчеркивает, что не может быть организован особый от других районов страны суд, так как в работе судебных учреждений должна быть согласованность и связь.

Спустя четыре года В. И. Ульянов в письме от 20 мая 1922 г. «Товарищу Сталину для Политбюро "О "двойном" подчинении и законности"» как бы поддержит Л. А. Ленина, заявив: «Законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской»[201].

Но к этому моменту Л. А. Ленина не было в живых.

На заседании судебной организации Усть-Сысольска 24 февраля 1918 г. говорилось, что председатель исполкома А. М. Мартюшев грозит разогнать съезд мировых судей. Рассмотрев создавшуюся ситуацию, судьи решают избрать из своей среды комиссара юстиции при Совете рабочих депутатов. Им стал судья 4-го участка Усть-Сысольска И. И. Попов. При этом съезд мировых судей поставил условием, чтобы ни образуемый судебный отдел, ни следственная комиссия не имели права вмешиваться в его деятельность[202].

Несмотря на это решение, 26 февраля 1918 г. съезд мировых судей был изгнан из квартиры в доме Старцевой, где располагался, и стал заседать в доме Л. А. Ленина, не переставая вставать на защиту тех, кто, по его мнению, был незаконно арестован и содержался в тюрьме. Среди этих людей был, в частности, председатель Усть-Сысольской городской земской управы С. Л. Латкин[203].

Однако не только действия съезда мировых судей вызвали неприязнь местных властей к Л. А. Ленину, как председателю съезда. В деле Л. А. Ленина имеется составленное при его активном участии обращение членов усть-сысольской судебной организации к патриарху Тихону, содержащее самые резкие выпады в адрес новой власти.

Вот несколько фрагментов из этого обращения:

«Правление "большевиков", захвативших власть в России в свои руки, непоправимо сгубило наше дорогое Отечество и это надо признать за свершившийся факт.

Их всеуничтожающие и разрушающие декреты внесли полную путаницу в жизнь народа, разделили его на два лагеря и породили классовую вражду: крестьяне явно призываются к уничтожению интеллигенции. Мало этого, теми же декретами возбуждается открытое гонение на церковь Христову, Его учение: оно считается ненужным. Это ли не гибель родины.

Всем известно, что гибель эта нужна стоящим у власти евреям, именующим себя большевиками. Они и только они заинтересованы в этом. И чтобы вернее нанести окончательный уда нашему отечеству, призывают к власти на местах людей, не имеющих понятия о порядке управления, малограмотных, именующихся советами солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

Как в соседних уездах, так и у нас в Усть-Сысольске образовался подобный Совет. Образовался он из подонков общества и в состав его вошли лица даже с порочным и уголовным прошлым. Эта власть неуклонно исполняет все декреты большевиков, она с усердием занялась, как более доступной для нее, сокрушительной работой – полным непризнанием окружного суда, уничтожением всех должностей судебных и административных установлений, мировых судей, мирового съезда, уездного земства, и вообще всего, что давно всеми признано полезным, нужным и необходимым в общественной жизни народа...

Главным инициатором создания у нас такого совета, давшим ему мысль присвоить себе власть верховную законодательную, явился священник Дмитрий Попов, заявивший, что "все законы опрокинуты", что все учреждения утратили авторитет власти и что поэтому совет должен выработать новые законы...» И в заключение письма авторы просят его святейшество «отозвать этого священника, как противника Христова учения»[204]. Крайне интересно, что, начав с мифических «евреев-большевиков», стоящих у власти, конкретные обвинения авторы письма выдвигают в адрес лишь одного человека – православного священника Д. Попова.

Критическое отношение к новой власти, однако, не исключало для Л. А. Ленина возможности практического сотрудничества с ней. В марте 1918 г. он становится депутатом Усть-Сысольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от городского Союза служащих. На заседаниях городского совета юристы Л. А. Ленин, А. В. Веллинг и А. А. Харьюзов принимают активное участие в обсуждении вопроса об организации судов на местах. Однако за правовые основы жизни в Усть-Сысольске Л. А. Ленину бороться пришлось недолго. Провокация, устроенная в нескольких километрах от города и июне 1918 г. в местечке Човью, во время которой был убит председатель земельной коллегии Горсовета Х. Кудинов, возглавлявший группу погромщиков, резко обострила обстановку в городе. Хотя делегаты второго съезда Усть-Сысольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов осудили эту провокацию, местные органы исполнительной власти воспользовались ею, чтобы начать репрессии против лиц дворянского и другого классово чуждого происхождения. Среди тех, кого коснулись репрессии, был и Л. А. Ленин.

18 сентября 1918 г. в газете «Зырянская жизнь» был опубликован приказ о прекращении выдачи продовольственного пайка нескольким десяткам усть-сысольских семей, включая детей. В списке были следующие лица: Л. А. Ленин – 7 душ едоков, С. Н. Клочков – 5, В. Н. Городецкий – 3, А. А. Харьюзов – 5, И. П. Петроканский – 1 и т. д.[205]

Главы семейств были арестованы. Затем на глазах жен и детей группу арестованных посадили на пароход «Сысольск» и до-

ставили на заливной остров между Сольвычегодском и Коряжмой. О том, что произошло дальше рассказала А. Сивкова. Она начала свой очерк цитатой из работы известного историка и краеведа Коми края А. А. Цембера: «24 сентября 1918 года Н. И. Митяшев расстрелян за организацию восстания против Советской власти и агитацию за Временное правительство по приговору Революционного полевого трибунала при штабе командующего Котласским районом, вместе с усть-сысольскими гражданами: Александром Веллингом, Леонидом Лениным, Степаном Клочковым, Андреем Харьюзовым, Василием Городецким, Иваном Петроканским, Василием Сидоровым»[206].

Через три месяца, в конце декабря 1918 г., в дом к вдове Л. А. Ленина Ольге Николаевне (1888–1972) явились представители Советской власти Усть-Сысольска и сообщили, что он, как и его товарищи по несчастью, ни в чем не виновен и их зря поторопились расстрелять.

Прошло много лет. К младшей дочери Л. А. Ленина, Наталье, пришел человек по фамилии Фролов, который был одним из конвоиров расстрельной команды. Что толкнуло его на этот шаг, осталось тайной. Он рассказал ей о последних минутах жизни Л. А. Ленина. Впоследствии Н. Л. Ленина передала этот рассказ журналистке А. Сивковой. «Отец свою смерть встретил достойно: молитву читал. Добивать, говорит (Фролов. – *М. Ш.*) его не пришлось, пуля попала в голову»[207].

Ольга Николаевна Ленина осталась вдовой в тридцать лет. Четырнадцать лет назад она, дочь надворного советника, инспектора народных училищ Николая Арсентьевича Белова, в возрасте 16 лет вышла замуж за Л. А. Ленина, первая жена которого умерла 11 июля 1904 г. Четырнадцать лет супружеского счастья – и незаживающая рана до глубокой старости (Ольга Николаевна умерла в 84 года). Ей одной пришлось поднимать четверых детей. Первенец Борис (1906–1916) прожил только 10 лет. Остальные дожили до солидного возраста. На уровень их образования наложила отпечаток эпоха, отразилось время, когда детям дворян в получении образования, особенного высшего, создавались препятствия. Но на их человеческих качествах время не отразилось.

Тамара Леонидовна (1912–1990), в замужестве Воронова, закончила 7 классов. Имела дочь Ольгу. Наталья Леонидовна (1916–1990), в силу сложных жизненных обстоятельств поменявшая фамилию и отчество и ставшая Натальей Ивановной Поповой, получила среднее музыкальное образование. Детей не имела. Перед выходом на пенсию работала в Министерстве здравоохранения Коми АССР. Личная жизнь Веры Леонидовны (род. 1914 г.) сложилась не очень удачно. С мужем Львом Дмитриевичем Колосовым (1890–1981) она разошлась. Александр Леонидович (1910–1988) получил среднетехническое образование. Перед выходом на пенсию работал на керамическом заводе под

Ленинградом. Правда, родовую фамилию свою не сохранил. На него надавили «компетентные органы», и он из Ленина стал Лёниным. Эту же фамилию носят его сыновья Георгий, Николай и дочь Галина.

Незадолго до смерти Александр Леонидович сказал сыну Георгию: «Подожди, сынок, и о нашей фамилии узнают правду». В семье существовало предание, связывающее псевдоним «Ленин» с их фамилией. Однако на чем оно основывалось, неясно, так как «усть-сысольские» Ленины никогда не общались с «ленинградскими» и даже не знали об их существовании.

Примерно в 1955–1956 гг. вдова Л. А. Ленина Ольга Николаевна также рассказал своему внуку и тезке деда, Леониду Колосову, что именно их семья имеет прямое отношение к появлению самого знаменитого псевдонима Владимира Ильича Ульянова. Но просила об этом никому не говорить. В те времена это было опасно.

После окончания школы Леонид Львович Колосов поступил во 2-й Московский медицинский институт. Далее работал в московской «Скорой помощи» и там заинтересовался проблемами токсикологии. С 1967 г. служил в армии. Его направили на учебу в Военно-медицинскую академию им. С. М. Кирова в Ленинград (город, носящий, по сути дела, родовую фамилию его матери, о чем он хорошо знал).

Закончив ВМА, Л. Л. Колосов занимался исследованиями в области космической психофизиологии, но был направлен преподавателем токсикологии на военную кафедру 1-го московского медицинского института. В результате конфликта с начальством в 1976 г. он был понижен в должности и направлен на службу в военно-строительные части. Через год за локализацию очага дизентерии в Крыму он получил благодарность командования и ценный подарок – именные часы. Вскоре состоялась успешная защита кандидатской диссертации. Л. Л. Колосов стал одним из немногих военных медиков, защитивших диссертацию во время службы в линейной воинской части. В 1981 г. он вновь вернулся к педагогической работе, преподавал военно-полевую хирургию. Л. Л. Колосов считал, что не имеет морального права читать этот предмет, не видев ни разу в жизни раненого, не зная реальных условий работы военно-полевых госпиталей. Он обратился к командованию с просьбой направить его в Афганистан. Просьба была удовлетворена. В течение полугода Л. Л. Колосов служил в Афганистане в военно-полевом госпитале. Это дало ему большой практический и научный опыт. Затем он вновь вернулся к преподавательской работе.

После 1985 г. обстановка в стране стала быстро меняться. В 1989 г. состоялись выборы на Съезд народных депутатов СССР. Л. Л. Колосов принимал активное участие в избирательной кампании известного журналиста-аграрника Ю. Д. Черниченко. В том же году он был избран депутатом одного из районов Мос-

квы, вместо отозванного за бездеятельность депутата. Небывалый случай в годы Советской власти!

В 1990 г. Л. Л. Колосов стал депутатом Моссовета от блока «Демократическая Россия». На первой сессии Моссовета он был избран председателем Комиссии по охране здоровья и членом президиума Моссовета. Наступило 19 августа 1991 г. Утром, когда по радио и телевидению передавали документы ГКЧП, Л. Л. Колосов был в Тверской области. Узнав о происходящих событиях, он немедленно выехал в Москву и отправился к Белому дому, где принимал участие в строительстве баррикад. После поражения ГКЧП Л. Л. Колосов вернулся к обязанностям председателя Комиссии по охране здоровья. Осенью 1993 г., когда после роспуска Верховного Совета был распущен и Моссовет, он перешел на работу в мэрию. Сегодня Л. Л. Колосов работает в коммерческой структуре и Дворянском собрании Москвы.

Такова история одной дворянской семьи – семьи, носящей всемирно известную фамилию Ленины.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тайна сейфов Центрального партийного архива (вместо введения)

[1] *Ульянова О. Д.* И вновь о Ленине // Аргументы и факты. 1990. 22 апр.

[2] *Богданов И. А.* Нижегородской губернии крестьянин... // Журналист. 1969. № 6. С. 63.

[3] *Штейн М. Г.* Генеалогия рода Ульяновых // Литератор. 1990. 12 окт.

[4] *Арутюнов А.* Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992.

[5] Книжное обозрение. 1994. 23 авг.

[6] *Волкогонов Д. А.* Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 43–44.

[7] *Юнг К. Г.* Конфликты детской души. М., 1995. С. 47–48.

Глава I
ПОГРОМЫ В АРХИВАХ

[1] *Шагинян М. А.* Семья Ульяновых. М., 1959.

[2] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче (Семейная обстановка. Родители В. И. Ульянова и их время.) // Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма. Статьи. М., 1988. С. 107.

[3] *Ульянова-Елизарова А. И.* В. И. Ульянов (Н. Ленин): Краткий очерк жизни и деятельности // Там же. С. 196, 198–199.

[4] *Ульянова М. И.* Отец Владимира Ильича Ленина – Илья Николаевич Ульянов. 1831–1886 // *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма. 2-е изд. М., 1989. С. 176.

[5] *Ульянова М. И.* Мать Владимира Ильича – Мария Александровна Ульянова // Там же. С. 277.

[6] *Крупская Н. К.* Детство и ранняя юность Ильича // Большевик. 1938. № 12. С. 70.

[7] *Иванова И. И., Штейн М. Г.* К родословной Ленина: История одной находки. Архивные материалы // Из глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992. С. 35.

[8] *Веретенникова А. А.* Судьба дала так мало радости // Истоки: Вестник Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина. 1991. № 3. С. 2.

[9] *Иванова И. И., Штейн М. Г.* Указ. соч. С. 27.

[10] Там же. С. 22.

[11] Там же. С. 17–18.

[12] Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. XXVIII (1804–1805). СПб., 1830. С. 410–411.

[13] Там же. Т. XXIII (1789–1796). С. 287.

[14] *Иванова И. И., Штейн М. Г.* К родословной Ленина: История одной находки. Архивные материалы // Из глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992. С. 40.

[15] Там же. С. 41.

[16] «Изъятие... произвести без оставления... копий» (где хранились и куда переданы документы о предках Ленина) / Публ. Т. И. Бондаревой и Ю. Б. Живцова // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 68.

[17] Письмо Е. З. Шехтман М. Г. Штейну. Март 1995 г. (личный архив автора).

[18] «Изъятие... произвести без оставления... копий». С. 68.

[19] Справочник партийного работника. М., 1957. С. 364.

[20] *Иванова И. И., Штейн М. Г.* Указ. соч. С. 36.

[21] *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина). М., 1998. С. 26.

[22] Изъятие... произвести без оставления... копий». С. 67.

[23] Там же. С. 70.

[24] Там же.

[25] *Иванова И. И., Штейн М. Г.* Указ. соч. С. 38–39.

[26] Там же. С. 17–18.

[27] Там же. С. 49.

[28] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 17. Д. 632. Л. 325а.

[29] *Иванова И.И., Штейн М.Г.* Указ. соч. С. 14.

[30] *Дейч Г. М.* Еврейские предки Ленина: Неизвестные архивные документы о Бланках. Нью-Йорк, 1991. С. 12–13.

[31] «Изъятие... произвести без оставления... копий». С. 67.

[32] Там же. С. 68.

[33] Центральный государственный архив при мэрии С.-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 892. Оп. 70. Д. 79. Л. 11.

[34] Там же. Л. 9.

[35] Там же. Л. 10, 14.

[36] «Изъятие... произвести без оставления... копий». С. 66, 72, 75.

[37] Там же. С. 72.

[38] *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина). М., 1998. С.32.)

[39] Письмо И. Г. Эренбурга М. Г. Штейну. 8 мая 1965 г. (личный архив автора).

[40] *Иванова И. И., Штейн М. Г.* Указ. соч. С. 36.

[41] Там же. С. 37–38.

[42] *Шагинян М. С.* Семья Ульяновых. Саратов, 1967. С. 24.

[43] *Шагинян М. С.* Семья Ульяновых. М., 1969. С. 25.

[44] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире // Отечественные архивы. 1992. № 2.

[45] Там же. С. 38.

[46] *Торбин Е.* Кому служил адвокат Бланк? // Наше время. 1991. № 6.

[47] *Гаврилов Ю.* Трагедия ухода от Родины // Огонек. 1991. № 25.

[48] См., напр.: Слово. 1991. № 2, 8.

[49] «Изъятие... произвести без оставления... копий»; «Вы... распорядились молчать... абсолютно» // Отеч. архивы. 1992. № 4.

[50] *Бычкова М. Е.* История страны – это история семей, ее населяющих // Поиск. 1993. № 37 (227). С. 16.

[51] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56 (1847 г.). Л. 101об.

[52] Российский медицинский список на 1827 г. СПб., 1827. С. 31.

[53] РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3838. Л. 18.

[54] Алфавитный список родов потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии, с обозначением имени и отчества тех из них, кои впервые записали свои роды в книгу сию и с обозначением времени их записи с 1787 по 1895 гг. Казань, 1895. С. 12.

[55] Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лип по всем управлениям в Российской империи на 1889 г. Ч. 1. СПб., 1889. С. 705; Адрес-календарь ... на 1879 г. Ч. 1. СПб., 1897. С. 447.

Глава II
БЛАНКИ В ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНИИ

[1] Еврейская энциклопедия. СПб., (б. г.). Т. 14. С. 558.

[2] *Цаплин В В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 38.

[3] Волынские губернские ведомости. 1854. 3 янв., 10 июля, 4 сент.; 1857. 7 июля.

[4] *Шолом Алейхем.* Семья Сендера Бланка. Одесса, 1930; *его же.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 1.

[5] *Цаплин В В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 39.

[6] РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 10. Л. 67–69.

[7] ПСЗ-II. СПб., 1836. Т. X (1835). С 319.

[8] *Шехтман Е. З.* Еще о родословной В. И. Ленина. К истории житомирской архивной находки: Архив М. Г. Штейна. Март, 1995. С. 5–6.

[9] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 40.

[10] Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ). Особая папка. № 3. Л. 38 об.

[11] Волынские губернские ведомости. 1845. 22 дек.

[12] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословной В. И. Ленина). М., 1998. С. 115.

[13] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 40.

[14] *Вержбицкий Т. И.* Краткое описание города Житомира. Житомир, 1874. С. 3.

[15] Правительствующего Сената санкт-петербургских департаментов объявления к Санкт-Петербургским ведомостям. № 98. 1825. 8 дек. Приложение. С. XIV.

[16] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 40.

[17] Там же; *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 117.

[18] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 40.

[19] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 117.

[20] Там же.

[21] О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству // ПСЗ-I. Т. XVI. СПб., 1830. С. 1154–1157.

[22] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 117–118.

[23] Там же. С. 118.

[24] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 40.

[25] Там же. С. 40, 43.

[26] Там же. С. 43.

[27] Там же.

[28] Дело об убытках, понесенных староконстантиновским мещанином Мошко Ицковичем Бланком по делу о поджоге будто им города Староконстантинова: АП РФ. Особая папка № 3. Л. 38–40 об.

[29] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 116.

[30] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 41.

[31] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной. С. 116–117.

[32] Там же. С. 118.

[33] БСЭ. Изд. 3-е. Т. 16. С. 72.

[34] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 119.

[35] Этой же точки зрения придерживается и Г. М. Дейч в своей статье «Прадед В. И. Ленина и хасидское движение в России», опубликованной в газете «Народ мой» (Независимая еврейская газета. 1998. № 13. 15 июля).

[36] *Гессен Ю.* История еврейского народа. М.; Иерусалим, 1993. Т. 2. С. 174.

[37] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 119.

[38] РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 451. Л. 6, 9–9 об.

[39] Там же. Л. 9–10.

[40] Там же. Л. 21.

[41] Там же. Л. 26 об.

[42] Там же. Л. 41–42 об.

[43] Там же. Л. 51.

[44] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 119.

[45] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 43.

[46] Там же. С. 43–44.

[47] Правительствующего Сената Санкт-Петербургских департаментов объявления к Санкт-Петербургским ведомостям. № 79. 1828. 2 окт. Ст. 5-п 1. С. 5.

[48] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 44.

[49] РГИА. Ф. 1151. Оп. 2. Д. 90.

[50] Там же. Л. 10 об.

[51] Там же. Л. 10.

[52] Правительствующего Сената Санкт-Петербургских департаментов объявления к Санкт-Петербургским ведомостям. № 77. 1831. 25 сент. С. 20.

[53] Санкт-Петербургские сенатские объявления. № 18. 1848. 1 марта.

[54] Волынские губернские ведомости. 1849. 19 марта; 1850. 4 февр.

[55] Там же. 1851. 17 февр.

[56] Там же. 1852. 22 марта.

[57] Там же. 1858. 19 янв. № 3. С. 20.

[58] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 182. Л. 16–18 об.

[59] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 41.

[60] ГАРФ. Ф. 109. 1 экс. 1845 г. Д. 131. Л. 1–1 об.

[61] Там же.

[62] Там же. Л. 2.

[63] Там же. Л. 3.

[64] Там же. Л. 1–8 об.

[65] Там же. Л. 6–8 об. Петр Семенович Наумов работал начальником Архива Министерства иностранных дел и библиотекарем.

[66] РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 10. Л. 67–69.

[67] Там же.

[68] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 129.

[69] Там же. С. 128–129.

[70] Там же. С. 36.

[71] *Дубнов С. М.* Краткая история евреев. СПб., 1912. С. 142–143.

[72] *Дейч Г. М.* Прадед В. И. Ленина и хасидское движение в России // Народ мой. Независимая еврейская газета. 1998. 15 июля. С. 4.

[73] РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 21. Л. 161–161 об.

[74] РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 135. Л. 58–60.

[75] Там же. Л. 122 об.

[76] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 243.

[77] *Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3-х т. Т. 2. М., 1960. С. 507, 547; Т. 3. С. 209, 432, 468–469.

[78] РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 135. Л. 147, 149–149 об.

[79] Объявления // Санкт-Петербургские ведомости. 1808. 26 июля. № 51. С. 3452.

[80] Санкт-Петербургские сенатские объявления. 1825. 8 дек. № 98. С. XIV.

[81] Там же. 1837. Август. № 66. С. 4881.

[82] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 39.

[83] РГИА. Ф. 1347. Оп. 64. (1826 г.). Д. 85, 365.

[84] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 39.

[85] РГИА. Ф. 1299. Оп. 14. Д. 1191. Л. 37 об.

[86] Объявления // Санкт-Петербургские ведомости. 1815. 24 авг. № 68. С. 3.

[87] Дом-музей В. И. Ленина в Кокушкино / Сост. К. Валидова. Казань, 1964. С. 7. Указанная К. Валидовой дата ничем не обосновывается.

[88] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 39.

[89] «Вы... распорядились молчать... абсолютно». С. 77, примеч. 7.

[90] Там же.

[91] РГИА. Ф. 1299. Оп. 14. Д. 1191. Л. 47 об.; Ф. 1349, Оп. 4. Д. 110. Л. 9; Оп. 5. Ч. 1. Д. 56. Л. 97 об.; Оп. 6. Д. 29. Л. 1.

[92] Центральный государственный архив Татарской АССР. Архивная справка № 418 от 19 апреля 1965 г. (составлена на основе ф. 4, д. 169, л. 343).

[93] *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Кн. 1 // *Эренбург И. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 7. С. 15.

Глава III
ПАРТИЙНАЯ ТАЙНА

[1] В. И. Ленин, КПСС и партийные архивы: Сб. докум. М., 1989. С. 118.

[2] РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 801. Л. 1.

[3] Там же. Л. 4.

[4] Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах. 1882–1889; 1893–1903 гг. СПб., 1903. С. 63.

[5] Весь Петербург на 1896 г. Ч. 1. СПб., 1896. С. 241; Адресная книга С.-Петербурга на 1897 г. СПб., 1897. С. 2502.

[6] Весь Петербург на 1899 г. Ч. 1. СПб., 1899. С. 409.

[7] Весь Петербург на 1907 г. Ч. 1. СПб., 1907. С. 543. Документы о деятельности гимназии и курсов см.: ЦГИА СПб. Ф. 111. Оп. 1; Ф. 139. Оп. 11; Ф. 385. Оп. 1. Д. 24.

[8] «Вы... распорядились молчать... абсолютно» (неизвестные письма А. И. Ульяновой-Елизаровой И. В. Сталину и набросок статьи М. И. Ульяновой о выявленных документах по их родословной) / Публ. Е. Е. Кирилловой и В. Н. Шепелева // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 81.

[9] Там же.

[10] *Сервис Р.* Ленин. Минск, 2002. С. 41.

[11] *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина) М., 1998. С. 31.

[12] Там же. С. 78.

[13] *Горький М.* Владимир Ленин // Русский современник. 1924. № 1. С. 241.

[14] «Вы... распорядились молчать... абсолютно». С. 78.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 79.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Истоки: Вестник Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина. 1991. № 3. С. 2.

[20] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 358.

[21] *Крупская Н.* Детство и ранняя юность Ильича // Большевик. 1938. № 12. С. 70.

[22] *Аросев А. Я.* Из новых материалов к биографии В. И. Ленина // Московский пролетарий. 1925. № 3. С. 4.

[23] *Аросев А. Я.* Материалы к биографии В. И. Ленина. М., 1925. С. 13.

[24] См.: *Валентинов Н.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 224.

[25] *Ковнатор Р. А.* Мать Ленина. Куйбышев, 1943. С. 3.

[26] Правда. 1934. 9 мая.

[27] *Чуковский К. И.* Дневник. 1930–1969. М., 1988. С. 155.

[28] *Валентинов Н.* Ленин в Симбирске // Новый журнал. 1954. Кн. 37. С. 222.

[29] *Валентинов Н.* О предках Ленина и его биографиях // Там же. 1960. Кн. 61.

[30] *Бейзер М.* Евреи в Петербурге. Иерусалим, 1989. С. 6–7.

[31] Историк. Письмо в редакцию // Новый журнал. 1961. Кн. 63. С. 286–287.

[32] *Шуб Д.* По поводу письма «Историка» и статьи Н. Валентинова о предках Ленина // Там же. С. 288.

[33] Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова Т. «Бетанкур» – «Бякстер». СПб., 1908.

[34] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 30. С. 61.

[35] *Шуб Д.* Указ. соч. С. 289.

[36] Новое русское слово. 1961. 9 апр.

[37] Социалистический вестник. 1961. № 5 (753). С. 93–96.

[38] *Фишер Л.* Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 9, 13, 14.

Глава IV
БРАТЬЯ БЛАНКИ В ПЕТЕРБУРГЕ

[1] Письмо Д. В. Шмина М. Г. Штейну от 15 февраля 1965 г. // Иванова И. И., Штейн М. Г. К родословной Ленина. Прил. 2. С. 39–41.

[2] РГИА. Ф. 1297. Оп. 10 (1824 г.). Д. 10. Л. 206.

[3] ПСЗ-I. Т. XXXVII (1820–1821 гг.). СПб., 1830. С. 410–411.

[4] РГИА. Ф. 1297. Оп. 10 (1824 г.). Д. 10. Л. 206–208.

[5] *Моргулис М. Г.* Вопросы еврейской жизни: Сб. статей. СПб., 1889. С. 9.

[6] ПСЗ-II. Т. X (1835 г.). СПб., 1836. С. 309.

[7] *Гессен Ю. И.* История еврейского народа в России. Л., 1927. Т. 2. С. 106.

[8] «Вы... распорядились молчать... абсолютно» (неизвестные письма А. И. Ульяновой-Елизаровой И. В. Сталину и набросок статьи М. И. Ульяновой о выявленных документах по их родословной) / Публ. Е. И. Кирилловой и В. Н. Шепелева // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 81. В действительности набросок статьи также принадлежит А. И. Ульяновой-Елизаровой, публикаторы допустили ошибку.

[9] Е. З. Шехтман – М. Г. Штейну. 1995. Март. Еще о родословной В. И. Ленина. К истории Житомирской архивной находки: Архив М. Г. Штейна.

[10] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 59.

[11] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 58.

[12] Санкт-Петербургские сенатские объявления. 1832. № 10. 2 февр. С. 18.

[13] Санкт-Петербургские ведомости. 1820. № 42. 25 мая. С. 513.

[14] Дата в оригинале не указана.

[15] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 17 (1820 г.). Д. 632. Л. 328 об.

[16] Чин и устав, како подобает приимати приходящих от жидов к правей вере христианстей. СПб., 1993. С. 13–28.

[17] Там же. С. 28–29.

[18] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 17 (1820 г.). Д. 632. Л. 327.

[19] Там же. Л. 329. Обязательство зарегистрировано 25 октября 1820 г., входящий номер не указан.

[20] «Вы... распорядились молчать... абсолютно». С. 81.

[21] РГИА. Ф. 1297. Оп. 10. Д. 59 (1820 г.). Л. 523.

[22] Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. СПб., 1891. Т. 3. С. 35.

[23] См.: *Голицын Н. Н.* История русского законодательства о евреях (1629–1825). СПб., 1886. С. 682 и сл.

[24] *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 237.

[25] *Якушкин И. Д.* Записки // Якушкин И. Д. Мемуары. статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 149.

[26] *Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 165.

[27] *Дивов П. Г.* Из дневника // Русская старина. 1900. Т. 102. № 4. С. 134.

[28] Столетие С.-Петербургского английского собрания. 1770–1870. Исторический очерк. Воспоминания. Список старшин. Список почетным членам и членам. СПб., 1880. С. 88.

[29] Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. СПб., 1890. Т. 2. С. 927–930.

[30] Формулярный список о службе сенатора, тайного советника графа Александра Апраксина: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 92. Л. 27, 29 об.–31.

[31] *Долгоруков П.*, князь. Российская родословная книга. В 4-х ч. СПб., 1855. Ч. 2. С. 118.

[32] *Соколовская Т. О.* Список офицеров русской армии, признавших свою принадлежность к масонству (1826) // Соколовская Т. О. Из материалов для истории русского масонства. СПб., 1907. С. 18.

[33] Столетие С.-Петербургского английского собрания. С. 30, 82.

[34] Там же. С. 82, 91, 93, 98–100, 103–104, 111–112.

[35] На прошении имеется пометка: «По 3 от(делению)». Текст прошения впервые опубликован: *Иванова И. И., Штейн М. Г.* К родословной Ленина... С. 26.

[36] РГИА. Ф. 1297. Оп. 10. Д. 59 (1820 г.). Л. 522; *Иванова И. И., Штейн М. Г.* К родословной Ленина... С. 27.

[37] Устав Императорской Медико-хирургической академии. § 109–110 // История Императорской Военно-Медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. 1798–1898. СПб., 1898. С. 50.

[38] РГИА. Ф. 1297. Оп. 10. Д. 59 (1820 г.). Л. 523. Впервые опубликовано: *Иванова И. И., Штейн М. Г.* К родословной Ленина... Прил. 1. С. 27–28.

[39] ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. XXXV (1818 г.). С. 283–284.

[40] См.: *Первушин Н. В.* Кто был Александр Бланк? // Грани. Франкфурт-на-Майне. 1987. № 146. С. 139.

[41] *Дейч Г. М.* Еврейские предки Ленина. Неизвестные архивные документы о Бланках. Нью-Йорк, 1991. С. 16.

[42] РГИА. Ф. 1297. Оп. 10. Д. 59 (1822 г.). Л. 79–79 об. Г. М. Дейч, выявивший этот документ, сообщил в своей книге, что «Дмитрий Бланк переводится на этот же (третий – *М. Ш.*) курс по третьему отделению» (*Дейч Г. М.* Еврейские предки Ленина... С. 16). С момента обнаружения Г. М. Дейчем в 1982 г. в РГИА ряда материалов о братьях Бланках номера

дел, в которых они хранятся, изменились. Так дело, в котором хранится упомянутый выше документ, теперь имеет не 47-й, а 59-й номер.

[43] *Дейч Г. М.* Еврейские предки Ленина... С. 16.

[44] Там же.

[45] РГИА. Ф. 1297. Оп. 10. д. 302 (1824 г.). Л. 200, 200 об. Документ выявил Г. М. Дейч и в более сокращенном виде опубликовал в своей книге на с. 17. В момент обнаружения дела его архивный номер был 10. В официальной печати сообщение об окончании братьями Бланками сделано в «Списке лиц, окончивших курс в Императорской Военно-Медицинской (бывшей Медико-хирургической) Академии с 1801 по 1898 гг.». Приложение. История Императорской Военно-Медицинской Академии... С. 233.

[46] ПСЗ-I. Т. XXXVII, № 28377. С. 410–411.

[47] *Дейч Г. М.* Еврейские предки Ленина... С. 17; РГИА. Ф. 1297. Оп. 10. Д. 30 (1824 г.). Л. 206–206 об.

[48] Санкт-Петербургские ведомости. 1824. 26 авг.

[49] Там же.

[50] РГИА. Ф. 1299. Оп. 13. Д. 148. Л. 3 об.–4.

[51] Там же. Л. 27.

[52] Там же. Л. 25.

[53] Там же. Л. 11–12.

[54] Там же. Л. 15.

[55] Там же. Л. 14, 15, 19, 23, 28, 35, 36.

[56] Там же. Л. 37.

[57] Там же. Л. 54.

[58] Там же. Оп. 14. Д. 1191. Л. 47 об.–48.

[59] ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 1. Д. 39. Л. 282, 379.

[60] РГИА. Ф. 1299. Оп. 16. Д. 533. Л. 28.

[61] Там же. Оп. 14. Д. 1191, Л. 47 об.–48.

[62] Там же. Д. 1012. Л. 4 об.–5.

[63] С.-Петербургские ведомости. 1827. 15 февр. С. 148.

[64] РГИА. Ф. 1299. Оп. 14. Д. 1012. Л. 1, 6.

[65] Правительствующего Сената объявления к Санкт-Петербургским ведомостям. 1830. № 75. 2 сент. С. XVI.

[66] РГИА. Ф. 1299. Оп. 14. Д. 1012. Л. 2 об.–3.

[67] Там же. Оп. 13. Д. 148. Л. 55.

[68] Государственный архив Смоленской области. Ф. 497. Св. 9. Д. 122. Л. 2.

[69] РГИА. Ф. 1299. Оп. 13. Д. 268.

[70] Там же; Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56. (1847 г.). Л. 97 об.; ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 1. Д. 4. Л. 569 об.

[71] С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703–1903). СПб., 1903. С. 121; ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 1. Д. 49. Л. 669 об.

[72] ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 1. Д. 41. Л. 569 об.

[73] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56 (1847 г.). Л. 89 об.

[74] Там же. Л. 98–98 об.

[75] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 226 (1828 г.). Л. 31. № 45.

[76] РГИА. Ф. 1299. Оп. 16. Д. 533. Л. 28.

Глава V
СУДЬБА АЛЕКСАНДРА БЛАНКА

[1] Санкт-Петербургские ведомости. 1831. 18 июня. С. 579.

[2] Прибавление к газете «Северная пчела». 1831. № 136. 20 июня, суббота.

[3] *Каратыгин П. П.* Холерный год. 1830–1831. СПб., 1887. С. 55.

[4] *Вяземский П. А.* Записные книжки. М., 1992. С. 140.

[5] *П. П. (Каратыгин П. П.).* Холерное кладбище на Куликовом поле // Русская старина. 1878. Т. 22. № 7. С. 484–495; *Каратыгин П. Л.* Холерный год. 1830–1831. С. 51–56; Русский архив. 1906. № 1. С. 144; *Модзалевский Б. С.* Комментарии // *Пушкин А. С.* Письма. Т. 3: 1831–1833. М., 1935. С. 315.

[6] Ховен фон дер И. Р. Холера в Петербурге в 1831 году. Рассказ современника и очевидца // Русская старина. 1884. Т. 44. № 11. С. 393.

[7] Русский архив. 1906. № 1. С. 144.

[8] ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 1. Д. 149. Л. 669 об.–670.

[9] Русский архив. 1866. № 3. С. 344. Необходимо отметить, что Д. Д. Бланк не был включен в список медицинских чиновников, назначенных во временные холерные больницы, который был опубликован в «Северной пчеле» 20 июня 1831 г., хотя позднее он вполне мог быть направлен на работу в одну из холерных больниц.

[10] Ведомость о подаяниях, учененных разными благотворителями С.-Петербургскому воспитательному дому и зависящих от оного заведениям в 1831 году // Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1832. № 41. 18 февр.

[11] Санкт-Петербургские ведомости. 1831. 25 июня. С. 605.

[12] Там же. 27. июня. С. 613.

[13] *Шильдер Н. К.* Николай Первый. Его жизнь и царствование. В 2-х т. СПб., 1903. Т. 2. С. 365–366.

[14] ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1317. Л. 4, 244.

[15] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56 (1847 г.). Л. 98 об.

[16] ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 4. Д. 115 («Б»). № 519.

[17] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56 (1847 г.). Л. 98 об.

[18] *Толстой К. К.* Городская больница Св. Марии Магдалины в С.-Петербурге. СПб., 1886. С. 14.

[19] Смерть и похороны Т. Г. Шевченко: Сб. док. Киев, 1961. С. 14.

[20] РГА ВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 249. Л. 221 об.

[21] Там же. Л. 221–221 об.

[22] Там же. Л. 221 об.

[23] Там же. Оп. 16. Д. 248 (1833 г.). Л. 274–275.

[24] Там же. Оп. 1. Д. 248 (1833 г.). Л. 274 об.; д. 361 (1837 г.). Л. 132. Ластовые экипажи существовали до 60-х годов XIX в. и имели в своем ведении мелкие портовые суда и плавучие средства (баржи и т. п.). В отличие от флотских экипажей, служащие здесь имели чины не морские, а сухопутные.

[25] «Изъятие... произвести без оставления... копий» (где хранились и куда переданы документы о предках Ленина) / Публ. Т. И. Бондаревой и Ю. Б. Живцова // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 66, 75.

[26] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина). М., 1998. С. 62.

[27] Там же.

[28] РГА ВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 360. Л. 229–229 об.

[29] Там же. Л. 299 об.

[30] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 62.

[31] РГА ВМФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 360. Л. 241 об.

[32] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 62.

[33] Статут Знака отличия беспорочной службы // ПСЗ-II. СПб., 1830. Т. 2. 1872 год. С. 686.

[34] Там же. С. 685.

[35] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56. Л. 97 об.

[36] Там же. Оп. 4. Д. 110 (1840 г.). Л. 9.

[37] Санкт-Петербургские сенатские объявления. 1837. № 73. 10 сент. С. 5415, п. 19820, 19821.

[38] Санкт-Петербургские ведомости. 1837. № 172. 1 авг. С. 1682.

[39] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56 (1847 г.). Л. 99 об.

[40] Там же. Л. 99–99 об.

[41] ЦГИА СПб. Ф. 204. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.

[42] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 236. Л. 70 об.

[43] *Нистрем К.* Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 362.

[44] *Петров А.* Дом 74 по набережной Красного флота (бывш. Демидова-Гауша). Историко-художественное исследование (Справка ГИОП. Н-1419/2; Д. 77). Л. 1964.

[45] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 271. Л. 64. Фамилия В. И. Биубергера в метрической книге искажена.

[46] *Нистрем К.* Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. С. 190, 1329, 1356, 1471. В книге К. М. Нистрема допущена опечатки: Иван Дмитриевич Чертков назван Дмитрием Ивановичем. Чиновника с таким именем среди жителей С.-Петербурга не было. В то время как И. Д. Чертков значится среди шталмейстеров Двора. В роду Чертковых, о котором пишет во 2-м издании «Русской родословной книги» (СПб., 1895. Т. 2. С. 361–365) князь А. Б. Лобанов-Ростовский, не было человека с именем Дмитрий Иванович Чертков.

[47] *Петров А. Н.* Дом № 74 по набережной Красного флота (бывш. Демидова-Гауша). Историко-художественное исследование. Л. 1964; ГИОП Н-1419/2, 77.

[48] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 267. Л. 64.

[49] Санкт-Петербургские сенатские объявления. 1836. 1 сент. № 70. Разряд XVIII, 4585. С. 1103.

[50] ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 4. Д. 115. Л. 91.

[51] *Цылов Н. И.* 1) Атлас тринадцати частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов. СПб., 1849. С. 268; 2) Алфавитный указатель к Атласу тринадцати частей С.-Петербурга. Обывательские дома. СПб., 1849. С. 34.

[52] Санкт-Петербургские ведомости. Прибавление № 1. 1833. 1 янв. № 1. Л. 4.

[53] *Веретенникова А. А.* Судьба дала так мало радости... Из неоконченных воспоминаний // Родословная семьи Ульяновых. По страницам вестника «Истоки». Ульяновск, 1991. С. 19.

[54] Verzeichniss der auf dem deutschen Smolenski Friedhofe befindlichen Monumenten, Grabsteine etc., welche der sie ganz verfallen oder Gefahr zusammen zu st rzen sind, weggera mt werden m ssen. [S.Pb], 1882. S. 4.

[55] Разряд XVIII. О совершенных крепостных актах и о явках сих актов, для ввода во владение имением // Санкт-Петербургские сенатские объявления. 1841. 11 нояб. № 90. С. 46–47, № 26517.

[56] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 63.

[57] Там же.

[58] Друг здравия. Народно-врачебная газета. 1834. № 53–54. С. 417.

[59] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 63.

[60] Там же.

[61] Еврейская энциклопедия. Б. м.; б. г. Т. IV; Т. VII. С. 112–113.

[62] Там же. Т. XIV. С. 580–581.

[63] *Елизарова А. И.* Александр Дмитриевич Бланк // Моя Москва. 1992. № 4. С. 18.

[64] Там же. С. 17.

[65] Там же.

[66] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56 (1847 г.). Л. 100 об.–101.

[67] Санкт-Петербургские ведомости. Прибавление. 1841. 12 февр. С. 318.

[68] Санкт-Петербургские сенатские объявления. 1841. № 40. 20 мая.

[69] РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 29 (1842 г.). Л. 1 об.

[70] Прибавления к Санкт-Петербургским ведомостям. 1842. 22 янв. № 17. С. 139.

[71] *Елизарова А. И.* Александр Дмитриевич Бланк. С. 17.

[72] Там же.

[73] Санкт-Петербургские ведомости. Прибавление. 1841. 23 апр. № 88. С. 976.

[74] Известия о приехавших в город Пермь и выехавших из оного с 23-го по 31 мая // Пермские губернские ведомости. Прибавление. 1841. 31 мая. № 22.

[75] *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. М., 1938. С. 312.

[76] *Смородинцев А. И.* Записки Уральского медицинского общества. Екатеринбург, 1894. С. 38.

[77] *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723–1917. Краеведческое издание. Пермь, 1999. С. 299.

[78] Именно в этом доме 26 января (7 февраля) 1870 г. родится Петр Бернгардович Струве, в будущем непримиримый противник внука А. Д. Бланка В. И. Ульянова (Ленина), один из создателей РСДРП и кадетской партии.

[79] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 64.

[80] Пермские губернские ведомости. Прибавление. 1842. № 25. 20 июня. С. 97.

[81] *Елизарова А. И.* Александр Дмитриевич Бланк. С. 17.

[82] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56. Л. 98.

[83] Там же. Ф. 1297. Оп. 19 (1842 г.). Л. 117. Дело № 552 находится в РГА СПИ с 1924 г.

[84] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 64.

[85] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56 (1847 г.). Л. 100 об.–101.

[86] *Зверев А. В.* Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1809). Пермь, 1908. С. 1, 4.

[87] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56 (1847 г.). Л. 100 об.–101.

[88] Там же.

[89] Адрес-календарь или общий штат Российской империи на 1845 г. СПб., 1845. Ч. 1. С. 259.

[90] *Васильева О. В.* Отчизне посвятим... М., 1984. С. 26.

[91] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56 (1847 г.). Л. 101 об.–102.

[92] *Трусов В.* Врачи дореволюционного Урала // Златоустовский рабочий. 1982. 19 июня.

[93] *Васильева О. В.* Отчизне посвятим... С. 26–27.

[94] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 56 (1847 г.). Л. 101 об.–102.

[95] Там же. Л. 97 об., 101 об.–102.

[96] *Томуль Е.* За строкой архивных документов // Родословная семьи Ульяновых. По страницам вестника «Истоки». Ульяновск, 1991. С. 7.

[97] Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. Лаишевский уезд. Выпуск второй. Казань, 1895. С. 57, 61.

[98] *Аросев А. Я.* Материалы к биографии В. И. Ленина. М., 1925. С. 14.

[99] Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения. 1849. 13 апр. № 30. С. 806; Санкт-Петербургские сенатские объявления... 1849. 16 июля. № 57. С. 1193–1194.

[100] Казанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1866. С. 55. В 1892 г., когда владелицей имения была Любовь Александровна Пономарева (в девичестве Бланк), в Кокушкино было 12 крестьянских дворов, в которых жили 49 мужчин и 43 женщины, бывшие крепостные А. Д. Бланка (Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их... С. 61–62).

[101] Санкт-Петербургские сенатские объявления о разрешении запрещений на недвижимые имения. 1849. 23 июля. № 59. С. 485.

[102] Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на имения. 1857. 16 марта. № 22. С. 866, п. 5365.

[103] Там же. 1859. 6 июня. № 45.

[104] Там же. 1873. 11 июля. № 55.

[105] *Томуль Е.* За строкой архивных документов. С. 7–8.

[106] Владимир Ильич Ленин. Биография. В 2 т. 8-е изд. М., 1987. Т. 1. С. 3.

[107] *Волин Б. М.* В. И. Ленин в Поволжье // Исторический журнал. 1945. Кн. 4 (140). С. 4.

[108] *Волин Б. М.* В. И. Ленин в Поволжье. М., 1956. С. 65.

[109] *Ковнатор Р. А.* Мать Ленина. Куйбышев, 1943. С. 3–4.

[110] *Крупская Н. К.* Детство и ранняя юность Ильича // Большевик. 1938. № 12. С. 70.

[111] *Веретенников Н.* Владимир Ильич в деревне Кокушкино. (Из воспоминаний) // Большевик Татарии. 1938. № 1 С. 42.

[112] *Веретенников Н. И.* Володя Ульянов. Воспоминания о детских и юношеских годах В. И. Ленина в Кокушкино. М., 1962. С. 12.

[113] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. (Семейная обстановка. Родители В. И. Ульянова и их время) // *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма. Статьи. М., 1988. С. 110.

[114] *Ульянова М. И.* Из воспоминаний // *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма. М., 1989. С. 36.

[115] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи. М., 1984.

[116] *Гвоздеев П.* Историческая записка о Второй Казанской гимназии. Казань, 1876. С. 367.

[117] Обозрение преподавания в Императорском Казанском университете на 1849–1850 год. Казань, 1849. С. 14–18.

[118] *Залесский В. Ф.* История преподавания философии права в Казанском Императорском университете в связи с важнейшими данными внешней истории юридического факультета. Казань, 1903. С. 330.

[119] Именной список всем чиновникам и преподавателям в Императорском Казанском университете за 1849 год. Именная ведомость студентов Императорского Казанского университета за 1849 год. Камеральное отделение. II курс. Казань, 1849. С. 4.

[120] *Михайловский А. И.* Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904). Казань, 1904. С. 352.

[121] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 44.

[122] ПСЗ-II. СПб. 1846. Т. IX . С. 305.

[123] Алфавитный список родоначальникам потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии с 1787 по 1895 г. Составлен на 1 ноября 1895 г. Казань, 1896. С. 12.

[124] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. С. 111.

[125] *Ульянова М. И.* Мать Владимира Ильича – Мария Александровна Ульянова // *Ульянова М. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 230–231.

[126] «Вы... распорядились молчать.. абсолютно»... С. 82.

[127] Там же.

[128] Казанские губернские ведомости. 1864. 14 февр. С. 74.

[129] *Елизарова А.* Примечание к статье т. Табейко // Пути революции (Казань). 1992. № 3. С. 48.

[130] Центральный государственный архив Татарской АССР. Архивная справка № 418 от 19 апреля 1965 г. (составлена на основе Ф. 4. Д. 169).

[131] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 44.

[132] Санкт-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. Т. 2. 1872. 7 сент. № 72. С. 630, № 4403.

[133] Там же. 1874. 18 нояб. № 92. С. 616, № 4906.

[134] Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на имения. 1873. № 55. 11 июля. С. 876, № 28601–28606.

[135] *Бронштейн Б.* Бланк Зюганову не товарищ. 200-летие деда В. И. Ульянова не заметили даже коммунисты // Известия. 2000. 30 мая; Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. Лаишевский уезд. Выпуск второй. Казань, 1895. С. 62.

[136] Список населенных мест Казанской губернии... С. 62.

[137] *Зверев А. В.* Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). СПб., 1908. С. 199.

[138] *Арнольд В. Н.* Семья Ульяновых в Самаре: Поиски и находки. Изд. 2-е, доп. и перераб. Куйбышев, 1983. С. 12–13.

[139] РГИА. Ф. 1343. Оп. 22. д. 706. Л. 13 об.–14; *Зверев А. В.* Старейшее учебное заведение г. Перми. С. 205.

[140] Адрес-календарь или общий штат Российской империи на 1844 год. Ч. 2. С. 144; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1858–1859 гг. С. 133.

[141] РГАИ. Ф. 733. Оп. 46. Д. 40. Л. 26 об.–27.

[142] Там же. Л. 28 об.–29.

[143] Там же.

[144] Там же. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 31. Л. 41 об.

[145] Там же. Л. 16.

[146] *Арнольд В. Н.* Семья Ульяновых в Самаре: Поиски и находки. С. 16.

[147] *Веретенникова А. И.* Записки земского врача // Новый мир. 1956. № 3. С. 205.

[148] Там же.

[149] *Веретенникова А. И.* Записки земского врача. С. 205–232.

[150] *Жакова-Басова Т. П.* Врачи-родственники В. И. Ленина // Казанский медицинский журнал. 1970. № 1. С. 3–4.

[151] Там же.

[152] Весь Петербург на 1904 год. С. 112; то же на 1905 год. С. 112; то же на 1906 год. С. 115; то же на 1907 год. С. 123; то же на 1908 год. С. 130; то же на 1909 год. С. 135; то же на 1910 г. С. 147; то же на 1911 год. С. 152.

[153] То же на 1911 год. С. 152.

[154] Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1912 год. С. 359.

[155] *Смирнов П.* Исторический очерк Казанской Мариинской женской гимназии за двадцать пять лет ее существования (1858–1884). Казань, 1884. С. 175.

[156] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 131. Л. 5 об.–9; *Арнольд В. Н.* Семья Ульяновых в Самаре: Поиски и находки. С. 16.

[157] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 131. Л. 30.

[158] *Арнольд В. Н.* Семья Ульяновых в Самаре: Поиски и находки. С. 16.

[159] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 131. Л. 31.

[160] Там же. Л. 10 об.

[161] *Арнольд В. Н.* Семья Ульяновых в Самаре: Поиски и находки. С. 16.

[162] Переписка семьи Ульяновых. 1883–1917. М., 1969. С. 66–67.

[163] *Арнольд В. Н.* Семья Ульяновых в Самаре: Поиски и находки. С. 16–17.

[164] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27939. Л. 6–7.

[165] Список студентов Императорского Казанского университета за 1882–1883 год. Казань, 1883. С. 105; «Прошу и расследовать и доложить мне...» Судьба Ардашевых – двоюродных братьев В. И. Ленина / Публ. д. и. н. И. Ф. Плотникова // Исторический архив. М., 2001. № 2. С. 26–27.

[166] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1970. Т. 1. С. 40.

[167] *Ульянов Д. И.* Шахматы // Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи. Изд. 2-е, доп. М., 1984. С. 76.

[168] Переписка семьи Ульяновых. 1883–1917. М., 1969. С. 208.

[169] *Ульянова-Елизарова А. И.* Примечания к статье А. Табейко «Из прошлого товар. Ленина (по воспоминаниям крестьян)» // *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Очерки. Письма. Статьи. М., 1988. С. 294.

[170] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче // Там же. С. 119–120.

[171] ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. 3. Д. 27939. л. 19.

[172] Ленин – Крупская – Ульяновы. Переписка (1883–1917). М., 1981. С. 84; «Прошу и расследовать и доложить мне...»... С. 38–39.

[173] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27939. Л. 2 об.

[174] Там же. Л. 32, 33, 37, 40.

[175] «Прошу и расследовать и доложить мне...»... С. 38.

[176] *Плотников И. Ф.* Родня // Родина. 1998. № 4. С. 81; «Прошу и расследовать и доложить мне...»... С. 23–24.

[177] Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1917 год. Пермь, 1916. С. 58.

[178] «Прошу и расследовать и доложить мне...»... С. 30.

[179] Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1917 год. С. 42, 50.

[180] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Октябрь 1917 – июль 1918 гг. М., 1974. Т. 5. С. 168.

[181] «Прошу и расследовать и доложить мне...»... С. 34.

[182] Там же. С. 41; *Плотников И. Ф.* Родня. С. 82.

[183] *Плотников И. Ф.* Родня. С. 82.

[184] «Прошу и расследовать и доложить мне...»... С. 33.

[185] Там же. С. 32–33.

[186] Уральская жизнь (Екатеринбург). 1918. 18 янв. С. 1.

[187] *Плотников И. Ф.* Родня. С. 82.

[188] «Прошу и расследовать и доложить мне...»... С. 32.

[189] Вся Москва на 1928 год. Ч. VIII.С. 215.

[190] Уральская жизнь (Екатеринбург). 1918. 10 апр. С. 2.

[191] Верх-Исетский металлургический. Свердловск, 1970. С. 70.

[192] *Медведев А. И.* По долинам и по взгорьям. Свердловск, 1957. С. 91–98.

[193] «Прошу и расследовать и доложить мне...»... С. 34.

[194] Там же. С. 35; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 599, 600 (текст телеграммы не воспроизведен, о ней только упомянуто).

[195] Там же.

[196] *Веденяпин П.* Я от Владимир Ильича. Племянник Ленина живет в Канаде // Комсомольская правда. 1991. 17 окт.

[197] *Лацис М. И.* Красный террор // Красный террор (Казань). 1918. № 1.

[198] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1977. Т. 8. С. 363–364.

[199] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 154 (Тлг. Казанской губчека от 6 марта 1920 г.).

[200] Там же. С. 413, примеч. 162.

[201] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 8. С. 380.

[202] В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов. (1917–1922). 2-е изд., доп. М., 1987. С. 596.

[203] Новый журнал. Нью-Йорк. 1993. Кн. 191–192. С. 453.

[204] *Первушин Н. В.* Кто был Александр Бланк? // Грани. Франкфурт-на-Майне. 1987. № 146. С. 144.

[205] Новый журнал. 1993. Кн. 191–192. С. 453.

Глава VI
ГРОССШОПФЫ И ЭСТЕДТЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

[1] Zeitschrift des Vereins f r l beckische Geschichte und Altertumskunde. L beck, 1960. Bd 40. S. 98–101. (Журнал общества любекских историков и археологов.)

[2] Genealogie. Deutsche Zeitschrift f r Familienkunde. Neustadt (Aisch), 1970. Januar. Hft. 1. S. 133–143; А. В. Островский, любезно передавший свои выписки из переведенной статьи А. Брауэра, находящейся в читальном зале РГА СПИ, указал, что она опубликована в пятом номере журнала «Генеалогия...» за 1970 г. Машинистка допустила опечатку. Это стало ясно, когда из Германии прислали ксероксы статьи А. Брауэра и обложки журнала. На обложке было указано: № 1, января 1970 г. Поэтому не понятно, почему в книге О. А. Абрамовой, Г. А. Бородулиной и Т. Г. Колосковой ссылка сделана на № 5 журнала «Генеалогия» на немецком языке; Genealogisches Jahrbuch / Hrg. von der Zentralstelle f r Personen und Familiengeschichte. Neustadt an der Aisch, 1972. Bd 12. S. 135–136.

[3] *Haaz L* Von Lenins Ahnen // Neue Z rcher Zeitung. 1983. 25 Februâr.

[4] *Ермолаев А.* О происхождении Ленина // Посев. Франкфурт-на-Майне, 1984. № 1. С. 53–54.

[5] *Rauch G. von*Lenins L becker Ahnen // Zeitschrift des Vereinis f r L beckische Geschichte und Altertumskunde. L bek, 1960. Bd 40. S. 99–101; *Brauer A.*1) Lenins Vorfahren im l becker und mecklenburgischer Raum und ihre Anverwandten // Genealogie. Deutsche Zeitschrift f r Familienkunde. Hft. 1. Neustadt (Aisch), Januar 1970. S. 133–142; 2) Lenins deutsche und schwedische Ahnen // Genealogisches Jahrbuch. Neustadt an der Aisch, 1972. Bd 12. S. 135–136.

[6] *Волкогонов Д. А.* Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 45, 46, 52, 53; *Фишер Луис.* Жизнь Ленина: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 6.

[7] *Шагинян М. С.* Семья Ульяновых // Шагинян М. С. Собр. соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 5. С. 26, 29.

[8] Петербургский некрополь. В 4 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 692.

[9] *Brauer A.*Lenins Vorfahren im l becker und mecklenburgischer Raum... S. 134.

[10] Ibid. S. 137, 142.

[11] Ibid. S. 142.

[12] Кюстер – смотритель церковных зданий, у которых хранятся ключи и священные сосуды. Кроме того, кюстеры достаточно часто выполняли обязанности школьного учителя.

[13] *Brauer A.* Lenins Vorfahren im l becker und mecklenburgischer Raum... S. 138, 142.

[14] Ibid. S. 138, 143.

[15] Ibid. S. 138.

[16] Ibid. s. 138–139.

[17] Ibid. S. 139, 142.

[18] Ibid. S. 142.

[19] Ibid. S. 139–143.

[20] Ibid. S. 141, 143.

[21] Ibid. S. 140.

[22] Ibid; *Хейфиц М. Р.* В данное время не момент, пал секретный дедушка // Время. Иерусалим. Израиль. 1992, апр.

[23] Ibid. S. 135.

[24] *Rauch G. von* Lenins L becker Ahnen. S. 99.

[25] Петербургский некрополь. Т. 1. С. 221.

[26] Нумерация домов в С.-Петербурге с алфавитными списками проспектам, улицам, площадям, набережным, мостам. СПб., 1836. С. 27, 289, 315; Всеобщая адресная книга с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою в 5 отделениях СПб., 1867–1868. С. 47; *Никитенко Г. Ю., Соболь В. Д.* Василеостровский район. Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 56, 86, 95.

[27] Петербургский некрополь. Т. 1. С. 221.

[28] Санкт-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. 1875. 14 августа. Т. II. № 65. С. 825.

[29] РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 1847. Л. 98 об.

[30] Там же. Ф. 759. Оп. 49. Д. 462. Л. 1 об.; Ф. 1349. Оп. 6. Д. 1847. Л. 98 об.

[31] Там же.

[32] Там же. Ф. 759. Оп. 49. Д. 462. Л. 1 об.

[33] Там же.

[34] *Тиц Б. Н.* Детские приюты. Справочная книжка для лиц, имеющих надобность помещать детей в приюты. СПб., 1886. Вып. 1. С. 6.

[35] Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1885 год. СПб., 1885. С. 713, 729.

[36] *Rauch G. von* Lenins L becker Ahnen. S. 99.

[37] Петербургский некрополь. Т. 1. С. 221.

[38] У. Виллерс называет И. Г. Гроссшопфа по-шведски Юганном. См.: *Виллерс У.* Ленин в Стокгольме. Стокгольм, 1970. С. 3; *Rauch G. von* Lenins L becker Ahnen. S. 98; *Brauer A.* Lenins Vorfahren im l becker und mecklenburgischer Raum... S. 135; РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 622. Л. 75.

[39] *Rauch G. von* Lenins L becker Ahnen. S. 98. Дом, в котором располагалась фирма Х. Ф. Шаде, был приобретен его женой Иоганной Региной Шаде в 1778 г. у вдовы портного Иоганна Генриха Неймана. Дом, построенный, по всей видимости, по проекту архитектора М. Г. Земскова, представлял из себя два двухэтажных на высоких подвалах здания, стоявших угол наб. реки Мойки и Невского пр. и Большой Морской ул. и Невского пр., объединенных одноэтажным на высоком подвале корпусом, посередине которого поднималась небольшая двухэтажная башня в два окна. Еще во времена владения домом семьей Шаде в здании на углу Невского пр. и наб. Мойки была открыта кофейня (кондитерская) С. Вольфа и Т. Беранже, любимое место встреч петербургской интеллигенции. В 1807 г. дом приобрел купец Конон Борисович Котомин. По его заказу архитектор В. П. Стасов в течение 1812–1815 гг. перестроил здание в четырехэтажное, которое и сегодня украшает Невский пр.

[40] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 101.

[41] Русско-немецкий словарь. 5-е изд., стереотип. М., 1971. С. 109.

[42] *Rauch G. von* Lenins L becker Ahnen. S. 98.

[43] Санкт-Петербургские ведомости. 1790. № 100. 13 дек. С. 1640.

[44] РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 622. Л. 75; *Виллерс У.* Ленин в Стокгольме. С. 3; *Brauer A.* Lenins Vorfahren im l becker und mecklenburgischer Raum... S. 135, 142; *Rauch G. von* Lenins L becker Ahnen. S. 101.

[45] Санкт-Петербургские ведомости. 1801. № 48. 7 июня. С. 176.

[46] РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 622. Л. 75.

[47] РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 169. Л. 14 об.

[48] Там же. Д. 20. Л. 83 об.

[49] Санкт-Петербургские ведомости. 1799. № 61. 2 авг. С. 1591; 1801. № 77. 17 сент. С. 2706; Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1801. С. 3209; 1805. № 10. 3 февр. С. 87; 1808. № 48. 16 июля. С. 719; Первое прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1817. № 34. 27 апр. С. 363; № 57. 17 июля. С. 632.

[50] Первое прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1813. № 13. 14 февр. С. 129.

[51] Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1801. № 77. 17 сент. С. 2706.

[52] Там же.

[53] Там же. 1804. № 9. 29 янв. С. 230.

[54] Там же. № 28. 5 апр. С. 875.

[55] Там же. 1805. 3 февр. № 10. С. 87; *Реймерс Г. фон.* Санкт-Петербургская адресная книга. СПб., 1809. С. 44.

[56] *Реймерс Г. фон.* Санкт-Петербургская адресная книга. С. 44.

[57] Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1808. 16 июня. № 48. С. 719; ЦГИА СПб.. Ф. 788. Оп. 5. Д. 1. Л. 48 об.

[58] Правительствующего сената московских департаментов объявления к Московским ведомостям. 1823. 16 мая. № 39. С. 22.

[59] ЦГИА СПб. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 40 (1806 год). Л. 70.

[60] Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1808. № 99. 11 дек. С. 1446.

[61] Санкт-Петербургские ведомости. 1799. № 99. 11 дек. С. 1441.

[62] Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1806. № 23. 20 марта. С. 260.

[63] Там же. № 74. 14 сент. С. 838.

[64] *Цылов Н.* Атлас тринадцати частей Петербурга. СПб., 1849. С. 220, 260–261.

[65] Второе прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1811. № 54. 7 июля. С. 821.

[66] Там же. 1811. № 85. 13 окт. С. 1216.

[67] Санкт-Петербургские ведомости. 1808. № 72. 8 сент. С. 1082.

[68] Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1810. № 47. 14 июля. С. 679.

[69] Там же. 1811. № 54. 7 июля. С. 819.

[70] *Цылов Н. И.* Городской указатель или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 год. СПб., С. 82–83, 165, 477.

[71] Первое прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1817. № 34. 27 апр. С. 363.

[72] *Brauer A.* Lenins Vorfahren im l becker und mecklenburgischer Raum... S. 135; *Haaz L.* Von Lenins Ahnen; *Ермолаев А. О.* О происхождении Ленина. С. 53; *Бакман К.* Шведские предки В. И. Ленина // Из глубины времен. СПб., 2000. № 12. С. 253.

[73] Первое прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1818. № 4. 11 янв. С. 35; St. Petersburgische Zeitung. 1818/ 11 Januar. N 4, Sutelligenblatt. S. 31.

[74] *Zirngibl Thomas* Gesamtverzeichnis der Datenbank Amburger-Archiv am Osteuropa. Institut M nchen. Teil 2, N 21791.

[75] Даты рождения Александры и Амалии Гроссшопф определены по формулярному списку И. Ф. Гроссшопфа, хранящемуся в РГИА, ф. 1349, оп. 3. д. 622, л. 75.

[76] ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 1456. Л. 2; Дата смерти указана по «Высочайшим приказам о чинах военных за 15 июля 1831 года». СПб., 1832.

[77] *Zirngibl Thomas* Gesamtverzeichnis der Datenbank Amburger-Archiv am Osteuropa. № 21789; РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 6709. л. 22 об.

[78] Там же. № 21785; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1840. 11 ноября. № 90. С. 46, № 26517; Verzeichniss der auf dem deutschen Smolenski-Friedhofe befindlichen Monumente Grabsteine etc., welche der sie ganz verfallen oder Gefahr zu st rzen sind, weggera mt werden m ssen. SPb., 1882. S. 4.

[79] *Zirngibl Thomas* Gesamtverzeichnis der Datenbank Amburger-Archiv am Osteuropa. № 21794; *Жакова-Басова Т. П.* За достоверное освещение истории семьи Ульяновых // Вопросы истории. 1973. № 10. С. 205.

[80] *Zirngibl Thomas* Gesamtverzeichnis der Datenbank Amburger-Archiv am Osteuropa. 21794.

[81] ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 1456. Л. 2.

[82] Там же. Л. 1.

[83] Там же. Ф. 381. Оп. 13. Д. 23. Л. 11–11 об.

[84] Там же. Л. 11 об.

[85] Там же. Л. 114, 115 об., 120, 121.

[86] Там же. Л. 125, 126 об.; Список лиц, окончивших курс наук в Институте путей сообщения императора Александра I с 1811 по 1812 гг. СПб., 1883. С. 4, 11, 75.

[87] РГИА. Ф. 207. Оп. 16. Д. 32. Л. 272 об.–273 об.

[88] *Гессен Г. Я.* Холерные бунты (1830–1832 гг.). М., 1932. С. 36.

[89] Приказы Главного над военными поселениями начальника генерала графа Аракчеева по корпусу поселенных войск 1820 г. СПб., 1820. С. 447–448.

[90] РГИА. Ф. 207. Оп. 16. Д. 32. Л. 274; Приказы Главного над военными поселениями начальника... 1825 г. СПб., 1825. С. 90.

[91] РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 415. Л. 766–766 об., 769.

[92] РГИА. Ф. 207. Оп. 16. Д. 32. Л. 273.

[93] РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 156. Л. 13–16.

[94] Приказ начальника Штаба военных поселений 27 марта 1830 г. № 67; 29 апреля 1830 г. № 97; 2 мая 1830 г. № 102 // Приказы Управляющего Главным штабом Его Императорского Величества по военным поселениям. 1830 г. СПб., 1831.

[95] То же от 30 октября 1830 г. № 229. Практически дословно совпадает с цитируемым в тексте приказом начальника Штаба военных поселений от 30 октября 1831 г. приказ главноуправляющего по Корпусу путей сообщения № 98 от 27 октября 1831 г.

[96] Прибавления к Санкт-Петербургским ведомостям. 1830. № 18. 21 янв. С. 138; № 27. 31 янв. С. 228; № 110. 8 мая. С. 1000; 1831. № 2. 3 янв. С. 15.

[97] РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 859. Л. 13 об.

[98] Прибавления к Санкт-Петербургским ведомостям. 1831. № 92, 93. 23 апр. С. 889.

[99] РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 3311. Л. 5 об.

[100] Высочайшие приказы о чинах военных 1831 г. СПб., 1832.

[101] Приказы Начальника Штаба военных поселений за 1831 г. № 161, 23 сентября. СПб., 1832.

[102] РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 3443. Л. 39–41.

[103] ЦГИА СПб. Ф. 272. Оп. 1. Д. 16. Л. 34; Namens-Verzeichnis der Sch ler und Sch lerinnen der Deutschen Hauptschule St. Petri, alphabetisch und chronologisch geordnet zur Secularfeier an 1 Oktober 1862. St. Petersburg, 1862. S. 176.

[104] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 6709.

[105] Правительствующего Сената Санкт-Петербургских департаментов объявления к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1827. Т. 2. 26 апр. С. 9.

[106] РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1501. л. 1–1 об.

[107] Там же. Л. 5.

[108] Северная пчела. 1831. № 74. 3 апр. С. 1.

[109] Там же; 1831. № 76. 6 апр. С. 2.

[110] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 6709. Л. 7 об.–8, 8 об.–9.

[111] Rigaszeitung. 1831. 17 Oktober. N 125. S. 4.

[112] *Rauch G. von* Lenins L becker Ahnen. S. 100; РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. д. 6709. Л. 43 об.

[113] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. д. 6709. Л. 22 об.; Сообщение о смерти Г. И. Гроссшопфа было опубликовано в «Rigaszeitung» 16 (28) марта 1864 г.

[114] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. д. 6709. Л. 7, 8, 21 об.

[115] Там же. Л. 7, 22; Ф. 207. Оп. 10. Д. 772. Л. 2 об., 8–9; Список лиц, окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения.

[116] Список лиц, окончивших курс в Горном институте с 1847 по 1908 гг. СПб., 1908. С. 8.

[117] РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. д. 6709. Л. 1–1 об., 3, 37.

[118] Там же. Л. 36–36 об., 43–43 об.

[119] *Rauch G. von* Lenins L becker Ahnen. S. 100.

[120] Адрес-календарь... на 1887 г. СПб., 1887. Ч. 1. С. 518.

[121] Адрес-календарь... на 1895 г. СПб., 1895. Ч. 1. С. 686.

[122] *B thf hr H. J* Die Rigische Rathslinie von 1226 bis 1876. Riga, 1877. S. 233; РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1502. Л. 18 об.

[123] РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1502.

[124] *Rauch G. von* Lenins L becker Ahnen. S. 99.

[125] Письмо В. К. фон Беренса М. Г. Штейну от 24 октября 1995 г. // Архив автора.

[126] Однако, если опираться на публикацию в газете «Санкт-Петербургские сенатские объявления по судебным, распорядительным, полицейским и казенным делам», № 27, от 1 апреля 1846 г., с. 48, Катарина Элизабет скончалась в 1846 г.

[127] По данным РГИА, К. К. Гроссшопф родился в 1787 г. (РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1502. Л. 18 об.); сообщение о смерти опубликовано в «Rigas Stadtbl tter», 1847. N 33, 21 August. S. 264 (указано Ю. Н. Лукояновым).

[128] РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 858. Л. 40 об.

[129] Rigaszeitung. 1831. N 148. 10 December.

[130] РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 858. Л. 40 об.

[131] Дата рождения сообщена В. К. фон Беренсом, дата смерти опубликована в «Санкт-Петербургских сенатских объявлениях». 1862. № 73. 10 сент. С. 16.

[132] Санкт-Петербургские сенатские объявления. 1862. № 73. 10 сент. С. 16.

[133] Rigas Anzeigen. 1846. N 74. 16 September. S. 2.

[134] Rigaszeitung. 1849. N 1. 3 Januar. S. 4.

[135] Там же.

[136] *B thf hr H. J* Die Rigische Rathslinie von 1226 bis 1876. S. 233; РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1502. Л. 18 об.

[137] РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1502. Л. 1–3, 5, 6, 6 об., 15, 18 об., 19, 21, 24, 25, 28.

[138] Там же. Л. 18 об.–19.

[139] Там же.

[140] ПСЗ-II. СПб., 1827. Т. II. С. 896.

[141] РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1502. Л. 15 об.

[142] Там же. Л. 25.

[143] Там же. Л. 28.

[144] Там же. Л. 28 об.; Оп. 3. Д. 853. Л. 222 об.

[145] *Веретенникова А. А.* Жизнь моя... интереса для постороннего представлять не может... // Кто и как? М., 1991. № 1. С. 59.

[146] Там же. С. 60.

[147] *Абрамова О. А., Бородулина Г. А., Колоскова Т. Г.* Между правдой и истиной... С. 106.

[148] *Веретенникова А.* Судьба дала так мало радости... (Из неоконченных воспоминаний) // Родословная семьи Ульяновых. По страницам вестника «Истоки». Ульяновск, 1991. С. 17–19.

[149] Российский медицинский список на 1825 г. СПб. С. 147; То же на 1840 г. СПб. С. 260.

[150] Весь Киев на 1907 г. Киев, 1907. С. 348.

[151] *Волкогонов Д. А.* Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн. 1. С. 45.

[152] Там же.

[153] *Солоухин В. А.* При свете дня. М., 1992. С. 30.

[154] Список состоящих на гражданской службе чинов шестого и седьмого классов на 1806 г. СПб., 1806. С. 16.

[155] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3922. Л. 47.

[156] Запрещения на недвижимые имения. 1830. № 18. 3 мая. С. 1085; 1830. № 49. 6 дек. С. 3130; 1830. № 50. 13 дек. С. 3224.

[157] То же. 1831. № 47. 21 ноябр. С. 2747–2748.

[158] РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 334ю Л. 61 об.–63 об.

[159] Там же. Л. 62; Котлин. 1909. № 30. 7 февр. С. 1.

[160] Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1844. № 67. 23 марта. С. 653.

[161] *Шпякина Г. Н., Темкина А. А., Величко А. М.* К истории рода Шемякиных (версия) // Известия русского генеалогического общества. Вып. 11. СПб., 2000. С. 21.

[162] РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

[163] Кронштадтский вестник. 1914. 9 сент.

[164] *Шпякина Г. Н., Темкина А. А., Величко А. М.* К истории рода Шемякиных (версия). С. 21.

[165] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 992. Л. 110–120.

[166] Там же. Л. 1 об.

[167] *Цветков И. Ф.* Последний Морской министр Российского Императорского флота // *Григорович И. К.* Воспоминания бывшего Морского министра. СПб., 1993. С. 14.

[168] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 992. Л. 110–120.

[169] *Цветков И. Ф.* Последний морской министр Российского Императорского флота. С. 17.

[170] РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 70, 71, 72, 73.

[171] *Цветков И. Ф.* Последний морской министр Российского Императорского флота. С. 17.

[172] *Григорович И. К.* Воспоминания бывшего Морского министра. С. 215–216.

[173] *Цветков И. Ф.* Последний морской министр Российского Императорского флота. С. 21.

[174] Там же. С. 24–28.

[175] *Шпякина Г. Н., Темкина А. А., Величко А. М.* К истории рода Шемякиных (версия). Табл. «Родственные связи Шемякиных».

[176] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 2951. Л. 1 об.–2; Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 2. С. 690.

[177] Namens-Verzeichnis der Sch ler... С. 166.

[178] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 2951. Л. 1 об.–2.

[179] Там же. Л. 3–4.

[180] Там же. Л. 6 об.–7.

[181] Там же. Л. 1 об., 2 об.

[182] *Веретенникова А.* Судьба дала так мало радости... С. 19.

[183] Там же.

[184] «Вы...распорядились молчать... абсолютно»... С. 81.

[185] *Волкогонов Д. А.* Ленин. Кн. 1. С. 46.

[186] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 2951. Л. 2.

[187] Там же.

[188] Там же.

[189] Там же. Ф. 1286. Оп. 9. (1845 г.) Д. 1137. Л. 10–13.

[190] Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1842. 28, 30 апреля, 2, 5 мая. С. 1006, 1025–1026, 1049, 1073.

[191] *Веретенникова А. А.* Судьба дала там мало радости... С. 19.

[192] Там же.

[193] *Петербургский старожил.* Моя служба при Дмитрии Гавриловиче Бибикове // Русский мир. 1871. 30 дек.

[194] Там же.

[195] Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 2. С. 691.

[196] Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов: 4 июля 1865 г. № 27. С. 1.

[197] Санкт-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. 1886. 21 июля. № 38. Отдел второй. Разряд XV. С. 455, № 1867.

[198] Там же. 1866. № 62. 4 авг. С. 482, № 1899.

[199] Петербургский некрополь: В 4 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 692.

[200] *Виллерс У.* Ленин в Стокгольме. Стокгольм, 1970.

[201] *Бакман К.* Шведские предки В. И. Ленина // Из глубины времен. СПб., 2000. № 12. С. 249.

[202] Там же. С. 249, 260.

[203] Там же. С. 262.

[204] Санкт-Петербургские ведомости. 1772. 24 июня.

[205] *Бакман К.* Шведские предки В. И. Ленина. С. 262.

[206] Там же. С. 260.

[207] Там же. С. 261.

[208] Там же.

[209] Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1809. № 17. 26 февр. С. 197

[210] *Бакман К.* Шведские предки В. И. Ленина. С. 261.

[211] Там же. С. 261–262.

[212] *Backman Ch* Lenins svenska anor // Sl kt och H vd. Stokholm, 1995. N 1. S. 270; Шведский король Густав IV Адольф действительно находился с визитом в Петербурге с 29 ноября по 15 декабря 1800 г. (см. Камер-фурьерский церемониальный журнал. 1800. Июль – декабрь. СПб., 1800. С. 524, 620). Бакман в своем очерке относит это событие к 1780 г., когда Густаву IV Адольфу было два года (Бакман К. Новое о шведских предках В. И. Ленина // Новая и новейшая история. М., 1967. № 3. С. 164).

[213] *Backman Ch.* Lenins svenska anor. S. 270.

[214] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 317 (1845 г.).

[215] Адрес-календарь... на 1847 г. Ч. 1. прибавление. С. 17.

[216] Revalszeitung. 1874. № 75. 2 апр.

[217] РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 262. (1843 г.). Л. 129; Оп. 4. Д. 317. (1845 г.). Л. 5; Ф. 19. Оп. 1. Д. 604. (1847 г.). Л. 67.

[218] Там же.

[219] Санкт-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. 1865. № 45. 7 июня. С. 325, ст. 13125.

[220] Красная газета. 1918. 8, 12 июня.

[221] *Бакман К.* Шведские предки В. И. Ленина. С. 165; РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 28. Л. 8; *Backtman Ch* Lenins svenska anor. S. 270.

[222] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 14 (1803 г.). Л. 7.

[223] Там же. Д. 28 (1815 г.). Л. 8.

[224] Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1833. № 65.18 марта.

[225] Там же. Д. 12 (1816 г.). Л. 7; Д. 12 (1823 г.). Л. 7.

[226] Там же. Д. 14 (1803 г.); д. 59 (1814 г.); Д. 4 (1819 г.); Д. 4 (1826 г.) и т. д.

[227] Горный журнал. 1923. № 11. С. 748.

[228] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 8 (1825 г.). Л. 5 об.–6.

[229] Там же. Оп. 33. Д. 2179. Л. 1.

[230] Там же. Л. 2.

[231] Там же. Л. 5–5 об.

[232] История «дворян» и константиновцев. 1807–1907 гг. М., 181; Именной список воспитанников всех выпусков и Дворянского полка и состоявшего при сем полку кавалерийского эскадрона с 1807 по 1855 гг. и Константиновского кадетского корпуса с 1855 по 1859 гг. СПб., 1882. С. 119; РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 340. Л. 222 об.–223.

[233] История «дворян» и константиновцев. С. 86; Именной список... С. 119.

[234] Высочайшие приказы генварской трети 1828 г. С. 191; РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 340. Л. 222 об.–223.

[235] РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 340. Л. 222 об.–228.

[236] Там же. Л. 227 об.–228.

[237] Там же. Л. 228 об.–229.

[238] Там же.

[239] Там же. Л. 231 об.–235.

[240] Там же. Д. 340. Л. 222 об.–223.

[241] Там же. Л. 222.

[242] Там же. Оп. 37 (33/1278). Л. 8

[243] Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 562.

[244] РГИА. Ф. 472. Оп. 37 (33/1278). Д. 8. Л. 40.

[245] Там же. Оп. 23 (257/1273). Д. 74б. Ч. 2. (1873 г.). Л. 300.

[246] Там же. Оп. 37 (262/1279), 1874 г.; Д. 45. Л. 1; Оп. 37 (964/1281), 1876 г. Л. 109; Оп. 37 (288/1305), 1878 г. Д. 3. Л. 58; Оп. 37. (40/1307), 1880 г. Д. 26. Л. 81–84; Оп. 38 (412/1932), 1882 г. Д. 7. Л. 51; Оп. 38 (413/1933), 1883 г. Д. 15. Л. 101; Оп. 38 (414/1834), 1884 г. Д. 9. Л. 49 и т. д.

[247] Там же. Оп. 38 (419/1939), 1889 г. Д. 12. Л. 31; Весь Петербург на 1910 г. Ч. 2. С. 953.

[248] ЦГИА СПб. Ф. 381. Оп. 13. д. 2452. л. 1.

[249] Адрес-календарь... на 1861–1862 гг. С. 486; То же на 1868 г. С. 494; То же на 1872 г. С. 352; То же на 1873 г. С. 344; То же на 1877 г. С. 347.

[250] ЦГИА СПб. Ф. 381. Оп. 13. Д. 2452. Л. 1, 12.

[251] Там же. Л. 1, 2, 6, 6 об.

[252] Там же. Л. 9, 13.

[253] Там же.

[254] Петербургский некрополь. Т. 1. С. 166; Т. 4. С. 562.

[255] *Бакман К.* Шведские предки В. И. Ленина. С. 245, 252.

[256] *Backtman Ch* Lenins svenska anor. S. 263.

[257] *Бакман К.* Шведские предки В. И. Ленина. С. 245, 252.

[258] *Пронина И. А.* Декоративное искусство в Академии художеств. М., 1983. С. 273; РНБ ОР. Ф. 798. Собко Н. П., карт. 113.

[259] *Бакман К.* Новое о шведских предках В. И. Ленина. С. 161.

[260] Там же. Л. 252

[261] Там же. С. 253.

[262] Там же. С. 260.

[263] Там же. С. 252.

[264] *Антонов В.* Карл Эстедт – шведский ювелир XVIII века в Петербурге // Шведы на берегах Невы: Сб. статей. Стокольм, 1998. С. 209.

[265] *Ермолаев А.* О происхождении Ленина.

[266] *Бакман К.* Новое о шведских предках В. И. Ленина. С. 163.

[267] *Антонов В.* Карл Эстедт – шведский ювелир XVIII века в Петербурге. С. 209.

[268] *Backtman Ch* Lenins svenska anor. S. 263.

[269] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. (1783 г.). Д. 890. Л. 3–4.

[270] Там же. Л. 4; Д. 1019. Л. 1, 2 об.

[271] *Антонов В.* Карл Эстедт – шведский ювелир XVIII века в Петербурге. С. 209.

[272] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. (1783 г.). Д. 1005. Л. 11.

[273] Там же. (1783 г.). Д. 890. Л. 7.

[274] Там же. Л. 8.

[275] Там же. (1787 г.). Д. 1005. Л. 1–1 об.

[276] *Антонов В.* Карл Эстедт – шведский ювелир XVIII века в Петербурге. С. 210.

[277] *Пронина И. А.* Декоративное искусство в Академии художеств. С. 234.

[278] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. (1788 г.). Д. 1019. л. 1–2 об.

[279] Там же. Л. 4.

[280] Там же. Л. 5.

[281] Там же. (1784 г.). Д. 890. Л. 5.

[282] *Антонов В.* Карл Эстедт – шведский ювелир XVIII века в Петербурге. С. 211.

[283] *Бакман К.* Новое о шведских предках В. И. Ленина. С. 161.

[284] *Антонов В.* Карл Эстедт – шведский ювелир XVIII века в Петербурге. С. 213.

[285] *Бакман К.* Новое о шведских предках В. И. Ленина. С. 161.

[286] *Антонов В.* Карл Эстедт – шведский ювелир XVIII века в Петербурге. С. 208.

[287] РГИА. Ф. 468. Оп. 38. Д. 216. Л. 4, 9 об; Оп. 1. д. 3921. Л. 169–169 об.

[288] *Rauch G. von* Lenins L becker Ahnen. S. 100.

[289] *Бакман К.* Новое о шведских предках В. И. Ленина. С. 161.

[290] Verzeichniss der auf dem deutschen Smolenski-Friedhofe... S. 15.

[291] Первое прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1820. 20 июля. № 58. С. 715.

[292] Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1810. № 47. 14 июня. С. 679.

[293] *Backtman Ch.* Lenins svenska anor. S. 264; Verzeichniss der auf dem deutschen Smolenski-Friedhofe... S. 15.

[294] *Антонов В.* Карл Эстедт – шведский ювелир XVIII века в Петербурге. С. 211.

[295] ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 106. Л. 2, 5–5 об.; *Бакман К.* Новое о шведских предках В. И. Ленина. С. 161.

[296] ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 106. Л. 2, 5–5 об.

[297] *Бакман К.* Новое о шведских предках В. И. Ленина. С. 161; *Антонов В.* Карл Эстедт – шведский ювелир XVIII века в Петербурге. С. 211.

[298] *Антонов В.* Карл Эстедт – шведский ювелир XVIII века в Петербурге. С. 211.

[299] Петербургский некрополь. Т. 1. С. 692.

[300] *Веретенникова А. А.* Судьба дала так мало радости... С. 18.

[301] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 2321. Л. 7.

[302] *Веретенникова А. А.* Судьба дала так мало радости... С. 18.

[303] Материалы для истории Пажеского его Императорского Величества корпуса. 1711–1875. Киев, 1876. С. 180.

[304] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 2321. Л. 62.

[305] Там же. Л. 4, 30.

[306] *Веретенникова А. А.* Судьба дала так мало радости... С. 19.

[307] Там же. С. 18.

[308] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 11. Д. 271. Л. 64.

[309] *Веретенникова А. А.* Судьба дала так мало радости... С. 19.

[310] Там же.

[311] Verzeichniss der auf dem deutschen Smolenski-Friedhofe... S. 15.

Глава VII
ЛЮБЕКСКИЕ КОРНИ

[1] Deutsche Biographische Enzyklop die. M nchen, 1999. Bd 2. S. 414.

[2] Neue deutsche Biographie. Berlin, 1956. Bd 3. S. 446.

[3] *Brauer A.* Lenins deutsche und schwedische Ahnen // Genealogisches Jahrbuch. Neustadt an der Aisch, 1972. Bd 12. S. 136.

[4] Переписка Эрнста Курциуса // Исторический вестник. 1904. Т. 96 (июнь). С. 1084.

[5] Там же. С. 1085.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же. С. 1087.

[9] Там же.

[10] *Волкогонов Д. А.* Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 52.

[11] *Карамышев А. Л.* Симбирская гимназия в годы учения В. И. Ленина. Ульяновск, 1958. С. 46–47.

[12] *Brauer A.* Lenins Vorfahren im l becker und mecklenburgischer Raum und ihre Anverwandten // Genealogie. Deutsche Zeitschrift f r Familienkunde. Hft. 1. Neustadt (Aisch), Januar 1970. S. 140.; Neue deutsche Biographie. Berlin, 1957. Bd 3. S. 446.

[13] Wer ist wer? Das Deutsche who's who? L beck, 1979. S. 886.

[14] *Ермолаев А.* О происхождении Ленина // Посев. 1984. № 1. С. 54.

[15] *Lepsius B* Das Haus Lepsius. Berlin, 1933. S. 362.

[16] Ibid.

[17] Ibid.

[18] *Brauer A.* Lenins deutsche und schwedische Ahnen. S. 136.

[19] *Wein M* Die Weizs ckers. Geschichte einer deutschen Familie. Stuttgart, 1989.

[20] *Пивоваров Ю. С.* Общественно-политические взгляды Р. фон Вайцзеккера. Научно-политический обзор. М., 1986. С. 15.

[21] История дипломатии. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 3. М., 1965.

[22] *Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 112–113.

[23] Там же. С. 113; История дипломатии. 2-е изд. М., 1975. Т. 4. С. 14.

[24] *Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. С. 113.

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] *Kordt E* Wahn und Wirklichkeit. Stuttgardt, 1948. S. 128.

[28] *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С. 10.

[29] Там же.

[30] Документы внешней политики СССР. М., 1992. Т. XXII. Кн. 1. С. 615–617.

[31] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М., 1953. 11-е изд. С. 610.

[32] Там же. С. 610–611.

[33] *Млечин Л. М.* МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. М., 2001. С. 168.

[34] *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. С. 10.

[35] *Млечин Л. М.* МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. С. 168.

[36] Там же.

[37] *Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. С. 134.

[38] *Млечин Л. М.* МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. С. 168–169.

[39] *Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. С. 134.

[40] Документы внешней политики СССР. Т. XXII. С. 606–611, 615–617.

[41] *Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. С. 140.

[42] *Kordt E.* «Nicht aus den Autehn». S. 323; *Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. С. 140.

[43] *Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. С. 208.

[44] *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 гг. С. 54.

[45] Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта – 4 апреля 1940 г. М., 1940. С. 40.

[46] *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 гг. С. 261.

[47] Там же. С. 244.

[48] *Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. С. 180.

[49] *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 443.

[50] *Черчилль У.* Вторая мировая война: В 6 т. Т. 3. С. 357–358.

[51] Там же. С. 357.

[52] История дипломатии. 2-е изд. М., 1975. Т. 4. С. 179.

[53] *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1984. С. 53–54.

[54] *Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. С. 209.

[55] *Безыменский Л. А.* Тайный фронт против Второго фронта. М., 1987. С. 245.

[56] Энциклопедия военного искусства. Операции военной разведки. Минск, 1997. С. 487–488; *Павлов В. Г.* Операция «Снег». М., 1996. С. 28.

[57] *Славин С. Н.* Секретное оружие Третьего Рейха. М., 1999. С. 217.

[58] Там же. С. 212.

[59] Там же. С. 215.

[60] Там же. С. 266.

[61] Там же. С. 207.

[62] Там же. С. 266.

[63] Там же.

[64] Там же.

[65] *Гоудсмит Сэмуэль А.* Миссия «Аисос». М., 1962. С. 85.

[66] От Лютера до Вайцзеккера. Великие протестантские мыслители Германии. Очерки. М., 1994. С. 256.

[67] Там же. С. 257.

[68] Там же. С. 263.

[69] *Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л.* Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная. Новый доклад Римскому клубу. М., 2000. С. 11.

[70] *Пивоваров Ю. С.* Общественно-политические взгляды Р. Фон Вайцзеккера. С. 40.

[71] Там же. С. 16

[72] Там же. С. 43.
[73] Там же. С. 20.
[74] Там же. С. 23–25.
[75] Там же. С. 47.
[76] *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. С. 267.
[77] *Пивоваров Ю. С.* Общественно-политические взгляды Р. фон Вайцзеккера. С. 40–44.
[78] *Ермолаев А.* О происхождении Ленина. С. 54.
[79] *Манштейн Э.* Утерянные победы. М., 1999. С. 521–522.
[80] *Д'Эсте К.* Модель (Генерал-фельдмаршал Вальтер Модель) // Барнетт К. и др. Военная элита Рейха. Смоленск, 1999. С. 416.
[81] Там же.
[82] *Митчем С. (мл.).* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998. С. 434.
[83] Там же.
[84] *Д'Эсте К.* Модель (Генерал-фельдмаршал Вальтер Модель). С. 416.
[85] Вальтер Модель // Энциклопедия военного искусства. Командиры второй мировой войны / Авт.-сост. А. Н. Гордиенко. Минск, 1998. Ч. II. С. 164.
[86] *Розанов Г. Л.* Очерки новейшей истории Германии. (1918–1933). М., 1957. С. 76.
[87] *Панкевич Ф. И.* Восстание рурского пролетариата в марте 1920 г. // Вопросы истории. 1963. № 7. С. 99.
[88] *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер 1922–1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 277.
[89] Там же. С. 23, 277, 278; *Митчем С. (мл.)* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998. С. 59, 223, 332.
[90] *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР. С. 12.
[91] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 353.
[92] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 353.
[93] *Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР. С. 12.
[94] Там же.
[95] Там же. С. 20.
[96] Там же. С. 21.
[97] *Митчем С. (мл.)* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. С. 435.
[98] Там же.
[99] *Д'Эсте К.* Модель (Генерал-фельдмаршал Вальтер Модель). С. 421.
[100] *Митчем С. (мл.)* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. С. 440.
[101] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 522–523.
[102] *Митчем С. (мл.)* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. С. 442.
[103] *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 522.
[104] Там же.
[105] *Д'Эсте К.* Модель (Генерал-фельдмаршал Вальтер Модель). С. 423.
[106] Вальтер Модель // Энциклопедия военного искусства. С. 467.
[107] *Бредли О.* Записки солдата. М., 1957. С. 568.
[108] *Митчем С. (мл.)* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. С. 499.
[109] Biographisches W rterbuch zum Deutschen Geschichte. Bd 2: J–R. M nchen, 1974. S. 1781–1786; Brockhaus Enzyklop die in zwanzig B nden. Bd 12: Mai–Mos; Wiesbaden, 1971. S. 106–107; Deutsche Biographie / Heraus gegeben von W. Killy und R. Vierhaus. M nchen, 1999. S. 600–601.
[110] *Мольтке Г. фон.* История германо-французской войны. 1870–1871. М., 1937. С. 355.
[111] *Куровски Ф.* Дитрих и Мантейфель (Генерал-полковник Йозеф Зепп Дитрих, генерал танковых войск Хассо фон Мантейфель) // *Барнетт К. и др.* Военная элита Рейха. Смоленск, 1999. С. 467–468.
[112] Там же. С. 477.

Глава VIII

УЛЬЯНИНЫ – УЛЬЯНИНОВЫ – УЛЬЯНОВЫ

[1] *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной... С. 72.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 540.

[3] Там же. С. 284–285.

[4] Там же. Т. 43. С. 413.

[5] Сегодня село Андросово относится к Ветошинскому сельсовету Гагинского района Нижегородской области. В нем живет более 500 человек.

[6] Род Бреховых был внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги Нижегородской губернии по Сергачскому уезду 7 ноября 1794 г. (См.: Список дворянским родам, внесенным в дворянскую книгу Нижегородской губернии и утвержденным в дворянском достоинстве. Н. Новгород, 1902. С. 6–7).

[7] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. Волгоград, 1983. С. 6–7.

[8] *Могильников В. А.* Предки В. И. Ульянова-Ленина. Пермь, 1995. С. 6.

[9] Там же.

[10] *Житова Т. А.* К истории семьи Ульяновых // Из истории рабочего класса СССР. Казань, 1982. С. 73.

[11] Топографическая карта Нижегородской области. М., 1998. С. 47; Письмо В. А. Могильникова М. Г. Штейну. Май 2000 // Архив автора.

[12] *Могильников В. А.* Предки В. И. Ульянова-Ленина. С. 7.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 17.

[15] Там же. С. 6.; Письмо В. А. Могильникова М. Г. Штейну. Май 2000 // Архив автора.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] *Могильников В. А.* Предки В. И. Ульянова-Ленина. С. 16.

[19] *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М., 1983. С. 45, 89; Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1987. С. 476; *Федосюк Ю. А.* Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. М., 1981. С. 203.

[20] *Могильников В. А.* Предки В. И. Ульянова-Ленина. С. 8.

[21] Там же. С. 9.

[22] Там же; *Житова Т. А.* К истории семьи Ульяновых. С. 73, 75.

[23] *Могильников В. А.* Они владели Ульяновыми (Родословная арзамасских дворян Пановых XVII–XVIII вв.) // Из глубины времен. СПб., 1995. № 5. С. 149–154.

[24] Там же. С. 149–150.

[25] *Житова Т. А.* К истории семьи Ульяновых. С. 74.

[26] Там же.

[27] *Арутюнов А. А.* Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992. С. 113.

[28] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. М., 1999. С. 23.

[29] Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещении на имения. 1825. 20 июня. № 25, п. 7165.

[30] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. С. 10.

[31] Там же. С. 13.

[32] Там же.

[33] Энциклопедический словарь. Изд. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* СПб., 1897. Т. 41. С. 36.

[34] *Смирнов И. Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. С. 30.

[35] В. И. Ленин и Астраханский край. Изд. 2-е, дополн. Волгоград, 1970. С. 14–15.

[36] Там же. С. 21.

[37] Там же. С. 33.

[38] *Шагинян М. С.* Семья Ульяновых // *Шагинян М. С.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 5. С. 33.

[39] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 21.

[40] Там же.

[41] В. И. Ленин и Астраханский край. С. 34; *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. С. 29.

[42] Основана в 1703 г., разрушена в начале 70-х годов XX в. *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. С. 36.

[43] Там же. С. 29.

[44] Астраханские епархиальные ведомости. 1885. 10 июля. С. 231; Астраханский справочный листок. 1885. № 140.

[45] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 24.

[46] Астраханские епархиальные ведомости. 1885. 10 июля. С. 232.

[47] Там же.

[48] Там же. 1878. 19 ноября. С. 723.

[49] Документ впервые опубликован в очерке М. Шагинян «Предки Ленина (Наброски к биографии)» // Новый мир. Кн. 11-я. Ноябрь. С. 267; В. И. Ленин и Астраханский край. С. 28–29. Непонятно, почему составители сборника под этим документом поместили информацию, что документ впервые напечатан в 1958 г. в кн. «Астрахань», литературно-художественный сборник, изд. газеты «Волга», Астрахань, 1958, с. 93. при этом они «забыли» указать, что это расширенный вариант очерка М. С. Шагинян «Предки Ленина с отцовской стороны – наброски к биографии».

[50] В. И. Ленин и Астраханский край. С. 29–31.

[51] Там же. С. 28–29.

[52] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. С. 36.

[53] Там же. С. 13.

[54] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 114.

[55] *Житова Т. А.* К истории семьи Ульяновых. С. 75.

[56] *Шагинян М. С.* Семья Ульяновых. Т. 5. С. 34.

[57] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. Волгоград, 1970. С. 23.

[58] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. Волгоград, 1983. С. 34.

[59] В. И. Ленин и Астраханский край. С. 31.

[60] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. С. 26.

[61] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 20.

[62] Речь идет об астраханском купце Михаиле Васильевиче Моисееве, упомянутом в решении № 38 Астраханского губернского суда 31 января 1825 г. См. Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещении на имения. 1825. 28 февраля. № 9. Ст. 2203.

[63] *Шагинян М. С.* Предки Ленина (Наброски к биографии). С. 270.

[64] Там же.

[65] Там же.

[66] *Шагинян М. С.* Лениниана. М., 1977. С. 655.

[67] *Шашков С. С.* Рабство в Сибири // *Шашков С. С.* Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1898. Т. 2. С. 505–548.

[68] ПСЗ-I. Т. XXX (1808–1809). СПб., 1830. С. 277–278; *Шашков С. С.* Рабство в Сибири. С. 543.

[69] ПСЗ-I. Т. XL (1825). СПб., 1830. С. 520–525.

[70] Там же. С. 525.

[71] *Шагинян М. С.* Предки Ленина (Наброски к биографии) // *Шагинян М. С.* Собр. соч. Т. 5. С. 645–646.

[72] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. Волгоград, 1970. С. 22.
[73] Там же.
[74] Правительствующего сената Санкт-Петербургских департаментов объявления к Санкт-Петербургским ведомостям. 1827. 26 апреля. № 33. С. 8; то же. 1828. 17 апреля. № 31. С. 4; то же. 1829. 28 мая. № 43. С. 11.
[75] *Трофимов Ж. А.* Отец Ильича. Ульяновск, 1981; *Трофимов Ж. А., Миндубаев Ж. Б.* Илья Николаевич Ульянов. 2-е изд. М., 1990; *Трофимов Ж. А.* Ульяновы. Поиски. Находки. Исследования. Ульяновск, 1988.
[76] *Солоухин В. А.* При свете дня. М., 1992. С. 34.
[77] Там же.
[78] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. С. 36.
[79] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче (Семейная обстановка. родители В. И. Ульянова-Ленина и их время) // *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма. Статьи. М., 1988. С 107.
[80] В. И. Ленин и Астраханский край. С. 33; *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. С. 74.
[81] Там же. С. 36.
[82] Там же. С. 87.
[83] Там же. С. 84.
[84] Там же. С. 74.
[85] *Ульянова М. И.* Отец Владимира Ильича Ленина – Илья Николаевич Ульянов // О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма. 2-е изд., доп. М., 1989. С. 176.
[86] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. С. 72.
[87] Там же. С. 37.
[88] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. С. 105.
[89] Там же. С. 106. В книге «Ульяновы в Астрахани», изданной в 1970 г., на с. 76 А. С. Марков написал, что С. Н. Горшков скончался от тифа 27 мая 1921 г.
[90] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 535–536.
[91] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. С. 106.
[92] *Ульянова М. И.* Отец Владимир Ильича Ленина – Илья Николаевич Ульянов. С. 177.
[93] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 28; *он же.* Феномен Владимира Ульянова (Ленина). С. 114.
[94] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 24.
[95] *Арутюнов А. А.* Феномен Владимира Ульянова (Ленина). С. 114. В нашей книге «Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима», вышедшей в 1997 г., Арутюнов критиковался за упоминание Симбирска. В последующей работе «Досье Ленина без ретуши» на стр. 6 в приведенном тексте он название города «Симбирск» опустил.
[96] *Аросев А. Я.* Материалы к биографии В. И. Ленина. М., 1925. С. 6.
[97] *Ульянова М. И.* Отец Владимир Ильича Ленина – Илья Николаевич Ульянов. С. 177.
[98] *Иванский А. И.* Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам. М., 1963. С. 15–16.
[99] Там же. С. 14–15.
[100] *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. С. 63.
[101] *Иванский А. И.* Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам. С. 33.
[102] *Федоренко Б. В.* Материалы к биографии И. Н. Ульянова // Исторический архив. 1958. № 2. С. 28.
[103] Говорят документы (О жизни и деятельности И. Н. Ульянова): В 3-х т. Ульяновск, 1995. Т. 1. С. 64–65.
[104] Там же. С. 65.

[105] Там же. С. 68–69.
[106] Там же. С. 69.
[107] Там же. С. 69–70.
[108] Там же. С. 70, 72.
[109] Там же. С. 72.
[110] Там же. С. 121.
[111] Там же. С. 71–73.
[112] Там же. С. 73.
[113] РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 255. Л. 23–23 об.
[114] Там же. Л. 30 об.–31.
[115] Исторический архив. 1958. № 3. С. 34.
[116] Там же.
[117] Там же. С. 34–35.
[118] Там же. С. 35.
[119] Архив СПб филиала РАН. Ф. 337. Оп. 1. Д. 400. Л. 21–22; Метеорологическое обозрение России, издаваемое Главным управлением Корпуса горных инженеров под руководством и с предисловием академика А. Купфера, директора Главной физической обсерватории за 1856 год. СПб., 1858; То же за 1857 год. СПб., 1859; То же за 1858 год. СПб., 1860; *Вильде Г. И.* О температуре воздуха в Российской империи. Выпуск второй. СПб., 1882. Табл. CLXII; Пензенское губернское земство. Оценочное отделение. Труды экспедиций, организованных почвоведом Н. А. Димо, для изучения естественно-исторических условий Пензенской губернии. Серия 3. Губернские сводки. Вып. I. Климат Пензенской губернии. Сост. А. А. Сперанским, профессором Московского ун-та. С приложением табл. метеорологических элементов, 9 карт и 7 чертежей. М., 1915. С. 9.
[120] *Сталь Н. Е., Рябинин А. Д.* Материалы для географии и статистики России. Вып. 17: Пензенская губерния. 6. Климат Пензенской губернии. СПб., 1867. С. 162, 172, 182, 228.
[121] Говорят документы (О жизни и деятельности И. Н. Ульянова). Т. 1. С. 112.
[122] Там же.
[123] РГИА. Ф. 398. Оп. 21. Д. 9126. Л. 243.
[124] Говорят документы (О жизни и деятельности И. Н. Ульянова). Т. 1. С. 112.
[125] РГИА. Ф. 398. Оп. 21. Д. 7239. Л. 243.
[126] Там же. Л. 244.
[127] Там же. Оп. 24. Д. 9126. Л. 35 об.
[128] Пензенские губернские ведомости. 1855. 27 апреля.
[129] *Филатов П. Ф.* Юные годы // Псовая и ружейная охота. Кн. IX. Сентябрь. М., 1905. С. 73.
[130] Говорят документы (О жизни и деятельности И. Н. Ульянова). Т. 1. С. 95, 120, 130, 136–137, 142, 144, 173, 177.
[131] *Филатов П. Ф.* Юные годы. Кн. VIII. Август. М., 1905. С. 45–46.
[132] Там же. С. 110, 114–116.
[133] РГИА. Ф. 733. Оп. 130. Д. 65. Л. 22 об.–24.
[134] ПСЗ-II. Т. XX. Отд. 1. СПб., 1846. С. 450–451.
[135] РГИА. Ф. 733. Оп. 130. Д. 65. Л. 23 об.–24.
[136] *Молебнов М.* Жизнь и деятельность И. Н. Ульянова (1855–1863) // Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855–1925). Пенза, 1925. С. 15–16.
[137] Говорят документы (О жизни и деятельности И. Н. Ульянова). Т. 1. С. 175–176.
[138] Там же. С. 176. Интересно, что в своем представлении А. В. Тимофеев допустил ошибку и назвал Илью Николаевича «Ульяниным». Эту фами-

лию имели предки И. Н. Ульянова, будучи крепостными помещика Брехова. Ее много лет носил Н. В. Ульянов, проживая в Астрахани.

[139] Говорят документы (О жизни и деятельности И. Н. Ульянова). Т. 1. С. 176.

[140] Там же. С. 176–178. И. Н. Ульянов был произведен в надворные советники 12 (24) июля 1863 г. со старшинством с 11 ноября 1862 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 130. Д. 65. Л. 24 об.–25).

[141] Говорят документы (О жизни и деятельности И. Н. Ульянова). Т. 1. С. 198.

[142] Там же. С. 181. Н. М. Степанов, как и А. В. Тимофеев, был учителем И. Н. Ульянова в Астраханской гимназии, а затем коллегой в Пензенском дворянском институте. Впоследствии его учениками в Симбирской мужской гимназии были Александр и Владимир Ульяновы.

[143] *Карякин М.* И. Н. Ульянов (По воспоминаниям ученика) // И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. 2-е изд. доп. М., 1989. С. 91. 94–95.

[144] РГИА. Ф. 733. Оп. 130. Д. 65. Л. 26 об.–28.

[145] Там же. Л. 27 об.–28.

[146] [*Ульянов И. Н.*] Начальное народное образование в Симбирской губернии с 1869 по 1879 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. Раздел: Современная летопись. Ч. C.C.IX. СПб., 1880. С. 89.

[147] Доклад по народному образованию Симбирскому губернскому земскому собранию губернской земской управе. К журналу 8 декабря (1871 г.) // Журналы Симбирского губернского земского собрания. Казань, 1872. С. 284–285.

[148] *Алпатов Н. И.* Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова. М., 1956. С. 54.

[149] *Калашников В. А.* И. Н. Ульянов. Воспоминания бывшего учителя // И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. 2-е изд., доп. М., 1989. С. 219–220.

[150] Доклад подготовительной комиссии по вопросу народного образования. К журналу 8 декабря (1871 г.) // Журналы Симбирского губернского земского собрания. Казань, 1872. С. 263.

[151] *Назарьев В. Н.* Вешние воды // Вестник Европы. 1898. № 4. С. 694.

[152] Доклад подготовительной комиссии по вопросу народного образования. К журналу 8 декабря (1871 г.). С. 289–290.

[153] *Суперанский М. Ф.* Начальная народная школа Симбирской губернии. Симбирск, 1875. С. 43.

[154] *Алпатов Н. И.* Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова. С. 71.

[155] Симбирские губернские ведомости. 1870. 24 ноября; 1873. 24 июля; 1874. 30 марта и т. д.

[156] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 129.

[157] *Ульянов И. Н.* Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1874 гражданский год. Симбирск, 1875. С. 43.

[158] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Сельская учительница («Мелочи жизни» IV. Девушки) // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1974. Т. 16, кн. 2. С. 186–196.

[159] *Родионова А. А.* Мои воспоминания об Илье Николаевиче Ульянове // И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. С. 289.

[160] РГИА. Ф. 733. Оп. 130. Д. 65. Л. 27 об.–29.

[161] О приобретении потомственного дворянства производством по гражданской службе в действительные статские советники или соответствующему сему чину 4-й класс, а по военному в полковники или же в соответствующей оному чин флота капитана 1-го ранга // ПСЗ-II. СПб., 1857. Т. XXXI. С. 1052.

[162] РГИА. Ф. 733. Оп. 130. Д. 65. Л. 26 об.–31. Ордена Св. Станислава давали право на причисление к потомственному дворянству. (Указ от 21 апреля 1785 г. (16187) «Грамота на права вольности и преимущества благородского дворянства // ПСЗ-I. (1784–1788). СПб., 1830. Т. XXII. С. 354; О порядке представления к награде орденом св. Станислава и об изменении правил статута // ПСЗ-II. СПб., 1856. Т. XXX. С. 457.

[163] РГИА. Ф. 1341. Оп. 51. Д. 660. Л. 126.

[164] РГИА. Ф. 733. Оп. 130. Д. 65. л. 29 об.–31.

[165] Там же. Л. 29 об.–30.

[166] *Суперанєкий М. Ф.* Начальная народная школа Симбирской губернии. С. 66.

[167] М. М. Драницын ошибается. В 1879 г. А. И. Ульянов перешел в 5-й класс.

[168] *Драницын М. М.* Обрывки воспоминаний об Александре Ильиче Ульянове // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. Сб. М.; Л., 1927. С. 255–256.

[169] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. С. 126.

[170] Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета и деятельности его ученого сословия за 1883 год, читанный на Акте 8 февраля 1884 года ординарным профессором Ю. В. Сокоцким. СПб., 1884. С. 21.

[171] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове // *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма. Статьи. М., 1988. С. 65.

[172] Там же. С. 59.

[173] *Казакевич Р. А.* Читательский формуляр А. И. Ульянова – студента университета // Вестник Ленинградского университета. 1959. № 20. Серия истории языка и литературы, вып. 4. С. 129.

[174] Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 293.

[175] Годичный акт Императорского С.-Петербургского университета. 8 февраля 1886 г. СПб., 1886. С. 133.

[176] Там же. С. 135.

[177] Там же. С. 135–137; *Полянский Ю. И., Шмидт Н. А.* Работа Александра Ильича Ульянова о строении сегментарных органов пресноводных кольчатых червей // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 41. Вып. 10. Л. 1961. С. 3–15; *Ульянов А. И.* Исследование строения сегментарных органов пресноводных «Annulata» // Там же. С. 16–28.

[178] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. С. 129.

[179] Ленин–Крупская–Ульяновы. Переписка (1883–1900). М, 1981. С. 129.

[180] *Кольцов Д.* Конец «Народной воли» и начало социал-демократии // *Тун. А.* История революционного движения в России. Женева, 1903. С. 203–204.

[181] *Никонов С. А.* Жизнь студенчества и революционная работа конца восьмидесятых годов // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 137–138.

[182] СПб филиал Архива РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 74. Л. 7 об.; Д. 77. Л. 51.

[183] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. С. 69; *Луговая М. П., Сидорова В. И.* Семья Ульяновых в Петербурге-Петрограде. Л., 1977. С. 198.

[184] СПб филиал архива РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 75. Л. 33.

[185] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. С. 80.

[186] СПб филиал архива РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 74. Л. 3, 4, 5 об., 8 об.; Д. 75. Л. 11, 16, 17, 19, 21 об., 24, 32, 33; Д. 77. Л. 54 об.–55.

[187] Там же. Д. 77. Л. 53, 54 об.; Д. 79. Л. 9 об.

[188] Страницы автобиографии В. И. Вернадского. С. 55.
[189] Там же. С. 54–55.
[190] СПб филиал архива РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 77. Л. 58 об.
[191] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8498. Л. 47–47 об.
[192] ГАРФ. Ф. 102. Оп. Д-7 (1887 г.). Д. 47. Л. 78–80.
[193] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. С. 371.
[194] Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др. М.; Л., 1927. С. 373.
[195] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. С. 378–379.
[196] Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева... С. 377.
[197] Там же. С. 373.
[198] Там же.
[199] *Поляков А. С.* Второе 1-е марта: Покушение на императора Александра III в 1887 г. (Материалы). М., 1919. С. 55–57.
[200] Там же. С. 57.
[201] РГИА. Ф. 1405. Оп. 88. Д. 9961. Л. 124 об.
[202] Там же. Л. 129.
[203] Там же.
[204] *Поляков А. С.* Второе 1-е марта: Покушение на императора Александра III в 1887 г. С. 57.
[205] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 640. Л. 49–49 об.
[206] *Кони А. Ф.* Триумвиры // *Кони А. Ф.* Собр. соч. В 8-ми т. М., 1966. Т. 2. С. 313.
[207] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. С. 55–57.
[208] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 642. Л. 29, 38.
[209] Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева... С. 124.
[210] *Кони А. Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич. Отд. пятый // *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1966. Т. 2. С. 217.
[211] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 425 (1887 г. . Л. 215 об.–216.
[212] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 650. Л. 89.
[213] Там же. Д. 646. Л. 97–98.
[214] Там же. Л. 97.
[215] Там же. Л. 96.
[216] Там же. Л. 101
[217] *Кони А. Ф.* Триумвиры. С. 314.
[218] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 646. Л. 102.
[219] Апрельский процесс // Общее дело. 1887, май. № 97. С. 9.
[220] Там же. С. 10.
[221] Там же.
[222] *Кони А. Ф.* Триумвиры. С. 314; Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева... С. 140–141.
[223] Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева... С. 252.
[224] Там же. С. 254.
[225] Там же.
[226] Там же. С. 255.
[227] Там же.
[228] Там же. С. 292.
[229] *Лукашевич И. Д.* 1 марта 1887 г. Воспоминания. Пг., 1920. С. 29.
[230] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23691. Л. 30.
[231] Там же. Л. 24.
[232] Там же. Л. 35, 39.
[233] *Поляков А. С.* Второе первое марта... С. 49–50.
[234] Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева... С. 99.
[235] Там же. С. 99–107, 337.
[236] А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 310.

[237] Там же. С. 311–312.
[238] Там же. С. 184; *Лукашевич И. Д.* 1 марта 1887 г. С. 19.
[239] *Лукашевич И. Д.* 1 марта 1887 г. С. 40.
[240] Там же. С. 46.
[241] Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева... С. 255.
[242] Там же. С. 337.
[243] Находясь в ссылке, Р. А. Шмидова вышла замуж и стала носить фамилию Клюге. Во время Великой Отечественной войны погибла в оккупированном Харькове.
[244] Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева... С. 360.
[245] Апрельский процесс // Общее дело. 1887, май. № 97. С. 10.
[246] *Таганцев Н. С.* Пережитое. М., 1919. Вып. 2. С. 32.
[247] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. С. 104.
[248] А. И. Ульянова-Елизарова ни слово не говорит о том, что Л. М. Князев был знаком с И. Н. Ульяновым, ибо в течение двух лет с 28 января (9 февраля) 1876 по 2 (14) января 1878 г. он работал товарищем прокурора Симбирского окружного суда (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 236. Л. 30 об.–32) и не мог не встречаться с директором народных училищ Симбирской губернии по служебным делам. Не исключено, что Л. М. Князев встречался в Симбирске с членами семьи И. Н. Ульянова.
[249] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. С. 105–106.
[250] Там же. С. 104–105. В 1895–1897 гг., когда в одиночной камере № 193 находился В. И. Ульянов (Н. Ленин), а в других арестованные вместе с ним члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», начальником ДПЗ по-прежнему был генерал-майор В. С. Ерофеев.
[251] Все тексты писем М. Л. Песковского по поводу А. Ульянова, полученные директором Департамента полиции П. Н. Дурново и министром юстиции Н. А. Манасеиным, написаны не его рукой. М. Л. Песковскому принадлежит только подпись.
[252] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 346.
[253] Там же. С. 411.
[254] *Кони А. Ф.* Триумвиры. Т. 2. С. 314.
[255] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 237. Л. 3.
[256] Там же. Ф. 1405. Оп. 8. Д. 9961. Л. 340–342.
[257] *Лукашевич И. Д.* 1 марта 1887 г. С. 42.
[258] РГИА. Ф. 1405. Оп. 88. Д. 9961. Л. 340 об.–344.
[259] Там же. Ф. 516. Оп. 1. Д. 77 (206/2703). Л. 6 об.
[260] Там же. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 425. Л. 368.
[261] Там же. Оп. 88. Д. 9961. Л. 395.
[262] Там же. Л. 393.
[263] Там же. Л. 392 об.–393.
[264] *Кони А. Ф.* Триумвиры. Т. 2. С. 316.
[265] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 346.
[266] РГИА. Ф. 1405. Оп. 88. Д. 9961. Л. 243.
[267] *Итенберг Б. С.*, *Черняк А. Я.* Жизнь Александра Ульянова. М., 1996. С. 150; *Канивец В. В.* Александр Ульянов. М., 1996. С. 269; *Семанов С. Н.* Во имя народа. Очерк жизни и борьбы Александра Ульянова. М., 1961. С. 140; *Трофимов Ж. А.* Великое начало. М., 1979. С. 157; *Он же*. Старший брат Ильича. Документальное повествование об Александре Ульянове. М., 1988. С. 239–240.
[268] Апрельский процесс // Общее дело. 1887, май. № 97. С. 10–11.
[269] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 634. Л. 1–2.
[270] Там же. Д. 640. Л. 67, 71, 71 об., 74.

[271] Красный архив. М.; Л., 1926. Т. 2 (15). С. 223.

[272] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.

[273] *Трофимов Ж. А.* Старший брат Ильича. Документальное повествование об Александре Ульянове. С. 242.

[274] РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 634. Л. 1–2 об.

[275] Там же. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 3708. Л. 109.

[276] Доходы П. А. Дейера в 1887 г. составили 9000 руб. в год (Там же. Л. 108–109).

[277] Там же. Л. 110–114.

[278] Особое вознаграждение в виде награды за государственную службу, устанавливаемое на определенное время.

[279] РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 3708. Л. 117–125.

[280] Санкт-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. 1887. 20 августа. № 67. Разряд III, п. 9984–9990. С. 289.

[281] РГИА. Ф. 1405. Оп. 88. Д. 9961. Л. 40.

[282] Там же. Л. 43 об.

[283] Там же.

[284] Там же. Л. 44–44 об.

[285] Там же. Л. 44 об.

[286] Там же. Оп. 425. Л. 269–269 об., 420.

[287] *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. С. 103.

[288] Там же. С. 189–190.

[289] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 425. Л. 420–420 об.; Оп. 88. Д. 9961. Л. 163.

[290] Там же. Л. 420 об.–421.

[291] Там же. Л. 421–421 об.

[292] Там же. Л. 421 об.–422; Оп. 88. Д. 9961. Л. 163, 200, 203.

[293] Там же. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 425. Л. 254–256 об.

[294] Там же. Л. 425.

[295] Там же. Л. 255–255 об.

[296] Ленин и Самара. Сб. документов и материалов. Куйбышев, 1966. С. 227, 228; *Титов И. И.* «...С этой деревней знаком лично». Очерки истории села Алакаевка. Куйбышев, 1983. С. 29, 36, 67.

[297] Ленин и Самара. С. 231; *Арнольд В. Н.* Семья Ульяновых в Самаре. Куйбышев, 1983. С. 28–29.

Глава IX
УХОД ИЗ ЖИЗНИ. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ В. И. УЛЬЯНОВА

[1] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1982. Т. 12 (декабрь 1921 – январь 1924). С. 295. (Далее – Биографическая хроника); *Петренко Н.* Ленин в Горках – болезнь и смерть. (Источниковедческие заметки) // Минувшее. 1990. № 2. С. 192–193.

[2] *Валентинов Н.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 224.

[3] *Флеров В.* Болезнь и смерть Ленина // Грани. Франкфурт-на-Майне. 1987. № 146. С. 159–160.

[4] *Чуев Ф. И.* Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 296.

[5] *Первушин Н. В.* Кто был Александр Бланк? // Грани. 1987. № 146. С. 143.

[6] *Лопухин Ю. М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина. Правда и мифы. М., 1997. С. 18.

[7] *Розанов В. Н.* Воспоминания о Владимире Ильиче // Красная новь. 1924. № 6. С. 157–158. Интересно отметить, что при перепечатке этих воспоминаний в 5-ти томном мемуарном сборнике часть текста (после слов «...хирургии не было места для вмешательства...» и до слов «Болезнь могла

длиться вечно...») была опущена и заменена многоточием (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т.; Т. 3. М., 1984. С. 318). в более раннем документальном сборнике сделана та же купюра, но многоточие, вместо пропущенных фраз, отсутствует (То же. В 2 ч. М., 1957. Ч. 2. С. 407). А в самое новое издание (То же. В 10 т.; Т. 8. М., 1991.) воспоминания Розанова вообще не включены.

[8] *Авербах М. И.* Воспоминания о В. И. Ленине (Слово, сказанное главным доктором городской глазной больницы им. Гельмгольца на общем собрании сотрудников, больных и сторонних посетителей) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. Т. 8. С. 272.

[9] Там же.

[10] *Юделевич В. С.* Воспоминания о Ленине // Журнал одонтологии и стоматологии. 1924. № 3 (5). С. 88.

[11] См.: *Флеров В.* Болезнь и смерть Ленина. С. 149.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Болезнь и смерть В. И. Ленина // Кентавр. 1992. Ноябрь – декабрь. С. 131.

[15] Там же; Биографическая хроника. Т. 12. С. 609.

[16] Болезнь и смерть В. И. Ленина. С. 131.

[17] Биографическая хроника. Т. 12. С. 611.

[18] Там же. С. 613.

[19] Там же. С. 613–619.

[20] Там же. С. 623.

[21] Болезнь и смерть В. И. Ленина. С. 131; Биографическая хроника. Т. 12. С. 646.

[22] *Крупская Н. К.* Последние полгода жизни Ленина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. Т. 2. М., 1989. С. 2. (Впервые эти воспоминания в искаженном и далеко не полном виде были напечатаны в сборнике: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. Т. 1. М., 1968. С. 693–697. Полная публикация: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 169–175).

[23] Биографическая хроника. Т. 12. С. 660.

[24] *Крупская Н. К.* Последние полгода жизни Ленина // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. Т. 2. С. 2.

[25] Там же.

[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344.

[27] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь: В 2 т. Т. 2. М., 1990.С. 251–252.

[28] По всей видимости, речь идет об отдельном издании статьи Л. Д. Троцкого «О пятидесятилетнем (Национальное в Ленине)», опубликованной в «Правде», 1920, 23 апр., а затем вошедшей в его книгу «О Ленине. Материалы для биографии». М., 1924.

[29] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 252.

[30] Болезнь и смерть Ленина. С. 132.

[31] Биографическая хроника. Т. 12. С. 593.

[32] Болезнь и смерть Ленина. С. 126.

[33] Болезнь и смерть Ленина. С. 127.

[34] Там же.

[35] Там же. С. 127–128.

[36] Представители медицины о болезни Ленина (По данным вскрытия) // Торгово-промышленная газета. 1924. 25 янв.

[37] *Авторханов А. Г.* Мемуары. Франкфурт-на-Майне, 1983. С. 132.

[38] Огонек. 1924. № 5 (44). С. 3.

[39] *Семашко Н.* Что дало вскрытие тела Владимира Ильича? // Известия. 1924. 25 янв.

[40] *Зиновьев Г. Е.* Памяти В. И. Ленина // Ленинградская правда. 1924. В тексте этой же речи, опубликованном в газете «Известия», 19 февраля,

1924 г., говорится о «глупых легендах», а в отдельном издании книги Г. Е. Зиновьева «Ленин». Л., 1924, с. 175 – о «глупых измышлениях».

[41] *Осипов В. П.* Болезнь и смерь Владимира Ильича Ульянова-Ленина (По личным воспоминаниям) // Наша искра. М., 1925. № 1 (13). С. 9–23.

[42] См.: *Петренко Н.* Ленин в Горках – болезнь и смерть // Минувшее. 1990. № 2. С. 198–201.

[43] *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. М., 1991. С. 135.

[44] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 40.

[45] *Волкогонов Д. А.* Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 345.

[46] *Флеров В.* Болезнь и смерть Ленина. С. 157.

[47] *Лопухин Ю.* Болезнь и смерть В. И. Ленина: домыслы и факты // Сельская жизнь. 1990. 18 окт. С. 2.

[48] *А. С.* Институт мозга // Металлист. 1928. № 3. С. 31.

[49] *Флеров В.* Болезнь и смерть Ленина. С. 159.

[50] *Волкогонов Д. А.* Ленин. Кн. 2. С. 380.

[51] Там же. С. 380–381.

[52] *Петренко Н.* Ленин в Горках – болезнь и смерть. С. 198–201.

[53] *Флеров В.* Болезнь и смерть Ленина. С. 158.

[54] Там же.

[55] *Nonne M* Anfang und Ziel meines Leben. Gamburg, 1971. S. 224.

[56] *Bumke O.* Erinnerungen und Betrachtungen. Der Weg eines deutschen PSV Chinters. M nchen, 1952. S. 109.

[57] *Чазов Е. И.* Здоровье и власть. М., 1992. С. 161.

[58] *Там же.* С. 162.

[59] *Петренко Н.* Ленин в Горках // Литературная газета. 1990. 12 сент.; *Лопухин Ю.* Болезнь и смерть В. И. Ленина. Домыслы и факты // Сельская жизнь. 1990. 18 окт.; *Петровский Б. В.* Ранение и смерть Ленина // Медицинская газета 1991. 18 янв.; То же // Поиск. 1991. № 14; *Флеров В.* Болезнь и смерть Ленина // Независимая газета. 1991. 22 янв.; Болезнь и смерть В. И. Ленина (Дневниковые записи дежурных медиков 20–21 января 1924 г. и медицинские заключения) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 9; Кентавр. 1991. Октябрь – декабрь; 1992. Март – апрель, сентябрь – октябрь, ноябрь – декабрь.

[60] *Яковлев Г. М., Аникин И. Л., Тохачев С. А.* Материалы к истории болезни Петра Великого // Военно-медицинский журнал. 1990. № 12. С. 59–60.

[61] См.: *Рихтер В. М.* История медицины в России: В 3 ч. М., 1820. Ч. 3. С. 86–87.

[62] РНБ. Архив Дома Плеханова. Ф. 1119, А. Г. Кравченко, ед. хр. 172, Лысяк (Закржевская) Лидия Владимировна. Воспоминание о последних часах жизни Н. К. Крупской. Л. 1–5.

Глава X
ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ О СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ

[1] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография: В 2 т. М., 2002. Краткая аннотация.

[2] *Арутюнов А. А.* Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992. С. 112–114.

[3] *Штейн М. Г.* Генеалогия рода Ульяновых, или какие тайны хранят сейфы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Литератор. № 38. 1990. 15 окт.

[4] *Шагинян М. С.* Семья Ульяновых. М., 1982. С. 25.

[5] *Brauer A.* Lenins Vorfahren im lьbecker und mecklenburgischen Raum und ihre Anverwandten // Genealogie. Deutsche Zeitschrift fьr Familienkunde. Ht. 1, januar 1970. S. 134–142; *Штейн М. Г.* Генеалогия рода Ульяновых // Литератор. № 38. 1990. 15 окт.

[6] Владимир Ильич Ленин. Биография: В 2 т. 8-е изд. М., 1985. Т. 1. С. 1; *Шагинян М. С.* Семья Ульяновых. М., 1982; *Новополянский Д.* Домик в Астрахани // Правда. 1982. 2 нояб.; *Шуткевич В.* Ульянов родник. Документы свидетельствуют: предки В. И. Ленина вышли из нижегородского села Андросово // Разговор с товарищем. М., 1984. С. 24–36; *Шуртаков С.* Село Андросово: пошел отсюда род Ульяновых // Литература и ты. М., 1970. Вып. 4. С. 70–79.

[7] *Арутюнов А. А.* Феномен Владимира Ульянова (Ленина). С. 114.

[8] *Богданов И. А.* Нижегородской губернии крестьянин // Журналист. М., 1969. № 6; *Ефимов Г., Трофимов Ж.* Помещика Брехова крестьянин // Лениниана: Поиски и находки. М., 1970; *Житова Т. А.* К истории семьи Ульяновых // Из истории рабочего класса в СССР. Киров, 1972; *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани // Волга. 1969. № 4; *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. Волгоград, 1970; То же. Волгоград, 1983; Родословная семьи Ульяновых. По страницам вестника «Истоки». Ульяновск, 1991; *Brauer A.* Lenins deutsche und schwedische Ahnen // Genealogisches Jahrbuch. Neustadt an der Aisch, 1972. Bd 12; *Brauer A.* Lenins Vorfahren im lьbecker und mecklenburgischen Raum und ihre Anverwandten // Genealogie. Deutsche Zeitschrift fьr Familienkunde. Ht. 1, Januar 1970. S. 133–143; *Rauch G. von.* Lenins lьbecker Ahnen // Zeitschrift des Vereins fьr lьbeckische Geschichte und Altertumskunde. Lьbeck, 1960. Bd 40. S. 98–101.

[9] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 26, 28.

[10] Там же. С. 29.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 17 (1820 г.). Д. 632. Л. 326–329. Текст изъятых документов полностью приведен в ст. И. И. Ивановой и М. Г. Штейна «К родословной Ленина», напечатанной в сборнике «Из глубины времен», № 1, СПб., 1992.

[14] Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 72–74.

[15] *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997. С. 53.

[16] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111 (1828 г.). Д. 226. Л. 31.

[17] *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины... С. 99.

[18] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. М., 1999. С. 15, 17; *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 32, 34.

[19] *Штейн М. Г.* Генеалогия рода Ульяновых, или какие тайны хранят сейфы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; *его же.* Род вождя // Слово. 1991. № 2. С. 78–81; *Дейч Г. М.* Еврейские предки Ленина: неизвестные архивные документы о Бланках. Нью-Йорк, 1991; *его же.* Бланк особого учета и еврейские предки Ленина // Час пик (С.-Петербург). 1991. 27 июля; его же. Родословная Ленина // Кубань. Краснодар, 1995. № 5–6. С. 75–79; *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 38–45; *Иванова И. И., Штейн М. Г.* К родословной Ленина // Из глубины времен. СПб., 1992. № 1. С. 3–50; *Штейн М. Г.* Род вождя // Вождь Ленин, которого мы не знали. Саратов, 1992. С. 6–19; «Изъятие... произвести без оставлений... копий» (Где хранились и куда переданы документы о предках Ленина) / Публ. подг. Т. И. Бондарева, Ю. Б. Живцов; «Вы распорядились молчать... абсолютно» (Неизвестные письма А. И. Елизаровой-Ульяновой И. В. Сталину и набросок к ст. А. И. Ульяновой о выявленных документах по их родословной) / Публ. подг. Е. Е. Кириллова, В. Н. Шепелев // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 65–75, 76–83; *Волкогонов Д. А.* Ленин. Политический портрет. В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 44–45; Жизнь В. И. Ленина: вопросы и отве-

ты. Ульяновск, 1995. С. 13–14; *Шепелев В. Н., Кириллова Е. Е.* Новые документы по родословной В. И. Ульянова (Ленина) // Музейный сборник. Государственный исторический заповедник «Горки Ленинские». М., 1997. № 2. С. 50–60; *Абрамова О. А., Бородулина Г. А, Колоскова Т. Г.* «Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина)». М., 1998.

[20] *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины... С. 56–57.

[21] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 45.

[22] РГА СПИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 471. Л. 1–4.

[23] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 122; *Он же.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 29.

[24] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 30.

[25] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире // Отечественные архивы. № 2. 1992. С. 39.

[26] Д. В. Шмин – М. Г. Штейну. 15 февраля 1965 // Из глубины времен. № 1. 1992. С. 40.

[27] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 230. Л. 76.

[28] Волынские губернские ведомости. 1849. 19 марта; 1850. 4 февр.; 1851. 17 февр.; 1852. 22 марта.

[29] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 172.

[30] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 15, 577; *Он же.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 32, 422.

[31] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5 (1847 г.). Д. 56. Л. 100 об.–101; *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины... С. 78–79.

[32] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 31.

[33] *Цаплин В. В.* О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире. С. 40.

[34] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 31.

[35] Там же С. 29.

[36] «Изъятие... произвести без оставлений... копий». С. 65–69, 72–75.

[37] Там же. С. 34.

[38] Там же. С. 35.

[39] *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины... С. 102, 254.

[40] *Штейн М. Г.* Новые материалы о шведско-немецких родственных связях В. И. Ульянова (Н. Ленина) // Из глубины времен. СПб., 2000. № 12. С. 279.

[41] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 34.

[42] *Штейн М. Г.* Новые материалы о шведско-немецких родственных связях В. И. Ульянова (Н. Ленина). С. 276.

[43] Письмо РГА СПИ № 1262 от 1 ноября 2002 г. М. Г. Штейну.

[44] *Brauer□A.* 1) Lenins deutsche und schwedische Ahnen // Genealogisches Jahrbuch. Neustadt an der Aisch, 1972. Bd 12. S. 135–136; 2) Lenins Vorfahren im l□becker und mecklenburgischer Raum und ihre Anverwandten // Genealogie. Deutsche Zeitschrift f□r Familienkunde. Hft. 1. Neustadt (Aisch), Januar 1970. S. 133–143; *Rauch□G.□von* Lenins L□becker Ahnen // Zeitschrift des Vereinis f□r L□beckische Geschichte und Altertumskunde. L□beck, 1960. Bd 40. S. 98–101;

[45] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 38.

[46] *Бакман К.* Новое о шведских предках В. И. Ленина // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 162; *она же.* Шведские предки В. И. Ленина // Из глубины времен. СПб., 2000. № 12. С. 248.

[47] *Бакман К.* 1) Новое о шведских предках В. И. Ленина. С. 62; 2) Шведские предки В. И. Ленина. С. 248.

[48] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 41.

[49] Там же.

[50] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 20.

[51] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 41.

[52] Там же.

[53] Там же. С. 42.

[54] Там же. С. 43.

[55] *Пейн Р.* Ленин. Жизнь и смерть. М., 2002. С. 35.

[56] Там же.

[57] Там же. С. 36.

[58] *Арутюнов А. А.* Досье Ленина без ретуши. С. 22–23; Он же. Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 42–46.

[59] *Говорухин С. С.* Россия, которую мы потеряли // Киносценарии. Вып. 3. М., 1992. С. 28.

[60] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 44.

[61] *Арутюнов А. А.* Феномен Владимира Ульянова (Ленина). С. 113–114; 141–142.

[62] *Шуртаков С.* Село Андросово: пошел отсюда род Ульяновых // Литература и ты. М., 1970. Вып. 4. С. 70–79; *Шуткевич В.* Ульянов родник. Документы свидетельствуют: предки В. И. Ленина вышли из Нижегородского села Андросово // Разговор с товарищем. М., 1984. С. 24–36.

[63] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 45.

[64] *Шуртаков С.* Село Андросово: пошел отсюда род Ульяновых. С. 75.

[65] История административно-территориального деления Нижегородской губернии. 1917–1929. Горький, 1983. С. 182.

[66] Топографическая карта Нижегородской области. М., 1998. С. 47.

[67] *Богданов И. А.* Нижегородский губерний крестьянин... // Журналист. 1969. № 6. С. 62; *Житова Т. А.* К истории семьи Ульяновых // Из истории рабочего класса СССР. Казань, 1972. С. 72; *Марков А. С.* Ульяновы в Астрахани. 2-е изд. Волгоград, 1983. С. 6; *Могильников В. А.* Они владели Ульяновыми (Родословная арзамасских дворян Пановых XVII–XVIII в.) // Из глубины времен. СПб., 1995. № 5. С. 151; *Шуртаков С.* Село Андросово: пошел отсюда род Ульяновых // Литература и ты. М., 1970. Вып. 4. С. 75; *Шуткевич С.* Ульянов родник. Документы свидетельствуют: предки В. И. Ленина вышли из нижегородского села Андросово // Разговор с товарищами. По страницам «Комсомольской правды». Собеседник. М., 1984. С. 24–27.

[68] *Арутюнов А. А.* Феномен Владимира Ульянова (Ленина). С. 141–142; *Он же.* Досье Ленина без ретуши. С. 578; *Он же.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 423.

[69] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 49.

[70] Там же.

[71] *Арутюнов А. А.* Феномен Владимира Ульянова (Ленина). С. 113.

[72] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 457.

[73] Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1987. С. 476, 544; *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М., 1989. С. 45; *Федосюк Ю. А.* Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. М., 1981. С. 203.

[74] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 46–47.

[75] *Толкачев Н. И.* Солдаты Октября. Астрахань, 1958. С. 79–80.

[76] *Ефимов Н. А.* Атарбеков – один из зачинщиков красного террора // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 133.

[77] Там же. С. 133.

[78] Письмо Управления ФСБ Астраханской области М. Г. Штейну от 10 августа 2000 г. № Ш-113 // Архив автора.

[79] Письмо зам. директора Государственного архива Астраханской области Т. Р. Карвацкой М. Г. Штейну от 20 мая 2000 // Архив автора; Письмо директора Государственного архива Нижегородской области М. Г. Штейну от 5 ноября 2002 г. № 1024/01-16 // Там же.

[80] *Арутюнов А. А.* Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. С. 50.

[81] Там же. С. 50–51.

[82] Письмо В. И. Могильникова М. Г. Штейну. Май 2002 // Архив автора.

[83] *Ефимов Н. А.* Атарбеков – один из зачинщиков красного террора. С. 133.

[84] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 1–2.

[85] *Евдокимов П., Трофимов Ж.* Лечащий врач Ульяновых // Волга. 1967. № 4. С. 118–120; *Трофимов Ж. А.* Ульяновы. Саратов, 1978. С. 138–148.

[86] *Васильева Л. Н.* Кремлевские жены. Факты, воспоминания, документы, слухи, легенды и взгляд автора. 2-е изд., доп. М., 1993. С. 33–34.

[87] Там же. С. 37.

[88] Там же.

[89] *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 120.

[90] Там же. С. 123.

[91] *Васильева Л. Н.* Кремлевские жены... С. 37.

[92] Там же. С. 39.

[93] Говорят документы (О жизни и деятельности И. Н. Ульянова): В 3 т. Ульяновск, 1995. Т. 1. С. 198; *Иванский А. И.* Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам. М., 1963. С. 47, 54, 57, 261; *Трофимов Ж. А., Миндубаев Ж. Б.* Илья Николаевич Ульянов. 2-е изд. М. 1990. С. 213, 214.

[94] *Васильева Л. Н.* Кремлевские жены... С. 6.

[95] Там же. С. 45.

[96] Там же. С. 53.

[97] *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1993. С. 537.

[98] *Соколов Б. В.* У Ленина, кроме Арманд, была еще и тайная любовница // Комсомольская правда. 1999. 2 нояб. С. 11.

[99] *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 69.

[100] Там же. С. 69.

[101] Там же.

[102] Там же. С. 537.

[103] *Соколов Б. В.* У Ленина, кроме Арманд, была еще и тайная любовница; *Мельниченко В. Е.* «Я тебя очень любила...» Правда о Ленине и Арманд. М., 2002. С. 38.

[104] Там же.

[105] Там же. С. 39.

[106] *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 122.

[107] La Librairie Franca use Catalogue General des Ouvrages en ventre Tabel par auteurs. A a K. Du 1-er janvier 1933 au 1-er janvier 1946. Paris. P. 195$ A Catalog of Books Represented by Library of Congress. Printed Cards Issued to July 31, 1942. Vol. 13. Michigan, 1943. P. 565.

[108] Справочный том к полн. собр. соч. В. И. Ленина. М., 1970. Ч. 2. С. 336.

[109] *Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М.* Ленин в Петербурге-Петрограде. Места жизни и деятельности в городе и окрестностях. 1890–1920. 2-е изд., доп. Л., 1980. С. 160; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2 (1905–1912). М., 1971. С. 199.

[110] *Фонякова Н. Н.* Куприн в Петербурге-Ленинграде. Л., 1986. С. 87.

[111] Советская историческая энциклопедия. М., 1964. Т. 5. С. 122; то же. М., 1973. Т. 14. С. 393.

[112] Алфавитный список родоначальникам потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии с 1787 по 1895 г. Составлен на 1 ноября 1895 г. Казань, 1896. С. 12.

[113] *Кутенев А. П.* О чем молчала Мариэтта Шагинян? // Новый Петербург. 1995. 27 окт.

[114] Там же.

[115] РГИА. Ф. 733. Оп. 130. Д. 65. Л. 21–31.

[116] Там же. Л. 28 об.–29.

[117] Именной указ от 9 декабря 1856 г. (№ 31236) «О приобретении потомственного дворянства производством по гражданской службе в действительные статские советники или соответствующему сему чину 4-й класс, а по военному в полковники или же в соответствующий оному чин флота капитана I ранга» // ПСЗ-II. Т. XXX. Отд. 1. СПб., 1857. С. 1052–1053.

[118] РГИА. Ф. 733. Оп. 130. Д. 65. Л. 30–31 об.

[119] Высочайше утвержденный статут Ордена Св. Владимира 22 июля 1845 г. // ПСЗ-II. СПб., 1846. С. 506. Права подтверждены именным указом № 29466 от 28 июня 1855 г., данным капитулу российский императорских и царских орденов «О порядке предоставления к награде ордена Св. Станислава и об изменении правил статута» (ПСЗ-II. Т. XXX. СПб., 1856. С. 456–457).

[120] РГИА. Ф. 733. Оп. 130. Д. 65. Л. 30–31 об.

[121] Там же. Л. 26 об.–27.

[122] Там же. Л. 28 об.–29.

[123] Там же. Л. 27 об.–28.

[124] Высочайше утвержденный статут Ордена Св. Анны. 22 июля 1845 г. // ПСЗ-II. Т. XX. Отд. 1. СПб., 1846. С. 563; Именной указ «О порядке предоставления к награде Ордена Св. Станислава...» // Там же. Т. XXX. С. 563.

[125] РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 660. Л. 126.

[126] *Орса-Койдановская Б.* Интимная жизнь Ленина. Новый портрет на основе воспоминаний, документов, а также легенд. Минск, 1994. С. 6.

[127] *Трофимов Ж. А.* Ульяновы. Саратов, 1978. С. 82–85.

[128] Там же. С. 43.

[129] Илья Николаевич Ульянов (некролог). Доставлен инспектором народных училищ Симбирской губернии К. М. Амосовым. Подписал попечитель Казанского учебного округа П. Н. Масленников // Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1886, № 1. янв. С. 52.

[130] РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 971. Л. 68 об.

[131] Там же. Л. 67.

[132] Там же. Л. 67–68.

[133] *Кутенев А. П.* О чем молчала Мариэтта Шагинян?

[134] *Трофимов Ж. А., Миндубаев Ж. Б.* Илья Николаевич Ульянов. С. 214–215.

[135] Станицы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 54–55; *Ольденбург С. Ф.* Несколько воспоминаний о А. И. и В. И. Ульяновых // Красная летопись. 1924. № 2. С. 17–18; *Водовозов В. В.* Встречи с Александром Ильичем Ульяновым // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. / Сост. А. И. Ульянова-Елизарова. М.; Л., 1927. С. 283–287.

[136] *Кутенев А. П.* О чем молчала Мариэтта Шагинян?

[137] РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 77, 78, 79; № сдат. описи 206/2703.

[138] *Кутенев А. П.* О чем молчала Мариэтта Шагинян?

[139] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. С. 350–351.

[140] Правительственный вестник. 1887, 9 мая. № 98. с. 1; Симбирские губернские ведомости. 1887, 23 мая.

[141] *Кутенев А. П.* О чем молчала Мариэтта Шагинян?

[142] *Орса-Койдановская Б.* Интимная жизнь Ленина. Новый портрет на основе воспоминаний, документов, а также легенд. С. 69.

[143] *Кутенев А. П.* О чем молчала Мариэтта Шагинян?

[144] Письмо Н. А. Старовской М. Г. Штейну. 16 апреля 1997 г. // Архив М. Г. Штейна.

[145] *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1993; *Фишер Л.* Жизнь Ленина. В 2-х т. М., 1997; *Пейн Р.* Ленин. Жизнь и смерть. М., 2002; *Сервис Р.* Ленин. Минск., 2002; *Balabanoff A* Inpressions of Lenin. Ann Arbor, 1964; *Levine I.* The Man Lenin. New York, 1924; *Marcu V.* Lenin. London, 1928; *Maxton I.* Lenin. London, 1932; *Fox R.* Lenin: A Biography. New York, 1936; *White W.* Lenin. New York, 1936; *Shub D.* Lenin. A Biography. New York, 1948, 1950; London, 1966; *Walter G.* Lenine. Paris, 1950; *Rothstein A.* Lenin in Britain. London, 1970; *Gautschi W.* Lenin als Emigrant in der Schweiz. Zurich, 1973.

[146] *Коринфский А. А.* Игра судьбы. Ленин и Керенский (Листки воспоминаний) // Вечернее слово. Петроград. 1918. 19 мая, 1 июня. С. 3; *Он же.* За полувековой далью // Тверская правда. Тверь. 1930. 19, 21 янв.

[147] *Андреев Д. М.* В гимназические годы // Звезда. 1941. № 6. С. 14.

[148] Основы законодательства Российской Федерации об архивном фонде Российской Федерации. Ст. 20 // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 9.

[149] Справочник Союза писателей СССР на 1964 г. М., 1964. С. 702; То же на 1966 г. М., 1966. С. 64; То же. на 1970 г. М., 1970. С. 715; То же на 1976 г. С. 688; То же на 1981 г. М., 1981. С. 746.

[150] Письмо директора Архива президента РФ А. Короткова № А 17–72 М. Г. Штейну. 25 февраля 1997 // Архив М. Г. Штейна.

[151] Письмо директора РГА СПИ К. М. Андерсона № 80 М. Г. Штейну. 4 марта 1997 // Архив М. Г. Штейна.

[152] Письмо зам. директора ГАРФ О. В. Маринина № 64 М. Г. Штейну. 30 марта 1999 // Архив М. Г. Штейна.

[153] *Васильева Л. Н.* Дети Кремля. С. 32.

[154] Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина. М., 1928. Т. 1. С. 9.

[155] *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988. С. 27.

[156] *Васильева Л. Н.* Дети Кремля. С. 28–29.

[157] *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 28.

[158] *Васильева Л. Н.* Дети Кремля. С. 29.

[159] Там же.

[160] *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 49, 189.

[161] *Васильева Л. Н.* Дети Кремля. С. 33.

[162] *Трофимов Ж. А.* Ульяновы. Поиски, находки, исследования. Саратов, 1978. С. 1

Глава XI

РОД ЛЕНИНЫХ, ИЛИ О ТОМ, ЧЬЕ ИМЯ НОСИЛ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ПОЧТИ СЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 106, 108–109, 148–149, 155.

[2] Там же. Т. 5. С. 21–72, 95–156, 295–347.

[3] Там же. Справочный том. Ч. 2. С. 331–335.

[4] Комячейка. 1924. 16 мая.

[5] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи. М., 1984. С. 283.

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Справочный том. Ч. 2. С. 563.

[7] Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1867. Т. III. С. 33; Еврейская энциклопедия. СПб., 1909. Т. 10. С. 155; Белорусская советская энциклопедия. Минск, 1972. Т. VI. С. 312.

[8] *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1994. С. 58.

[9] *Янгаров Р.* Первый кинобиограф вождя. Из истории партийно-государственного руководства советским киноискусством в 20-е годы // Минувшее. Исторический альманах. 1991. № 12. С. 407.

[10] *Зюков Б.* Тайна псевдонима «Ленин» // Радикал. 1991. № 21.

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 443, 617.

[12] *Лепешинский П. Н.* На повороте (от конца 80-х гг. к 1905 г.). Пг., 1922.

[13] Владимир Ильич Ульянов: Биографическая хроника. М., 1970. Т. 1. С. 241–242.

[14] *Лепешинский П. Н.* На повороте (от конца 80-х гг. к 1905 г.). С. 99.

[15] *Лилина З. И.* Ленин как человек. Л., 1924. С. 14.

[16] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М., 1989. Т. 2. С. 25.

[17] *Соломон Г. А.* Вблизи вождя: свет и тени. Ленин и семья Ульяновых. М., 1991. С. 28.

[18] Там же.

[19] *Сухотин Я. Л.* Скрывается под псевдонимом Ленин... // Совесть: Орган Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. 1991. № 4 (14). С. 2.

[20] Там же.

[21] *Ульянова О. Д.* Еще раз о псевдониме «Ленин» // Совесть. 1991. № 8 (18). С. 1.

[22] *Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М.* Ленин в Петербурге-Петрограде. 2-е изд. Л., 1980. С. 37–39.

[23] Там же. С. 93–95.

[24] РГИА. Ф. 497. Оп. 4–7, 10, 13, 14.

[25] *Орса-Койдановская Б.* Интимная жизнь Ленина. Минск, 1994. С. 92.

[26] *Васильева Л. Н.* Кремлевские жены. М., 2001. С. 34.

[27] *Абрашкин А.* Тайна псевдонима вождя // Литературная Россия. 1994. № 16. 22 апр.

[28] Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятина 7008 года (1500 г.) (вторая половина) // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Книга одиннадцатая. М., 1851. С. 372.

[29] *Подушков Д.* Ленин жил на озере Удомля // Удомельская старина. Удомлянский краеведческий альманах. Удомля, Тверская обл., 2000. № 20. Ноябрь. С. 4.

[30] *Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра. М., 1996. Л. 136, 314.

[31] Именной список убитым, раненым и безвестно пропавшим нижним чинам. СПб., 1915. Т. 5. С. 6458; То же. Т. 6. С. 7435.

[32] *Смышлев М.* Володя Ленин и Коля Романов // Родина. 1997. № 11. С. 10.

[33] Вся Москва за 1928 год. М., 1928. С. 398; То же за 1929 год. М., 1929. С. 421; Алфавитный список членов Московского общества драматических писателей и композиторов на 1 ноября 1926 г. М., 1927. С. 64.

[34] *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов: В 4 т. М., 1957. Т. 2 (К–П). С. 116.

[35] Театральная энциклопедия. М., 1963. Т. 3. С. 452.

[36] *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов. Т. 2. С. 116.

[37] *Ленин М. Ф.* Пятьдесят лет в театре. М., 1957. С. 59.

[38] Театральная энциклопедия. Т. 3. С. 486.

[39] *Кипнис С. Е.* Записки некрополиста: Прогулки по Новодевичьему. М., 2002. С. 79.

[40] Там же. С. 80.

[41] *Агафонов В. К.* Заграничная охранка. Пг., 1918. С. 177–182, 335–340.

[42] Прожектор. 1923. № 3. С. 26.

[43] *Вольпер И. Н.* Псевдонимы Ленина. Л., 1965. С. 45.

[44] *Sack A. J.*The Brith of the Russian Democracy. N. Y., 1918. P. 159.

[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 209–210.

[46] См.: Ленинский сборник. XXXVII. М., 1970. С. 254–255.

[47] См.: *Райхберг С. Е., Шапик Б. С.* Неизвестное интервью В. И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1966. № 4. С. 81.

[48] *Митрохин Л. В.* Индия о Ленине. М., 1971. С. 51, 60–62.

[49] *Манучарьянц Ш. Н.* В библиотеке Владимир Ильича. 2-е изд. М., 1970. С. 95–96.

[50] *Reed J.* The days that shook the world with an introduction by Nikolai Lenin. N.-Y., 1926.

[51] Воля России. 1922. № 3 (31). С. 84.

[52] *Незвал В.* Прокламация Николая Ленина // В сердцах народов. М., 1957. С. 337.

[53] *Силантьев В.* Великий гражданин мира // Известия. 1965. 22 апр.

[54] *Coston H.* Dictionaire des pzeudonymes. Paris, 1965. P. 144.

[55] Весь Петербург на 1906 год. СПб., 1906. Ч. 2. С. 381.

[56] Там же.

[57] Адресная книга С.-Петербурга на 1893 г. СПб., 1893. С. 163; Весь Петербург на 1894 г. СПб., 1894. Ч. 2. С. 133.

[58] *Сухотин Я. Л.* Скрывается под псевдонимом Ленин... С. 2.

[59] Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1889 год. СПб., 1889. С. 82; То же за 1890 год. СПб., 1891. С. 75.

[60] Высший подъем революции 1905–1907 года. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 года. М., 1955. Кн. 1. Ч. 1. С. 536.

[61] *Бережной А. Ф.* Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати. Л., 1967. С. 192.

[62] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. С. 331.

[63] Второй период революции 1906–1907 года. Кн. 1, ч. 1: Январь–июнь 1907 года. М., 1963. С. 87.

[64] *Рожанов Ф. С.* Записки по истории революционного движения в России (до 1913 года). СПб., 1913. С. 294, 509.

[65] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 1481. Л. 23.

[66] *Белов М. И.* Семен Дежнев. М., 1955. С. 143.

[67] *Маныкин-Невструев А.* Завоеватели Восточной Сибири. Якутские казаки. Очерк. М., 1893. С. 22; *Фишер И. Е.* История Сибири. СПб., 1744. Кн. 3, отд. IV. С. 385–386.

[68] *Белов М. И.* Семен Дежнев. С. 20.

[69] Материалы по истории Якутии XVII века. (Документы ясачного сбора.) М., 1970. Ч. 1. С. 19.

[70] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 2. С. 241.

[71] Там же. С. 241–242.

[72] Материалы по истории Якутии XVII века. С. 153–157.

[73] *Иванов В. Н.* Социально-экономические отношения у якутов. XVII в. Якутск, 1966. С. 61.

[74] Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. документов. Л., 1936. С. 21–22.

[75] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 1481. Л. 24.

[76] Записки старинным службам русских благородных родов. Извлечены и собраны из разрядных статейных степенных, чиновных, служебных, летописных, некоторых родословных и других разных российско-исторических книг Матвеем Спиридовым, часть четырнадцатая: ОР РНБ. Ф. 550. ОСРК. F-IV 61/14. Л. 121.

[77] Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1892. Т. 8 (1746–1747). С. 630.

[78] Там же. С. 621.

[79] Там же. С. 630.

[80] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 2548.

[81] Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1852. С. 227.

[82] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 1481. Л. 14 об., 15–16.

[83] Там же. Л. 18.

[84] Там же. Л. 233; Ф. 1412. Оп. 194. Д. 32. Л. 7.

[85] Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 182 (1829 г.). Л. 98–98 об.; Ф. 1412. Оп. 194. Д. 32. Л. 1.

[86] Там же. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 1481. Л. 22 об.

[87] Там же. Л. 176; Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 133.

[88] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 1481. Л. 221 об.

[89] Адрес-календарь... на 1868 год. СПб., 1868. Ч. 2. С. 536; Календарь ярославской губернии на 1872 год. Ярославль, 1872. Ч. 3. С. 91.

[90] Ярославский календарь на 1894 год. Ярославль, 1894. С. 75; Памятная книжка Ярославской губернии на 1906 год. Ярославль, 1906. Ч. 1, 3. С. 292, 297.

[91] РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 1151. Л. 4 об.

[92] *Лобыцын В., Дядичев В.* Лейтенант Ленин. Судьба человека из рода, чья фамилия стала псевдонимом Владимира Ульянова // Независимая газета. 1998. 24 дек. С. 8.

[93] Адрес-календарь... на 1876 г. СПб., 1876. Ч. 2. С. 147.

[94] РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 8928. Л. 1.

[95] *Лобыцын В., Дядичев В.* 1) Лейтенант Ленин. С. 8; 2) Ленины – моряки Российского флота // Морской сборник. М., 1999. № 11. С. 78–83.

[96] *Горький М.* Беседы о мастерстве // *Горький М.* Собр. соч.: В. 30 т. М., 1953. Т. 25. С. 303.

[97] *Никитина И.* Прототипы // Егор Булычев и другие. Материалы и исследования / Под общей ред. Б. А. Бялика. М. 1970. С. 98–101.

[98] *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма в 24 т. Т. 9 (март 1911 – март 1912). М., 2002. С. 91.

[99] В связи с 300-летием Морского корпуса была опубликована статья А. Першина «Судьба выпуска 1898 года» (Морской сборник. 1998. № 2. С. 80–84).

[100] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 435. Л. 25 об.

[101] Там же. Л. 25–31.

[102] Приказ № 217 от 30 июня 1903 г. // Сборник приказов и циркуляров о личном составе чинов Морского ведомства. 1903, июль. № 28.

[103] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 3547. Л. 2.

[104] Там же.

[105] Военно-морской устав о наказаниях. Изд. 1886 г. // Свод морских постановлений. СПб., 1887. Кн. 16. С. 50.

[106] Там же. С. 51.

[107] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 3547. Л. 5.

[108] Там же.

[109] Там же.

[110] Там же. Л. 12–13.

[111] Там же. Л. 23.

[112] Там же. Л. 24.

[113] Там же. Л. 29.

[114] Там же. Л. 30.

[115] Приказ № 403 от 20 сентября 1904 г. // Сборник приказов и циркуляров... 1904, сентябрь. № 40; РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 3547. Л. 15.

[116] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 3547. Л. 17.

[117] Там же. Л. 17 об.

[118] Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства. Исправлено по 11 апреля 1916 г. Пг., 1916. С. 337.

[119] Приказ № 247. 18 апреля 1914; Приказ № 60. 19 января 1915 // Сборник приказов и циркуляров... 1915.

[120] *Лобыцын В., Дядичев В.* 1) Лейтенант Ленин. С. 8; 2) Ленины – моряки Российского флота. С. 82.

[121] Там же; Приказ № 517 от 30 июля 1916 г. // Сборник приказов и циркуляров... 1916.

[122] *Лобыцын В., Дядичев В.* 1) Лейтенант Ленин. С. 8; 2) Ленины – моряки Российского флота. С. 82.

[123] Там же.

[124] Там же.

[125] Там же; *Gresin J.* Inventaire Nominantiv des Sepultures Russes du Gimeniere de Ste Genevieve – des – Bois. Paris, 1995. P. 219.

[126] РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 2283. Л. 1–6.

[127] Там же. Д. 2183. Л. 2, 3.

[128] Общий морской список. Ч. X: Царствование Николая I (Д–М). СПб., 1898. С. 550.

[129] РГИА.. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1381. Л. 2 об.

[130] Там же. Л. 3.

[131] РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 601. Л. 1–1 об.

[132] Там же. Л. 7 об.–8.

[133] Там же. Л. 19 об.

[134] Там же. Л. 21–21 об.

[135] *Вагнер В. А.* Московское училище Св. Екатерины (1802–1903). М., 1903. С. 48.

[136] Адрес-календарь... на 1853 год. СПб., 1953. Ч. 1. С. 290.

[137] Петербургский некрополь: В 4 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 644.

[138] Весь Петербург на 1915 год. СПб., 1915. Ч. 2. С. 378.

[139] РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2644. Л. 1–2.

[140] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 1481. Л. 232, 233 об.

[141] Там же. Оп. 51. Д. 676. С. 132.

[142] *Карцов П. П.* Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева Кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии (ныне Нижегородск(ий) гр(афа) Аракчеева кад(етский) корпус). 1834–1884. СПб., 1884. С. 173.

[143] *Ленин Н.* Первая встреча, последняя встреча... 1 марта 1881 г. (Воспоминания очевидца) // Смена. 1993. 23 дек. № 295.

[144] РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 5 (206/2703). Л. 22.

[145] Исторический очерк Павловского училища, Павловского кадетского корпуса и императорского военно-сиротского дома 1798–1898 / Сост. под рук. гл. ред. генерал-майора А. Н. Петрова. СПб., 1898. С. 686.

[146] Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 579.

[147] Исторический очерк Павловского училища... С. 687.
[148] Список генералам... С. 579
[149] РГИА. Ф. 796. Оп. 199. Д. 692; Ф. 1412. Оп. 11. Д. 368.
[150] Весь Петроград на 1917 год. С. 394.
[151] Южная копейка. (Киев). 1917. 9 мая. № 2301. С. 1.
[152] Весь Петроград на 1923 год. С. 290
[153] Санкт-Петербургские сенатские объявления по судебным, распорядительным, полицейским и казенным делам. 1849. № 54. 7 июня. С. 31, № 22317 и 22318.
[154] Справочная книжка для Вологодской губернии на 1853 год. Вологда, 1853. С. 10.
[155] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 29721. Л. 7.
[156] Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год. Ярославль, 1898. С. 144; РГИА. Ф. 1412. Оп. 194. Д. 32. Л. 1.
[157] Там же.
[158] РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 1481. Л. 29 об, 114, 233.
[159] Ярославские губернские ведомости. 1902. 27 авг., 30 авг., 3 сент.
[160] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20721.
[161] *Попов Н.* Историческая записка о двадцатишестилетней деятельности Мариинского женского училища попечительства о бедных в Москве, состоящего в ведомстве учреждений императрицы Марии (1851–1876). М., 1876. С. 47.
[162] Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882–1889 гг. СПб., 1903. С. 22. Опубликованы два письма О. Н. Лениной этого периода (см.: *Ансберг О. Н.* К истории восприятия творчества Ф. М. Достоевского студенческой молодежью 1880-х гг. (Письма слушательницы ВЖК О. Н. Лениной Н. К. Михайловскому) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Вып. 5. Л., 1990. С. 33–40.
[163] РГИА. Ф. 1412. Оп. 194. Д. 32. Л. 7, 9.
[164] Там же. Л. 1.
[165] Там же. Л. 1об.
[166] Там же. Л. 9–9 об.
[167] Там же. Л. 10–11.
[168] Памятная книжка... С. 22.
[169] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 187; Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 1. С. 252.
[170] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20721; Оп. 13. Д. 582.
[171] РГИА. Ф. 381. Оп. 36. Д. 26041. Л. 141 об.–142.
[172] Там же. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 511. Л. 141 об.–142.
[173] Там же. Ф. 381. Оп. 36. Д. 26041; *Толстой И. И.* Дневник 1906–1916, СПб., 1997. С. 122, 237, 361.
[174] РГИА. Ф. 381. Оп. 36. Д. 26041. Л. 197.
[175] Там же. Л. 196.
[176] Там же. Л. 197 об.
[177] Там же. Л. 199.
[178] *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2-х кн. Нью-Йорк, 1954. Кн. 1. С. 42–44.
[179] Там же. Кн. 2. С. 389.
[180] *Толстой И. И.* Дневник 1906–1916. СПб., 1997. С. 5.
[181] *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского 1506–1933. М., 1933. С. 179, 433.
[182] *Вознесенский П. И.* Пятидесятилетие Василеостровской женской гимназии. 1858–1908. СПб., 1909. С. 63; *Рыкачев А. М.* Дневник 1890–1892 // Русское прошлое. СПб., 1996. № 7. С. 215.

[183] Двадцатипятилетие С.-Петербургской частной женской гимназии Е. М. Гедда. 1881–1906. СПб., 1906. С. 31.

[184] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 25205. Л. 57.

[185] *Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М.* Ленин в Петербурге-Петрограде. С. 267.

[186] Архив ФСБ по Ярославской области. Ф. 22. Оп. 1–4. Д. 4. Л. 6. Приводимые сведения взяты из письма ФСБ по Ярославской обл. в редакцию газеты «Петербургский литератор» от 6 октября 1993 г.

[187] Там же. Л. 6–6 об.

[188] Там же. Л. 6–7.

[189] *Рыкачев А. М.* Дневник 1890–1892 гг. / Публ. О. Н. Ансберг // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 7. С. 174–244; Кн. 8. СПб., 1998. С. 61–90.

[190] Архив отдела кадров Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова. Личное дело А. М. Лениной.

[191] Там же.

[192] *Селезнева Е. С.* Первые женщины геофизики и метеорологи. Л., 1989. С. 98.

[193] Архив ВИРГ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 216. Л. 109–163.

[194] Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 26–65.

[195] *Волоцкий М. В.* Хроника рода Достоевского. 1506–1933. С. 184.

[196] *Сивкова А.* Лес рубят – щепки летят? // Молодежь Севера. 1990. № 28.

[197] РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 256; Личный архив Л. Л. Колосова. Ксерокс упоминаемых в тексте документов Л. Л. Колосов подарил автору для работы.

[198] РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 256. Л. 1.

[199] Оригинал «Дела по обвинению гр. Ленина Л. А. в контрреволюционных действиях» хранится в архиве ФСБ по Архангельской обл. (арх. № 914). Копия была сделана сотрудниками архива в начале 1990-х гг. по просьбе Л. Л. Колосова и хранится в его личном архиве.

[200] Дело по обвинению... Л. 2.

[201] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 198.

[202] Дело по обвинению... Л. 5 об., 6.

[203] Там же. Л. 1, 3, 3 об., 4, 17.

[204] Там же. Л. 7–8.

[205] *Сивкова А.* Лес рубят – щепки летят?

[206] Вестник-ежемесячник Коми (Зырянского) Областного комитета РКП(б). 1923. Декабрь.

[207] *Сивкова А.* Ленины. Откуда взял псевдоним Владимир Ульянов // Молодежь Севера. 1991. 14 сент. С. 5.

ПИСЬМА М. С. ШАГИНЯН

ИЗ ПЕРЕПИСКИ М.Г.ШТЕЙНА[*]

В 1964-1965 гг. М.Г.Штейном было сделано более десяти запросов в архивные, музейные и другие учреждения Житомира, Златоуста, Казани, Ленинграда, Москвы и Старо-Константинова относительно Александра Дмитриевича Бланка. С подобным же письмом он обратился к М.С.Шагинян. Ниже публикуется только часть этой переписки, представляющая, на наш взгляд, наибольший интерес: это шесть писем М.С.Шагинян и два письма из Государственного архива Житомирской области. Три письма М.С.Шагинян с некоторыми сокращениями уже были использованы М.Г.Штейном в его статье "Генеалогия рода Ульяновых" ("Литератор". Ленинград. 1990. 12 окт.).

I

М.С.Шагинян - М.Г.Штейну. Ялта. 7/I.65.

Уважаемый Михаил Гиршевич!

К сожалению, пока не могу написать ничего утвердительного о родословной отца Марии Александровны. В воспоминаниях ее сестры Анны и ее дочери Анны Ильиничны сказано только одно: А.Д.Бланк был "малоросс". Ни о каких родственниках со стороны А.Д-ча нигде в воспоминаниях я ничего не нашла. Есть сведения, что в Ленинграде ведутся розыски[1], но я уже 5 месяцев живу по болезни в Крыму и не могу ничего ни узнать, ни проверить. Шлю Вам привет.

М.Шагинян[2].

[1] Когда я получил это письмо, то счел, что речь идет обо мне. В действительности речь шла об известном ленинградском историке Александре Григорьевиче Петрове.

[2] Адрес М.Г.Шагинян на открытке. Ялта, Судейский переулок,5

2

М.С.Шагинян - М.Г.Штейну. Ялта, 7.У.65.

Уважаемый Михаил Гиршевич!

Генеалогия отца Марии Александровны точно выяснена благодаря находке в архиве нужных документов. Находку сделал ленинградец,

---

[*] Примечания к публикуемым письмам принадлежат М.Г.Штейну-Ред.

Александр Григорьевич Петров[I], его телефон и адрес: Моховая, 25, кв.8. 341-61. Об этом мною было доложено в Институт марксизма-ленинизма. "Семья Ульяновых" (I-я часть, где говорится о родословных отца и матери) будет переиздаваться, вероятно, в будущем году, и я надеюсь получить разрешение на публикацию этих новых данных.

Сердечный привет М,Шагинян.

P.S. Я смотрю на понятие национальность абсолютно, как Вы, т.е. не придаю ни малейшего значения, кроме фактического и исторического. Но напоминаю Вам, что моя книга "Семья Ульяновых" была изъята на 22 года (а я за нее порядком пострадала) из-за того, что открыла калмыцкое проих[ождение] в роде отца, и этим воспользовались фашистские немецкие газеты в 37 году.

М.Ш.[2]

I Мною найдены эти документы 3 февраля 1965 г.

2 Адрес Шагинян М.С. на открытке: Ялта, Дом творчества Литфонда.

3

М.С.Шагинян - М.Г.Штейну. Москва. 15.У.1965.

Уважаемый тов.Штейн,

получила Ваше письмо в день отъезда, хорошо, что не пропало! Я все-таки надеюсь, что мозги у людей прочистятся и они перестанут делать вредные глупости! Придет время,- и Ваша статья будет напечатана[I]. Знаете ли Вы, что есть очень интересные (судя по письмам моих читателей) материалы о гуманной деятельности А.Д. в Перми? Я сделала запрос, если получу ответ, обязательно поделюсь с Вами. Относительно рождения М.А. в доме Виллие надо еще справиться по документам (они у меня в Москве)[2], если она родилась до 38-го, значит Вы правы. Ей было что-то около 29 лет, когда она вышла замуж за Илью Николаевича, так что нужно установить, с какого года они проживали в доме Виллие. Тогда можно возбудить вопрос и о мемориальной доске.

Дата смерти А.Д. помогла бы мне в новом романе рассказать о нём читателю подробнее, если б не наложен был запрет.

Теперь очень важный вопрос: я бы с благодарностью использовала хоть снимок в новой книге, если б Вы мне написали точно, где Вы заполучили его портрет. Ведь до 70 года хоть фотографии и

были, но у вас круглая рамка, значит портрет маслом или гравюра. Очень прошу напишите тотчас на московский адрес:

Москва А-319
2-ая Аэропортовская,
д.16, кв.278,Ш корпус, подъезд 9.
Я,наверно, пробуду в Москве месяц.
Шлю Вам сердечный привет
М.Шагинян

P. S . Здесь ходят слухи, будто какие то работники архива "пострадали" за допуск к документам. Правда ли это? Спросите хоть у Петрова.

М.Ш.

1 В письме речь идет о моей статье "Врач Александр Дмитриевич Бланк - дед Владимира Ильича Ленина", посланной мною в "Медицинскую газету". В ней говорилось о происхождении и национальности А.Д.Бланка.

2 5 февраля 1988 г. в "Ленинградской правде" под рубрикой "Лениниана: поиски и находки" мною была опубликована статья "Памятные адреса" (в соавторстве с Б.Г.Метлицким). В ней рассказывается о деятельности А.Д.Бланка в Петербурге и приводятся документальные доказательства, что М.А.Ульянова родилась в доме 74/2 по набережной Красного флота, а крестили ее в помещении церкви Адмиралтейства, где в это время находился придел Св.Исакия Далматского. Указаны также адреса, где жил А.Д.Бланк в Петербурге. Могу добавить новый адрес: Лиговский проспект, 98. На этом месте стоял дом,принадлежавший Дм.Бланку, после его смерти перешедший по наследству к А.Д.Бланку. Этот дом А.Д.Бланк продал.

4

М.С.Шагинян - М.Г.Штейну. Ялта. 28.Ш.66.

Дорогой тов.Штейн,
лежу больная и запустила свою корреспонденцию. Вы спрашиваете, когда переиздадут "Семью Ульяновых". Мне запретили упомянуть в новом издании о новых данных, открытых в архиве о генеалогии матери Ленина, а я запретила печатать "Семью Ульяновых" без этих данных. "Роман-газета" вынуждена была в силу моего отказа выпустить "Первую Всероссийскую" (вторую часть трилогии) без "Семьи

Ульяновых". Больше я ничего не смогла сделать и мне тошно от такого непонятного для меня запрета. Это не только отвратительно, но и политически глупо. Пришлите фотографии, буду Вам очень благодарна. Если Вы сможете повидать Петрова, скажите ему, что я была просто ошеломлена, узнав, будто работников архива постигла какая-то неприятность. Если это их может утешить, пусть сообщит им, что и мне самой не легче. Я никак не думала, что все так обернётся.

Сердечный привет М.Шагинян.

Пробуду тут весь апрель, пишите сюда[I].

[I] Адрес на конверте М.Шагинян. Ялта, Дом творчества писателей.

5

М.С.Шагинян - М.Г.Штейну. Ялта. 6/IУ.1966

Дорогой М.Г.!

Письмо с фотографиями получила, горячее спасибо. Если когда-нибудь буду переиздавать "Семью Уль[я]новых", обязательно кое-что использую. Выписала из дому Первую Всероссийскую (2-е изд.), как получу, вышлю Вам книгу на память. Знакомы ли Вы с Петровым? Если да, передайте ему от меня привет. Я пробуду тут до 9 мая, а потом в Москву и м.б. на несколько дней в Ленинград.

Сердечно жму руку

М.Шагинян

6

М.С.Шагинян - М.Г.Штейну. Москва 24.X.67

Дорогой тов.Штейн!

Только недавно вернулась из-за рубежа, где 3 месяца работала в архивах, вернулась больная и лежу сейчас в больнице. Пишу Вам потому, что меня в Москве друзья встретили такой новостью: "Оказывается, вовсе не Вы "открыли", кто был отец М.А. , а историк Штейн из Ленинграда, вся Москва об этом говорит". Это, действительно, новость для меня, тем более, что не я "открыла", а, как я указала всюду, Алекс[андр] Григ[орьевич] Петров, известивший меня о найденных им в архиве документах. Моя тут заслуга заключалась в том, что я проверила, получила фото и сумела сохранить эти фото для будущих

историков[I]. Кроме всего прочего приняла на себя удар за это. До сих пор он, этот удар, чувствуется в моей литературной судьбе. Но я надеюсь - люди поймут, какую подлую и глупую позицию по отношению к исторической истине они заняли, не соответствующую ни коммунизму, ни вообще научной ясности.

Но я бы хотела от Вас узнать, откуда эти слухи о том, что Вы первый открыли. И правда ли это?[2] А что же Петров? Напишите мне,пожалуйста, но скорей, по адресу больницы (я в ней,наверное, пробуду до 10 ноября).

Москва Г-351, ул.акад.Павлова.
Центральная клинич.б-ца, Гл.корпус.
Неврологическое отд.
Палат 399.

Пользуюсь случаем - хоть и заблаговременно - поздравить Вас с наступающим праздником.

С серд.уважением

М.Шагинян

[I] Как уже отмечалось выше (с.18), после смерти М.С.Шагинян снятые ее фотокопии документов о крещении братьев А.Д. и Д.Д. Бланк и их поступлении в Медико-хирургическую академию были изъяты из личного архива писательницы работниками КГБ СССР. Причем если фотокопии документов о крещении удалось обнаружить в бывшем ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (сейчас это - Российский центр хранения и использования документов новейшего времени), то судьба фотокопий документов о поступлении братьев Бланк в Медико-хирургическую академию остается пока неизвестной - Ред.

[2] Я вернулся из армии 6 ноября и сейчас же отправил М.С.Шагинян письмо, в котором указал, что не знаю, от кого идут слухи, и указал дату, когда я прочитал документы - 3 февраля 1965 г.

7

Д.В.Шмин - М.Г.Штейну

На Ваше письмо относительно учебы А.Д.Бланка в Житомирском поветовом училище сообщаем следующее:

По материалам фонда поветового училища, в котором имеется всего 5 дел второстепенного значения, начиная с 1821 г.,а равно по документам дирекции народных училищ Волынской губернии, которой подведомственно было поветовое училище, никаких данных об учё-

бе А.Д.Бланка не выявлено.

Как видно из формулярных списков учителей и других косвенных материалов, училище в 1801 г. уже функционировало (ф.71, д.23), в 1827/28 учебном году оно состояло из 4-х классов, в 1830/31 учебном году - из 5 классов.

В 1-м и 2-м классах изучали: закон божий, русский, польский, латинский, французский и немецкий языки, арифметику, географию и каллиграфию.

В 3 классе: закон божий, те же языки, арифметику, геометрию, алгебру, древнюю историю, всеобщую историю, физику, садоводство, минералогию.

В 4 классе: закон божий, языки, риторику, всеобщую историю, алгебру, геометрию, тригонометрию, физику, ботанику.

В 5 классе: закон божий, нравоучение, французский, немецкий, перевод с латинского, российскую историю, российскую литературу, поэтические правила, всеобщую историю, геометрию, чертежную геометрию, практическое землемерие, топографическое рисование, физику, географию астрономическую, естественную историю (ф.412, д.3).

Обращаем Ваше внимание на то, что незадолго до получения Вашего письма поступило письмо от Государственного музея истории г.Ленинграде, в котором запрашивалось об учебе в Житомирском поветовом училище до 1820 г. Дмитрия и Александра Бланк (вероятно, имеются в виду братья). Вы же пишете только об А.Д.Бланке.

В связи с подготовкой ответа на Ваше письмо нами было выявлено в фонде Волынского главного суда дело по обвинению староконстантиновского мещанина М.И.Бланка в поджоге в 1809 г. города (обвинение оказалось ложным, по доносу группы жителей города). Из этого дела видно, что у Мойши Ицковича Бланка в 1809 г. был малолетний сын Абель, а по данным за 1826 г., у него был и сын Дмитрий - лекарь[2].

Просим написать, имеют ли указанные данные о Бланках отношение к интересующему Вас вопросу, может ли это послужить нитью для дальнейших поисков, какие дополнительные сведения можете нам сообщить.

В заключение рекомендуем обратиться в Центральный государственный исторический архив УССР в г.Киеве (ул.Владимирская, 22-а), где хранятся фонды Киевского учебного округа, генерал-губернато-

ра и другие материалы, в которых содержатся сведения о Волынской губернии.

Директор областного
Государственного архива Д.Шмин[1]

[1] Подлинник данного письма по просьбе Давида Вениаминовича Шмина отослан обратно. Вместо него получено письмо от того же числа и за тем же номером, но без упоминания о Мойше Ицковиче Бланке и его сыне Абеле.

[2] М.И.Бланку посвящена статья Цаплина В.В. "О жизни семьи Бланков в городах Староконстантинове и Житомире" (Отечественные архивы. 1992. № 2. С.38-45).

8

Д.В.Шмин – М.Г.Штейну. 19 февраля 1965 г.

Уважаемый тов.Штейн М.Г.!

15 февраля с.г. Вам был направлен ответ за № 94 на Ваше письмо об А.Д.Бланке.

Ввиду допущенной нами ошибки, выразившейся в том, что ответ по столь важному вопросу мы отправили на Ваш домашний адрес, убедительно просим после ознакомления срочно возвратить нам наше письмо.

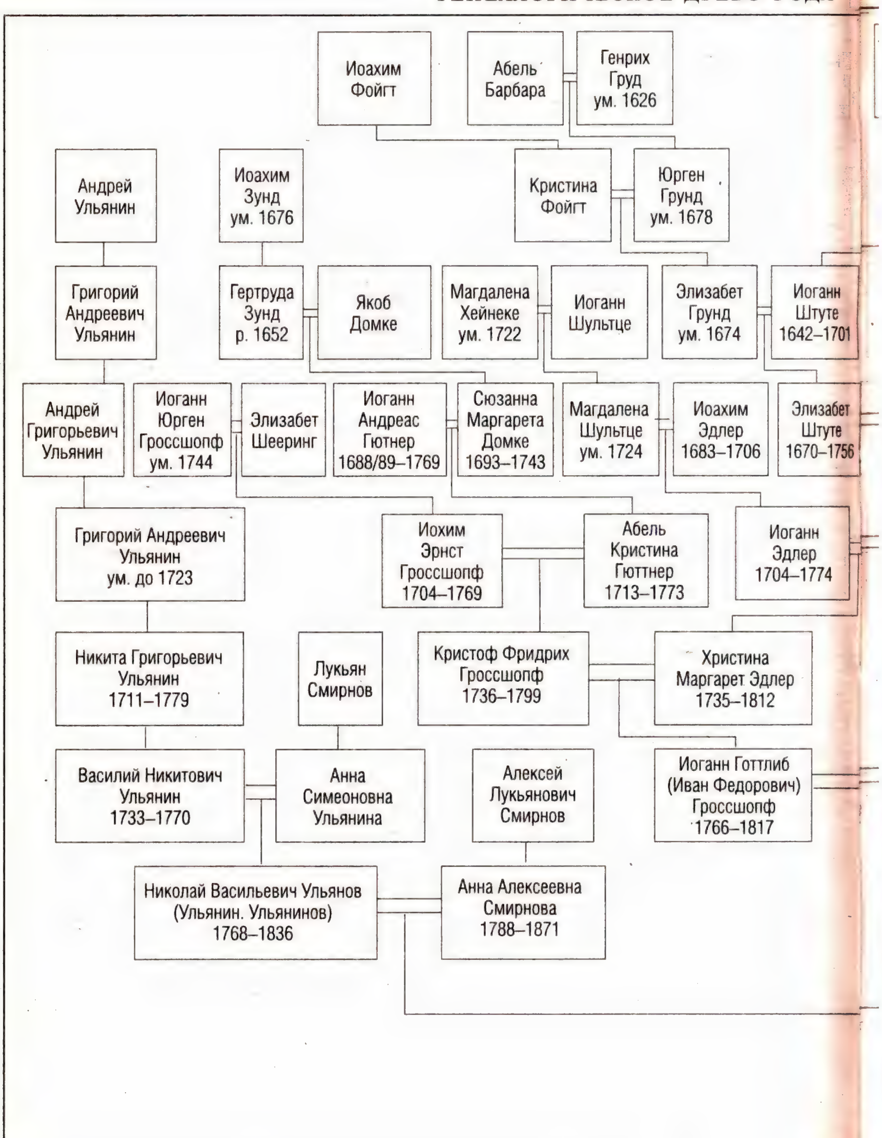
Одновременно сообщаем, что новых данных пока больше не выявлено.

Для продолжения дальнейших наших поисков Вам необходимо выслать в наш адрес официальное письмо учреждения, по поручению которого занимаетесь данным исследованием.

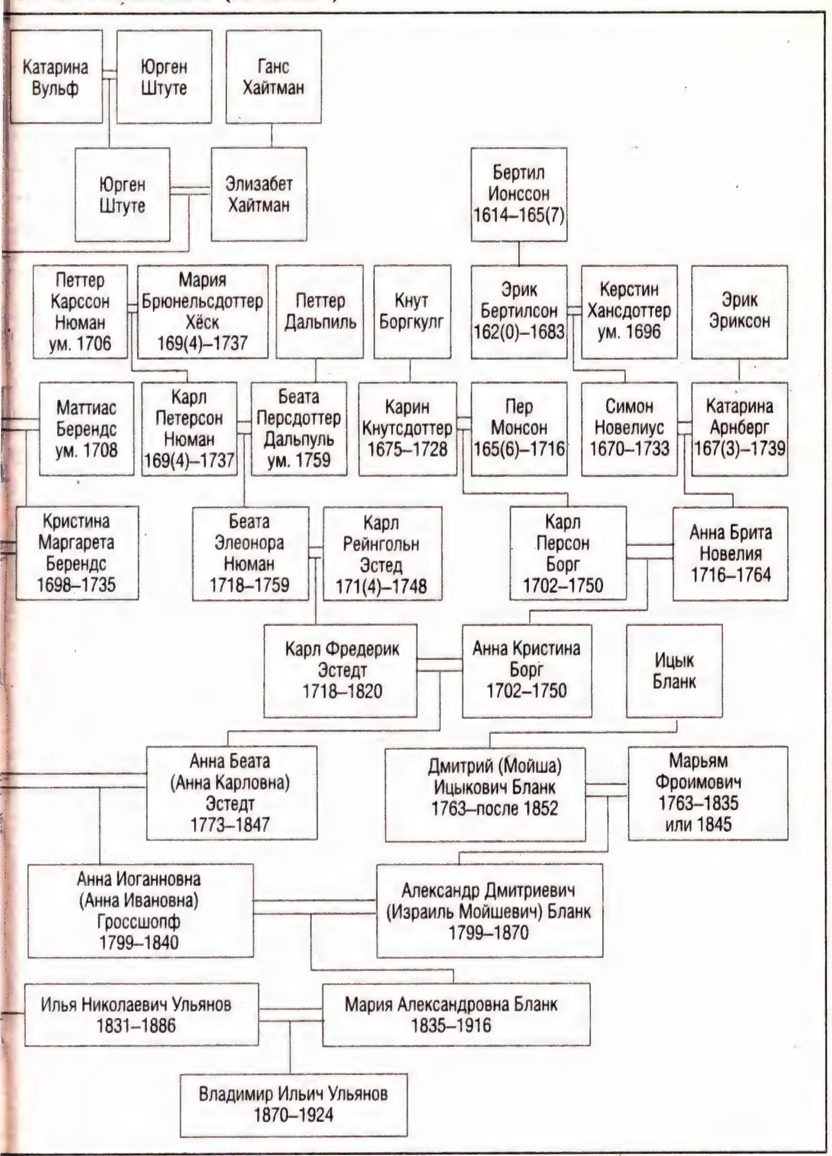
Директор Житомирского
Облгосархива Д.Шмин

19.II.1965 г.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО РОДА

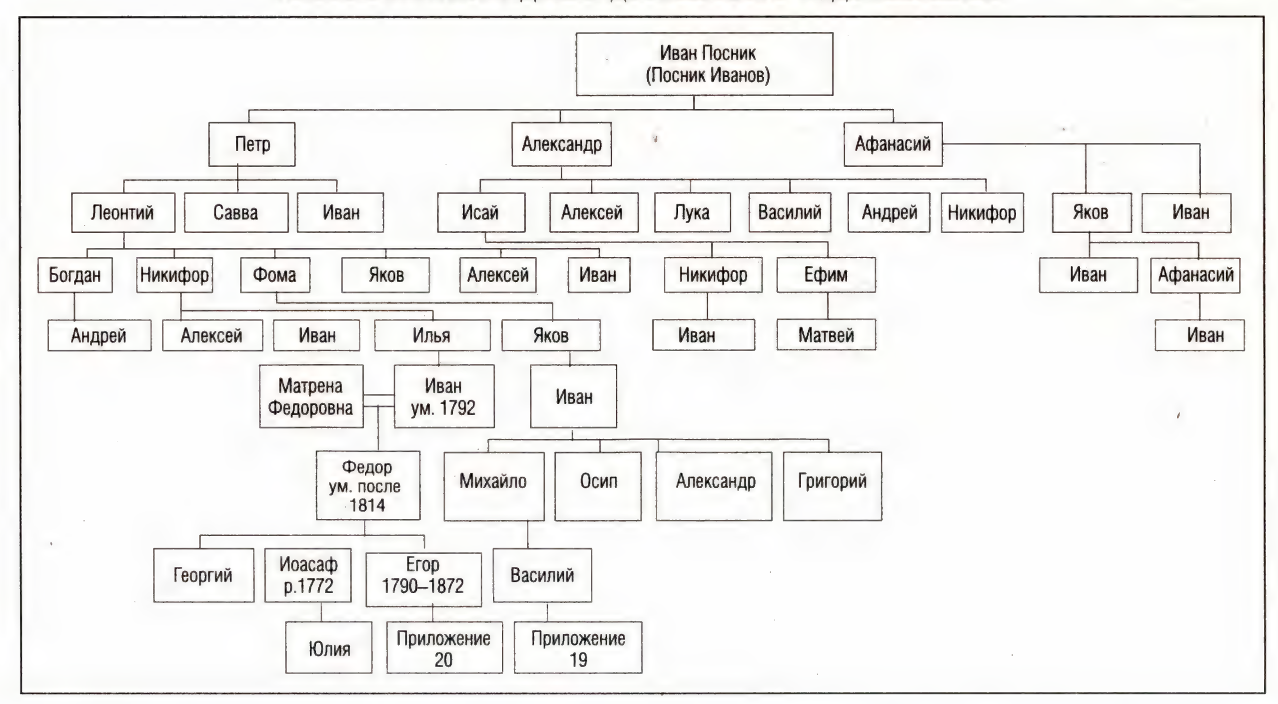

В. И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА)

Приложение № 3

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ДВОРЯНСКОГО РОДА ЛЕНИНЫХ

Приложение № 4

ПОТОМКИ ВАСИЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛЕНИНА

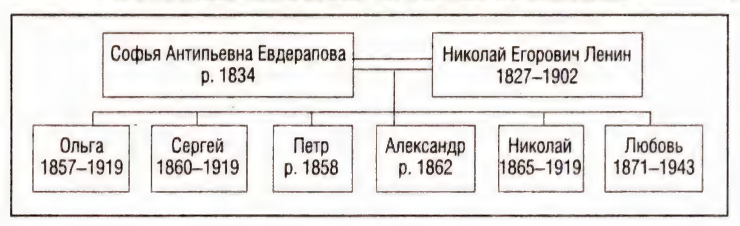
Приложение № 5

ПОТОМКИ ЕГОРА ФЕДОРОВИЧА ЛЕНИНА

Приложение № 6

ПОТОМКИ НИКОЛАЯ ЕГОРОВИЧА ЛЕНИНА

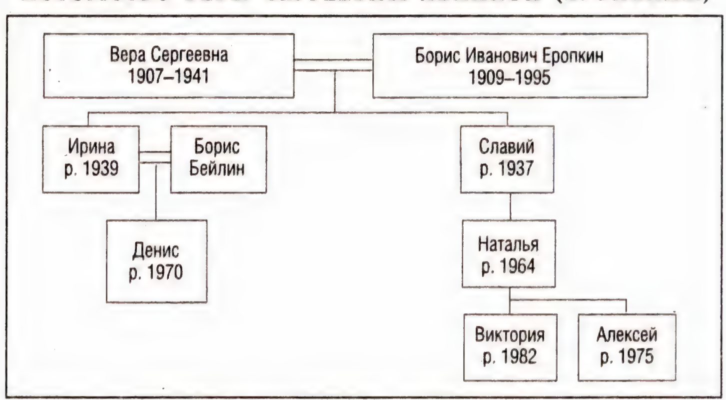
Приложение № 7

ПОТОМКИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛЕНИНА

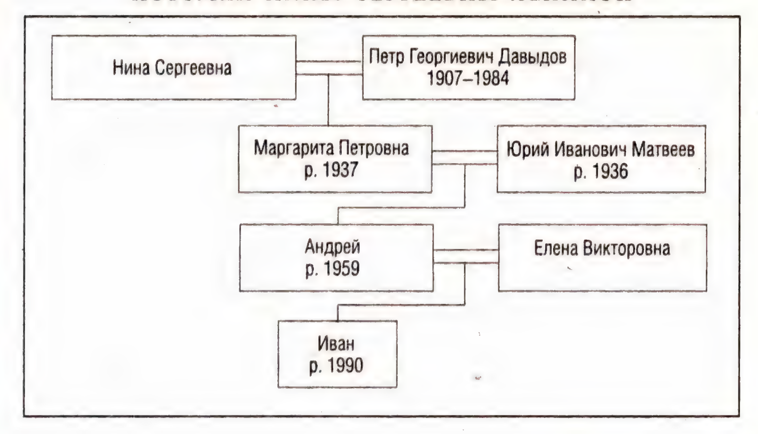
Приложение № 8

ПОТОМСТВО ВЕРЫ СЕРГЕЕВНЫ ЛЕНИНОЙ (ЕРОПКИНЫ)

Приложение № 9

ПОТОМКИ НИНЫ СЕРГЕЕВНЫ ЛЕНИНОЙ

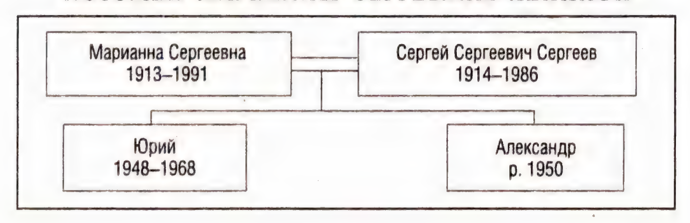
Приложение № 10

ПОТОМКИ ИРИНЫ СЕРГЕЕВНЫ ЛЕНИНОЙ

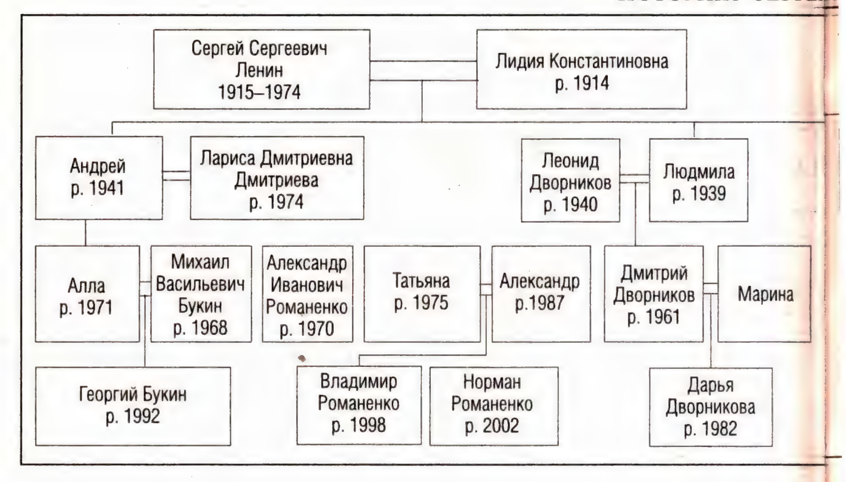

Приложение № 11

ПОТОМКИ МАРИАННЫ СЕРГЕЕВНЫ ЛЕНИНОЙ

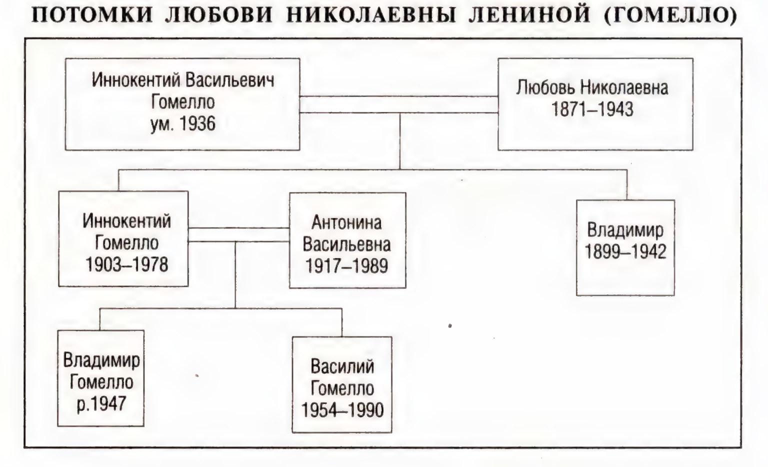

ПОТОМКИ СЕРГЕ

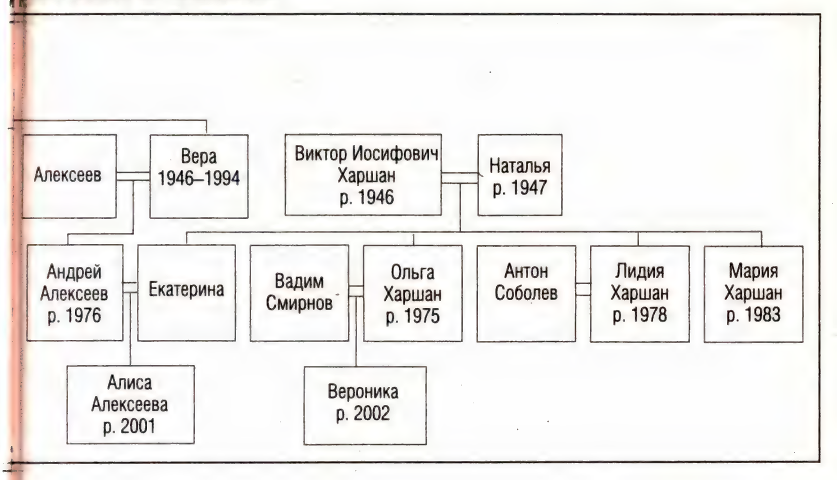
Приложение № 13

ПОТОМКИ ЛЮБОВИ НИКОЛАЕВНЫ ЛЕНИНОЙ (ГОМЕЛЛО)

Приложение № 12

…ЕРГЕЕВИЧА ЛЕНИНА

Приложение № 14

ПОТОМКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛЕНИНА

Николай Николаевич 1865–1919 — Инна Васильевна Филиппова 1884–1942

Николай Николаевич 1910–1996 — Зинаида Николаевна 1914–1995

Николай Моисеевич Пашкин — Татьяна Николаевна 1909–1972

Ия Николаевна Пашкина р. 1930

Галина Николаевна Пашкина 1935 — Евгений Александрович Ронис р. 1931

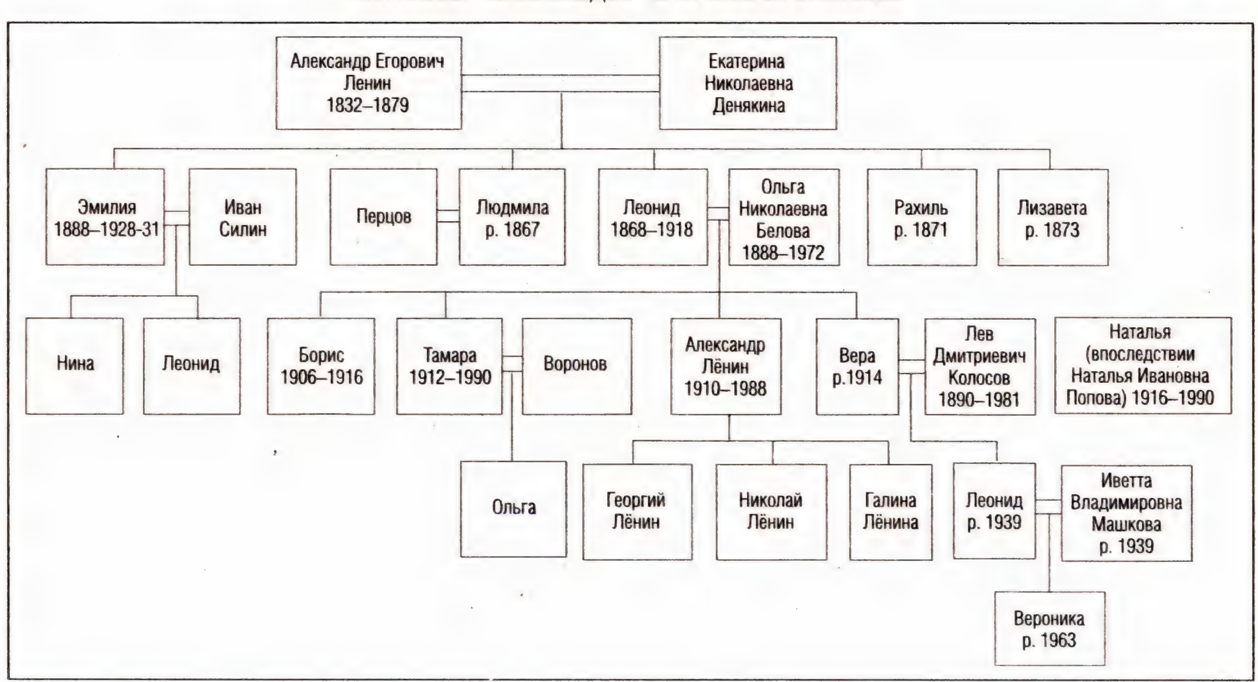
Татьяна Вячеславовна Гаврилова (р. 1967) Вторая жена А. Е. Рониса — Александр Евгеньевич Ронис р. 1961 — Елена Ивановна Маликова р. 1966

Антон р. 2001

Николай Александрович Ронис р. 1988

Приложение № 15

ПОТОМКИ АЛЕКСАНДРА ЕГОРОВИЧА ЛЕНИНА

Оглавление

М. Г. Штейн

УЛЬЯНОВЫ И ЛЕНИНЫ. СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

Ответственный за выпуск
С. З. Кодзова

Корректор
Т. В. Звертановская

Оформление обложки
И. А. Андреева

Подписано в печать 14.03.04
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Ньютон»
Печать офсетная. Бумага газетная
Уч.-изд. л. 30. Усл. печ. л. 26,88
Изд. № 04- 0287-ТВ. Тираж 3000 экз. Заказ 1136

Издательский Дом «Нева»
199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, 29

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в полиграфической фирме
«Красный пролетарий»
127473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16

Об этом человеке написано и рассказано столько, что, казалось бы, каждый день его жизни подробнейшим образом расписан многочисленными исследователями. Но, как оказалось, мы практически ничего не знаем о его семейной генеалогии. Вернее, все, что знали до сих пор, не соответствует действительности.

Почему на протяжении стольких лет замалчивалась правда о родословной Ленина?

Кем был на самом деле Владимир Ильич?

Кто были его предки и родственники в России и за рубежом?

Откуда происходили его корни?

Почему в годы Советской власти на подтверждение версии о русском происхождении В. И. Ульянова (Ленина) были брошены все силы и средства?

Как сложилась судьба потомков доктора Бланка?

Какова роль Сталина в умалчивании правды о семье Ульяновых?

Теперь мы можем ответить на все эти вопросы.

ISBN 5-7654-3608-0
9 785765 436080

НЕВА Хронограф

Тайны Великих

Ульяновы и Ленины

семейные тайны

М. Г. Штейн